

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

НАЧАЛО ПУТИ

Книга 3

МОСКВА
2018 г.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ 2014 г.

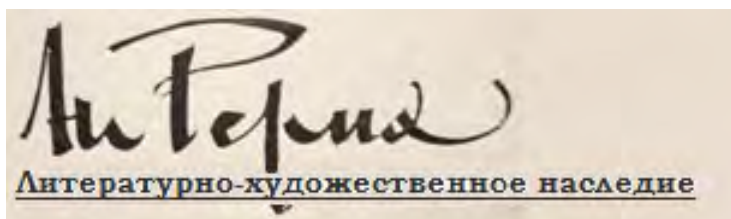
Серия «Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих «Великая симфония жизни»
(Автобиография)
Книга 3. НАЧАЛО ПУТИ

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха
Москва
[www: rerich9.sitecity.ru](http://www.rerich9.sitecity.ru)

Редакционная коллегия:

Ларкина Т.В.
Водолажская Т.Ю.
Болдырев О.Г.
Болдырева И.В.

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Заморские гости. 1901.

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1898 – 1901 гг.)

Книга 3
НАЧАЛО ПУТИ

Часть 1
ВСТУПЛЕНИЕ НА ПУТЬ ИСКУССТВА

Часть 2
СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА

МОСКВА
2018

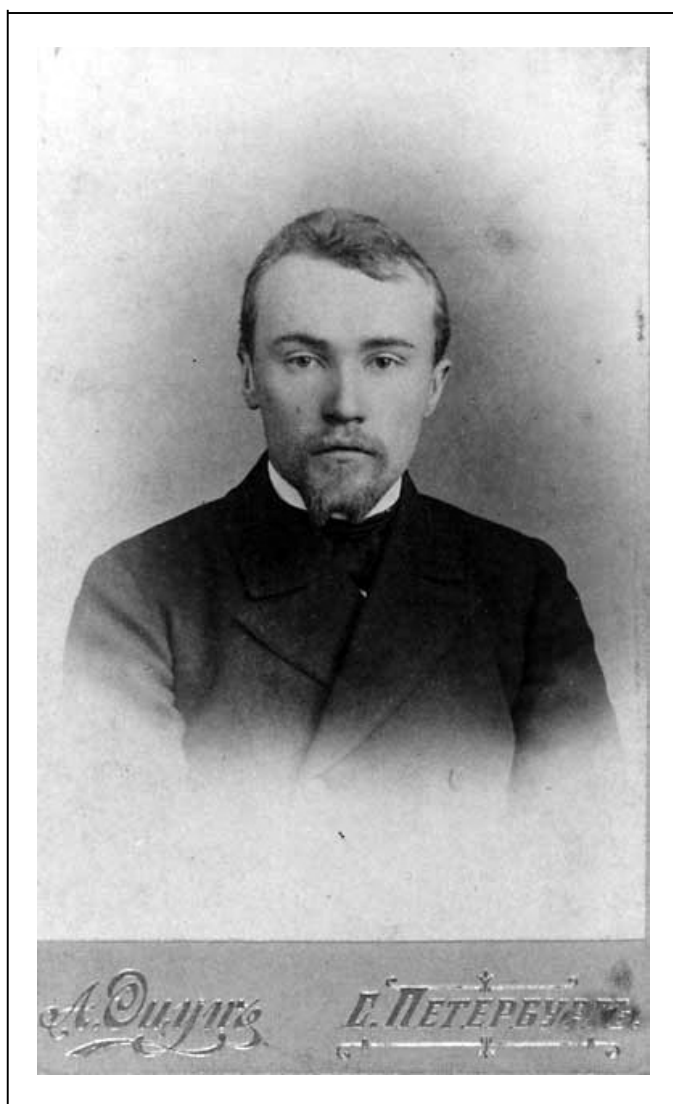
К 150-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

"Люди будут завидовать нам. Подумать только - мы жили в особое время, когда боги ходили среди людей, как когда-то в Древней Греции".

"Мы живём в истинно чудеснейшей эпохе человечества. И, может быть, будущие поколения создадут легенды о нас, а образы Елены Ивановны и Николая Константиновича будут окружены неувядающим лучистым ореолом. И тогда бесконечно счастливыми станут считать тех людей, которые когда-то имели возможность соприкоснуться с ними".

Рихард Рудзитис

Великому художнику, философу, путешественнику, археологу и человеку великого сердца, всю свою жизнь отдавшему на служение человечества посвящается ...

Н. К. Рерих. Конец 1890-х гг.

Часть 1

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПУТЬ ИСКУССТВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 1895 г. Рерих поступает в мастерскую Архипа Ивановича Куинджи – благодетельный оазис среди тогдашней Академии. Здесь веяло то бодрое чувство жизни, которым был богат сам учитель, здесь ценили самую живопись, здесь поощряли развитие, индивидуальности, позволяли затрагивать те темы, к которым чувствовалась склонность («Куинджи любил разнообразие замыслов»). Рерих работает здесь много, но держится как-то в стороне других участников мастерской и особенно любит работать дома, так как работа «на людях» причиняла иногда истинные мучения (черта показательная для характера художника).

В мастерской Рерих пробыл до осени 1897 г. до того дня, когда А.И. Куинджи покинул Академию, а, вместе с ним, представив в Совет картины, ушли и все его ученики. (Академия всё же удостоила протестантов званием художника; Рерих его получил за «Гонца», «Утро» и «Вечер богатырства Киевского»).

К осени же был готов и «Гонец» (писался он летом, в сенном сарае, в Изваре, всегда дарившей столькими здоровыми, хорошими переживаниями). Этой картиной, появившейся затем на отчётной академической выставке, художник обратил на себя всеобщее внимание («Гонец» тогда же был приобретён П.М. Третьяковым для своей галереи) и громко, и ясно заявил о своей уже сложившейся «художнической особи».

В «Гонце», написанном широкими, густыми мазками (тёмно-зеленоватая река, тёмное небо, груда тёмных приречных построек, ярко-жёлтый месяц), Рерих выявил первоначальную формулу своего искусства и наметил дальнейший свой путь.

Прежде всего, Рерих – прирождённый живописец, об этом свидетельствует весь красочный наряд «Гонца», хотя и оставляемый далеко позади последующими открытиями и вдохновениями автора, но для своего времени представлявший интерес первостепенной новизны. С истинно-живописным чувством сопоставлены эти тёмные, густые колера и таким уместным к ним кон-

трастом звучит золотой кусок молодого месяца. Свежо найдены и общие очертания построек на берегу и посланцев, плывущих в челноке. Трогает и то лирическое чувство северной природы, что движет всё полотно – художник рассказывает о летней, может быть, близкой к осени, чуть сырой, притаившейся ночи, когда еле-еле журчит речная струя, берега молчаливы и таинственны и вся земля покоится в тишине. Эти ноты сближают картину Рериха с пейзажными холстами Левитана и его школы, в конце века создавших чудесный и единственный гимн скромной прелести русских лугов, рек и лесов. Третьим отличительным признаком «Гонца» будет то непосредственное и свежее чувство прошлого, что так поразило тогдашних зрителей и что вот уже долгие годы воодушевляет все работы художника. Его подход к старине весьма отличен от всех прежних приближений к ней... На полотнах Рериха не видно ни всем известных, увенчанных историей и легендой, героев, ни обычной подстроенности сюжета, ни театральной композиции, ни её неоправданной нарядности, словом, не видно всего того, на что так были падки многие русские исторические живописцы. Художнику открылось не прикрашенное и не ложное лицо старины – открылось во всей своей здоровой, древней и сильной истине.

Острым взглядом увидел художник долины и холмы, расцветшие сотни лет назад, леса крепкоствольные и людей тогдашних, безликих, «сросшихся» с деревьями и лугами, и непобедимых этим... Посмотрите, как неожиданно и «истинно» изображён «Поход» (1899 г.) - по холмистой русской равнине, ещё покрытой снегом, поздним вечером, медленно движется крестьянская рать, движется нестройной «разбившейся» толпой, поднимаясь ленивым потоком на холм.

Подобное построение исторической композиции было столь чуждо пониманию современников, что даже поклонник русских тем, как Стасов, обронил в «Новостях» такие строки: «Жаль только, что все к зрителю спиной, и притом почти все опустили головы, словно от меланхолии, и глядят себе под ноги, ни у кого не видать никакой храбрости, мужества или хоть бодрости. Ведь кажется, их никто на войну плетью не гонит».

Те же новые голоса звучат и в холсте предыдущего года «Старцы сходятся» - в глухой предрассветный час, у священного дуба, сошлись предводители родов решать судьбы «своих людей»... В сумраке не видно лиц, не видно никаких «развлекающих» деталей и вся картина полна сгущённого, чуть жуткого настроения. Примечательно и её письмо – тёмные, широкие, как бы небреж-

ные мазки, набросанные с импрессионистическим чутьём (в этом смысле очень показателен эскиз картины, находящийся в собрании А.А. Коровина)

В колористическом отношении очень интересна и небольшая темпера 1899 г. - «Спас Нередицкий в Новгороде» (до реставрации), где так красиво сопоставление тающего снега, розовых стен церкви и мартовского вечернего неба.

Все эти три картины являются частью обширного задуманного тогда художником, цикла «Начало Руси. Славяне», посвящённого возвеличению наших предков. Первым звеном являлся «Гонец», затем «Сходятся старцы» и «Поход» и, наконец, позднейшие «Зловещие» и «Город строят».

Той же проповеди значительности родного прошлого посвящены и первые шаги общественной деятельности молодого художника (1897 – 1899 гг.) - он помещает статьи по вопросам искусства и старины в «Записках Императорского Археологического Общества», «Искусстве и Художественной Промышленности», «Новом времени» и «С.-Петербургских Ведомостях», читает лекции в Археологическом Институте (*показательна их тема - «Применение искусства в археологии»*); *должно отметить и его университетское зачётное сочинение «Художники древней Руси»; университет художник окончил в 1898 г.*); производит раскопки в Новгородской и Псковской губерниях.

И здесь, в этом царстве Археологии, издавна считавшемся царством скуки и застоя (даже самое слово «археолог» сделалось словом ироничным, а иногда и злым), Рерих проявляет себя всегда живым, искренно воодушевлённым поэтом: «Щемяще приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщится с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридешатое царство; шире и богаче развёртываются чудесные картины».

«Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!». (*«На кургане» 1899 г. - Н.К. Рерих. «Собрание сочинений», кн. первая, М. 1914 г., стр. 14-24.*)

«Поэзия старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляют поэзию будущего; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, вряд ли может так же сильно настроить кого-нибудь, как поэзия минувшего. Старина, притом старина своя, ближе всего человеку*)¹»...

Вот несколько строк, хорошо вводящих в «старинопонимание» Рериха-археолога. Движимая такими настроениями развивалась археологическая, весьма продуктивная и в научном смысле, деятельность его.

Монографии С. Эрнста «Н.К. РЕРИХ» здание Общины Св. Евгении. Петроград, 1918 г.

3*) «По пути из Варяг в Греки» 1900 г., там же, стр. 47.

1898 год

2 января 1898 г.

ХРОНИКА Московские вести

Третьяковская галерея обогатилась новыми картинами В.Е. Пурвита, Н.К. Рериха и Ф.Э Руцица.

Варшавский дневник. 1898. 2 января. № 2.

16 января 1898 г.

Отделение русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества в 1898 году

Протокол заседания Отделения 16-го января 1898 года

Под председательством С.Ф. Платонова присутствовали: Е.М. Бибииков, граф А.А. Бобринский, Н.И. Веселовский, В.Г. Глазов, В.Г. Дружинин, А.В. Комаров, А.Н. Неустров, В.Н. Поливанов, М.А. Полиевктов, С.Л. Пташицкий, Н.К. Рерих, А.Г. Туманский, Н.В. Султанов и К.А. Хрещатицкий.

.....

III

Н. К. Рерих, напомнив о старых вопросах местной археологии, указанных в прошлом сообщении* [*см. протокол заседания Отделения 19 сентября 1897 года в предыдущем томе «Записок»] и восстановив подробную картину составления археологических работ в С.-Петербургской губернии, познакомил собрание с раскопкою минувшего лета, произведённою г. Мальмгренем в с. Новая Буря Петергофского уезда, и указал на необходимость сравнения местных древностей с древностями Прибалтийскими, уже хорошо разработанными и представляющими большое богатство и разнообразие. Были указаны соответствующие раскопки Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, причём тип курганов везде, за малыми исключениями, был аналогичен типу насыпей С.-Петербургской губернии; подтверждением предположений явились курганы о. Эзель и Мон. Общие выводы следующие: курганный тип постоянен не только в С.-Петербургской губернии, но и в Прибалтийском крае; от будущих разысканий водских курганов новых типов ожидать нельзя; отличие водских курганов от новгородских будет лишь в незначительных деталях; можно ожидать в земле води находки грунтовых погребений; на какие-либо интересные находки предметов древности рассчитывать трудно. Граф А. А. Бобринский заметил, что характерные для Прибалтийского края фибулы с цепочкой отсутствуют в С.-Петербургской губернии. А. А. Спицын объяснил это вообще очень небольшим числом фибул и в Прибалтийском крае, а С. Ф. Платонов указал и на то, что ни один из известных торговых путей древности не пролегал в пределах территории раскопок.

IV

Н. К. Рерих показал опыт скульптурного (из глины) изображения погребения и указал на удобство подобных моделей и необходимость применения их на практике: описание, рисунок и лепное цветное изображение дадут действительно полную картину раскопки.

Записки Императорского Русского археологического общества, 1899. Том XI. Вып 1-2. С. 392 – 394. Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Выпуск 1. СПб. 2004.

**21 января 1898 г.,
Письмо Н. К. Рериха к С. Ф. Платонову**

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Простите, что даром побеспокоил Вас своими вопросами; — ибо мои добрые (а может быть, и недобрые) желания держать экзамены в исторической комиссии не исполнились — все родные, знакомые, мой учитель Куинджи — все восстали против такой затеи, так что мне пришлось уступить и снова вернуться к постылым правовым учебникам и наглухо набивать голову статьями. Придётся сидеть и денно и нощно — экзамены на носу.

Хотелось бы мне очень воспользоваться Вашим любезным приглашением на Среду, но, как это для меня ни соблазнительно, всё же придётся пока отложить — это будет одна из репрессивных мер, принятых мною для сосредоточения на юридических предметах.

Даже должен уничтожить на время не юридическое чтение и сочинение эскизов — иначе в апреле произойдёт моё полное посрамление.

Всего Вам хорошего, глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Предан Вам крепко и всегда готов к услугам Вашим. *Николай Рерих.*

Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки в СПб. Ф. 585, д. 4016, л. 2.

АПРЕЛЬ

1 апреля 1898 г.

**Императорская Археологическая Комиссия
в Императорский Российский Исторический музей**

СПб. 1 апреля 1898 г.

Препровождаем при сём для коллекций Императорского Российского Исторического музея две модели курганов Петергофского уезда, исполненных в 1897 г. художником Н.К. Рерихом, Императорская Археологическая Комиссия имеет честь покорнейше просить уведомить её о получении их. Одна из моделей изображает курган с трупосожжением, другая – курган с погребением трупа в сидячем положении, на кострище.

Председатель Граф А. Бобринский
Делопроизводитель Илья Суслов

Отпуск отношений № 516. РА ИИМК, указ. д., л. 6.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара, 1999.

8 апреля 1898 г.

Письмо Н. К. Рериха к С. Ф. Платонову

Христос Воскрес!

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Простите, что пишу, тогда как должен был бы придти лично, но чувствую себя настолько скверно, что боюсь: приду и разревусь как баба.

Экзамен через 3 дня, а, как оказывается, знаю предмет я из рук вон плохо и недобросовестно. Если я провалюсь мне одно останется – переключиться на исторический – юристики более сдавать не буду.

Простите, что беспокою Вас, но черкните мне пожалуйста строчку: можно ли это будет сделать на следующих комиссиях.

За год я овладею историческим курсом, тем более, что уже обладаю некоторой к нему подготовкой и придётся иметь дело с вещами, которые наполняют мою жизнь. Так что действительно можно показать некоторое развитие в данном отношении, а не шарлатанить.

Зачтётся ли мне юрид. курс? Можно ли надеяться?

Ради Бога простите, что бессовестно злоупотребляю Вашею всегдашнею любезностью и отзывчивостью.

Если бы Вы были так добры, и я получил бы ответ Ваш в Субботу или Воскресенье, это было бы мне чрезвычайно важно.

Настроение и состояние < > моё более нежели скверное.

Уважаю Вас глубоко и предан Вам крепко

Николай Рерих.

98. СПб.

В. О. Университетская набережная д. № 25 кв. 8.

Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки в СПб., ф. 585, д. 4016, л. 34.

Из воспоминаний З. Фосдик:

«На государственном экзамене по уголовному праву Рерих чуть не провалился, виной всему было излишнее волнение, всегда подводившее Н. К. Рериха на экзаменах. Зинаида Фосдик в своём дневнике записала рассказ Николая Константиновича об этом испытании:

«Экзаменовали двое: Файницкий и Ванновский, последний — ужасный зверь. Николай Константинович как-то высчитал, что его будет экзаменовать первый, и совершенно успокоился. Но вдруг, о ужас, оказалось, что его экзаменует Ванновский. „Тут... мой ум перепутался. Подхожу, вынимаю билет, чувствую, что ничего не знаю, и говорю ему:

— Я экзаменоваться не буду.

Тот говорит:

— То есть как это, ведь это государственный экзамен!

— А я всё-таки экзаменоваться не буду.

Тот посмотрел на меня и говорит:

— Вы здесь будете у меня так долго сидеть, пока не ответите.

Я обиделся и сел. Вначале он экзаменовал других, и я совсем и не слушал, потом у меня появилось желание им помочь в ответах, а после экзамена пяти людей он обращается ко мне и говорит:

— Ну что, будете отвечать теперь?

— Буду.

Ну и прекрасно ответил по всем вопросам. Тот, хотя и зверем был, но понял моё состояние в тот момент“».

Публикуется по изданию: З. Фосдик. »Мои Учителя«. С. 95–96.

МАЙ

*Май 1898 г., СПб.
Заявление Н.К. Рериха*

*В Императорскую Археологическую Комиссию
От
Художника Николая Константиновича Рериха*

Заявление

Известившись о некоторых новых пунктах, требующих осмотра и по всей вероятности раскопок (в пределах моих прежних археологических разысканий), имею честь покорнейше просить, по примеру последних лет, выдать мне открытый лист на право производства раскопок в пределах Сосницкой волости, Царскосельского уезда и Петергофского уезда.

Николай Рерих

Васильевский Остров.
Университетская набережная, 25.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1. № 117/1898, л. 1.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара, 1999.

ИЮНЬ

*1 июня 1898 г. Извара.
Прошение Н.К. Рериха
в канцелярию Императорской Археологической Комиссии.*

Не имея возможности в скором времени приехать в Петербург за открытым листом, покорнейше прошу канцелярию Императорской Археологической Комиссии выслать мне открытый лист пакетом по адресу: Балтийская железная дорога. Станция Волосово, Мыза Извара. Николаю Константиновичу Рериху.

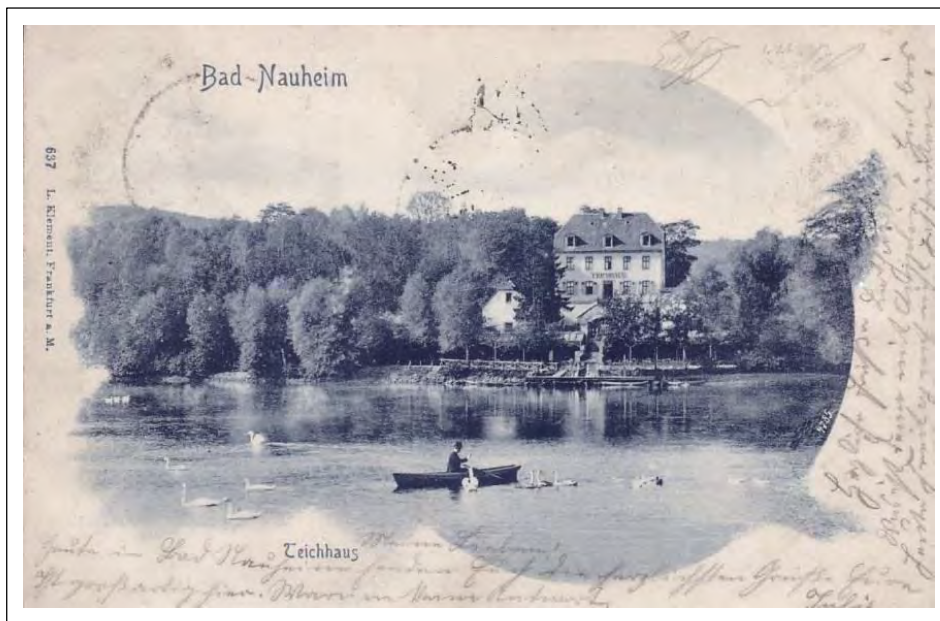
С почтением

Николай Рерих

Извара. 1/VI 1898.

Автограф. РА ИИМК, указ. д. л 41.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара, 1999.

Bad Neuheim.
(Открытое письмо 1899 г.)

23 июня/ 5 июля 1898 г. Bad Neuheim.
Открытое письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху

Bad Neuheim
Вторник 23 июня / 5 июля 98.

Вот как поздно, наконец, собрался я к Вам написать, Николай Константинович! Что делать, не моя вина!! В Берлине я пробыл мало, всего 1 ½ дня, в Париже 10 дней, и всё в великих работах, то читал, писал и смотрел (последнее в персидских и тюркских рукописях, откуда Вы увидите у меня, осенью в Публ. б-ке, удивительные копии с Тамерланом, его женами и двором чего я никогда ещё не видал, даже в Лондоне!!), подыскивал разных старых и новых знакомых, от которых получал множество сведений для будущих работ, художественных и иных, читал чёртову пропасть газет всех оттенков (всё это читал в постели, рано утром, либо поздно вечером, а то иначе некогда было!), наконец, проводил время на выставках и у Антокольского в семействе, да вдобавок писал кучу писем домой и родным - вот, значит, опять не приходилось писать на Извару.

Наконец, приехал сюда, и тут принялся за настоящее своё писание и скоро послал в "Новости" две больших статьи, из которых одна и напечатана там 14-го июня, а другая печатается там, вероятно, сегодня, 23-го (мне недавно прислали сюда корректуру). Я так усердно и настойчиво писал их, что даже целый день не выходил со двора, и до вечера не ел!

Ну-с, кроме того, опять писал пропасть писем в Петербург, в Москву, в Казань, в Париж, Лондон, многие разные места Германии – всё это ответы на разные скорые дела, вопросы, запросы и т.д. Да, вдобавок ко всему этому, начал писать свою КНИГУ, помните, я давно Вам рассказывал про неё? И написал уже там кое-что.

Гуляю только по вечерам на террасе Кургауза, или у Лебединого пруда, и то только с 8-и до 10 ч. вечера, а то, пожалуй, геморрой сделается от сиденья!

Читал я здесь тоже ужасно много – всё приготовления к моему предмету! Мои комнатки здесь (обе очень веселенькие, одна с балконом на главную аллею парка) настоящий кабинет библиотечный – так много книг, и вся этажерка, и весь стол наполнен стоящими и лежащими книгами, бумаг тоже кипа, - у меня даже есть 4 громадных тома лексикона Ларусса, помните, Вы видали у нас в б-ке!

Вот как у меня идёт время! Событий – никаких! Читаю да пишу, пишу да читаю, да для диверсии болтаю на променадах по террасам с цветами – немало русских. Правда, была ещё одна диверсия: в Воскресенье смотрел в большом зале Кур. Гауза, освещённого электричеством, словно наше Дворянское Собрание, - смотрел, кого Вы думаете? Фокусника, украшенного словно Скобелев или великий Князь какой-то, множеством орденов, звёзд и медалей (откуда он всё это набрал - один чёрт знает!!) И было всё премоило и пречудесно! Само собою разумеется, из маленького портмоне у него вдруг выскакивали огромные длинные палки с флагами, из небольшой чьей-то шляпы из публики он вдруг выматывал аршин 100 тесёмок, сцеплял их и в 10-и саженьях от него, вдруг повисали на зеркалах часы, взятые у кого-нибудь из нас, в зале, и т.д., и т.д., как быть следует – и мне это полезно было смотреть, смеяться и хлопать, потому что голова начала побаливать от натуги и работы. – Ну-с, вот это всё я.

Теперь спрашивается, что Вы-то? Кто и что? Как живёте и что делаете, и что выдумываете и что задумываете? И много ли всякого славянства навывдумывали? И много ли удалось? Авось напишете, и даже поспеете сюда! Думаю пробыть здесь ещё недели 1 ½, или даже 2, этак, до 5-6 июля, нашего; жду сюда ещё и некоторых русских знакомых!

А вот, слышали ли Вы, или читали, что Репин всё-таки поехал в Палестину, делать этюды местности для своей картины: “Искушение Христа дьяволом”. Ведь не удалось, все ему это говорили, и он сам сознавался – однако всё-таки упорно поехал! Но тут что случилось: раньше Одессы у него вытащили 2000 рублей из кармана – не знаю, как он дальше продолжал дорогу.

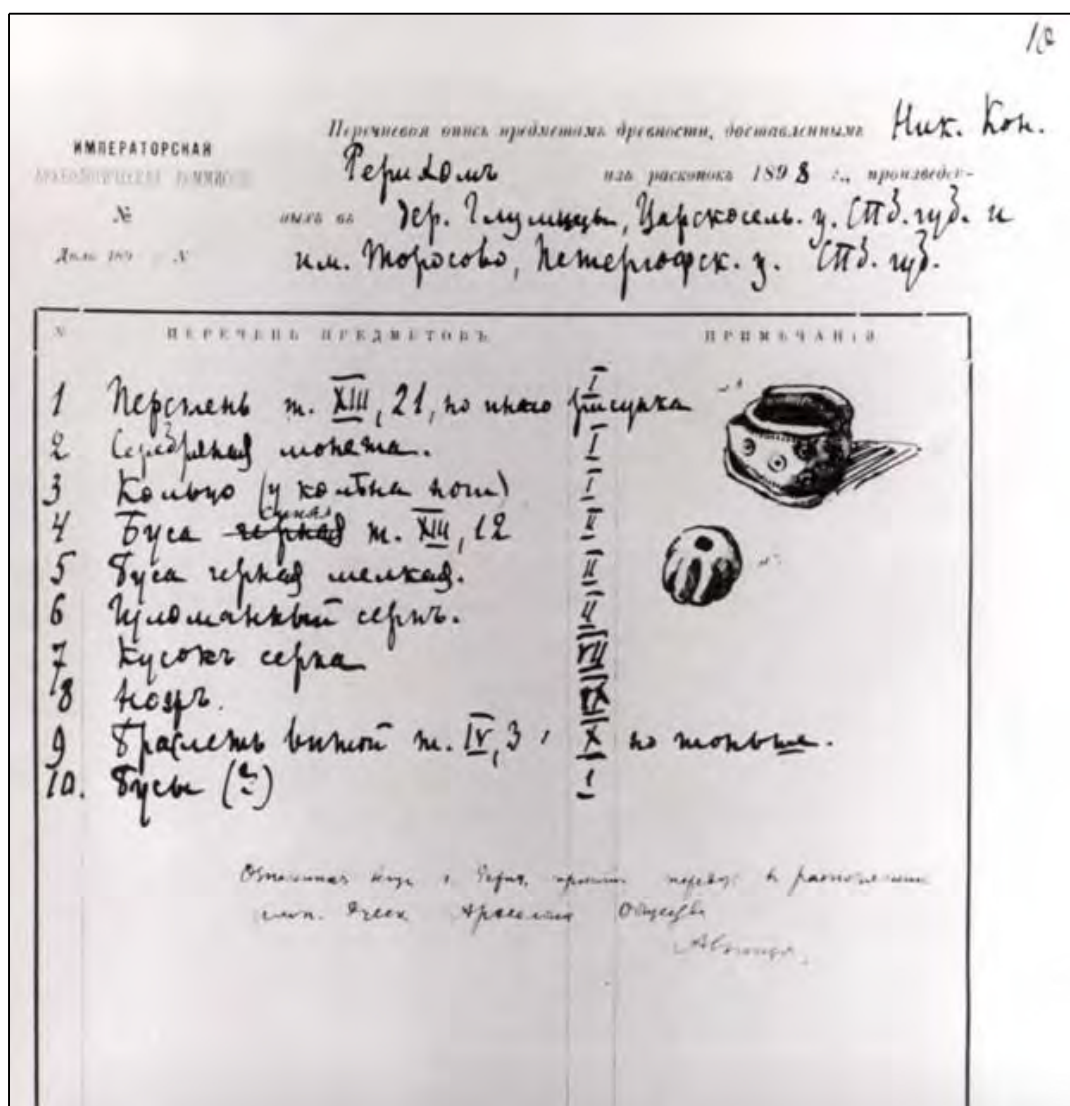
Вот это одно художественное событие, а вот ещё другое. “Декадентский староста”, т. е. Дягилев, напечатал в “Петербур. Газете” (ещё 25 мая, не видели ли Вы?) почти манифест, где рассказывал, явно для художников, кто пожаднее и позагребастее, что у их журнала = 100 000 рублей, а для публики (и главное, купцов), что журнал их будто национальный художественно-промышленный, и от сих пор начнётся поворот в нашем искусстве, которое давно «неудачно», а теперь сделается удачным и хорошим, и известным всей Европе. Что, худо?! Кажись, мне всю осень и зиму придётся вести жестокую битву и производить великие сражения. Авось и Вы будете участвовать с нами в битвах? Пишите же.

Ваш В.С.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1321, 2 л.

ЛЕТО 1898 г.

«Перечневая опись предметам древности, доставленным Н.К. Рерихом из раскопок 1898 г., произведённых в деревне Глумицы Царкосельского уезда Санкт-Петербургской губернии и имении Торосово Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии». (Оригинал в РА ИИМК.)

Раскопка 1898 года при деревне Глумицы Царкосельского уезда и при имении Торосово Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии

Небольшие раскопки, произведённые мною настоящим летом, носили поверочный характер, сосредоточиваясь у центра прежних работ Л. Ивановского. Чем больше приходится знакомиться с местностью, тем большую неточность дневников прежних работ, к сожалению, приходится отмечать, и не-

точность в большинстве случаев уже невозполнимую. Для примера укажу несходство данных дневников Л. Ивановского с натурой хотя бы на небольшом районе центра его изысканий, вёрст 30 диаметром. (Иду от центра).

Деревня Озертицы. Показаны 2 группы, тогда как на самом деле их там 4, на значительном расстоянии, с насыпями разного типа. Погребение, относимое к X веку, легко могло находиться в отдельно стоящем на поле кургане, особо больших размеров, плотно сложенного, по-видимому, былой конической формы. Озертицкие группы раскопаны Л. Ивановским дочиста, так что проверка невозможна.

Деревня Заполье. Полевая группа (11 курганов) обычного типа с валунным кольцом основания вовсе не показана. Она раскопана вся Л. Ивановским.

Деревня Захонье. Не показан отдельно стоящий на поле курган, раскопанный Л. Ивановским.

Деревня Рабителицы. Вместо двух раскопанных групп показана и описана одна, большая; между тем как меньшая (до 20 курганов) по внешнему виду должна была быть характерна.

Деревня Волосово. Показаны две группы; одна, состоящая из 300 насыпей, между тем в натуре существует лишь одна меньшая.

Имение Торосово. Показана одна лесная группа, а раскопаны две, разного типа.

Имение Калитино. Раскопаны две группы, тогда как показана лишь одна.

Имение Ославье. Не отмечен раскопанный отдельно стоящий курган.

Деревня Реполка. Крестьянами Л. Ивановскому были доставлены предметы древности, найденные ими случайно при добывании песка из древнего могильника. (Быть может, эти предметы находятся в числе находок из **Селища**, где в то время Л.К. Ивановский находился).

Имение Тарасино. Не показана раскопанная Л.К. Ивановским группа.

Деревня Лисино. Вместо трёх раскопанных групп показана лишь одна.

Подобные недомолвки и перестановки, не меняя сущности дела, всё же чрезвычайно мешают всяким обобщениям и заключениям, например, хотя бы о смешанном составе групп.

При **деревне Глумицы** раскопаны мною два кургана, в огородах деревни, вершины насыпей были срезаны для устройства рассадника.

Курган № 1.

Высота кургана..... 2

Диаметр кургана..... 9

Обычное каменное кольцо основания заменено двумя валунами на Восток и Запад — в головах и ногах. Сложен курган из потного суглинка. На обычном зольном слое всего основания, в центре, помещался мужской костяк, в сидячем положении, лицом на Восток. На среднем пальце левой руки — перстень № I [тип XIII, 21, но иного рисунка], в правой руке монета № 2. Руки сложены у лонного соединения. Кость сохранилась хорошо. У левого колена колечко № 3. Около груди бусы (?) № 10.

Курган № 2.

Высота кургана..... 1

Диаметр кургана..... 6

(На Север от предыдущего). Почти вся масса земли кургана содержит вкраплины угля. На зольном толстом слое основания женский костяк, сидя. В левой руке сломанный серп. В основании каменного кольца нет. [Буса синяя № 4, тип XIII, 12].

При **деревне Роговицы** раскопано 4 кургана, из них три расположены рядом с Севера на Юг. Самый большой в северной стороне. За исключением северного, все сильно распахан. Грунт суглинок. Насыпи полушаровидные.

Курган № 3.

Высота кургана..... 1

Диаметр кургана..... 5

Каменное кольцо основания отсутствует. На глубине $\frac{1}{2}$ арш. с поверхности небольшой слой золы. На поверхности материка слой золы и угля до 1 вершка толщиной. Ничего не найдено.

Курган № 4.

Высота кургана..... 1

Диаметр кургана..... 4

Совершенно аналогичный предыдущему. Около центра в восточной стороне насыпи большой плоский булыжник, сильно обожжённый. Около него слабый признак обожжённой кости.

Курган № 5.

Высота кургана..... 2 $\frac{1}{2}$

Диаметр кургана..... 9

По всей поверхности много плиты и булыжника (как бы свод). Сложен плотно. На $\frac{1}{2}$ арш. с поверхности небольшой слой золы. На глубине 1 арш. в сидячем положении женский костяк, направленный с Северо-Запада [на] Юго-Восток. (Нельзя ли отклонения от обычного северо-восточного направления объяснить временем года, где солнце заходит?). Под костяком естественный обрезанный пригорок. Это пока единственный случай, где бы для погребения выше уровня было утилизировано естественное возвышение. Под костяком слой золы. Таким образом, картина получается следующая. [...] Форма кургана коническая.

Курган № 6.

Высота кургана..... 1

Диаметр кургана..... ?

Сильно распахан. На поверхности материка слой золы до 1 вершка толщиной. Камня нет.

Имение Торосово. Лесная группа почти вся раскопанная Ивановским. В основании каменное кольцо, иной раз весьма редкое. Земля глинистая. Насыпи расплылись. Кость сохранилась очень плохо.

Курган № 7.

Высота кургана..... $\frac{3}{4}$

Диаметр кургана..... 7

[...] На поверхности материка костяк, плохо сохранившийся, по-видимому, сидя. Под ним небольшой слой золы. С левого бока кусок серпа № 7. Направлен с Северо-Запада на Юго-Восток.

Курган № 8.

Высота кургана..... $\frac{1}{2}$

Диаметр кургана..... 7

На глубине $\frac{1}{4}$ арш. с поверхности кургана череп, плохо сохранившийся. На материке признаки трубчатой кости и тонкий небольшой слой золы. Каменное кольцо основания неровно и прерывается.

Курган № 9.

Высота кургана..... $1 \frac{1}{2}$

Диаметр кургана..... 8

Совершенно аналогичный № 7. Кость плохо сохранилась. По левую сторону костяка остаток ножа № 8. Направление костяка с Запада на Восток.

Полевая Торосовская группа, состоящая из 15 курганов, представляющих 2 концентрированных круга. (В 180-200 шагах от предыдущей). Грунт — песок и мелкий плитняк. В основании обычное каменное кольцо, на Востоке и Западе два валуна особой величины. Один курган оказался не раскопан.

Курган № 10.

Высота кургана..... 2

Диаметр кургана..... 6

На глубине 1 арш. костяк в сидячем положении, лицом на Восток, под ним небольшой слой золы и угля. Под золой песчаное возвышение. [...]

Около **деревни Дамище** (Царскосельского уезда) находится большая неисследованная курганная группа (но дорога очень плоха).

Литограф. РА ИИМК, ф. 1, № 117/1898, л. 6-9.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. Самара, изд. «Агни». 1999.

Н.К. Рерих. Курганы. 1890-е.

АВГУСТ

Этюды и наброски старцев к картине «Сходятся старцы». 1897-1898 гг.

7 августа 1898 г. Извара.

Письмо Н.К. Рериха в книжный магазин.

В середине Июня отправил я письмо в Ваш книжный магазин с просьбою выслать мне книгу. Прождав до 10 Июля и думая, что письмо не получено, (ибо не предполагал такого халатного отношения по исполнению заказов), я приобрёл себе требуемую книгу через другой магазин. 15-го Июля получаю от Вашего магазина посылку, которую я уже не мог принять и отказался, сделав на повестке надпись, что «ввиду позднего исполнения заказа принять не могу».

Вчера я получил новое письмо от Вашего книжного магазина о той же книге, на которое и отвечаю, что книга мне более не нужна, что нельзя было ожидать исполнения заказа 3 ½ недели.

Извара 7 августа 98.

Николай Рерих

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/107, 1 л.

СЕНТЯБРЬ

[Сентябрь 1898 г.]

Письмо Рериха Н.К. к [Покровскому] Николаю Васильевичу¹

Глубокоуважаемый Николай Васильевич.

Недавно en petit comite читал я свою будущую вступительную лекцию по художественной технике. Сам я ею недоволен, но на присутствовавших она произвела настолько выгодное впечатление, (особенно ободрял её Владимир Вас. Стасов), что я беру смелость спросить у Вас: нельзя будет поместить её в Известиях Института?

Я не знаю, когда именно выходят выпуски, но, если бы потребовалось, то я могу доставить Вам рукопись хоть теперь же.

Мне очень бы важно и приятно было знать Ваше мнение о моём писанье. *В настоящее время усиленно работаю над картиной с самым археологическим древнеславянским содержанием.*

Простите, что беспокою Вас моим предложением.

Предан Вам и глубоко Вас уважаю.

Осенью, если позволите, принесу в дар Институту этюд курганов.

Николай Рерих

Балтийская ж.д. Ст. Волосов. Мыза Извара
Ник. Кон. Рериху

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/118, 1 л.

«В настоящее время усиленно работаю над картиной с самым археологическим древнеславянским содержанием...»

Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898. Эскиз.

¹ Н.В. Покровский (1848-1917) - русский археолог и общественный деятель. Директор Археологического института, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член-учредитель Русского собрания.

Из статьи Н.К. Рериха «На раскопке в Водской пятине (СПб.)». 1899 г.:

«В Царскосельском уезде указывают места, где, по преданию, некогда стоял огромный дуб, под который собирались из местных поселений. Место красивое, высокое; невдалеке озеро, судя по берегам, бывшее прежде значительно больше. Раскопкою обнаружены сгнившие остатки толстых дубовых корней, на некотором от них расстоянии найдены груды золы, толщиной до $\frac{1}{2}$ арш. — места старинных костров. В золе оказались черепки горшков, если не соответствующих таковым от XII века, то всё же далеко не современного строя. По словам верных людей, бывший старик, умерший лет 20 назад, помнил остатки этого дуба, к нему собирались по праздникам хороводы водить. Если это так, то как долго прожил древнейший славянский обычай!

Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898. Эскиз.

За дальним Перуновым озером,
В заповедном от дедов урочище
Стоит над яром высокий дуб.
Любил Сварожич то дерево,
А славяне ильменские чтут его.
Место вокруг дуба утопано.
Горит под дубом святой огонь,
К дубу сходятся родичи:
«Стоять ли земле без хозяина?»
Старцы земли Новагорода
Сойдутся под дубом раскидистым.
Ворон на дубе не каркает,
На небе заря разгорается —
Скоро Ярило покажется —
Засияет, блеснёт красно солнышко —
И проснётся земля Святорусская.²

² См. ОР ГТГ, ф. 44/1335, л.2.

Сходятся старцы. Эскиз к картине. 1898.

Фигуры старцев. Наброски к картине «Сходятся старцы». 1898.

27 сентября 1898 г. С.-Петербург.

ХРОНИКА

Нотариус города С.-Петербурга Константин Рерих увольняется, согласно прошению, от должности.

Нотариусом г. С.-Петербурга назначается присяжный поверенный округа С.-Петербургской судебной палаты Яков Сахар.

Биржевые ведомости. 1898. 27 сентября/9 октября. № 263.

30 сентября 1898 г. С.-Петербург.

Императорский Археологический институт в Санкт-Петербурге, основан в 1877 г.
(Здание, в котором находился Институт, современное фото)

ХРОНИКА

Вчера, 28-го сентября, в Археологическом институте художником Н.К. Рерихом была прочитана вступительная лекция по введённому с настоящего года предмету: “Художественная техника в применении к археологии”. Лектор рассмотрел взаимоотношения науки и искусства вообще и археологии в исторической живописи в частности. Между прочим, была намечена программа будущих занятий, теоретическая часть которых будет состоять в ознакомлении с художественно-археологическим делом на Западе, с делом иконописным, с реставрацией масляной живописи, с основами мозаики, с делом печатным и перспективою, а практическая – в разнообразном рисовании, письме красками и лепке. Лекция вызвала одобрение; предложение практических занятий встречено сочувственно.

Новое время. 1898. 30 сентября/12 октября. № 8115.

ИСКУССТВО И АРХЕОЛОГИЯ

"И потому первое дело: не стеснять искусства разными целями, не приписывать ему законов, не сбивать его с толку, потому что у него и без того много подводных камней, много соблазнов и уклонений"...

(Достоевский, IX, 82)

"Chercher la Nature, la vraie, non telle que nous l'avons faite, mais telle qu'elle s'est faite elle-même; l'observer avec les yeux qui nous été donnée pour la voir, non avec les instruments que nous avons fabriqués la déceler, et avec le coeur qui nous a été donné pour la sentir, non avec la raison que nous avons perfectionnée pour la comprendre, - tout l'Art est là.

Ensuite, pas de règles, pas de recettes, liberté entière - et à Dieu, vat!..."

("Ruskin et la religion de la beauté", par Robert de la Sizerannt.)¹

В настоящее время изо дня в день всё громче и громче слышны голоса, устанавливающие миссии искусства, указывающие на значение художественного образования; раздаются призывы, требующие повышения общего художественного уровня.

Не может оставаться не причастным этим требованиям и наш будущий предмет.

Насколько мне известно, ни в наших, ни в соответственных иностранных учреждениях подобного предмета пока ещё не имеется, и это обстоятельство накладывает на нас особую ответственность и заставляет сделать в начале некоторые кажущиеся отступления. Чтобы сознательнее приступить к работе, чувствуя её пользу и целесообразность, придётся упомянуть многое, с виду простое, слишком известное, совершенно излишнее, если бы речь шла о предмете обычном, тем более что понятие художественной техники неразрывно связано с понятием искусства вообще. Нам надо, прежде всего, согласиться насчёт элементарных основ искусства, значения науки для искусства и других необходимых вопросов, т. е., иначе говоря, надо поднять определённое знамя.

Многие стороны археологии до того поэтичны, что археолог не может не быть художником, хотя бы только в душе, а потому не сомневаюсь в том, что вижу перед собою лиц, любящих искусство и всё до него относящееся.

¹ "Искать Природу, настоящую, не такую, какой мы её сделали, а такую, как она есть сама по себе, на самом деле; наблюдать за ней не с помощью инструментов, которые мы изобрели, а глазами, данными нам, чтобы её видеть, и сердцем, данным нам, чтобы её чувствовать, а отнюдь не разумом, усовершенствуемым нами в попытках понять её - в этом и состоит искусство. Отныне никаких правил, никаких рецептов, полная свобода - и с Богом!..." (*"Рёскин и религия красоты" Робера де ла Сизеранна*)

Если только история искусств, со входящими в состав её понятиями древней художественной техники, - наука, то из заглавия нашего предмета надо заключить, что он явится равноправным подданным двух столь противоположных областей, каковы наука и искусства, и непрестанно должен будет перемещаться с одной территории на другую.

Не правда ли, при упоминании параллели искусства и науки получается какое-то странное, угарное впечатление; вспоминаются уже посеянные споры: об искусстве для искусства, утилитарном направлении, несогласимости законной науки с незаконным искусством, несовместимости деятельности художника и учёного и прочие вопросы *noli me tangere*².

В самом деле, где уж тут говорить о предмете, который, кроме научной стороны, придёт в близкое соприкосновение с искусством, и деятели его хоть до минимальной степени должны будут оказаться художниками, когда одни, подобно Прудону, дают художнику некоторые индальгенции в отношении нравственности, другие, например, Шербюлье, говорят, что художника волнует то, к чему толпа равнодушна, и он холодно относится к тому, что волнует её. В политических событиях его интересует только их внешняя, образная сторона, т.е., иначе говоря, художник оказывается чем-то изолированным, отделённым какою-то китайскою стеною от прочего общества, а в том числе и от учёных. Ренан говорит: "Придёт время, и великий художник станет чем-то ветхим, почти бесполезным; наоборот, учёный будет господствовать больше и больше".

Учение других ещё проще: искусство оказывается вовсе не нужным, занятие поэтов, музыкантов и живописцев - дело пустое. Гомер, подобно теории Платона, должен быть изгнан из государства, как развратитель нравов. К сожалению, подобные взгляды имеют до сих пор не один исторический интерес; нечто похожее можно встретить в обществе довольно часто в обиходе сплошь и рядом искусству приходится выслушивать комплименты не меньшие. У Платона и не могло быть иного вывода о целесообразности занятия художников, ибо подражать какой-то грубой подделке, создавать какую-то тень тени - труд действительно незначительный, но какое же основание у современных гиперкритиков искусства?

Положим, в создании такого отношения к искусству отчасти виноваты сами художники. Они, по замечанию гр. Л. Толстого, подобно богословам различных толков, исключают и уничтожают самих себя. Если искусство представляется самопроизвольным выражением пробудившейся духовной природы, то какое растлевающее влияние на составление понятия искусства должны оказывать легионы невозможных, извращённых произведений, фигурирующих на наших выставках, созданных по принуждению, лишь ради хлеба насущного! Запутывают дело и пишущие об искусстве - они стали до того разноречивы, что трудно в какой-либо иной области встретить столь грубые противоположности, как в области эстетики. Как бы то ни было, но мы искренно сожалеем учёного, занимающегося искусством: "Способный человек и сколько времени попусту тратит", - говорим мы, и говорим даже в случаях весьма серьёзного отношения к искусству. Имя Бородина композитора куда переживёт Бородина учёного, а как в своё время многие сожалели о нём и порицали за трату времени! С другой стороны, попробуй художник-

² Не тронь меня, не прикасайся ко мне (лат.). - Ред.

профессионал заняться какой-либо наукой, - а это часто бывает насущностью, потребностью души, и едва он заинтересуется какой-либо отраслью и перешагнёт за границу дилетанства, - сейчас же все его научные начинания относят на счёт его художественной неспособности, бездарности. Классические примеры Леонардо да Винчи и Микеланджело в счёт нейдут, или, в лучшем случае, их считают за каких-то wunderkinder'ов, или неверно толкуют о микроскопическом размере тогдашних наук, позволявшем такое соединение. До последнего времени скептически относились к научным заслугам да Винчи; теперь же, когда доказана его научная чуть ли не гениальность, - кажется, склонны умалять его художественное значение. Такова непримиримость этих принципов! И научное и художественное значение вместе - вероятно, вовсе невозможно признать!

Если между факторами науки и искусства проводится обыкновенно столь резкая, исключительная грань, то сами понятия выдерживают несравненно большее сопоставление. Истинными учёными область искусства не только не игнорируется, - напротив, она их интересует сильно. Кроме энциклопедистов, такие мыслители, как: Спенсер, Карлейль, Лейбниц, Кант, Гартман, Шопенгауер и мн. другие, не проходили равнодушно понятия искусства, чувствуя, сколь важную роль оно играло всегда.

Из современных мыслителей Джон Рёскин и гр. Толстой говорят о взаимоотношении искусства к науке следующее. Гр. Л. Толстой, в своей недавней статье об искусстве, замечает, что искусство не есть наслаждение, утешение или забава, искусство - есть великое дело. Искусство есть орган жизни человечества, переводящий разумное сознание людей в чувство. Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как лёгкие и сердце, так что если один орган извращён, то и другой не может правильно действовать. Наука и искусство подобны баркам с завозным якорем. Наука как те лодки, которые завозят вперёд и закидывают якоря, даёт направление движению; искусство же как тот ворот, который работает на барке, подтягивая барку к якорю, - совершает это движение. В точно таком же направлении высказывается и Джон Рёскин. Он учит: наука - познаёт, искусство - воспроизводит; наука знакомит нас с явлениями, искусство же с их влиянием на душу. Признавая факты, открываемые наукою, искусство проникает в сущность и раскрывает нам их духовное значение. Оно не только познаёт внешнюю истину, но стремится открыть и внутренний смысл явления, и, насколько мир духовный обширнее мира материального, настолько и область искусства обширнее области науки. В каждом предмете имеются две стороны - форма и сущность. Истинное искусство проникает через внешнюю оболочку и схватывает сущность. Таково значение всякого произведения, заслуживающего название художественного. Всё остальное - просто подражание. Итак, всякая отрасль искусства велика, хороша и истинна только как явное проявление работы человечества в высшем и совершеннейшем виде, т.е. работы не руки и не пальцев, а души. Таким образом, и для искусства, и для науки находится своё самостоятельное, почтенное положение, не чуждого серьёзного взаимного влияния. Из учения Рёскина и гр. Толстого ясно, насколько почтительно должен относиться к искусству учёный и как неразрывно связан с наукой художник-творец, который да не обращает внимания, если его научные занятия будут отнесены на счёт его бездарности художественной.

Вряд ли уместно и необходимо распространяться здесь о значении и особенностях истинного художника - это прямого отношения к нашей задаче не имеет, тем более, что времени в нашем распоряжении и без того не много; а насколько всё указанное относится до профессионала-учёного, т.е., иначе говоря, насколько учёный может и, смею думать, должен быть художником - с этим ещё встретимся.

Под учёным-художником здесь, конечно, предполагается учёный, располагающий художественным хитроделием в специальном значении; тут не могло быть и речи о художниках-учёных, руководимых карлейлевским "insight", тех поэтах науки, движимых, по словам Фарадея, экстазом, поднимавшим его "над самим собою", хотя даже узко понятые художественные занятия - всё же, без сомнения, немало способствуют развитию столь необходимого поэтического миросозерцания.

Говоря о возможности соединения науки, в данном случае - археологии, с искусством, мы прежде всего должны иметь в виду точки их возможного соприкосновения; нам необходимо рассмотреть, что они дают друг другу, и выяснить их влияние на взаимное развитие. Результаты таких наблюдений оказываются довольно богатыми: чем больше будем всматриваться во взаимоотношения археологии и искусства, тем ясней и рельефней, как паутина под микроскопом, выступят значительные узы, их связующие. Трудно сказать, которая из этих областей является объектом эксплуатации со стороны другой, - они обе необходимы друг другу. У нас, конечно, центр тяжести будет сосредоточен на пользе, оказываемой искусством археологии; поэтому предварительно взглянем с полёта на обратную сторону, - для полноты картины рассмотрим сначала услуги, оказываемые археологией искусству. Несмотря на обширный материал и вероятный интерес, в видах экономии времени, не решаюсь очертить влияние археологии на все отрасли искусства. Уже при одном перечислении должно представляться, какую немаловажную роль играет археология в сценическом искусстве, в поэзии, в музыке, в архитектуре. Придётся немного остановиться лишь на наиболее относящихся к нашему делу - живописи и скульптуре.

* * *

Без конца ломаются копья за искусство; на художников сыплются нарекания в безыдейности, в искусстве для искусства, в тенденции, и во всех этих разноголосицах самую, так сказать, бесспорную отрасль будут живопись и скульптура историческая, в самом широком значении, включая сюда изображения религиозные, собственно исторические, т.е. представляющие известное историческое событие, достоверность которого основана на определённом источнике, напр., летописи; затем, изображения историко-культурные, или так называемый исторический жанр и, наконец, изображения мифологические и сказочные.

Eadem sunt omnia semper³. Стремление к жизни, таинственность смерти, чувство величия природы - всегда неизменны. Горести, печали, радости и прочие душевные движения имеют то же основание, что в 19-м, что в каменном веке, и рядом с этим соображением исторические произведения, по самой своей сущности, не могут быть лишены идеи, в большинстве случаев самой

³ Там всё существует всегда (лат.) - Ред.

чистой, выросшей из порыва бессознательного чувства вдохновения. Надо думать, не найдётся хоть сколько-нибудь настоящего художника, который бы решился нарушить обаяние исторического сюжета - предвзятой идеей, тенденцией, заменил бы свободную поэзию - наставительным, монотонным говором рассудка. Опять же и то важно, что историческое художество исключает фотографичность, или, по крайней мере, даёт соответствующее служебное положение этому бичу теперешнего художественного творчества, ибо пользоваться современной натурой при создании исторического произведения надо - больше, чем осмотрительно; ставя обыкновенного натурщика для изображения исторического типа или фигуры очень отдалённой эпохи, можно не только испортить всю работу, но даже погубить идею в собственных глазах. В этом случае невольно припоминается, что, по некоторым теориям изящных искусств, "отличительная черта художника - обожание природы, этого неисчерпаемого источника всевозможных образов, но обожание, соединённое с каким-то тайным презрением к реальному бытию".

Известное нарекание на искусство, что "стоит ли труда превращать реальные предметы в простое изображение для того только, чтобы показать ими то, что каждый из нас может видеть в натуре", - минует историческое творчество. Недаром же оно считается и обществом, и художниками творчеством высшего разбора; для поддержания и пропаганды его устраиваются специальные художественные общества: у нас подобное стремление выразилось в недавно образовавшемся Московском Обществе художников исторической живописи. Хотя это Общество пока и не принесло ничего существенного исторической живописи, но уже самый факт его возникновения и существования указывает, насколько данный вопрос стоит на очереди и занимает умы.

Всё наиболее поэтичное, естественно, привлекает к себе художников, - безразлично, какого рода будет эта поэзия. Истинная же поэзия, говоря устами Шиллера, Шеллинга и Вагнера, не может быть без тайны. Неразрывность поэзии с тайной легко доказать на самом обыденном примере. Подстриженный, обезображенный цивилизацией садик, огороженный прямоугольником охристого забора, - зрелище вовсе не поэтичное, с этим согласится всякий. Но стоит ударить ослепительному лучу солнца или взойти луне, или наступить сумеркам, - и картина совершенно меняется. Стушевался забор, исчезли определённые очертания опозоренных кустиков, пропала противная симметрия цветов, контуры неясно вибрируют, предметы принимают причудливые очертания, любознательность ума напряжена, всё окружающее непрестанно сулит нам нечто новое, зовёт и манит проникнуть [в] эту тайну, - чувствуется что-то сверхчеловеческое, могучее, что и понимается под словом настроение, *Stimmung*. По тем же соображениям считается поэтичный туман, поэтична таинственная стена леса. Дамы, драпируясь в свободные складки газа, полагают, что становятся поэтичнее. Раскрывается тайна, - пропадает и обаяние. Проф. Лотце замечает, лохмотья приобретают прелесть в силу своей историчности, т.е. благодаря некоторой тайне, их окружающей.

И в этой атмосфере чистой поэзии также нельзя не почувствовать близкого присутствия науки, ибо "потребность тайны неизвестного, испытываемая человеческим воображением, - говорит Гюйо, - если её анализировать до конца, сама является преобразованной формой жажды знания".

Если для поэзии необходима тайна, то где же взять художнику большей поэзии, как не в минувшем, полном очарования тайны? Куда же направлять

ему своё воображение, как не в давно прошедшие века, подёрнутые седым туманом? Сколько ни всматриваться в этот туман, сколько ни улавливать правдивые очертания кажущихся предметов, всё же вся тайна минувшего никогда вполне не раскроется; иначе говоря, поэзия исторического художества - будет нерушима.

Как-то особенно звучат для нас отзвуки минувшего. Со страниц летописи веет чем-то величаво-спокойным, характеры полны и детски понятны; время отбрасывает все подробности и детали, складывая облик полной художественной правды, общей всем векам и народам. Как вода, прозрачным фосфорическим слоем и сверкающими струйками, покрывает отвратительные черты трупов, изменяя их ужасное выражение даже до привлекательности, - так и время влияет на событие...

История неотразимо привлекает к себе художника; словно безжалостная водяница, увлекает она его в свои глубины, но, чуть отзовись он, поддайся этому течению, и, без помощи младшей сестры истории - археологии, наверно, погибнет в прекрасных омутах. При современном реальном направлении искусства и новейших идеально-реальных стремлениях, значение археологии для исторического изображения растёт с каждой минутой. Для того чтобы историческая картина производила впечатление, необходимо, чтобы она переносила зрителя в минувшую эпоху; для этого же художнику нельзя выдумывать и фантазировать, надеясь на неподготовленность зрителей, а в самом деле надо изучать древнюю жизнь как только возможно, проникаться ею, пропитываться насквозь.

Известно, что "ничто так не умаляет большого предмета, как обилие деталей, маловажных признаков", - отдельные деревья нередко закрывают от глаза лес. Поэтому самоукрашение павлиньими перьями, загромождение картины лишними подробностями, пичканье и мозоление глаз ненужными деталями - делу вовсе не помогает; никуда, кроме археологического музея, зрителя не переносит, и, возможно, даже при самом поверхностном знакомстве с 2-я, 3-я соответствующими атласами. Кроме того, подобное отношение вредит и всему историческому художеству, делая его в глазах публики чем-то невероятно скучным (вроде гимназических древних языков). Многие картины написаны с замечательною выработкою археологических мелочей, впечатления же вовсе не производят, потому что не видно там духа изображённой эпохи, а передача духа времени, без особого злоупотребления деталями, может явиться только результатом серьёзного изучения.

Подобное вдумчивое отношение к делу не проходит бесследно, оно накладывает на произведение печать, если можно так выразиться, художественной интеллигентности, сообщающей картине особое значение. При таком же отношении единственным оплотом является лишь археология, в особенности теперь, когда в художественных изображениях психология отдельных характеров заменяется изображением жизни более сложных организмов, как: толпа, государство, человечество. Теперь изображение острого, определённого события сменяется изображениями культурной жизни известного периода в её наиболее типичных проявлениях. Подобные типичные моменты ещё более важны, имеют более поэтический и самостоятельный характер, нежели произведение определённого события, которое в большинстве случаев является иллюстрацией известного исторического источника, между тем как создание типичного момента древней жизни иллюстрирует целую эпоху. Конечно, по-

следняя задача значительней и поэтичнее первой, но зато она сопряжена с большими трудностями, требует от автора специальной исторической подготовки, заставляет художника стать до некоторой степени учёным-археологом. Само собой, полного тождества между учёным-археологом и художником-археологом быть не может, существенная разница всегда останется, хотя бы в самом приёме, методе изучения науки, - отношение к деталям совсем другое. Для одного они часто являются целью, для другого же, по самому качеству его творчества, они никогда не повысятся дальше средства.

Отсюда недалеко уже до предположения, что художник-археолог может пойти дальше учёного, но только без санкции учёных этот шаг не может иметь особого значения.

Беря национальную историческую живопись, нельзя не заметить, сколь слабое влияние имела на неё археология полвека назад; оно и понятно, русская археология вела тогда ещё утробную жизнь.

Да и искусство, при тогдашнем своём псевдоклассическом направлении, предъявляло к археологии в этом смысле требования довольно странные. Примером, насколько своеобразно относилось искусство к археологии, может быть картина Сазонова († 1870), изображающая Дмитрия Донского на Куликовом поле, помещённая ныне в Русском музее Императора Александра III под № 262. "...Ещё не так давно, - читаем мы в V томе Русских Древностей, изд. гр. И. Толстым и Н. Кондаковым, - мы совершенно не знали собственно русских курганных древностей и даже, не более 20 лет назад, принуждены были для изображения русского быта в древнейшую эпоху пользоваться одним тогда существовавшим исследованием быта мирян; теперь русские музеи наполняются обширными собраниями древностей и отовсюду притекающими находками, ожидающими своих исследователей, которые откроют живую картину широко раскинувшейся и разнообразной жизни племён, обитавших на обширном пространстве европейской России".

Если наши художники в достаточной степени придут навстречу учёным, то недалеко то время, когда будут созидаться подобные типичные изображения древней жизни, значительные для науки, не проходящие бесследно для глубочайших тайников души, и тем самым отвечающие вышеуказанным требованиям Рёскина.

Незачем подчёркивать, какое огромное значение имеют такие произведения на развитие национального самосознания, что слишком необходимо у нас, где национальность, не в пример Западу, гибнет; живописнейшие костюмы, поэтичные песни и характерное для народного типа становится музейными "раритетами" и заменяется невесть чем безобразным; само употребление красивейшего и богатейшего родного языка всё ещё во многих случаях считается невозможным и непристойным. Не думаю, чтобы эти слова могли свидетельствовать о чём-либо скверно-квасном, особенно если вспомнить даже чрезмерно щепетильную национальную гордость стран культурнейших.

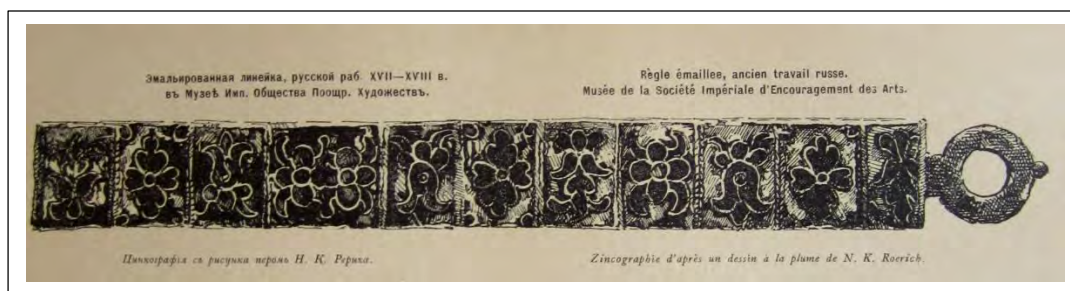
В заключение, об исторической живописи необходимо добавить, что автору мало исторических знаний, мало художественной техники. Картина лишь тогда может произвести полное впечатление, если в ней удачно будут разрешены три задачи: художественного эффекта (настроения), задача общепсихологическая и специально-историческая задача. Такую простую вещь приходится отметить, ибо в обиходе сплошь и рядом встречаются произведения, в которых одна из названных задач опущена. К стыду многих авторов, задача

художественного эффекта особенно часто хромает. Бывают также вещи, где ради настроения вычеркнуто всё остальное.

Только гармоничное соответствие этих трёх требований произведёт впечатление и вызовет желательную эстетическую эмоцию.

Таким образом, историческая живопись, стоящая в такой тесной связи с успехом археологии, - бесспорно высший вид живописи, как наиболее поэтичная и значительнейшая для науки и национального самосознания.

Искусство и художественная промышленность. 1898. Декабрь. № 3. С. 185-194.

Эмалированная линейка русской работы XVII-XVIII в.
Цинкография рисунка пером Н.К. Рериха.

ИСКУССТВО И АРХЕОЛОГИЯ (Окончание)

Упомянув о важности археологии для высшего вида художества исторического, необходимо будет сделать маленькое отступление и указать на значение археологии с художественной стороны в современном жизненном обиходе. Постороннему уху такое положение должно показаться совсем странным: ну, какое отношение, кроме общенаучного, может иметь эта мёртвая наука к современной жизни? Между тем значение её - несомненное.

Обитатель пещер в примитивных изображениях припоминает и вырезывает образы зверей на их же костях; на свои любимые предметы утвари и оружия наносит он вначале, быть может, бессознательные линии и зигзаги, из которых образовывается впоследствии орнамент. После этого первоначального подражания видимому и сосредоточения внимания на ближайшей утвари мы замечаем, что во все эпохи жизнь и искусство, полезное и красивое, шли неразрывно, и это прикладное искусство нимало не обесценивает и не понижает его высшего значения, а, напротив, даже поднимает его. Значение прикладного искусства, находящего применение в повседневных предметах будничной жизни, почти уничтожено утилитарным направлением современного фабричного производства, но в последнее время создаётся всё сильнее и встречает себе отклик в среде художников.

Относительно национального направления в прикладном искусстве у нас не раз указывал В.В. Стасов. Мамонтовские кустари, оригинальные изделия которых выставляются, между прочим, в Соляном городке, удачно развивают это симпатичное направление. Уже несколько лет, в Парижском салоне Марсова по-

ля и на Мюнхенской международной выставке 1897 года, наряду с картинами, появляются всевозможные objets d'art⁴, не беспокоя никого и занимая почётное место.

Robert de la Sizeranne в своей прошлогодней книге "Ruskin et la religion de la beauté", воспроизводя художественные взгляды Рёскина, говорит о прикладном искусстве: "Во времена расцвета искусства мастера-художники были ремесленниками и были созданы ими... Всякий художник должен быть и ремесленником. И в то же время, чтобы равенство было восстановлено, всякий ремесленник должен быть художником. Ещё недостаточно, чтобы мыслитель работал, - необходимо также, чтобы работник мыслил... Ремесленник не должен стремиться свести к шаблону дело артиста, но должен добиваться придать художественность своему ремеслу... И если в наше время не видно между резчиками, каменщиками, ковачами, ювелирами, - чудесных мастеров веков великого стиля, это не значит, чтобы подобные ремесленники более не существовали, но только они позабыли своё истинное назначение".

В том же духе выражается в своей статье "Прикладные искусства и повседневная жизнь" поборник художественно-прикладного направления английский художник Вальтер Крэн. Он пишет: "При системе массового и машинного производства предметы необходимости стали производиться шаблонно, по одной мерке, и тем утратили свою оригинальность, смысл, красоту и привлекательность... Однажды профессор Геркомер пригласил меня с товарищами посетить его виллу. Он хотел нам показать на практике, на предметах им самим исполненных, насколько верна его теория, что все искусства зависят друг от друга и неразрывно связаны между собою... При посещении дома Геркомера меня лично поразили тот художественный и поэтический отпечаток, который хозяин сумел придать каждой вещи, каждому предмету своего домашнего обихода. Убранство стен, каждый стул, каждый камин, каждый подсвечник были сами по себе художественные произведения. И так мало общего имели эти предметы с тем, что мы находим в продаже... Движение к такому повороту, вызванное Вильямом Морисом и его талантливыми друзьями, началось с возврата к целесообразности, к самородным, дельным и основательным эскизам, к совершенству и художественности исполнения. А если для этого и заимствуют модели и образцы из прежних блестящих эпох прикладных искусств, то, тем не менее, это движение носит отпечаток свежего, живого и умственного движения, в котором мы видим источник наших надежд и вдохновения... Сознательно или бессознательно действует на всех людей - их окружающее: оно может усилить наше понимание красоты форм, линий и красок, но и, наоборот, оно может до такой степени нас притупить, что мы станем глухи к языку искусств". Кончает Вальтер Крэн свою статью пожеланием, чтобы "наконец наступил переворот, когда новый, свежий дух оживит и вызовет к жизни художественные ремёсла, потому что они-то именно больше всего влияют на проявление и понимание чувств красоты в массе, не говоря уже об их громадном значении для промышленности и торговли".

Действительно, если представить себе, до какой степени прикладное искусство слилось с жизнью и сколь сильное влияние оказывает оно на нас, то станет ясно, какое важное место ему надо отвести. Между тем Бернаэрт (президент Бельгийской палаты депутатов) имел основания открыть недавний Брюс-

⁴ Художественные предметы (фр.). - Ред.

сельский конгресс "публичного искусства" - указанием на то, что это "искусство в наше время теоретически обретается в большом авантаже, а практически никогда ещё не заботились о нём менее, чем теперь". Это правда, пора уже от разговоров перейти к делу. Но как это сделать? Как быть ремесленнику-художнику, ближайшему фактору такого публичного искусства? Где же ему черпать своё вдохновение? Древний египтянин украшал колонны мотивами наиболее знакомых ему, свойственных исключительно Египту, растений: морской розы - лотоса и папируса; база персидской колонны имеет форму опрокинутой чаши, со свешивающимися острыми листьями, на другом типе можно видеть две чаши, соединённые лентою из бус; капитель коринфской колонны изображает корзину, окружённую венком из листьев. Примеры, где бы прикладное искусство древности основывалось на окружающей природе, можно приводить до бесконечности. В самом деле, мотивы природы могут быть бесконечно разнообразны и дадут больше всего сюжетов для будущих художников-ремесленников. Известное роскошное издание "die Pflanze" показывает, какие прелестные орнаментации можно извлекать из самых обыденных растений.

Но прежде, чем художник-ремесленник снесётся непосредственно с природой, ему надо научиться понимать её, развить свой вкус и вкус общества, освежиться от рутины существующего производства. Где же ему искать помощи? Что может оказать на него такое освежающее влияние и в то же время не оторвать, не сделать его непонятным для окружающих? В этой нужде, без сомнения, лучший материал дадут ему те отдалённые эпохи, когда имелась в виду не исключительно величина барыша или лёгкость сбыта, когда каждый ремесленник мог претендовать на звание художника, - он работал каждую вещь с любовью, вкладывая в неё весь свой художественный вкус, всё своё врождённое понимание красоты. Мотивы, правильно почерпнутые из этого источника, развивая вкус общества, будут ему всегда понятны и, оживляемые современным творчеством, дадут произведение неотразимого обаяния и несказанной прелести. За примером далеко не пойдём: достаточно вспомнить чудесные васнецовские орнаменты Владимирского собора в Киеве.

Для того же, чтобы изготавливаемые предметы были действительно стильно художественными, не производили впечатления чего-то подделанного, преднамеренного, так же, как и теперь бьющего на моду, необходимо для художника-ремесленника серьёзное ознакомление и изучение бесчисленных памятников минувшего: только археология может помочь ему в этом деле.

Теперь видно, что цитаты и ссылки на прикладное искусство имеют прямое отношение к археологии. Благодаря им, в связи со всем, прежде замеченным, можно придти к заключению немаловажному, а именно, что археология вовсе не такая мёртвая наука, как её понимают в обществе; всякий успех археологии должен быть приветствуем не только учёными, не только художниками, но и всем обществом.

Являясь значительною для обихода, будучи столь важной для высшего вида искусства и давая ему неоценённый материал, археология в свою очередь требует от искусства немало.

Археолог, изучая различные стили, рассматривая предметы древности, рассуждает об их художественности и тем приходит в несомненное соприкосновение с искусством; обширный материал, относящийся до этой стороны отно-

шений археологии к искусству, нас касаться не может, - он входит в историю искусств и в историю культуры.

Затем археолог приходит в ещё более реальное соприкосновение с искусством. Спускаясь в катакомбы и рассматривая еле различимую стенопись, может быть, разрушающуюся на его глазах; исследуя остатки древней мозаики; имея перед собою бесформенный на первый взгляд обломок роскошной статуи; всматриваясь в почерневший лик старинной иконы, - археолог неминуемо задаётся вопросом о древней технике. Ему необходимо знать: как эти предметы производились, как получались краски, как накладывалась смальта; ему это необходимо, чтобы быть готовым сохранить подобные памятники, оживить, реставрировать. Последняя сторона отношений археологии к искусству настолько обширна и интересна, что на ней можно было бы остановиться, - она одна могла бы составить содержание большого предмета, преимущественно теоретического, если бы не было ещё более практических отношений и требований, предъявляемых археологией искусству, в настоящее время всё сильнее и сильнее о себе заявляющих. Эти последние отношения, в связи, если позволит время, с предыдущими, т. е. с изучением древних технических приёмов, и составят содержание наших занятий.

Все науки, появляясь на свете после того, как обеспечат себе какое бы то ни было существование, конечно, распадаются на два вида. Одни будут находиться в самой тесной связи, зависимости от частной инициативы, от активной помощи и сотрудничества всего общества; напротив, для других общество почти может не существовать: они в нём, кроме самых отдалённых, общежитийских запросов, вовсе не нуждаются. Посадите чистого математика хоть на необитаемый остров и, если только он найдёт достаточное пропитание и материал для изображения своих формул, - это одиночество для него будет даже приятно. Не то скажут в таком положении большинство естественников, историки и др. У них работа будет замедлена и задержана чуть ли не на половину, ибо будет недоставать целой массы сведений, непрерывно поступающих из среды специалистов, из общества. Масса черновой работы, незаметно доставляемой обществом, в виде, напр., в археологии - сообщения разных новых фактов и находок, сохранения памятников древности и т.п., всецело ляжет на специалистов и неизмеримо усложнит их задачу.

Из этого следует, что науки, прикованные к природе, поставленные в большую зависимость от частной инициативы, должны иметь с обществом елико возможно прочную связь, должны представлять для него живой интерес, не быть от него чем-то оторванным, чуждым, словом, - каким-то страшным жупелом. Сплошь и рядом приходится слышать жалобы специалистов на косность окружающей среды, нежелание общества придти на встречу учёным в тех многочисленных случаях, где только местные жители могут без труда сообщить, сохранить и дать всевозможные указания, как в других областях, так и в археологии, подобные справедливые замечания раздаются часто, а между тем вина общества уж не такая большая. В редкой иной научной области принимается обществом всякое новое сведение с таким нескрываемым интересом и любознательностью, как в археологии.

Вспомните те огромные толпы любопытных, окружающие всякую более или менее значительную раскопку; вспомните, как быстро распространяются и как долго, целые десятки лет, живут и свято хранятся сообщения археолога о местных древностях. Гигантские, фантастические размеры, обыкновенно при-

нимаемые такими рассказами, свидетельствуют об интересе общества, т. е. о плодородности почвы для полезных посевов. Чтобы этот интерес отнюдь не исчезал, чтобы он рос и воспитывался, необходимо, кроме основательного внутреннего содержания, ещё постоянное совершенствование внешности, как в виде увлекательного популярного изложения (лишь бы не вульгарного), так и в смысле возможно большого, наглядного, изящного воспроизведения иллюстраций.

Из переписки покойного Ив. Ник. Крамского припоминается подходящий славный девиз: "Вперёд, вперёд без оглядки!" Именно этим девизом надо запастись теперь в отношении выполнения всяких художественных запросов! Именно теперь, когда во всём обществе чувствуется некоторая реакция всему материальному, узко утилитарному; когда символизмом и декадентством, если в большинстве случаев и тщетно, стараются отрешиться от прозы обихода, заглянуть повыше, в мир духовный.

Изящное, художественное - вот что просит теперь общество. Если изумляются и пожимают плечами на энтузиастов декадентского творчества, вовсе того не заслуживающего, то, может быть, значительная часть этих почитателей бросается к произведениям такого рода совсем не потому, чтобы они слепо тянулись за модой, совсем не потому, чтобы их вкус был притуплён или отсутствовал, а просто они ищут, рвутся в погоне за художественно-изящным и, видя перед собой какие-то непонятные произведения, думают: не дадут ли хоть те им некоторого удовлетворения.

Такое время надо ценить, дорожить им; стараться по возможности полнее ответить и удовлетворить художественным нуждам всякими способами; и художникам, и самому обществу надо сплотиться, помочь друг другу, чтобы эта освежающая волна не пробежала бесследно!

Может показаться странным: при чём тут, в приготовлениях к прозаическому делу, воспроизведения предметов древности и изучения древних технических приёмов, - разговор о таких более или менее возвышенных предметах? Но суть в том, что как бы наше дело ни было скромно и прозаично, всё же при удачной постановке оно может влить свою каплю в общую художественную чашу, и капля эта может оказаться далеко не дегтярной.

Указанием сперва на значение внешности для общества несколько не умаляется такое же значение её и для учёных, и всякому учёному легче и приятнее воспринимать какое угодно положение, когда оно изложено живым, образным языком с примерами, и, если надо, иллюстрациями. Возвращаемся к археологии: какую разницу и какие огромные преимущества, в каком угодно отношении имеет археологическая статья, снабжённая елико возможно частыми чертежами и рисунками. На каждом шагу встречаются случаи, где одно слово бессильно, где без рисунка ни за что не понять, что именно хочет рассказать автор. Без иллюстрации археологическая статья, можно прямо сказать, не в состоянии вполне достигнуть своей цели.

"Так о чём же тут толковать? Повысить уровень художественного воспроизведения дело хорошее, - скажут, - но разве археологу закрыты пути к художнику? Он сам может ведать лишь теоретически художественную часть, а практической, т. е. руками, может служить художник. Ведь есть же у нас хорошие художники - их-то и привлечь к делу и - "тогда пойдёт всё гладко, и станет всё на место".

Но вот тут-то и *liegt der Hund begraben!*⁵ Опять надо вспомнить, что руки и голова не могут существовать порознь! Как бы хорош ни был художник, как бы ни был он впечатлителен, каким бы сильным воображением он ни обладал, - всё же он не может вполне заменить археолога уже по тому, что он художник, а тот учёный. Вполне естественно, многие требования и принципы археолога должны показаться художнику странными и педантичными. Для современного археолога так необходима строгая точность, а между тем для художника она явится только тяжёлым ярмом, натирающим плечи. Чёткое выполнение деталей, на которых, может быть, построится целая важная гипотеза, представляет для художника скучное стеснение, тогда как археологу - это весёлая работа, ибо он осязает её целесообразность, он твёрдо знает, для чего что должно делаться и что именно значит.

Только сам автор, в данном случае археолог, может одухотворить такое изображение. Словом, положение художника по отношению к археологу в большинстве случаев представляется положением прекрасного пианиста (представим себе такой невероятный пример), которому композитор дал для исполнения рукопись, забыв, переписывая, разбить такты и обозначить темп. Что делать пианисту? Как разобраться в длинном ряде мёртвых для него знаков? Сколько проб и усилий должен он потратить, прежде чем совершенно случайно, может быть, попадёт на мысль автора, но и то приблизительно, - он ведь не может быть вовсе лишён индивидуальности. Такими же загадочными нотами являются для художника чуть приметные детали, которые ждёт от него археолог, и которые при сознательной работе могут быть отмечены легко и свободно, без намёка на скучный педантизм. Таким образом, помощь даже хорошего профессионала-художника, не причастного к археологии, является для неё прямо нежелательной, - это надо заметить и подчеркнуть. Такая помощь должна быть избегаема, что возможно лишь тогда, когда сами археологи будут в достаточной мере располагать основными приёмами художественной техники. А это вполне достижимо.

Если не всякий, как говорят, может быть художником-творцом, то художником-рисовальщиком, копиистом и протоколистом от искусства может быть всякий. Здесь вопрос только практики, ремесла, - иначе говоря, применим принцип: нет - не могу, есть - не хочу. Захотеть же в видах пользы науки есть чего!

В крайнем случае, если археологу почему-либо недосужно самому целиком изобразить требуемые предметы, то, конечно, он может это поручить художнику, но с тем, чтобы потом иметь возможность проредактировать такие изображения (о чём и надо заблаговременно предупредить рисовальщика).

Теперь выяснилось, насколько учёный должен быть причастен искусству. Общее мнение о несовместимости этих понятий может остаться неприкосновенным, ибо учёному незачем быть художником-творцом, - он должен быть художником-копиистом, по старинному выражению, - знать художественное рукоделие, а произмечтательность ему не нужна. Кстати заметить, что в настоящее время протоколизм в искусстве вырос до таких пределов, что даже профессиональные художники подчас занимаются только писанием огромных художественных протоколов, которые закрывают от них высшее назначение их способности. Творчество как бы является некоторою роскошью. Но, кажется, но-

⁵ Но вот тут-то и зарыта собака! - Ред.

вейшие веяния и идеальные стремления не проходят, по счастью, мимо этой прорухи.

Я слышу резонно, по-видимому, протестующие голоса: "Всё это хорошо, но всё-таки невыносимо. Где же я рисовать буду, когда я и прямой черты провести не могу!" Это классическое доказательство неспособности - ровно ничего не доказывает. Неведомо, кому и зачем потребовалось искусство "проводить прямую черту", когда на то линейки существуют - боязнь техники - вообще чувство преувеличенное и напрасное. Какая такая должна быть техника? Гр. Л. Толстой, хотя в несколько ином смысле, говорит в отношении его искусства будущего: "В этом искусстве не будет требоваться та сложная техника, которая обезображивает произведение искусства нашего времени, но будет требоваться ясность, простота и краткость", и, во избежание недомолвки, мы прибавим ещё предполагаемую художественность, ибо не трудно представить себе картину, написанную просто и кратко и в то же время вовсе не художественно.

Простота, надо думать, понимается Львом Николаевичем не в смысле примитивности и дикости приёма, а как свободное отношение к средствам и способам выполнения. Было бы странно, если бы художник во имя простоты стал игнорировать новейшие открытия и усовершенствования, способствующие развитию его дела. Если в специальном искусстве эти принципы краткости и простоты могут ещё вызывать спор, то в нашем случае они безусловны. Несть спасения в сложной, педантичной отделке рисунка; вылощенность обратно пропорциональна художественности. Стоит вспомнить, сколь сильнейшее впечатление производят рисунки, хотя и точные, и детальные, но выполненные свободно, - в них видно разумное, целесообразное движение руки художника. Мёртвые же, словно проплесневелые изображения, про которые говорят "Будто не от руки сделано", вызывают лишь скуку, отвращение и искренние сожаления по адресу их автора. Мучительная тушёвка пунктиром, фабричное лощение контуров и прочая художественная инквизиция вовсе не нужны; напротив, она нежелательна, противна, губительна для вкуса зрителей!

Уверенность в своих силах, непосредственное отношение к натуре и настойчивость - вот необходимые основания. Без них даже при особых способностях дело не может пойти на лад. "Как хочу, так и делаю, а хочу делать так, как вижу, так, как мне представляется, и никто меня не может заставить делать иначе".

Всевозможные правила и предписания должны применяться в самом минимальном размере: недаром называют искусство беззаконным! Чуть где закон, норма, рецепт - там искусство ёжится и в сторонку хоронится. Надо обладать некоторым запасом сведений о художественных принадлежностях и материале; необходимо понятие перспективы и несколько практических знаний, облегчающих и ускоряющих самую работу, но приём работы, т. е. именно техника, - не должна быть слепо навязана: она должна вырабатываться сама, вследствие практики, сообразно индивидуальности каждого; иначе - какие же могут быть разговоры об оригинальности, субъективности, об отражении личности автора на работе, когда ему свои личные особенности приходится впихивать в совершенно чужую колодку, то тесную, то слишком свободную. Впрочем, такая техническая колодка - понятие очень растяжимое, и для многих она не более как форма для мороженого, без которой оно развалится.

Художник Ingres, входя в класс и видя, что ученики занимаются копировкою гипсовой анатомической фигуры, разбивал её палкою; он говорил, что

"слишком много знания вредит искренности рисунка и может уклонить от передачи характерного выражения, побуждая создавать лишь банальное изображение одной формы". Ещё Леонардо да Винчи писал, что "художник будет создавать произведения низкого достоинства, если он сделает для себя отправным пунктом произведения других художников. Но если он будет исходить от предметов природы, - он будет давать хорошие плоды". Такие же соображения приложимы как к картине, так и при воспроизведении самого пустяшного предмета.

Чтобы не было неправильных толкований, заметим, что слова о свободной технике, как в картинах, так и во всех художественных работах, не надо понимать в смысле безалаберности и беззаботного марания: подчас выполнить что-либо широко и размахисто, но с соблюдением всех прочих требований, - будет потрудней, нежели изобразить то же самое гладенько и прилизанно. Ведь в произведениях искусства не нюхают красок и не изучают технику при помощи лупы, а берут общее впечатление: для этого у каждой картины есть своя точка зрения - расстояние не менее двух её наибольших измерений (конечно, в расчёт берётся нормальный глаз). Зализанная же техника, притягивая к себе большинство зрителей, всегда ставит их в неверное положение, заставляя смотреть под неправильным углом. Нередко приходится слышать: "Надо писать возможно натуральнее, так, чтобы чем ближе подходить к картине, тем большее количество мелочей можно было увидеть; тем определённое должны выступать все детали, - совсем как в природе". На первый взгляд вовсе не заметно крупного недоразумения, скрытого в таком требовании. Ведь оно приложимо лишь к изображениям в натуральную величину или более натуральной; в изображениях же, обыкновенно практикуемых, т. е. менее натуральной величины, такое соображение будет противоречить физическим законам: при уменьшенном росте фигуры часто бывают изображены детали, которые можно наблюдать, лишь подойдя к объекту вплотную. О технике, пожалуй, пока будет достаточно, если скажем, что, при всей субъективности она не должна быть неподвижна; она должна беспрестанно изменяться, сообразно духу изображаемого предмета. Нельзя одним способом выполнить такие разнокалиберные сцены, как из третьей формации, из жизни древнего славянства, из античного мира или современные военные эпизоды. Будет не ладно, если молот каменного века кто-либо изобразит точно таким же приёмом, как и безделушку вычурного рококо. В чём же должна быть разница? Этого не подвести под параграфы - это дело искусства.

Таким образом, идеал техники будет формулироваться довольно своеобразно: техника совершенна, когда её не заметно. Действительно, если автор во имя содержания будет пренебрегать техникой, то она, безобразной вуалью своего убожества, заслонит от зрителя суть изображённого, и произведение, в лучшем случае, окажется лишь "благими начинаниями" (по выражению Крамского). Будет же технике отведено слишком значительное место, опять-таки она, своим лоском и замысловатостью, отвлечёт внимание зрителя от сущности. Надо думать, немалым оскорблением для художника является отзыв об исторической картине, полной серьёзного содержания, - что особенно хорошо переданы мрамор, резьба по дереву, или похвала портрета, - что замечательно передан узор брюк.

Техника, отнюдь, не должна быть чересчур примитивна, но и не должна быть вычурна, лезть в глаза; пусть будет она вполне подчинена содержанию

изображения, словом, представляет из себя не более как средство, и только средство.

Против художественного ручного воспроизведения может явиться один значительный оппонент - фотография. Он может сказать: "К чему все эти жалкие слова? Для чего потревожен целый ворох великих теней? - когда дело обстоит чрезвычайно просто". Незачем археологу тратить время на приобретение совершенно излишнего знания художественно-технических приёмов! Несколько, легко приобретаемых, сведений, сопряжённых с небольшим расходом рублей в 30-40 на покупку аппарата с принадлежностями, - и вопрос разрешён очень просто. Со всякой фазы исследования, со всякого предмета, археолог может иметь, хотя и небольшие, но достаточно контрастные, отчётливые снимки. Фотография даст ему подробности, простому глазу неприметные. При вскрытии саркофагов, склепов, где предметы, под влиянием воздуха, почти моментально разрушаются, и от руки нет возможности их зарисовать, - единственным спасением явится моментальный снимок, если надо, при вспышке магния. При издании археологической работы, фотография неизмеримо упрощает дело, ибо воспроизводить можно прямо со снимков фототипическим образом: "И из-за чего бы огород городить?" - победоносно заключит фотография свои возражения.

С такой оппозицией приходится считаться. Ведь только что было сказано, что нельзя брезговать новейшими открытиями и усовершенствованиями, служащими на пользу дела. Чтобы избежать нареканий в пристрастии, посмотрим, что говорят о фотографии люди, вне искусства стоящие; посмотрим, может ли фотография выполнить художественные требования, положенные в основу всему сказанному? Какое место должна занимать она в вопросах, касающихся искусства, как в нашем случае?

Г-жа Манассеина говорит о фотографии: "Фотография в своих произведениях всегда является только бездушным, сухим ремеслом, и никогда не может дать нам строго художественного портрета... Фотография является рабским копировщиком природы, неспособным к тому же уловить и понять основное значение каждого явления. Между тем, понятно, что для того, чтобы уразуметь и уловить основной характер лица или местности, или какого-либо другого явления, мы должны внимательно проследить, изучить его во всевозможных фазах, а не копировать его только в данную мимолётную единицу времени... Стоит только внимательно просмотреть подобного рода фотографии (т.е. снимки профессора Мареев для изучения различного рода движения), чтобы понять, насколько фотография, при всём её ремесленном совершенстве, далека от какой бы то ни было художественности". Дю-Буа-Раймон, в своей речи при чествовании памяти Лейбница, отзывается о фотографии в том же духе. (Конечно, бывают и исключения действительно художественного достоинства, но процентное отношение их слишком ничтожно и получаются они почти случайно). Это говорится о самой фотографии, о непосредственных снимках, а что же теперь сказать о механическом воспроизведении с них, о фототипии?

Все наложенные краски придётся сгустить, по крайней мере, в 2 раза, чтобы достойно подчеркнуть всю протохудожественность этих воспроизведений, в таком изобилии заполнивших страницы наших иллюстрированных изданий. Если сама фотография является чем-то бездушным, мёртвым, то репродукция её будет чем-то разлагающим, и, при стремлении к повышению художественного уровня, должна быть выкинута за борт в первую голову. Самый плохонький офорт или цинкография всё же художественнее самого лучшего воспроизведе-

дения с фотографии. Насколько противно и далеко от природы лицо, покрытое всякими косметиками, настолько воспроизведение с фотографии чуждо искусству. Кроме своей антихудожественности, фототипический способ не отвечает и коренным археологическим требованиям; А.А. Спицын, в своей недавней статье "Разбор, обработка и издание археологического материала" - говорит о фототипическом способе воспроизведения, что (он) "передает предметы с механической точностью, но он не передает деталей и представляет вещи во всей степени их разрушения и порчи; мелкие предметы при нём особенно много теряют. Поэтому старый литографический способ издания археологических коллекций, не представляющих художественного интереса, в теории до сих пор остаётся наилучшим.

Лишая фотографию самостоятельного значения, её никак нельзя изгнать вовсе из художественного обихода, и, конечно, В.В. Стасов совершенно прав, говоря, что без фотографии живопись не могла бы достичь современного уровня. В некоторых случаях нашего дела она действительно незаменима - иногда она может подчеркнуть подробности, для глаза незаметные, при вскрытии гробниц, - только посредством фотографии можно запечатлеть первоначальный вид открывшегося. Но ведь это не более как служебные детали самого низшего ранга. Вообще, при работе археологу не худо иметь при себе небольшой аппаратик, который хотя и потребует более тщательного ухода, нежели альбомчик, но может значительно увеличить запасы сырого материала.

Отправляется археолог на работу. Прежде всего, ему придётся набросать план и рисунок местности и самого исследуемого памятника. Подобные наброски не худо подкрепить и моментальными снимочками - себе для памяти. Затем потребуются чертёж профиля, снятие кальки или даже копии красками и слепок. В этих предварительных художественных работах могут оставаться некоторые художественные прорехи, - ведь и художнику требуется заносить свои данные в окончательном виде; эти заметки - своего рода записная книжка, разбираться в которой, кроме самого автора, никому не предстоит; записки в ней будут ясны только писавшему, для постороннего же они окажутся, быть может, только кучей бесформенных штрихов или пятен.

Другие требования должны быть при последующей работе, когда археолог, возвратившись, начинает суммировать добытые данные, составлять отчёт, готовить к изданию. Тут уже всякая активная помощь фотографии должна быть оставлена. Беглые путевые наброски придётся перерисовать, облечь в удобопонятную форму. При печатании и работе археологу придётся столкнуться с механическими способами воспроизведения, с автотипией и проч. литографией и другими, даже, может быть, с хромофотографией.

Кроме того, при составлении отчёта и помещении добытого материала в какое-либо древнехранилище, археологу не миновать также и скульптуры. О чём бы ни шла речь - об изваянии ли, о городище, о кургане, о катакомбе - во всех случаях никакое полное описание, снабжённое всевозможными чертежами и рисунками, не может дать такого полного, наглядного представления, как лепная модель. Обыкновенно практикуемые модели из бумажной массы недостаточно художественны и изящны, к тому же требуют более ремесленной, нежели художественной обработки. В начале настоящего года мною были представлены в Археологическое общество модели, вылепленные из глины и раскрашенные обыкновенными масляными красками. При необычайной дешевизне и простоте производства, они, смею думать,

более отвечают требованиям художественности, причём дают достаточное представление об изображённом предмете. В настоящее время эти модели направлены Археологической комиссией в Московский Исторический музей.

Отмеченные нужды вполне определяют состав наших будущих занятий. Из названия занятий видно, что практическая работа должна стоять на первом плане, ибо какое же изучение техники без практики? Теоретически изучить технику - дело не особенно полезное и пригодное!

Практические занятия должны, прежде всего, выразиться в рисовании и лепке. Рисование должно быть самое разнообразное. Кроме рисования с костей и предметов древности на обыкновенной бумаге пером и карандашом, необходимы практика и ознакомление с рисованием на различных цинкографических тоновых и белых бумагах. Если мы возьмём объектом такой работы предметы, предназначенные для тех или других археологических изданий, то лучшие из рисунков могут идти в печать, причём мы будем в состоянии воочию убедиться в целесообразности практиковавшихся приёмов работ. Это наглядное изучение очень полезно, ибо результаты репродукции рисунков на цинкографических бумагах нередко бывают самые неожиданные: еле заметные штрихи, при переводе на клише, выходят слишком резкими, места же, пораженные при оригинале своей отчётливостью и чистотой, представляют иной раз грязные пятна.

Конечно, всё это зависит не только от самой работы, но также и от обработки клише и самого печатанья. За границей в хорошей мастерской сумеют воспроизвести какой угодно оригинальный рисунок, но у нас это дело обстоит пока далеко не так блестяще, с чем приходится и считаться. Надо мне было получить клише с фотографии одного эскиза, написанного в тёмных тонах. Несколько наших мастерских отказались от этого, уверяя, что - или надо положить резкую тушь, или получится самая безобразная грязь. Пришлось послать за границу. Там воспроизвели прекрасно. При случае я заметил об этом в нашей русской мастерской: "Помилуйте, так ведь это за границей!" - со стоическим хладнокровием признались мне в собственной дикости. Общество поощрения художеств заводит теперь художественно-печатную мастерскую: авось, она окажется в силах подать соответствующий пример!

При рисовании для изданий мы, как увидим впоследствии, обратим особое внимание на сравнительно редко практикуемый способ рисования предмета в натуральную величину, независимо от его размеров: чем больше предмет, тем грубее и интенсивнее штриховка. Такой способ имеет 3 преимущества: в самом способе рисования; в особом изяществе уменьшенного воспроизведения; в том, что оригинал не должен оставаться в подготовительных к изданию папках и может занимать самостоятельное место в музеях. Детально с этим способом познакомимся на практике.

После рисования я предложил бы сделать пробы письма красками, акварелью и даже масляными. Материалом для такой работы явились бы, кроме предметов древности, некоторые виды и копирование заставок и миниатюр. Иметь при себе маленький, чрезвычайно портативный набор акварели и ящичек масляных красок - право, не повредит работе. Если вместо карандашного рисунка дать набросочек красками, оно много оживит отчёты и описания. В отношении же характерного тона почвы, качества и породы камня, окраски растительности - набросочки красками незаменимы и очень важны.

Затем остаётся нехитрое дело чертежа и снятие кальки. При практической лепке было бы интересно приготовить несколько цветных моделей курганов с разрезом и городищ. Ваяние небольших крестов древнего типа и каменных баб могло бы доставить достаточный материал для практики в этом направлении. Слепки и

оттиски из бумажной массы могут завершить необходимое знакомство археолога с художественным производством.

Само собой, что без участия слушателей подобные занятия осуществиться не могут: тут мало слушать и приобретать сведения - надо также и делать, и применять их на деле, потому что, повторяю, изучение без практики мало к чему приведёт. По качеству предмета, самый план занятий находится в теснейшей связи от того или иного желания участников.

Теоретическая часть наших занятий должна будет ограничиться лишь общими сведениями. Хотелось бы по возможности рассмотреть положение художественно-археологического дела за границей, древнее живописное дело, в связи с реставрацией и резервацией его, основы мозаики, понятие перспективы и дело печатное. Для лучшего усвоения этих сведений неизбежно были бы очень желательны две или три экскурсии: напр., в Мозаическое отделение Академии художеств или в частную мозаичную мастерскую академика Фролова, в формоторскую мастерскую и в художественно-печатную.

Конечно, слишком трудно указать наперёд, что мы успеем сделать и в каком размере; невозможно предугадать правильное отношение практической части к теоретической. Это может выясниться лишь со временем, в зависимости от интереса лиц участвующих и от всяких внешних обстоятельств. Но как бы то ни было, сущность нашего предмета, выходя за пределы узкоутилитарных стремлений, как кажется, имеет достаточное основание, чтобы надеяться заполнить намеченные рамки соответствующею картиною и верить: настоящий предмет не явится балластом в археологии, так что, говоря о нём, можно будет когда-нибудь сказать словами французской поговорки: *je ne propose rien - j'expose*⁶.

Искусство и художественная промышленность. 1899. Январь - февраль. № 4-5. С. 251-266.

(Отдельные листы чернового варианта рукописи Н.К. Рериха «Искусство и археология» с поправками автора находятся в Отделе рукописей ГТГ, ф. 44/19, лл. 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11.)

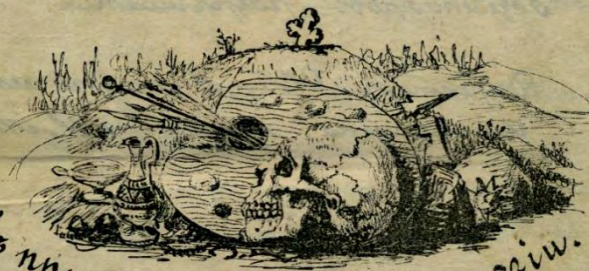

⁶ Я никогда не предлагаю - я выставляю, показываю (фр.). - Ред.

Н.К. Рерих. Идол. 1898.
(Ч/б. изображение)

71/61
Художественная
Механика

въ примѣненіи къ Археологіи.

Лекціи, читанныя въ С. Петербургскомъ
Археологическомъ Институтѣ, въ 1899 г.

Н. Н. Верихомъ.

С. Петербурга.

2.9.99

Литографія Н. С. Егорова. Спб. Разъѣзжая, 37.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТЕХНИКА В ПРИМЕНЕНИИ В АРХЕОЛОГИИ

Лекции, читанные в С. Петербургском
Археологическом Институте в 1898/99 г.
Н. К. Рерихом

С. Петербург

Издание слушателя СПб. Археол. Института С. Н. Чельцова.

Литографировать в количестве 70 экземпляров разрешается.

*Директор СПб. Археологического
Института профессор Н. Покровский.*

*Внизу страницы 3 автограф Н. К. Рериха:
“Художественная техника в применении
в Археологии. СПб. Археолог. Институт. Н. Рерихъ”*

ХУДОЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Литература:

1. История русского общественного права до XVIII века. В. Лешков 1858 г.
2. Домашний быт русских царей. И. Забелин. Москва 1872 г.
3. Промышленность древней Руси. П. Аристов. СПб. 1866 г.
4. История русских школ иконописания до конца XVIII века. Д. А. Ровинский. Записки Императорского Археологического Общества. Т. VIII. СПб. 1856 г.
5. Материалы для истории русской иконописи. Собр. И. Забелиным «Временник Императорского Общества истории и древностей российских». Кн. 7-я Москва 1850 г.
6. Отчёт о первом присуждении наград графа Уварова 25 Сент. 1857 г. Разбор сочинения г. Ровинского: История русских школ иконописи, составл. акад. М. П. Погодиным.
7. О Художествах в России. В. Плаксина. Журн. Мин. Нар. Просв. 1844 г.
8. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. СПб. 1881 г.
9. Русские юридические древности. В. И. Сергеевич. Т. 1. СПб. 1890 г.
10. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. М. 1846 г.
11. Псковская Судная грамота, изданная Мурзакевичем. Одесса. 1846 г.
12. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands. Ernst Bonnel. 1882.
13. Акты юридические. 1838 г.
14. В. В. Стасов. Разбор сочинения Д. Ровинского: Обзор русского гравирования на металле и дереве до 1425 г.
15. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. И. Забелин. Русский художественный архив. 1894 г.
16. Лекции и исследования В. И. Сергеевича.
17. Текст Русской Правды на основании четырёх списков разных редакций. Изд. Н. Колачев. М. 1847 г.
18. Акты, собранные в библиотечном архиве Российской Императорской Археологической экспедиции Императорской Академии Наук. СПб. 1836 г.
19. Исследование о русском иконописании Сахарова.
20. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 г., составленное секретарём посольства Адамом Олеариусом. Пер. П. Барсов. 1870 г.
21. Древности российского государства, изд. по Высочайшему повелению.
22. La Russie et l'Orient par Pierling. Paris. 1891.

¹ Внизу страниц: 17, 33, 49, 52, 65 рукописи поставлен автограф Н. К. Рериха:

“Художественная техника в применении в Археологии. СПб. Археолог. Институт. Н. Рерихъ”

23. Сборник Летописей.
24. Лубочные картинки Русского народа в Московском мире
И. Снегирева. М.
1861 г.
25. Русские гравёры и их произведения. Д. Ровинский. М.
1870 г.
26. Записки о Московии (Rerum Moskovitarum commentarii)
бар. Герберштейна.
27. Опыты изучения русских древностей и истории. И. Забелин.
28. Europäisierung Russlands. Brickner, Gotha.
29. Труды Первого Археологического съезда в Москве.
30. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно
византийских и русских. Н. Покровский. СПб. 1892 г.
31. Акты исторические, собранные и изданные Археограф.
комиссией. 1842 г.
32. Дополнение к актам историческим. 1846 г.
33. Послание Епифания к пр. Кириллу 1413 г. Православный
Собеседник 1863 г.
34. Об архитектуре первых деревянных церквей на Руси. Гр.
А. С. Уваров. Труды 2-го Археологич. съезда в СПб. 1876 г.
35. Средневский. Святилища и обряды языческого богослужения
древних славян. Харьк. 1846 г.
36. О России в царствование Алексея Михайлов. современное
сочинение Григ. Кошихина СПб. 1870 г.
37. Заметки о (Русских) «Русахъ» Ибн-Фадлана и других
арабских писателей. В. В. Стасов.
38. <Georgi>. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs.
39. Weingold. Altnordischer Leben.
40. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских.
А. Я. Гаркави. СПб. 1870.
41. Гильфердинг. История Балтийских славян. Т. 1. Москва.
1855 г.
42. Султанович. Художественный отдел VI-го Археол. съезда
в Одессе. СПб. 1885 г.
43. Русский исторический сборник, изд. общ. истор. и древн.
Рос. Т.1. 1837. И. Снегирев. Об иконном портрете Великого князя
Вас. Ивановича IV-го.
44. Описание Киева. Ник. Закревского. М. 1868 г.

Начало искусства на Руси.

Природа. Строительное искусство. Специалисты строители. Идолы [Ибн-Фадлани. Славяне и летописи]. Производство ку миров; Жрецы. Их положение. Дальнейшая судьба ваяния. Христианство. Киев. Иконопись и церкви. Русская Правда. Художники ремесленники – рабы. Городники. “Хитрость”; её значение. Художественно – ремесленные артели. Княжеские и митрополитские иконописцы. 5 видов художников. Татарское нашествие. Отношение татар к ремесленникам. Центр искусства – Новгород. Развитие искусства.

... «Единственным началом искусства на Руси и средоточием была христианская вера»... - читаем мы в древностях Российского государства. Так ли это? Единственным ли началом искусства древней Руси была христианская вера? Конечно, не христианская вера, а религия; но и это узко. Сама природа была единственным началом искусства. В доисторическое время из природы рождались искусства, из жизни; они тогда не имели настоящего значения, были следствием потребностей естественных и нравственных. Так, не между Греками, прибывшими с Владимиром на Русь, следует искать первых наших носителей искусства, а там, далеко, в паутине седой древности.

Климатические условия России, прежде всего повлияли на развитие строительного искусства, постепенно приближающегося к понятию зодчества. Как у народа языческого, у нас ваяние естественно предшествовало живописи.

Следовательно, первые наши художники должны быть строители и ваятели. На это и указывают первые источники. Монах Яков в своей похвале Св. Владимиру пишет: «Храмы идольские и требища всюду раскопа и посече и идолы сокруши». Неизвестно, что это были за храмы языческие, но если они имели (что слишком вероятно) сходство с храмами прибалтийских и других Славян, то требовали при постройке искусства (ср. И. Средневский. Свят. и обряды я. б. д. С §1У, стр. 42).

В договоре Игоря с Византийским императором упоминается церковь Св. Ильи, неизвестно кем и когда построенная. По всей вероятности, она поставлена во времена Аскольда, который, по словам предания, крестился после похода в Царьград.

Воскресенский список летописи рассказывает, что некто Ольм при дворе своём выстроил церковь Св. Николая Чудотворца, которую Святослав приказал сломать в 971 году.

В житии Великой княгини Ольги (в Св. крещении Елены) говорится, что она, приняв христианскую веру, посещала северную Русь и на своей родине, в Пскове, водрузила крест, на месте которого была воздвигнута церковь. Есть упоминания о каменных нецерковных строениях языческого времени; летописец указывает на Ольгин терем «бе бо ту терем камен».

Важны летописные указания на крепостные сооружения-башни, вежи. На первых страницах летописи говорится о вежах, или башнях, в Древлянском городе Искоростеле. Известна Белая Вежа – хозарский город, взятый Святославом. Некоторые городки на Руси называются тоже белыми Вежами, по всему вероятно от побелённых башен. (См. И. Забелин. Черты самооб. в древнерус. зодч. стр. 305).

Вот описание вежи, построенной в 1259 г. Данилом Галицким при постройке города Холма. «Она возвышалась на каменном основании в 15 локтей, а сама была срублена из тесанного брусья и выбелена, как сыр: светилась на все стороны». Князь Волынский Владимир Васильевич, построив город Каменец, создал в нём столб каменный высотой 17 сажень «подобен удивлению всем зрящим на него».

Карамзин полагает, что подобные вежи «служили не только для защиты, но и для украшения городов»; следовательно, возможно, что они носили на себе некоторый отпечаток художественности. Упомянутые церкви без сомнения были делом рук Греческих, но для языческих храмов и всяких городских укреплений у нас были свои мастера, недаром Русская Правда (как мы увидим) уже знает строителей укреплений – городников.

Так или иначе, все эти постройки и сооружения говорят за существование опытных в этом деле людей; хотя есть мнение, что каменные строения давно известны Славянам, но летописец видел в каменном строении нечто выдающееся, иначе бы не стал подчёркивать «терем камен», и если постройки были деревянные, то для возведения каменного терема, конечно, требовался специалист – строитель.

Первыми памятниками ваяния были идолы. Не знаю, кто были «Руссы» Ибн-Фадлана; может быть это финны, может быть скандинавы – это до настоящего очерка не касается, но привожу это свидетельство, как о племени, жившем в пределах Руси и несомненно оказавшем влияние на соседей. Ахмет Ибн-Фадлан, писавший в 20 годах X века (Гаркави. Сказ мусул. писат. о слав. и русских. стр. 95) говорит:

«(Рус)... подходит к высокому вставленному столбу, имеющему лице, похожее на человеческое, кругом его малые изображения, позади этих изображений вставлены в землю высокие столбы». Если принять аналогию, проводимую В. В. Стасовым, (Заметки о «Руссах» Ибн-Фадл. стр. 297) между идолами Русов и изображениями, которые ставят Финны на могилах своих родичей почти до сего времени, то надо будет придти к заключению, что для производства таких кумиров специального искусства отнюдь не требовалось.

Собственно, Русские Славяне в древности не знали более развитой религии, чем простое жертвоприношение силам природы. Если бы они поклонялись кумирам, то Нестор едва ли бы прошёл их молчанием, когда рассказывал о «бесовских игрищах» этих племён. Служение лично представляемым мифологическим существам является в его повествовании только постепенно при господстве Варяжских князей. «Варяги, по словам Гильфердинга (Ист. балт. слав., т. 1 стр. 206), забыли на Руси о скандинавских божествах, но они, наверное, принесли с собою потребность в определённой, человекообразной мифологии, какая была у них в Скандинавии, в истуканах, какими славилась Упсала. Этим они, без сомнения, способствовали развитию народной мифологии подчинившихся им Славян». (Опять-таки не утверждаю, кто были Варяги, но ввиду множества совершенно различных мнений по этому вопросу не мешает иметь в виду, что если бы даже Варяги пришли из-за Немана, то и в таком случае, по свидетельству Титмара, Массуди, Гельмгольда были деревянные идолы, которые стояли в храмах в виде цельных человеческих фигур и все они описываются, как произведения искусства). Так. обр. выясняется время появления идолов, т.е. ваяния на Руси, речь же о специалистах ваятелей вряд ли может быть до возобновления Владимиром кумиров, когда летописец говорит: «и нача

княжати Володимер в Киеве один и постави кумира на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а голову его сребряну, а ус злат, Хорса, Даж-бога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь». Тут уже нет сомнения в существовании ваятельного искусства. Слова «вне двора теремнаго» показывают, что, может быть, и на теремном дворе или в другом месте стояли идолы, тут летописец как бы извещает нас не о новости происшествия, а о новости места. Но вероятно прежние кумиры были безобразны, грубы, так что новые идолы более изящные и богатые произвели сильное впечатление на народ и «жряху им, нарицающе я боги, привожаху сыны своя и дщери и жряху <бесом>, оскверняху землю требами своими... и пришед Добрыня к Новугороду и постави кумира над рекою Волховом и жряху ему все люди Новугородския, аки богу». Ясно, что идолы были не слишком безобразны, что они постепенно улучшались, что они могут быть названы художественными произведениями, а люди, создавшие их художниками.

Идол (рисунок из письма Н.К. Рериха к Стасову В.В.).

Кто же делал идолов? Если бы идолы вышли из-под руки иноземца, имели бы иноземное происхождение, то летописец в оправдание русских не преминул бы это отметить. Значит, идолы производились людьми русскими, что вполне и понятно. Кто же эти ваятели? Не всякому можно было поручить такое важное дело, как ваяние божества. Всякое божество должно было быть известного вида, иметь те или другие вполне определённые атрибуты... Все эти традиции могли быть известны одним ближайшим служителям богу – жрецам. Наиболее вероятно будет предположить, что они и были художниками этого дела, т.е., имея для более специальных работ, как то: литьё, чеканка, тесанье, специальных мастеров, они заведовали художественной стороной дела. Таким образом, при этом предположении надо заключить, что первые наши ваятели пользовались привилегированным положением, хотя его давало им, само собой, не художество. (К сожалению, ни в одном из многочисленных известий о прибалтийских Славянах при подобных описаниях идолов не упоминается, кем именно они были изваяны).

С водворением Христианства скульптурное искусство у нас сильно пало, как продукт язычества. Оно осталось лишь как средство украшать зодчество в виде барельефов.

Все наши сведения о первых шагах нашего христианского искусства ограничиваются летописными отрывками скудными и довольно бесцветными. «Повелел Володимер рубити церкви и постави церковь Св. Василия на холме, идеже стояше кумир Перун... и начаша ставити церкви по градам». Церковь Св. Василия была срублена и поставлена – следовательно она была деревянная. Потом следуют краткие упоминания о призвании зодчих из Царьграда для сооружения большого каменного храма во имя Богоматери на месте страдания первых и единственных мучеников в России. «Помысли создати церковь Пресвятыя Богородицы, послав, приведе мастера от Грек... украси ю иконами... и вда ту все, еже де взял в Корсуни». (Лавр. стр.52). Так первую церковь деревянную ставили русские люди, иначе бы летописец упомянул о мастерах от Грек.

Под 1018 г. есть уже упоминание Эйнгарда, что в «этом большом (государстве) городе Китаве, селище сего государства, находится более трёхсот церквей». Древнейший дошедший до нас памятник русского зодчества – это Киево-Софийский собор (1037 г.).

Иконы в первых церквях были исключительно греческие. Об иконе в России есть упоминание, что в 986 году греческий философ, желая обратить Великого Князя в христианскую веру, показал ему икону, «на ней же бе написано судище Господне».

В XI в. встречаем первого русского иконописца, преп. Алимпия Печерского, который отдан был родителями в науку Греческим иконописцам, прибывшим в Киев для украшения Печерской Лавры. Печерский патерик замечает, что Алимпий по окончании монастырских работ, не переставал писать иконы до самой смерти.

В Новгороде первая церковь, деревянная, небольших размеров, во имя Иоакима и Анны, была выстроена под руководством епископа Иоакима, которого предание называет Корсунянином. Вторая была выстроена во имя Софии, тоже деревянная, в 1051 году на её месте был возведён каменный Софийский собор. На этом соборе видно сроднение Южно-Христианского зодчества с северонародным русским, тогда как Киево-Софийский собор есть, в сущности, создание Греческое.

Всматриваясь в архитектуру Новгородского собора, можно сказать, что он не только воздвигнут русскими руками, но и сочинён русским умом. Недаром летописи, говоря о вызове иностранцев для постройки других церквей, не упоминают о подобном призвании при постройке этого собора. Если только это предположение может стать достоверным, то насколько раньше развилось настоящее русское искусство на севере, сравнительно с Киевом.

В 1158 г. Немецкий император по просьбе Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского прислал ему художников и мастеров для постройки во Владимире Каменного Собора во имя Успения Пресвятой Богородицы на месте, где был деревянный Храм, «...и украси (т.е. Андрей) ю дивно многообразными иконами и драгим камением без числа и сосуды церковными, и верхи ея позлати; по вере же его и по тщанию ко святей Богородице приведе ему Бог из всех земель мастера и украси го паче всех церквей».

Неизвестно, что побудило князя вопреки традициям поручить постройку собора нелюбимым за разноречье с русскими Немцам, а не Греческим художникам; должно быть в это время в Константинополе искусства значительно пали, а предки наши настолько уже образовались, что сознали это падение.

В Суздале в 1194 г. обновлена была церковь Богородицы епископом Иоанном. По замечанию Карамзина, «летописец сказывает за редкость, что она была отделана одними русскими художниками»: «иже не ища (Иоанн) мастеров от Немцев, но налезе мастера от клевет святое Богородицы и от своих». Летописец, кажется, хочет упрекнуть Великих князей за то, что, имея уже своих мастеров, они обращались всё ещё к иноземцам. Но так или иначе, но с лишком столет должно было пройти со времени принятия христианства, прежде чем нашёлся человек, решившийся на обновление храма стольного города своими руками, и то только на обновление, т. е. на шаблонную работу.

Но уже то отрадно, что у нас есть свои художники, признанные епископом. Кто же они были? что мы знаем о них? Мы знаем только, что искусство находилось в руках духовенства, смердов и рабов. На последних тусклый свет проливает статья некоторых списков Русской Правды: «За ремесленника и за ремесленницу 12 гривен», имеющая в виду несвободных. Под этим ремесленником надо понимать несвободного человека, знавшего то или другое ремесло – под этот вид ремесленников, так. обр., подходит и раб-художник, искусный в иконописи, резьбе и строительном деле. Такой раб, что вполне понятно, ценился вдвое дороже простого раба, не располагавшего таким рукоделием. Русская Правда знает только несвободных ремесленников не потому, чтобы свободных вовсе не было, а так как несвободные более всего нуждались в правительственной защите. Рассматривая свободные сословия того времени, надо придти к заключению, что если понимать смердов, как низший класс населения, то им занятие ремеслом, а в том числе иконописью вполне приличествовало.

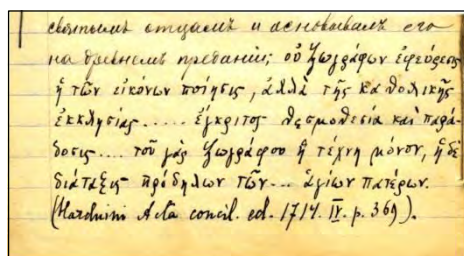
Кроме того, в высших сословиях были художники-дилетанты (т.е., вернее сказать, художницы), занимавшиеся иконописью, как делом богоугодным. Без сомнения, вследствие различных причин бывали художники специалисты и из высших сословий.

Немного странным может показаться, как это производилось подновление церкви, если наши художники, главным образом – рабы. Но не надо забывать, что рабы иной раз пользовались весьма почтенным положением и занимали, так сказать, довольно видные посты, кроме того, заведовать обновлением храма могли духовные чины и сам епископ.

Иноземные художники, по духу летописи, вероятно, находились в исключительных условиях, стояли весьма близко к князю и были в личной от него зависимости.

В XI в. наши художники должны были быть в своём деле довольно опытными; мы имели уже великое множество церквей: в Киеве, Новгороде, Чернигове, Владимире, Ростове, Переславле, Рязани, Галиче и др. городах. Не строились же все церкви и не писались же для них все иконы иностранными мастерами? Ведь кроме того иконы нужны были для всякого дома. Ясно, говорит Погодин, разбирая сочинение Ровинского, что у нас издревле были свои иконники в значительном количестве (тоже следует сказать и о строителях). В виду большого спроса на иконы, число художников должно было естественно увеличиваться и заявлять о себе, но общественное мнение, относясь с уважением к художникам, всё же не даёт им возвыситься. Оно, не соединяя с ремеслом понятия униженного, далеко от понятия о творчестве. Нет различия свободного художества от служебного ремесла. При таком взгляде ремесленники-художники не могли называться художниками в теперешнем смысле.

Но и в то время существовало понятие более близкое к нашему понятию о художнике: художник иногда назывался “хитрецом”, а художественность “хитростью” (конечно хитрость состояла не столько в изобретении, сколько в исполнении. Так на VII Вселенском Соборе диакон Епифаний говорил, что ведению художника должна подлежать только техническая сторона, сочинение же икон представлял он святым отцам и основывал это на древнем предании: <Οὐ Ζωγράφων ἐγεύρεῖς τό...>² (Nardnini. Acta concil. ed. 1714. IV. p. 369).

(А взгляд Епифания вероятно не представлял собою совершенно оригинального явления, - как говорит Покровский, - которое бы могло стать в полный разлад с действительностью).

Волынский леописец, рассказывая о великолепии церкви Св. Иоанна, построенной Данниилом Галицким, замечает, что на храме были изваяны головы «хитрецам неким».

Тогдашнему художнику уже позволяется проявлять свою «производительность и замышление»; к сожалению эти понятия обыкновенно прилагались почти только к иноземцам; долгое время только иноземцы могли быть «хитрецами», проявлять «производительность», а наши Ивашки с други подписывали себе церкви, не смея раздвинуть рамки, начертанные для них «хитрецами». И много воды утекло, прежде чем Стоглавый собор вспомнил о них.

Русская же Правда даёт понятие и о строителях. Она определяет городняку (строителю городских укреплений) «заклодиючи городню куну взяти, а кончавше начата, а за корм и за вологу и за рыбу 7 кун в неделю, 7 убороков пшена, 7 лукон овса на четыре кони, плати же доколе город срубят, а солоду едину додят 10 лукон». Так оценивался труд строителей. В древнее время они носили звания: плотники, древодельцы, кораблетворящие, мостники, деревянные здатели, городники и т.д. Из них под интересующее нас понятие зодчего более подходят два последние вида.

Под 1276 г. летописец упоминает о муже Алексее, который строил крепости. “И посла Владимир (Галицкий) мужа хитра, именем Алексу, иже бяше при отце его, многи города рубя и посла и Володимер с тоземцы в челнах во верх реки Лосны, абы где изнайти таково место город поставити”.

Этот Алекса, стоящий во главе такой важной экспедиции, соединяет в себе администратора и строителя. Вероятно его “хитрость” и создала это почтенное положение.

С самого первого своего появления наши ремесленники, как в Греции, Италии, Германии и Англии, разбиваются на товарищества; появляются работы с други, с братиею, с товарищи, со ученики. Нередко художество с его тайнами передается от отца к сыновьям и внучатам, образуя некоторое подобие немецких Künstlerfamilien. Ремёсла предполагают при своём распространении лиц опытных мастеров, учителей и лиц молодых, новых, подмастерьев, учени-

² Во избежание ошибок греческий рукописный текст не приводится (см. в оригинале). – Ред.

ков. При этом возникают продолжительные отношения [между] старшими и младшими, начальниками и их подчинёнными. Предположение о существовании успехов в древней Руси доказывается указаниями источников, напр.: в Псковской судной грамоте говорится о мастерах-плотниках, которые имели у себя учеников. В XIV в. Новгородский епископ Василий повелел расписывать церковь греку Исаю с други: в другом месте делается различие между старейшинами, начальниками иконописцев и их дружиною... В 1343 г. «Митрополит Феогност подписал своего Митрополича-двора церковь соборную Пречистыя Богородицы греческими мастера, а князь Великий Семеон Иоанович подписывал церковь Архангела Михаила русскими иконники, в них же бе старейшины: Захарие, Денисей, Иосиф, Николае и протчии дружина их и не дописаша ее того лета, величества ради и мелкаго письма». В 1344 году подписывали: «в монастыри церковь Святаго Спаса, ...а мастера, старейшины и начальницы быша Рустии родом, а гречестии ученицы Гойтанов и Семен и Иван и протчии их ученицы и дружина».

У Митрополита были Греки, а у великого князя русские писцы – это характерно. Хорошо сказывается отношение летописца, а в его лице и общенародное к родным и чужеземцам художникам. Сказав печальную истину, что греческие иконописцы кончили своё дело скорее Русских, он старается оговориться, да не подумают, что Русские по неопытности не справились с задачей, “но ради величества и мелкаго письма”.

Вторая ссылка даёт нам неразрешимый вопрос: почему летописец говорит: “мастера, старейшины и начальницы?” Надо надеяться, что это синонимы, употребляемые летописателем для вящего вразумления. Вряд ли между этими понятиями возможно было существенное различие.

Доказательством ремесленных общин служит также различие, делаемое в грамотах к Строгановым (Доп. к Ист. Акт. I №№, 117, 118, 119) между «записными и незаписными мастерами». О дружине же говорит и Стоглавый собор.

Уже при первых началах нашего искусства мы имеем 5 видов художников. Во-первых, профессиональные художники: 1, иноземцы; 2, художественно-ремесленные артели; 3, монахи. (Конечно, все три вида нередко перемешивались). Во-вторых, художники дилетанты: 1, высшие духовные чины (Св. Петр, Митр. по выражению летописи: “извыче иконному художеству”. Затем Ровинский указывает 4 митрополитов Московских, занимавшихся иконописанием: Симон, Варлаам, Макарий и Афанасий; 2 лица княжеского и боярского преимущественно женского пола. Известны примеры княгинь и княжён, с превеликим усердием писавших иконы и книги. Писание книг обыкновенно было дело художественное; так, по словам Татищева, продолжатель Нестеровой летописи XII в. «был искусен в живописи, что едва не всех в его время бывших князей лица и возраст описал». Такие иллюстрации находим мы в житии Бориса и Глеба, Святославовом Сборнике, Временник Георгия Амартола и др.

Не прожило наше христианское искусство и четверти тысячелетия, как его поразило испытание, затормозившее правильное его развитие – татарское иго. Руси было не до искусства – лишь редко проскальзывает указание о постройке той или другой церкви. Иностранцы художники не едут.

Наши строители и живописцы обязаны были, как говорит Н. Аристов (Пром. др. Руси, стр. 88), работать на татар, но мастера, принадлежавшие духовенству, освобождались от этих работ; в ярлыке хана Узбека (ок. 1313) сказано: “а что будут церковные люди, ремесленницы... или писцы, или каменные зда-

тели, или деревянные, или... мастера казковы... а в тех никто не вступается и на наше дело да не емлют”.

Плано-Картини пишет, что татары где владеют “как будто у себя берут всех лучших ремесленников и заставляют их работать на себя, а другие платят им подать от своей работы” Но следует добавить, не на одних татар обязаны были работать ремесленники: князья и духовенство имели право давать работы мастерам по особым условиям с народом и могли освободить их в виде льгот. В грамоте Владимира Галицкого (1288) читаем: “аже будет князю город рубити, и ни к городу... не обязаны выходить на работу”.

В XIII и XIV ст. только богатый Новгород, пользуясь миром, мог приютить искусство, широко развившееся под свободным государственным строем его.

Новгородские иконописцы, вероятно, стояли на высоком уровне, если сами Немцы нанимали их расписывать свою ропату³. Ведь не из-за неимения же других мастеров пришлось им обратиться к русским. Новгород имел слишком обширные сношения с западом, чтобы оттуда нельзя было достать иноземных живописцев. К сожалению, до нас не дошло юридических памятников Новгорода того времени, где бы говорилось о художниках, по всему вероятно в нём они были более заметны и более выделялись из контингента других ремесленников, чем на юге. Но сравнительно недолго самосудный Новгород являлся единственным центром и средоточием искусства. Великокняжеский и святительский [престолы] начинают привлекать художников в Москву.

II

Москва. Период до Иоанна Ш. Иоанн Ш. Иноземцы. Свидетельство Контарини и Герберштейна. Иоанн IV. Стоглавый собор. Почитание иноземцев «паче простыя человек». Юридические случаи. Иконописцы – надзиратели. Светский и духовный суд. Границы творчества. Гравёры. Федор Иоанович и Московская разруха.

Переходя к Московскому периоду, надо упомянуть опять Плано-Кортини, встретившего в 1246 г. при дворе татарского хана русского художника, мастера Козьму. Это свидетельствует о том, что «наше русское» не окончательно было «убито татарами», что, по словам И. Забелина, не правильно многие полагают, «что Русь всегда пребывала для всякого иноземного нашествия, пришествия, принесения пустым местом, степью голою».

Вплоть до Иоанна Ш в Москве не происходит ничего выдающегося в деле искусства и его носителей. Калита даёт начало художественной деятельности: строит в Москве первую каменную церковь Успения, - 1329 г. церковь Иоанна Лествичника (Иван Великий).

Недолгое княжение Симеона служит продолжением начинаний Калиты и оставляет память началом в юной Москве иконописи и литейного искусства. Выше приведённые ссылки (на стран.[35]) относятся к этому княжению.

При Василии Димитр. построена и подписана церковь Рождества Богородицы (1395-95), подписаны соборы Архангельский (1399) и Благовещенский в (1405). Мастерами при подписывании этих двух церквей были Феофан Гречин, Семён Чёрный с их учениками, в числе которых должно быть был знаменитый Андрей Рублёв (Радонежский), на которого ссылается Стоглав, как на образец.

(В 1405 г. он подписывал Благовещ. собор вместе со старцем Прохором с Городца и в 1408 великую церковь Владимирскую вместе с иконником Данилом).

Выдающимся, если и не слишком благотворным событием для нашего искусства, был брак Иоанна III с Софьей Палеолог.

Возрождение, широким потоком разливавшееся по Италии и распространившееся по соседним странам, оказало теперь влияние и на Россию (хотя все не такое существенное, как повествует западная литература – главным образом это влияние ограничилось передачей технических приёмов). В 1473 с царицей Софьей прибыло много иноземцев.

К этому времени относятся первые русские посольства в Европу, главною, а подчас и единственною целью которых был наем и доставление в Москву рабочих, артистов, художников, докторов и т.д.

Особенно замечательно путешествие Толбузина в Рим в 1475 г.; это посольство дало нам итальянца “бессмертной славы”. Рудольф Фиоравенти, - говорит Пирлинг, известный под именем Аристотеля, - был знаменитостью своей родины. Слава его была настолько велика, что губернатор Болоньи говорил про него «никто не знает в архитектуре того, что известно Фиоравенти”. Призываемый одновременно Султаном Баязетом и великим кн. Иоанном III, он предпочел Кремль Босфору и отправился в Москву со своим сыном Андреем. Известный художник предпочитает Баязету, сочувствовавшему искусству, Иоанна III; покидает родину, прославлявшую его, - очевидно ему было известно хорошее положение художников на Москве.

В 1490 г. брат царевны Софьи привёз фряжского мастера Алевиза, Петра и др. Вообще в это время продолжается постоянный наплыв иностранных художников (немецких и итальянских) в Россию, оказывающих между прочим влияние и на живопись, тем более, что Греция не могла давать образцов для русских иконописцев; хотя среди этого наплыва художников вряд ли много было живописцев, так как, по свидетельству Краковского каноника Сакрария 1500 г., русские “только чествовали образа, поставленные в их церквях, или писанные их мастерами”.

Говоря о наплыве иностранцев в Россию, следует не забыть одно любопытное свидетельство венецианца XV в., рисующее взгляд иноземцев на русских. Известный венецианский патриций Амброджио Кантарини, посланный в Персию с важными поручениями к Узун-Гассану, говорит, что резиденция Великого князя (Иоанна III) сводилась к сборищу плохих домов, выстроенных за дешёвую цену без всяких художественных претензий, а относительно населения России замечает, что мужчины и женщины красивы, но этот народ находится в животном состоянии (*gente bestiale*).

Относительно княжения Василия III барон Герберштейн говорит, что Василий первый начал обводить крепость стеною, что крепостные сооружения (*eins castus rgoruqnasula Basilicae*) и дворец князя выстроены из кирпича на итальянский манер теми итальянцами, которых князь вызвал обещанием больших наград. В бытность Герберштейна в России строились многие храмы из камня.

Но это одни исторические факты: как же теперь работали наши родные художники? Какое положение занимали они в обществе? Как смотреть на них? Куда их отнести? Совершенно такие же вопросы должны были подыматься и во время Василия III и начала царствования Иоанна Грозного. Художников увидели, но как смотреть на них, не знали. Иконописцы, выдвинувшиеся за

пределы древних ремёсел, оставались сословием, никуда не приуроченным, хотя на деле они находились все это время под началом церкви.

Ко времени Иоанна IV этот вопрос настолько назрел, что Стоглавый собор нашёл нужным посвятить ему целую главу (43), рисуящую довольно ясную картину положения русских художников с начала московского периода, именно, с начала, потому что постановления собора не могли явиться извне, а были, без сомнения, следствием многолетней практики.

Давая художнику прочное положение, заставляя общество относиться к нему с уважением, собор предъявлял к нему строгие требования. Вот какими хочет видеть художника собор: «Подобает быть живописцу смиренну, кротку, благовейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницу, не грабежнику, не убийцу, но иначеж хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением; не могущим же до конца тако пребыти по закону женитесь и браком сочетатися и приходити ко отцем духовным и во всем извецатися и по их наказанию и учению жити в посте и молитвах и воздержании со смиренномудрием, кроме всякаго зазора и безчинства и с превеликим тщанием писати образ Господа нашего Иисуса Христа,... смотря на образ древних.

Поставивши художников в такие строгие рамки, собор успокаивает их повышением их положения: «аще некоторые нынешние мастера живописцы тако обещахшеся учнут жити и всякия заповеди творити и тщание о деле Божии имети и царю таких живописцев жаловати, а святителям их бречи и почитати паче простых человек».

Собор отдаёт художников всецело на съедение высшего духовенства, т.е. смотрит на них почти как на служителей церкви: «Митрополиту, архиепископом и епископом бречи о многоразличных церковных чинах, пачеж... о живописцах и прочих церковных чинах». Каждый новый ученик живописца должен сперва получить известную санкцию епископа: «и аще кому открывает Бог такое рукоделие, и приводит того мастер ко святителю». Участь ученика зависит от произвола епископа: «аще будет написанное от ученика по [о]бразу и подобию, и увестъ известно о житии его в чистоте и всяком благочестии... абе благословив наказует его и во пред благостно жити... И приемлет от него ученик той честь яко же и учитель его, паче простых человек».

(Высшим духовным властям) Архиепископам и епископам поручается везде испытывать мастеров иконным и «избравше коиждо их во всём пределе живописцев нарочитых мастеров да им приказывати надо всеми иконописцы смотрити, чтобы в них худых и безчинных не было: А сами епископы смотрят над теми живописцы, которым приказано и брегут такового дела накрепко... А вельможам и простым человекам тех живописцов во всем почитати и честно имети».

Неужели же собор улучшает положение лишь получивших привилегию от епископа живописцев начальников: только они почитаются «паче простых человек»? Очевидно, здесь собор подразумевает не одних только начальников живописцев, которым приказано смотреть за другими; без сомнения, не они только, а все пишущие «не символовкою» пользуются этим упроченным положением. Здесь собор, желая установить некоторую иерархию в живописном деле, выразился неточно: иначе же не было бы различия между пишущими «худо и не учась» и живописцами «добрыми», но не начальниками. Тут мы имеем дело уже не с более выдающимися членами, представителями артели, а в

некотором роде художниками надзирателями, инспекторами и притом даже ответственными: «а иже от гораздых мастеров иных не научит и не укажет да будет он Христа осужден, скрывшим талант на муку вечную».

Интересны некоторые чисто юридические подробности, упоминаемые Собором. Вероятно, практиковалось, что мастера, представляя святителю учеников, показывали чужие, не ими писанные работы. (По всей вероятности, это делалось из желания выдвинуть родственника, потому что иные корыстные побуждения вряд ли уместны). Собор говорит: «аще кому не даст Бог такового рукоделия, учнет писати худо или не по правильному завещанию жити: а ин (мастер) укажет его горазда и во всем достойна суще и показывает написание инаго, а не того, и святитель обыскав полагает такового мастера под запрещением правильным, яко да и протчии страх примут и не дерзают такового творити. А ученику оному иконнаго дела отнюдь не касаться». Как же это святитель делает розыск? Это даёт повод предположить в случае правильного видения дел существование ещё особых должностей, ведь подобные проверки были часто необходимы. Запрещение было для художника наказанием весьма тяжёлым, так как лишало его заработка и лишало средств к существованию.

Также предусматривается и случай зависти.

«Аще которому ученику открыет Бог учение иконнаго письма и жити начнет по правильному завещанию, а мастер начнет нахуляти его по зависти, дабы не приял чести, якоже он приял», и за это полагалось на мастера запрещение: за скрытие таланта полагается «осуждение от Бога на муку вечную».

Затем характерен следующий случай: «которые по се время писали иконы, не учась, самовольством и самоволкою и не по образу и те иконы променяли дешево простым людям поселянам невеждам: оно тем запрещением положити чтобы учились у добрых мастеров... и аще которые не престанут от такового дела, таковии царскою гразою наказуются и да судятся».

Это весьма важно. Здесь единственный раз упоминается не духовный суд, да и то не за самый проступок, а за ослушание. Очевидно, художники только за дисциплинарные и вообще уголовные проступки отвечают пред Светским судом, в делах же профессиональных судятся лишь епископом.

Что уважение к художникам было не на словах только закона, а и на деле, говорит Лешков (Ист. общ. права. 433), это можно видеть из «пожилой записи» 1615 г., где Архимандрит Хутынскаго монастыря принимает на себя содержание и уплату жалованья иконнику только бы тот жил у него и работал на него. Так, конечно, действовали епископы, власти и монастыри для удержания других художников. В pendant к тесным рамкам, в которые заключает собор художников, можно привести указ XVI или начала XVII в.: « како назнаменити святого и в колко мер (прив. Ровин. в Ист. рус. икон. стр. 74). Размер святому всякому мера: полдевяти главы до пят и весь в 9 глав; до пупа три главы, а локоть по пуп смечай; а от пупа до колена три главы, а от колена беру полтретьи главы, а весь святой три меры, а в плечах две главы, а в брюхе полторы главы. А в лицах размер в три же меры: брада до губы да нос – первая мера, а вторая мера – нос так же до брови, а глазам мера три глаза; а прямое лице знаменити и лоб третья мера всей главы; а уши ставить у прямыя главы, как пригож против брови, а уши до половины ноздри, а глаз ставить посреди уха».

С XV в. только Москва и могла доставлять материал для развития художеств, вышедших из уровня первоначальных потребностей; она делается единственным центром искусства; всё более или менее выдающееся стремится

ся и вызывается в стольный город (и этим, к слову сказать, тормозится областное искусство, примером могут служить результаты исследования Суловым древних северных церквей, где оказывается, что развитие зодчества того края остановилось на XV в.). Это стремление к центру обуславливает появление актов условий, которыми общины и частные лица стараются обеспечить себя на случай произвольного ухода ремесленников, посредством пеней и других подобных следствий неустойки в слове и обязательстве (Акт. юрид. № 195. Акт. 1. II).

Во второй половине XVI в. вместе с книгопечатанием появляется особый вид художников – граверы. «В противоположность многочисленным граверам запада, художникам творцам, история нашей гравюры, говорит В.В. Стасов, разбирая сочин. Ровинского, заключает в себе только весьма большое число гравёров копистов и мастеров художников в собственном смысле между ними нет». Первая гравюра на дереве, изображавшая Евангелиста Луку, появилась в виде приложения к первой напечатанной по царскому повелению в Москве книге (Апостол 1564 г.). Специальных гравёров наша история не знает; по большей части гравёрами были знаменщики Государя, впоследствии состоявшие при отделении Оружейной Палаты.

Время Фёдора Иоановича, Бориса Годунова и московской разрухи не прибавило ничего выдающегося в жизни художества. (Как особенно грандиозное сооружение этому времени следует отметить постройку Борисом Годуновым колокольни Ивана Великого, предпринятой во время голода 1600 года, чтобы дать заработок народу).

Ш

Оружейный приказ и палата. Иконописцы жалованные и кормовые. 3 статьи. Жалованье. Вызов иконников в Москву. Патриаршие иконописцы. Приём иконников в Оружейную Палату. Испытание. Сословие городских иконописцев. Мнение Ровинского. Казуистика вызова в Москву. Иностранцы живописцы. Отношение духовенства к иноземцам. Жалованье. Ученики. Записи. Неустойка. Иконописцы вне стольного города. Холуйское дело. Выборные. Движение в живописи. Живописный дворянский манер. Зодчие. Миниатюра-иллюстрация. Лубки и немецкие печатные листы. Их продажа. Патриаршие указы, вызванные ими. 3 периода в жизни художников до XVIII в. Просьба Антиохийского Патриарха. Сравнение требований Стоглава и Оружейной грамоты 1669. Отношение Алексея Михайловича к художникам. Влияние на них утилитаризма Преобразователя.

Эту часть очерка нельзя не посвятить глубокоуважаемому Ивану Егоровичу Забелину, так как она основана на материалах, собранных, за малыми исключениями, им одним.

Во время Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича, в этом золотом веке нашего старого искусства или, точнее, наших художников, мы встречаемся с особым, вполне определённым учреждением – Оружейным Приказом, который по характеристике Катошихина «ведает тот же окольников, что и Новую четверть, а с ним дьяк. А ведомо в том приказе дворы, где делают ружье и казен-

ные оружейные палаты и ствольного и ложного и замочного и иного дела мастеры... и дают им за работу поденный корм из царские казны...и на всякий расход и на жалованье мастеровым людям деньги емлют из Новых четверти» (Кат. «О России» стр. 86).

Оружейная палата, между прочим, имела в своём ведении и иконный терем, где работали иконописцы. Иконный Терем является какой-то своеобразной Академией Художеств того времени, к тому же довольно целесообразной: - всё что ни есть лучшего и способного собирается в терем в силу царских Указов.

Царские постоянные живописцы имеют строго выработанный строй. Они разделяются на жалованных и кормовых; как те, так и другие выбирались из добрых городских живописцев. (Ровин. ист. рус. шк. икон. стр. 34.). Кормовые живописцы отличались от жалованных тем, что они не получали годового жалованья хлебом и деньгами: им выдавался один поденный денежный и дворцовый корм во время работы. Одни состояли постоянно при Оружейной Палате, другие по окончании работы распускались по домам.

По своему искусству и живописи они разделялись на большую, среднюю и меньшую статью.

К первой статье во время работ причислялись и жалованные мастера. Каждая статья имела особое жалованье: напр. в 1660 г. выдавалось «большой статье по гривне человеку; 2-ой статье по 2 алтына по 5 денег; 3-ей статье по 2 алтына и 2 деньги. С сытного дворца московским иконописцам по 8 чарок вина дворянска; по 4 кружки меду ежеднаго; по ведру браги человеку; с кормового дворца по две ествы на день; с хлебного дворца потому, да <.....>, а городским иконникам против того в полы. Да московским же по праздникам в неделю и по вся суботы приказ с романсею» (Заб. мал. ист. иконоп. стр. 36).

Несмотря на такую прочную по-видимому постановку дела, очевидно не всегда аккуратно получали царские художники свое жалованье. В материалах, изданных Забелиным, неоднократно встречаются подобные случаи; для иллюстрации приведём один, где в числе челобитчиков является знаменитый Симон Ушаков. «Царю Государю и Великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья Руси Самодержцу бьют челом холопи твои иконописцы Симка Ушаков, Степка Рязанец, Федка Зубов, Никита Павловец, Федка Козлов, Ивашко Леонтьев, Ивашко Филатов, Сергушко Рожков, Егорко Зиновьев, Андрюшка Ильин, Федка Матфеев. По Твоему Государеву указу на нынешний Государь на 178 год Твоего Вел. Государя жалованья кормовых денег нам не выдано. Милосердный Государь Царь и В.К. Алексей Михайлович Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, пожалуй нас холопей Твоих, вели Государь и нам своё Велик. Государя жалованье кормовые деньги на нынешний 178 год выдать. Царь Государь, смилуйся пожалуй 178 г. Декабря в 2 день по сей челобитной оружейные палаты иконописцам Симону Ушакову с товарищи Государева жалованья поденного денежного корму Сентября с 1-го числа Марта по 1-е число нынешняго 178 года, а кому имяны мастеровым людям поденного денежного корму дать и почему и то писано ниже сего...» Причём Симон Ушаков в 1668 году получал 30 рублей в год, ржи и овса по 26 черт-вертей, поденного корму по 3 алтына 2 деньги на день.

Кроме годовых и поденных окладов, как жалованные, так и кормовые иконописцы получали и жалованье имянинное и праздничное. В 1666 г. день Светлаго Христова Воскресенья им выдано из приказа Большого двора «по

ведру вина, по 2 ведра пива, по ломтю ветчины, по три части солонины, по пяти языков говяжьих, по пяти ложков гусиных, по осьмине муки пшеничной человеку». Часто по окончании значительных работ, иконники получали особенное жалованье: Степан Рязанец за иконное художество получил: «однорядку сукно <мундир> с пуговицы серебрянными, ферези камчатые куфоперные с завязки шелковыми с золотом, кафтан камчатый куфтерный, под ферези штаны суконные, шапку бархатную с соболем, сапоги сафьянные; зурь на охобень добрую, для того писал он, Степан, в церковь иконное изображение» (Одежда, как видно, знатная, дворянская). Подобные же выдачи проводились и при торжественных событиях; так по случаю рождения царевича в 1666 г. выдано всем царским иконописцам по сукну на человека.

Как уже указано, в Оружейную палату иконописцы выбирались из добрых городских иконописцев. В 1669 г. по Государеву указу боярин и оружейничий Богдан Матвеевич «приказом взят в Оружейную палату, в жалованные иконописцы для приказных всяких верховых дел и для починки образов вновь, огородные слободы тяглицы Василия Иванова, сына Колмогорца. В 1668 г. определены в жалованные иконописцы ученик Симона Ушакова Георгий Терентьевич Зиновьев (крестьянский сын Гаврилы Островского, купленный у него за 100 р. (Заб.100) и нижегородец Никита Иванов Половец (крестьянин князя Якова Куденетовича Черкасского). Вот откуда брались жалованные иконописцы. В одно время при Оружейной палате находилось до 10 жалованных иконописцев, иногда и больше. Часто количество иконописцев, состоявших при Оружейной палате для Государевых и Приказных дел, оказывалось весьма недостаточным и тогда, как при подписании Архангельского Собора в 1660 г. в Москву собирались иконники других городов России.

Патриархи, как и раньше, имели своих иконописцев, которых, однако, в случае надобности вызывали в Оружейный приказ и посылали на работы наравне с городскими иконниками.

При вступлении в число жалованных иконописцев давалась поручная запись. Подобные записи принимали пристава Оружейного приказа; в ней несколько прежних жалованных живописцев ручалось за новопоступавшего в том, что он за их порукою будет «у Государева дела, в иконописцах, всегда с своею братиею беспрестанно и не пить и не бражничать и не ослушаться и всегда быть готову, а будет он с своею братиею беспрестанно быть не станет и на нас порутчиков пеня Великого Государя; а пени, что Великий Государь укажет и наши порутчиковы головы в его Андреево место» (Заб. 102). Под конец приводились свидетели.

Из другого подобного акта мы узнаём, что человек призванный и принятый в число царских живописцев, как бы закрепощался у Оружейной Палаты. Антон Анфимович ручается, что и ему, «к Государеву делу к иконному письму всегда быти готову и с Москвы не съезжать». Это выражение чрезвычайно напоминает записи, дававшиеся боярами князю при приезде на службу и свидетельствует, как дорожили художниками, предусматривая случай переманивания.

При приёме производилось также некоторое испытание, Никита Иванов написал (Заб. 102) «по указу Великого Государя вновь иконного своего художества изображение, на одной уке образ Всемилоствиваго Спаса, Пречистыя Богородицы, Иоанна Предтечи. И по свидетельству Московских иконописцев Симона Ушакова с товарищи, Никита Иванов мастер добрый». От того или другого заключения производивших испытание зависел самый приём нововыписанно-

го. Так, Климент Еремеев (Заб. 65) отсылается обратно в Галич, потому что он, по заключению московских иконописцев, - "иконного воображения писать не навычен; и по нашему В. Государя указу тот Климко с Москвы отпущен и впредь его к иконным делам высылать не велено, а жить ему в Галиче по прежнему... больший или меньший размер жалованья.

Жалованье назначалось сравнительно с тем или другим, или, как говорились, против того или другого, из старых иконников, смотря по искусству новопоступившего.

Городовые иконописцы в XVII в., говорит Ровинский (Ист. рус. шк. икон. 39) не составляли особого сословия. В числе их встречаются садовники, огородники, ямские бобыли, крестьяне пушкари, много лиц духовного звания, так что выходит, что особое сословие живописцев составляли лишь иконописцы жалованные и кормовые; иначе говоря, в Москве это сословие доходило численностью лишь до 30 человек. (10 жал. 20 корм.). С этим трудно согласиться. Вернее предположить, что, если и встречаемся с указаниями на то, что тот или иной иконник был огородник или крестьянин, то этим лишь указывается его происхождение, его первоначальное занятие, хотя может быть и не оставленное при вступлении в число живописцев, отчасти указанием на то, что и городовые иконописцы причислялись к особому сословию, служат между прочим слова его же, Ровинского, что всем городовым иконописцам, как видно из дел Оружейного приказа, велись списки, и в вызове их соблюдалась очередь. Для стенового письма в Успенском соборе 1642 г. приказывается «во Пскове иконописцов по росписи и сверх росписи сыскать всех... что их есть наших посадских людей и боярских и княженицких и монастырских и торговых и всяких людей у кого ни буди, чтоб... стенному церковному письму прорухи не было» (Акт. Археогр. экс. Ш). Этим-то внесением в роспись и обуславливалось вступление в особое сословие художников. Воеводы руководствовались этими списками при высылках иконников по царским указам на Москву. "Се яз Емельян Дмитриев сын Пушкарев, да яз Конон Григорьев сын Попов, да яз Стахий Митрофанов, все мы Костромичи посадские люди. Тяглые иконники поручимся, есмы ружейного приказу приставу Дмитрию Алексеевичу друг по друг в том: быти нам у Государевых иконописных вместе неотступно; а буде мы у Государевых иконописных дел не учнем быть или сбежим и на нас на иконниках пеня Государя Царя и В. К. Алексея Михайловича всяя Великия и Малыя и Белья России Самодержца, а пени, что Государь укажет. А кто нас иконников будет в лицах и порутчика на том пеня и порука вся сполна. (Заб. 22).

Иной раз присылка иконников вызывала переписку такого рода: воеводе Переяславля Залесскаго Федору Дмитр. Солнцеву было отписано: «с осудом большим», что «ныняшняго 167 г. Июля в 15 день писал ты к нам В. Государю с Переяславским разсылщиком с Левкою Дмитриевым и прислал переяславских иконописцев Степку Ляпунова с товарищи трёх человек и по них порученныя записи; а в поручных записях поручных никого не написано, а писали порознь порученныя записи они иконописцы меж собою сами и то так делают плуты, не рассмотря кто там к нам В. Государю пишут; а про монастырских иконописцев прислал ты к нам В. Государю тех монастырских властей сказки за их руками; а в сказках их написано: Горицкаго монастыря козначей Сергей сказал: монастырский Дмитрейко Григорьев ныне в Москве, а Федоровскаго монастыря Игумен Перфилей сказал, что в Федоровском монастыре иконописцев нет; а Предтеченский поп Микита сказал, что сын его Федка отдан иконному

письму доучиться Костромским иконописцам. А Переяславские иконописцы Степка Ляпунов с товарищи на Москве у наших дел сказали: Городецкаго монастыря иконописец Дмитрейко Григорьев в монастыре и Федоровском монастыре иконописец Купрятка Андреев, а Попович Федка в Переяславле Залесском, а не в отъезде а к нашему иконописному делу не выслан; и то знатно, что ты Переяславских монастырей властем в тех иконописцах для своей бездельной корысти дружить и тех иконописцев к нам Государю не выслал» (Заб. 22). Затем Солнцеву строго приказывается немедленно выслать иконников из вышеупомянутых монастырей.

Эта отписка чрезвычайно характерна. Оказывается, даже такие почтенные люди, как игумены монастырей, не останавливались ни перед чем, шли на подкуп, решались официально давать Государю ложные сведения, лишь бы сохранить у себя иконописцев, не отпустить их в ненасытную Москву.

Аналогичный случай видим из отписи Ярославскому воеводе Василию Яковлевичу Унковскому... “в прошлых годах до морового поветрия был у наших иконописных дел иконописец с Устюга Великаго Федор Евстафьев, а ныне он Федор от наших иконописных дел бегаёт живет по городам в хоромах. И ныне ведомо нам Вел. Государю про него Федора учинилось, что он Федор живёт в Ярославле у гостя нашего у Аникея Скрыпина... приказывается Федора Евстафьева немедленно выслать в Москву. Тогда Скрыпин подаёт челобитье, из которого явствует, что он нанял Федора для подписания Ярославской церкви Пресвятыя Богородицы, причём дал ему, Федору, наперёд денег на малыя, чем ему от соли подняться и долги свои уплатить; и привёз он “того иконника с женою и детьми от соли Вычегодской в Ярославль на своих поводах и просит позволить Фёдору докончить подписание этой церкви”, что ему и было позволено. Странно, к слову сказать, вышеупоминаемая задолженность иконописцев. Если их так ценили и удерживали, то, казалось бы, не должны были скупиться вознаграждением, а примеры уплаты старых долгов при найме живописца вещь часто повторяющаяся. По Государеву указу при принятии Ивана Леонтьева в число живописных живописцев Государевой казны были заплачены его кабальные и бескабальные долги (Заб. 14). Но вряд ли эта задолженность может служить доказательством плохого материального положения добрых живописцев, – это единичные случаи.

Для большей верности за иконниками посылался “самопальный”, с которым строго на строго приказывалось тотчас же выслать их к делу, вероятно в случаях неоднократного укрывательства.

В некоторых случаях иконописцы вместо вызова в Москву получали заказ для написания известных икон дома. Ростовский Митр. Иона пишет: ...“И мне б, Государь, богомольцу твоему по росписи образцы велеть Переяславским и Костромским иконописцем написать у себя самым добрым мастером и прислать к Тебе Великому Государю на срок”. За всё время подобной работы иконник получает денежный корм, освобождается от тягла: и на дом его не ставилось стояльцев.

Как указывалось выше, при вызове на Москву иконников из других городов велись списки и соблюдалась некоторая очередь, но точность этих списков и очередь была слишком относительная, если мы имеем жалобы такого рода “...а на Вологде иконописцов человек сорок и больше, а из иных, де, городов иконописцов к Москве и не емлют из Даниловской слободы, из Ярославля, из <Ищи>, из Кинешмы, из Гороховца, из Тулы: и в дальних, де, волокитах чинятся

им многия убытки и от того разорились в конец, а жены их и дети на Устюг ходят в миру и питаются Христовым именем. И В. Государь пожаловал бы велем их имать в Москву для иконнаго письма по очередно, чтобы им с домиками своими не разоритца и конец не погибнуть”. (Забелин. 108)

Кроме разделения на жалованных и кормовых и на три статьи иконописцы иконнаго терема разделялись по роду занятий на знаменщиков (рисовальщиков), лицевщиков (писавших лица), долицевщиков (писавших ризы и палаты), тровщиков (пейзаж), златописцев, левкашиков, терщиков.

В круге занятий иконописцев Оружейной палаты (Ровин. Истор. рус. икон. 36) “Кроме иконописи входило составление планов, городов, рисунков для гравирования, работа для денежного двора”, а на кормовом дворе доски пряничные писали и кадки яичные травами писали и столы травами писались, решетки и шесты а также прорезные доски (для царевича), болванцы, трубы, печи и т.д.; составление смет, сколько надо было материалов сколько человек и во сколько времени могли окончить работу; прием красок, надсмотр за работами (хотя главный надзор поручался иногда стольнику и дьяку)” и уже упомянутый разбор новых иконников на статьи и производство им приёмного испытания. Насколько ценились отзывы царских изографов, можно видеть из того, что при расписании Грановитой Палаты Симон Ушаков с товарищами сказали, что Грановитые Палаты “вновь писать самым добрым письмом прежняго лутче или против прежняго в толикое время малое некогда; к Октябрю месяцу никоими мерами не поспеть для того: приходит время студеное и стенное письмо будет не крепко и не вечно”. И работы начались на следующий год. Кроме иконнаго терема иконописная работа производилась и “в пещерах от Краснаго Крыльца”. Жили московские иконописцы около одного места, так как некоторые улицы Китай- и земляного города слыли иконными.

В заключение о государевых и патриарших иконописцах надо привести грамоту патр. Никона (с выговором властям за пристрастный их розыск по делу об обиде иконника Артемия монастырскими крестьянами, из которой можно видеть, что патриарх, равно как и государь, находились на страже интересов своих художников... “Писали мы к Вам велик. господину, между прочем, - читаем мы в грамоте Никона, - что... прислал к вам наш иконник Артемий для снимку икон и Октября, де, в 28 день он, Артемий, поколотил мужика Панку, от воров кто не оборонится хотя бы и больше перерезал он себя боронясь, малая то вина. И вы пишете про своих лишь, а кто его бил про то никакого <дви...> нет, а сами свидетельствуете, что бить и гораздо бить, а кто бил, того нет, кроме его расписных речей, а знатно то: мужик виноват, зазвал в гости, да сильно потчивать и не стал пить и они почали его бить и вы его же сковали без ума”. (Акты ист. VI 149).

Но несмотря на сравнительно близкое положение иконописцев к Государю, по окончании службы за старостью они не получали пособие. Так Ивашко Соловей подаёт челобитную Алексею Михайловичу в том, что «его беднаго за скорбь и за старость от... Государевой Оружейной Палаты отставили и ныне он бедной и бесприютный скитается <сам> четверть с женишкою и с робятишки между двор, где дене, где ночь, помираю с голоду и наги и босы (Заб. 74). Затем Соловей просит позволения постричься в Федоровский монастырь, что ему и разрешается, а семейство его остаётся без всякой помощи.

Из иностранных живописцев, западные, находили приём только у царя, так как патриархи их весьма не жаловали и старались набирать себе иконописцев

лишь из Греков и своих Русских. Хорошей иллюстрацией отношения духовенства к западным выходцам служит рассказ Олеария. Он говорит, “что в прежнее время Немцы, Голландцы и Французы и другие иностранцы, служившие у Великого Князя или по торговым делам прибывшие и жившие в Москве, должны были носить платье и всю одежду, сшитые на русский образец, чтобы тем оградить их от ругательств и оскорблений черного народа. Но назад тому (1638) год нынешний патриарх изменил это и именно по следующему случаю: однажды, когда в городе был большой торжественный ход, в котором принимал участие сам патриарх, благославляющий обыкновенно по улицам народ, толпящийся вокруг, несколько немцев, стоявшие также в толпе между русскими, отвечали на благословление патриарха не такими низкими поклонами, как русские. Патриарх с неудовольствием посмотрел на них и, узнав, что то были немцы, сказал: “не подобает недостойным иностранцам по неведению моему их получать моё благословение”. И потому, чтобы впредь он мог узнавать их и различать от русских в толпе он издал строгий приказ всем иностранцам, чтобы они немедленно перестали носить русские одежды и ходили в своих их стране свойственных платьях”. Насколько можно судить по сохранившимся источникам, положение иностранцев при дворе было довольно прочное, но всё-таки решиться ехать на русскую службу требовало значительного риска, они едут в Россию “ради пресветлой неизреченной милости Царя и многомилостиваго и похвального жалованья”. Жалованье и подарки им выдавались бóльшие, нежели русским иконописцам, относились к ним с бóльшим уважением, что вполне и понятно. Так Данило Вухтерс получает “денег 20 рублёв, 20 четв. ржи, 10 пшеницы, четверть круп грешневых, две чети гороху, 10 четей солоду, 10 четей овса, 10 полоть мяса, 10 ведр вина, 5 белужек, 5 осетров; а иным живописцам выдача в корму не в образец, для того, что тот мастер живописец свидетельствованный и пишет самым мудрым мастерством”. (Заб. 82).

Но рядом с этим встречаются такие факты, что Станиславу Лопуцкому, польскому выходцу, нечем было “лекарем за лекарство платить, во время болезни (Заб. 108)”; а затем после его смерти жене его опять пришлось беспокоить Царя, так как она помирает голодною смертью и похоронить его ей нечем, на что и было выдано ей 20 рублей. Конечно, выражение: помираю голодною смертью нельзя понимать в прямом смысле; подобные выражения употреблялись для вящего умиловливания.

Знаменитый живописец Богдан Салтанов, выходец из Шаховой области, записанный 1675 за своё искусство и за службу, а также за то, что принял православную веру, в дворяне по московскому списку – первый художник дворянин – жалуется на то, что ему «на 179 г. месячного корму ничего не дано и проелся без остатку и занял на пропитание у своего человека 60 р. с лишком и те деньги изхарчил же и впредь прокормиться стало нечем (Заб. 120)». Ещё можно бы допустить некоторую беспечность в отношении второстепенных художников, но такое обхождение со знаменитыми живописцами весьма странно.

Иноземные художники, поступая [на] Государеву службу получали учеников, которых должны были выучить всему, что сами знают. Иной раз иноземцы не совсем выполняли эту задачу, так ученики Станислава Лопуцкого Ивашка и Доронка говорят: “мастер их живописному письму не учил; только их выучил по дереву и по полотнам золотить”. Тогда от Лопуцкого отнимают учеников и отдают Даниле Вухтерсу, который говорит, что он, “Станислава Лопуцкого всякия живописныя дела делает лутче, не только что его, Станислава, но и преж-

няго живописца Ивана Детерса всякие живописные дела делает лутче". Из-за учеников как у иноземных, так и у русских мастеров выходят споры, доходящие до Государя. При отдаче сына в ученье на урочные годы заключалось обстоятельство, запись, в силу которой ученику "дожив своих реченых лет не сбежать и не покрасть;" в случае же нарушения этих условий, ставилась неустойка, напр.: "а будет сын его Ларионов, не дожив урочных лет от меня по кратчи збежит, взяти мне в том Ларионов по записи за ряду десять рублей". Для взыскания этой неустойки обращаются к Государю с челобитной, прося дать Царский суд и Управу (Заб. 5).

Какова же общая картина положения художников, кроме мастеров Оружейной Палаты, вне стольного города? Если бы не принимать в расчёт утрированных выражений челобитен, то по материалам Забелина, получается картина весьма мрачная. Мы уже раньше видели положение Устюжских мастеров. Можно ещё привести отписку Вологодских иконников от 1660 г.... "В прошлом году 160 по Государевой грамоте высланы были с Вологды к Москве для их иконнаго письма Терентий Фокин, Архип Акинфеев (и т.д. всего 8 чел.), а ныне те иконописцы.... по Твоей Государевой грамоте у иконнаго письма на Вологде в Знаменском монастыре: Матвей Гурьев живет на Тотме, Агей Автомаков да Дмитрий Клоков устарели, Сергей Анисимов стемнел, которые иконники сверх того есть и те у Государева иконного и у стеннаго ни у какого письма нигде не бывали, потому что стары и увечны и писать никаково письма не видят и до нынешних Великого Государя грамоты с Вологды разорились в мире для ради недороды хлебныя кормитися Христовым именем, потому что люди старые и увечные и скудные и должные, то наша и сказка». (Грустная сказка) (Заб. 34).

Столичные иконописцы, имея пред собою образцы и учителей, могли не выходить из рамок, начертанных для живописцев ещё Стоглавом и свято поддерживавшихся и впоследствии, но в захолустье весьма понятно, что художники не могли так строго соблюдать традиции и подобные отступления доходили до сведения Царя, вызывая его Указы. « В 1668 г. стало ведомо Великому Государю, Царю и В.К. Алексею Михайловичу... что на Москве и его градах и в слободах и в селех и в деревнях объявились многие (не искусные) живописцы и от неискusstва воображение святых икон пишут не против древних переводов и тому их неискустному учению многие последуют и у них учатца, не рассуждая о воображении святых икон. А которые иконописцы начертанию и иконнаго воображения искусны и прежних мастеров иконнаго воображения переводы у себя имеют и от тех ученья не приемлют и ходят по своим их волям, якож обычай безумным и во разум неискустным, к тому же ещё в некоторой веси Суздальского уезда, иже именуется село Холуй, и того села Холую поселяне неразумные прочитания книг божественного писания дерзают и пишут святые иконы безо всякого рассуждения и страха, их же честь святых икон по божественному писанию не первообразное восходит. А те поселяне от своего неразумия то же воображение Святых икон пишут с небрежением. И В. Государь ревнуя поревновах о чести святых икон, указал отписать в патриарший разряд, чтобы Великий Господин Святейший Иосаф, Патриарх Московский и всея Руси, благословил и указал на Москве и во градах воображение святых икон писати самым искусным иконописцам, которые имеют у себя древние переводы и то со свидетельством выборных иконописцов, чтоб никто неискустен иконнаго воображения не писал, а для свидетельства на Москве и во градах выбрать искусных иконописцев, которым то дело гораздо в обычай и имеют у себя древние

преводы для иконного воображения, а которые неискusstны иконного художества и тем воображение святых икон не писать. Также на Москве и во градах учинить наказ крепкой, которые всяких чинов люди у иконописцов святые иконы принимали доброго мастерства со свидетельством, а без свидетельства отнюдь не принимать, а которые иконописцы живут в Суздальском уезде в селе Холую и тем иконописцам впредь воображение святых икон не писать же и о том о всём послать грамоты из Патриарша разряду. И по Государеву Указу патриаршу боярину и дьяку доложу Великаго Господина Святейшаго Иоасафа, Патриарха Московскаго и всея Руси, о том учинить по Указу Великаго Государя».

Но раз уже зародившееся зло трудно было искоренить, так как «по глухим деревням плохие мастера не истово писали иконы и продавали их прасолам и щепетильникам, которые развозили по сёлам и городам».

Не так же стройно было тогдашнее управление, чтобы наблюдать в глухих деревнях. Иконописцы были весьма многочисленны, если имелись не только в городах, где могли иметь хороший заработок, но проникали и в глухие деревни, впрочем, это были не сословные живописцы города, а занимавшиеся, так себе, в виду, вероятно, доходности ремесла.

В этой грамоте встречается интересное выражение «выборные» иконописцы. Эти выборные иконописцы совершенно аналогичны выборным иконописцам Стоглавого Собора, или как я назвал – художникам–надзирателям, инспекторам, и выбор их предлагается тоже духовным чинам. Гораздо было бы проще во избежание лишнего письменного производства Царю самому издать народно вышеприведённую грамоту, но он обращает её к Патриарху, ожидая от него циркулярного постановления. Оно и понятно, как я уже раньше указывал, все дела, касающиеся художества, были подведомственны духовному начальству и царь только обращает внимание патриарха, не вмешиваясь не в свою среду, а вот если после патриаршего указа... «какие люди учнут чинить о том прещение и тем людям по указу В. Государя велено учинить указ подначальной, смотря по делу». (Всё это живо напоминает постановления Стоглава). Так, не только за столичными, но и за иногородними иконниками всегда существует надзор.

Интересно сопоставить предписание о письме икон Стоглавого Собора и Собора 1667 г.: из этого сравнения видно, насколько развилась жизнь и расширились задачи искусства. В постановлениях Стоглава читаем: ... «и с превеликим тщанием писати образ Господа Нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и Святых Пророков... по образу и по подобию и по существу, смотря на образ древних иконописцев. И знаменовати с добрых образцов». (Забел. Ист. Мат. 2). Собор Алексея Михайловича требует... «да оныя (иконы) лепо, честно, с достойным украшением, искусным рассмотром художества пишемы будут, во еже бы всякаго возраста верным, благоговейная очеса си на тя возводящим к сокрушению сердца, ко слезам покаяния, к любви Божией и Святых Его угодников, к подражанию житию их благородному возбуждаться и предстояще им мнети бы на небеси стояти себе пред лица самых первообразных»...

В половине XVII столетия совершается некоторое движение в иконописи: появляется писание икон по живописному, на манер фряжский. Пример в подобном писании подавали прибывшие иноземцы, хотя были сторонники старого письма, которые «что застарело, того и держатся», как пишет изограф Иосиф Симону Ушакову: «а еже что от давна потрачено и обешано, от сего

наипаче ныну приемлют старину и похваляют». (Ров. Истор. икон. 42). Из этого выходило, что многие живописцы для одних заказчиков писали по иконному, для других на фряжский манер.

Зодчие наши того времени и вместе с тем начальники плотничьих артелей назывались плотничными старостами, а плотники рублениками. Иностраный инженер и полковник Густаф Декентин, выехавший в 1658 г., называется вымысленником, а живописец Петр Энглес называется мастером преоспективного дела.

Говоря о живописцах, мы всё время подразумеваем иконописцев; между тем в XVII в. появляется и другой род художества, а именно лубочные картинки. О существовании миниатюр-иллюстраций мы знаем уже гораздо раньше. Как на первый пример картинок гражданского содержания можно указать на вирши в погребе Гетмана Сагайдачного 1622 года. Лубки имели чрезвычайно широкое распространение: от крестьянских изб до царских хором. «Немецкие печатные потешные листы» продавались с книгами и рукописями в овощном ряду, потом на Спасском мосту. Стоимость и доступность печатных листов в царские палаты видим мы из приходо-расходных книг Оружейной Палаты. Так 1637 г. Июня 16-го дня «дано торговым людям овощного ряду за немецкие за печатные листы 20 алтын (немецкими они назывались по своему происхождению), а взяли те листы из Государевы мастерския палаты в хоромы Государю Царевичу Князю Алексею Михайловичу да Государыням Царевнам боярин Борис Иванович Морозов да окольный Вас. Иван. Стрешнев». Потом в 1637 г. Марта 8-го «дано овощного ряду торговому человеку Ондрюшке Петрову за 9 листов потешных 8 алтын 2 деньги, а те листы принимала Крайчая Соломонида Медецкая». В комнатах Царевича Алексея Михайловича, умершего в 1670 г. висело «пятьдесят рамцов с листами фряжскими». Сочинители, а тем более издатели этих картинок, весьма мало известны. Вероятно некоторые из знаменщиков, т. е. рисовальщиков, были и сочинителями их; есть надпись на одной гравюре: «знаменил Симон Ушаков, резал Василий Андреев». Мы не знаем ни одного художника, всецело посвятившего себя этого рода искусству.

Древнейшие лубочные картинки были преимущественно духовно-религиозного содержания, какое им присуще в большой мере и поныне. Иностранцы, говорил Снегирёв, пользовались этим средством для распространения своих религиозных мнений и верований в русском мире и доставляли листы, изображавшие Спасителя, Богородицу, Небесные Силы и Святых Угодников Божьих. Такие изображения, по свидетельству Моск. Патр. Иоакима, «никакого подобия первообразных лиц не являли своим неискусством, но представлялись не истово и не право, на подобие лиц своестранных одеждах немецких». (Акт. Археогр. эк. IV. № 200). Этот патриарх в 1674 г. запретил покупать такие листы, кои печатали немцы фетики, лютеране, кальвины по своему проклятому мнению.

Но всё же иностранные образчики не исчезли и не остались без подражания. Это видно из Синодального Указа 1721 г. Марта 20 «появились тогда в Москве изображения святых, несогласныя с преданием церкви и с подлинниками, или перед начальниками иконописцев, предосудительныя уже по одному тому, что достойно покланяемые и чествуемые лики святых установлено писать на досках, а не печатать на бумажных листах». Печатные же листы допускались духовным начальством как для пригожества, а не для почитания. «Ими, - замечает Патр. Иоаким, - украшались храмины, избы, клети и сени». Указ

1721 года запрещает выставлять “на продажу на Спасском мосту и в других местах Москвы сочинённые разных чинов людьми службы и каноны равно и эстампы (листы) печатанные своеволью, кроме типографий”. Для рассмотрения подобных изданий была учреждена изуграфская палата. Хотя для приведения этих текстов и пришлось заскочить за начертанную по времени границу, но они уж очень хорошо объясняют положение этих листов в обществе и отношение к ним духовенства. Таким образом, жизнь наших художников всегда находилась в зависимости от духовенства.

Всматриваясь в историческую жизнь наших художников, мы не можем не заметить трёх рельефных правовых пунктов её, соответствующих главным периодам истории нашего государства. В первом художники-рабы, ремесленники и смерды; во втором, они, хотя принадлежат еще к низшему классу, но их “почитают паче простыя человек”; в третьем мы видим художника дворянина (Салтанов); - удивительно последовательное развитие. Поистине, золотая пора для художников – время Алексея Михайловича; всякое более или менее выдающееся дарование находит дорогу.

Наконец, художники наши не только выдвигаются у себя на родине, но получают санкцию восточного патриарха. Мы уже учим своих первоначальных учителей греков; учителя обращаются к ученикам, признавая их первенство. Антихийский Патр. Макарий в 1668 г. бил челом Алексею Михайловичу в том, “что в Епархии моей, Государь, в Антиохии и в Дамасце суть четыре церкви: во Антиохии Соборная церковь Петра и Павла да церковь Иоанна Златоустаго, а в Дамасце соборная церковь Рождества Богородицы, да церковь священномученика Киприана и Устинии. И во тех Государь Церквях от многих лет иконы местныя обетчали, а иконников Государь добрых мастеров у нас нет, написать и поновить некому. Милосердный Государь, пожалуй меня богомольца своего, вели Государь в своё Царское богомолье в те соборные церкви дать икон, Спасов образ по полям было 12 праздников с страстными да образ Пресв. Богородицы, да образ Петра и Павла, да образ Николая Чудотворца в житии и чудесех, да образ Иоанна Златоустаго, да образ Киприяна и Устинии, добрым письмом, чтоб и в тех церквях Твоему Царскому Величеству была в наших странах вечная похвала и слава”. Вон куда расходится русское искусство!

Художники уж не рабы-ремесленники, они довольно близко подходят под наше понятие “художника”. Как апофеоз художников времени Алексея Михайловича следует привести место торжественной окружной грамоты 1669 г. (Акты Археогр. эксп. IV, стр. 225) ...«Яко при благочестивейшем и равноапостольном Царе Константине и по нем бывших царех правоверных церковницы, ~~изряднее же клирѣе~~ велиею честью почитаеми бяху, со сигклитом царским и прочиими благородными равенство почитания повсюду приемаху тако в нашей царстей православней державе икон святых писателие тщаливии и честнии, яко истинные церковнаго благолепия художницы, да почтутся, всем прочиим председиение художникам да восприимут и кисть разноцветно употреблена тростию или пером писателем, да предравенствуют; достойно бо есть от всех почитаемыя хитрости художником почитаемым быти. Почтежся образотворения дело от Самого Бога, егда во Ветхом Завете повеле ангельская лица в храме си и под киотом завета вообразити. Прият честь в новой благодати от Самого Христа Господа, егда изволих лице свое на обресе Авгарю Царю без писания начертати. Почтеся от Святых Апостолов, ибо Свят. Евангелист Лука Святыя иконы писаша. Почтеся от всея православныя кафолическия

церкве, егда на Седьмом вселенском Соборе иконам Святым должное утверди-ся поклонение. Почтесе и от Ангел Святых, ибо многажды сами святыя иконы Божьим написаху повелением, яко во Святой великой Лавре Киево-Печерской, вместо иконописца Алимпия Святаго и иногда многаши. Непреобидимо и пре-небрегаемо сие православное рукоделие и от начальствующих в мире во вся предтекшие веки бяше: не точию бо благородных чада, гонзающе праздножи-тельство и безделнаго щапства, многшарною любезно труждахуса кистью: но и самем златый скипетр держателем изряднейшая бываше утеха, кистию и шары разноцветными художеств хитроделием Богу естеству подражати. Кто бе в древнем Риме преславный Он Павел Емилий, его же похвалами вся книги историческия исполнишася: сей взыска в Афинах Митродора иконопис-ца, купно и философа, во еже бы научити юныя си крамешнему преславных по-бед своих начертанию. Коль славный род Фабиев Римских: сих праотец Фабий меньшую похвалу стяжа иконною кистью, яко прочие мечем и копием ост-рым. А гречестье премудрие законопологателие толь честно сие судиша быти художество яко же завет им положить, да никто от раб или пленник иконнаго писанья вдан будет изучению, но точию благородных чада и советничьи сыно-ве тому преславному навыкнути художеству. Толико убо от Бога от церкви и от всех чинов и веков мира почтеннаго дела художницы в ресноту почи таеми да будут; ... ~~первое же чести им пристойныя место да имат знаменитель искус-нейший та же иконописателие искуснейшие, потом прочию по своему чину.~~ Сим тако быти хотящим в нашей православнаго царствия державе неизменно выну узаконяем и повелеваем подражающе узаконению благовернаго Госуда-ря Царя и В. Кн. Иоанна Васильевича, всея Руси Самодержца, в Стоглаве воспо-минаемому в главе 43, да о честных и святых иконех и о иконописателех вся вышереченная в сей грамоте нашей царстей не преступно хранима и блюдома будут выну..."

Вставка Н.К. Рериха: Не преступили мы царскую непреступную грамоту.

Нечего пересказывать эту грамоту: она сама по себе даёт, можно сказать, редкую по колориту картину положения художников и симпатичного отноше-ния к ним тишайшего царя. А что потом ожидало художников? Потом Пётр пишет Сенату (Полн. Обр. зак. VII. № 4443): «... без живописца и гравировально-го мастера обойтись невозможно будет, понеже издания, которыя в науках чи-ниться будут (ежели оныя сохранять и печатать) имеют рисованы и гравиро-ваны быде».

Слово «художник» забывается; художники опять мастера, без которых только обойтись невозможно. Развитие их жизни делает шаг назад почти на столетие. Национальное искусство останавливается. Грозная туча надвигается с запада.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/61, 35 л.

Н.К. Рерих. Древняя жизнь. Конец 1890-х гг.

Н.К. Рерих. Начало Руси. Славяне. Этюд. 1898.

ОКТАБРЬ

1 октября 1898 г. СПб.

Р. Изгой¹

Наши художественные дела. 1.

С. -Петербург, 1 Октября 1898 г.

Осенний сезон в самом разгаре. Все съехались. Выступили на сцену враги художества в буквальном и переносном смысле - обойщики, декораторы, столяры и проч. Буквальное ненавистничество художества со стороны этих деятелей всем понятно, ибо вряд ли от кого иного так страдает всё художественное и изящное, не менее страшны они для искусства и в переносном смысле: занявшись ими, не скоро найдёте время поинтересоваться художеством.

- Бываете в театре?

- Ох, какие тут театры! Сами видите, у меня опера «Вавилонское столпотворение» идёт: и хамиты, и семиты, совсем как у Рубинштейна!

- Слыхали о картине?

- Да, да, слыхал! Вон у меня тоже в квартире пейзаж-то какой!

На улице то и дело попадаются художники в самом странном состоянии; один бежит, ожесточённый, глаза навывкате, классические художественные локоны (по счастью всё менее встречаемы) на отлёте.

- Мастерскую! Мастерскую! Полкартины за мастерскую! Другой же костенел в своём несчастье:

- Хоть бы комнатку светленькую найти! Уже вторую неделю хожу. Привёз картину, позакончить до выставки хотелось бы, а и развернуть негде. Чуть где получше помещение, так и приступить страшно: смотрел вчера комнатку, ничего себе, хоть свет и неважный, а цена - как бы вы думали? 50 рублей. За узенькую конурочку 30 рублей хотят. Откуда я этикапы капиталы возьму? Вот тебе и чистое искусство!

Подобные разговоры среди художников, особенно среди молодых, как раз по сезону; для них слово художник действительно производится от слова худое житьё, как объяснял, не так давно умерший, старейший служитель скульптурного музея Академии Кузьма.

Кочевал художник лето с места на место; набирался свежего воздуха, свежих впечатлений, закопошилась в голове идея, накопилось в папке немало этюдов, мысль на эскизах вылилась понятно и художественно, только начать работать, только развернуться... Воображение работает, фантазия до мелочей выясняет задуманное и вдруг - бац по лбу: «Негде работать!» Прячь выношенную мысль, может быть, навсегда, в мозговой архив; запирай облюбленные эскизы подалеже в шкаф, чтобы глаза не видали, и пиши что-нибудь сообразное обстоятельствам: не так, чтобы очень большое, но и не очень маленькое; не так, чтобы очень новое, но и не слишком старое; не так чтобы очень лёгкое, но и не очень грустное, словом - в аккурат такое, чтобы во всякую гостиную повесить можно бы, особливо, если под тон обоев подходит и ничьи нежные чувства не оскорбляет.

Тут подвернётся искуситель, товарищ, побывавший в прекрасном далекё:

- Плюнь ты, братец, на это дело! Небось, за границей только по музеям поштался, долго ведь там не жил, а вот возьми, да и уезжай туда поскорей со-

¹ Изгой – один из псевдонимов Н.К. Рериха.

всем! 4- целковых у тебя в месяц найдётся, там ещё сколько-нибудь заработаешь и заживёшь припеваючи. Мастерскую достанешь не нашим чета, заплатишь же столько, как у нас за самую завалющую комнатку, а другие всякие удобства: материал дешёвый, натура смышлёная, самая разнообразная. У нас что художнички? где их мир? где их жизнь? А там они корпорация!.. Сколько ты думаешь заплатишь хоть бы за такую мастерскую: саженное окно, упирается не в жёлтую стену, а в чистое небо; помещение просторное, при мастерской две жилые комнаты, ход приличный - ни помоями, ни кошками не воняет... Ну, сколько стоит, по-твоему?

- На худой конец рублей шестьдесят?

- А в Мюнхене за такую благодать 40 марок отдашь! Хорошо? Ведь одна треть здешнего, а удобства вчетверо большие. Послушай меня - не пожалеешь!

- Голубчик, да ведь у меня мотивы-то русские; ведь сжился я с ними, на этот лад думаю...

- Чудак человек! Да разве тебе-то там-то запретит кто русское разрабатывать? Кроме того, разве на русских мотивах клином сошлось? Ведь работать-то тебе здесь всё равно худо.

И вспоминает искушаемый, что работать ему здесь и впрямь худо; вспоминает, как позвал старика мужика попозировать, просил его стать попроще, «как всегда», а тот стал такой раскорякою, что и смотреть гадко, и забывает свои недавние слова: «Чего это за границу надолго бегут, не просверлят им там головы и не вольют таланта», - и тоже бежит неведомо куда, окунается в чуждое ему море, не учится, чтобы потом тем лучше

«...мерять всё да звешивать,

На все боки бы поворачивать»,

а старается совсем перекроить себя на чужой лад, надеть платье с чужого плеча и после целого ряда лет возвращается обратно подстриженный, нивелированный, от своих отставший и к другим тощей бечёвочкой привязанный.

А если мысль назрела настолько, что просить выхода, дольше носить её в себе невозможно, и сильный духом художник махнёт рукою, набьёт холст под углом на две стены своей убогой комнаты и выразит своё «заветное», то не посмотрят на талант, не подумают, при каких условиях писалась эта картина, какой энергии требовала она, а величаво-спокойно изрекут приговор: «Ничего, недурно, но перспектива-то как не выдержана! Рисунок-то как хромает! Да, наши русские художники не умеют настояще направить свой талант! Всё-то неряшливо! Краски кричат! - а того не знают, что для того, чтобы видеть всю картину, на неё надо было смотреть в дверь из соседнего коридора; что о перспективе трудно судить, когда холст согнут под углом; что краски спокойные и гармоничные в обыкновенной комнате — кричат и спорят между собою, вынесенные свет; что, вместо разнообразной природы, была возможность пользоваться лишь одним человеком.

Вопрос о мастерских большое место русского художества. Специальные мастерские, с хорошим северным и восточным светом, все наперечёт, и счастливцев, завладевший таким помещением, держится за него и руками и зубами; в полутёмных обывательских квартирах, да ещё при столь обычном рефлексе соседней охристой стены, писать очень рискованно. Что же делать?

Академия может предоставлять помещения лишь учащим и учащимся; домовладельцы, по совершенно непонятным мотивам, не хотят откликнуться на такое настоятельное требование, да что и говорить об этом, когда многие генералы от искусства, владеющие громадными домами, не хотят ничего сделать в этом направлении.

Много зреет всяких художественных запросов, тем более что общий интерес к искусству очевидно растёт. Иначе чем бы объяснить быстро возрастающее число всяких художественных выставок. Если даже с закрытыми глазами пройти вдоль картинной шеренги, то по ногам будет чувствительно,

насколько она выросла, сравнительно с прежними годами. В самом деле, вместо недавних несколько сотен холстов, их экспонируется теперь до четырёх тысяч (так что в общей сложности наши выставки равны Парижскому Салону). Давно ли было время, когда две-три картинных выставки были не только обыденны, достаточны, чего доброго, пожалуй, обременительны, а теперь, не угодно ли, за прошедший сезон 1897-98 г. выставок было 16, да плюс открытие нового художественного музея, и везде есть публика, и в достаточном количестве; цифры платных посетителей, вместо былых 6-10 тысяч, достигают до 30 тысяч, не считая бесплатных и учащихся; никто не скушает, читая обширные газетные фельетоны о выставках. Это заметный шаг вперёд! Приятный сюрприз и художникам, и всей интеллигенции.

Потугинских («Дым» Тургенева) суждений о русском искусстве вовсе не слышно! За границею нами искренно интересуются; только бы фигурировали бы там в должном, оригинальном виде, не особенно-то щеголяя давно приевшимися Западу произведениями «декадентскими», как это случилось отчасти на выставке прошлого лета в Мюнхене.

Хотя, по счастью, в русской живописи по сие время декадентство сравнительно не сильно привилось и симпатиями ни публики, ни критики, кроме небольшого специального кружка, вовсе не пользуется, как это можно было видеть на январской выставке в залах музея Штиглица, однако с ним приходится считаться.

Один мой благородный друг обратился к выставочному жюри с шуточным воззванием грамот начала XVII века, где, между прочим, рекомендуется выборным живописцам свидетельствовать: «„коим живописное дело гораздо в обычай и тем мастерам да сотворится честь по чину, а которые мастера, самоволкою и не учась иконного воображения писать не навычны, а хульно и дерзновенно себя превозносят и произмечтательными хитродельцами мнят, - и тем мастерам иконных досок в Иконном Великого Государя Тереме не ставить и пред Пресветлые Государевы Очи им не казаться; а за сим выборные живописцы брешение имеют».

«Свидетельствуют и блюдут честное живописное дело выборные накрепко: появились бо по градам и по сёлам мастера неистовые, писания коих никакого подобия первообразных лиц не являют своим искусством, но представляют неправо на подобие лиц своестранных и в своенравных одеждах немецких, с лица тощи и покляпы, с власы рыжи, руки протягновенны, ноги, в бесовском скакании, хлыщущие, чёрной чертой окантованы. Травное изображение писано в них бесчинным манером Фряжским; краски нелепы; прозелень, киноварь и голубец кладены не в меру; золото сусальное ставлено не искусно, дцки под писанием осиновы; и сему не искусному писанию многие следуют и у них учатся, не рассуждая о воображении праведном. И те писания в Иконном Великого Государя Тереме да не поставят и добрым хитроделием да не назовут».

«Наблюдают и хранят выборнии, да воображения лепо, честно, с достойным украшением, искусным рассмотром художества пишемы будут, во еже бы всякого возраста очеса на тя возводящим, к подражанию житию изображёнными возбуждаться и, предстояще им, мнети бы пред лице самих первообразных стояти...»

Действительно, если бы не только в Тереме Иконном Великого Государя, т. е. надо полагать, в Академии художеств, но и на всех остальных выставках вовсе не встречалось произведений вроде указанных грамотою! Много витязей сложат головы, прежде чем чудище «стозевно и стоглавно», - декадентство - порублено будет. И то без вмешательства времени ничего не поделают; только время покажет, что действительно истинно:

«...Правда всё та же!..

.....
Верх над конечным возьмёт бесконечное,
Верю в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встречное,
Против течения».

Только кто теперь идёт против течения? Теперь декадентство заняло такие разнообразные пункты, что, право, не поймёшь: таинственные ли «неведомые, неизвестные, без имени-прозвища, без вида, без облика» декаденты защищаются от вражеских полчищ, или же враги декадентства, их же имена Ты, Господи, веси, напрягают силы отбиться от неслыханных орд.

А вдруг верховный судья - Время - признает правыми именно декадентов и заставит их противников возместить все протори и убытки? Кто знает?

Уже вижу изумлённые знакомые физиономии; как, для тебя декадентство только чудище «обло и стозевно» и больше ничего? Вовсе нет; идёт человек по шоссе-ному тракту, всё чинно, хорошо. Мелькают без конца столбы телеграфные; тянутся обозы; небо синее без облачка; сухая, едкая пыль забивается в нос и туманит глаза; пахнет дёгтем, а по бокам тракта бор глухой; и невыносимо путнику идти по наезженной дороге, бросается он в чашу. Пахнёт на него сыростью, душистыми травами, слышит он в таинственной листве приветливые птичьи голоса, и забывает путник дорогу, всё глубже идёт в чашу и под ногами уже мокро, вдали уже зеленеют чарусы и видны бездонные окна, а он всё идёт...

Если прибавит декадентство к существующему реальному направлению ещё словечко «идеально», - само же скроется и навсегда исчезнет, вот и хорошо! Но если захочет оно завоёвывать какое-то странное самостоятельное положение, то, наверно, найдутся люди, что порубят его.

Не знаю, как, в сущности, относится к декадентству администрация Иконного Терема, этого блюстителя истинного благочестия художества русского. В своё время некоторые признания теперешнего ректора Академии, профессора - руководителя И. Е. Репина, немало испугали многих, любящих искусство. Его художественное молчанье за прошедший год тоже немало всех смутило, но, может быть, по милости Божьей, тревоги напрасные: слышно, Илья Ефимович ездил этим летом в Палестину, остался очень доволен, запасася этюдами для своей картины «Искушение Христа», о которой уже идёт много разнообразных разговоров и которую вероятно, скоро увидим.

Между прочим, меня спрашивали по поводу этой картины: «Как это Илья Ефимович теперь за этюдами поехал, когда картина давным-давно пишется и уже чуть ли не готова? Ведь ему, придётся всю её сызнова переписывать под новыми, непосредственными впечатлениями?» И на этот вопрос я не умел ответить.

Немалое любопытство возбуждает предстоящий академический конкурс на звание. Со времени своего преобразования, т. е. с 1894 года, Академия сделала вдруг такие сильные успехи и так выдвинулась, что к предстоящему конкурсу всякий вправе предъявлять требования очень серьёзные.

Прошлогодня выставка всех много порадовала и даже со стороны предубеждённых людей вызывала замечания, что они ничего подобного не ожидали. Слыханное ли дело, чтобы работам учеников, о которых недавно никто, кроме близко заинтересованных лиц, и не думал, - газеты посвящали серьёзные разборы; чтобы выставка занимала, кроме лицевых зал Академии, ещё весь циркуль; чтобы не наскучила публике, несмотря на месяц существования. Сам ректор Академии публично заявил: «Каждый, кто внимательно осматривал выставку, согласится со мною, что она, безусловно, удачна». Да и пора, довольно погнила Академия в своих псевдоклассических тенденциях;

теперь она воспрянула прочно и надолго. «А ну как не прочно и ненадолго? А что, если первые-то конкурсы были составлены из воспитанников старого режима? А что, если будущие конкурсы сдадут?» Так говорят скептики и почему-то потирают руки; таких людей хлебом не корми, лишь бы где-нибудь прорухи найти. А вот, подобное карканье окажется неосновательным; пока же подождём ученическую выставку, открывающуюся в залах Академии 4-го ноября, после годовичного акта.

Кроме общего интереса, эта выставка имеет ещё и специальный: в составе профессоров за минувший год произошли некоторые перетасовки, на место профессоров Куинджи и Кузнецова явились Киселёв и Ковалевский. Интересно будет посравнить их влияния, тем более, что проф. Куинджи, по общим отзывам, был лучшим преподавателем Академии.

Теперь академические конкурсы представляют из себя совершенно законченные выставки. Вся новая постановка дела, повышение научного ценза, предварительная серьёзная художественная подготовка, - всё обещает много хорошего. При вступительном экзамене, вместо прежней гипсовой головы, предлагается вступающим написать красками натурщика, причём самый экзамен продолжается не 5 часов, как прежде, а 2 недели, да кроме того всё первое полугодие принятые находятся под особым надзором и могут быть удалены, если не ответят нужным требованиям. Число принимаемых, вместо бывших 50-70, сокращено до 10-20.

Такая постановка, казалось бы, должна благотворно повлиять на дело, хотя скептики и тут находят что сказать:

- Хорошо-то, оно хорошо, но помните известную щедринскую притчу о содержащем и содержимом?

Бог с ней, с этой притчей! Пусть идёт всё по-хорошему! Будет слишком обидно, если какой-нибудь будущий летописатель имел бы основание в отношении академической реформы выразиться в духе Воскресенского списка летописи: (лета 6902)... «Замыслиша на Москве ров копати и почаша в Кучкова поля, за конец ему хотеша ученици в Москву реку, широта же его сажень, а глубина человека стояща, и много бысть убытка людем, понеже поперёк дворов копаша и много хором размета, а не учиниша ничтоже»...

Последнее, закончившееся к первому октября, приёмное испытание дало следующие результаты: явилось на испытание 62 желающих поступить на архитектурное отделение и 39 - на живописное и скульптурное. Из этого числа принято: на архитектурное 17, а на живописное 9 - с достаточным образовательным цензом (окончательное испытание их продлится до Рождества) и 8 без образовательного ценза. Кроме того, из областных художественных школ Одесской и Московской принято без экзамена: на архитектурное отделение — 5 и на живописное — 6.

Упомянув об уходе из числа профессоров-руководителей Академии проф. А. И. Куинджи, нельзя не указать на возбуждившую много толков в художественных кружках весеннюю заграничную поездку этого профессора со своими учениками. Действительно, подыскать пример, чтобы профессор взял своих учеников и на свои средства повёз их знакомиться с музеями Европы, подбирать нелегко, если только вообще возможно. Всего участвовало в этой поездке 14 человек; были осмотрены музеи и периодические выставки Берлина, Парижа, Мюнхена и Вены.

Думается, без этой инициативы многим из участвовавших в поездке не скоро бы довелось прогуляться за рубежом и пришлось довольствоваться иностранными выставками, устраиваемыми у нас за последнее время всё чаще и чаще.

Какое хорошее начинание! Таким образом, имена многих художников перестают быть какими-то мифами, выясняются школы, определяются художественные направления, смутные по книжным и журнальным известиям.

К коллекции уже бывших иностранных выставок можно будет скоро прибавить ещё одну, а именно, Бельгийскую. Одно время ходили слухи об устройстве выставки Испанской, но, кажется, они пока преждевременны.

Это всё визиты; слов нет, принято принимать визитёров у себя дома, сидя на оттоманке, но не вечно же их принимать, надо ведь и о долге приличия вспомнить.

К существующим международным выставкам, на которые так любезно приглашают иностранцы русских художников, с мая 1899 года прибавится ещё Лондонская международная, о чём, слышно, и будут скоро разосланы оповещения художникам. В циркулярном бланке этих выставок значится, что «принцип выставки - космополитизм в искусстве (the non-recognition of Nationality in Art). Выставка будет происходить в Prince's Skating Club, Knightsbridge, каковое помещение заново отделяется и устраивается для этой цели; выставка будет открываться ежегодно в мае. Необходимость таких выставок ощущалась уже много лет». В совете предположенных выставок, под председательством Д. Уистлера, находим: F. Sandys, Ch. Furse, G. Sauter, John Lavery, E. Walton, J. Farguharson, A. Ludovici, J. Crawhall, F. Howard (почётный секретарь); среди почётных членов: Aman-Jean, A. Besnard, A. Boecklin, J. Boldini, Puvis de Chavannes, G. Costa, P. Frajiacomо, Max Klinger, Liebermann, C. Meunier, H. Mesdac, A. Rodin, Saint-Gaudens, G. Segantini, Franz Stuck, Fritz Thaulow, F. von Uhde, A. Zom и др.

Невольно бросается в глаза, что в списке есть все: и англичане, и разные немцы, и французы, и итальянцы, и норвежцы, а нет ни одного русского. Надо думать, что это просто случайность, ибо, желая пригласить и нас к участию на выставке, англичане могли бы выбрать в почётные члены комитета несколько русских художников; слава Богу, у нас есть мастера лучше многих поименованных. Восполнение этого пробела много бы облегчило и обеспечило участие русских художников - участие, как кажется, очень желательное. Облегчило бы оно тем, что русские почётные члены комитета составили бы из себя жюри при отправке картин, и, таким образом, художник, посылая вещь в Лондон, затрачивая деньги на пересылку, быть может, пропуская время участия на других подходящих иностранных выставках, был бы обеспечен в приём её.

Было бы жалко, если бы Лондонские международные выставки стали так же игнорироваться нашими художниками, как и многие им подобные.

Не возможно ли организовать в этом направлении что-либо постоянное, периодическое? Например, из обычных весенних выставок: академической, передвижной и СПб, общества художников общими силами организовать одну передвижную по Европе. Конечно, нет нужды устраивать её самостоятельно, она может быть отделом международных выставок. При таком положении дела можно было бы надеяться, что знакомство Европы с русским искусством пошло бы успешнее, да и само знакомство было бы основательнее, систематичнее; при работе общими силами действительно возможно было бы дать довольно полную и правдивую картину современного положения искусства русского, забывая и эллинов, и иудеев, и рабов, и свободных.²

² К удовольствию автора статьи и читателей, редакция может заявить, что первый почин в этом деле был сделан ещё прошлой зимою и, по предложению самих французов, общерусская художественная выставка должна устроиться будущим летом в одном из специальных выставочных помещений в Париже, а перед тем, или после того, она может побывать ещё в некоторых городах Западной Европы.

Уже надвигается время, когда придётся нам людей посмотреть и себя показать в Париже; вот бы в грязь лицом не ударить! 1900 год не за горами, а что-то мало слышно о специальных художественных приготовлениях.

Вслед за генеральным комиссаром Русского отдела выставки кн. Тенишевым в Париж, говорят, выезжали архитектор русского отдела Р. Ф. Мельцер и художник К. А. Коровин, на которого, слышно, возложена декоративная часть по устройству наших павильонов и который только недавно ещё возвратился из Средней Азии, где набирался мотивов для некоторых декораций. К. Коровин человек настолько талантливый и с таким художественным чутьём, что, надо думать, трудная задача подобной декорации будет разрешена им удачно (с декоративным дарованием г. Коровина петербуржцы имели возможность ознакомиться прошлым Великим постом за время спектаклей Московской частной оперы в зале Консерватории).

Недавно в газетах упоминалось о предполагаемом заведовании Русским отделом Парижской выставки финляндским художником Эдельфельтом и справедливо указывалось, что г. Эдельфельт, несмотря на то, что ещё очень недавно стал появляться в кругу русских художников, уже пользуется всеобщим уважением и доверием, но всё-таки не должно бы его ставить представителем русских художников на Всемирной выставке. Как ни значителен талант г. Эдельфельта, всё-таки в представлении всех и каждого, как за границей, так и у нас, ясно сознание, что русское искусство и финляндское - вещи разные. Затем оказалось, что, на основании параграфов «временного устава», совет Академии художеств имеет полную возможность поставить это дело, как следует.

Чёрт и тут оказался не таким страшным, как его намалевали, ибо, если г. Эдельфельт и будет участвовать в администрации Русского отдела, то верховенствовать там будет, конечно, не он, а - Академия, которая, на прошлом собрании 28 Сентября, уже обсуждала этот вопрос и выбрала по этому делу особую комиссию, в состав которой вошли: Беклемишев, Брюллов, Волков, Киселёв, Вл. Маковский и Репин.

Кажется, осуществляется участие на Всемирной выставке и выборных произведений из Московской городской галереи Третьяковых. Это было бы более всего желательно и необходимо: участие этой галереи сообщило бы Русскому отделу полноту и законченность и обеспечило бы верный успех ему. Если П. М. Третьяков не побоится хлопот, сопряжённых с таким делом, то за это предприятие русское искусство скажет ему новое большое спасибо, как и за всё, сделанное им для него.

Не в Париже ли увидит публика прекрасную, уже законченную картину нашего почтенного Виктора Михайловича Васнецова? Картина изображает выезд на полеванье в степь трёх богатырей святорусских: Ильи, Добрыни и Алёши Поповича.

В.М. Васнецов. Богатыри.

она: даже с некоторыми незаконченными деталями она захватывала зрителя — такую мощью дышит фигура Ильи на тяжёлом, богатырском вороном коне, так много нового, характерного в строгом новгородском типе Добрыни, так прекрасно подчёркнута мало симпатичные стороны женского прелестника Алёши Поповича. В художественном кругу, однако, ходят слухи, будто петербуржцы ознакомятся с этой картиной (уже приобретённой П.М. Третьяковым) не далее как нынешней зимой. Хорошо бы!

Когда-то будет окончена большая новая картина В.И. Сурикова, пишущаяся в Московском Историческом музее? Она тем более интересна, что, как слышно, В.И., которого мы привыкли видеть творцом эпизодов XVI и XVII вв., теперь разрабатывает событие следующего столетия.

Собирается принять участие на Парижской выставке и частная мозаическая мастерская проф. А.Н. Фролова. Это очень желательно. Подобной частной инициативой удешевления и усовершенствования мозаического дела Россия должна гордиться.

На составе коллекции предстоящих выставок несомненно отзовутся недавние смерти известных художников, как Шишкин, Ярошенко и Сверчков. В октябре или ноябре, кажется, в залах Академии, устраиваются посмертные выставки И. Шишкина и П. Сверčkова, причём будет приложено старание возможно полнее очертить их художественную деятельность.

Чтобы не сказали «начал за здравие, а кончил за упокой», заключая настоящее письмо, не могу не поделиться новостью последнего Академического собрания, а именно, новым производством из обер в штаб-офицерский от искусства чин, - именно: к удостоенным весною звания академика Архинову, Дубовскому, Касаткину, Левитану и Серову, теперь можно прибавить ещё Нестерова.

Искусство и художественная промышленность. 1898. Октябрь - Ноябрь. №1-2. С. 117-126

18 октября 1898 г.

ХРОНИКА

Чтение лекций в Археологическом институте началось 28 сентября. В нынешнем академическом году лекции в институте будут читать: А.Л. Погодин – о славяно-русских древностях, В.И. Сергеевич – о юридических древностях, Н.В. Покровский – о церковной археологии, А.И. Соболевский – о славяно-русской палеографии., Н.К. Рерих – о художественной технике в применении к археологии, Г.Ф. Церетели – о греческой палеографии, Н.И. Веселовский – о первобытной археологии, А.П. Воропанов – об архивоведении, А.К. Марков – о древней и русской нумизматике, С.М. Гольдштейн – о польско-литовских древностях, С.М. Середонин – об исторической географии, Н.П. Лихачёв – о русской дипломатике. Два предмета – художественная техника в применении к археологии и русская нумизматика – читаются в институте в первый раз. Число слушателей института с каждым годом увеличивается: на первый курс принято уже 70 человек, и в самом непродолжительном времени приём слушателей будет прекращён за недостатком места в аудитории. Состав слушателей самый разнообразный: военные, чиновники, студенты; преобладают студенты Духовной академии.

Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 1 октября. № 269

18 октября 1898 г.

**Журнал
«ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»³**

Нам сообщают, что из-за задержек при печатании в тексте снимков в несколько красок по вновь применяемому у нас способу и от увеличения числа листов вдвое против предложенного вследствие обилия материала (10 вместо 4-5) первый выпуск предпринятого Императорским Обществом поощрения художеств ежемесячного иллюстрированного издания под заглавием: «Искусство и художественная промышленность» запоздает на 5 дней и появится вместо 15 октября – 20-го. Он будет содержать в себе 12 статей: М.М. Антокольского, В.В. Верещагина, художника Н.К. Рериха, Е.К. Редина, Н.П. Собко, А.И. Сомова, В.В. Стасова и др., иллюстрированные 65-ю снимками на отдельных листах и в тексте (в виде офорта, хромотипий, автотипий, цинкографий и хромографий).

Новое время. 1898. 18/30 октября. № 8133.

Октябрь 1898 г. СПб.

Н. К. Рерих

ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ КАРТИН В КОННОГВАРДЕЙСКОМ МАНЕЖЕ

Вопросы народного искусства в настоящее время сильно интересуют умы. Организуются популярные лекции, строятся народные театры, собирается даже целый конгресс для разработки народных увеселений. В Вене, Лондоне, Берлине и других центрах устраиваются народные выставки картин, и у нас тоже была такая же, устроенная С.-Петербургским Обществом художников и открытая 6 августа в Конногвардейском манеже.

Честь и хвала этому Обществу, что оно опередило всякие другие общества, товарищества и кружки и хотело оказать услугу светлой идее народных выставок; этой заслуги от него никто не отнимет, но ведь могут сказать: в чём же отличие народных выставок от обыкновенных, неужели только в песочном

³ Первый номер журнала «Искусство и художественная промышленность» вышел в конце октября 1898 г. Главным редактором журнала был Николай Петрович Собко (1851—1906) — историк русского искусства, секретарь Общества поощрения художеств. Собко издавал иллюстрированные каталоги выставок и «Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней». В первых трёх номерах за 1898 г. журнала «Искусство и художественная промышленность» появилась статья В. В. Стасова «В. М. Васнецов и его работы. Воспоминания и заметки В. В. Стасова» (1898, октябрь — ноябрь, № 1—2, с. 65—96, с илл.; № 3, с. 137—183, с илл.). В этих номерах были репродуцированы следующие работы В. М. Васнецова: «Сборщик-монах», «Жар-птица», «Тряпичник», «Богоматерь» (1871), «Богоматерь» (1891), «Витязь», «Заштатный», «Козел-Мемека», «После побоища Игоря Святославича с половцами», «Пир Каменного века», «Княжеская иконописная мастерская», «Царь Берендей», эскиз декораций для 3-го акта к «Снегурочке», 3 орнамента к росписи Владимирского собора и др., был помещен портрет В. М. Васнецова работы И. Н. Крамского (гравюра В. В. Матэ).- ред.

полу манежа, на котором способнее подсолнухи щёлкать, - это разница ещё не великая.

Действительно, нужны ли особые народные выставки?

Если вопрос разрешать, как он решён на этот раз, то ответ прямой: они не нужны, и гораздо большее значение может иметь льготный день в неделю на обычных выставках, когда плата будет минимальная или вовсе уничтожена.

Конечно, лучше пусть будет хоть наименьшая, но всё-таки плата, чтобы понятие подарка и благотворения, по возможности, оставалось в стороне.

Отрадно видеть в Эрмитаже и в Русском музее Императора Александра III, когда наряду с пышными дамами и новомодными кавалерами пробираются армячок и сибирка; ещё чувствует себя не у места этот люд, ещё с недоверием посматривает по сторонам, «не заругали бы», но всё же идёт и, мало-помалу, будет чувствовать себя законным участником этой духовной трапезы. Не говорю уже о московской городской галерее (Третьяковых): в зимний, праздничный день, когда за неимением места несколько раз должны были приостанавливать наплыв желающих осмотреть галерею, — добрая четверть публики именно была серая.

Какие оживлённые разговоры слышатся; какие ожесточённые, своеобразные споры — полное отсутствие плоских шуток, и, тем паче, излюбленного сквернословия — народ инстинктивно чувствует близость серьёзного, чистого. Иной 15, 20 минут стоит неподвижно перед картиной; что-то он думает или безотчётно стоит подавленный, тщетно стараясь уяснить находящееся перед ним.

Представляется, как бы вырос и окреп этот несомненный, хотя может быть пока и бессознательный, интерес, если бы народ имел возможность найти помощь, найти необходимые объяснения; если бы нашлись лица, причастные художеству и настолько любящие это славное дело, что решились пожертвовать время на устройство таких объяснительных бесед и прогулок по выставкам, музеям и галереям. Не о цене картины, не о времени её написания (о чём обыкновенно любят рассказывать сторожа, если за неимением чего-либо лучшего вынуждены обратиться к их руководству), а о чём-то другом могли бы порассказать эти лица, и послушал бы их не только народ, но и интеллигент, почему-либо далеко поставленный судьбою от дел художества.

Надо надеяться, при организации чтений по искусству на общеобразовательных курсах, кроме чисто научной истории искусств, отнюдь не будет забыта и эта практическая сторона дела.

При таком положении специально народные выставки, особенно без изменения их содержания, - совершенно не нужны.

А то выходит по присказке: «Износит барин сапожки и одёжу, и в люди-то в ней показаться зазорно», - «всё, мол, в старом», и продать-то, пожалуй, никто не купит. «Возьму-тко я, и сделаю доброе дело, — думает барин, — (благодетельствую мужичка; мне-то всё равно не нужна одёжа — только дома пыль разводите, а ему она совсем диковинкой невиданной покажется, будет щеголять!» Люди-то скажут: «Ишь добрый барин! Никто-то о мужичке не подумал, а он одежонки со своего барского плеча не пожалел. И барину-то честь да хвала, и мужичку-то радость, он не посмотрит, что малость не по мерке, где трещит, где морщит, — живо обладит по своим понятиям».

Хотелось бы, чтобы наша-то народная выставка не имела ни чуточки схожего с подобной притчей. Надо постараться возможно благовиднее объяснить

некоторые смущающие на ней обстоятельства. Так, исторические картины и жанры с доступным и полезным для народа содержанием, вместо того, чтобы занимать если не исключительное, то, во всяком случае, подобающее положение, вместо того, чтобы быть хозяевами, являлись на этой выставке гостями, оазисами, разъединёнными довольно плотным строем малосодержательных жанров и головок, ничего народу не говорящих пейзажей и нескольких картин заведомо плохого достоинства, отмеченных в этом направлении ещё на общих выставках двух обществ: С.-Петербургского и Исторического в помещении Академии наук.

Между тем слышно было, будто жанровой и исторической живописи С.-Петербургское общество хотело дать преимущество на новой выставке перед пейзажами, что было вполне понятно и желательно, но, должно быть, подобные слухи были не основательны, ибо иначе, чем же объяснить присутствие на выставке пейзажей самих воротил общества.

Щиты с мелкими пейзажными этюдами и эскизами имеют интерес для лиц, побывавших на предыдущих выставках СПб. общества, так как, припоминая картины, написанные по этим этюдам, они могут судить о росте и движении художественного творчества, но народ-то тут при чём? (Пропускаем перечень и детальный разбор давно известных произведений — вряд ли он был бы необходим.)

Надо думать, что всякие такие, к делу не идущие, произведения попали на народную выставку случайно, по недосмотру, а то, при существовании дурного весеннего прецедента, получается нечто не совсем красивое. Ведь только что прошедшею весною была открыта на Невском проспекте тоже «народная» выставка; устроители её точно надеялись стяжать себе какую-то славу, руководствуясь тем принципом, что за такую низкую входную плату нельзя и требовать чего-либо дельного: дал, мол, гривенник, а удовольствия ему подай на весь четвертак — тоже ведь надо и справедливым быть. Бог с ней, с этой выставкой: ничьего интереса она не возбудила; удовольствия и эстетического наслаждения сомнительно чтобы кому-либо доставила и мирно почила, а теперь вдруг вполне солидное общество, считающее в своём составе такие громкие имена, произведшее на свет Божий уже 6 детищ, в виде выставки, допускает такую же разнокалиберность, такое же исполнение пословицы: «Что в печи, всё на стол мечи».

Пословица хлебосольная, только ведь хозяину всегда надо сообразоваться со вкусами и аппетитами гостей.

Где-то указывалось на достоинство народной выставки в Конногвардейском манеже, выразившееся в отсутствии картин лёгкого содержания и этюдов женского тела; только этого ещё не хватало. Конечно, это несомненное и крупное достоинство выставки, в особенности теперь, когда число экспонатов, трактующих невозможное нагое женское тело, растёт, множится и конца-краю ему не предвидится.

Если присутствие народа так благотворно влияет на состав выставки в отношении меньшего раздевания женщин, то, само собой, надо дать скорее возможность серому люду посещать обычные выставки.

Говоря о ненужности специальных «народных» выставок без особого изменения содержания, не надо забывать возможность таких выставок, устроенных по определённой программе, со строго профильтрованным содержанием.

Года 2, 3 тому назад, преимущественно в среде московских художников, явилась мысль об устройстве народной выставки (кажется, даже передвижной) по выработанной программе, религиозного и исторического содержания, более или менее декоративного исполнения. Работа уже кипела; многие художники, было слышно, энергично взялись за картины и даже картины очень больших размеров, но затем опять всё затихло, и интересная затея куда-то спряталась, только бы не навсегда. Если осуществится что-нибудь подобное, то выйдет нечто не чета выставке Конногвардейского манежа!

Если бы эта выставка была «общедоступная», она бы вызывала совсем иные соображения, но, к сожалению, она, по свидетельству гигантских выставок, именно «народная».

Не народным содержанием, не лубочным приёмом письма должны такие выставки привлекать любопытных; религиозные изображения, правдивый, прочувствованный рассказ о жизни минувшей (не только отечественной, но всякой, - лишь бы была известная система), яркие, жанровые картины иноземной жизни - всё это притянет к себе массу глаз и заставит думать десятки тысяч голов.

Странно распространяться о таком, безусловно, понятном вопросе, словно кто будет спорить и противоречить? Излишне говорить, какую важную роль займут такие выставки в развитии народного самосознания, что, не в подражание Западу, заставляет желать многого у нас, где даже родной язык во многих случаях всё ещё считается неуместным или невозможным!

Искусство и художественная промышленность. 1898. Октябрь-ноябрь. № 1-2.

КОННОГВАРДЕЙСКИЙ МАНЕЖ. С.-Петербург.
(Фотография начала 1900-х.)

10 ноября 1898 г.

Р. Изгой

Наши художественные дела. II.

С.-Петербург, 10 Ноября 1898 г.

В прошлом письме, между прочим, приходилось говорить о художественных мастерских; по этому поводу нельзя не упомянуть одно недавнее постановление Дамского художественного кружка. Комитет этого кружка постановил нанять мастерские, находящиеся на углу Невского и Б. Морской, в верхнем этаже дома № 16. В этих мастерских будут работать с натуры члены Дамского кружка за плату 3 рубля в месяц. Кроме того, за плату 5 руб. в месяц в мастерские, по рекомендации членов кружка, будут допускаться и посторонние лица. Мастерские будут вмещать до 40 чел., если принять во внимание указанный уже чувствительный недостаток в светлых помещениях, то такой инициативе нельзя не порадоваться и не удивляться, почему нечто подобное, даже, может быть, в более широком масштабе, не практикуется ещё несколькими обществами и кружками. Что не доступно одному, то легко достижимо целой группой. Конечно, такие помещения должны быть приспособлены не только для совместного штудирования натуры, но также и для компоновки картин; иначе говоря, необходимо приспособить несколько отдельных камер, - ведь немного найдётся самоуверенных смельчаков, которые решатся прогуливаться при посторонних глазах в художественном неглиже.

Побольше бы всяких таких полезных начинаний, притом устроенных обстоятельно... Иной раз и средства есть, да, по-видимому, и желание, и стремления, если и не лишённые известного честолюбия, то всё же, несомненно, похвальные, а всё-таки выходит как-то куцо, с большими прорехами. Так, напр., известное художественно-педагогическое начинание одного меценатствующего лица имеет шансы на елико возможное процветание и благоденствие, без повода к каким бы то ни было жалобам, а между тем послушайте: "Из расположенной близко кухни в мастерскую забирается чад, на сравнительно небольшом пространстве скучено до 45-50 человек, духота, жара до 19°, так что и натурщикам, и работающим часто дурно становится; от печей угарно; жара способствует частым простудным заболеваниями".

Обидно слушать такие жалобы; частная добродетельная инициатива, поставив хорошее дело, не должна бросать его на произвол. Всевозможные мелкие задоринки и недочёты, невеликие сами по себе, капля за каплей наполняют чашу, которая может залить хорошее и доброе. А ведь всё так легко поправимо при наличности истинной любви к делу.

Если много жалуются художники на мастерские, то часто почти не меньшие жалобы приходится слышать по адресу натуры.

В таких случаях говорится:

"Какую огромную роль играет натурщик, помогающий художнику реально воплотить созданный тип. Как бы ясно ни представила художественная фантазия намеченную фигуру, всё же приходится подыскивать хотя бы приблизительно натурального натурщика.

Хорошо, если среди интеллигентных знакомых найдутся подходящие люди, которые согласятся подвергнуться этой пытке, потому что позировать дело вовсе не такое лёгкое, особенно же интеллигенту, сиречь человеку нервному.

Но когда случайно таких знакомых не находится, когда усики a la chat fou, или уродливые причёски и безобразные окорока рукавов не позволяют даже

помыслить о чём-либо подобном, и, например, для исторической картины потребуется обратиться к низшим классам или к профессиональным натурщикам, - тут начинается терзание несносное.

Позовёте мужичка, заранее радуется: "Этакая богатая фигура, как раз подойдёт". Примут ваше предложение неодинаково: один смыслённый, пообтёршийся питерец согласится с удовольствием; другой отнесётся подозрительно, а третий, например, не позволит свою "личность снимать".

Вместе с племенными пассажирами и запахом прокислой овчины, вводите мужика в мастерскую:

- Стань-ка, дядя, вот так, словно бы стоишь и задумался о чём-то, будто хлеб, что ли, вымерз или, там, что другое; вообще, будто думаешь. Стань проще, будто никто тебя не видит, как дома.

Мужичок начинает стараться, тужится, пыжится; старается до того, что рука, держащая палку, дрожит вся, будто утопающий хватается за неё. Ноги раскорячиваются, носки свёртываются внутрь, словом, - поза получается такая, что не только при ходьбе, но даже и без движения никто больше минуты выдержать не может.

Мысленно сравниваете эту жалкую фигуру с типом, созданным вами, и делается вам и больно и смешно. Настроение испорчено, отчётливо рисовавшееся было движение затуманилось, сбилось...

Обращаетесь теперь к профессиональному натурщику - тот живо поймет вас, даст и горе, и мечтательность, и гнев, но поза будет банальная, заученная".

Что же выходит? - Оказывается: специальные натурщики нехороши, натурщики из посторонней публики - часто также находка. Кажется, все рассуждения по этому поводу всё-таки будут носить платонический характер, да, в сущности, они и должны такими оставаться, если представить себе, как должен пользоваться натурой художник, если вспомнить, что художник берёт эссенцию натуры, - попросту говоря, художник должен понять натуру, а не попугайничать ею.

Белинский говорил, что искусство - это есть воспроизведение действительности во всей её истине и в её типических формах. Кстати, такое определение было бы очень хорошо, если бы только не неподдающаяся объяснению истина, - ибо, что есть истина?

"Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя - шапка свалится".

Вторая же часть определения: " и в её типических формах" - понятнее и много легче объяснима. Именно типичности следует добиваться художнику (вспомните вывод Тэна о характерности изображённого), именно типичность возвеличивает художественное произведение и делает его понятным большому числу зрителей. Художник, опутанный по рукам и ногам натурой, не толкующий её, а бегущий под нею послушным, бессловесным конём, не совсем ещё ушёл от рабского копирования и выслеживанья quasi-развевающих драпировок, по месяцам висящих на пропыленном манекене в глупой, безжизненной позе. Тут ведь тоже было своего рода искание натуры!

Всякая складочка, всякий случайный собеседник, всякий прохожий, каждое сокращение мускулов, - всё это натура для художника, материал для его будущих затей; материал сырой, которому через много вальков и зубчатых колёс надо пройти в мозговых извилинах прежде, нежели он облечётся в типичную форму и пригодится на дело.

Вся педантичная пропедевтика, излишнее искание каких-то особых натурщиков, без которых творчество якобы бессильно, всё это часто помогает произведению столько же, как и украшению мастерской пошлыми макартовскими букетами, нелепыми плюшевыми драпировками и прочими подобными

снадобьями, которые считаются непременными атрибутами порядочной художественной студии.

Мало помогают художественному здоровью все подобные лекарства и инструменты, мало толку от них выходит там, где нет художественной памяти, фантазии, замысла, т.е. "внутреннего". Где же налицо качества, там пригодится всякая чёточка, там

"... как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступают вдруг пред тобою картины.

Выйдут из мрака всё ярче цвета, осязательней формы,

.....

Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, притаивши дыханье,

И, созидавая потом, мимолётное помни виденье!"

Может быть, спросят: не пострадает ли при таком отношении к делу реализм произведения? Конечно, не пострадает; да и как понимать реализм? В своём новом выпуске "Листки из записной книжки художника" (там - интересные замечания об образовании художников, о ремесле и искусстве, о Мейсонье, об Индии и многом другом) В.В. Верещагин, между прочим, говорит: "Реализм картины, статуи, повести, музыкальной пьесы составляет не то, что в них реально изображено, а то, что просто, ясно, понятно вводит нас в известный момент интимной или общественной жизни, известное событие, известную местность. Есть немало художественных произведений, исполнение которых реалистично, но самые эти произведения, в целом, не могут быть причислены к школе реализма".

Хотя вопросы о натуре - вообще свойства академического, но есть в них и чисто реально-житейские стороны. Приметно: неминуемо столкнётесь с вопросами этики, поинтересовавшись натурщицами, о которых такая многотомная литература и о которых так любят говорить с художниками в обществе, в ожидании услышать нечто пикантное. Как поэтично выглядит занятие натурщицы на бумаге, и в каком другом свете является оно в жизни.

Приглядываясь к этому сословию, нередко сталкиваетесь с такими омерзительными фактами, что противно становится. Какое тяжёлое ремесло! какая должна быть готовность к возможным оскорблениям, умышленным и даже неумышленным! Представьте только себя на их месте: хорошо ещё, если можно предположить отношение Клода (L'oevre, Zola), а если какое-нибудь иное? невольно воскликнете: "Ведь живые!"

К прискорбию, надо отдать справедливость, - не всегда гг. художники стараются облагородить этот, иной раз действительно щекотливый, вопрос.

Со словами о натурщицах неразрывно связан вопрос о письме женского обнажённого тела. Оставляя в стороне возможные соображения более или менее пошлого свойства, нельзя не напомнить интересные замечания по этому поводу, сделанные г-жею Манассеиной в её "Кое-что об искусстве", при обзоре художественных иностранных выставок 1895 г.: "... фигуры обнажённых или полубнажённых женщин применяются живописцами в обилии в настоящее время и притом, несколько я могла заметить, по преимуществу в тех случаях, когда у художника нет готового зрительного образа для изображения желаемой идеи, желаемого момента. Так, напр., живописец желает изобразить "мечтательность", и вот он наполняет картину свою голым женским телом". (Стр. 85).

"... Если бы какому-нибудь будущему историку пришлось только по картинам современных художников судить о наших обычаях, то он положительно вынес бы убеждение, что европейские женщины конца 19-го столетия половину жизни, по крайней мере, проводят без всякого одеяния". (Стр. 87.)

"...В своём перечне картин, изображающих обнажённых женщин, я приводила только те из них, в которых художники написали голых женщин, или

безо всякой нужды, ... или задалась целью представить то или иное отвлечённое, не имеющее зрительного образа, понятие. Если к этому ещё прибавить всевозможные этюды голого тела, всевозможные... изображения нимф, русалок, дриад... и т.д., то количество картин, изображающих всевозможного рода телеса, окажется поистине подавляющим. Авторы, писавшие по эстетике, уже указывали неоднократно на нежелательность слишком частого употребления голого тела в живописи". (Стр. 88.)

Боюсь распространяться по таким "старым" вопросам.

" Как несносно, вы опять про Кавказ! Опять старое! Все уж ведь хорошо знают, что там грабят, ну и кончено. Нет ли чего поновее?" - укоряла одна дама, когда разговор зашёл о непрерывных кавказских разбоях.

Просто руки опускаются, если подумаешь, сколько художественных вопросов карабкается наружу, болит и просит пломбы. Придвигается выставочное время, вместе с ним приближаются вопросы об устройстве выставок, о входной плате, об основаниях оценки художественных произведений, что особенно важно при теперешних разнообразных, даже прямо противоположных взглядах и требованиях, предъявляемых искусству. Про одну и ту же вещь часто высказывается самими художниками совершенно непримиримое, - какие же суждения положить в основу? Хотя это вопрос тоже принципиальный, но в выставочном сезоне, при выборе приёмных комитетов и жюри, он получает практическое применение, очень важное для развития современного искусства.

Кроме принципиальных вопросов, сколько болеет дел практических и технических: быстрая изменчивость новейших красок, всякие усовершенствования материала, - про всё это нельзя сказать: "Над нами не каплет". Знакомство с подобными сторонами художественного дела, без сомнения, будет интересно и поучительно не только художникам, но и всем интересующимся искусством.

Всё это стоит на очереди; обо всём этом надо подумать.

В нашем журнале упоминалось уже о необходимости чтений по искусству и всему, до него относящемуся.

В воскресенье, 1-го ноября, г. Боборыкин прочёл лекцию в конференц-зале Академии художеств об Орвието и Сиене. Каюсь, я не был на чтении; по отзывам же составить о ней хоть какое-либо понятие нельзя, так как отзывы слишком разноречивы.

К новым начинаниям можно было бы отнести и вновь возникший художественный журнал "Мир искусства". Но о нём нельзя куда сказать ничего определённого, ввиду его чересчур специфического характера.

В настоящее время в Петербурге находится французский художник П. Гроллен, которому поручено, для предстоящей Всемирной выставки, написать панорамы Петербурга и Москвы. Картины эти пойдут в общий панорамный отдел всех столичных городов. Вместе с г. Гролленом в Россию прибыл художник Дюбуа, который с такой же целью посетит Тегеран и Пекин.

О распределении русских картин на Всемирной выставке слышал я следующее: всего русский отдел будет вмещать 300 картин, из которых 100 картин придётся на долю московской галереи Третьяковых, 50 картин - будет из собраний Петербурга и 150 - совсем новых.

Из невеликого числа 300, конечно, трудно выкроить более целесообразное распределение, но, во всяком случае, если представить, какая доля новых картин должна принадлежать корифеям нашей живописи, - невольно является сомнение: не слишком ли мало места останется для молодых сил? При столь предположенном малом общем числе картин, остаётся только надежда на комиссию Академии художеств - на её строгий и праведный суд.

Говорили о предстоящей выставке blanc et noir (в залах Академии художеств), но, кажется, она осуществится ещё не так скоро.

Сумрачно отнеслась погода к академическому конкурсу, гармонируя с его содержанием. Какие выставки могут быть при такой туманной мозглявой слякоти? Отчасти поможет делу электричество, но только - отчасти: свет его слишком обманчив, и потом, работая серьезную вещь, разве можно иметь в виду искусственные освещения? В такие минуты мысль бывает чересчур далека от подобных соображений.

Из отчёта деятельности Императорской Академии художеств, прочитанного на акте, можно указать следующее.

"В Высшем художественном училище к 4 ноября с.г. состояло учащихся 336 человек; из них: учеников 245, учениц 28, вольнослушающих 56 и вольнослушательниц 7. Из этого общего числа учащихся находилось: на отделении живописи и скульптуры 205 и на отделении архитектуры 131. Из 205 учащихся отделения живописи и скульптуры, 84 чел. находилось в натурном классе и 121 - в мастерских руководителей: в мастерской проф. В. Беклемишева 7, в мастерской проф. В. Маковского - 22, в мастерской проф. В. Матэ - 7, в мастерской проф. И. Репина - 50. Ученики по архитектуре разделялись так: в общих классах 91, в мастерских 40; у проф. Л. Бенуа - 15, у проф. А. Померанцева - 12 и у проф. А. Томишко - 13.

Получили звание в отчётном году: из мастерской проф. А. Киселёва - В. Зарубин, П. Краузе, Д. Педенко; из мастерской пр. В. Маковского - И. Казаков, В. Китаев, В. Позднеев, И. Рыбаков; из мастерской пр. П. Ковалевского - Е. Зарин; из мастерской пр. И. Репина - И. Воронов, Н. Гумалик, А. Кобыличный, П. Коренев, Д. Попов, В. Поярков, А. Раевский, Н. Розанов; из мастерской пр. В. Матэ - К. Быковский, И. Дмитриев, А. Комарова, А. Шварцман; из мастерской пр. В. Беклемишева - Л. Шервуд. По архитектуре: из мастерской проф. Л. Бенуа - В. Погонкин, В. Покровский, А. Элкин; из мастерской пр. А. Померанцева - А. Галецкий, В. Лопатин, П. Пермьяков; из мастерской пр. А. Томишко - И. Воронцов, А. Гавеман, В. Франкевич.

Содействие Императорской Академии художеств областным рисовальным школам выразилось в следующем: Академией в текущем году обсуждался проект преобразования учебной части в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. "Предположено отменить ныне существующий порядок совместного прохождения курсов, установив правило, по которому переход на художественное отделение допускался бы лишь после успешного окончания общеобразовательного курса, со включением программы начального класса живописного отделения, распределённого на всё время прохождения общеобразовательного курса". Продолжительность общеобразовательного курса для поступающих на живописное и скульптурное отделения определена в 4 года, а для поступающих на архитектурное в 5 лет. Число лет прохождения художественного курса не определено.

В Школе Императорского Общества поощрения художеств, с субсидией от Академии, устроены 3 добавочных рисовальных класса, чтобы учащиеся в Школе, желающие поступить в Высшее художественное училище, имели возможность основательно подготовиться в рисовании.

Казанская художественная школа была Высочайше утверждена 26 марта с.г. Новым положением ей предоставлены права и преимущества правительственных средних учебных заведений. В школе этой имеется 4 общеобразовательных класса. Всего учащихся в школе - 191.

26-го марта с.г. состоялось Высочайшее утверждение устава и Пензенского художественного училища.

Приняты Академиею меры к приведению Одесской рисовальной школы в благоустроенное состояние. Для скорейшего преобразования её выдана ей Академиею субсидия в 13 597 руб.

Субсидий прочим рисовальным школам выдано: Воронежской - 500 руб., Томской - 200 р., Виленской - 1000 р.; ученической мастерской акад. Дмитриева-Кавказского - 2000 р. Даны бесплатно гипсовые слепки рисовальному классу Гольдבלата и рисовальной школе Блюма в Риге.

На художественную деятельность Академии в 1898 г. израсходовано 67 682 руб. 51 коп., кроме некоторых, ещё предстоящих расходов на содержание пенсионеров".

Вместо ушедшего из профессоров натурального класса К.В. Лебедева, утверждён в этом звании И.И. Творожников. На том же собрании выяснилось, что иногородние члены не успевают заранее ознакомиться с вопросами, подлежащими обсуждению. В этих видах предполагается устраивать накануне Общих собраний предварительные частные совещания.

На последнем академическом собрании приобретены для Русского музея Императора Александра III два портрета: 1) Императрицы Марии Фёдоровны, работы Крамского и 2) кн. Щербатовой, работы Ф. Соколова.

"Новости" передают беседу с одним членом Академии, который справедливо указал на неправильную организацию дела приобретения картин на выставках для Русского музея. Для такого приобретения картин "избирается комиссия из 15 лиц; каждый член этой комиссии делает самостоятельную оценку отдельным произведениям, затем вопрос о приобретении решается закрытою баллотировкою, после чего решение комиссии вносится на утверждение Общего собрания, которое и ассигнует необходимые средства. Так как вся эта процедура длится около месяца, то легко может случиться, что тем временем облюбованные комиссиею картины будут приобретены частными лицами... Комиссия должна быть снабжена полномочием приобретать картины. Так как, вместе с тем, увеличится ответственность членов комиссии, то следует избрать их в количестве 3-5 лиц, которым Академия безусловно доверяет".

Нельзя не сочувствовать такому мнению, кроме последнего пункта, - чрезмерное уменьшение числа членов комиссии вряд ли принесёт пользу делу, оно может сообщить ему ту или иную односторонность.

Тем же октябрьским Общим собранием Академии к сонму академиков сопричислен старинный участник передвижных выставок - Н.В. Неврин.

Теперь звание академика даётся по достижению известности. До сих пор, конечно, никто не имеет такого повода укорять Совет Академии в неправильном толковании этого загадочного пункта устава: все, удостоенные этого звания, были, очевидно, люди, действительно, выдающиеся, давно его заслужившие, но, в принципе, зависимость звания академика только от "известности" оказывается странным, и правила с подобным пунктом представляются чересчур растяжимыми. Отношение устава к делу - подобно отношению меха к вину, но желательно, чтобы предполагаемое вино было по возможности определённое. Как понимать известность? Когда наступает минута, приводящая человека в такое состояние?

"Меня, сударь, занимает вопрос, что собственно нужно разуметь под словом слава или известность?" - спрашивает у Чехова "Пассажир I класса".

Если, быть может, читали, - помните, какой ответ воспоследовал?

Уже всем известна последняя утрата для русского искусства - недавняя смерть талантливой художницы Елены Дмитриевны Поленовой. Сколько настоящий год принёс преждевременных смертей в художественном мире!

Искусство и художественная промышленность. 1898. Декабрь. № 3.

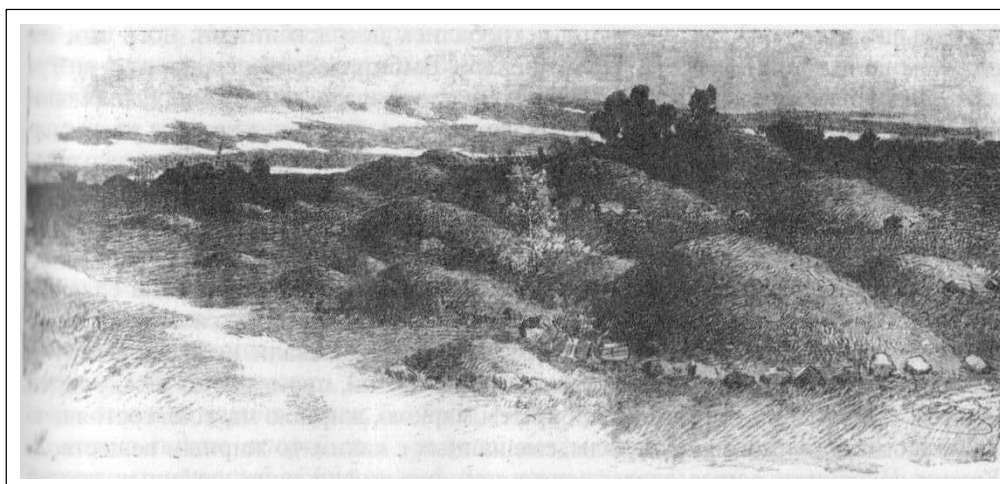
ХРОНИКА

РУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

4-го ноября состоялось, под председательством С.Ф. Платонова, заседание Русского отделения Археологического общества. Н.К. Рерих прочитал реферат: "К вопросу о типах погребения в курганах Водской пятины"....

По поводу положений реферата А.А. Спицын заметил, что описанные г. Рерихом раскопки послужат к пересмотру имеющихся сведений о курганных погребениях в сидячем положении. Такие погребения в Петербургских курганах исследователями были относимы только к XI и XII вв. и, как теперь видно, без достаточного основания. Ясно, что к этому времени нельзя относить по аналогии и погребения в сидячем положении, обнаруженные уже на всём пространстве собственно-русских курганов. Находка г. Рериха приближает к решению вопрос об интересных и доселе загадочных курганах, раскопанных в 1872 г. в северо-западной части Витебской губ., близ имения Штирпяны, где тоже найдены костяки в сидячем положении, с монетами XV века: это - курганы русского обряда погребения...

Исторический вестник. 1898. № 12. С. 1239-1240.

Н.К. Рерих. Курганы XI-XII в.

Из книги А.А. Спицына «Курганы СПб. губ. в раскопках Л.К. Ивановского». 1896.

Н.К. Рерих. Землекопы. (На раскопках). 1890-е.

Н. Рерих

НА РАСКОПКЕ В ВОДСКОЙ ПЯТИНЕ (СПБ. ГУБ.)

(Наброски художника)

Кто хоть немного соприкасался с археологиею и хоть один раз побывал на раскопке, тому ведомо, насколько увлекательно это дело. Обычное по сему предмету острословие: «археология - мертвечина! Пыльная наука - археология! Гробокопатели! Вампиры! Прозаики! Мумии!» - особенной остротой, боюсь не отличается.

- Помилуйте, - слышу, - это до России, пожалуй, не относится; у нас-то какая же археология, разве кроме степей? Хорошо и прилично говорить об археологии в Греции, в Италии, наконец, на нашем Юге и Востоке, а здешние меланхлены и гипербореи вряд ли оставили после себя что-либо занимательное!

- Да ведь всякая местность, мало-мальски пригодная для жилья, имеет свою археологию, будет ли это Киевская, Новгородская или Петербургская губерния...

- Что такое? Скажете, что и Петербургская губерния тоже даёт пищу для археолога? Подите вы! Я понимаю говорить о раскопках в Помпее, Азии, в степях, на худой конец в Новгороде - всё-таки варяги там, что ли, но раскопка Петербургских курганов, да это даже не принято как-то! Точно на свалке сардинные коробки вырываете! Неужели и здесь что-нибудь может находиться? Пожалуй, одни шведские пуговицы, потерянные в Петровское время!

Действительно, зачастую древности С.-Петербургской губ. или древней Водской Пятины Новгорода пользуются в обиходе репутацией довольно сомнительной; всякий археологический памятник этой местности, о котором уже трудно сказать, что это случайная груда камней или естественное возвышение, относится ко времени шведских войн. Древние кресты Новгородского

типа, обильно встречаемые на полях - шведские. Курганы - шведские могилы; городища - «шведские шанцы». Словом, всё, несомненно, принадлежит древности, - всё шведское, хотя на самом деле вовсе не так.

Шведский, петровского времени, элемент играет самую последнюю роль среди древностей Водской Пятины (СПб. губ. тоже). Никто шведскими древностями этого периода не занимается и никакого интереса они представить не могут. И без них материала более чем достаточно, материала важного и поучительного. Главный контингент местных древностей составляют памятники от X до XV вв. Подробности древнерусского обряда погребения и анализ найденных в курганах предметов позволяют без большого колебания отнести эти древности к новгородским пограничным славянам. С севера давила на них Чудь и Ижора, финские племена, сидевшие на Неве и по Приладожью; на западе они граничили с Финскою Емью (эстами), на северо-западе с небольшим, родственным эстам и тавастам, племенем водью, давшим название всей Пятине. В настоящее время Водь и Воддьялайзет занимает небольшое число селений в районе Петергофского уезда.

Древности эстов разработаны довольно хорошо, как и вообще все остзейские. Памятники Ижоры известны в весьма скудном количестве; а водские древности пока ещё не установлены. Некоторые исследователи приписывают все местные древности вожанам, но в сущности тип водских погребений ещё не известен и может быть выяснен только новыми изысканиями. Водь - племя невеликое, никогда в истории не выступавшее в сильной роли. (В 1149 году отряд Еми в 1000 человек нападает на Водскую землю, и Водь может с ним справиться только при помощи новгородцев.)

Славянское соседство, кстати заметить, всегда оказывало на финнов сильное влияние, и притом влияние доброе, из летописи Генриха Латыша знаем, что когда священник Альбрандт был послан с дружиною и рыцарями в Ливонию с предложением народу принять святое крещение, то народ ливонский бросил жребий и спрашивал у своих богов, которая вера лучшая — псковская или латинская. Народ, очевидно, предпочёл псковскую, т. е. православную, и только из страха принимал крещение от западного духовенства.

Для полных заключений о С.-Петербургской губернии нужны ещё новые археологические изыскания, преимущественно в пределах Петергофского уезда; хотя цифра исследованных древних погребений СПб. губ. достигла солидных размеров и превышает 6000, но этим всё же нельзя ограничиться.¹

Среди местных исследователей первое место заслуженно принадлежит ныне покойному прозектору Военно-Медицинской Академии Л. К. Ивановскому, производившему раскопки от 1872 до 1892 г., остановленные его смертью.

Из других раскопок в СПб. губ. надо отметить раскопку Волховских сопок, произведенную Н. Е. Бранденбургом. Волховские сопки - это древнейшие курганы края; время их, судя по найденным в них предметам, относится к IX и VIII вв. Самые большие сопки имеют в высоту 4 - 5 сажен. Затем в Лужском и Гдовском уездах производились раскопки г. Шмидтом, Мальмгренем, слушателями археологического института и некоторыми другими.

¹ А.А. Спицын. «Курганы СПб. губ. в раскопках Л.К. Ивановского». СПб., 1896 г. и мои рефераты в Императорском Русск. археологич. общ. «Раскопки последних лет в курганах Водской Пятины» (1896), «Раскопки 1897 г. в курганах СПб. губ.»; «Новые данные о курганах СПб. губ.» (1898), «К вопросу о типах погребения в СПб. губ.» (1898).

Находками отдельных вещей СПб. губ. пока не богата. А. А. Спицин указывает некоторые наиболее важные: в 1875 г. были найдены при д. Княжино, Ново-Ладожского уезда, вместе с сассанидскими, умеядскими и табаристанскими монетами VI-IX вв., 3 серебряные монетные слитка. В начале нынешнего столетия был найден громаднейший клад арабских монет на берегу Ладожского озера. Куфические монеты VII-X вв. были находимы в Галерной гавани, в Старой и Новой Ладоге, около Ропши, и в некоторых других местах. В Старо-Ладожской крепости была найдена золотая куфическая монета 738 г.

Находки каменного века в СПб. губ. тоже не многочисленны и приурочиваются к побережью Ладожского озера² и долине р. Луги.

Местонахождение курганов, исследование которых, таким образом, представляет главную работу, находится конечно, в связи с местом древних поселений, в свою очередь обусловленным характером местности, изрезанной непригодными для жилья моховыми болотами (прежде озёрами). Главные поселения, оставившие нам обильнейшие курганные поля довольно разнообразного содержания, были расположены на ровном суходоле между Царским Селом и Ямбургом; это плоскогорье проникает в долину р. Луги, соприкасается с песчаными лесистыми верховьями р. Оредежи (Сиверская) и не доходит верст на 10 - 20 до побережья Финского залива. Это в северной части губернии. В южной, более возвышенной, занятой не только новгородцами и псковичами, немало удобных для поселения мест в системе озёр Вердуга, Сяберское, Черенецкое, Чернозерское и др.³

Состояние и внешний вид местных курганов не одинаковы. То огромными полями, поросшими мелкой ольхой и орешником, многими сотнями сплошь унижают они десятки десятин, то небольшими группами (5-20), или одиноко маячат они посреди пашни; иной раз представляют они свежие, крепкие, словно вчера сложенные конусы до 2 саж. с высокой вершиной и правильной, резко обозначенной каменной обкладкой основания, в других же случаях вершина оказывается глубоко осевшею - сама насыпь осунулась, пригорюнилась или же представляется только небольшим неправильным расплывшимся возвышением, так что работники отказываются разрывать его, уверяя, что это крот нарыл. Проезжая по деревням, нередко приходится ехать по каким-то еле приметным буграм, и только заезженное каменное кольцо основания напоминает об исчезнувшем кургане. Многие насыпи поросли лесом, деревья насквозь пронизали их своими корнями; невольно вспоминаются курганные сосны при деревне Чёрная (Царскосельского уезда): коренастые, любовно обняли они насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданием, что на смельчака, отважившего рубить одну из них, напала «трясучка».

Почти возле каждой деревни можно отыскать большую или меньшую курганную группу, но, несмотря на их обилие, расспросить о них у местных крестьян подчас не легко — надо узнать излюбленные ими выражения; если вы вместо «старой кучи» спросите о кургане или бугре, то вас ни за что не поймут.

² Иностранцев. «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера». СПб. 1882.

³ А. А. Спицин. «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении» («Записки Имп. Русск. археолог, общ.»).

Однажды, вместо городка, я спросил городище - и от присутствия его немедленно отказались. Среди местных названий курганов особенно употребительны: сопка, каломище (финское *calm* - погребальный холм), старая куча, шведская могилка, бугор, гора, колониистское кладбище (если погребения без насыпи). Эсты укажут вам курганы, если спросите *vana aut*, старую могилу.

II

В мае, как засеются яровыми, можно приниматься за работу. Подаётся соответствующее прошение в Императорскую археологическую комиссию; в ответ на него получен открытый лист. Сбрасывается тесный городской костюм; извлекаются высокие сапоги, непромокаемые плащи; стирается пыль и ржавчина со стального совка с острым концом — неперменного спутника археолога.

Прежде самой раскопки надо съездить на разведки, удостовериться в действительном присутствии памятника. Не полагаясь на сведения разных статистик, перекочёвываετε вы от деревни до деревни на «обывательских» конях с лыком подвязанными хомутами и шлеями. Всматриваетесь буквально во всякий камешек, исследуете подозрительные бугорочки, забираетесь в убогие архивы сельских церквей; подчас, ко всеобщему удовольствию, делаетесь жертвой какой-нибудь невинной мистификации. Местами вас встречают подозрительно:

- Никаких, ваше высокоблагородие, исстари древних вещей в нашей окрестности не предвидится. Всё бы оно оказывало.

- Сами посудите, барин, откуда мужику древние вещи взять? Ни о каких древних вещах здесь и не слыхано.

Если же вы пришли по нраву, оказались «барином добрым», «душой-человеком», то вам нечего будет принуждать к откровенности собеседников. Вечером, сидя на завалинке, наслушаетесь вы любопытнейших соображений, наблюдений естественнонаучных, поверий, наивных предположений. Сперва из осторожности прибавят: «так зря болтают» или «бабы брешут», а потом, видя ваше серьёзное отношение, потечёт свободный рассказ о старине, о кладах, о лихих людях-разбойниках.

Но не дай Бог попасть в руки книжного волостного писаря или словоохотливого попа; тут каждое дельное сведение придётся покупать ценою выслушивания бесконечных замысловатых повествований:

- По одну сторону речки-то полегло славянство, — гвардия, народ рослый, а по другую-то — мордва и черемисы. Черепа недавно ещё находили. А вот в Лохове не так давно были ступени плитные древнейшего храма языческого, а поблизости нашли сруб, из него разные предметы добывали. В настоящее время ступени выломаны на плиту, а сруб завален камнями - известно: дурак народ!

- Степи! Степи! - восклицает другой, - знаете ли вы, господа археологи, откуда степи взялись? Неужто, так и сотворил Господь Бог плешину на лоне земном? Извольте видеть этот пол? Вот окурки, вот крошки, вот лепешка изпод каблука, и везде пыль. Беру я теперь эту метлу и провожу по полу - ни окурков, ни грязи не бывало. Провожу ещё раз - крошки исчезли. Махнём в третий - и пыли не видно, разве где по щёлкам забралась — по овражкам кустики. Идут это по земле гуннские народы; идут ещё... готты, вандалы! Невесть кто идёт: и печенеги, и половцы, и татары; чище всякой метлы или щёт-

ки отполируют, выскребут на удивленье, - пылинки в щёлке не оставят, кустика не увидишь! И кого только не носила мать сыра-земля. Многое, как говорится, не снилось мудрецам! Столько сокрыто в недрах земных; вот хоть бы сопки, что подле Заполья, на самих огородах, скажу, довольно достопримечательные, вещицы находили там очень фили... фили... как это говорится-то?

- Филиграновые или филистерские?

- Вот, вот именно!

- Да, занятное дело — старинное время, — повествует третий, — всё-то разгадать, всё-то произойти! Как вы полагаете, что такое райское блаженство будет? Это, как вам сказать, вечное беспрепятственное познание, недоступное для нас в настоящей суетной жизни. Одни-то будут познавать — наслаждаться, блаженствовать, а другие-то зубы на полку, что на земле узнали, того и хватит. Коли ваше желание будет, интересное местечко могу я вам указать. Извольте ли вы знать городок подле Селищенской деревни — ну, просто скажу, бугор, такой не малый. А рядом с ним и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жил в этом городке задолго когда-то князь не князь, а князек. Была дочка у него красавица. Красавица такая - теперь таких и не найдёшь! Известное дело, нонче какой народ пошёл - мозгляк! Прежде не то было - богатыри, что твой Илья Муромец. Только, не знаю с чего, возьми, заболей красавица эта, да и отдай Богу душу в этом самом городке. Её похоронили знатно. Ведь и тогда, небось, франтихи были, что и теперь. А князёк-то не пожелал больше в этих местах жить. Сопочка-то подле самого бугра, ещё ручей Черченом называется...

Повыудив, что можно дельного, изо всех подобных рассказов, вы приступаете к самой работе.

III

Грудой почерневшего леса и побурелой соломы раскинулась невеликая деревенька. Часа четыре утра. Петухи перекликаются. Пастух затрубил - выгоняют скотину. В сеньях, слышно, вздувают самовар; кто-то пробежал босыми ногами. Староста - у него вы остановились - будит вас. Стёкла запотели - свежо на дворе. Зубы самовольно выстукивают что-то воинственное. Вы вздрагиваете - умываясь холодной водой. Народ уже собрался. Ломы, кирки, лопаты, топоры — необходимые раскопчные снаряды, - всё в исправности. Потянулась шумная гурьба к курганам, что раскинулись невдали от жилья. Небо без облачка. Из-за леса сверкает солнышко. Приятно бодрит студёный утренник.

Весело!

Из деревни много люду идёт за нами сами по себе - посмотреть. Авангард мальчишек на рысях далеко впереди. Не знаю, какое другое дело возбуждает такое же неподдельное любопытство, как раскопки и рассказы о древностях. Ни горячая страда, ни жара, ни гроза - ничто не осилит его.

Пока идёт незанимательная работа вскрытия верхней части насыпи, говорит не переставая.

- Слышь, ты, тут шведское кладбище!

- Ну да, известно, не русское; русские так не хоронят.

- Дядя Фёдор, - толкает бойкая, задорная девка-копальщица, - здесь колонисты?

- Вот я те выкопаю колониста, в аккурате будешь!

- Чтой-то тут, испытание никак? - шамкает древний дед, пробираясь в толпе.

- Слышь, дедушко! Котёл нашли с золотом. Каждому мужику по 100 рублёв выдавать будут, а деду не дадут.

- Это дедке могилу копают, - толкает деда баловница девка, - и ложись, дедка, тут тебе и попоём!

- Эх, эх, и нас-то, поди, раскопают. Косточкам-то успокоиться не дадут!

- Так не найдёте, — советует пожилая баба, - в Сёмкине солдатский доктор бугры перекапывал, так у него живое серебро было. Наставит он его на могилу, оно побежит, побежит, да и станет, и где станет, там и копай. И всегда находили.

- Да что находили-то, дура баба, разве дельное. Одну только серебряную цепочку нашли!

В стороне слышится тихий разговор.

- В Красной одного сидячего нашли; рядом ложка чугунная положена и ножик. В головах-то горшок.

- Только поужинать собрался, а тут его и накрыли!

- В Хлебниковой даче мост оказался через Ржавую мшагу, на сажень его туда засосало. Слышно, там война шла. Вот потопнуть-то можно...

- А вот мы, взаправду, чуть не потопли. Приходит ко мне это раз Васька Семёнов; слышь ты, говорит, нашёл я сопку у Вязовки, невдали от Княжой Нивы. Кругленькая, хорошая сопка, и огонёк по ней порхает. Клад — беспрременно. Собъём-ка артель, да раскопаем. Вдвоём-то неспособно: и сопка-то больше, в сажень казённую будет, да, пожалуй, и страхи пойдут. Ладно! Сбили мы артель, пошли. Сопка правильная и от речки недалеко. И насыпана она неспроста: кругом выложена камнем, сверху песок да земля; потом прутняк - уже перегной. За ним хвощ да гнила. Дерево сгоревшее и негорелое. Видим - уже грунт показался. Васька щупом хватил вниз - слышит грох - дерево, значит. Хватил правее - звякнуло что-то, значит, близко. Свечерело уже. Только смотрю я, сочится с боков вода и снизу точно проступает. Васька и Фёдор нагнулись, руками щупают, — нащупали дерево, тянут вверх - не идёт, будто держит его. Ещё потянули, глядят — старая-престарая доска - сопревши вся. И хлынула из-под той самой доски вода. Ключ открылся; пошла садить; уж не то, что клад — сами-то рады из ямы выбраться. Ударишь щупом - звякает что-то, котёл, что ли!

- Так и не допустила вода?

- Ещё бы тебе допустить! Оно ведь тоже заклатье какое положено! Вот в Берёзовском пруде золотая карета⁴ да 5 стволов золота опущено, старики в ясные дни ещё видали чуть-чуть! А поди-ка вытащи. Всем знатко, а не взять, потому заклатье, зарок.

- А вот Петра из Красной, тот так взял клад.

- Поди ты, взял, брешет твой Петра; может, он и нашёл чугунный старый, что пастухи бросили, да только...

- Да что только-то, ведь не сам он, а дельные люди сказывают, что и впрямь взял.

⁴ Предание о золотой карете обще всей местности. Очевидно, как предания о вольнице повлияли на Поволжье в смысле зарытых лодок с золотом, так присутствие высоких особ дало повод к розыскам золотой кареты.

- Пуще разбогател Петра, как и не у нас грешное тело из локтей смотрит. Богатей!

- Впрок ему не пошло, значит — зароку не знал.

- Господин, евося, будто косточка под лопатой оказывает, — докладывает один из копальщиков.

Спускаюсь в яму. Пахнуло свежерытой землей; посвежело после припека, — солнце уже высоко. Действительно, из-под лопаты торчит жёлто-бурая берцовая кость; торчит среди такого же точно песка, как и вся масса насыпи, словно бы она всегда была только костью без верхних покровов.

Кость вполне определила положение костяка. Работа пошла осторожней. Обнаружились руки, сложенные у лонного соединения. Предплечье окислилось, позеленело - признак близости бронзы, которая и оказывается в согнувшейся тонкой, витой браслетке.

- Бруслетка! Смотри-ка, эка штучка-то аккуратная! Тоже изделие! — проносится среди любопытных, и, давя друг друга, вся ватага устремляется к кургану, жмётся к вершине.

В яме потемнело. Зола, на которой лежат кости, кажется синее: строже глядит череп земляными очами. Нижняя, удивительно развитая челюсть далеко отвалилась с осевшей землею в сторону. По бокам черепа показались височные кольца добрых вершка два по диаметру.

(Окончание следует.)

Новое время. 1899. 15/27 июня. № 8367.

Н. Рерих

**НА РАСКОПКЕ В ВОДСКОЙ ПЯТИНЕ (СПБ. ГУБ.)
(Наброски художника)**

**IV
Раскопки продолжаются**

Летят комки земли. Мужские костяки чередуются с женскими. Долихокефальные черепа сменяются брахи-кефальными. Вместо копий, топоров, мечей, ножей, умбонов, щитов, являются гривны, серьги, браслеты, кольца, бляшки, многоцветные бусы, остатки кос. Полное трупосожжение уступает место погребению в сидячем положении. Высокие курганы заменяются жальничными клетками (погребение в могиле без насыпи). Разнообразие нескончаемое!

Щемяще приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче развертываются чудесные картины.

Словно бы синей становится небо. Ярче легли солнечные пятна. Громче заливается вверху жаворонок. Привольное поле; зубчатой стеной заслонил горизонт великан лес; встал он непроглядными крепями, со зверьем — с медведями, рысями, сохатыми. Стонут по утрам широкие заводья и мочежины от птичьего крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонят журавлиные станицы, плывут треугольники диких гусей. Полноводные реки несут долблё-

ные челны. На крутых берегах, защищенные валом и тыном, с насаженными по кольям черепами, раскинулись городки. Дымятся редкие деревушки. На суходоле маячат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со стараньем обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей.

У мужчин зверовые шапки, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрым узором кольчужным, быть может, ватмалом⁵. На ногах лапти, а не то шкура, вроде поршней. Пояса медные, наборные; на поясе всё хозяйство — гребешок, оселок, огниво и ножик. Нож не простой — завозной работы; ручка медная, литая; кожаные ножны тоже обделаны медью с рытым узором. А другой, ничего что мирное время, и меч нацепил, выменянный от полунощных гостей⁶. На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит.

На предплечье изредка блестит витой медный браслет. На пальцах перстни разные, есть очень странного вида, с огромным щитком, во весь сустав пальца. Заросли загорелые лица жесткими волосами, такими волосами, что 7 - 8 веков пролежать им в земле нипочем. А зубы-то, зубы - крепкие, ровные.

На носилках посажен покойник, в лучшем наряде; тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воют. Почтить умершего - разделись они; много чего на себя повешали. На головах кокошники, венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, — таким обручем и уши прорвёшь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну либо две — три гривны зараз оденет: и витые, и пластинные: медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их не мало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синяя, зелёная, лиловая и жёлтая; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров - и не перечесть все веденецкие изделия. Ещё есть красивые подвески для ожерелий - лунницы рогатые и завозные крестики из Царьграда и от заката.

На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек: вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чуди, ливам и курам; кошки - страшные с разинутой пастью, излюбленные уточки, вedomые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замысловатые знаки, звенят и гремят на ходу привешенными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку.

На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие с затейливым узором. Подолы рубах, а может быть, и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинута кафтанчик, на манер шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посередине его посажен покойник; голова бессильно ушла в

⁵ Ткань, которой торговали испанцы XII века.

⁶ Скандинавского типа.

плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копьё и горшок с кашей. Смолистые плахи всё выше и выше обхватывают мертвеца, их заправляют прутняком и берестой — костёр выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто блеснуло из полузакрытых век, в последний раз осветилось строгое, потемневшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы бурого дыма.

Загудела протяжная, тоскливая погребальная песня. Отпрянул в сторону ворон, зачужавший смрад горелого мяса. Важно и чинно уселись кругом именитые родичи, понурился на посохи седые головы. За ними столпились другие, пока весь костёр не обратится в кучу углей и золы с чёрными пятнами жира в середине. Тогда заработают заступы, понесут землю и пригоршнями, и подолами. Втроём, вчетвером покатают к кострищу немалые валуны гранитные; их много по окрестной равнине, серые, бурые, красноватые, всяких размеров — дары Силурийского моря. Обровняли края кострища, чтобы представляло оно довольно правильный круг. В былых ногах и головах ушедшего к предкам, ставшего чуром блаженным, кладутся особо большие дикие камни, и приходятся они всегда на восход и закат, ибо лицо умершего всегда обращалось в священную сторону, откуда весело кажется миру вечный могучий ярило — красное солнышко, от него идут блага тепла, а с ним плодородия.

Быстро растёт возвышение; насыпь сыплют не из разной, какой попало, земли, с кореньями, с сорными травами, а из чистого песка или плотного суглинка. Если же захотят на вечные века сохранить память о родиче — не поленятся весь погребальный холм сложить из дерновой земли. Наносят воды из соседней реки, смочат его, так уплотнят, словно бы чувствуют, что когда-то чужие ломы и кирки будут добираться до родного праха. Но дерновая насыпь может постоять за себя; вместо широкой реки с ярами и обрывами, чуть приметная сухая ложбинка; свалился старик бор, а насыпь всё победно держит высокую вершину, будто чур ходит за ней, бережёт её⁷.

Сложили насыпь, аршина в два вышиной. Довольно. Пеплом ещё засыпали, принесли его с собой из дому; от родного очага не отлучился бы чур-домовой. Сверху ещё землей забросали, выровняли правильный конус, поправили валуны в основании, чтобы одинаково торчали. Заботливо обошли кругом, разок посмотрели. Готово!

В почерневшее вечернее небо, в косматые облака опять понеслись струи бурого дыма; заблестели яркие точки костров. Идёт тризна. Заколот козлёнок, над огнём медные котлы повешены. Поминают родича и досидят, пожалуй, пока и месяц из-за леса глянет и светом своим заспорит с кровавым пламенем. Страшней и мохнатей кажутся волосатые лица, жиром блестящие бороды, губы и мускулистые руки. Звенят о кости ножи, брякают черепки горшков, — опять, теперь в ночной тишине, вдаль потекла поминальная песня.

Блестит заходящий месяц на рукояти меча, сверкает на бусах и гривнах; мутными пятнами рисуются белые рубахи уходящих домой поминальщиков. Не умрёт добрая слава покойного! Где же ей помереть? Велик его род; вечно будет от времени до времени правиться тризна; не забудут досыпать осевшую

⁷ Насыпи, сложенные из дерновой земли, отличаются удивительной прочностью. Каждый ком земли приходится брать энергичным ударом лома. Дерновая земля чаще встречается в волховских курганах. Суглинок тоже довольно стойко держится.

насыпь! Реют, неслышно спускаются на остатки еды, на козлиные кости вещи вороны, и они справят тризну.

V

Из-под облака всё видит ворон; смотрит поверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре. Светлой лентой извивается быстрая речка, один берег ровный, покрытый сочной травой и чащей, другой берег высокий, к реке спуски крутые, обвалы, - песчаные и глинистые оползни! В речку впадает студёный ручей, тоже не маленький. Слились они, с двух сторон, охватили вплотную продолговатый холм, высота его по откосу сажени 4 - 5. В редком месте природа создаёт такую искусную защиту! На этом холме и поставили город. Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой, рвом - землю сложили валом; на валу тын поставили из славных рудовых бревен; концы обтесали, натыкали на них черепа звериные, а то и людские на устрашение врагу! По углам срубы поставили, покрыли их соломой и речным тростником. Состроили вышку — смотреть и наблюдать за вражьими силами, или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пучком зажжённой соломой, окрестность оповестить об опасности. Город - место военное, в мирное время тут не живут. Видел ворон и другое! Видел, как пылал тын города, шла сеча! Грызлись и резались насмерть! Напрасно варом кипящим обливали напавшую рать; город пал! Помнил это ворон — пировал он тут сыто.

Пировал он также остатками богатой яствы, что бывала на лесных холмах, далеко от жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богам. Уже и кресты были на шеях, а все посещались давние излюбленные места⁸.

И клады знакомы воронам! Не найдешь их, коли тебе неведомы древние книги и записи, что о них говорят. Писали те книги старые люди. Клады лежат по укромным местам. Знают наказы о кладах не только вороны, но и многие старые люди, а кладов все не найдут. Верно. Положен на них кровавый зарок⁹.

Видели вороны и дубы старинные, развесистые; собираются под ними окрестные люди вершить мирские дела; собираются и в праздники: сидят старики на могучих корнях. Молодёжь ведёт хороводы, в лес, за ближнее озеро несётся:

Ой, дид, ладо...

Под Ивана Купалу ярко горит здесь купальский огонь, прыгают через него парами; освещает огонь эти пары на вечный союз. Исконный обычай¹⁰.

⁸ Схема описания городка взята с натуры. В Царскосельском уезде существует именно такой городок. На валу раскопкою обнаружены остатки сожженного оборонительного сооружения, тына. На самой площади городка, теперь густо поросшей лесом, оказалось только несколько грубо сложенных очагов. Следов жилищ вовсе не найдено. По всей окрестности известны многие лесные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнем; на глубине 1/4 арш. — 1/2 арш. находится обильный уголь и зола. Предметов на подобных холмах не найдено. Про них в народе ходит смутное предание, что «тут что-то было», «собирались молиться».

⁹ Такие записи кладов действительно ходят в народе. Мне один мужичок предлагал купить такую книжку, купленную им от старого нищего. Рукопись была писана на русском, польском и эстонском языках. Внешние даты, по-видимому, списаны с натуры.

¹⁰ В Царскосельском уезде указывают места, где, по преданию, некогда стоял огромный дуб, под который собирались из местных поселений. Место красивое, высокое; недалеко озе-

Ещё известны предания о провалившихся церквах, о землянках разбойников; в погосте Грызове, Царскосельского уезда, рассказывают, что основание существующей церкви положено Петром Великим, после какой-то стычки, собственноручно поставившим на этом месте деревянный крест. Как видно, и прозаическая С.-Петербургская губ. тоже занимается своей стариной, не говоря уже о прекрасных памятниках екатерининского и александровского времени.

VI

Возвращаясь к курганам, нельзя не заметить, что в них особенно ярко отличаются два периода. Первый — XI-XII вв.; второй — XIII и XIV. Первый период характеризуется полным трупосожжением или погребением несожжённого костяка в сидячем положении, причём подробности погребения мы уже видели.

В верхней части насыпи встречаются последовательные слои золы, иногда перемешанной с костями жертвенных животных; неизвестно, следы ли это погребального обычая, требовавшего переслойки золою насыпи во время самого её устройства, или же это остатки тризны. Если только это следы тризн, то первоначальная величина насыпи со временем сильно выростала благодаря насыпанию свежей земли над золою. Насыпи с полным трупосожжением доходят до нас в виде полушаровидных, очень расплывшихся возвышений, со втянувшимися внутрь валунами основания. Погребение в сидячем положении даёт довольно хорошо сохранившийся курган, но с осевшей вершиной, опустившейся при оседании костей.

Второй период (XIII и XIV вв.) характеризуется перемещением трупа в сидячем или лежачем положении в неглубокой грунтовой могиле. Чтобы сохранить для погребяемого требуемое обычаем положение, рыли небольшую овальной формы яму такого размера, чтобы труп мог поместиться в ней сидя, или складывали соответственную кучу камней, для этой же цели служили иногда и деревянные плахи. Труп забрасывался вынутой из ямы землёй и песком, после чего образовавшееся небольшое возвышение посыпалось остатками поминок и углей, затем воздвигалась насыпь с каменным кольцом в основании, причём на В. и З. (в головах и ногах) помещались валуны особо большой величины. К этому же периоду должны относиться погребения выше материка и погребения в лежачем положении на поверхности земли, причём зольный слой основания перерождается в две зольные кучки по бокам головы. На верху курганов, описанных типов второго периода, нередко были поставлены каменные четырёхконечные кресты так называемой новгородской формы.

В группах курганов XIII и XIV вв. встречаются погребения в грунтовых могилках без верхних насыпей; в ямах, окаймленных по краю линией валунов.

ро, судя по берегам, бывшее прежде значительно больше. Раскопкою обнаружены сгнившие остатки толстых дубовых корней, на некотором от них расстоянии найдены груды золы, толщиной до 1/2 арш. — места старинных костров. В золе оказались черепки горшков, если не соответствующих таковым от XII века, то всё же далеко не современного строя. По словам верных людей, бывший старик, умерший лет 20 назад, помнил остатки этого дуба, к нему собирались по праздникам хороводы водить. Если это так, то как долго прожил древнейший славянский обычай!

Несомненно, что подобные каменные могилы (или, как их называет народ, могилы), есть перерождённые курганы.

Сделанные описания представляют собою только грубую схему, на деле же встречается разнообразие удивительное. Живо представляешь себе заботливые попечения родичей об умерших. Одни стараются отметить прах его особо великими валунами; другие выкладывают всю поверхность насыпи мелким булыжником, третьи, устраивая курган, сажают покойного на чурбан и подпирают его досками. Яркую картину рисует указанное Ивановским погребение, где рядом с мужским костяком оказался женский, на черепе которого была огромная рана, нанесённая топором, или встреченный мною случай, в котором мужской череп, покрытый старыми боевыми рубцами, был просечён, а по правую руку помещался женский костяк.

Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!

Предметы, найденные в курганах, мало отличаются от соседних земель, прибалтийских местностей в особенности, техникою, формой или разнообразием типов; однако мы видим живой обмен и можем установить существование промыслов.

Кроме вышеотмеченных предметов, надо упомянуть ещё несколько подчеркивающих характер древнего обихода XI, XII вв. Пуговицы очень редки и все имеют обыкновенный тип, грушевидный с ушком. Пряслицы из красного шифера; по форме и материалу они совершенно тождественны с таковыми изделиями курганов Днепровского бассейна. Вески, начиная с X века, попадают на широком пространстве.

В смысле окрестных аналогий, такой же обряд погребения, как и в Петербургской губернии, встречен в Псковской, Витебской, Смоленской, Новгородской и некоторых других губерниях. Из древностей, известных в Северной и Средней России, предметы, найденные в курганах Водской Пятины, имеют близкое отношение к находкам, обнаруженным в курганах Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской губерний. Нельзя не изумляться обильному присутствию древностей эстов, ливов, куров, чуди приладожской и финляндской, а также элементам восточному и скандинавскому.

В Новгородской области, с Поморья, вдоль берегов Балтийских губерний, по Волхову и Ильменю, шёл великий водный путь торговый, путь дружин из «Варяг» в «Греки». Вспоминая постоянную восточную, цареградскую струю и приток с севера культуры скандинавской, становится ясным разнообразие культурных влияний и области новгородских славян, пожалуй, не уступающих в этом отношении югу, так что однообразного состава и единоплеменного происхождения нельзя и искать среди предметов из курганных насыпей С.-Петербургской губернии, исследование которых ещё никак нельзя считать законченным; теперь остаётся детальная работа, выработка мелочей, усиливающих общую картину.

VII

От кургана до кургана, от группы до группы перебираетесь вы. Та же благодушная толпа, те же прибаутки и шуточки. Солнопёк сменяется прохладным дождиком. Чаще шумит ветер, дорога начинает бухнуть и киснуть; листья желтеют, облака висят над горизонтом сизыми горами - осень чувствуется.

Лучшая пора для раскопки май, июнь до Иванова дня, до покоса, и затем август, после посева, и часть сентября.

Похудели тюбики красок, распухли альбомы и связки этюдов, наполнился дневник всякими заметками, описаниями раскопок, преданиями, поверьями; может быть, и песня старинная в дневнике записана, если только ей посчастливилось не изломаться на отвратительный солдатский и фабричный лад. Там же помянуто добрым словом фарисейство какого-нибудь представителя местной администрации в смысле охранения памятников старины; отмечено и разрушение интересных могильников при прокладке дороги. Много всякого материала, вырастают картины, складываются образы. Пора к дому!

После чистого воздуха окунулись вы в пыльное купе вагона; едкий дым рвётся в окошко; фонари и пепельницы выстукивают какие-то прескверные мотивы. Не веселят ни господин в лощёном цилиндре с удивительно приподнятым усом, ни анемичная барышня в огромной шляпе, украшенной ярким венником.

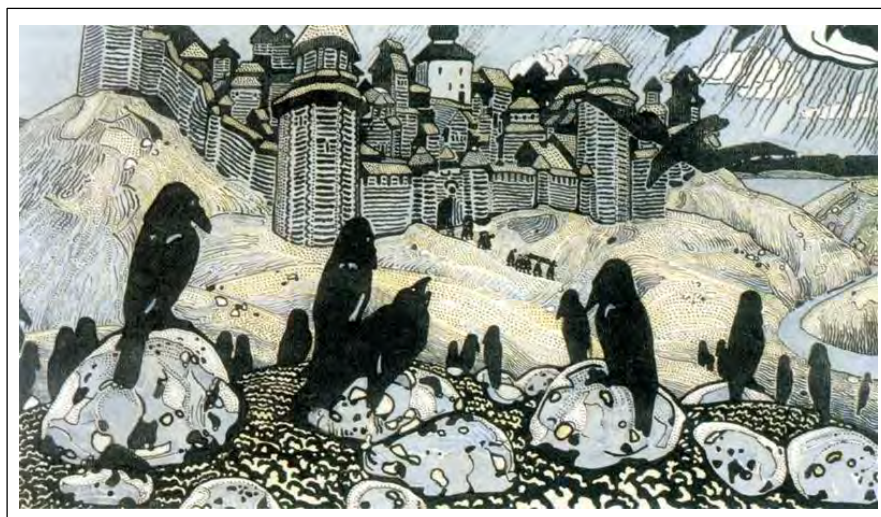
Тоскливое чувство пробирается в сердце.

Если существует ряд предметов, позволяющих нам хоть на минуту вынырнуть из омута обихода, заглянуть подальше палат и повыше гигантских фабричных труб, то археология не может не иметь места в подобном ряду.

1898

Новое время. 1899. 16/28 июня. № 8368.

[См. также: Н.К. Рерих. Книга первая. Изд. И.Д. Сытина. Москва 1914. Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/521, л. 12-24. (сигнальный экземпляр книги)]

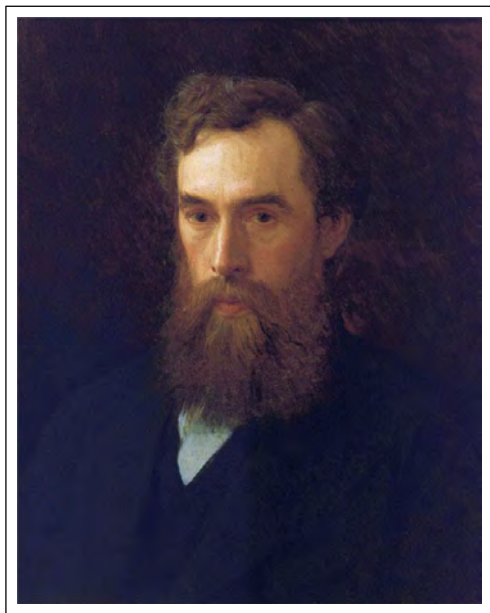

Н.К. Рерих. Вороны. 1901.

«Из-под облака всё видит ворон; смотрит вверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре...»

ДЕКАБРЬ

14 декабря 1898.

П.М. Третьяков
(Портрет работы И.Н. Крамского)

ХРОНИКА

Панихиды по Третьякову

В церкви Императорской Академии художеств священником Благовещенским отслужена сегодня панихида по скончавшемуся действительном члене Академии Павле Михайловиче Третьякове, на которой, между прочим, присутствовали: вице-президент Академии граф И.И. Толстой, секретарь Академии Лобойков, А.Н. Бенуа, П.А. Брюллов, Дубовской, Рерих, А.П. Соколов, Чистяков и много других художников. На днях члены Общества передвижных выставок собираются отслужить панихиду по покойном Третьякове в Казанском соборе.

*Биржевые новости. 1898. 14/26 декабря. № 341. Понедельник. С. 2.
Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып.1. 2004.*

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Когда Третьяков купил «Гонца» и узнал, что эта картина является частью целой серии «Славяне», он просил, прежде всего, показать ему остальные. Не суждено было – через год он умер.

Этюды русской старины были приобретены Государем для музея. В тот же день началась японская война и всё отложилось. Жаль, памятки о наших народных сокровищах были бы очень уместны. Ведь тогда ещё не было принято ценить народное достояние»... (Н.К. Рерих. «Срывы». 1944.)

16 декабря 1898 г. СПб.

Р. Изгой

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. III.

С.-Петербург, 16-го Декабря 1898 г.

Большая статья в искусстве - целесообразное руководство и подходящая окружающая среда. Иной раз нужная искорка сидит в человеке где-то далеко, прикрытая таким слоем всякой всячины, что откопать и раздуть её может только стечение всевозможных счастливых обстоятельств. Бывает, не попадёт человек в должное общество, кто-нибудь грубою рукою перевероршит его внутренний жар и холодной золой засыплет горячие угли, а они могли бы со временем разгореться, согреть и осветить многое. Бывает и так, что если и раздуют огонь, то сделают это слишком уж неумело, попросту говоря - чужою спичкою засветят. Мастер же дела подойдёт осторожно, всмотрится в золу, слегка её пошевелит, поглядит, в каком угольке тлеет ещё, чтобы раздуть огонь индивидуальный, свойственный именно этому костру; кто на что способен, что в ком лежит - отгадает лишь знаток, а насколько немногие обладают этими качествами.

В счастливое положение попал, например, А. Борисов, недавно временно вернувшийся с Крайнего Севера. Уроженец Севера, он любил свою родину, подмечал её малоизвестные красоты (мотивы величавые, полные настроения) и всё более и более проникался мыслью когда-нибудь дать полную и правдивую картину Севера. Он выдвинулся за последние 3 года; на ученических выставках в Академии, среди работ учеников проф.-руководителя А.И. Куинджи, его северные этюды были из лучших и привлекали общее внимание новизною своих сюжетов. Лучшего учителя для Борисова не нашлось бы, чтобы мог узнать и угадать его, судя по его прежним работам, и так удачно толкнуть его на дело. А тут ещё собралась дружная художественная семья, загудели горячие споры, поднялись вопросы, спокойно до той поры почивавшие, и многие прозрели. Из близоруких стали до того дальнорукими, что все это заметили и диву дались.

А. Борисов. Чум ненцев в Малых Кармакулах на Новой Земле. 1896.

Затеи А. Борисова, о котором теперь так приятно говорить, обязаны отчасти дружному товарищескому объединению, широкому общему подъёму. Бродившая мысль относительно общей картины Севера уложилась в широкие рамки и получила скорое осуществление: как известно, г. Борисов получил от правительства средства снарядить художественную экспедицию и по возвра-

щении целую серией картин дать связное повествование об этом таинственном мире.

Минувшим летом г. Борисов сделал предварительную поездку, из которой привез до 70 этюдов; теперь же, выстроив соответствующее судно и складной дом, готовится он к 3-х-летней жизни на Севере¹.

Ведь задумана эта затея в большом масштабе, как-то несовременно большим, совсем вразрез идущим с избитым мнением об общей теперешней косности.

Завидно бывает, когда в нестерпимо жаркий день, на охоте, товарищ кричит издалека: "А я ручей нашёл! Вода чистая!" Я думаю, на многих художников дело г. Борисова должно производить впечатление подобного зова. Ему удалось найти новый ручей, никем не затоптанный, на дне которого ничьих тюбиков красочных не валяется.

Гоголь писал: "Если... плюнул на все приличия и условия светские, надел простую куртку и, отогнавши от себя мысль не только об удовольствиях и пирушках, ...ведёт жизнь истинно монашескую, корпя день и ночь над своею работою... - за эти-то подвиги нужно, чтобы ему была выдана награда. Это нужно особенно для художников молодых и выступающих на поприще художества, чтобы не думали они о том, как заводить галстучки да сюртучки, да делать долги для поддержания какого-то веса в обществе; чтобы знали вперёд, что подкрепление и помощь со стороны правительства ожидает только тех, которые уже не помышляют о сюртучках да о пирушках с товарищами, но отдались своему делу, как монах монастырю" (IY, 698).

Оторвать себя от близких, от всего света, без малого на 3 года; подвергнуть массу серьёзных опасностей; приурочить себя к противным особенностям туземной жизни (как, напр., ночёвка в вонючем чуме, еда сырого мяса и пр.) для того, чтобы основательно рассказать всему миру о родном крае, - это задача немалая и заслуживающая поддержки.

Надо думать, г. Борисов доведёт до конца свою затею, пока же одно можно сказать, что если являются подобные ему инициаторы и инициатива эта находит себе осуществление, то дело обстоит совсем хорошо - подпорка искусству выходит надёжная.

Страшно мне единственно за одно: как бы не засосала г. Борисова опасная пучина (из которой вылезти потом нелегко) - этюдность, фотографичность. Творчества, творчества больше; взмахнуть крыльями надо сильнее. Для такого взмаха, конечно, прежде всего нужны талант и всестороннее знание края, а г. Борисов его уже теперь знает достаточно, да и талантом по-видимому не обижен.

Не успеешь сказать чего-нибудь радостного и приятного, как тотчас же на смену выступает нечто, донельзя грустное, невыразимо печальное. Трудно высказать, какую тяжёлою утратою для искусства является смерть Павла Ми-

¹ Следует отметить, что Борисову удалось осуществить свою давнишнюю мысль о таком предприятии лишь благодаря самой широкой поддержке, какую он встретил со стороны г. министра финансов С.Ю. Витте, с которым ему довелось сделать первое путешествие по Северу. Не будь этого факта, быть может, ничего не вышло бы из всех благих намерений и предположений. Поэтому нельзя не порадоваться от души столь счастливому обороту дела, давшего уже теперь такие блестящие результаты. Чтобы познакомить читателей с сделанным Борисовым запасом художественных впечатлений, редакция поместит у себя, с согласия г. министра финансов, его "художественную поездку на Вайгач" с несколькими воспроизведениями его работ в красках и фототипиях.

хайловича Третьякова: редко кому удавалось сделать столько полезного для своей родины, как ему.

Не след упоминать о П.М. и его делах как-нибудь между прочим, в обычном письме; можно указать здесь лишь на одно мнение, высказанное в небольшом кружке художников, а именно: чтобы, если галерея его будет расширяться - что вне всякого сомнения - новые приобретения не надо смешивать с прежним составом; пусть бы собранное самим П.М. ядро сохранилось отдельно, неприкосновенно и свидетельствовало бы о его могучей деятельности. "Под какое бы руководство ни попала теперь галерея, - раздаётся промеж художников, - всё же та известного рода поэзия, окружавшая её, миновала навсегда". Большое несчастье, тяжелая, невозвратимая потеря!

После упоминания про неё просто не хочется дальше писать: мелкими, крохотными кажутся разные текущие дела.

* * *

Ничего особенно интересного не было на последнем собрании Академии. 23 ноября обсуждался вопрос об избрании комиссии для покупки Академией произведений с СПб. выставок. Ещё 23 марта с. г. были установлены для сего следующие правила: 1) избирать комиссию из 3-х лиц и 1 кандидата; 2) требовать для покупки единогласного решения; 3) ежегодно избирать новый состав комиссии, причём бывшие члены могут быть избираемы вновь не ранее, как по прошествии одного года после выбытия из комиссии и 4) решение комиссии подлежит утверждению Президента Академии, который может, предварительно резолюции, предложить вопрос о приобретениях - на заключение Академии. Настоящим собранием выбрана такая комиссия в составе В. Маковского, И. Репина, П. Чистякова и кандидата В. Беклемишева.

Хранитель музеев Академии А.П. Соколов обратился в Совет с заявлением, в котором говорит, что "По должности хранителя музеев, выдающего разрешения на право копирования, мне прискорбно видеть, что ученики Высшего художественного училища, копирующие в академическом музее для материальной своей поддержки, останавливаются на выборе оригиналов - на ходовых рыночных сюжетах, часто лишённых художественных достоинств, и продают свои копии за ничтожную цену в кабинет Потапова, кассу учеников или магазины. Несомненно, что некоторые из учеников могли бы превосходно исполнять копии со старинных мастеров в Имп. Эрмитаже или Кушелевской галерее с пользой для себя, если бы сбыт этих копий был им более или менее обеспечен. Я полагаю, что в настоящем случае Академия должна была бы оказать этим ученикам своё содействие и покупать хорошо исполненные копии с иностранных мастеров для провинциальных музеев, лишённых возможности знакомить другим путём местное общество с шедеврами Петербургских галерей..." Предложение А.П. Соколова в собрании, однако, не прошло.

Для музея Императора Александра III приобретена на том же собрании картина А. Попова "Радостные известия". В зале заседаний были выставлены ещё работы учащихся Казанской художественной школы.

Казанская художественная школа обратилась в Совет Академии с ходатайством о средствах для постройки собственного дома под школу. Ходатайство основывалось на том, что Казанская школа развивается быстро: число учащихся уже достигает 190 чел., а с открытием ещё двух классов оно должно увеличиться приблизительно ещё на 100. До сих пор открыто: 4 общеобразо-

вательных класса, вечерние рисовальные же, живописный отдел, гравёрный и начальные классы архитектурного отдела. Предстоит ещё: открыть 2 общеобразовательных класса, организовать скульптурный отдел и устроить музей и библиотеку. "А между тем, - говорится в ходатайстве, - то наёмное помещение, которое до сих пор занимала школа, не удовлетворяет уже и при настоящих условиях самым насущным потребностям школьного дела по своей тесноте, непригодности, отсутствию достаточного и правильного освещения и полному отсутствию вентиляции, что особенно вредно отзывается на здоровье учащихся в вечерних рисовальных классах, освещаемых большим количеством керосиновых ламп". За отсутствием надлежащих сумм, Академия должна была отказать, однако, в этом ходатайстве. В самом деле, не слишком ли малы суммы, предназначенные на удовлетворение художественных потребностей провинции? Во Франции, напр., на областное искусство идёт до 9/10 всех назначенных на развитие искусства сумм, а у нас из трёхсот тысяч общей суммы на долю провинции выпадает лишь 40 000. (Собственно 90 000, но 50 000 идут на Москву).

5-го декабря мастерские Академии осматривала группа учеников и учениц Гельсингфорской художественной школы, с проф. Гебгардтом во главе, совершающая довольно обширную художественную экскурсию.

* * *

Нет надобности много распространяться о посмертной выставке Ендогурова, Шишкина и Ярошенко, так как всем хорошо известны - личности умерших художников, особенно двух последних. Выставка производит цельное впечатление; составлена она тщательно и довольно полно², Художественная деятельность Н.А. Ярошенко особенно хорошо представлена; главные его произведения все налицо, так что петербуржцы имеют возможность возобновить в памяти давно не виданные здесь картины: "Заключённый", "Причины неизвестны" и т.п., взятые из галереи Третьякова. Менее удачно характеризуется выставкою личность Шишкина, более полное собрание произведений которого было выставлено 7 лет тому назад, и ещё менее - Ендогурова: некоторые из выставленных этюдов могли бы с успехом остаться дома, ибо ничего существенного к памяти умершего не прибавляют.

По поводу прекрасных образцов работ Имп. Фарфорового и Стеклянного завода, выставленных в помещении Имп. Общества поощрения художеств, напрашивается одно маленькое замечание: почему не видно там проб воспроизведений наиболее древних стилей? Сколько интересных мотивов можно было бы выбрать из них.

² Нельзя только не сделать двух-трёх замечаний относительно внешнего устройства выставки и некоторых подробностей; произведения умерших художников, видимо, развешаны без особой системы, в совершенно случайном порядке, что не совсем хорошо для посмертной выставки, и снабжены такими мелкими JNaNe, отпечатанными к тому же на тёмной бумаге под цвет окружающего их колена, с которым они и сливаются, так что их с трудом можно рассмотреть даже в бинокль или лупу; у названий, в каталоге, не выставлено годов, как это обыкновенно везде принято и делалось до сих пор на посмертных выставках и что не трудно было сделать особенно при существовании перепечатки указателей передвижных выставок и таких прекрасно составленных каталогов, как, напр., опись галереи Третьяковых; наконец, нет там и никаких указаний насчёт не попавших на выставку произведений, что также всегда практиковалось прежде и по чему можно было бы судить об объёме деятельности умерших художников.

Если верить газетным известиям, скоро предстоят выставки корейская и американская, а также выставка картин безрукого жанриста, держащего кисть ногою.

Г.П. Анненков в скором времени устраивает выставку гравюр и рисунков русских и иностранных журналов, иллюстрирующих важнейшие события царствования Императора Александра III. В состав этой выставки войдет более 2000 №№. Доход с неё поступит в пользу Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Екатерининской женской гимназии.

На днях закрылась выставка в помещении Академии наук, устроенная дамским благотворительным комитетом Общества врачей-гомеопатов. Без сомнения, на этой выставке побывали не только убеждённые в том, что децилионная часть грана серы, угля и мела производит сотни симптомов, но и люди, не совсем в этом убеждённые.

Интересно бы знать, что именно руководило художниками при представлении произведений на гомеопатическую выставку? Специальное ли желание помочь гомеопатам или так, вообще, бессознательный порыв к добродетели, без особых размышлений, - коли просят, надо дать. Трудно говорить, не зная, в какой мере дороги принципы гомеопатии художникам, принявшим на выставке участие, но всё же, при росте благотворительных выставок, делается необходимым отдавать себе отчёт, что именно должна пропагандировать представляемая картина.

Про благотворительную выставку, к тому же устроенную дамским комитетом, много судить да рядить не приходится: не похвалить художников - нельзя, ибо благотворение, исключительно же хвалить - невозможно. Не знаешь, право, как относиться к выставкам с благотворительною целью: в какой связи находятся они с искусством? Сами художники смотрят на подобные выставки в большинстве случаев несерьёзно: "Просят, пристают - надо послать что-нибудь", - говорят они, отправляя на выставку что-нибудь безобидное. Так же, как на благотворительном базаре, покупают что-либо вовсе не нужное, покупают лишь ради процесса покупки, так и на благотворительной выставке смотрят почти что по какой-то обязанности, а что именно разглядывают: будут ли это картины или прочие изделия - это почти дело второстепенное.

Воображаю, если бы кто из художников вздумал поставить на такую благотворительную выставку что-нибудь действительно капитальное, выдающееся, серьёзно обработанное, - то-то бы все наверно удивились: "Что он, с ума сошёл? не нашёл более подходящего места!"

Конечно, нельзя ничего иметь против благотворительных выставок, но всё же нельзя и не заметить лишнюю путаницу, вносимую ими и в без того усложняющийся художественный обиход. В отношении иностранных с благотворительною целью всякие смущающие обстоятельства менее тревожат: в них в самом деле находим новое, необходимое публике дополнение к художественному образованию, но русские выставки с такими же целями и притом с несерьёзным, снисходительным отношением даже самих авторов - уместны ли? Скучно смотреть на педантов искусства, со значительной миной шествующих по выставке: немедленные разбор и критика лишают даже единого мгновения художественным произведением; ещё скучнее смотреть на порхающих меж картин джентльменов, недоумевающих - к чему они тут.

Академии наук повезло на благотворительные выставки: не успевают закрыться одна, как газеты оповещают, что там же в скором времени открывается другая - выставка картин южнорусских, где принимают участие до 60 авторов, и доход пойдёт тоже на благотворительные цели. Хотя немного удивляет и пугает чрезмерное развитие благотворительных художественных выставок, но одну хорошую сторону они имеют несомненно: они счастливо разрешают вопрос о входной плате. (Надеюсь, в будущем, при случае, представить разнообразные суждения по этому поводу). Благотворительные художественные выставки прежде всего избавляют некоторых художников от неблагоприятного залезания в общий карман, т.е. от желания повышать цифру стоимости произведения для увеличения дивиденда. Как известно, при упоминании дивиденда иной раз обнаруживается довольно откровенный цинизм: за вещи заведомо неважные или непродажные портреты назначается гигантская цена - ради получения лишнего десятка рублей.

Прошлогоднее общее собрание экспонентов Весенней академической выставки желало избавить слабых духом художников от подобного соблазна - на этом собрании было решено делить дивиденд поровну. Если и такую постановку нельзя назвать идеальной, если и при ней дело также не обойдётся без несправедливостей и обид, то всё же неблагоприятностей будет меньше, нежели при зависимости суммы причитающегося дивиденда от стоимости экспонатов.

Впрочем, более идеальное решение задачи тоже недалеко, если, ввиду предположенного передвижения избранной части выставки в Москву, для издержек перевозки и организации экспоненты наберутся мужества совсем отказаться от дивиденда, который и поступит в фонд на передвижение выставки.

Недочёт в случайном приходе несколько десятков рублей (ибо вещь может быть и вовсе не принята на выставку) никого не погубит; к тому же этот ущерб будет щедро возмещён, если и не сознанием чистого отношения к искусству - такое удовлетворение носило бы чересчур несовременный, платонический характер - то, по крайней мере, распространением известности и большей возможностью продажи картины, а известность, помните, по новому уставу не совсем простой звук.

Физические условия вряд ли позволят передвинуть выставку во всём её составе, так что придётся ограничиться посылкою в Москву только избранной части её. Препятствием благому делу общего отказа от дивиденда - не послужит само собою риск, что вещь может оказаться не выбранной для передвижения: страх перед таким риском возможен только у близоруких людей, которым недоступны какие-либо побуждения.

Будет живо лишь то, в основании чего положена идея. Живут и будут жить для искусства передвижники, сплотившиеся во имя идеи; не живут для искусства многие другие сообщества, где, пожалуй, хоть в микроскоп гляди, никакой идеи не доищешься, а если и найдётся таковая, то искусству она приятна не может быть.

Академическая выставка (особенно, если осуществится проект передвижения её в Москву) может занять определённое, оригинальное место в ряду прочих выставок - прошлый год доказал это блестяще; но с такой счастливой дороги не трудно и свихнуться. Предстоящий год должен явиться в истории

академических выставок заметным и даже, может быть, решающим; поэтому можно рассчитывать на сугубо внимательное отношение художников к делу. А вдруг опять безличная, рутинная маска опустится на выставку Академии? - будет жаль! Не должны художники допускать такого афронта.

На прошлом акте Академии в отчёте указывалось на особый успех минувшей выставки, выразившейся прежде всего на почти удвоившемся числе посетителей. Может быть, успех этой выставки был не случайный: ведь если явилась возможность выбрать и составить одну такую удачную выставку, то, без сомнения, явится возможность собрать и вторую, лишь бы нашлись подходящие люди, а они - есть.

Про Весеннюю академическую выставку уже ведутся втихомолку различные разговоры; говорить - есть о чём.

Долго тяготевшая над этими выставками "академичность" (про неё достаточно уже писалось), очевидно, нарушилась в прошлом году. В многочисленных рецензиях об этой выставке, наряду с чрезмерным разбором вещей Катарбинского, почти везде опускался один важный отличительный признак её, а именно: что наряду с элементами прежними, известными, в состав выставки вошли элементы совершенно новые; обнаружилась целая группа лиц молодых, имён, до сих пор почти не слыханных (Шмаров, Браз, Рущиц, Пурвит, Вальтер, Зарубин, Рылов и др.).

Для старой Академии многие из работ этих молодых художников должны были показаться достаточно еретическими; истым приверженцам старого закала присутствие на выставке вещей с некоторыми, быть может, особенностями орфографии (хотя даже Гоголь не всегда избегал подобных ошибок) могло показаться странным, но именно на работах этих неизвестных большинству художников и появилось нечто новое, жизненное, сообщившее всей выставке живой, разнообразный характер, выдвинувший её из ряда и обративший на неё общее внимание.

Работы молодой группы были чужды отживающих бессмысленных новшеств, и в них-то проявлялось несомненное искание настроения, правды, выраженной в художественной форме.

Что должна представлять из себя академическая выставка? Есть ли удобный совместный художественный рынок под громкую фирмой? Складочно-свалочное ли место? Педагогическое ли учреждение со сравнительным методом? Богадельня ли? Есть ли она приют художественных калек, бессердечно отвергнутых прочими соответственными учреждениями? Или, быть может, именно на ней - на выставке в стенах Академии - должны отражаться новые, светлые веяния, должны подыматься и находить хоть некоторое разрешение вопросы о принципах, о задачах искусства?

Где же, кроме Академии, и приличествовало бы проявляться чему-либо не совсем будничному, искренним стремлениям и любви к искусству? Если на деле до сей поры выходило как раз наоборот, то ведь не невозможно же и что-нибудь лучшее?

Все говорят, пора от хороших слов перейти к делу; а может быть, вопреки всяким примерам, именно в стенах Академии окажется нечто, соответствующее её идеальной задаче - распространительницы и хранительницы искусства.

На все лады, и басом, и тенорком, и фальцетом, повторяется слово "свобода", раз речь зайдёт об основаниях выставки. Действительно, в основу выстав-

ки должна быть прежде всего положена свобода - с этим, думаю, все художники согласятся так же, как согласятся и с тем, что нельзя признать за стеснение свободы, напр., запрещение на улице каких-либо шокирующих непристойностей.

В деле искусства свобода должна быть понимаема, как свобода искусства, а не как свобода - произвол личности. Не могут быть причислены к свободному художеству портреты с единственно служебным назначением, без всяких художественных задач и помыслов; к чему-либо иному должна быть отнесена большая часть тех рыночно-приличных (если даже, быть может, до известной степени и грамотных) произведений, предназначенных для украшения стен, наряду с предметами сомнительной художественной промышленности. Основание грамотности, выдвигаемое многими, совершенно неосновательно - иначе все трактаты об искусстве пишутся бесцельно: писатель пописывает, а читатель почитывает.

Всё это, кажется, уж так старо, так ясно, неоспоримо, что никто не сомневается, что, кладя в основу выставки свободу, он всё же не имеет права рассчитывать на приём всего, что ему заблагорассудилось бы представить.

Побольше задач, побольше любви к делу и поменьше всяких узкопрактических соображений и суждений, фарисейских шкурных.

Если в прошлый раз я упомянул вскользь о предстоящей организации академической выставки, то сокровенною мыслью этого напоминания была, сознаюсь, дерзкая мечта: не отзовется ли кто, не подаст ли голос... Может ли считаться удачным заседание, в котором участники, закрывшись зелёными козырьками, оседлав носы стёклами и уставя бороды, будут только величественно принимать к сведению, не проявляя никакой жизни. Что можно подумать? Безжизнен ли излагаемый предмет, или же... тут предположение более печального свойства. Вряд ли, однако, для большинства художников представляются безжизненными вопросы о выставках. Такое отношение художников к своему делу живо напомнило бы соображения крестьян при шоссировке дороги:

"И отцы, и деды, и все добрые люди ездили себе исстари, а тепер, вишь, не показалась дорога-то! По нам и так хороша, до дому доедем".

Откликнитесь, гг. художники! Ау-у!

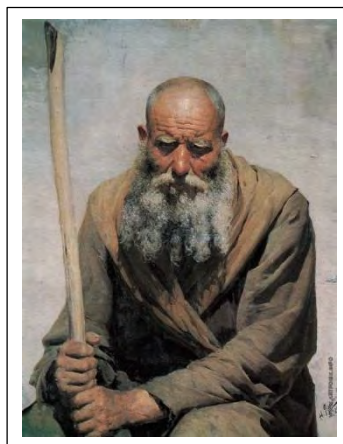
Неужели художники опасаются, что в случае отклика их постигнет судьба Антропки из тургеневских "Певцов"? Какими бы домкратами и рычагами сдвинуть их с места? Ведь все отговорки о неумении владеть слогом тут не у места: здесь другое, здесь "моя хата с краю" примешана. Забился щедринским пескарём в норку и дрожит, как бы его щука не сглотнула. По два, по три вести конспиративные разговоры - это в обычае, а как время придет погромче сказать, так куда вся прыть делась - тут и в горле запершит, и чих нападёт: "А что скажут?" - "принято ли?"

Что это, ужас ли перед печатным словом? - постыдное ли к добру и злу равнодушие? - или искреннее сознание, что всё обстоит благополучно и говорить не о чем? Только тёплым, лишь на простывшем самоваре подогретым, норовит быть большинство художников в общих художественных делах, а ведь "ты был ни холоден, ни горяч, но тёпл, и за то исторгну тебя из уст моих", - гласит, между прочим, Апокалипсис.

Беру на себя смелость обещать, что если в редакцию поступят какие-либо заявления и соображения относительно выставок (к тому же изложенные не

слишком пространно), они будут напечатаны в следующем же № этого журнала, выходящем как раз перед открытием главных выставок.

Р. S. С посмертной выставки управлением музея Императора Александра III в СПб. приобретены следующие картины:

Н.А. Ярошенко. Старик. 1892.

Н.А. Ярошенко - "Старик" и "В тёплых краях";

И.И. Шишкин. Полянка.

И.И. Шишкина - "Полянка", "Верхушки сосен" и "Полянка с соснами";

И.И. Ендогурова - "Лунная ночь зимою в Аяччио" и "Ялтинский мол".

Искусство и художественная промышленность. 1899. Январь-февраль. № 4-5. С. 375-383.

30 декабря 1898 г.

Письмо И.Е. Забелина в Императорскую Археологическую Комиссию

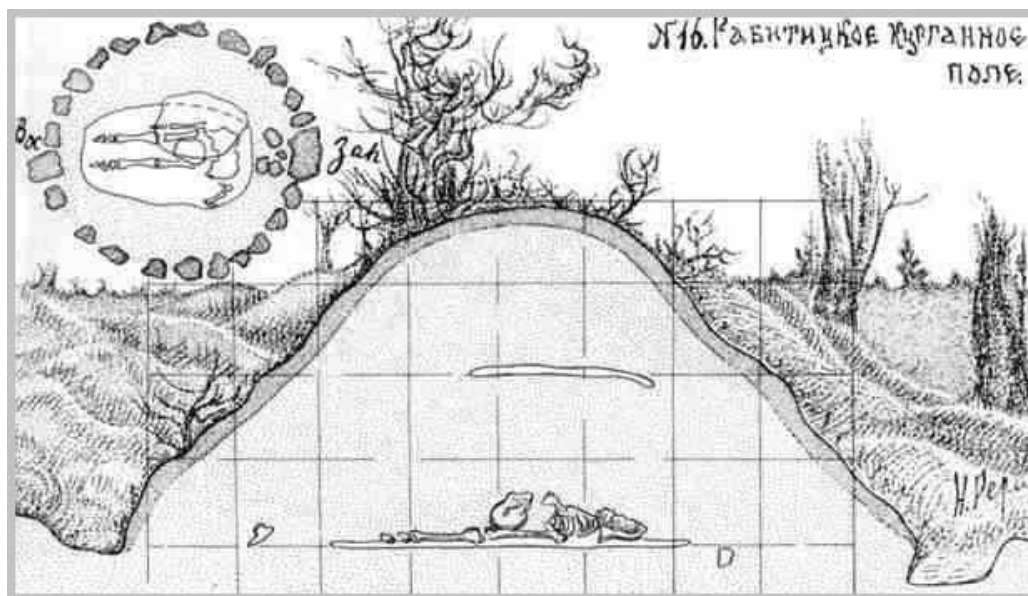
30 Декабря 1898 г.

В Императорскую Археологическую Комиссию

Управляющий Императорским историческим Музеем с благодарностью имеет честь уведомить о получении препровождённых для коллекции Музея, при отношении Комиссии 1 Апреля сего года за № 516, двух моделей курганов Петергофского уезда, исполненных в 1897 году художником Н.К. Рерихом.

Товарищ Председателя Тайный Советник *Иван Забелин*

Автограф на бланке Имп. Российского Исторического музея, № 1027. РА ИИМК, ф. 1. № 54/1897, л. 20.

Стратиграфический разрез кургана № 16 из курганной группы в окрестностях с. Рабичицы Санкт-Петербургской губернии.

Рисунок Н.К. Рериха. Архив Института истории материальной культуры РАН

1899 г.

4 февраля 1899 г.

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. IV.

Постановка "Снегурочки" на сцене Мариинского театра. Выставки: акварельная, международная, французская, ученическая в Рис. школе Имп. Общества поощр. художеств и в Училище технического рисования барона Штиглица, художественно-археологическая.

Петербург, 4 февраля 1899 г.

Если промахнётся композитор, если певец даст неверное выражение или сорвётся с ноты, если оркестр возьмёт неподходящий темп - сейчас же эти промахи будут отмечены; но если декоратор нагородит путаницу - об этом обыкновенно не считают нужным говорить, особенно если внешняя техническая сторона написаний прекрасна; а между тем кругом, среди разговоров о новых путях искусства, отводится значительное место именно искусству декоративному, именно от него ждут всяких особых благ.

Не обращают достаточного внимания на декоративную сторону в театрах вовсе не потому, чтобы считали эту сторону не стоящей разговоров, ибо всякому понятно, как мало останется от оперы, лишённой должного зрительного воздействия, как несущественно будет она отличаться от симфонического оркестра, который (кстати заметить) и без того для некоторых слушателей имеет явные преимущества перед оперой: симфонический концерт даёт больший простор фантазии, тем более, что если в представлении и окажутся те или иные неточности, то незаслуженного насилия над фантазией, упихивания её в тесное, чужое помещение во всяком случае не будет.

Не принципиально не обращают внимания на тщательность оперной постановки, а просто в силу какого-то странного, лёгкого отношения к делу, - сойдёт, мол, и так, да ещё и как сойдёт-то, с "аплодисментами". На новой постановке поэтичной "Снегурочки" отразилось именно такое лёгкое отношение, и сказать о нём необходимо, потому что большинство публики, незнакомое с разными деталями, не допускает и мысли о том, чтобы под таким прекрасным обликом ему преподносилась немалая чепуха, чтобы огромные средства, отпускаемые театральной дирекцией, тратились настолько непроизводительно, что разные подробности могут не только не усугублять сумму общего впечатления, но разрушают и уничтожают многое из того, что дают другие стороны оперы.

Без сомнения, найдутся люди, которые скажут, что излишне говорить об естественном недостатке, довольно всем известном, что, среди многих талантов и великих преимуществ, дирекция казённой сцены в отношении постановки русских опер - совершенно бессильна. Об этом-де печальном явлении можно про себя сожалеть и печалиться, но выносить сор об этой аномалии

безбожно, испытанно бесполезно (причём сейчас же посыплются примеры недочётов постановки: "Рогнеды", "Князя Игоря", "Руслана", "Русалки" и др.).

Может быть, оно и так, но верить в это всё-таки не хочется, особенно вспоминая "Снегурочку" Московской частной оперы, гостившей у нас в минувшем году.

В прошлом Великом посту публика видела, что можно сделать, отнесясь к делу серьёзно, с любовью и, главное, с пониманием. Декорации Московской частной оперы, неважные по технике, но полные проникновения в самую суть славяно-языческого времени, производили впечатление очень сильное; особенно хороши были: "Палата царя Берендея" (воспроизведённая в № 1 нашего журнала), "Берендеева слобода" и "Ярилина долина" с её типичной для русского пейзажа горой, с таинственными заводьями и камышами второго плана. Костюмы и ансамбль игры также вполне гармонировали с духом замысла и музыки. Типы царя Берендея, Мороза, Купавы, Бермяты, наконец, полный юмора обнищавший Бобыль - всё это было несомненно художественно. А ведь и сцена была потесней, и хор был поменьше, и все средства потоньше!

Невольно приходило на ум: какое великолепие получится, если всю эту прелесть перенести на казённую сцену, прибавить хора, оркестра, световых и прочих технических эффектов, в отношении которых справедливо величается Мариинский театр.

Конечно, после таких соображений постановка "Снегурочки" на казённой сцене явилась чем-то особенно интересным: если на частной сцене возможно такое сильное впечатление, то как удесятится оно при колоссальных средствах казённого театра, при щедрости дирекции, не жалеющей средств на роскошные постановки.

Слышалось, что вместо прежних малоудачных декораций, пишутся новые, тщательно обдуманые, роскошные; причём, знаю, многие находились в приятном заблуждении, что истинно национальные образы, созданные для "Снегурочки" В. М. Васнецовым, послужат канвою для работ декораторов Мариинского театра... Но не тут-то было.

Гг. декораторов обуяла самостоятельность, - разве им указ, как думают люди, постигшие дух русского стиля! Оказалось, что до декораций и костюмов к "Снегурочке" они дошли собственным умом: "Вы-де - так, а мы - этак".

Смешения славян с Берендеями (тюркским племенем южнорусских степей) не могло, само собою, смущать декораторов - весь текст "Снегурочки" дышит древним славянством; эта же языческая эпоха, при сохранении сказочно-фантастических черт, чудесно вылилась в музыке Н. А. Римского-Корсакова. Таким образом, соображения о национальности Берендеев не являлись вопросом для декоратора, о чём и заявил он, написав на занавеси: "Снегурочка, весенняя сказка", - славянской вязью, но вязью, к сожалению, плохо выбранною, словно у нас нет более типичных и вкусных образцов славянского письма. Идея второй, специальной пьесы занавеси (применённой в "Снегурочке") - сама по себе симпатична и не раз практиковалась в Европе. Специальная занавесь как бы приуготовляет зрителя к предстоящему, является звеном, вводящим его в отдельный мир. И в данном случае специальная занавесь явилась тоже приуготовляющим мотивом, но приуготовляющим не к погружению в седую сказочную старину, а к великой декоративной путанице последующего.

В центре занавеси на лазоревом поле, в ореоле жёлтых зигзагов лучей, помещается какое-то существо, подобие "американского жителя", одетое в жёлтую юбочку с бахромой. Благодушно настроенные давно желанною постановкою любимой оперы, вы смеётесь курьёзной идее декоратора начать поэтическую сказку таким, мало подходящим, водевилем, но вдруг, к ужасу, замечаете в руке существа сноп колосьев. Неужели это Ярило, светлый бог тепла? - Ярило, к которому несётся торжественная, широкая песнь:

"Свет и сила бог Ярило,
Красное солнце наше, нет тебя в мире краше"...

Неужели же этот величавый образ олицетворяется жалкой куколкой на занавеси? Как это бедно и мизерно! Под несообразным изображением Ярилы помещается нехудожественный, скучный и притом явно декадентствующий мотив тройного ряда подсолнухов. Края занавеси, которые вроде фронтона и пилястр остаются на всё представление, заполнены славянскими плетешками и орнаментами, запутанными до невероятия.

Декорация пролога хороша, тем более что московская архитектура слободы Берендеевой, благодаря лунному освещению, не бросается в глаза; но костюмы портят всё дело. Появляется в бальном платье Весна, и самая фата с изображением ласточек указывает на необычайность чисто современного костюма. С Морозом дело выходит ещё хуже, потому что наружность халдейского мага - русскому Морозу вовсе не соответствует. Мало ли как представляет себе Мороз народ и как все люди его представлять привыкли, - где уж тут посторонними источниками пользоваться, когда сам текст Островского остаётся в стороне и вся толпа Берендеев должна бессовестно лгать, восклицая:

"Боярышня! Живая ли? Живая,
В тулупчике, в сапожках, в рукавичках", -

тогда как перед ними была особа в настолько модернизированном одеянии, что, не шучу, во время антракта встретил в фойе барышню почти в таком же наряде и вовсе не обращающую на себя внимания ряженьем. К чему такое глумление над текстом? - точно без него нельзя обойтись.

Толпа Берендеев, раздетых совсем не в слободские костюмы, очевидно, забыла о времени года - короткие рукава женских нарядов мало идут к снежному пейзажу!

Бобыль Бакула, у которого "ни кола, ни двора, ни скота, ни живота", появляется в чудесном, чуть-чуть что не атласном, кафтане, с расчёсанной головой, совсем не свидетельствующей, что он "шатался всю неделю".

Декорация слободы Берендейской (I действие), на многих производящая впечатление своею фантастичностью, имеет вид скорее японского, нежели древнеславянского, посёлка. Впечатление какой-то японской постройки усиливается головою японского дракона, помещённой на западном фронте хором Мураша. Изба Бобыля вряд ли даст понятие о бедности его сиротской. Но рядом с этими промахами попадают и части, очень подходящие сказочному стилю, напр., костюм Мизгиря: нашивки на полах кафтана, хотя более соответствуют тулупу, нежели летней одежде, но всё же дают верную ноту.

Общее впечатление этого действия ещё сносное, сравнительно с мешаниной следующего - Берендеевой палаты, которая, к сожалению, благодаря яркости и воздушности исполнения, выгодно влияет на публику.

Простор, высота, камень и прочие чуждые славянского архитектурного стиля элементы - все налицо. На дальнем плане светятся на солнышке каменные фантастические сооружения, переносящие зрителя - куда угодно и скорее всего во дворец Черномора, нежели в палаты Берендея. Пусть себе Островский пишет: "Открытые сени во дворец Берендея; в глубине, за точёными балясами переходов, видны вершины деревьев сада, деревянные резные башни и вышки"; пусть он себе пишет это, а декораторы знают дело куда лучше и изображают вместо сада канал с каменной облицовкой и каменные сооружения, *ибо фактура изображенных построек вовсе не деревянная.*

Любопытно знать, откуда почерпнули авторы декорации все эти архитектурные подробности, откуда вдохновились они, напр. чудовищным по размерам, кариатидоподобным идолом, высящимся на втором плане, по левую (зрителя) руку? При чём в славянской палате идол? Ни русские, ни арабские, ни западные о южных и прибалтийских славянах источники, ни позднейшие финские древности не дают понятия о таких идолах, - происхождение его более мексиканское, чем славянское. Норвежские детали звериного стиля, ажурные, воздушные мостики, каменная набережная канала спутывают зрителя, сбивают с толку; главное же худо, что исполнено всё это технически подкупающе - хорошо.

Само собою, весь сюжет сказочный, и декоратор не обязан держаться строго научных требований, - чувство и чутьё в таких случаях играют большую роль, но всё же устраивать подобную, ни с чем не сообразную, архитектурную кашу - тоже никак не приходится.

Третий акт, поляна в заповедном лесу, среди всех декораций "Снегурочки" оставляет наиболее приятное воспоминание. Очень удачно передано впечатление спускающейся поверхности второго плана, поросшего мелким ельником. Подобная нота частого ельника как нельзя более гармонирует с русским сказочным стилем, и потому в этом действии, в самом деле, можно перенестись на высокий бугор с утоптаным хребтом, - место древнеславянских празднеств. Если бы в лесу прибавить больших серых валунов, столь свойственных нашим лесам, а к вечеру, когда сгустится прозелень вечернего неба (очень правдиво переданная на декорации), дать эффект костров, зажжённых по кустам, то картина несомненно выигрывала бы ещё более. При дешёвых проделках над Мизгирём лес прекрасно сгущается, человекообразные (немного переутрированные) деревья тянутся со всех сторон, образ Снегурочки эффектно мелькает в разных углах сцены. Много было бы лучше, если бы быстро сверкающие звёздочки заменить таинственными, мутно жёлтыми языками блуждающих огней (они ведь могли бы быть довольно значительной высоты), а также зелёными светляками и фосфорическим свечением гнилых пней, - в лесу прибавилось бы сырости, затхлости, необходимой для такого глухого места. В сгустившемся мраке чащи выступают серые древоподобные люди с сучьями в руках и непролазным кругом обнимают обезумевшего Мизгирия. Это фантастично и хорошо придумано: видно, если захотят, - могут сделать и ладное.

Но приятное впечатление декораций леса не остаётся неприкосновенным, - его нужно чем-нибудь испортить, и вот его портят танцами.

Царь Берендей даёт ясную программу танцам словами:

"Пляшите, кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!"

Сперва начинается танец скоморохов, среди них - медведь и лиса, причём никак нельзя понять, что медведь и лиса ряженые или прирученные. Куда типичнее вышли бы скоморошья танцы, если бы медведь был на цепи, или даже несколько медведей начали выделывать свои учёные штуки. Но это пустяки, а вот последующий танец, названный танцем хмеля, - эпизод для русской сказки вовсе неподходящий: это не танец хмеля, а классическая, вакхическая пляска под русскую музыку, т. е., значит, вышло что-то уж очень несуразное, т. к. манера пляски Петипа, думается, к русской сказке не пристала.

В последнем действии бросаются в глаза два пробела: первый - голая скала среди озера даёт характер пейзажу совсем не славянский; второй пробел - восход солнца, т. к. можно ли додуматься до того, чтобы вытащить из-за скалы какого-то серебряного паука, аляповатого, нехудожественного? Сцена располагает такими чудными эффектами восхода, что прибегать к нехудожественным и, вероятно, дорогостоящим вылазкам - нет нужды: помню, в "Пророке" утренняя заря бесподобна, и луч настолько силен, что явился гораздо лучшим олицетворением Ярилы, чем выползший из-за скалы паук.

Не будь в постановке "Снегурочки" указанного смелого творчества, не будь самообольщения превзойти общепризнанного знатока этого стиля - может быть и не пришлось бы указывать поактно... Хотя нет, с какого конца ни взять, а постановка таких значительных для русского человека опер, в которых есть возможность щегольнуть широко понятым русским стилем, в которых воскресает высоко-поэтический мир старины, - постановка таких опер дело важное, имеющее огромное образовательное значение, и требует большого обсуждения.

* * *

Рядом с печальным, периодическим и получившим права гражданства явлением неудавшейся постановки опер, стоит на очереди и другое, тоже не менее печальное, тоже периодическое и тоже уже всеми замеченное явление - последняя акварельная выставка в залах Академии художеств.

Что не идёт вперёд, то тем самым быстро шагает назад, и разительным примером этому может служить акварельная выставка, которая на 20-м году своего существования пришла в такое печальное состояние, что, наконец, приходится назвать вещь её настоящим именем.

Казалось бы, не всё ли равно, чем именно выразить свою мысль: масляными красками, акварелью, углём, пастелью или карандашом, - ведь всяким пером можно описать: может быть, красота почерка будет неодинакова, но читать всё же будет возможно; дело же акварели поставлено Обществом русских акварелистов таким образом, что зрители начинают уже недоумевать: точно ли акварель серьёзное искусство? А иные начинают предлагать выделить некоторых акварелистов из числа художников: "Есть, мол, инженер-технолог и просто технолог, есть инженер-механик и просто механик, - так и тут, может быть, надо различать художника-акварелиста и просто акварелиста". Последняя акварельная выставка, в самом деле, настолько скучна и плоха, что серьёзно о ней говорить нельзя, - отнестись к ней так же серьёзно, как

и к другим художественным выставкам, значило бы умалять значение этих последних, а потому считаться с нею приходится только вообще как с явлением публичным.

Что на ней есть хорошего? Лучше других акварелей А[льб.] Н. Бенуа, хороши они настолько, что выделяются очень заметным оазисом, и ловкий приём, приятные тона и свежесть видны на каждой; можно сказать, г. Бенуа - единственный оплот Общества. Также надо выделить г. Крыжицкого, - на его акварелях видны и рисунок, и любовь к делу. Есть стремление к натуре в винограде г-жи Шнейдер. Всё ещё интересен пока, хотя уже близок к повторению в мотивах, - А. А. Бенуа. Тщательно отыскивая хоть с технической стороны не совсем рутинное, отмечу также: Навозова, Чумакова, Химону, Фельдмана, но всё это составит не более 2-3 десятков вещей, всего же на выставке более 350 произведений! Да и эти немногие десятки относительно лучших вещей могут быть отмечены только с внешней, технической стороны, - о мысли же, о каком-нибудь содержании нет и помина, как по фронту застывших на часах солдат проходите вдоль шеренги акварели - та же вылощенная амуниция, те же выпученные глаза, то же желание услужить. Пройдите между ними раз, два - сколько угодно раз, и всё-таки ничего не запомните, а выйдя на воздух, даже попытаетесь забыть поскорее, что вообще были на выставке.

По каталогу, однако, значатся, среди работ г. Каразина такие заманчивые предметы, как эскизы для фресок зал Одесской Биржи: судя по заглавиям, фантазии художника было где разгуляться, ещё бы! - "Свайный период, каменный век - бронза, кочевые и оседлые славяне", "Античный мир", "Ганзейский торг, союз и Новгородская республика", "Колонии Старого и Нового Света", "Народы Крайнего Севера и прилегающих умеренных стран", "Константинополь и Индия". Как всё это громко и благозвучно, а между тем перед этими эскизами происходят *qui pro quo*¹ такого рода:

Экой прогресс, подумаешь! Смотрите-ка, куда наши чаеоторговцы шагнули!

- При чём тут чаеоторговцы?

- Какие этикетки-то для жестянок закатили! Для кого это - для Перлова или Попова работано? Как в каталоге?

Поглядят в каталоге и смутятся, по сторонам озираются - не слыхал ли кто? Хотя смущаться тут вовсе нечего - эскизы г. Каразина нисколько не лучше и не серьёзнее этикеток, изображённых им для чайных жестянок, и даже, может быть, скучнее по композиции.

Печально сопоставить, напр., Францию, где городские здания украшаются произведениями лучших художников, произведениями, сразу входящими в число достопримечательностей города, - и Россию, где такие важные города, как Одесса, декорируют Биржу незначительными, пряничными фресками. Чем Одесса хуже, напр., того же Лиона, получившего вдохновенные фрески Пюви? Я боюсь, как бы кто не заподозрил принципиальной ругани, нелюбви к Обществу акварелистов или к акварельной живописи вообще: целый ряд мастеров, с Фортуни во главе, доказали, каких чудных результатов достигает акварель. Насколько бы приятнее была возможность сказать такое же лестное и про наших акварелистов; но не только серьёзных задач, даже (что обиднее всего) стремлении к ним что-то не заметно в их Обществе.

Путаница, недоразумение (лат.). - *Ред.*

Совсем особый характер носила международная выставка, устроенная редакцией журнала "Мир искусства" в залах музея Училища технического рисования барона Штиглица.

За международною выставкою, казалось бы, должны были быть все преимущества, - ещё бы: среди экспонатов много громких имён, устроена выставка редакцией журнала, считающего себя носителем нового художественного направления, обставлена она уютно; почему же и она не могла оставить какого-либо впечатления, несмотря даже на одуряющий запах гиацинтов, в изобилии расставленных по зале?

В самых разнообразных изданиях находятся разборы выставки; оказывается, многие возмутились ею, серьёзно осерчали, хотя сердиться, в сущности не на что - на всей выставке лежит такой несомненный отпечаток легковесности и необдуманности, что она может скорее вызывать сожаления и улыбку, нежели серьёзные протесты.

Достигнуть своей цели международная выставка не могла по четырём существенным причинам. Во-первых, название её совсем не соответствует содержанию. Полагаю, для каждого понятно, в чём заключается отличие действительно Международной выставки от всякой другой с участием лишь нескольких иностранных художников. Организация такой выставки - дело трудное, не поддающееся щучьему велению, а требующее разностороннего обсуждения, при участии представителей разных национальностей. Нет хуже громкого названия при бедности и случайности внутреннего содержания!

Во-вторых, у каждого мастера, как бы велик и талантлив он ни был, непременно бывают вещи слабые и неудачные, вовсе его не характеризующие. Если выставить не очень сильную вещь художника известного местному обществу (как, напр., было с И. Репиным на настоящей выставке), то это промах ещё не великий - сравнительно с недоразумением, происходящим при экспонировании второстепенных произведений большого мастера, в данном месте мало известного. Плохую услугу сделает ему такая внимательность! - в ней будет скорее проглядывать собственная реклама, нежели истинное доброжелательство искусству, и, к сожалению, с этой-то стороны международную выставку нельзя особенно не укорить.

Невеликую услугу оказала она, напр., Бёклину, к которому следовало бы, конечно, отнестись повнимательнее, так как, к тому же, его картины в России ещё мало экспонировались. Что хорошего в выставленном "Центавре"! - какое мнение можно составить об авторе этой картины? Или ещё портрет девочки, работы Ленбаха, - разве даёт он представление об этом мастере? Главнейший из эскизов Пюви де Шаванна "Зима" уже хорошо знаком Петербургу по прошлой французской выставке, другие же два - вовсе не из лучших. Из работ Либермана трудно было выискать худшие! Не отвечают имени Даньяна-Бувере и Уистлера мизерные этюдики. Серьёзное недоумение вызывают и цены под ничтожными картинками Дега: его "Жокеи" стоят 40 000 рублей, - так что зрители имеют право недоумевать: опечатка ли это, сумасшествие или безграничное нахальство? Впрочем, говорят, художник не виноват в этих ценах - они дело рук его импресарио.

Третья причина, расхолаживающая впечатление от выставки, - это отсутствие в ней "картин", особенно сильно сказывающееся среди работ русских художников: ещё можно допустить, что иностранцы не совсем ясно представ-

ляли себе, для чего и куда дают они свои произведения, русских же - нельзя оправдывать подобным неведением. Очевидно, сами участники выставки смотрели на неё несерьёзно, не решались дать на неё вещи продуманные, цельные, а ограничились этюдами, эскизами, милыми пятнышками, подчас недурным материалом для будущих картин.

Хуже обыкновенного вещи Эдельфельта. Несерьёзен А. Васнецов. Левитан не выставил ничего значительного, так же, как и Нестеров. В. Поленов выставляет, вместо мастерских картин, малозначащие мозаики из речных камешков. Малявин даёт хороший портрет мальчика, но подчёркивает несерьёзное отношение к делу гигантским этюдом "Женщины в красном", который, при своей смелости письма, ещё раз заставляет задуматься: талантлив ли этот многообещающий художник или у него просто большие художественные способности, при отсутствии главного элемента таланта - творчества. Рушиц может создать крупную и сильную картину, в его таланте сомневаться нельзя, а он неожиданно ограничивается одними пятнышками, очевидно приберегая всё, что показательнее, для чего-нибудь более солидного. Подражания Сомова не могут иметь серьёзного художественного значения - всякое увлечение протитательно, пока оно не вошло в привычку.

Если редакция "Мира искусства" считает себя поборницей нового направления, то как объяснить присутствие на выставке произведений рутинно-декадентских, в своём роде, старых и шаблонных? Разве место на серьёзной художественной выставке афишечному портрету Ф. Боткина? Неужели хорош ломак "Варфоломей-отрок" Головина? Галлен - талантливый художник, никто не станет оспаривать достоинства его "Сампо" и "Айно", но его последующие работы в духе пресловутого "Conceptio artis" или имеющиеся на выставке "Отцеубийца" и "Музыка воды" уже вышли из пределов художественности и могут быть рассматриваемы лишь с отрицательной стороны. Остаётся пожалеть этого способного, но как-то свихнувшегося художника. Не решаюсь, к какому виду производства отнести изделия г-жи Якунчиковой. Публика не может усомниться в направлении выставки, глядя на режущие всякий здоровый глаз портреты Бернара, у которого тут же рядом милая вещица, вовсе не похожая на манеру его портретов, - это "Семья".

Подобная неразборчивость устроителей выставки мало хорошего принесёт искусству; безвремененно одряхлевшее, отжившее декадентство и новое, свежее направление - вовсе не одно и то же. Правда, среди большинства публики довольно прочно засело убеждение, что всё не подходящее под известный параграф - непременно декадентское. Но винить публику за такое убеждение не приходится, - общее художественное образование не стоит на столь высоком уровне, чтобы иметь право требовать тонких художественных суждений от людей, отчуждённых судьбою от искусства на более или менее далёкое расстояние: публика в смешении нового направления с декадентством не виновата, виноваты устроители подобных выставок, в одну яму, без разбору, сваливающие и хорошее, и плохое. Жестокая услуга искусству!

От многочисленного фальшивого элемента несомненно теряют интересные вещи выставки. Сравнительно мало обращают внимания на картину Мамлютина - "Нашествие татар": орда, бесконечной лентой протянувшаяся по унылой степи, хорошо задумана, в лицах и подробностях много характерного, одно только неподходяще - размеры. Картина с таким серьёзным сюжетом должна быть грандиознее, так что в выставленной вещи хочется видеть удач-

ный эскиз, а не окончательную форму: жалко мельчить такие благородные и поэтические сюжеты... В миниатюрных этюдах Ционглинского много правды и света. Недурны: Менар (пейзаж с дождём), Лагард (общий тон приятен), Симон ("Деревенский бал"), портрет Серова (Мамонтовой), "У окна" Коровина, скульптура князя Трубецкого. Слишком мало была знакома публика с талантливой Е. Поленовой (недавно умершей). На выставке можно было ознакомиться с многими её эскизами и сочинениями орнаментальными. Лучшая работа из её работ, конечно, эскиз картины "Масленица". Архитектурная часть его, сверху чуть озарённая мягким солнечным лучом, - очень занимательна и верно передаёт дух эпохи; толпа, кишашая внизу, полна жизни, тон эскиза правдивый. Эскиз "Св. кн. Феодор, Константин и Давид" смутен по содержанию, но интересен по письму. 20-ть иллюстраций к русским сказкам полны юмора и прекрасно сочинены. Талантливая натура художницы под конец деятельности подалась в нежелательную сторону, результатом чего явились непонятные: "Свечи", "Ветер воеет", "Жар-птица" и др.

Из иностранцев же надо отметить пейзажи Таулоу. Вода у него передана удивительно: она живёт, струится, отражения и рефлексии играют, блещут, но тем печальнее сознание, что такие даровитые люди могут до того себя сузить, чтобы строить всё своё нравственное благосостояние на удачной струйке воды или ловко посаженной звёздочке, и только и делать, что всё повторять самих себя, с самыми малыми переменами.

Портреты Больдини, написанные хотя хорошо, особенно экспрессией или ловкостью приёма всё же не поражают.

В художественно-промышленном отделе выставки интересны вышивки Е. Поленовой и витрина производства г. Тиффани (Нью-Йорк); хороша и витрина с ювелирными изделиями г. Лялик, но его произведения находились также и на французской выставке.

* * *

Нынешняя французская выставка - менее интересна, нежели прошедшая (бывшая два года назад). Благое дело устройства иностранных выставок настолько ново, что нельзя особенно укорять за некоторую случайность подбора картин: иностранные выставки, до сих пор побывавшие в Петербурге (скандинавская, голландская, английская, итальянская), конечно, не могли ещё явиться систематическою школою современного развития искусств той или иной национальности; нетрудно было со стороны указать на важные для характера местной живописи промахи, но хорошо уже и то, что, по крайней мере, видно стремление обставлять выставку возможно полнее, - это стремление видно и на настоящей французской выставке.

Бесконечно подвижна жизнь французов, таково же и их искусство; настоящая выставка носит знаменитый отпечаток этой подвижности. Работы французов - всевозможных достоинств; всё куда-то бежит, стремится, опережает друг друга, путается и вновь выбивается на торную дорогу.

Кроме картинного отдела на выставке - значительный отдел художественно-промышленный, хорошо подчёркивавший значение декоративного искусства в современной жизни.

В прошлом № нашего журнала была уже корреспонденция о направлении французского искусства, в будущем предполагается их ещё несколько, а потому особенно распространяться о настоящей выставке нет нужды. Мало худо-

жественного интереса возбуждают такие большие картины, как "Посещение Государем Императором французской Академии" Brouillet, - исполнена она очень добросовестно, но *raison d'être*² её чисто фотографический; скучна огромная картина "Прибытие тореадоров в Севилью" Richon-Brunet. "Процессия" Duvent'a, помнится, рекомендованная корреспонденциями о салоне прошлого года, - вследствие слащавости, не может производить сильного впечатления. Для имени Roll'a выставленные работы - недостаточно значительны, хотя и мастерские. Между прочим интересны "Старухи" Le Sidaner'a и две головки Maxence'a. Хорошо написан Benjamin-Constant'ом портрет Ганото. Более других выдаются произведения: Cottet - триптих "В стране моря" ("Прощальный обед", "Отъезжающие" и "Остающиеся"), Sabatté - "Бедняк" (в церкви), военные сцены Detaille, пейзажи Harpignie и его ученика Gosselin'a и нек. др. Вообще есть на выставке новое, но хорошее, есть и новое, но чванливое, напыщенное, каковы, напр., произведения: d'Espagnat'a, Guil-laumin'a, Pissarro и некоторых других; неуравновешенные, вымышленные тона, шаблонная манерность если и явились в своё время оригинальную новинкою, то теперь, надо думать, искусство пошло дальше, и такие болезненные направления его уже не могут находить поклонников. По этим же самым причинам мало впечатления производят и картины нашумевшего Claude Monet, забывшего, что истинное художественное впечатление является результатом работы чувства, а не холодного рассудка, между тем, чувства-то в его произведениях и не заметно.

Десятка полтора картин можно бы выкинуть с выставки для её прямого благополучия, напр.: бездарную картину "Нимфу-охотницу" Wencker'a, портрет Abbema, "Танцовщицу" Carrier-Belleuse'a.

Французы большие мастера в миниатюрной скульптуре, мало кто с таким изяществом смешает разнородные материалы, даст лёгкое, грациозное движение, а потому отдел скульптуры на французской выставке, несмотря на многочисленность и на многое уже известное (по снимкам или репродукциям), производил приятное впечатление. Обращали на себя внимание и некоторые крупные вещи, напр.: "Датская собака" Gardet. Печальное исключение составляла "Ева" Roden'a.

Очень вкусными и изящными предметами переполнен промышленный отдел выставки. Прекрасны гобелены французских казённых фабрик, расписные стёкла и разные глиняные изделия. Чудесны отливки Decauville и других. Хороши витрины орфевра Boucheron'a и ювелирные изделия Lalique'a (некоторые из них слишком, однако, массивны). Превосходен по простоте сочинения шкаф старого дуба г. Lambert'a. Новые формы вообще хрупки, подвижны и всецело зависят от чутья автора; поэтому малейшая притуплённость вкуса приводит его к шаблону, как напр., панно Chevrell'я.

Оказались хорошо обставленными отчётные годовые выставки ученических работ в Школе Имп. Общества поощрения художеств и в Училище барона Штиглица. Можно было замечать недостатки в технике рисунков, чрезмерную тщательность фонов (отвлекающих внимание ученика от сути дела), резкость контуров, дешёвые тона живописно-натурного класса, но в общем, вспоминая, с каким разношёрстным контингентом учащихся приходится воевать преподавателям, надо отдать справедливость - им удалось дисциплинировать

² Смысл существования (фр.). - Ред.

стремления учеников и теперь предстоит последняя, высшая преподавательская задача - развить индивидуальность своих подначальных и сознательное отношение их к делу. Некоторыми органами указывалось на излишество класса живописно-натурного, являющегося живым звеном с Высшим художественным училищем при Академии, но хотя он и не входит в прямые задачи школ, однако, при повышенных художественных требованиях в Академии, остаётся только радоваться, если школа будет в состоянии удовлетворить и такой запрос.

Судя по всевозможным отзывам, лишь в одном отношении давался перевес Училищу барона Штиглица перед Школой Общества, а именно, в сочинении рисунков предметов художественной промышленности³. В отношении таких сочинений общее мнение, восхищаясь техникой их, было, однако, против нежелательного характера их содержания, - говорили: "Школе давно пора понять всю антихудожественность того направления, которое называется декадентством. Оно уже отжило свой век на Западе, и странно вызывать его к жизни у нас".

СПб. Археологический институт предпринял ряд художественно-археологических выставок, применительно к разным областям археологии, чтобы систематично распространять в обществе полезные сведения о древностях. 17-го января закрылась первая такая выставка, касавшаяся иконографии. Составилась она из нескольких частных собраний икон и других предметов церковной древности, принадлежащих: А. М. Постникову, И.П. Балашову, Н.П. Лихачёву, Н. Вл. Султанову, И.М. Ивакину, А. А. Парланду и др.

На выставке можно было ознакомиться с характером письма новгородского, московского и строгановского. Было также выставлено несколько мозаичных фрагментов работы мастерской г. Фролова. Интересны были весьма удачные подделки под старое письмо. Во время выставки посетители могли получить необходимые объяснения, дававшиеся членами института.

Было заметно, что администрация института приложила усилия составить выставку содержательно, и если она всё же сохранила, благодаря отдельным собраниям, до известной степени частный характер, то, ввиду новизны начинания, укорять в этом никого нельзя. Можно надеяться, что институт не оставит свою хорошую и необходимую затею, что выставки в стенах его со временем примут более законченный вид и тем самым заставят отнестись к ним с большим интересом.

Р. Изгой⁴

Искусство и художественная промышленность. 1899. Март. № 6. С. 479-490.

³ Как образцы заслуживавших особенное внимания композиций учащихся в Школе Общества, редакция журнала, в дополнение к помещённым уже снимкам ваз на конкурс Императора Фарфорового завода, воспроизводит ещё в своём издании: проекты ковров, исполненных по заказу е.и. в. принцессы Евгении Макасмиллиановны Ольденбургской для Рамонской фабрики, и рисунки церковных облачений для л.-гв. Кавалергардского полка, по заказу проф. Л.Н. Бенуа.

⁴ Изгой - псевдоним Н.К. Рериха – ред.

**ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
1899 г.**

23 февраля 1899 г.

ХРОНИКА

Комитет жюри для принятия картин на предстоящую Весеннюю выставку в Императорской Академии художеств избран в следующем составе: В.А. Беклемишев, К.Я. Крыжицкий, О.Э. Браз, А.И. Куинджи, Ф.Э. Руциц, А.Н. Бенуа, В.Е. Пурвит, Я. Розенталь, М.П. Холодовский, Н.К. Рерих, Г.Р. Залеман, Н.П. Химона, к.А. Стамбровский, В.И. Зарубин, К.Я. Фельдман.

Санкт-Петербургские ведомости. 1899. 23 февраля/7 марта. № 58.

24 февраля 1899 г.

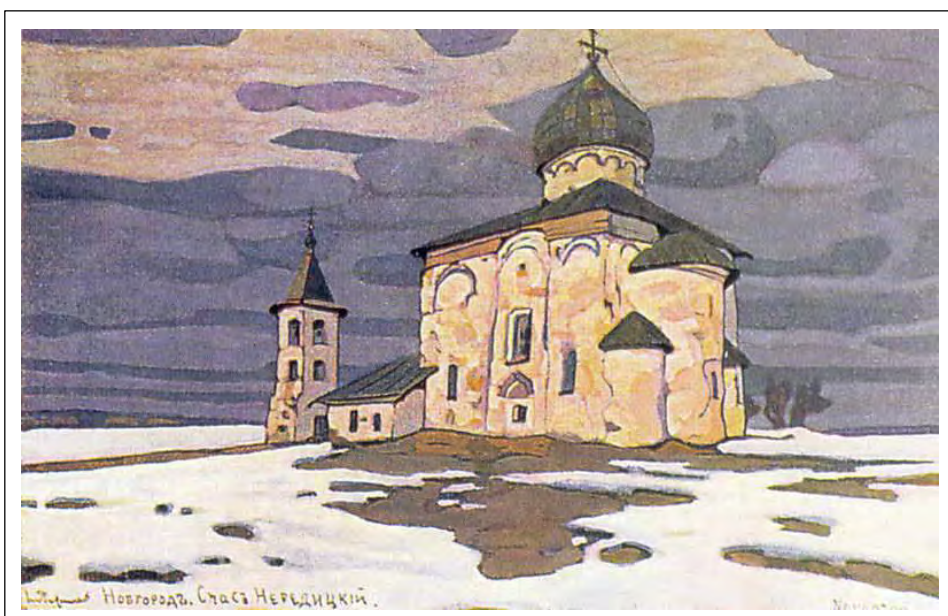
Н.К.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

Результат баллотировки для избрания членов комитета предстоящей Весенней выставки в Академии художеств дал ожидаемый, но всё-таки не желаемый результат: состав комитета повторился почти целиком. Беклемишев, Крыжицкий, Браз, Куинджи, Руциц, Бенуа, Пурвит, Розенталь, Холодовский, Стабровский, и Фельдман, одиннадцать человек прошлого комитета.

Вновь избраны только Рерих, Химона, Зарубин и г. Залеман. Кандидаты: г. Вальтер и г. Гинцбург – также прошлогодние члены комитета...

Новое время. 1899. 24 февраля/8 марта. № 8260.

Н.К. Рерих. Новгород. Спас Нередица. 1899.

МАРТ 1899

Н.К.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

Только в залах Академии художеств в Петербурге может устраиваться такая большая выставка, как 3-я Весенняя, открывшаяся 7-го марта. Она занимает буквально всё выставочное помещение Академии, со всеми аполлоновскими, рафаэлевскими, гобеленовскими и прочими залами, со всем тем бесконечным рядом их, который тянется «по циркулю» вокруг всего огромного академического двора. Больших и малых картин, этюдов, рисунков, акварелей, пастелей, мзаики и скульптурных произведений на ней 374 <...>. Общий уровень выставки высок, большинство произведений, исключая, конечно, такие, как, например, портреты и панно г. Липгардта, невольно останавливают своей свежестью. Жаль только, что здесь очень и очень мало жанров, мало картин со сложной творческой задачей. По мастерству, по технике экспонентам Весенней выставки ещё трудно спорить с пейзажистами-передвижниками, но в смысле замысла здесь много такого, что останавливает внимание. и трудно решить, кто тут сильнее. Таковы, например:

В. Пурвит. Последний снег.

«Последний снег» В. Пурвита, «Сумерки» В. Зарубина,

Ф. Рущиц. Земля. 1898.

«Земля» Ф. Рущица, «Сумерки» М. Холодовского, «Луг» Н. Химоны и др.

Из картин, также интересных по замыслу, бросается в глаза едва ли не единственная картина Н. Рериха «Сходятся старцы», вещь, относящаяся к самой отдалённой эпохе истории русской земли, ко времени нашествия на Русь всех её бесчисленных врагов – чуди, мордвы и черемисов, хазаров и пр., да картина С. Зайденберга «Ремонт пути»...

Новое время. 1899. 11/23 марта. № 8274

Март 1899 г.

Р. Изгой

ВЫСТАВКА КАРТИН В. М. ВАСНЕЦОВА

Сегодня открылась в залах Академии художеств выставка картин Виктора Михайловича Васнецова.

Получив вместо обычного каталога совсем особый - в виде развёрнутого свитка, - приходишь в зал; несмотря на будничнейший день и утреннее время, публики уже довольно. И на общей физиономии зала, и на самих зрителях чувствуется нечто особенное: в ближней части ещё слышатся разговоры, но чем дальше, тем тише говор, шаги становятся всё осторожнее и надолго замолкают в противоположном конце у Екатерининского зала. Там что-то такое, что заставляет всех замолчать, идти чуть не на цыпочках и держаться ближе к стенке.

В.М. Васнецов. Витязь на распутье.

Давно не видали петербуржцы «Витязя на распутье» — одного из самых характернейших былинных произведений В. М. Широкое поле усеяно серыми валунами, свидетелями минувшего, свидетелями судьбы черепа, заглядывающего в глаза витязя. Задумался витязь, читая страшную надпись¹ на камне, понурился конь и устался в землю.

На противоположном щите — одна из первых исторических вещей В. М.: «Скифы», живо переносица в эпоху Кульобских ваз. Впрочем, это собственно не историческая вещь: в ней скорее чувствуется тоже былина, нежели история. Богатыри, бьющиеся со скифами, — мотив фантастический, но эта смешанная нота взята так поэтично, что зритель соглашается с нею: она как раз совпадает с теми неясными отзвуками, наполняющими душу о воспоминаниях старины.

¹ «На камне написано: “Как прямо ехати — живу не бывати — нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному”. Следующие далее надписи: “направу ехати — женату быти; налеву ехати — богату быти” — на камне не видны, я их спрятал под мох и стер частью. Надписи эти отысканы мною в публичной библиотеке при Вашем любезном содействии». (Из письма В.М. Васнецова к Стасову В.В.)

В.М. Васнецов. Портрет Михаила Васнецова, сына художника

В портретах В. М. есть что-то вдумчивое; особенно поражает передача внутреннего мира в глазах мальчика, по типу - не сына ли художника.

Эскиз «Пира каменного века» (воспроизведённый в нашем журнале) полон жизни и духа эпохи.

Воочию убедится публика, какая разница между рисунками костюмов и декораций к «Снегурочке» работы В. М., и постановкою её в Мариинском театре. Страшно типичны: «Царь Берендей», «Снегурочка», «Весна» (с прекрасно подходящими изображениями весенних зодиаков), «Лель», «Гусляры», «Бирючи», да и вообще всё проникнуто таким искренним убеждением и любовью, что исключения ни для чего сделать нельзя. Из декораций лучшие: «Берендева палата» и «Ярилина долина».

В.М. Васнецов. Нестор-летописец.

Из рисунков («Пимен», «Три девицы под окном пряли поздно вечерком» и «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова») лучший — «Пимен».

На знакомой уже по нашему журналу птице «Гамаюн» особенно видно, как мало передаёт произведения В. М. фотография, — половина прелести его картин заключается в поэтичных тонах.

В противоположном конце зала, где стихают все громкие речи, стоят богатыри - богатырский выезд Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алёши Поповича.

Мимоходом мне уже приходилось передавать впечатление этой грандиозной картины в первом письме; теперь же прибавлю, что чем больше смотришь на неё, тем яснее представляется, насколько эта вещь цельна, продумана и полна убеждения. Так истолковать основные характерные черты трёх исконных богатырей святорусских может только человек, действительно продумавший, перечувствовавший родной эпос, — человек, истинно понявший родную старину. Какую бы деталь картины вы ни взяли — всё полно глубокого значения, всё именно так, как должно быть: смотрите ли вы на лица богатырей, на их коней, на характерное вооружение, которое у Добрыни и Ильи рукопашное, а у лукавого и самохвального Алёши - имеющее в виду расстояние от врага, лук. Позади богатырей лесистая ложбина, в которой маячат древние могилы. Серые тучи клубятся по небу. Всё могуче, величаво-спокойно; есть в этой картине нечто стихийное, оно-то и заставляет зрителей жаться к стенке и говорить шепотком.

Странно, как только хочу начать говорить о технике, о внешности, о деталях, так сейчас же, вместо всяких подобающих соображений, в голове вырастает вся картина, хочется описывать её содержание, поделиться впечатлением... Я думаю, это от того, что художник шагнул в ней за пределы формы, в самую сущность, и притом сущность общечеловеческую. Картины В. М. писаны чувством, поэтому так безотчётно и влияют они на зрителя, поднимают в нём то же чувство, заставляя забывать всякие другие суждения.

Выставка, состоящая всего из 38 произведений, не может дать систематического представления о художественной деятельности В. М. (так мало знакомой Петербургу); но выставка работ другого художника, составленная также неполно, не могла бы дать сильного впечатления, такова, однако, самобытность В. М., таков светлый порыв, сквозящий на его всех без исключения работах, что и эти немногочисленные образчики его творчества подавляюще влияют на зрителя. Велик должен быть талант художника, светла и чиста его личность, чтобы настолько завладеть зрителем, залить его волною неподдельного чувства! Подобные явления не часто встречаются - гордиться должна Русь таким художником, как Виктор Михайлович.

Искусство и художественная промышленность. 1899. Март. № 6. С. 491-492.

ХРОНИКА

7 марта 1899 г. СПб.

Н.К.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

Только в залах Академии художеств в Петербурге может устраиваться такая большая выставка, как 3-я Весенняя, открывшаяся 7-го марта. Она занимает буквально всё выставочное помещение Академии, со всеми аполлоновскими, рафаэлевскими, гобеленовскими и прочими залами, со всем тем бесконечным рядом их, который тянется «по циркулю» вокруг всего огромного академического двора. Больших и малых картин, этюдов, рисунков, акварелей, пастелей, мозаики и скульптурных произведений на ней 374 <...>. Общий уровень выставки высок, большинство произведений, исключая, конечно, такие, как, например, портреты и панно г. Липгардта, невольно останавливают своей свежестью. Жаль только, что здесь очень и очень мало жанров, мало картин со сложной творческой задачей. По мастерству, по технике экспонентам Весенней выставки ещё трудно спорить с пейзажистами-передвижниками, но в смысле замысла здесь много такого, что останавливает внимание, и трудно решить, кто тут сильнее. Таковы, например: «Последний снег» В. Пурвита, «Сумерки» В. Зарубина, «Земля» Ф. Рушица, «Сумерки» М. Холодовского, «Луг» Н. Химоны и др.

Из картин, также интересных по замыслу, бросается в глаза едва ли не единственная картина Н. Рериха «Сходятся старцы», вещь, относящаяся к самой отдалённой эпохе истории русской земли, ко времени нашествия на Русь всех её бесчисленных врагов – чуди, мордвы и черемисов, хазаров и пр., да картина С. Зайденберга «Ремонт пути»...

Новое время. 1899. 11/23 марта. № 8274.

Н.К. Рерих. Старая Ладога. 1899.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Моё прошлое (III) письмо вызвало помещаемые ниже ответы и, между прочим, ответ общего характера со стороны художника Пахомова. Надеюсь при случае остановиться на затронутых в его интересном письме вопросах, пока же могу сказать одно, что напрасно некоторые художники (как кажется) подозревали «Искусство и художественную промышленность» в узкой кружковщине: цель журнала - работать на пользу развития искусства, по возможности минуя всякие партии и личности. Желание художников обмениваться на страницах художественного издания мыслями и свободно высказывать свои нужды может быть встречено журналом лишь с искренним радушием и изначально входило в его план, но, намереваясь помещать поступающие письма в возможно неприкосновенном объёме, редакция не может не высказать просьбы о возможно компактном изложении присылаемого.

Р. Изгой

I

М[исловитый] г[осударь], пользуюсь вашим предложением ответить на вашу статью в последнем № журнала «Искусство и художественная промышленность».

Соображения относительно лучшего устройства выставок, с точки зрения помещения, и вообще об условиях работы в Петербурге я высказал в статье, данной в редакцию ещё летом. Мне кажется, будет своевременно поместить её в одном из ближайших №№ издания. Теперь - по поводу ваших укоров в том, что художники боятся печатного слова.

Многие многое бы и написали, но негде писать. Ведь художественных журналов раньше не было, а газеты и журналы обыкновенные не дают места художествам, ограничиваясь лишь краткими рецензиями о выставках. Кроме того, проникнуть в замкнутую касту, называемую составом редакции, не только трудно, но просто невозможно. Статьи случайных сотрудников даже не читаются. Каждая редакция предпочитает иметь постоянным сотрудником лицо, уже достаточно известное. Это-то последнее и делает то, что живых слов об искусстве в печати не встречается. «Известные» критики — по большей части даже не художники, и мелких художественных дел они не касаются, довольствуясь философскими рассуждениями о назначении искусства и проч., причём часто ничего нового не говорят, а пережёвывают давно сказанное.

Известные художники молчат, потому что им тоже никакого дела нет до нужд молодёжи. Они знают, что какие бы условия для выставки ни были, - их картины пройдут, будут проданы и возбудят восторг публики. Что им за дело, что работы каких-то неизвестных Ивановых, Петровых и проч. вышвырнуты с выставки или повешены отвратительно, — их-то собственные работы висят на первых местах. Что им за дело, что у молодых художников нет мастерских, — достаточно, что у членов Академии казённые квартиры с мастерскими.

Кто же станет защищать интересы молодых художников? Многие из них сами бы высказали свои надежды и стремления, но никто не станет печатать их статьи. Странное дело, — толкуют о молодых художниках, ждут от них многого, и рядом с этим не дают высказаться!

Я всегда мечтал о художественном журнале без редактора. Редактор, самый беспристрастный, невольно вносит личный взгляд, который тормозит дело. Задача журнала, по-моему, не проповедовать какой-нибудь определённый взгляд, а суммировать мнения всевозможных партий. Если бы были средства, то я бы давно стал издавать журнал на совершенно новых условиях: дело редактора было бы только следить за хроникой и заниматься хозяйственной частью. Часть же художественная должна была бы редактироваться несколькими лицами, выбранными большинством голосов из среды всех художников. Все представленные в редакцию работы и статьи должны бы быть читаны и рассматриваемы на ежемесячных заседаниях (обязательно пуб-

личных). Каждый имел бы право подавать своё особое мнение, которое и должно бы быть напечатано (хоть и не целиком) рядом со статьёй и протоколом заседания. Только при таком положении дела вышел бы какой-нибудь толк: живой и постоянный обмен мыслей выяснил бы многие запутанные вопросы искусства. В таком случае журнал действительно был бы показателем стремлений современных художников, а не органом небольшой партии с узким кружковским взглядом. Увы, это всё молодые мечты; в действительности приходится слушать, как журналы нападают один на другой. При этом никто не потрудится опровергнуть серьёзно доводы противника и ограничивается лишь ничего не выражающими словами.

Поверьте, что если бы Н. П. Собко в своём журнале устроил отдел «писем в редакцию» без различия направлений, то этот отдел был бы втрое полезнее всего остального.

Боюсь, что надоел вам этим письмом, но оно вызвано вашими же словами. Вопрос-то больной, да один ли он?

Д. Пахомов

II

Нельзя не отозваться на ваш клич: симпатичное дело вы начали и в добрый час. Только уж слишком горячо и энергично вы вызываете ответ, — точно художники в предсмертной агонии, и вы стараетесь, хоть на минуту, возбудить в них жизнедеятельность. Вопросы, затронутые вами, естественно выдвинуты жизнью и ею же решаются без искусственного подогревания.

Наконец, непомерно смело вы судите художников за то, что они очень редко выступают в печати со статьями, относящимися к задачам искусства. «Моя хата с краю» — тут ни при чём. Вся сила во времени.

Организм всего нашего общества имеет немало недугов; жизнь его выдвинула массу экономических, политических и других, уже давно назревших и обострившихся, вопросов, перед которыми бледнеют скромные задачи искусства, а тем более выставки, — и отвлекать последними внимание общества от неотложного, имеющего общегосударственный интерес, было бы нескромно. Но раз появился орган печати с девизами искусства, то вполне реально, если на его страницах будет отводимо место заявлениям, письмам или статьям художников об искусстве, и я уверен, что художники не преминут воспользоваться таким благом.

Я очень рад, что вы заметили обновление академической выставки: это действительно знаменательное явление ускользало от наблюдательности прессы, а между тем оно не случайное. Рутинность старых академических выставок стала отживать: с ростом новых сил — родилась среди художников и потребность в автономии, которая право гражданства получила от Академии в 1897 году. Благодаря этому, художники стали объединяться. Начинает вырисовываться тип художника — общественного деятеля. Меркантильность сменяется общим подъёмом духа и стремлением сделать выставку годичным отчётом художников в их деятельности и художественных задач. Солидарность экспонентов, их отречение от узкоэгоистичных счетов выразились в постановлении их прошлого собрания делить дивиденд поровну. Не слабые духом художники дали толчок этому решению и не борьба со злом (как вы полагали), а общее единодушие и желание сделать выставку действительной выразительницей художественных задач, где всякие мелочные счёты должны быть отброшены. Очень жаль, что экспоненты сделали тогда ошибку, полагая, что имеют право распоряжаться дивидендом, и не мотивировали соображений своего постановления перед собранием Императорской Академии художеств, которое его и не утвердило.

Как-то грустно, что в моральном деле оставлено поле для рассадки материальных счетов. Самая честная авторская оценка несправедлива для деления дивиденда, — конечно, это мелочи, но как часто они губят серьёзные дела.

Сознание общего долга, общий подъём делают чудеса; пример сильного увлекает слабого — «на миру и смерть красна». Талантливых художников много, но не все

они сильны духом; поэтому боюсь, что выставка этого года, предполагаемая к передвижению в Москву, потеряет несколько экспонентов, сильных кистью, но слабых духом. Дай Бог, чтобы я ошибся, чтобы все художники оказались на высоте своего призвания и не останавливались перед риском потерять несколько десятков рублей. Я уверен, что обратившиеся вспять, слабые духом потеряют, так как отправка выставки в Москву вряд ли даст убыток, потому что Петербургский её успех обеспечит ей успех и в Москве.

На ваш вопрос, что должна представлять из себя академическая выставка, — отвечу с оговоркой: надеюсь, что коллеги не упрекнут меня.

Громадное большинство художников смотрит на академическую выставку, как на свой годичный отчёт, и выступает на ней с лучшим своим произведением, а те произведения, перед которыми не думали, не выражали восторгов, не страдали и не трогали затаённых уголков своей души, он отправляет на рынок, — будет ли им магазин, кабинет или малая какая выставка. Конечно, найдутся между художниками и смотрящие на выставки как на рынок или богадельню, которые всё грамотное считают достойным выставки, но таких художников мало. Я резюмировал мнение художников, не принадлежащих к каким бы то ни было обществам.

Ваша боязнь безличной, рутинной маски мне кажется напрасной: очень ветха и поношена эта маска и совсем не к лицу молодой академической выставке. Ваше же предположение, что предстоящая выставка будет иметь решающее значение — вполне основательно. Обновление и успех прошлой выставки — есть блестящий результат свободы, которую утратить очень нетрудно. По это сознают и почти все экспоненты, и, я уверен, они сумеют и на этот раз подобрать людей, способных твёрдо стоять на страже завоёванного.

Мне кажется, академическая выставка имеет один пробел. Хорошо было бы при ней устроить совершенно отдельный зал непринятых произведений с признаками некоторой грамотности: главная выставка от этого выиграла бы, экспертиза стала бы ещё серьёзней, да и ошибки жюри были бы не так страшны. Помехи - это обстоятельство никому не причинило бы, а удовлетворены были бы многие: и художники, чающие продажи, и любители поострить, и знатоки археологии, и проч., и кто знает ещё, быть может, изредка в этот зал попадали бы хорошие произведения, но уж очень оригинальные: ведь везде возможны ошибки - все-то мы люди, все-то мы смертны и все-то мы грешны!

Разумеется, авторы этих произведений не должны были бы считаться экспонентами весенней выставки.

Н. Цириготи

Искусство и художественная промышленность. 1899. Март. № 6. С. 510-512.

Ю. Скворцова

ПО ПОВОДУ ВЕСЕННЕЙ ВЫСТАВКИ В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Ау-у, Изгой! Не боюсь грустной судьбы тургеневского Антропки - откликаюсь! Литература мне ведь не «тятя».

Как вы правы, что товарищи-художники подобны пескарю щедринскому. Прибавлю: пескарю — в квадрате. А почему — докажу сейчас же. Пескари — потому что боятся щуки; пескари — потому что боятся сознаться в том, что они пескари, перед другими, перед самими собой и, в особенности, — пескари тогда, когда своего же товарища пескаря принимают за щуку. Всему этому — доказательство: конспиративные кружки, сущность которых всем нам хорошо известна. Пускай пескари, считающие для себя это мнение обидным, докажут фактами, что они — не пескари! Теперь

возьмём щуку. Где же щука? Я её не вижу. Я вижу только костюм щуки на некоторых пескарях, надетый тоже из страха — как бы товарищи не стали изводить...

Кому из художников-товарищей не приходило разных светлых, хороших мыслей! Не только касательно прогресса выставки, но ради улучшения товарищеского духа. А разве мы все, интересующиеся и судьбою выставки, и судьбою товарищеских отношений (ныне похожих на лес, где аukaются — затерялись), разве мы узнаём эти хорошие, светлые мысли?

Правда, у нас существуют так называемые Общие собрания. Нельзя не улыбнуться этому громкому названию заседаний комитета в присутствии гг. экспонентов. Что такое эти «Общие собрания»? Это два, много три, случая в годовой жизни выставки, когда экспонент может заикнуться. Ещё не так далёк от нас красноречивый пример последнего Общего собрания, когда, считавший себя якобы упрямлённым, прошлогодний комитет, прейдя всякую грань своеволия, не хотел допустить закрытой баллотировки (хотя и заведомого ему меньшинства) экспонентов по вопросу о дополнении § 3-го правил выставки. Вероятно, лишая этот вопрос баллотировки, некоторые рассчитывали впоследствии мотивировать его появление на свет Божий каким-то шальным вторжением двух, трёх лиц в святыню комитета, а не запросом целой группы товарищей. Конечно, прошлогодний комитет чувствовал, что при дополнении § 3 может произойти пауза в деятельности прежних участников — пауза не долее, может быть, следующей смены, т. е. одного лишь года, но у страха глаза велики, и пескари преобразились в щук. Тем не менее, нашлась треть всех присутствовавших, которая постигла не только возможную пользу из предложенного проекта, но и некое ограждение от своеволия, очевидно, не чуждого области комитетской деятельности. Что касается до двух третей остальных товарищей, то — «причины неизвестны», так как доводов действительно веских, опровергающих проект, не было, за исключением довольно голословного протеста лиц из комитета и более чем странного замечания о каком-то насилии (пущенного в обращение также лицами комитета, конечно), точно каждый параграф правил не есть такое же точно насилие. Не мешало бы вспомнить Запад при этом вопросе. Да, насилие — над могущим произойти вредом, насилие, каким является вообще всякое постановление, всякое ограничение произвола. Впрочем, само время идёт своими годами на помощь тому, что можно было бы (увы) решать минутами.

Маленький эскиз нашего Общего собрания экспонентов, кажется, довольно ясно говорит за то, что общих собраний у нас вовсе не существует. Собираются, говорят о хозяйственных делах выставки... Всякие вопросы, вне материальных, встречаются крайне подозрительно — это непрошенные гости. Большинство присутствующих экспонентов — точно с неба свалилось. Это — антиподы. Они подчас не только сведений о свойстве вопросов не имеют, но даже вопросы иногда им совершенно новы. Как же требовать от них моментально каких-либо правильных решений? Откуда же взялось заманчивое название «Общее собрание», если именно общего-то в нём и нет?! Да и как быть общему, если за весь выставочный год многие только лишь на этих редких и торжественных собраниях встречаются, чтобы затем снова врассыпную — каждый к своей фирме — планы отдельные строить, чуждаться остальных, как зачумлённых...

Нужны постоянные товарищеские собрания — общий очаг для всех, без изъятия, участников выставки. Нашлось бы немало товарищей с полезной инициативой. Только общими дружными усилиями можно ворочать большие рычаги. Пора очнуться от обломовщины... Или лучше покориться гласу Апокалипсиса?.. «Ты был ни холоден, ни горяч, но тёпл, и за то извергну тебя из уст моих».

5-го марта 1899 г.

Искусство и художественная промышленность. 1899. Апрель. № 7. С. 621-622

АПРЕЛЬ

М. Далькевич

Выставка Петербургского Общества художников и Весенняя выставка в Академии художеств

...На академической выставке жанровых картин мало, и среди них выдающееся положение занимают работы молодых художников, внёсших и в эту область новое течение, настолько отличающееся от прежнего, что к нему едва ли применимо даже самое название этого рода живописи, или, во всяком случае, к картинам их нельзя подходить с теми требованиями и выработанными уже мерками, которые были вполне применимы к прежним жанрам.

До сих пор жанром называлась такая картина, в которой главную роль играли люди, содержанием её служил рассказ об известном явлении в их жизни, о факте, об отношениях этих людей друг к другу. И самое явление, и рассказ о нём должны были вполне согласоваться с реальной правдой, а это до известной степени связывало художника, подчиняло его. Творческие способности, его личное, субъективное «я» могло проявиться только в известном освещении этого явления, в выборе удачных реальных образов, соответствующих полноте выражения, одним словом, в трактовке, разработке и передаче. Вот почему картины эти действовали, прежде всего, на ум зрителя, и только при посредстве последнего — на душу, причём, конечно, впечатление в известной мере расхолаживалось и теряло в цельности и силе.

В картинах же новых художников центр тяжести в содержании переносится с реально-правдивого, жизненного факта на воплощение самой личности художника. Главную роль играют здесь не люди, не их отношения, не самый факт и даже не рассказ об этом факте, а то чувство, те поэтические впечатления и художественные образы, которые возникли и сложились в самой душе автора под влиянием реальной жизни. Он рассказывает о своём личном, субъективном мире, и интерес этого рассказа заключается не в жизненной правде, а в искренности его речи, в том, насколько крупен и интересен сам художник, насколько поэтичны и художественны образы, созданные его творчеством. Таким образом, реальный факт является только точкой отправления в этой созидательной работе и из подчиняющего превращается в подчинённый, играет служебную роль. Факты, люди, их отношения являются не целью, а только средством для выражения духовного мира художника. Такие картины прямо и непосредственно действуют на душу зрителя, и впечатление, производимое ими, отличается силой и цельностью. В этом новом направлении чувствуется стремление сгладить и смягчить различие между отдельными видами живописи и привести всё к одному типу.

Характерной в этом отношении является самая значительная картина на выставке — «Сходятся старцы» г. Рериха.

Это не жанр, не историческая картина и, тем более, не пейзаж, хотя и по внешности, и по настроению она заключает в себе элементы всех этих родов живописи: это просто сильное, высокохудожественное произведение, свидетельствующее о крупном таланте автора. Светает; небо уже разгорелось отблесками первых лучей солнца и отражается в стеклянной поверхности озера, окружённого глухой стеной лесистых гор. Вершины их зарделись мягким розовым светом, но внизу всё погружено в голубоватой дымке утренних сумерек. Вокруг -заповедный бор.

Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898.
(Ч/б воспроизведение)

На первом плане корявый ствол дуба и идол обвешаны конскими черепами. Место уединённое, глухое, священное, торжественная тишина которого не нарушается человеком без особой важной причины. Это первое, сильное, захватывающее впечатление приковывает зрителя к картине. У подножия дуба горит костерок; дым тонкими струйками подымается кверху в неподвижном воздухе. Кругом расположились группами старцы: кто в кольчуге и шишаке, кто в сермяге, кто просто в рубахе, иные прикрыты звериными шкурами - всё это представители славянских племён. Лица их только намечены, взяты на таком расстоянии, что на них не видно никакого выражения, но по их спокойным позам, по отсутствию малейшего резкого движения, видно, что беседа идёт тихая, мирная, да и настроение всего окружающего таково, что не допускает возможности громкого спора, крика, — всё погружено в торжественном покое. Некоторые только подходят: вдаль виднеются отдельные фигуры и целые группы, направляющиеся к этому же священному месту, и чувствуется, что пройдёт ещё время и этот покой будет нарушен, что здесь соберётся целая толпа, подымется шум, споры, крики; что собрать сюда всех этих старцев - могло только огромное по важности событие, от которого зависит судьба целого народа. Стараешься представить себе это событие: нашествие соседних племён, внутренние неурядицы, - и одна за другою вырастают картины жизни этих племён, места, откуда пришли эти старцы, и незаметно, по воле художника, переносишься целиком в ту отдалённую эпоху, живёшь в ней, создаёшь всё новые и новые картины, из зрителя превращаешься в самостоятельного творца и витаешь в области собственных художественных образов. Картина надолго отрывает зрителя от будничной жизни и переносит в волшебный мир грёз и фантазий. Это характерная черта истинного, крупного художественного произведения. Полноте и силе впечатления способствует и внешность картины, совершенно гармонирующая с её внутренним содержанием. Написана она широко и грубо, нет ничего яркого, отчётливого, выделенного, выпуклого -- всё в ней серо, неопределённо, Такой же широкой, неопределённой и грубой рисуется в нашем воображении и эта седая старина, яркость образов которой теряется и туманной дали веков...

Искусство и художественная промышленность. 1899. Апрель. № 7.

22 апреля 1899 г.

Н. К. Рерих

Собрание по художественно-литографскому искусству в Императорском Обществе поощрения художеств

22-го апреля в помещении Императорского СПб. Общества архитекторов в здании Императорского Общества поощрения художеств состоялось собрание, посвящённое художественно-литографскому искусству, причём обсуждался вопрос об устройстве выставки художественных литографий. На время заседания были выставлены: 1) Собрание художественных литографий (дар Обществу фирмы В. Гофман в Дрездене); 2) 12 литографий г. Ривьера (Les 12 aspects de la nature); 3) Издание «l'Estampe Modeme».

А. И. Сомов, открывая собрание, указал на значение литографского искусства, которое за последнее время, попав снова в руки художников, начинает воскресать. Общество поощрения художеств в прошлом году устроило специальные мастерские литографского дела для подготовки техников и чтобы дать возможность художникам пробовать свои силы в деле литографии. Настоящее собрание, между прочим, имеет целью обсудить устройство выставки художественных литографий.

Г. П. Анненков ознакомил собрание с историческим ходом развития литографского дела. Родоначальник литографии Зенефельдер, собираясь сам издавать свои сочинения, задумал выгравировать их на известковом камне; во время опытов над подобным камнем к Зенефельдеру пришла прачка, счёт которой он записал на одном из своих камней с помощью жирной чёрной краски. Приступив затем к полировке камня азотной кислотой он, к изумлению, увидел, что последняя, травя поверхность, не действует на места, покрытые краской, образуя, таким образом, рельефную надпись. Зенефельдер, поняв какое огромное значение может иметь его нечаянное открытие, употребил все старания усовершенствовать свой способ и довольно скоро выработал приёмы печатания с литографского камня.

В 1799 г. он предпринял путешествие и был в Мюнхене, Вене, Лондоне и Париже, всюду демонстрируя своё изобретение. В Германии с первых же опытов литографское искусство достигло значительного совершенства, затем перешло в Рим, а в 1807 г. сильно привилось и в Лондоне. Около этого же времени А. Оффенбах и Ластейри старались основать литографские заведения во Франции, но знания этих лиц были крайне ограничены, и попытка их не имела успеха. Тогда Ластейри, которому принадлежит честь окончательного водворения литографии во Франции, предпринял путешествие в Германию и, после основательной подготовки, в 1814 году вернувшись во Францию, основал там литографское заведение, выполнившее превосходные отпечатки. К 1818 году литографское искусство вошло в такую моду, что даже члены королевского дома в Тюльери нередко занимались рисованием на камне. После Ластейри много способствовали развитию литографии Энгельман, де Мильхус, Марсель де Серр, Гокур, Вилен, Легро Данизи, Лемерсье. Из художников Франции с особенною любовью отнеслись к литографскому искусству: Жиродэ, Дерне, Прюдон, Жерико, Пигаль, Гаварни, Гранвиль, Домье, Травис и др. В России литография появляется в 1818 г.¹ ; из русских литографических заведений славились: в 20-х годах - Вармунда, в 40-х - Гельбаха, Май-

¹ Одними из первых художественных работ по этой части были у нас именно издания основанного в 1820 г. Общества поощрения художников, с целью доставления заказов художникам и распространения художественных произведений в различного рода изданиях. - Прим. ред. [журнала].

ера, Штейнбаха, в 50-х - Мюнстера (существующее и до настоящего времени), литография Главного Управления путей сообщения и публичных зданий и в 70-х — Патерсена; из русских литографов выдаются: Людериц, Шевалье, Гау, Разумихин, Шертель, Сверчков, акад. Ухтомский, Тим, Шарлеман, Пиратский, Кружкин, Брезе, Борель. В заключение Г. П. Анненков указал собранию на французского художника Ривьера, достигшего особого совершенства в деле современной литографии. Ещё никогда хромо-литография не давала таких художественных произведений, как работы Ривьера, в которых с помощью им самим изготовляемых красок он достигает удивительного сочетания тонов.

П. П. Марсеру сообщил несколько сведений касательно выставленной весьма ценной коллекции оригинальных литографий, принесённой в дар Обществу поощрения художеств дрезденскою фирмою В. Гофмана. Г[н] Бруно Шульце, стоящий во главе крупного дела фирмы Гофмана, сознавая, что литография постольку может достичь своей цели, поскольку она будет находиться в руках художников, пожелал вернуть ей - её бывшее значение и для этого начал привлекать художников к непосредственной работе на камне. Пять лет тому назад первый пример был подан Георгием Люрихом, которому вскоре последовал целый ряд дрезденских художников. В течение 5 лет более 80 художников начали работать на камне и, таким образом, благодаря просвещённому содействию г. Бруно Шульце, художественная литография снова заняла своё место среди художественных произведений. Из выставленных литографий особенно выдаются работы: Унгера, Рихарда Мюллера, Баума, Бауцера, Медица, Берингера и др. Все литографии этих художников поражают изучением природы и высоким знанием рисунка. Принесение в дар столь редкой коллекции вызвало со стороны Общества выражение глубокой признательности щедрому жертвователю.

А. И. Сомовым, А. Н. Мюнстером, Р. Р. Голике, А. А. Ильиным, Е. Е. Рейтерном, А. А. Бильдерлингом, П. П. Марсеру, Ф. Г. Беренштамом и г. Филипповым были подняты вопросы насчёт устройства выставки литографского дела, заботы о которой и принял на себя А. И. Сомов, причём было выяснено, что литография особенно близка Обществу поощрения художеств, которое ещё в 30-х годах давало молодым художникам заказы на литографии с разных картин под руководством известного жанриста Венецианова, и что предстоящая выставка должна носить характер исторический (расположение по эпохам), но - при современном отделе.

А. Н. Мюнстер указал, что, справляя в будущем году шестидесятилетие своей деятельности, он может дать сведения о всех выдающихся русских печатниках, и что надо бы в России создать, подобно Франции, Общество художников-литографов. Собрание приветствовало А. Н. Мюнстера как старейшего литографа.

А. А. Ильин заметил, что без активной помощи художников нельзя ждать быстрого развития литографского дела, на что А. И. Сомов от лица Общества пригласил всех художников посещать мастерские Общества и пробовать свои силы в деле литографии².

Искусство и художественная промышленность. 1899. Май 8 С. 694-696.

² Мне известно, что целая группа молодых художников (напр., Зарубин, Кандауров, Рылов, Химона, Маковский и др.) собирается в близком будущем воспользоваться этим любезным приглашением.

МАЙ

5 мая 1899 г.

Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К.

Среда 5 мая 99

11 ч. вечера

Николай Константинович, я очень рад, что не поспел до настоящей минуты написать Вам (а не поспел, потому что после обеда ходил к доктору своему, а потом приходило много народа справляться о моём здоровье). Я этому рад, потому что между тем пришло *Ваше* письмо ко мне с посылным, и теперь моё письмо получит несколько иной вид.

Мне всего больше хочется, что Вы увидели бы в письме моём – *только, и единственно только* – симпатию к Вам, и желание быть Вам на что-нибудь пригодным. Вижу, что Вы расстроены, что Вы взволнованы всяческими обстоятельствами, и внешними и внутренними, и от этого мне в настоящую минуту ещё менее, чем когда-нибудь прежде, есть охота *отличаться, командовать, взыскивать, учить, требовать*, вообще *гарцевать*! Это всё не в моих нравах, и ничего этого я не знаю и не умею.

Во-первых, скажу Вам, что у меня и в голове не было ни единой и 1/100 мысли о том, зачем Вы действуете в *журнале* Собко. Я об этом ничуть и не думал. Полезно или приятно Вам быть там – ну, и слава Богу! Тут нет, по-моему, ни единой чёрточки чего-то дурного. Я об этом и не помышлял говорить с Вами, а тем менее, упрекать Вас в этом. Ни-ни-ни!!!

Во-вторых, далека от меня, вполне, мысль о справедливости или несправедливости Репина (да и всей вообще Академии) относительно *Вас* и *Щербинковского*, да, наконец, и каких угодно художников. Я ничего тут не знаю, никакие подробности мне не известны, да мне и не пришлось бы никогда в них вмешиваться. Это мир мне чуждый и ненавистный! – И Академия, и Репин, и кто угодно ещё поминутно бывают *несправедливы, гадко несправедливы, отвратительно несправедливы*. Это вечно бывало, поминутно везде повторяется, и, конечно, до скончания мира будет повторяться. Никто из всех нас, самых доброжелательных, ничего тут не поделает!

Это всё обстоятельства *внешние*, о которых я теперь вовсе и не думал с Вами, равно как что и о *непокупке* Вашей картины. Я всегда очень желал Вам успеха, но если его *не было*, то я о нём только жалею – и больше ничего! Какая разница была бы, если бы Вашу нынешнюю картину купили бы? Разница была бы только в том, что у Вас на несколько дней и часов было бы улучшено Ваше *внешнее* благосостояние, и что, быть может, Вы даже уехали бы за границу нынешним летом! Но что же тут было бы в самом корню *утешительного, восхитительного, действительно полезного*? Я думаю – ничего! Мало ли кто ездил из наших в последнее время за границу – и что из этого выходило? Да ровно ничего. Примеры Вам известны.

Нет, нет, я хотел говорить с Вами вовсе не о Вашем *благосостоянии, домашнем хозяйстве* и выгодах, (которым, впрочем, готов сочувствовать искренно!) Я хотел говорить с Вами о многом более важном, нужном, серьёзном и глубоком, именно потому, что к Вам расположен, ожидаю от Вас того и сего, и желал бы принести Вам – пользу.

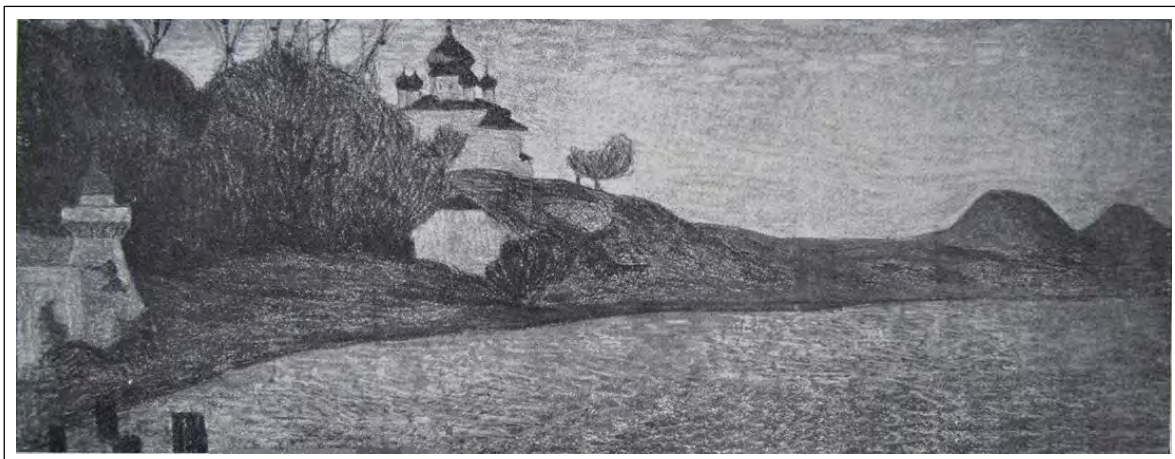
В разговоре со мною Репин сказал: «Р. способен, даровит, у него есть краска, тон, чувство колорита и известная поэтичность, но что ему мешает и грозит – это то, что он *недоучка*, и, кажется, не очень-то расположен из этого положения выйти. Он мало учился, он совсем плохо *рисует*, и ему бы надо было – не картины слишком незрелые писать, а засесть на 3-4 года в класс, да рисовать, да рисовать. А то ему грозит, так навеки и остаться очень несовершенным и недоученным. Учиться надо. Рисовать серьёзно надо! И тогда, можно надеяться, что из него выйдет пожалуй (настоящий) и замечательный художник. Одною *даровитостью* ничего не возьмёшь ещё...»

Таковы слова Репина. И хотя я и не художник, и не техник, а думал всегда то же и Вам говорил. *Человеческие фигуры* всегда меня *оскорбляли* у Вас, особенно во 2-й (нынешней картине). Чего тут ехать за границу, когда надо не ехать и смотреть иностранцев (Вы это уже достаточно проделали на своём веку), а засесть за натуру (человеческую) и рисовать с неё упорно, ненасытно!

Я всегда это думал и говорил, думаю и говорю и теперь. А за граница – ещё *не уйдёт от Вас!!!* Прислушайтесь к моим резонам, и тогда не будете сердиться на меня.

Ваш В.С.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/ 1322, 2 л.

Н.К. Рерих. Волхов. 1899.
(Ч/б. изображение)

АРХЕОЛОГИЯ

7 мая 1899 г. СПб.

Заявление Н.К. Рериха в Императорскую Археологическую Комиссию.

В Императорскую Археологическую Комиссию

Художника Н.К. Рериха

Заявление

Покорнейше прошу Императорскую Археологическую Комиссию о выдаче мне открытого листа на право производства раскопок в пределах Боровичского уезда Новгородской губернии.

Н. Рерих

7 Мая 99.

Васильевский Остров. 16 линия, 15.

Рукописный архив ИИМК, ф. 1, № 109/1899, л. 1.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. 1999. С. 166.

9 мая 1899 г. СПб.

Письмо Н.В. Покровского в Императорскую Археологическую Комиссию.

Чсть имею покорнейше просить Императорскую археологическую Комиссию выдать Археологическому Институту открытый лист на производство раскопок курганов в Санкт-Петербургской губернии, под руководством профессора Н.И. Веселовского и преподавателя Института Н.К. Рериха.

Директор Археологического Института профессор Н. Покровский.

Рукописный архив ИИМК, ф. 1, № 109/1899, л. 1.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. 1999. С. 166.

9 мая 1899 г. СПб.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

9-го мая в СПб. Археологическом Институте состоялся торжественный акт. Из отчёта, прочитанного директором учреждения профессором Н.В. Покровским, видно, что деятельность учреждения быстро расширяется, число слушателей возрастает, преподавательский персонал увеличивается. В числе профессоров в отчётном году прибавилось два специалиста: Н.Н. Дебольский (по кафедре «Московские приказы XVII в.») и Н.К. Рериха (по кафедре «Художественная техника в применении к археологии»). В течение года в институте происходили собрания его членов и слушателей, читались рефераты, посвящённые различным вопросам археологии. <...>

Искусство и художественная промышленность. 1899. Июнь-июль. № 9-10.

10 мая 1899 г.

ХРОНИКА

Императорское Русское археологическое общество назначает летом ряд ежегодных систематических раскопок. Первая раскопка будет совершена в пределах Старорусского и Боровичского уездов Новгородской губернии; произвести её поручено члену общества художнику Н.К. Рериху.

Новое время. 1899. 10/22 мая. № 8332.

11 мая 1899 г.

ХРОНИКА

Бывшие слушатели Археологического института праздновали вчера товарищеским обедом 21-ю годовщину института. Директор института Н.В. Покровский провозгласил тост за здоровье Его Величества Государя Императора и за августейшего покровителя института е. и. в. великого князя Сергея Александровича. Общее восторженное «ура» было ответом на тосты, Е.И.В. великому князю Сергию Александровичу была послана приветственная телеграмма. Затем один тост сменял другой. Н.В. Покровский припомнил тяжёлые минуты, пережитые институтом в прошлом, г. Рерих прочёл свой рассказ³, П.Б. Потехин – стихотворение, А.В. Половцев произнёс остроумную речь на тему об архивах. Словом, обед прошёл замечательно, оживлённо и интересно.

Новое время. 1899. 11/23 мая. № 8333.

16 мая 1899 г.

**Отчёт по раскопке, произведённой 16 мая 1899 года членами
и слушателями Археологического института,
под руководством профессора Н.И. Веселовского и художника
Н. К. Рериха, в пределах Петергофского уезда
С.-Петербургской губернии близ деревни Пежовицы**

I

При деревне Пежовицы находятся 4 курганные группы, отчасти уже исследованные Л.К. Ивановским. Настоящая раскопка была произведена в 3 группах, давших погребения различных, типичных для Санкт-Петербургской губернии типов. Во всех группах насыпи были ограничены более или менее многочисленным (от 6 до 18) кольцом валунов и были насыпаны из суглинка. 2 группы были полевые и 1 лесная. Устройство курганов и находки были вполне аналогичны описанию из дневников Л.К. Ивановского. В I полевой

³ Н.К. Рерих «Из былого» (см. Великая симфония жизни. Кн. 2.)

группе было вскрыто до 14 насыпей, давших или полное трупосожжение на материке, или лежащее погребение тоже на материке на обширной зольной подстилке. Предметы не представляли новизны (бусы, браслеты, ножи, кольца, топор, дротик), вполне соответствовали типам в атласе при издании работ Ивановского и относились большинство к XII веку и малые исключения к переходному времени века XIII. *Во II полевой группе* было вскрыто 3 погребения, в них костяк помещался в лежащем положении головою на Запад в неглубокой мошне (глубиной $\frac{3}{4}$ арш.) при малочисленном каменном кольце основания. Находки (витой и пластинчатый браслеты) характерны для XIII века. Высота курганов от $\frac{3}{4}$ арш. до 2 арш. *В III лесной группе* находок не было сделано; костяки, помещённые лёжа на уровне материка головою на Запад, плохо сохранились. Каменное кольцо основания малочисленно и небрежно, на Востоке и Западе валуны особо большой величины. Высота насыпей от 1 арш. до 2 арш. Представляет интерес погребение овальной формы при невысокой насыпи с 6 камнями по овалу. Костяк помещён лёжа, со скрещенными на груди руками (плохо сохранившийся) в неглубокой четырёхугольной продолговатой могиле глубиной $1\frac{1}{4}$ арш. Высота насыпи 6 вершков. Находок не оказалось. Это погребение, помещённое среди более высоких насыпей, интересно как переходное от курганов к погребениям жалничным.

II

I курганная группа. Числом до 40, высотой насыпи до $2\frac{3}{4}$ арш.; в основании обложены кольцом валунов, без особо больших на Восток и Запад. Погребения [с] трупосожжением или с помещением несожжённого костяка на зольной подстилке.

Курган № 1. Вокруг каменное кольцо. На материке по всей площади кургана слой золы и угля до $1\frac{1}{4}$ вершка толщиной. Предметов не найдено.

Курган № 2. Вокруг каменное кольцо. Погребение на возвышении, но очень низком — до $\frac{3}{4}$ арш. Костяк на зольной подстилке (плохой сохранности) — головою на Запад. Около висков — височные кольца (одно сломано). На шее нитка бус стеклянных, сердоликовых и мозаичных, две позолоченные бусы. На правой руке кольцо и браслет

Курган № 3. Обложен кольцом валунов. На материке слой золы и угля (до $\frac{3}{4}$ вершка), распространяющийся на всю площадь могилы.

Курган № 4. Кольцо валунов в основании. Костяк (совершенно истлевший) на материке на зольной подстилке головою на Восток. На правой руке кольцо и браслет. У левого бедра сварившийся ножик.

Курган № 5. Кольцо валунов в основании. Кость истлела. Зольная подстилка (см. чертёж) [...]. Находка — пряжка.

II курганная группа. Полевая, содержит до 30 насыпей, большею частью уже исследованных Ивановским. Форма насыпей коническая.

Курган № 1. Курган почти по всей поверхности выложен булыжником. Золы не найдено. Костяк помещается в овальной могиле, головою на Запад. Женское погребение (сохранились волосы). Находки: височное кольцо, на шее пряжка, около головы колечко. На правой руке (руки скрещены на груди) браслет.

Курган № 2. В основании кольцо валунов. Могила овальная. На дне могилы следы золы. Костяк, плохо сохранившийся, помещён головою [на] Северо-Запад. Руки у лонного соединения. На правой руке браслет. Около таза — пряжка.

Курган № 3. В основании малочисленное и небрежное кольцо валунов. Золы не видно. Могила овальная. Кость плохой сохранности. Находок не оказалось.

III лесная курганная группа. Числом до 25 (частью уже ранее исследованная). Основания насыпей обложены валунами, на Восток и Запад особо большие. Вследствие сырого грунта насыпи плохо сохранились.

Курган № 1. На материке на зольной подстилке костяк, головою на Юго-Восток лёжа. Предметов не найдено.

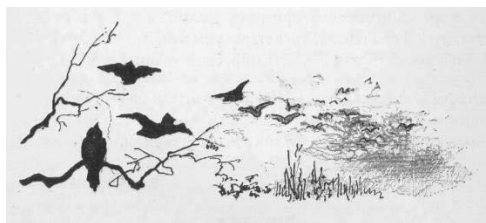
Курган № 2. На основании кольцо валунов, на Восток валун очень большой. На глубине 1 арш. в центре насыпи большой камень без следов обжога. На материке на слое золы (зола по всей площади насыпи) костяк головою на Восток, лёжа, со скрещенными на груди руками. Находок не оказалось.

Курган № 3. За исключением большого валуна в центре насыпи (отсутствующего) вполне сходен с предыдущим.

Курган № 4. Оказался повреждённым ранее.

Курган № 5. Продолговатой (с Востока на Запад) формы. На Восток большой валун. Погребение на материке в слое золы. Кость почти не сохранилась. Находок не оказалось. (Переходное погребение от курганов к жальникам). [...].

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 109/1899, л. 10-14.

ХРОНИКА

Вчера 16-го мая, слушатели и члены Археологического института под руководством профессора Н.И. Веселовского и художника Н.К. Рериха совершили экскурсию с целью раскопки курганов. Экскурсанты в числе 45 человек выехали утром на станцию Вруда, Балт. ж.д., где около деревни Пезовицы было исследовано до 15 курганов, возвратились же в 11 часов вечера. В экскурсии приняли участие: Н.Н. Селифонов, А.В. Половцев, ген. Е.М. Бибииков, директор Археологического института проф. Н.В. Покровский и мн. др.

Новое время. 1899. 18/30 мая. № 8349.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в периодике. Выпуск 1. СПб. 2004.

Н. Перих

ЭКСКУРСИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА 1899 Г. В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ФИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Минувшею весною члены и слушатели института произвели небольшую раскопку в пределах Петергофского уезда близ ст. Вруда Балт. ж. д. около деревни Пезовицы. Место настоящей раскопки принадлежит к одному из самых населённых в старину районов СПб. губ., которые, как известно, приурочивались к возвышенностям Лужского и Гдовского уездов и плоскогорию уездов Ямбургского и Петергофского. Всю последнюю местность в общем надо считать уже более или менее исследованною раскопками Л. К. Ивановского, кроме района Котлы, Копорье; в этом районе, как увидим ниже, по всей вероятности, нам ещё предстоят некоторые новые находки.

По известной характеристике местных курганов, сделанной А. А. Спицыным на основании материалов Л. Ивановского, мы знаем, что все погребальные насыпи СПб. губ. распадаются на две обширные группы, относимые — первая — к периоду XI, XII в., вторая — к XIII, XIV вв. Первая группа характеризуется трупосожжением и погребением несожжённого трупа на материке на зольной подстилке при сидячем или лежащем положении. Вторая группа даёт погребения в могиле или на особо устроенном возвышении. Впрочем, последние раскопки показали, что при несомненном существовании указанных групп, граница их вовсе не настолько определённа; так при дер. Глумицы Царскосельск. у. мною был вскрыт курган, по прочему устройству характерный для XII в., но давший в руке костяка новгородскую копейку века XV. Так что старинный тип погребений, что и вполне естественно, существовал наряду с новыми типами ещё несколько веков.

Руководствуясь этою характеристикой, в основе которой лежит исследование 7000 погребений в СПб. губ., мы можем сказать, что Пезовицы являлись местом, населённым издавна и непрерывно от XI в. Следы этих разновременных погребений находятся в 37 курганных группах, расположенных в окрестностях деревни. Одна из таких групп (на земле мызы Бедная Горка) остаётся нетронутою, а 6 были уже ранее исследованы Л. К. Ивановским; но в 3-х ещё были найдены цельные насыпи, которые и представили материал для нашей раскопки: 1 исследованные группы, расположенные на поле, третья — в лесу. Численность курганов колеблется от 25-30, высота от $\frac{1}{2}$ - $2\frac{3}{4}$ арш. Расположены насыпи в беспорядке, как и обычно для курганов СПб. губ., кроме очень редкого расположения в линию или кругом. Внешний вид курганов в Пезовицах был приблизительно одинаковый, но в одной группе вершины курганов представлялись лучше сохранёнными; в раскопке это объяснилось внутренним содержанием насыпей, с погребением в могиле; такое погребение менее влияет на внешнюю форму, нежели сожжение. Во всех 3 группах насыпи были окружены кольцом валунов и в одном случае, а именно в лесной группе на востоке и западе были помещены два валуна особо большой величины, что является непременным признаком кургана второго из указанных периодов.

В первой из исследованных групп было открыто до 15 насыпей. Обряд погребения в этой группе был встречен двоякий: трупосожжение на материке и погребение на материке несожжённого костяка в сидячем или лежащем положении на зольной подстилке. По найденным предметам (бусы, браслеты, кольца, перстни, горшки, топор, дротик) исследованные насыпи принадлежат к XII в. и отчасти переходному времени XIII в. На детальной характеристике предметов останавливаться излишне, ибо все они представляют ремесленные типы, хорошо известные по аналогиям в атласе раскопок Ивановского.

Во второй полевой группе было вскрыто 3 погребения; в них костяки помещались в лежащем положении головою на запад в неглубокой могиле (глуб. до $\frac{3}{4}$ ар.) при малочисленном кольце основания. Вершина этих насыпей сохранилась лучше, нежели в предыдущих. Находки, сделанные при раскопке (браслеты: витой с петельками на концах и пластинчатый с орнаментированным плетеньем), характерны для XIII века.

В третьей группе было исследовано 5 насыпей, причём никаких находок сделано не было. Костяки в этих насыпях были помещены, лёжа на слое золы, на уровне материка, головою на запад, и очень плохо сохранились, благодаря сырому грунту. Каменное кольцо основания малочисленно и имеет на восток и запад валуны особо большой величины. Представляет интерес погребение овальной формы при невысокой насыпи (высотой в 7 в.) с 6 валунами по овалу. Костяк, совершенно истлевший, находился в могиле глубиной 1 $\frac{1}{4}$ ар. Это погребение, помещённое среди более высоких насыпей, интересно как прямой переход от погребений курганных к погребениям жальничным.

Не будем останавливаться на определении находок, кроме вышезамеченного, так как типы и распределение их по векам тщательно сделаны А. А. Спицыным при разработке материалов Л. К. Ивановского и никаких добавлений к этому серьёзному труду нам сделать не удастся. Упомянув об издании материалов Л. К. Ивановского, попутно не можем не коснуться некоторых его слабых сторон и делаем это ввиду постоянного пользования ими местными археологами, а также вследствие недавнего обвинения, брошенного г. Болсуновым покойному Л. К. Ивановскому и А. А. Спицыну за их недостаточно серьёзное отношение к делу. Смеем думать, что анализ предметов сделан А. А. Спицыным самым точным и внимательным образом и заслуживает всякого доверия, а если в издании и есть неточности, то они лежат в чём-то ином и не могут относиться ни к г. Спицыну, ни к г. Ивановскому, а возникли лишь ввиду печальной случайности преждевременной кончины Л. К. Ивановского, не успевшего упорядочить огромный за 12 лет работы накопившийся в руках его материал. Вследствие пропажи многих описей некоторые данные остаются уже невозстановляемыми. Так, например, изучая издание раскопок Л. К. Ивановского по обрядам погребения и по предметам, добытым будто бы из одной группы, мы должны будем придти к заключению, что все раскопанные Л. Ивановским курганные группы очень смешанного характера, что наряду с предметами XI, даже X века попадаются вещи века XIV, тогда как на самом деле может быть было вовсе не так. Многие группы, предметы из которых смешаны вместе, на деле отстоят друг от друга на расстоянии от 1 версты до 3 и самого различного внешнего облика. Для примера возьму район смежных волостей Царскосельского, Ямбургского и Петергофского уездов. Район этот находится почти в центре раскопок г. Ивановского, изобилует курганными группами и

известен мне доподлинно. Диаметр указанного района не более 30 вёрст; указыва[ю] величину, чтобы тем яснее были частые неточности.

При дер. Заполье Царск[осельского] у[езда] раскопана Ивановским группа в 10 кур[ганов] — не отмеченная в дневниках.

При дер. Реполка крестьяне, свозя песок для дамбы, разрушили жальник, а добытые предметы, по их свидетельству, доставили Ивановскому, бывшему тогда неподалёку, в дер. Селище. Боюсь, не попали ли они в список предметов из Селища, ибо отдельного о них упоминания нигде нет.

При мызе Тарасино 1 группы курганов — одна в 4, другая в 7 насыпей, раскопанные Ивановским, — не отмечены.

Между дер. Сосницами и Раковым лесная группа курганов, частью раскопанная Ивановским; она тоже не отмечена.

При дер. Озертицы 3 группы курганов, а помечено только две. Кроме того, в озертицких курганах оказалось одно погребение с очень ранними для этого края предметами, относимыми к X веку. Способ погребения и внешность кургана не отмечены. Рассматривая курганы Озертиц, думается, не могло ли это интересное погребение относиться к высокому кургану, стоящему среди поля совершенно в стороне от всех остальных. Внешность этой насыпи отличается тем, что в основании нет обычного каменного кольца валунов.

При Рабителицах помечена одна группа курганов, тогда как на самом деле их две; одна огромная; из неё мною раскопано до 20 насыпей, предметы были найдены позднейших для края веков XIII-го и XIV-го; вторая же группа в 15 курганов начисто раскопана Ивановским, и потому о времени её судить нельзя, но насыпи высокие, камней и оснований много, так что она могла быть более раннего происхождения.

При деревне Лисино раскопано 3 группы, между тем дневниками отмечена только одна.

При дер. Волосово показаны в дневниках раскопанными две курганные группы. Одна небольшая, расположенная на огородах деревни — существующая на самом деле, другая же огромная (до 300 насыпей) показана в ½ версты от деревни, из неё добыто много предметов; не раскопанными в ней якобы осталось более 100 курганов, некоторые из них значительной высоты.

Подобной группы в окрестностях деревни Волосово не оказалось. Распаханною бесследно она быть не могла, ибо курганы в ней показаны до 12 фут. Вероятно, эти данные должны быть отнесены к какому-либо иному месту.

При дер. Роговицах помечена большая полевая группа в 200 нас[ыпей], но таковой не оказалось. Если отнести показания дневника к курганной группе на земле мызы Лисино, которая отстоит от Роговиц в I ½ вер., то всё-таки данные не сойдутся, ибо дневник говорит о полевой группе, между тем как Лисинская группа исстари лесная и расположена недалеко от сторожки лесника. Кроме того, в Лисинской группе не наберётся 200 насыпей.

При имении Калитино две курганные группы. Одна огромная, более 400 насыпей, другая через поле от первой состоит из 17 курганов. Дневники Ивановского знают лишь одну группу, тогда как раскопаны им обе.

При дер. Горье две группы разного устройства, в дневниках же они смешаны в одну.

При имении Торосово раскопаны две совершенно различные группы, дневник же говорит лишь об одной из них, лесной.

Не помечены разрытые отдельно стоящие курганы по дороге в Ославье, Сосницы и некоторые другие. Это особенно жалко, ибо в таких курганах-особняках часто попадаются интересные находки.

Таким образом, оказывается, что на незначительном районе не более 30 вёрст диаметром, легко можно было насчитать 13 пунктов, вызывающих те или иные недоразумения. Главное неприятно то, что в большинстве случаев группа разрывалась начисто, чем не оставлялось ни малейшей возможности проверки и дополнения.

При таком положении дела нечего говорить, насколько усложняется последующая работа.

В отношении подобных неточностей нельзя не укорить издание раскопок Л. К. Ивановского, но укоризна эта должны лечь на обстоятельства издания, а никак не на исследователя, не предусмотревшего свою смерть, и не на издателя, всегда связанного наличным материалом.

Возвращаясь к нашей раскопке при Пезовицах, скажем на основании аналогий и отчасти моей раскопки прошлого лета в пределах Псковской и Новгородской губерний, что исследованные нами насыпи, будут ли они следом новгородских или псковских поселений, происхождения непременно славянского. Этим заключением мы сейчас же выдвинем другой неразрывный с ним вопрос о финских погребениях в С.-Петербургской губернии — вопрос очень тёмный и требующий новых разысканий.

Дело в том, что если курганы С.-Петербургской губернии — следы поселений славянских, если нам также известны погребения чуди и еми, то всё же погребения двух остальных финских племён, обитавших в районе этой губернии, ижоры и води, остаются неизвестными.

К древностям Ижоры относят несколько могил, вскрытых г-жёю Раевскою при дер. Рудицах (Петергофского уезда). Древностям води А. А. Спицын приписывает курганы при дер. Манцилово и Войносолово (Ямбургского уезда), раскопанные Л. К. Ивановским, по месту нахождения действительно находящиеся в районе распространения этого небольшого племени, главным образом сосредоточившегося при селениях Котлы, Копорье, где остатки води — ваддьялайзет — проживают даже до сей поры.

Курганы при означенных деревнях дали предметы несколько отличного типа сравнительно с окрестными насыпями, но устройство курганов неизвестно, ибо дневники раскопок не сохранились и решить, представляют ли они несомненно водские погребения или только славянские при случайности финского элемента в находках — трудно.

В 1897 году мною был раскопан неизвестный могильник при мызе Извара Царскосельского уезда. Устройство и внешность его была следующая: на пространстве $\frac{3}{4}$ десятины в лесу в разных местах торчали из-под корней и земли булыжники, где по два, где по 4, образуя тогда ромбическую фигуру, удлинённую всегда по направлению от востока на запад. При раскопке обнаружилось погребение такого рода: на ровной песчаной площади (местный грунт) совершалось полное трупосожжение; зола и угли собирались в кучу, которая обозначалась двумя или четырьмя валунами и в немногих случаях покрывалась тонким слоем земли и забрасывалась булыжниками по всей поверхности. Предметов, кроме бесформенных остатков железа, в этих могилах находимо не было, так что при определении раскопки, очень новой для данной местности, приходилось руководствоваться лишь обрядом погребения. По

аналогии с обрядом погребения древних эстов - финской эми, состоящим, как известно, в трупосожжении при каменной обкладке могил, образующих общую, иногда очень сложную фигуру, можно было усматривать некоторую связь исследованного могильника с погребениями финскими. В самом деле, и сожжение, и мелкое погребение, и обрамление могилы камнями всё было одинаково; оставалось различным — одиночность погребений и отсутствие бронзовых и серебряных предметов, что, зная бедность водского племени, вызвало догадку, не есть ли это следы погребений вожан, ещё не утеревших оригинальные особенности своего национального погребального ритуала, весьма вероятно исчезнувшего впоследствии под влиянием соседей новгородцев. Но за отсутствием находок, заключения дальше этой догадки идти не могли, заставляя в чём-то ином искать разгадку погребений води.

При решении этой задачи глаза наши невольно обращаются в Прибалтийские области, населённые целым рядом финских племён. Балтийская археология разрабатывается уже давно, пришла уже к более или менее систематическим результатам и даёт картину местных погребальных типов. Бегло рассмотрев их, постараемся ответить себе на два вопроса: 1) Каков тип финских погребений? Свойственны ли финнам погребения без насыпи или погребения курганные? 2) Если в местности водской земли никаких грунтовых погребений не окажется, то должно ли ожидать, по окрестным аналогиям, существенного изменения в курганном водском типе, сравнительно с насыпями славянскими, - или же отличие будет ограничиваться лишь малозначительными деталями?

Ответами на эти вопросы мы значительно упростим задачу будущего исследователя остатков указанных двух финских племён — задачу небольшую, но интересную по скорой возможности осязательных результатов; тем более, что район этих исследований, в пределах Петергофского уезда, вполне известен и не превышает 40 вёрст диаметром. Вышло так, что раскопки Л. К. Ивановского и мои расположились кольцом вокруг предполагаемых поселений води, само же место поселений почти не тронут исследованиём, за исключением 3 курганных групп, дневники, раскопки которых или слишком кратки и не дают повода предполагать особое отклонение от известного окружного типа погребений или, к сожалению, вовсе не сохранились.

Оговоримся, что нашими теоретическими догадками мы можем только обусловить задачу будущего исследования, а никак не связывать руки исследователя представляющимися вероятиями. Только факты, факты, неоспоримо добытые из земли, являются убедительными в курганной археологии, всевозможные же гипотезы, на какой бы основательной литературе они ни прои́дись и какими бы занимательными ни представлялись, являются шаткими в сравнении с раскопкой, единственно дорогой для современного археолога.

Всматриваясь в результаты археологических работ Эстляндии, Лифляндии, Курляндии сначала нас поразит большое разнообразие способов устройства могильников, но если вспомним, что на незначительном пространстве Балтийских губерний толпилось много племён, отличных одно от другого не только по языку, но и по культуре, так что даже в настоящее время среди местных жителей существуют резкие различия в верованиях, обрядах, обычаях и прочем, даже в пределах одной национальности, в таком случае разнообразие могил в не столь незначительном районе перестанет нас удивлять. Из всех, неоднократно предпринимавшихся классификаций могил, несмотря на

свою устарелость, географическую неточность и неверность в отношении видов грунтовых могил — самую сходную для нас представляется классификация проф. Крузе. Классификация Гревинг-Сиверса - слишком запутана. Проф. Крузе подводит все известные ему могилы под 7 категорий. 1) На ровной площади выкопана яма, в которую положен покойник с предметами вооружения и украшения; на грудь его навалено несколько камней; наземных признаков такие могилы не имеют вовсе. Типом этого погребения он считает могильник у Ронебурга в Лифляндской губернии. 2) Курганы различной величины; эстонцы называют их Wanne-Käpat, латыши Krive-Karpe (русские могилы); похоронный обряд либо сожжение, либо погребение; последнее преимущественно в низких курганах. В них находятся монеты Этельреда и Канута, а также немецкие от XI века. Типами таких могил могут служить могилы около Виндавы и дальше до Нейхаузена, а также около Цабельна в Курляндской губернии; в подобных насыпях встречено только сожжение, около Кремона и Энгельхардсхофа, у Штаббена в Курляндской губернии в них встречался как обряд погребения, так и сожжения. 3) Курганы, окружённые в своём основании камнями; умершие были сожжены, а над кострищем был насыпан курган; такие курганы известны у Зельбурга. 4) На ровной площади заметны образованные поставленными камнями квадраты; внутри их при раскопках были обнаружены сложенные из камня круги и овалы; в них находятся Костяки с различными предметами; направление костяков на север и юг.

Типом подобных погребений может служить могильник около Ашерадена, а также в других местах по течению Двины, недалеко от реки. 5) Образованные из сложенных камней квадраты, наполненные набросанными в них мелкими камнями; непосредственно под ними находится смешанная с угольями почва, остатки сожжённых костей, куски глиняной посуды и расплавленные под действием огня металлические предметы. Эта категория могил господствует и на о. Эзель и встречены около Изборска. 6) Этой группе могил Крузе даёт название Tumuli polyandrien: они представляют высокие, песчаные курганы, в которых помещалось несколько могил с сожжением, покойники сожигались подле места погребения, кости и предметы складывались в сосуды и погребались в холме. Типами подобных могил Крузе считает могильники около Капсетена и Дреймансдорфа. В обоих местах были находимы греческие и римские монеты. 7) К последней категории Крузе относит все могилы, исследование которых невозможно. Эта классификация для точного знакомства с прибалтийскими способами погребений в настоящее время является слишком старой, но для нашей аналогии она всё же достаточна. Сиверсом и Гревингом были указаны т[ак] наз. Steinshifie, после возражений проф. Висковатова и Лешке, по предложению проф. Хаусмана названные Steinreihen gräber. Steinshauer, Parketgräber соответствуют 4 и 5 виду крузевских могил. Вид общественных могил - tumuli polyandrien составляют Wella-laiwe - чёртовы лодки, встречаемые обыкновенно попарно. Все эти виды могил, сами по себе очень занимательные, к теперешнему вопросу мало идут, для него особенно важны сведения о курганах. Как уже видели, курганы прибалтийские, указанные Крузе, пока ничуть не отличаются от нашего, Петербургской губ., типа. Из следующих раскопок интересны для настоящего дела раскопки проф. Лешке около Нейгаузена. Могильник представлял группу до 40 курганов, прежде их насчитывали до 100; высота курганов колеблется [от] 1-2 метров, диаметр от 6-8 метров; прежде основание было обставлено камнями, которые в настоя-

щее время разбросаны крестьянами. На уровне материка находился слой пепла и золы и остатки пережжённых костей людей и животных - все данные вполне аналогичные курганам СПб. губ. древнейшего периода XI, XII в. Такие же курганы с трупосожжением известны около Нейхофа, Зегевольда и Аллата. В 1869 году барон Розен производил раскопки около Гросс-Ропы (в Вольмарском уезде). Курганы числом до 50 были невысокие. На глубине 1 ½ - 4 фут. были костяки в вытянутом или согбенном положении; в 3-х случаях ногами на восток, в других в противоположном направлении. С этим могильником в тесной связи по устройству стоит раскопанный Бером могильник около Зегевольда: там встречалось и трупосожжение - результаты, не противоречащие первому и второму периоду петербургских курганов. Проф. Висковатов, описывая раскопанное им пюхтицкое кладбище в 30 вёрстах от Зеве, говорит: пюхтицкие могилы различного свойства. Они имеют высоту от 4 - 7 фут. Способ погребения различный: иногда костяк лежит на самой поверхности земли, и холм воздвигнут над ним, иногда покойника зарывали землю и затем насыпали холм. Встречались могилы с двумя костяками. Само положение костяков тоже различно. Хоружин относительно пюхтицких черепов дал очень неясное определение.

Пробегая, таким образом, все известные курганные раскопки прибалтийских губерний, мы видим везде типы курганов, совершенно совпадающие с типами погребений С.-Петербургских губерний, не говорю уже о предметах, очень схожих между собой, а ведь это, быть может, не все курганы русского происхождения. Мне могут возразить: что национальность покойников всё же остаётся сомнительною, несмотря на теории Бера, Крузе и Гревинга, что антропология тоже пока не пришла на помощь и возможен случай, что все подобные курганы всё же русского происхождения, причём выскажут такие соображения: новгородский, наиболее удобный, путь на Поморье шёл вдоль берегов балтийских губерний; для Пскова через реку Эмбах и волоком к р. Салису или к лифляндской Аа; от Полоцка и Смоленска лучший путь представляла Двина. Постоянные торговые сношения Новгорода, Пскова, Полоцка с Западом - общеизвестны. Смоленск также вёл такую торговлю; это доказывается торговым договором Мстислава (в 1229 г.) с Ригою и др. немецкими городами. Затем укажут на колонизацию псковской земли, напр., на северо-западном берегу Чудского озера, оставившую следы в лице так наз. полуверцев. Эта колонизация могла быть древнею - что доказывается каменными крестами древнего новгородского типа, находимыми в тех местах. Могут напомнить, что в Лифляндской губернии ещё в начале настоящего столетия жило небольшое племя 1000 с небольшим человек - кривины, т. е. русские. В настоящее время они в корень олатышились. Переселены они были туда в качестве пленных после одного удачного похода немецких рыцарей на Водскую пятину около 1400 г. Могут справедливо заметить, что все указанные прибалтийские курганы легко могут являться памятниками подобных колоний, частью возникнуть при постоянных торговых сношениях. Кроме того, в Лифляндии жило отмеченное Генрихом Латышом бедное, очень маленькое самостоятельное племя балтийских славян вендов, от них местечко Венден.

Ответить на это можно только ссылкой на курганы несомненно финского происхождения, каковыми, например, являются курганы островов Балтийского моря: Эзеля, Даго, Мона. По находкам курганы Эзеля принадлежат коренному местному населению. Благовещенский в обстоятельной статье «Остров

Эзель и его древности» так описывает Клаусгольмское кладбище: «Старинное Клаусгольмское кладбище имеет тот же характер, как и кладбище между Пилой и Еукиль, т. е. курганы одинаковы и в таком же состоянии. Большинство из них уже раскопано, и даже те, которые по внешности кажутся нетронутыми, при разрытии доказывают противоположное... Раскопав неудачно 3 кургана, наконец, нашли 4-й, ещё не тронутый. Могила эта была обложена так, что внутри кольцеобразной оправы диамет. в 9 фут., составленной из гранита, был сильно истлевший от огня труп. Вещи, здесь найденные, показывают, что и они были в огне, ибо по этой причине они частью попорчены, частью совсем исчезли. На этом пострадавшем от огня месте положены были камни диаметром от 1-3 фут., между которыми находились ещё меньшие; таким образом образовался род каменной крыши. Камни, образовавшие род каменной крыши, имеют что-то общее с попадавшимися мне каменными сводами и покрытиями и кроме того, встречались случаи сплошной обкладки кургана булыжником». Трупосожжение, каменное кольцо основания и величина клаусгольмского кургана представляются уже давно нам знакомыми. Из курганов на о. Мон Благовещенский так описывает насыпи при деревне Мелла, носящие название аудадамели, т. е. холм погребений. Диаметр исследованного кургана был 10 фут.; извне он был окружён каменным кольцом. По вынутии камней увидели следующее: внутри кольца в центре лежало 4 больших камня, так положенных, что между ними образовалось крестообразное пространство, шириною в 1 ½ фут. Между этими камнями клали горючий материал доверху, а на камни клали труп. Описывая курганы в Граббенгофе, лежащие близ граббенгофской церкви, исследователь опять упоминает про каменное кольцо основания. Ввиду краткости нельзя остановиться специально на определении предметов, но общий характер уже иной, сравнительно со здешними с большею примесью скандинавского элемента. Дальнейшие раскопки, предпринятые г. Гольцмейером, дали курганы с сожжением при обычном каменном кольце основания. Таким образом, резюмируя общую картину эзельских курганов, надо придти к заключению, что, отличаясь немногими частностями, в общем они дают картину, почти аналогичную нашим СПб. губ. Относительно времени сооружения эзельских курганов Благовещенский приводит следующее соображение: так как громадное количество курганов находится возле монской церкви, основанной почти одновременно с вторжением христиан и так как нельзя допустить, что могло происходить правильное погребение с сожиганием по языческим обрядам во времена христианства, т. е. так близко от христианской церкви, то сооружение курганов имело место до 1227 года. С другой стороны, найденная монета с изображением короля Этельреда доказывает, что курган заложен не раньше 978 года. При существовании коренных финских жальничных погребений на о[строве] Эзель курганный тип являлся заносным, но откуда это влияние? Скандинавское или русское. Кроме несомненного скандинавского влияния, и русские славяне несомненно оказывали немалое влияние на соседних финнов, и влияние доброе, ибо иначе не было бы факта ливонской летописи Генриха Латыша, что когда священник Альбрант был послан с дружиною с рыцарями в Ливонию с предложением народу принять святое крещение, то народ ливонский бросил жребий и спрашивал у своих богов, которая вера лучшая - псковская или латинская. Народ, очевидно, предпочитал псковскую, т. е. православную, и только из страха принимал крещение от западного духовенства. Итак, принимая во внимание эзельские и

монский курганы, трудно предположить, чтобы все насыпи Эстляндии и Лифляндии, аналогичные по устройству кургана СПб. губ., были русского происхождения; единственно что из этого факта можно усмотреть — это постоянное сильное влияние славян и скандинавов на соседей финнов. Теперь можно свести всё сказанное: факт однообразности в курганных погребениях СПб. губ. перестаёт быть удивительным, ибо не только в этой губернии, но и во всех прибалтийских за малыми исключениями те же основные курганные типы остаются незыблемы. Коренными финскими погребениями являются различные погребения без насыпи, насыпь же есть соседнее влияние; от будущей, окончательной, раскопки в среде водских поселений не следует ожидать каких-нибудь новых курганных типов; отличие водских курганов от новгородских либо вовсе не будет заметно, либо выразится в таких незначительных деталях, обнаружить которые может только самая тщательная и осмотрительная раскопка, отнюдь не количественная, но качественная, при точных отметках изменений в зольных слоях, каменных сооружений в насыпях, положения костяка и пр.

Разница от славянских курганов в водских насыпях несомненно будет видна на предметах; от них можно ожидать некоторого интереса в смысле типов; но на многочисленность и богатство находок рассчитывать, конечно, нельзя. Весьма вероятно, что, кроме насыпей найдены будут и какие-либо грунтовые погребения, вроде эстонских или описанных в моей находке, если только происхождение этих последних не лежит по ту сторону залива — в Финляндии. В этих грунтовых погребениях мы увидим ритуал оригинальный водский, без славянского влияния.

Для находки подобных погребений необходимо внимательно осматривать леса и цельные заросли, так как около строений и на пашне они наверно исчезли или сильно попорчены, ввиду их обычной малой глубины. Разница этих погребений от таковых же прибалтийских может быть очень детальна и обнаружится лишь при самом внимательном изучении могилы и станет доступной для строго научной работы лишь при подробнейших и всячески иллюстрированных дневниках. «Старая археологическая русская школа, - говорит А. А. Спицын в своей статье "О сопках и жальниках" гоняющаяся в раскопках, за одними предметами ради них самих, здесь, как и всюду, оставила нам плохое наследство».

Пусть исследователи отнюдь не упускают из вида этого заключения.

Вестник археологии и истории, издаваемый С.-Петербургским Археологическим институтом. СПб., 1900. Вып. XIII. С. 102-114.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891-1918. Выпуск I. СПб. 2004.

Крѣпость въ Старой Ладогѣ (кън. англ. Н. К. Рериха).
Forteresse à Staraja Ladoga (dess. tiré de l'album de N. C. Roehrich).

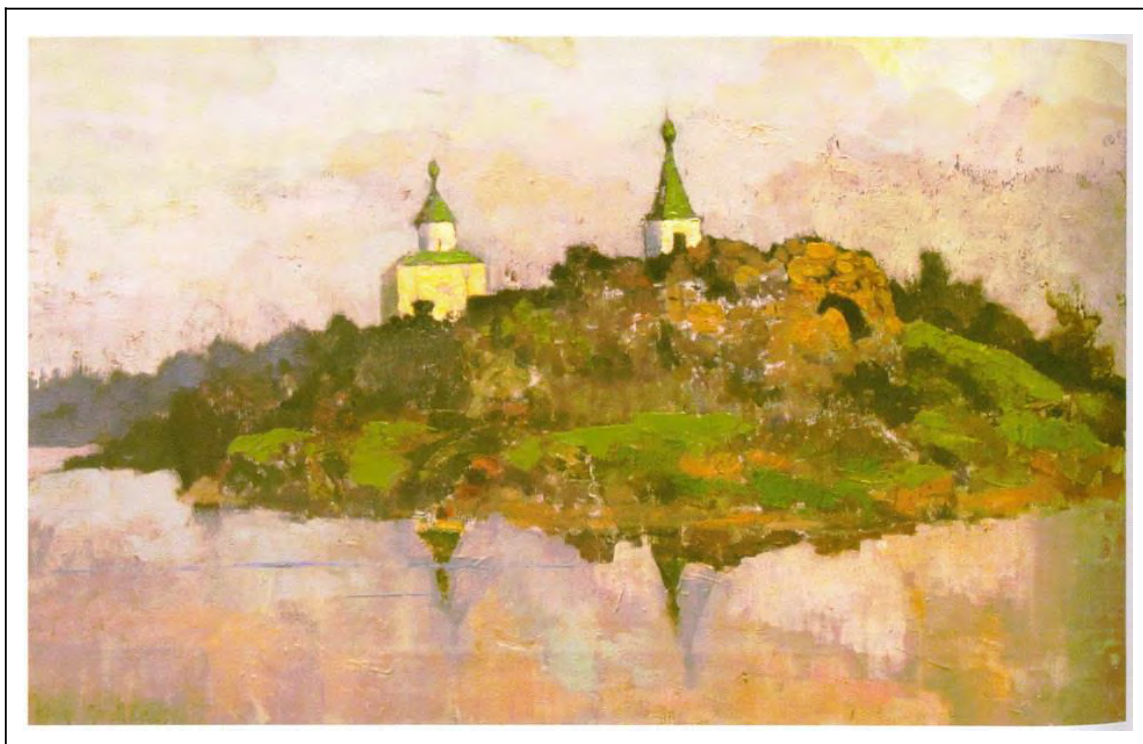
ПО ПУТИ ИЗЪ ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ,
ЗАМѢТКИ Н. К. РЕРИХА.

ЛѢВУТЪ полунощнѣе гости. Свѣтлой полосой тянется пологій берегъ Финскаго залива. Вода точно напиталась синевой яснаго, весенняго неба; вѣтеръ рябитъ по ней, сгоняя матово-лиловатѣе полосы и крути. Стайка чаекъ спустилась на волны, безпечно на нихъ закачалась и лишь подъ самѣмъ килемъ передней ладви сверкнула крѣпкими—вспокоило ихъ мирную жизнь что-то, мало знакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей водѣ, бѣжитъ она въ вѣковую славянскую жизнь, пройдетъ черезъ лѣса и болота, перекатится широкимъ полемъ, подѣмлетъ родъ славянскіе—увидятъ они рѣдкихъ, незнаемыхъ гостей, подивуются они на ихъ строй боевой, на ихъ заморскій обичай.

Длиннымъ рядомъ идутъ ладви; яркая раскраска горитъ на солнцѣ. Лихо завернулись носовѣе борта, завершившия вѣсокимъ, стройнымъ носомъ-дракономъ. Полосы красныя, зеленныя, желтныя и синія навесены вдоль ладви. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленныя. На килевомъ бревнѣ пустого мѣста не видно—все рѣзное: крестники, точки, кружки, переплетясь, даютъ самѣй сложнѣйшій узоръ. Другія части ладви тоже рѣзаны, изукрашены; съ любовью отгладены всѣ мелочи, изумляешься имъ теперь въ музеяхъ и, тщетно стараясь оторваться отъ теперешней практической

Impressions de voyage sur les bords du Volkhoff. Notes de N. C. Roehrich.

Н.К. Рерих. Старая Ладога. 1899.

ПО ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

Заметки Н. К. Рериха

Плывут полунощные гости. Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловатые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями - всполошило их мирную жизнь что-то, малознакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей воде, бежит она в вековую славянскую жизнь, пройдёт через леса и болота, перекатится широким полем, подымет роды славянские - увидят они редких, неизвестных гостей, подивуются они на их строй боевой, на их заморский обычай.

Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зелёные, жёлтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зелёные. На килевом бревне пустого места не видно - всё резное: крестики, точки, кружки, перепле-

тясь, дают самый сложный узор. Другие части ладьи тоже резьбой изукрашены; с любовью отделаны все мелочи, изумляешься им теперь в музеях и, тщетно стараясь оторваться от теперешней практической жизни, робко пробуешь воспроизвести их - в большинстве случаев совершенно неудачно, потому что, полные кичливого, холодного изучения, мы не даём себе труда постичь дух современной этим предметам искусства эпохи, полюбить её - славную, полную дикого простора и воли.

Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем.

Паруса своей пестротой наводят страх на врагов; на верхней белой кайме нашиты красные круги и разводы; сам парус редко одноцветен - чаще он полосатый: полосы на нём или вдоль, или поперёк, как придётся. Середина ладьи покрыта тоже полосатым намётом, накинут он на мачты, которые держатся перекрещёнными брусьями, изрезанными красивым узором, - дождь ли, жара ли, гребцам свободно сидеть под намётом.

На мореходной ладье народу довольно - человек 70; по борту сидит до 30 гребцов. У рулевого весла стоят: кто посановитей, поважней, сам конунг там стоит. Конунга можно сразу отличить от других: и турьи рога на шлеме у него повыше, и бронзовый кабанчик, прикреплённый к гребню на макушке, отделкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавела она от дождей и от солёной воды, блестят на ней только золотая пряжка-фибула под воротом, да толстый браслет на руке. Ручка у топора тоже богаче, чем у прочих дружинников, — морёный дуб обвит серебряной пластинкой; на боку большой загнувшийся рог для питья. Ветер играет красным с проседью усом, кустистые брови насупились над загорелым, бронзовым носом; поперёк щеки прошёл давний шрам.

Стихнет ветер — дружно подымутся весла; как одномерно бьют они по воде, несут ладьи по Неве, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру - в самый Царьград; идут варяги на торг или на службу.

* * *

Нева величава и могуча, но исторического настроения в ней куда меньше по сравнению с Волховом. На Неве берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, затянулись теперь кирпичными и лесопильными заводами, так что слишком трудно перенестись в далёкую старину. Немыслимо, напр., представить расписные ладьи варяжские, звон мечей, блеск щитов, когда перед вами на берегу торчит какая-нибудь самодовольная дачка, ну точь-в-точь - пошленькая слобожанка, восхищённая своею красотой; когда на солнышке сияют бессмысленные разноцветные шары, исполняющие немало важное назначение - украсить природу; рдеют охряные фронтоны с какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стиль, а между тем любой серый сруб - много художественнее их.

За всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга выдаётся лишь одно характерное место — старинное потёмкинское имение Островки. Мысок, заросший понурами, серьёзными пихтами, очень хорош; замкоподобная усадьба вполне гармонирует с окружающим пейзажем. Уже ближе к Шлиссельбургу Нева на короткое время как бы выходит из своего цивилизованного состояния и развёртывается в привольную северную реку, - серую, спокойную, в широком размахе, обрамлённую тёмной полосой леса. Впрочем, это мимолётное настроение сейчас же разбивается с приближением к Шлиссельбургу. Какой это печальный город! Какая заскорузлая провинция, — даже названия улиц и те ещё не прививаются среди обывателей.

Левее города, за крепостью, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейде заснуло несколько судов. Всё как-то неприветливо и холодно, так что с удовольствием перебираешься на громоздкую машину, что повезёт по каналу до новой Ладоги. Накренённая набок, плоскодонная, какой-то овальной формы, с укороченной трубой, она производит впечатление скорей самовара, чем пассажирского парохода, но все её странные особенности имеют своё назначение. Главное украшение парохода – труба срезана, потому что через пароход часто приходится перекидывать бичевы барж, идущих по каналу на четырёх лохматых лошадёнках; глубина канала заставляет отказаться от килля и винта; тенденция к одному боку является вследствие расположения угольных ящиков, а почему их нельзя было распределить равномернее – этого мне не могла объяснить пароходная прислуга.

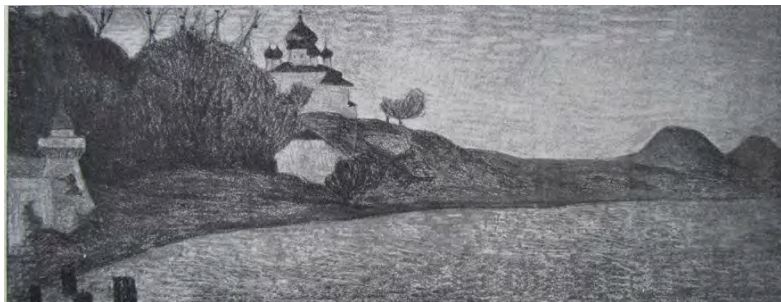
Затрясся, задрожал пароход, казалось, ещё больше накренился набок, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, с быстротою 6 вёрст в час. Случайный собеседник, знакомый с местными порядками, успокаивает, — что, вероятно, придём вовремя, если только не сцепимся со встречного баркою или не сядем на мель, — и то и другое бывает нередко.

Через вал канала то и дело выглядывает горизонт Ладожского озера. Среди местных поверий об озере ясно сказывается влияние старины: озеро карает за преступления. Подобные рассказы сводятся к следующему типу. Позарился мужичок на чужие деньги, убил своего спутника во время пути в Ладогу по льду и столкнул труп на лёд. Сам поехал дальше и заснул. Просыпается — уже ночь; поднялся ветер, снег дочиста сдуло со льда; понесло мужика вместе с лошадию прочь с дороги неведомо куда. Увидал мужик, что дело плохо, потому что при сильном ветре Бог весть как далеко занести может и, чего доброго, в полынью попадётся; отпряг он лошадь, вывернул оглобли, заострил концы и пошёл по знакомым приметам: пускай и лошадь, и санки, и всё пропадает, лишь бы самому от смерти уйти. Крепчает ветер, слепит вьюгой глаза, затупились колья, не цепляются они больше за лёд, и мужика понесло по ветру. Среди снежного моря зачернелось что-то, ближе и ближе – прямо на чернizinу летит мужик. Смотрит, перед ним убитый товарищ: хочет свернуть в сторону – не слушаются ноги, зацепают за труп, подламывается лёд, и убийца вместе с убитым тонут в озере. Интересный осколок новгородских былин! Последняя картинка этого эпизода, когда роковым образом встречаются убийца с своею жертвою, – очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная местность, среди неё где-то, по словам местного пассажира, притаилась богатая раскольничья деревня, пробраться в которую можно лишь в удобное зимнее время. Небось, в таком уголке сохранилось немало интересного: и песни, и поверья, и окруты старинные – делается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто разукрашены хитрыми резными коньками, невольно напрашивающимися на параллель с Байонским ковром. С одной грузной беляной стряслась беда – затонула, широко расплылись массы дров. На берегу примостился её экипаж, выстроили шалашик, развели огонь, варят рыбку, мирно и спокойно, словно и зимовать здесь собрались.

Серый, однообразный пейзаж тянется вплоть до самой Новой Ладоги. Сравнительно поздно возникшая, она, конечно, не может дать ни художественного, ни исторического материала; за ней впереди чувствуется что-то более значительное: в 12 верстах от неё историческое гнездо – Старая Ладога. Скуч-

но дожидаться волховского парохода, - торопясь, на почтовых скачешь туда по прекрасной шоссированной дороге. Слева местами выглядывает Волхов - берега песчаные, заросли сосной и вереском. Потом дорога возьмёт правее и пойдет почти вплоть до самой Старой Ладogi по обычному пологому пейзажу, с лесом на горизонте. Из-за бугра выглянули три кургана — волховские сопки. Большая из них уже раскопана, но со стороны она всё же кажется очень высокой. Взбираемся на бугор — и перед нами один из лучших русских пейзажей.

Н.К. Рерих. Волхов. 1899.

Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным чёрным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелёными главами. Подле самой воды - типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке - серые и желтоватые остовы посада, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густозелёный бор - всё больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение!

* * *

Когда вас охватывает настроение, словно при встрече с почтенным старцем, невольно замедляете походку, голос становится тише и, вместе с чувством уважения, вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана.

Поэзия старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляют поэзию будущего; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, вряд ли может так же сильно настроить кого-нибудь, как поэзия минувшего. Старина, притом старина своя, ближе всего человеку... Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладogu. Что-то не припоминается в живописи ладожских мотивов, а между тем сколько прекрасного и типичного можно вывезти из этого забытого уголка - осколка старины, случайно сохранившегося среди окрестного мусора, и как легко и удобно это сделать. (Совершить такую поездку, как видно из приведённых подробностей пути, чрезвычайно просто.)

Мне приходилось встречать художников, пеняющих на судьбу, не посылающую им мотивов.

«Всё переписано, - богохульствуют они, - справа ли, слева ли поставлю берёзку или речку, всё выходит старо. Вам, историческим живописцам, хоро-

шо, - у вас угол непочатый, а нам-то какво, современным, и особенно пейзажистам».

Вот бедные! Они не замечают, что кругом всё ново, бесконечно, только сами-то они, вопреки природе, норовят быть старыми и хотят видеть во всём новом старый шаблон и тем приучают к нему массу публики, извращая непосредственный вкус её. Точно можно сразу перебрать неисчислимые настроения, разлитые в природе, точно субъективность людей ограничена? Говорят, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные даже для копииста и протоколиста, остаются втуне, лежат под самым боком нетронутыми.

Да что говорить о скудных художниках, которым не найти мотива!.. я почти уверен, что даже поэту пейзажа будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались узорчатые, причудливые тучи, постоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Ст. Ладоге, и поглядит на крепостную церковь, посад, на далёкий Никольский монастырь - всё это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только обернуться - и перед вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые, переплетшиеся ветки сохнувших высоких деревьев, с чёрными шапками грачёвых гнёзд по вершинам, чувствуется холодноватый силуэт церкви Новгородского типа. За нею ровный пахотный берег и далёкие сопки, фон - огневая вечерняя заря, тушующая первый план и неясными тёмными пятнами выдвигающая бесконечный ряд чёрных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке, - то послушницы идут за водою.

Ладожские церкви, такие типичные по внешнему виду, как и большинство церквей Новгородской области, внутри представляют мало интересного. Живопись нова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключение представляет церковь в крепости - в ней уцелела древнейшая фресковая живопись.

Крыльцо древней дер. церкви в Ст. Ладоге (рис. Н.К. Рериха).

Подле каменной церкви приютилась тоже старинная, крохотная, серая, деревянная церковочка - тип церкви какого-нибудь далёкого скита. Вся она перекосилась, главка упала, и крест прямо воткнут в уцелевший барабан её. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла в землю. Церковка обречена на падение.

Подле крепости указывают ещё на два церковных фундамента, открытых г. Бранденбургом, исследовавшим местные древности.

Пишем этюды. Как обыкновенно бывает, лучшие места оказываются застроенными и загороженными. Перед хорошим видом на крепостную стену торчит какой-то несуразный сарай; лучший ракурс Ивановской церкви портится избой сторожа. Вечная история! Теперь хотя сами-то памятники начинают охраняться - на постройки или на починку дорог остерегаются их вывозить, и то, конечно, только в силу приказания, а настанет ли время, когда и у нас выдвинется на сцену неприкосновенность целых исторических пейзажей, когда прилепить отвратительный современный дом вплотную к историческому памятнику станет невозможным, не только в силу стропильных и других практических соображений, но и во имя красоты и национального чувства. Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с этою, никому не нужною, смешною целью? - думается, такое время всё-таки да будет.

На прощанье взбираемся к вершине кургана и фантазируем сцену тризны. Невдалеке от реки возвышается какой-то «холм», поросший вереском.

- «А ведь там, смотри, на бугре когда-нибудь жило, стояло, может быть, городок был», — указывает на холм мой товарищ и затягивает: «Купался бобёр».

Видно, и на него повеяло древним язычеством.

* * *

От Старой Ладogi до Дубовика характер берегов и течение реки не изменяются. Берега высокие, на самом откосе торчат курганы. Много портят пейзаж прибрежные плитоломни. Что-то выйдет из Волховских берегов, если подобная работа и впредь будет производиться так же ревностно? За поворотом исчезли последние признаки Старой Ладogi, и мы радуемся этому, потому что увозим от неё самые приятные воспоминания, пропустив мимо всю её неприглядную обыденную жизнь, сосредоточившуюся, как заметно уже на второй день пребывания, лишь на прибытии парохода с низа или с верха.

Пароход дальше Дубовика нейдёт, - тут начинаются пороги, так что до Гостинопольской пароходной пристани (расстояние около 10 верст) надо проехать в дилижансе. Дилижанс этот представляет из себя не что иное, как остов большого ящика, поставленный ребром, с выбитыми дном и крышкой. Мы сели лицом к реке. Лошади рванули и проскакали почти без передышки до пристани. Дорога шла подле самой береговой кручи; несколько раз колесо оказывалось на расстоянии не более четверти от обрыва, так что невольно мы начинали соображать, что если на какой-нибудь промоине нас выкинет из дилижанса, упадём ли мы сразу в Волхов или несколько времени продержимся за кусты. А Волхов внизу кипел и шипел. Мы скакали мимо самых злых порогов. Несмотря на разлив, давно незапамятный, из воды всё же торчали кое-где камни; подле них белела пена, длинным хвостом скатываясь вниз. Сила течения в порогах громадна: в половодье гружённая баржа проходит несколько десятков вёрст в час. Целая толпа мужиков и баб правит ею; рулевого нередко снимают от руля в обмороке - таково сильно нервное и физическое напряжение.

Баржу гонят с гиком и песнями; личность потонула в общем подъёме. Вода бурлит, скрипят борты... Какая богатая картина! Название «Гостинополь» заставляет задуматься - в нём слышится что-то нетеперешнее. Наверное, здесь

был волок, ибо против течения пройти в Волховских порогах и думать нечего. В Гостинополе же ладьи снова спускались и шли к Днепровскому бассейну. Может быть, до Дубовика шли в старину на мореходных ладьях (слово «дубовик» напрашивается на производство от «дуб-лодка»), а в Гостинополе сохранились лодки меньшего размера - резные. Впрочем, становиться на точку таких предположений - опасно.

В Гостинополе нагрузились на пароход, что повезёт нас до Волховской станции Николаевской дороги, - там опять пересадка. На палубе парохода целое стадо телят, лежат они связанные, жалобно мыча, - иных пассажиров не видно, но удивляться этому нечего, ибо поездки по Руси, ведь, совсем не приняты, да к тому же нельзя сказать, чтобы и сообщение было хорошо приспособлено; так мы приехали в Гостинополь в 8-м часу вечера, а пароход отходил в 3 ½ часа утра. Почему не в 5 или не в 4 - неизвестно. Впрочем, отхода его мы не дождались, ибо к тому времени уже спали крепким сном. Проснувшись заутро, товарищ выглянул в окошко:

- Ну, что там? Красиво?

- Тундра какая-то! Болото и топь.

Часа через два я выглянул — опять низкое место, которое потянулось вплоть до станции Волхов. Знаменитое Аракчеевское Грузино - нечто очень печальное, суровое, опустившееся, ничего общего не имеющее с тою великолепной декорацией, какую нам представляют его современные гравюры. На Волховской станции нас усердно <уговаривали> продолжать путь по железной дороге и, наконец, посмотрели с сожалением, как на людей, действующих к явной своей невыгоде; для продолжения водного пути пришлось сидеть на станции от 11 часов утра до 5 утра же, тогда как поезд проходил через полчаса. Оставалось спать и спать, потому что в сером пейзаже, состоявшем из затопленных деревень, было мало интересного и красивого.

- «Гуся, что ли, нарисовать на память о великом водном пути», предложил я, и мы смеялись, вспомнив, как один художник объяснял цель и смысл художественных поездок: «а то другой едет за тысячи верст и там коровой занимается или курицей самой обыкновенной, точно он дома не мог то же самое сделать с большим успехом и удобством», - говорил он.

Путь от Волховской станции до самого Новгорода ничем особенным не радует. Аракчеевские казармы, бесконечные пашни — всё это благоустроено, но ordinarily. Перед Новгородом несколько монастырей самого обыденного вида. Единственно красивое место за весь этот кусок пути - так называемые Горбы с остатками славного соснового бора, сильного и ровного, как щётка. Чем ближе подвигались мы к Новгороду (местный житель никогда не скажет Новгороду, а подчеркнёт Новгороду), тем сильнее и сильнее овладевало нами какое-то разочарование. Разочаровал нас вид Кремля, разочаровали встречные типы, разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места. Что подумает иностранец, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, господин ли это великий Новгород?!

Звонница Кремля Новгородского.

* * *

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов...

вспомнил мой спутник, когда мы входили на мост, направляясь в Кремль. Но вместо старицы на мосту стоял отвратительного вида босяк с кровавой шишкой под глазом. Навстречу попало несколько мужиков – истые «худые мужички вечники», за кого кричать, за что — всё равно, лишь бы поднесли.

Софийский собор в лесах; там идёт, как известно, капитальный ремонт. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стечению обстоятельств, важная, задача расписать этот славнейший и древнейший русский собор миновала руки художников и выпала на долю артели богомазов. На расстоянии как-то всё смягчается, многое важное ускользает от внимания в заглазных рассказах, пока не увидишь воочию. Я думаю, и вы, кому приведётся читать эти строки, не обратите на них никакого внимания; кругом всё тихо и смиренно, какое кому дело, что где-то в отжившем городе совершается нечто странное? А между тем, это «нечто странное» если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательным. На рубеже XX века, при возрастающем общем интересе к отечественным древностям, при новых путях религиозной живописи, так счастливо указанные Виктором Михайловичем Васнецовым, один из лучших русских памятников старины расписывается иконописцами богомазами, и притом - как расписывается! Жутко делается, когда лазишь по внутренним лесам храма мимо этих богомазных изображений — глубоко бездарных, сухих, пригодных разве в захолустную церковь сверхштатного городишки, а никак неуместных при соседстве с памятником тысячелетия Руси. Ещё обиднее и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольные изображения пророков и архангелов, наводящие на мысль: какой высоконациональный храм мог бы получить-

ся из Софии под мастерскою кистью, при таких основных базисах, каковы сохранившиеся остатки древних фресок; как стильно и художественно можно бы было заживить остальные стены! Какой богатый материал, какая возможность поддержать славный памятник и расцветом его, быть может, оживить целый город! – но вдруг все умышленно попирается, производится небольшая экономия... а что впереди? — там хоть потоп. Если не хватает средств, то отчего попросту не заштукатурить стены, оставив лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными изделиями, не за-казывать г. Фролову удачные подражания древних мозаик, убрать сохранившиеся, чтобы и сравнения не было, как оно могло быть и как есть на самом деле, - по крайности не было бы полумер. Если изгонять художественность и национальность, то уж гнать их основательно, по всем пунктам, без пощады.

Мне кто-то хотел объяснить, как это печальное событие произошло, говоря, что много было всяких мелких обстоятельств; но, полагаю, для истории искусств такие побочные причины не будут важны, - ей будет знаменательно, выясняя развитие русского искусства в конце 19-го века, отметить крупный факт росписи первой русской святыни артелью богомазов, без участия пригоднейших к этому делу даровитых художников. Какое отрадное сведение, в особенности для всех причастных к современному искусству! — и перед собою-то стыдно, еще стыднее перед иностранцами, когда скажут, и на этот раз вполне заслуженно: уж эти варвары! Джон Рёскин, услышав о таком деле, наверно бы писал о нём в траурной рамке.

Новгородская косность простирается до такого предела, что из 10 встречных лишь один мог указать, как пройти к Спасу, что на Нередице, - к древности, которая должна бы быть известна каждому мальчишке, да была бы известна в европейском городе.

Невелик городской музей Новгородский, содержание его больше случайное, а местонахождение не совсем удачно, ибо для него пришлось погубить одну из Кремлевских башен; но это не беда, если бы музей хоть сколько-нибудь интересовал обитателей, а то посетители его почти исключительно приезжие, тогда как среди местных жителей находятся некоторые, вовсе и не подозревающие о существовании городского музея или знакомые с ним лишь понаслышке.

Интересен Знаменский собор, хотя особою древностью он не отличается. Сени и внешняя галерея его, видимо, первоначально были открытые, на арках с грушами, - теперь они заложены, и довольно неблагоприятно: напр., внутри сеней новая кладка расписана «под мрамор» малярами, тогда как остальное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграет общий характер собора, если восстановить эти типичные арки, само же восстановление не должно обойтись слишком дорого.

Наиболее цельное впечатление из всех Новгородских древностей производит церковь Спаса на Нередице. Не буду касаться исторических и иных подробностей этой интересной церкви, сохранившей в первобытной цельности настенное письмо, — такие подробности можно найти в трудах Макария (опис. Новгород. церк. древн., 1, 798), Прохорова, Н. В. Покровского и в имеющем выйти в ближайшем будущем VI выпуске «Русских Древностей», изд. гр. И.И.Толстым и акад. Н. П. Кондаковым. Основанная в 1197 году князем Ярославом Владимировичем, Спасская церковь по древности, а главное, по со-

хранности, является памятником исключительным и, надо желать, чтобы как можно скорее она была издана полным и достойным для неё образом.

Церковь Спаса на Нередице – L'eglise du sur la Nereditza.

С Софийской стороны, из Воскресенской слободы (в которой тоже типичные и древние храмы: Фомы апостола и Иоанна Милостивого), мы перерезали Волхов, бесконечный в своём разливе, направляясь к Нередице. Дело шло к вечеру, солнце било желтым лучом в белые стены Спаса, одиноко торчащего на бугре, - пониже его лепится несколько избушек и торчат ивы, кругом же ровный горизонт. Такие одиночные, среди пустой равнины, церкви очень типичны для Новгородского пейзажа: то там, то тут, при каждом новом повороте, белеют они. Проехали мы Лядский бугор, где в былое время стоял монастырь, - само же название урочища, будто бы производится от божества Ладо.

На горизонте Ильменя выстроился ряд парусов - они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала Новгородская рать на роковую Шелонскую битву...

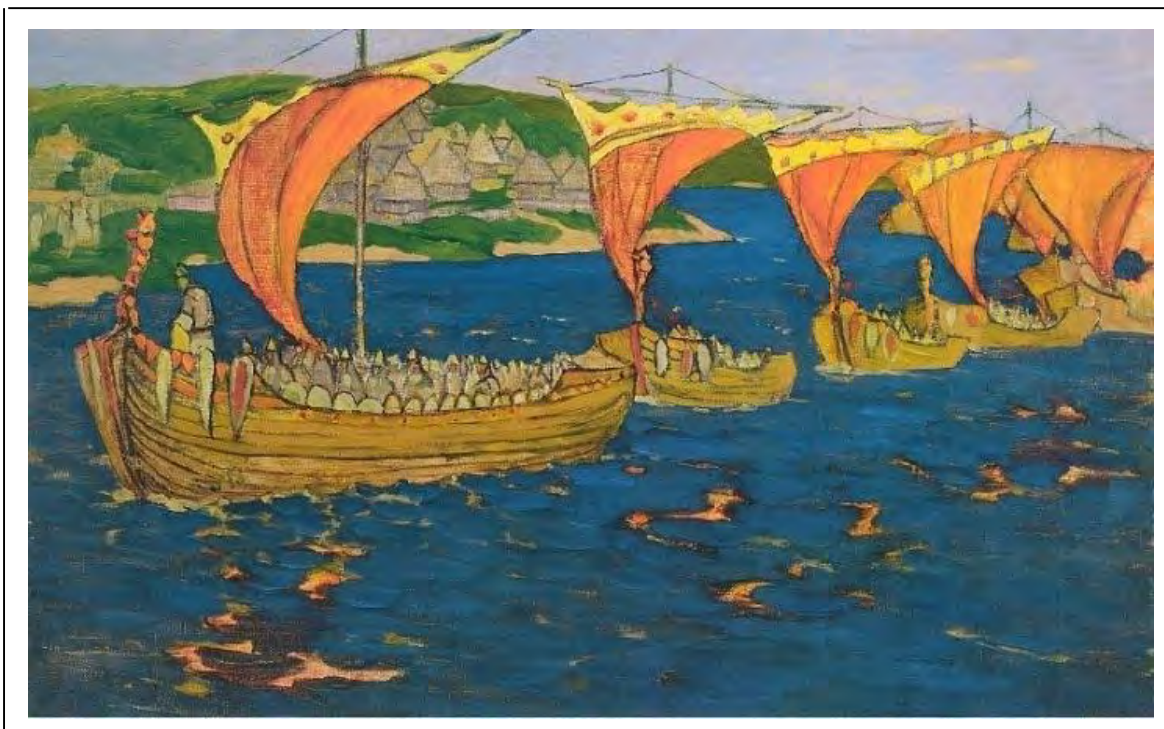
Ракурс Спаса с берега, пожалуй, еще красивей, нежели его дальний вид. Колокольня несколько позднейшей постройки, но зато сам корабль очень строен и характерен. Живопись, сплошь покрывающая стены и теряющаяся во мраке купола, полна гармонии, ласкает глаз на редкость приятным сочетанием тонов, облагороженных печатью времени.

Надо торопиться полно и достойно издать этот памятник — он уже требует серьезного ремонта, для которого, как говорят, не хватает средств. На первые нужды необходимо хоть 5000 рублей — неужели сейчас же не найдётся любителя старины, располагающего такой суммой? Есть много богатых людей, не жалеющих своих достатков на добрые дела; ремонт Спаса ведь тоже доброе дело, да ещё какое! *)

.....
*) Не говорю о многочисленных исторических урочищах Новгорода, потому что они любовно и подробно описаны В.С. Передольским в его книге «Новгородские Древности», вып. 1.

Возвращаясь к дому с Шелони, я дожидался поезда в Шимске. Среди многочисленных вокзальных объявлений бросался в глаза изящный плакат Дрезденской художественной выставки и невольно думалось: что Шимску искусство? да и будет ли когда оно для Шимска - не пустым далёким звуком?

Искусство и художественная промышленность. 1899. Июнь-июль. № 9-10. С. 719-730. Рисунки: «Крепость на Старой Ладогге» (из альбома Н.К. Рериха). «Крыльцо древней деревянной церкви в Старой Ладогге» (из альбома Н.К. Рериха). Фотографии: Звонница Кремля Новгородского. Церковь Спаса на Нередице. Вставка: ч/б репродукции с картин: «Гонец» и «Сходятся старцы»

Н.К. Рерих. Иноземные гости. 1900.

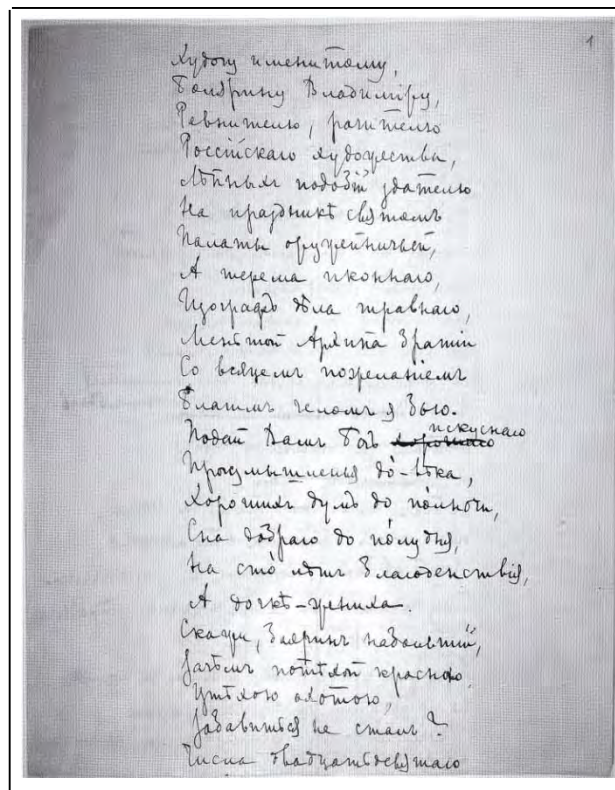
«На горизонте Ильменя выстроился ряд парусов - они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала новгородская рать на роковую Шелонскую битву...»

14 Июля 1899 г. СПб

Послание (Грамота) Н.К. Рериха - Беклемишеву В.А.

Владимир Александрович Беклемишев.

Фрагмент рукописи Н.К. Рериха
(ОПИ ГИМ ф. 139. ОП. 2. Ед. хр. 4, лл. 1-3 об.)

Худогу именитому
Болярину Владимиру,
Ревнителю, рачителю
Российскаго художества,
Лепных подобий здателю
На празднике святом
Палаты оружейничьей,
А терема иконнаго,
Изограф дела травнаго,
Меньшой Архипа братии
Со всяцем пожеланием
Благим челом я бью.
Подай Вам Бог искуснаго
Проумышленья дó-века,
Хороших дум до пóлночи,
Сна добраго до пóлудня,
На стó лет благоденствия,
А дочке – жениха.
Скажи, болярин набольший,
Зачем потехой красною,
Утехою охотою,
Забавиться не стал?
Числа двадцать девятаго
Въ Июня (летом) месяца
Вся Русь святая матушка
Великих чтит апостолов
Петра и Павла (с Гатцука
Сравни календарем).
Гореть в огне мне адовом!
Я мерзкий! Ох, мне скверному!
Увы, мне окаянному!
Их чту я не молебнами,
Не свечкой, не акафистом –
Во храмах люд весь молится,
А я, глухою полночью
Встаю, как тать в нощи,
Не моюсь, платье странное,
Шутовское, поганое с зелеными
Опушками, с застежками зверовыми,
Спешу одеть. Беру
Оружье смертное, ножи и сумки
С флягами, с прехитрыми
Свистульками, приманками,
С узорной сеткой серою.
Одевшись таким идолом,
Заморской шляпой с перьями
Покрывшись, выхожу; спускаюся
По лестнице (скрипят ступени
Старья, построенныя в барщину

Из дуба); живо егеря
И лесников бужу.
Собаки воют, бесятся...
Гремит замок, дверь щелкнула,
Бренчит погон ружья.
На двор выходим – серо все;
Любовно ручкой ласковой
Погладил щеку утренник;
Восток желтеет, за лесом
Чуть брежжится рассвет.
К реке идем по заводям...
Лишь только дымкой светлую
К воде туман потянется –
Земля от сна проснулася
И полог свой отбросила –
Уж в челноках сидим.
Люблю туман я утренний,
Когда столбом над речкою
Подыметса, раскинется
Пуховиком по озеру
И тянется к чащѣ.
Ползет он к бору сонному,
Внезапно остановится,
Как бык на пень уставится
И тупо смотрит вдаль.
А вокруг клоками чудными
И нитями прозрачными,
Гляди, уже запуталась
Прибрежная трава.
Ползет все, извивается,
Грозится страшным обликом,
Косматой бородищею
Водяника, русалкою,
Зверями, Чудо-змеями
Представился туман.
Вдруг все заколебалося, смешалось,
Прочь отпрянуло и понеслось по озеру
огромным клубом облачным
И южной, теплой дымкою
Растаяло в свету.
Прозрачен воздух утренний,
Далеко выстрел катится,
На тысячи ладов
Он эхом повторяется,
Чтоб знали все:
Тут делают
 недобрыя дела.
Извар (моркловка пестрая)
Попал удачно в выводок:

Утятя – кряквы куцыя
В хвоще заполоскались
И с шумом поднялись.
Я бью правофлангового,
А слева брат мой с егерем
Свалили пару... Дружная
Открылася пальба.
Чирки из трав поднялись –
Шесть выстрелов захлопали –
Четыре утки шлепнулись,
А пятая ушла.
Гремит в соседнем озере
Стрельба не хуже нашего,
Шныряют одурелыя
Чирята, кряквы глупыя
Свистят высоко крыльями –
Жестокая, свирепая –
Веселая пора!
Зачем у нас Вы не были,
Владимир Александрович?
Я ждал Вас крепко, думалось
Не заняты ли Вы?
Здоровы ли? А если
По спесивости, по лиху
Не приехали – не дай Вам
Бог хорошаго.
Всем присным Вашим кланяюсь
Низенько, со племянником
Их поздравляю я.
Молю с главой склоненною,
С душою умиленною
От Бога Вам утех.
Ваш богомолец преданный,
В приятельстве изведанный
Изограф Николай
(в мире Рерих).

СПб. 14 Июля 99.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/41, лл. 17,17 об, 18, 18, об.)

См. также: ОПИ ГИМ, ф. 439. ОП. 2. Ед. хр. 4 Л. 1-3 об.

Государственный исторический музей России. Отдел письменных источников.

16 Июля 1899 г. Парголово
Письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху

Парголово, деревня Старожиловка
Пятн. 16 Июля 99. Утро

Пишу Вам, Никола Тростник, и в превеликой досаде, но зараз и в превеликом восхищении!

Не знаю, кто у Вас там больной, и как, и где, и чем, и на много ли бедствует, и сколько именно к нему надо было Вам торопиться и лететь во все лопатки, может быть от α до ω архиправы, но мне было предосадно и преобидно, что Вы так вчера к нам и не попали!! Ведь кто знает, может быть моих именин, моего 15-го Июля, так никогда больше вовсе и не будет – и вот Вы взяли да пропустили! Предосадно, преобидно.

И я, как только, вчера за завтраком, увидел в окно почтальона, а потом стал вертеть в руках Ваш конверт, так сейчас и сказал: «Ну, значит и не будет! Ах, какой негодяй!».

Но когда потом расковырял шпилькой этот самый конверт, и достал из него серую ветхую полоску бумаги, от которой разило кофеем – так Вы сильно её намазали для сходства с XVIII веком, как я взглянул на лихую виньетку, как я взглянул на почерк, как я взглянул на слог и склад и лад, у меня пробежали мурашки удовольствия, и меня защекотало всего, от макушки до пяток. «Ну, сказал я про себя, а потом громко для всех, ну, молодец Никдла Тростник! Посмотрите, господа, глядите скорее сюда все!»...

И все господа, стар и млад, барышни и барыньки, кавалеры и кавалерики, разом улыбались и похваливали во всю Ивановскую. Ах, как мне нравился и сам болярин, сидящий в <горлатой> шапке и с воздетыми горé руками, словно в “Вознесении” каком-то, и его жёлтая рубашка, и голубые штаны, и наклоняющиеся к нему словно в образах византийцы с дарами и шапками в руках, и поспешающие в кибитках, за город к болярину люди, едущие на кнутах и с дугами, идущими коням по колено, - наконец всё, всё, даже самые дыры и щели на бумаге, словом - всё было чудесно, чудесно, и все гости, сколько ни перебивало вчерась у нас тут в Старожиловке, приехавших на кнутах и без кнутов, все восхищались, Ропет в первую голову, Репин во вторую, Матэ – в третью, наконец, тоже и Попка – Попинька – в четвёртую, а наконец сам Блюменфельд, музыкант залихватский и чудесный, (которого Вы видели, и думаю, по *Пятницам* у акварелистов) – и тот здорово восхищался и я – тоже, тоже, тоже!!!!

Только одна у Вас проявилась великая ошибка. Как же это Вы, назвав меня везде «Володимером» (экое чудесное имя!), вдруг на 3-й же строке написали «Владімир Васильевич?! Худо, худо, худо! За это Вам = нуль!

Ваш В.С.

А нельзя ли Вам приехать сюда к нам – во *Вторник*, 20 Июля? Во-первых = Ильин день, во-вторых = день рождения моего брата Александра.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1323, 2 л.

АВГУСТ

Н.К. Рерих. Эскиз для вышивки. 1900-е.

Н. К. Рерих

НЕХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ НАШИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАГАЗИНОВ

Художественные магазины наши продают у себя немало антихудожественного. Продаются там, например, — плохонькие копии с картин слишком сомнительного достоинства; подчас вместе с копиями висят и оригиналы, от которых тоже не легче становится, несмотря на то, что под многими встречаются имена, когда-то небезызвестные в художественном мире, но давно пережившие эту известность. В силу традиций, публика, мало осведомлённая в делах искусства, продолжает, однако, благоговеть перед подобными произведениями и, по инерции, всё ещё покупает их, не обращая внимания на их малое значение. Особенно непривлекательны покупатели, ставящие первым условием приобретения того или иного произведения его размеры: «Хорошенькая вещица, только для меня она, пожалуй, не подойдёт — вот если бы в длину вершка на три побольше». Мне случалось заставить у Дациаро или Аванцо покупателей весьма интеллигентного вида, приехавших на собственных лошадях и без стеснения предъявлявших требования такого сорта, — насколько их внешность далека от внутреннего содержания!

Ищущим рисунков для различных декоративных поделок обыкновенно в художественных магазинах предлагаются сочинения пребезобразные, словно магазин собирался удовлетворять исключительно лавочные потребности.

Между тем, спрос на оригиналы декоративных сочинений теперь, очевидно, увеличивается: везде обращается сугубое внимание на всякие художественные рукоделия (живопись, резьба, выжигание), в женских средне-учебных заведениях этот предмет делается обязательным, — значит, открывается новое, широкое поле для посева правильных художественных понятий в обществе. К сожалению, все эти запросы не находят себе ответа, и часто, когда нападёшь на неудачный выбор рисунка, приходится слышать справедливую отговорку, что ничего лучшего нельзя было найти.

«Сама знаю, что худо, а где лучше взять? Ходила, ходила, смотрела, смотрела, - совсем нет выбора, всё в таком же роде», - оправдывается какая-нибудь трудолюбивая барышня, и садится изображать амуров с колчанами за плечами или букет с таким сочетанием тонов, что хоть дымчатые консервы надевай. (Надо прибавить, что, кроме безобразия, большинство изданий декоративных мотивов поражает ещё несообразною дороговизной у нас: так, напр., издание «Dskoralive Vorbilder», составленное почти сплошь из банальностей, стоит 7 р. 80 коп., а отдельные выпуски по 1 р. 20 коп. - это ведь уже слишком!). Прибегать к самой естественной помощи в исканиях орнаментации — к помощи природы — у нас не принято, точно так же, как мало принято искать мотивы в области древностей. Между тем, если извлечение орнаментов из природы требует значительной подготовительной работы, то памятники старины дают вполне готовый материал (о чём мне приходилось уже говорить в статье «Искусство и археология»). Если не гнаться за шаблоном, то пользоваться этим источником — не трудно и вполне целесообразно.

Ещё недавно, при чтении новой, весьма интересной работы Д. Н. Анучина («К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. Из материалов по археологии восточных губерний, изд. Имп. Моск. Археол. общ.», т. 3, М., 1899), меня невольно остановили на себе иллюстрирующие её древности, по своей непосредственной пригодности к применению для мотивов мебели. Большая часть этих древностей словно была вырезана специально именно с такую целью и могла бы идти в дело без каких бы то ни было изменений. Например, для спиннок к сиденьям или бочку люльки. Приложенные же проекты кресел и стульев являются достаточно ясным тому доказательством: я нарочно набрасывал их почти механически, без всякой компоновки и изменений, да и то они дали интересный звериный стиль, могущий украсить любое помещение, а выделка их не сложна и доступна даже простому плотнику, ибо вряд ли древние чудины располагали большим мастерством, нежели наши костромичи. Помещённый здесь рисунок для резной спинки стула, изображающий многоголового змея с драконьими головами, если бы только не было подписи, что он взят целиком из чудских древностей, — наверное, некоторые лица с удовольствием пристегнули бы к декадентству!

Возвращаясь к художественным магазинам, нельзя не заметить, что одну из доходных статей их составляют, как видно, ничего общего с искусством не имеющие фотографии садовых артисток-кривляк: точно для этой продажи нет более подходящего места, точно и среди художественных принадлежностей непременно надо напоминать об этих наших, вовсе некультурных, проявлениях.

Там же продаются и различные багеты для рамок - характерные выразители шаблона, всосавшегося в плоть и кровь нашей современности; но, по

счастью, теперь, кажется, начинают сознавать, какую важную и нераздельную для картины часть составляет рама, а потому сбыт фабричного багета ограничивается более средою закоренелой буржуазии.

Однако если все эти товары художественных магазинов: плохие копии, пошлые оригиналы, не идущие к делу фотографии, багеты — противны для искусства, то ещё противнее их, в первую голову, так называемые руководства к живописи: что-то дурное в корне, просто какой-то преднамеренный разврат — сказывается в них.

Первоначально я думал, что эти книжки не имеют ровно никакого значения: никто их не покупает, никто в них не заглядывает; но, оказывается, они выходят повторными изданиями, и любители прямо ссылаются на них, как на авторитет. Один товарищ рассказывал мне, как его ученик достал себе подобное руководство и заявил ему, что стоит лишь запомнить рекомендованные в книге сочетания тонов, а писать вовсе нетрудно! Странные советы преподают эти руководства. Одно, например, советует заучить известные общие эффекты, (оставить себе грамматику эффектов. Другое (одно из самых распространенных изд. в 1896 г.) восстаёт против такого шаблона, против манерности, и совершенно справедливо замечает, что «манерность приводит к односторонности вычурности в ущерб верности природе». Затем оно же пытается сказать ещё нечто глубокомысленное: «За последнее время мы замечаем новое движение, зародившееся во Франции и оттуда перенесённое в Бельгию и Италию. Движение это — погоня за новизной, приведшая к самым нежелательным странностям, особенно в ландшафте. Причудливый колорит, зелёный воздух, голубая растительность и прочие нелепости, не внёсшие с собой ни силы, ни глубины, — вот последствия этого нового направления. В Германии, особенно в Мюнхене, это направление, совершенно пренебрегающее колоритом, дошло в своих курьёзных странностях до полного неразумия».

Покончив таким образом с новым направлением, руководство начинает уже руководить, предлагая:

«Солнце можно писать, смотря по обстоятельствам, — неаполитанской жёлтой с белилами и немного киновари».

«Облака вообще пишут чёрной и белой с красной и синей. Для блестящих тонов берут киноварь, для сумрачных — индийскую красную».

«Облака в ландшафте, освещённом луной, требуют: чёрную с ультра-марином или кобальтом; чёрную с флорентийской коричневой и кобальтом, также с madderbraun и индиго».

«Луна: светлая охра с белилами» (и коротко, и ясно!).

«Для сероватой воды: ауреолин с синей и madderbraun или пурпурным крапом; кобальт с madderbraun и сиеной, чёрная и белила и др.»

«Для скота светлого цвета служат преимущественно: жёлтая охра, одна пли с жжёной сиеной, с жжёной светлой охрой, с киноварью и др. Специально для овец и коз: жжёная охра, золотистая охра, одна или с вандиком коричневым, потом умбра (все краски с более или менее значительной примесью белил)».

«Для мужских одежд мы рекомендуем преимущественно брать тёмные краски, для женских и детских — яркие».

«Чтобы придать эскизу более законченный вид, например, в эскизе отдельно стоящих деревьев, на заднем плане помещают как бы в тумане исчезающий лес, который набрасывается несколькими мазками серо-фиолетового

тона или сгущённого тона неба. Впечатление получается чрезвычайно благоприятное».

Рецепты в том же духе продолжают на 200 страницах, словно обнаруживая неистощимый юмор автора. Если только они изданы не для шутки, то, очевидно, необходимо принять против них какие-нибудь (разумеется, не полицейские) меры, как против всяких непристойных изданий.

Искусство и художественная промышленность. 1899. Август. № 11 С. 914-918.

Н.К. Рерих. Проекты мебели на основе образцов пермского звериного стиля. 1899.
Рисунок.

Н.К. Рерих. Проекты элементов мебели. Пермский звериный стиль. 1899

Н.К. Рерих. Рисунок для резной спинки стула. 1899.

29 августа 1899 г.

НАГРУДНЫЙ ЗНАК ДЛЯ АРХЕОЛОГОВ

Профессора архитектуры г. Парланд, А.Н. Привалов и художник Н.К. Рерих представили в Археологический институт проекты нагрудного знака, право на ношение которого предоставлено членам института по новому уставу.

Россия. 1899. 29 августа / 10 сентября. № 123.

Проект нагрудного знака.

Нагрудный знак для археологов

СЕНТЯБРЬ

2 сентября 1899 г.

«В СОВЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА».

Преподавателя Санкт-Петербургского Археологического Института, художника Николая Константиновича Рериха

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Многочисленные экскурсии, предпринимавшиеся Археологическим Институтом с целью практического ознакомления слушателей Института с делом раскопки, достаточно ясно доказали несомненный интерес к ним в среде слушателей и членов Института, так что в прошлом году число участников такой поездки достигло до 43 - цифры для дела, потребовавшего целого дня, весьма крупной. Раскопки Института, производимые до сих пор лишь с целью практики, будут ещё привлекательнее, если в основу их будет положена известная система, так что, удовлетворяя практической задаче, они внесут вклад в успехи археологии.

Район Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской губерний, областей наиболее близких археологическим учреждениям столицы, в настоящее время представляет благодарную почву для небольших археологических задач. Санкт-Петербургская губерния ещё не имеет своей археологической карты, а между тем целый ряд изысканий Ивановского, Бранденбурга, Шмидта, Мальмгрена, Раевской, мои и других уже настолько выработал общую картину курганных и прочих древностей Водской пятины, что необходимо только несколько небольших раскопок и проверок и Археологическому Институту сделается вполне достижимо составление археологической карты Санкт-Петербургской губернии, то есть восполнение весьма важного пробела местной археологии. 200-300 рублей, из ассигнованных на практические занятия, были бы достаточными для ежегодных затрат.

Последующими задачами могут быть выяснение древностей Ижоры, Води, Веси (при Белом озере) и Олонецкой губернии - всё это даст многолетний и богатый материал для работ Института.

Частными руководителями отдельных групп могут быть господа члены Института, на любезное содействие которых, полагаю, можно смело рассчитывать. Подобная работа даст возможность слушателям и членам Института не только ознакомиться с практикой самой раскопки, но также и с практикой разведок, являющихся столь важной частью всякой археологической работы.

Желание участвовать в прошлогодней экскурсии, выраженное мне многими не причастными Институту лицами, даёт повод предполагать, что допущение сторонних участников в раскопках будет небесполезно для археологии.

Если бы настоящее предположение встретило сочувствие, то я, с удовольствием, предоставлю на окончательное разрешение посредством работ Института несколько задач, занимавших меня последнее время при разработке древностей Санкт-Петербургской губернии. Выяснив весною число участников поездок, можно составить план задачи, распределение групп и ближайшие маршруты.

Художник Н.Рерих.

Дня 2 сентября 1899 года».

Машинопись, автограф. ЦГИА СПб., ф. 119, оп. 1, д. 80, л. 33 и 33 об.

7 сентября 1899 г.

Письмо Герцога Н. Н. Лейхтенбергского к великому князю Константину Константиновичу

Усадьба Горы. Новгородская губ. 7 сентября 1899.

Обращаюсь к Вашему Императорскому Высочеству, как Президенту Академии Наук.

Недалеко от моей усадьбы, на крестьянской земле, имеется интересный курган. По местным преданиям здесь в древние времена находился монастырь, который "во время литвы" взят неприятелем и разграблен. Около этого монастыря, которого я тщетно искал следы, в густом кустарнике и находится курган.

Насколько я понимаю, в этом случае мы имеем дело с древнейшим курганом, чуть не языческого периода; действительно весь курган покрыт был гранитными плитами, из которых многие видны над поверхностью земли, а кругом были врыты остроконечные плиты в виде венца или ограды. Эти остроконечные плиты и заставляют меня предполагать, что курган из древнейших.

Может быть, Ваше Императорское Высочество, найдёте возможным сообщить о кургане кому-нибудь из специалистов по раскопкам; и если найдётся охотник исследовать курган, то прошу его ехать прямо ко мне. Всё нужное для работ - рабочих, лошадей, инструменты и т. д. - я могу представить в распоряжение исследователя. Прошу только дать мне телеграмму накануне выезда (Окуловка, Герцогу Лейхтенбергскому). Ехать же следует до станции Окуловки, Николаевской железной дороги; я просил бы также лицо, желающее взяться за это дело, приехать не позже 15 сентября или после 10 октября.

Вашего Императорского Высочества покорнейший слуга,

Поручик Герцог Лейхтенбергский

19 сентября 1899 г.

Из дневника Н. К. Рериха:

19 Сент. 99 г. Стасов передал мне сведения о керченской катакомбе и о подвалах Черниговского собора; говорит, если не доживу, то завещаю вам эти дела, у вас есть преданность и любовь. У него был Боткин и жаловался на меня, что, де, молодые люди соскочат со школьной скамьи и критикуют таких почтенных людей, как он и Соловьев. Хотят, де, выслужиться и угодить кому-то. Интересно, перед кем я могу выслужиться, когда кроме врагов никого моими писаниями о Софии не приобретаю. Как это люди всё на свой подленький аршин меряют. Если бы не Архип, не к кому бы и обратиться за добрым словом.

Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44/13. 6 л.

НОЯБРЬ

4 ноября 1899 г.

Отчёт по командировке комиссией для исследования древностей при деревне Дубня Порховского уезда Псковской губернии

Поездка моя в **деревню Дубня**, Порховского уезда, Псковской губернии, вызванная отношением Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, вследствие донесения начальника X участка строящейся ветки от станции Дно (Бологое — Псков) о находке пещер и черепов при разработке балластного карьера, выяснила нижеследующее.

Выехав из Санкт-Петербурга (3 Августа) через Псков и Порхов на станцию Дно, я, на земских лошадях, проехал до разрабатываемого карьера, находящегося от станции Дно на расстоянии 15 вёрст. Ещё на станции инженер предупредил меня, что, в сущности, пещер никаких не найдено, а за таковую был принят промежуток, образовавшийся в могиле при нетлении трупа, так как карьер разрабатывается на месте бывшего кладбища.

Место карьера представляло обширный песчаный холм, проданный на вывоз крестьянами Правлению железной дороги. Ко времени моего приезда уже около $\frac{3}{4}$ холма было выкопано. На пространстве всего холма оказалось старообрядческое кладбище (в деревне Дубня и посейчас много староверов), по словам ямщика, служившее местом погребений ещё в очень недавнее время. Могилы не носили признаков внешнего устройства, не видно ни камней, ни крестов, и расположены в беспорядке.

Погребения имеют направление с Запада на Восток, лицом на Восток. Руки скрещены на груди. Хорошо сохранились остатки гробовищ.

Кости жёлтого цвета, очень хорошей сохранности, в настоящее время собраны в большом количестве в одну общую яму.

Намёк на пещеры, кроме оседания земли, дали ещё старые лисьи норы, прорытые в песчаном грунте холма. Находок, кроме костей и гробовищ, при раскопке никаких не сделано²³⁰.

Таким образом, выяснилось, что кладбище при деревне Дубня археологического интереса представлять не может, вследствие своего позднего происхождения, что и имею честь сообщить Комиссии в дополнение к ведомости издержек, представленной уже ранее.

Художник Н. Рерих.

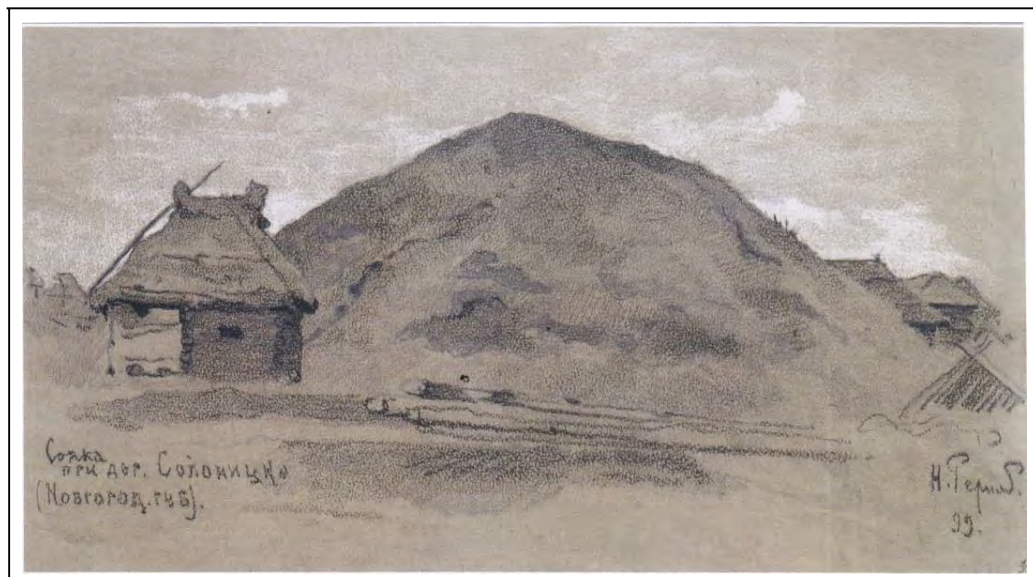
Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 159/1899, л. 14, 14 об.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара. Изд. «Агни». 1999.

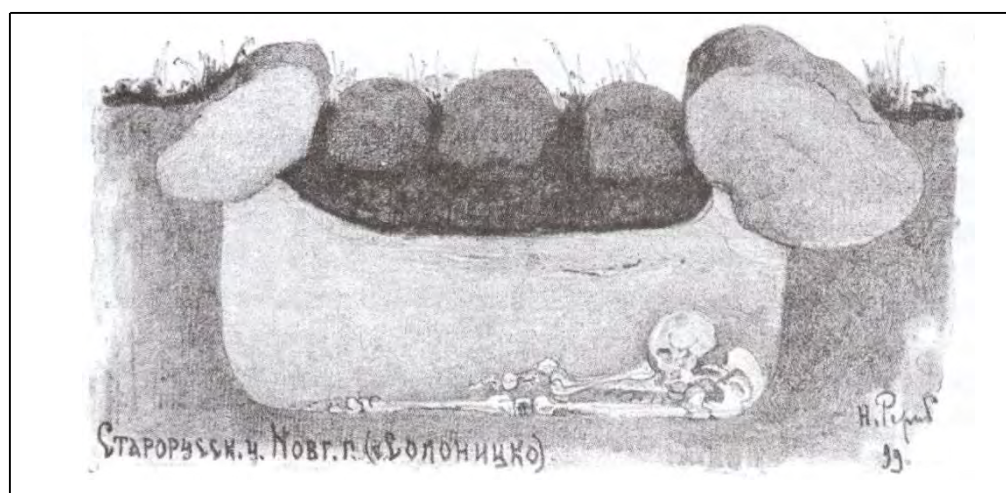
Иллюстрации Н.К. Рериха к статье А.А. Спицына «Сопки и жальники»

А. С.

Сопки и жальники

Н.К. Рерих. Сопка при деревне Солоницко. 1899.

Н. К. Рерих. Д. Солоницко. Старорусский у. Новг. г . 1899 г.

Записки Императорского Русского археологического общества. 1899. Т. XI. Вып. 1-2. С. 142 – 155.
Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Выпуск, I. СПб. 2004.

Н. Перих

**НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНОСТИ ШЕЛОНСКОЙ ПЯТИНЫ И БЕЖЕЦКОГО КОНЦА
(Раскопки, произведённые в 1899 году по поручению Императорского Русского археологического общества)
С рисунками автора**

Новгородская и Псковская губернии - области бывш. Шелонской пятины и Бежецкого конца, столь значительные в археологическом отношении, как известно, исследованы ещё очень недостаточно. Наибольшей систематичностью, конечно, отличаются изыскания в Новгородской губернии, в которой раскопки самых громоздких памятников-сопок, расположенных по течению главных рек, можно считать более или менее законченными. Также довольно много имеется сведений о жальниках новгородской земли, но темнее всего обстоит дело, как в Новгородской, так и в Псковской губернии с курганами невысоких типов, считавшимися переходными от сопок к погребениям жальничным. В обеих губерниях таких курганов было раскопано, в общем, изрядное количество, но эти раскопки в большинстве казались случайными, разной тщательности, так что результаты их давали пёструю картину и недостаточно намечали связь с древностями соседних областей; для приведения таких изысканий в порядок и для выяснения некоторых догадок теоретических, в свою очередь, требуются новые, скорее поверочного характера, работы, необходимые тем более, что в близлежащих губерниях являются вопросы, при решении которых древности исконных уголков Руси — Новгорода и Пскова — должны служить отправным основанием.

Настоящая раскопка, произведённая минувшим летом в пределах Новгородской и Псковской губерний, является одною из таких дополнительных работ в этой области. Ближайшие задачи раскопки были обусловлены запискою проф. Н. И. Веселовского и А. А. Спицына, представленною ими в Императорское Русское археологическое общество при обсуждении начала повременных раскопок, намеченных обществом с текущего года. Эта записка подробно выясняет план и задачи моих раскопок. В записке говорится: «Целью раскопок 1899 года можно было бы положить определение погребальных рядов и типа вещей у новгородских славян между временем сопок и жальников, т. е. приблизительно за время от IX по XIII в. Для достижения этой цели надлежит выбрать для раскопок местность:

1) несомненно принадлежавшую новгородским славянам, 2) такую, которая представляла бы совершенно достаточное количество изучаемых памятников древности. Такою местностью, по нашему мнению, прежде всего, является часть Старорусского уезда, расположенная между нижним течением Шелони и Ловати. Местность эта, находящаяся в центре новгородской земли, представляет собою обособленный уголок, так как почти со всех сторон она окружена водою или болотами; курганов на ней известно уже значительное количество (д. Подгощи, Витень, Коростынь, Солоницко, Парник, Городцы, Раглицы, Гарцы, Горки, Великое Село, Еваново и др.), а в действительности их, без сомнения, ещё больше. При исследовании необходимо воздержаться от раскапывания больших сопок, как памятников в значительной степени определившихся, и от исследования поздних жальников, также известных и не представляющих

для данной минуты интереса. Раскопки следует направлять на курганы средней величины и на древнейшие жальники, представляющие небольшие возвышения, обставленные кругом крупных камней и иногда обложенные по поверхности мелким булыжником. На основании имеющихся фактов можно теоретически предполагать, что в указанном районе встретятся следующие обряды погребения: 1) погребение урн с сожжёнными костяками в круглых или длинных насыпях (IX-X вв.); 2) сожжение трупа на месте (X, отчасти XI в.); 3) погребение несожжённого трупа в сидячем или лежащем положении (XI—XII вв.); 4) погребение в грунтовых ямах, может быть, с каменными крестами наверху насыпи (XII—XIV вв.). Следует подвергать раскопке всю группу курганов или большую часть её, если пробная раскопка одного-двух курганов покажет, что группа представляет новый тип насыпей...»

На определённо и точно поставленные упомянутою запискою вопросы описываемая раскопка может дать ответы достаточные. Прежде всего надо отметить, что в показанной запискою местности, т. е. в Старорусском уезде, искомым древностей не оказалось; в этой местности были найдены сопки (от раскопки которых, как памятников уже достаточно подробно исследованных, надо было воздержаться), обширные каменные круги неизвестного назначения и поздние жальники, за исключением разве одного жальничного погребения при дер. Солоницко. Между тем, с достоверностью можно утверждать, что на указанном плоскогорье Старорусского уезда курганы малых типов не найдены не случайно, а вообще этой местности они неизвестны, и при отмеченных запискою поселениях, напр., Подгощи, Солоницко, Витень имеются лишь сопкообразные крупные насыпи (в большинстве случаев уже исследованные), а при некоторых, напр., Раглицы, село Великое, Городцы, никаких древностей не известно, несмотря на тщательные разведки. Так что вполне подтвердились предостережения знакомого с этой местностью кн. П. А. Путятина, указывавшего на заседании Русского отделения, где была прочтена записка и обсуждалась моя поездка, что, по-видимому, в намеченных местах Старорусского уезда курганов средней величины ожидать трудно. О том же предостерегал меня В. С. Передольский и В. В. Передольский, когда я был у них проездом в Новгороде. Но тем не менее нельзя было уклониться от намеченной поездки по Старорусскому уезду и в виду того, что даже без желаемых находок описание местности и опросы крестьян могли быть важны для поставленных запискою задач. Поездка по Старорусскому уезду была чрезвычайно утомительною, особенно вследствие осторожного отношения местного населения, по преимуществу старообрядческого. Вполне отрицательный результат получился на разведках при 53 деревнях, а между тем среди крестьян попадались люди не только знакомые с внешним видом невысоких курганов, но даже лично работавшие при раскопке их. Так, сотский села Великого с уверенностью объяснил, что по всей округе невысоких курганов с камнями в основании он не видал и о них не слыхал; на вопрос знает ли он вообще, что такое курганы (так как во многих местах курганами называются землемерные знаки и с радостью на вопрос о курганах дают утвердительные ответы, которые на деле немало не оправдываются), рассказал, что во время отбывания воинской повинности он целое лето раскапывал курганы в Петергофском уезде (СПб. губ.) при Л. К. Ивановском и потому знает курганы очень хорошо; видно было, что о раскопке у него сохранились приятные воспоминания. На вопрос о жальниках он ответил, что таковые есть в местности, но на них и до

сей поры хоронят староверов. Показания такого хожалого человека оказываются очень ценными. Кроме одного жальничного погребения, нескольких обширных каменных кругов неизвестного назначения, потому что прямых указаний на их погребальное происхождение не найдено, и рисунка сопки (рис. 6 на стр. 145)* [см. выше – *ред.*], изображения которых до сих пор были слишком схематичны, ничего интересного названная местность Старорусского уезда не могла дать; оставалось подвинуться в соседние области новгородской земли и отметить, что на северной возвышенности Старорусского уезда погребения типа сопки сразу сменились жальничными погребениями, без переходных типов невысоких насыпей, - быть может, вследствие раннего распространения в этой местности христианства. Жальничных погребений в означенном районе также мало, и почти все они служат местом погребений староверов и до сего времени, и тем самым раскопка их невозможна.

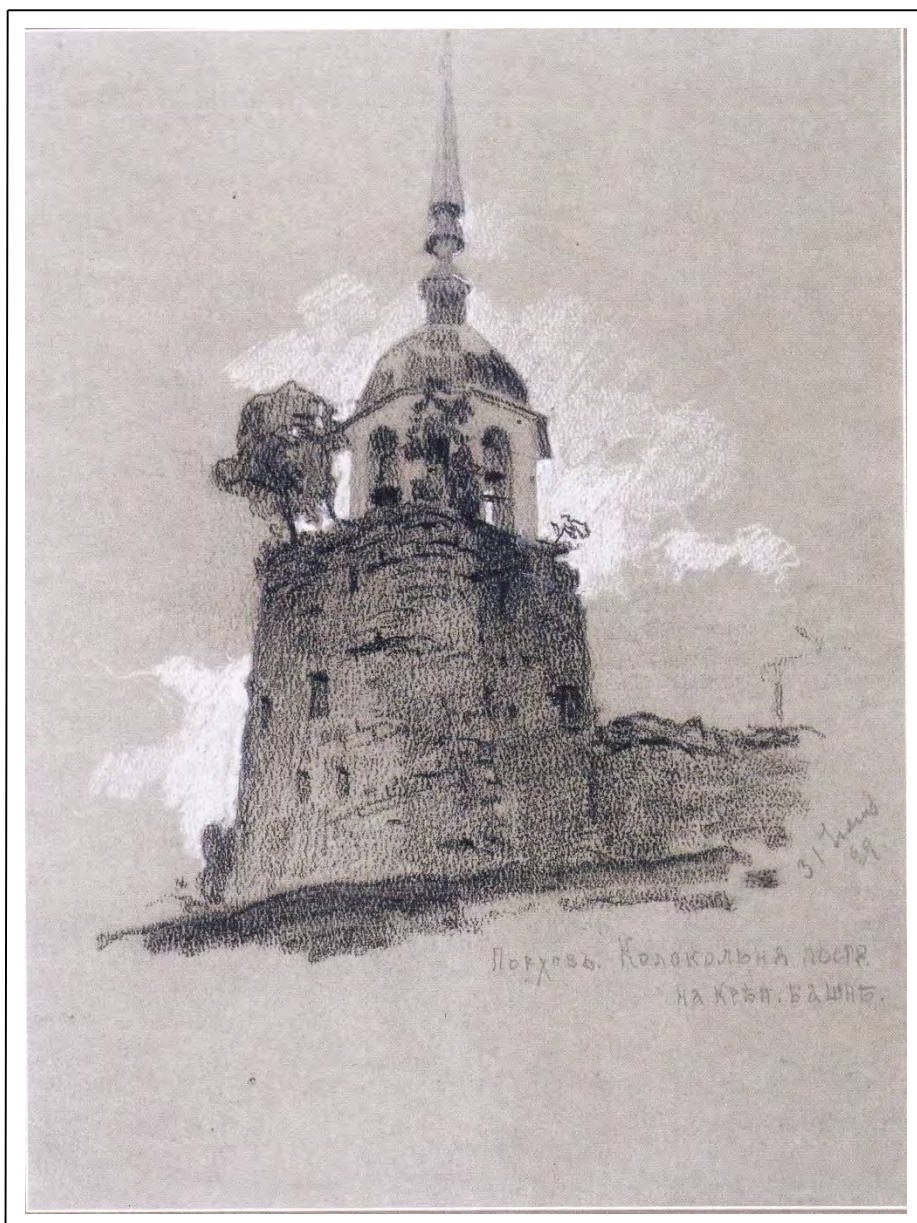
После раскопок и разведок в Старорусском уезде я направился в соседний район Порховского уезда Псковской губ., который оказался много богаче по материалу для работ, нежели предыдущий. Выбор района Порховского уезда явился у меня из желания связать исследования в Новгородской губернии с раскопками г. Глазова в Псковской и в Лужском уезде СПб. губ., чтобы покончить с этим краем и иметь возможность перенести работы в Валдайский и Боровичский уезды.

Раскопки в Порховском уезде дали почти все типы погребений, предположенные запиской Н. И. Веселовского и А. А. Спицына, причём интересно было сопоставить курганные находки с находками из близлежащих жальников. Как видно из нижепомещённых перечней находок, почти все они находят соответственные аналогии в атласе при издании раскопок Ивановского и свидетельствуют об единовременном происхождении курганных насыпей и многих жальничных погребений.

Такая несомненная одновременность невысоких курганов и жальничных погребений невольно вызывает догадку, что количество мелких курганов Новгородской области не служит показателем временным и племенным, но показателем распространения и влияния христианства. К этой догадке приводят наблюдения непосредственного перехода от сопкоподобных насыпей к жальничным погребениям в Старорусском уезде, близком первому воздействию христианства, и постепенное увеличение курганных насыпей в дальних концах пятин Новгорода, напр., в Порховском, Лужском и особенно Ямбургском и Петергофском уездах; позднему присутствию курганных погребений с отголосками языческих обрядов поражаться нельзя, так как известно, что напр., водь (по писцовым книгам чудь) клала мёртвых по курганам ещё в XVI веке.

После раскопок в Порховском уезде, при любезном посредстве кн. П. А. Путьятина, мне удалось сделать небольшую раскопку вблизи местности Бологого Валдайского уезда. Раскопка обнаружила лежащее погребение на материке на обширной зольной подстилке, лицом на запад и тем дало новые данные к задаче, указывая на возможность поучительных аналогий в районе Валдайского, Боровичского и Демьянского.

Обозрение исследованных местностей можно начать с Порховского уезда, чтобы, подвигаясь на восток, остановиться у границ Боровичского, как подлежащего ближайшим исследованиям.

Н.К. Рерих. Порхов. Колокольня, построенная на крепостной башне. 31 июля 1899.

1. Порховский уезд

Порховской уезд довольно обилен древностями от X до XV вв. (сопки, курганные группы, жальники, городища), но тем не менее раскопки в его пределах, так же, как в следующем - Старорусском, могли быть произведены с большими затруднениями, вследствие сложности разведочной работы; эту работу пришлось выполнять на месте, посредством расспросов местных жителей, так как сведения, найденные мною в Петербурге, оказались слитком неточными, до упоминания несуществующих селений включительно. Если бы была возможность запастись более новыми и обстоятельными указаниями (помимо официальных полицейских), то сберегалось бы много времени и средств, потраченных на расспросы и разведочные разъезды.

Рис. 40.

В Порховском уезде прежде всего было осмотрено кладбище при дер. Дубня (рис. 40), о котором Правление железной дороги Псков-Бологое известило Археологическую комиссию. Инженер, проводящий линию Дно-Новосокольники донёс в Правление, что при разработке балластного карьера найдены пещеры и черепа. На деле же пещеры оказались не чем иным, как старыми лисьими норами, прорытыми в песчаном холме староверского кладбища. Значительная часть холма оказалась уже раскопанною на потребности железной дороги. По-видимому, могилы не носили следов внешнего устройства, находок, кроме остатков гробов, при раскопке никаких не было сделано, к тому же кости, которые сложены теперь в одну общую яму, очень позднего происхождения, так что археологического интереса кладбище при Дубне представлять не могло. Попутно были опрошены деревни Дно, Скново, Блошна; крестьяне указали, что в 15 верстах от Порхова около с. Вольшева имеются 2 нераскопанные сопки высотой 4—5 арш., невысоких же курганов и жальников в местности Дна и Дубни не оказалось.

Из Порхова (где в полуверсте от крепости вверх по Шелони имеется городище четырехугольной формы со следами вала) общие указания направили меня в северо-западную часть уезда, как наиболее богатую древностями.

Таким образом, главные раскопки в Порховском уезде сосредоточились в северо-западном и северо-восточном крае уезда, смежном с уездом Лужским (СПб. губ.), по среднему и нижнему течению рек Шелони и Удохи, местам высоким, красивым, издавна пригодным для поселения. В 18 верстах от Порхова на северо-запад начинается бугристая возвышенность, значительной высоты. По всей местности с любовью рассказывается, что возвышенность эта искусственного происхождения и насыпана в защиту от Литвы; непомерный объём бугров нимало не смущает рассказчиков. На высшем пункте этих холмов (известных под названием «гривок») расположено село Дубровна, раскопки в окрестностях которой оказались особенно интересны. По пути в Дубровну были произведены разведки в деревнях Заклинье, Лаз, Крючкина, Уза, Подклинье, Подгривье, Головино, Бор, Верхние Горки.

При дер. Верхние Горки был осмотрен холм, около которого выпаживали кости; на этом месте, по словам крестьян, хоронили староверов. В 1 версте от этого холма на земле дер. Головины были найдены 3 кургана и вблизи них остатки распаханного жальника. Высота курганы были: один — 2 арш., другой — $\frac{3}{4}$ арш., третий был раскопан раньше. Все курганы сползли по скату

холма, грунт насыпей слабый, светлый песок. В основании насыпей круг валунов, в одном на запад положен валун особо большой величины, характеризующий положение трупа, погребённого в сидячем положении, лицом на восток; в следующем кургане (выс. 2 арш.), также с сидячим погребением, костяк помещался лицом на юг. Кстати замечу, что направление костяков на север и юг, встречавшееся и в курганах СПб. губ. (но не более 4 или 5 %), в Порховском уезде оказалось в гораздо большем проценте. В кургане с направлением костяка на восток руки были сложены на груди, во втором погребении руки были вытянуты вдоль тела. Оба погребения были на возвышении; в первом случае, т. е. при общей высоте насыпи в $\frac{3}{4}$ арш., возвышение было в 6 верш., во втором, при общей высоте 2 арш., возвышение достигло $\frac{3}{4}$ арш. Под костяками в обоих случаях следы золы, отдельными кучками (не сплошным кострищем, как часто бывает в курганах этого типа); в высоком кургане с правой стороны таза мелкие кости ребёнка. Находок в означенных курганах не оказалось. Ниже курганных погребений, среди пашни, были замечены камни, составлявшие части окружностей от 2 арш. до 12 арш. по диаметру; было насчитано 6 остатков таких жальничных погребений. Крестьяне рассказали, что и при пахоте им не раз приходилось выпаживать кости, но предметов находимо не было. Сделав несколько пробных ям без результата, наконец, удалось напасть на костяк, принадлежавший погребению, отмеченному кругом валунов до 10 арш. в диаметре (многие камни уже убраны). Костяк лежал головой на запад, на глубине 11 верш, с поверхности пашни. Кость плохо сохранилась. Руки сложены у лонного соединения. Форма могилы, быть может, овальная, но с точностью определить её нельзя, ввиду мягкого песчаного грунта. Ни предметов, ни золы около костей не найдено. Крестьяне уверяют, что прежде подобные каменные круги были разбросаны по всему полю, но где именно, теперь не удалось собрать указаний. Хотя при Головицах находок никаких не сделано, но раскопка эта интересна тем, что дала связь между курганами и жальниками, особенно резко выступающую по ознакомлению с жальником при дер. Вязка, в $\frac{3}{4}$ версты от Головин. При деревне Вязка находится полевая группа низких курганов и могил, всего числом 22. Одна из насыпей достигает до $\frac{3}{4}$ арш. высотой, две - до $\frac{1}{2}$ арш. выс.; остальные представляют каменные круги от 4 до 8 арш. в диаметре. В 8 таких могилах восток и запад отмечены большими валунами, в 5 случаях вся площадь круга сплошь выложена крупными булыжниками. Раскопан наибольший курган ($\frac{3}{4}$ арш. выс, 5 арш. в диам., в основании два ряда валунов) и две могилы, одна выложенная камнем по всей площади круга, другая отмеченная каменным кольцом. В насыпи кургана на глубине $\frac{1}{2}$ арш., в центре была найдена зольная тонкая прослойка. На глубине 1 арш. 9 верш., в могиле длиной 3 арш., шириной до $1\frac{3}{4}$ арш. помещался костяк в лежачем положении, со скрещенными на груди руками, направление головы на запад. Под костями начинался глинистый крепкий грунт. Предметов при Вязке не найдено. В могилах костяки положены на глубине 1 арш. в одной и 14 верш, в другой, при начале глинистого грунта. Направление костяка - головой на запад. Руки скрещены на груди. Форма могилы овальная при 3 арш. большого диаметра. Ни золы, ни находок в обеих могилах не оказалось. Подобные могилы без предметов и без угля, как увидим, встречены ещё при Ватине, Боркине и Вышкове.

Рис. 41.

Обе описанные раскопки (и при Головицах, и при Вязке) принадлежат уже к району Дубровны, от которой отстоят на 1¹/₂-2 версты.

Рис. 42.

Прилагаемый рисунок Дубровны (как наиболее типичного места в окрестности) набросан с места раскопанного жальника (рис. 42). Дубровна Селение старое; о ней есть летописные упоминания между 1135 и 1137 годами. Князь Святослав Ольгович остановился в Дубровне во время похода на Псков, для изгнания Всеволода: «И сдумавше князь и людие на пути, вспятишесе на Дубровьне». По писцовым книгам 1584 г. значит: «На погосте храм Рожество Пречистой, да на полатах Никола Чудотворец, каменная церковь». Недалеко от р. Удохи, пониже Дубровны на церковной земле мне был указан жальник; внешнее устройство его состояло из каменных кругов (диам. от 3 до 4 ½ арш.) и овалов. На востоке и западе валуны особенно большие. Всего было насчитано 11 погребений, но, как говорят, их было несравненно больше, но теперь многие уже распаханы. Раскопано было 9 погребений, давших следующую картину. Глубина могил везде была почти одинакова, обуславливаясь близостью глинистого грунта, т. е. от 1 ½ до 1 арш. 10 верш. Могилы продолговатые длиною 3-3 ¼ арш.*)¹, шириною 1 ½ арш. (скорее четырёхугольные, нежели овальные очертания их трудно определить с точностью, ввиду мягкого песочного грунта), направлением с востока на запад; костяки лежат лицом на восток с неизбежными отклонениями. Руки погребённых сложены на груди кре-

¹ Такая длина могил, встречается весьма редко.

сто и только в одном случае вытянуты вдоль тела. В двух могилах в верхней части слабые следы золы и во всех пласт золы под костяками, очевидно перенесённый с кострища. Часто слой золы имеет неправильную форму, распространяясь не во всю площадь дна могилы.

Рис. 43.

В кургане № 18 на шее костяка найдено: образок (см. рис. 43), крест в круге, 2 серьги тонких проволочных, привеска (верхняя коническая часть бубенчика) и 6 бус - одна серебряная (филигрань), прочие терракотовые. Крест, типа «Кург. СПб. губ. в раскопках Л. К. Ивановского», таб. V, 2, но с ординарным ободком.

В кургане № 21 найдены на левом запястье: браслет типа 14, IV, но с золотым геометрическим орнаментом, два кольца типов 5, III и 10, III (последнее с промежуточной проволокой без перевита) и, наконец, на поясе сложенная в несколько раз изоржавевшая железная цепочка до 2-х вершков с насаженными по концам собачками типа 18, XIV (рис. 44).

Рис. 44.

В кургане № 25 найдены 2 браслета типа 2, IV, 2 подвески (на груди) типа 20, XI и на поясе подвеска-колокольчик. При прочих погребениях Дубровинского жальника предметов не найдено. В районе Дубровны уже замечаются и сопки; так при селе Чубарево в 1 версте от Дубровны находилась сопка, раскопанная, кажется, Ивановским.

На противоположном берегу р. Удохи наискось от предыдущего жальника на земле крестьян, деревни Заречье был исследован четырёхугольник (12 x 9 арш.), состоящий из крупных валунов, но, несмотря на 3-х аршинные поперечные разрезы, никаких признаков погребения обнаружено в нём не было. Быть

может, происхождение четырехугольника не погребальное, или же погребение было чересчур мелко, так что разрушилось при распашке.

В нескольких саженьях от этой каменной фигуры находится усадьба волостного правления дер. Заречье. Волостное правление выстроено на месте жальника, раскопанного рабочими при кладке фундамента. Устройство могил, по словам копальщиков, было совершенно сходно с раскопанными мною при Дубровне, с тою разницей, что иногда каменный круг основания могилы заменялся лишь двумя валунами на восток и запад. Предметы, найденные при этой раскопке, были в своё время направлены в Псков и теперь находятся в псковском музее. А. А. Спицын при обозрении Псковской губернии упоминает об этих предметах: «Из каких-то раскопок, произведённых близ дер. Заречье Порховского уезда, близ границ СПб. губ., в псковском Археологическом музее имеется коллекция вещей, вполне сходных с вещами, добываемыми из петербургских курганов XI—XII вв.: 10 серебряных, тонких круглых бляшек, орнаментированных зернью, бляхи, подвески, 4 серебряные пряжки, 2 пряжки, украшенные посередине выступающим крестиком. Происхождение этой коллекции неизвестно» (стр. 18). Это и есть предметы из жальника, на месте которого стоит ныне волостное правление; устройство же жальника было сходно с раскопанным мною, до зольных слоев на дне могилы включительно (по показаниям работавших на постройке крестьян).

В этом же районе на земле дер. Батино есть могильник, содержащий до 40 могил овальной и четырехугольной формы, обставленных валунами, с направлением от востока на запад. Почти все могилы заросли старыми елями. Было вскрыто 5 могил, давших такую картину погребения: в песчаном грунте вырыта продолговатая четырехугольная могила длиной от 2 $\frac{1}{4}$ до 3 арш., глубина которой доходит до нижнего глинистого крепкого слоя и колеблется от 1 арш. до 1 $\frac{1}{4}$ арш. Костяки лежат лицом на восток. Кость тёмно-жёлтая, хорошо сохранившаяся. Не найдено ни предметов, ни золы, ни гробовищ. Такой же совершенно жальник был раскопан на земле мызы Боркино (см. рис. 45).

Рис. 45.

Разница в устройстве Боркинского жальника заключалась в большей глубине погребений, достигающей до 2 арш. (жальник расположен на высоком песчаном бугре и в более коротких могилах, не превышавших 2 $\frac{3}{4}$ арш.). В одном случае погребение оказалось в сидячем положении, лицом тоже на восток, и над могилой намёк на неопределённое возвышение. Такое погребение имеет

прямое отношение к соседней лесной курганной группе, расположенной в 400 шагах от жальника. Курганная боркинская группа оказалась почти вся раскопана владельцами имения, но, тем не менее, нашлось 10 неисследованных насыпей (далеко не лучших).

Боркинские курганы, числом 30, имеют до $1\frac{3}{4}$ высоты, расплывчатой формы, поросли лесом и высоким папоротником, разбросаны в беспорядке. В основании насыпей круг валунов, иногда очень небрежный. Число валунов изменяется; в нескольких случаях весь круг выложен ровными валунами, без больших промежутков, иногда же камни достигают значительной высоты и числом бывают не более 6. В 4-х случаях, при незначительной высоте (до 1 арш.), насыпь имела продолговатую форму, направлением с востока на запад. Эти насыпи имели прямое отношение к Боркинскому жальнику, так как заключали погребения в овальной могиле (глубиной в $\frac{3}{4}$ - 1 арш., длиной до $2\frac{3}{4}$ - 2 арш. 15 верш.), но в лежачем положении, лицом на восток (рис. 41). Обряд этот хорошо известен в СПб. губ., так же как и обряд погребения в остальных курганах. В прочих Боркинских курганных погребениях костяки найдены на уровне материка, лёжа (лицом на восток, а в двух случаях на юг) на кострище, распростирающемся на всю площадь кургана и достигающем иногда значительной толщины до 1 дюйма. В двух случаях в краях площади кургана сохранилось много угля от менее перегорелых концов плах. Разница во внешней каменной обкладке, более или менее многочисленной, не сказалась во внутреннем устройстве насыпи. Кость, благодаря сырости места, плохо сохранилась. Из предметов (в курганах с погребением на материке) найдено, в одном кургане, сломанное височное кольцо типа 10, I, но без привески, в другом — две бусы, в третьем одна буса (хрустальная, круглая).

У местных землевладельцев г-жи Брандт и г-на Тигезена мне пришлось видеть предметы, добытые из прежних раскопок в Боркинских курганах; все они вполне сходны с находками СПб. губ. и состоят из височных колец, бляшек, бус (особенно с золотой фольгой, бочёнкообразных, среднего и малого размеров), цепочек и бубенчиков типа 11, XI.

Такие же предметы были найдены мною в курганах на земле дер. Поддубье в 2-х верстах от Батина. Устройство курганов (вполне тождественное с курганами при Боркине) содержало погребение на кострище, на уровне материка, в лежачем положении, с направлением лица на восток в одном случае и на юг в двух. Поддубские курганы расположены посреди поля, числом 6 (два уже раньше раскопаны). Форма их расплывчатая, каменное кольцо основания малочисленно (от 7-9 валунов) и небрежно. На всей площади основания кострище. Грунт насыпей — песок, высота от $\frac{1}{2}$ арш. до $1\frac{1}{2}$ арш. Кость почти не сохранилась. В одном поддубском кургане найдено: 4 височных кольца типа таб. I, 14 (из них одно с 3-мя привесками — треугольники, орнаментированные кружками, с прилипшими остатками грубой ткани — от головного убора), куски пластинчатой гривны с закруглёнными концами, на правой руке кольцо, на груди две монеты: Цимисхия и западная XI в. и связка бус (13 среднего и малого размеров, обложенных золотой фольгой, и одна буса серебряная). Во втором кургане было найдено: 4 височных кольца и 6 бус (одна красная терракотовая, 3 среднего размера с золотой фольгой и две среднего размера, с серебряной фольгой). В третьем кургане (мужское погребение) у левого бедра костяка остатки ножа.

К этому же (Дубровинскому) району принадлежит и жальник при дер. Вышково. По внешности Вышковский жальник самый типичный из всех осмотренных мною за настоящую поездку. На пространстве около 1 десятины скучено более 50 могил самого разнообразного внешнего вида. Большею частью могилы сгруппированы по нескольку вместе, нередко образуя очень замысловатые фигуры, разобраться в которых нелегко. Или в основе имеется круг, к которому присоединены несколько каре различных пропорций.

Рис. 46.

Иногда к основной, очень длинной (6 арш.) клетке приставлены кружки и овалы разной величины, причём, как оказалось при раскопке, иногда особенно маленькие круги характеризуют детское погребение. В некоторых случаях при голове трупа ставился стоямя большой валун или плита. На прилагаемом наброске (рис. 46) имеем группу погребений, в которой к двум четырёхугольникам присоединён круг и маленькое каре. По находкам Вышковский жальник оказался чрезвычайно бедным. Внутреннее устройство могил таково: яма длиной от 2 ½ до 3 арш., глубиною не более 1 ¼ арш., продолговатая (четырёхугольная), с направлением с востока на запад. Костяки лежат лицом на восток. Руки скрещены на груди. Кость крепкая, тёмно-жёлтая. Около костей ясно заметны следы гробовищ, по-видимому, обёрнутых берестою или, быть может, сама колода была не обстругана (дерево находится сбоку и внизу под костями). Иногда круг камней бывает короче могилы, так что камни ставились, очевидно, уже после окончательного зарыванья ямы; в другом случае каменная клетка была длиной в 7 арш., тогда как могила не превышала 3 арш. Лишь в одном погребении были сделаны незначительные находки. На среднем пальце правой руки найдено тонкое бронзовое кольцо без орнамента и две серьги с нанизанными мелкими серыми бусинками (предметы позднего времени). Следов золы при Вышковских погребениях вовсе не встречено.

В северо-западной части Порховского уезда называют ещё следующие места, в которых находили и выпахивали кости или видели курганы: Радилово (курганы при Радиловском озере), Готовино, Клопово, Дубешна (остатки укрепления) и Ручьи.

Так как найденные погребения достаточно характеризовали древности района Дубровны, то я подвинулся на восток к Шелони, производя разведки, по пути, в селениях Колотилов Клин и Боровичи, откуда меня направили к по-

госту Опоки слухи, что там вымывает кости у берега Шелони. При Опоках особых древностей не оказалось, хотя погост Опоки упоминается первый раз одновременно с Порховым под 1346 годом в числе селений, разорённых Ольгердом. На месте нынешней приходской церкви стоял прежде Ильинский монастырь, упразднённый в 1688 году. По местности ходит предание, что на кладбище где-то находится затерянный подвал монастырский и библиотека; предание основано на том, что несколько десятков лет тому назад, во время вырыванья какой-то могилы, копальщики наткнулись на неизвестный старый свод, который не были в состоянии сломать и потому снова зарыли.

Против Опочского погоста на берегу Шелони в деревне Заполье видны остатки каменной церкви. Быть может, это церковь, о которой упоминают писцовые книги 1584 г. «Храм Николае Чудотворец... церковь каменна». Говорят, ещё не так давно были видны даже оконные отверстия, но часть камня разобрали на постройку, и теперь только с трудом можно разобрать квадратные очертания фундамента и двери. Подле церкви было кладбище; хотя в настоящее время внешность его совершенно сравнялась, но Шелонь ежегодно в полоую воду выхватывает куски берега, а вместе с ним вымывает и кости. На обрыве во многих местах можно видеть кости и остатки гробовых досок.

На том же берегу Шелони — выше на 2 версты, тоже подле самого обрыва (на земле дер. Булавино) расположен жальник. В нём около 20 погребений, представляющих каменные каре различной величины; внешнее устройство могил очень плохо сохранилось, к тому же большая часть их раскопана уже раньше. Найдено 5 погребений нераскопанных. В них костяки (очень плохо сохранившиеся) оказались погребёнными на глубине 1 $\frac{1}{4}$ арш. — 1 $\frac{1}{2}$ арш. в четырехугольной продолговатой могиле длиной от 3 - 3 $\frac{1}{2}$ арш. Направление могил и костяков во всех 5-ти случаях было с севера на юг, лицом на юг. Руки в 2-х случаях ясно вытянуты вдоль тела, в остальных погребениях трудно судить о направлении рук вследствие плохой сохранности кости. Под костями следы золы отдельными кучками (не кострищем). В одном случае была найдена на поясе привеска — баран, не встреченная в курганах СПб. губ. (рис. 47), кусок браслета без орнамента, кусок бронзовой спирали (около шеи) и куски железных шлаков.

Рис. 47.

На том же берегу вверх по Шелони, против деревни Каменки, на земле г. Карамышева расположена, часть раскопанная, курганная группа. Находка подобной группы весьма интересна, так как вносит новую ноту в местные древности; Каменская группа вполне аналогична древнейшим (XI в.) типам погребений СПб. губ., в которых на материке совершалось сожжение трупа и над кострищем возводилась невысокая насыпь, обыкновенно расплывчатой формы, вследствие оседания, иногда очень обильного, золы. Курганы при Каменке

числом до 15 (но несколько раскопано уже ранее) расположены в беспорядке на самом берегу Шелони; высота насыпей колеблется от $1 \frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ арш.; очертание расплывчатое; песчаный грунт насыпей местами ещё покрыт тощим мохом; единственное существенное отличие Каменских курганов от таких же Петербургской губернии - это отсутствие обычного в последних каменного кольца основания. Оттого насыпи ещё более выветрились и расплылись. Из 8 курганов 5 оказались с трупосожжением, остальные дали погребения (XII, XIII вв.) на кострище, в лежачем положении, со скрещенными на груди руками, причём два костяка были положены лицом на восток и один на юг. В одном случае погребения на кострище в насыпи замечены в верхних слоях две зольные прослойки, так знакомые по курганам СПб. губ. Погребения с трупосожжением, как и следовало ожидать, дали несложные находки: нож и черепки горшка, помещённого в ногах трупа. В курганах с погребением на кострище найдено: в № 44 кольцо от пояса, два кольца на левой руке (одно сломанное), бронзовое и серебряное, нож и железный болтик; в кургане № 46 пряжка; в кургане № 47 около висков: привески, с одной стороны бубенчик и собачка (типа 18, XIV), с другой - бубенчик и ложечка типа 14, XV (кажется, первый раз ложечка найдена привешенною около виска), две серьги - тонкие проволочные, на одну надето колечко, орнаментированное выпуклыми точками, и одно височное кольцо, монета с дырочкой времени 1047-1060 гг. Трира, вероятно, архиепископа Зиергарда. На груди бубенчик, привеска-треугольник на колечке типа 5, I и 4 бусы, из них 3 красные терракотовые и одна, обёрнутая серебряной фольгой. Подобных бус в СПб. губ. встречен несравненно меньшей процент, взамен янтарных, почти не найденных в Порховском уезде. С левого бока ножик и железный предмет неизвестного назначения.

Двигаясь к нижнему течению Шелони, я сделал разведки в деревнях: Сухлово, Должицы, Пески, Сойкино, Загорье, Плосково, Райцы, Молочково (погост, прежде монастырь), Заборовье, Отрада, пока, наконец, в дер. Любитово не нашёл могильника, совместившего в себе все типы местных погребений, как то: сопки, курганы и разнообразные жальничные погребения.

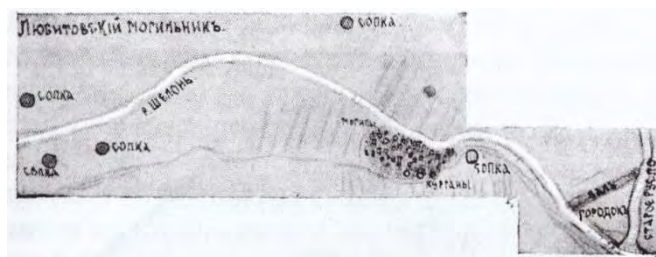

Рис. 48.

На приложенном примерном плане (рис. 48) видно, как среди системы сопкок (две из них раскопаны) раскинулся на берегу Шелони жальник; с северной стороны его стоят 3 кургана, высотой 2 - $2 \frac{1}{2}$ арш. В $\frac{1}{4}$ версты вверх по течению указывают городище, расположенное при впадении, теперь высохшей, речки в Шелонь; от городка сохранился лишь один вал, перерезающий угол, образованный слиянием рек. Любитовский могильник в будущем будет весь смыт в Шелонь; уже теперь, говорят, большая часть могильника обрушилась в

воду². Курганные насыпи в Любитове не имеют каменного кольца в основании, но хорошо сохранили форму усечённого конуса (см. рис. 49).

Рис. 49.

В одном кургане на вершине было мелкое ($\frac{1}{2}$ арш.) впускное, позднее погребение, охарактеризованное на вершине соответственным четырехугольником из булыжников. Костяк лежал лицом на восток. Руки скрещены на груди. Кость жёлтая, хорошо сохранившаяся. Сопоставляя это позднее погребение, быть может, относящееся уже к XV в., с соседними сопками, из которых одна стоит при самом могильнике, можно наблюдать, какие многовековые наслоения лежат на Любитовском поле от IX в. (сопки) до XV в. Под верхним впускным погребением, на глубине $1\frac{1}{2}$ арш. с вершины кургана, на возвышении от уровня материка в 1 арш. (так как вся высота кургана равнялась $2\frac{1}{2}$ арш.) было найдено второе погребение, в сидячем положении, обращённое лицом на восток. Кость второго погребения легко рассыпается. Под костяком, почти во всю площадь насыпи, кострище довольно массивное - до 1 дюйма толщины. В следующем кургане (высотой в 2 арш.) погребение было тоже в сидячем положении и на возвышении; на $\frac{3}{4}$ арш. от материка были обнаружены два костяка, обращённые лицом на восток.

Рис. 50.

На $1\frac{1}{2}$ верш, ниже их, в правой половине насыпи, оказались ещё два костяка (рис. 50), посаженные перпендикулярно первым лицом на юг. Подле ног одно-

² Крестьяне рассказывали, что однажды на берегу подле самой воды была найдена серебряная чаша, вымытая из могил. Местный священник определил её как церковный сосуд.

го костяка, обращённого лицом на юг, значительная куча золы, но не кострище, а чистая зола, быть может, пережжённая, откуда-то. Аналогии подобному погребению трудно подыскать; невозможно объяснить присутствие двух костяков в боку кургана, с необычным направлением на юг. Это не могут быть позднейшие погребения, которые бы непременно были лежащие и лучшей сохранности*³. К сожалению, в любитовских курганах древностей никаких не оказалось, так же как и в любитовских жальниках, где кроме одного гвоздя ничего не обнаружено. Любитовские жальники по внешнему виду весьма разнообразны; они представляют и круги, и овалы, и клетки, часто сливаются в одну беспорядочную фигуру. Таких могил исследовано 7.

Внутреннее устройство могил во всех исследованных случаях одинаково; направление костяков с востока на запад, лицом на восток. Руки скрещены на груди. В одном случае найдены следы гробовищ; в другом найден нож и гвоздь (длиною 2 ½ верш., с широкой шляпкой), непонятен случай, где, при неповреждённом внешнем устройстве могилы, погребений не было найдено; могила представляла овал с большими валунами на восток и запад; под дёрном оказался второй слой камня, как бы сводом покрывавший всю могилу. Погребение не могло быть разрушено, а между тем, несмотря на тщательные поиски и глубокие ямы, никаких признаков костяка не оказалось.

Таким образом, любитовский могильник, бедный находками, по разнообразию обрядов погребения оказался очень богатым. Из Любитова через деревню Городок (о котором существует предание, что здесь жила какая-то польская княгиня, а дружина её стояла в соседних селениях Казачий Лютец и Немецкая Лука) и Пснино, по местным указаниям я приехал в дер. Петровщину, где, как говорили, при вырывании картофельных погребов находимы были кости. Внешность Петровщинского могильника оказалась совершенно попорченной, без камня и возвышений. Взяв наудачу несколько ям, в одном месте наткнулись при незначительной глубине (½ арш.) на часть костяка (кость белая, выветрившаяся, грунт белый сыпучий песок, местами даже не прикрытый дёрном), но невозможно было выяснить, что бы то ни было о его первоначальном погребении. По всей вероятности, при Петровщине цельных погребений вовсе не сохранилось.

Затем были произведены разведки при деревнях Гребня, Вязищи, Ретня (погост, известный по писцовым книгам, при нём очень старое кладбище), Колтово, Глубокая и, наконец, при дер. Одосье или по местному, Водосье, был найден жальник. Водосьевский жальник расположен на высоком холме, содержит до 60 погребений. Грунт жальника плитный, с трудом поддающийся раскопке. Кость почти не сохранилась. Внешность могил попорчена — многие камни, вероятно, свезены на постройки.

Все могилы представляют уставленные камнями каре или ромбы; лишь в двух случаях погребения были окаймлены двойным каменным кругом диаметром в 3 ½ арш. (рис. 51).

³* Третье курганное погребение, при насыпи высотой в 1 арш. и диам. в 7 ф., без каменного кольца в основании, содержало погребение на материке, в лежащем положении (лицом на юг), руки костяка протянуты вдоль тела; под костяком во всю площадь основания насыпи очень толстое кострище до 1 ½ вершка толщиной. Древностей при этом не найдено.

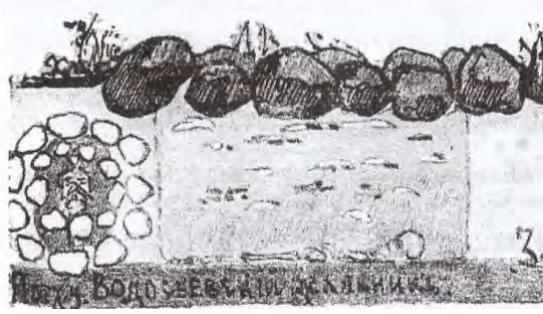

Рис. 51.

Площадь круга была немного выше материка. Четырёхугольная продолговатая могила (глубиною в 1 ½ арш.) имела направление с В. на З.; в разных слоях могилы попадались следы угля, но около костей ни угля, ни золы не найдено. Костяк лежал лицом на В. Направление рук не определилось, вследствие плохой сохранности костей. При костяке найдены следующие предметы: кольцо, привеска-бляшка, привеска (на груди) типа 1, VI, монета города Гильдесгейма и привеска из арабской монеты 891 г. Ахмета, сына Измаила, буса красная терракотовая, 1 буса зелёного стекла и 14 бус среднего и малого размеров, обёрнутых золотою фольгой. Следующая могила Водосьевского жальника представляла квадрат из булыжников, причём на В. лежал особо крупный валун; в квадратной могиле глубиною в 1 ¾ арш. были найдены два детских костяка лицом на В., со скрещёнными на груди руками. Золы при этом погребении не найдено. Остальные могилы при Водосье дали погребения в четырёхугольных могилах, лицом на В., руки скрещены на груди; в 3-х случаях в верхних частях могилы следы золы и угля, отдельными случайными кучками.

После раскопки при Водосье, найдя таким образом в Порховском уезде все ожидаемые типы погребения, через деревни Шепуха и Апраксино, я выехал на станцию линии Бологое - Псков - Морино, находящуюся недалеко от границы Старорусского уезда».

II. Старорусский уезд

Поездка по Старорусскому уезду была поучительна, но дала чисто отрицательный результат, ибо предполагаемых древностей в пределах этого уезда не найдено.

Особенно важною для поисков была, издавна пригодная для жилья, плоская возвышенность, ограниченная Шелонью с севера, Ильменем с северо-востока и с востока Ловатью. Чтобы с уверенностью сказать о присутствии тех или других древностей, пришлось объехать эту густо населённую округу, место бывших военных аракчеевских поселений. В общем, в Старорусском уезде были произведены разведки при следующих деревнях: Село Великое, Сусалова, Почкова, Высокое, Межник, Ручные Котцы, Ручевые Котцы, Короваева, Калинова, Маринницы, Жажванниково, Белая, Б. Боры, М. Боры, Баранова, Порожек, Взгляды, Б. Межуречье, М. Межуречье, М. Станишино, Казнобицы, Островок, Никулино, Городок, Шилова Гора, Дуброва, Подосье, Чуракова, Рно, Барок, Хотяжа, Раглицы, Хотигоща, Сухарева, Бородцы, Устицы, Сельцо, Борицы, Пар-

ник, Язвино, Сущева, Тёс, Солоницко, Углы, Подгощи, Сущева, Луки, Подолье, Остров, Ручьи, Пузырева, Бор, Шимск.

При дер. Белой мне указали под названием сопки недавнее староверское кладбище, где до сих пор хоронят некрещёных младенцев. Кладбище расположено на холме и кроме небольших бугорков не носит следов внешнего устройства. При дер. Жажванниково указывают сопку высотой в 7 арш., довольно странную по месторасположению, если только она не естественного происхождения, так как ни в очертании, ни в отсутствии камней в основании и на вершине не видно прямых указаний на её назначение. Обыкновенно сопки бывают расположены по более или менее высоким и сухим местам, между тем как жажванниковская сопка стоит в обширной котловине, скрытая до последнего момента соседними высокими берегами, настолько близко от местной маленькой речки, что в половодье, без сомнения, вода заходит за возвышение. Грунт возвышения — ярко-красный песок.

При дер. Малое Станишино прежде существовал жальник, ныне весь разрытый. Делая пробные ямы в боках выемки, удалось обнаружить два целевших погребения, отмеченных, как оказалось, лишь двумя валунами на В. и З. В обоих погребениях костяки (очень плохой сохранности, кость тёмная, рыхлая) помещались лицом на восток, один в сидячем, другой в лежащем положении. Могилы были очень мелкие, не глубже 1 арш., если предположить, что при выемке земли сверху не было снято известного слоя. Форма могил четырёхугольная, продолговатая. Ни золы, ни гробовищ, ни предметов не найдено. Крестьяне утверждают, что при вывозке песка в былое время также, кроме обильных костей, ничего не было найдено. Жальник при М. Станишино, так же как и последующий, при дер. Шилова Гора носит в народе название «Литовского разоренья».

В полуверсте от д. Шилова Гора были замечены на поле остатки фундамента квадратной формы со входом с западной стороны. Крестьяне рассказали, что тут когда-то стояла церковь. Вблизи фундамента находятся несколько возвышений, или отмеченных на восток и запад валунами, или без камня на поверхности. Несмотря на общее недовольство («наших отцов разрывают»), были вскрыты 3 могилы. Происхождение кладбища оказалось, действительно, не очень древним. Костяки, хорошо сохранившиеся, помещались лёжа, со скрещенными на груди руками, лицом на восток, в могиле 1 ½ арш. глубиной. Около костей и особенно под ними крупные остатки досок гроба. В дер. Городок (две версты от Шиловой Горы) есть оправдывающее это название возвышение, доминирующее над окрестностью, но следов укрепления никаких не видно.

При дер. Раглицы (указанной в записке) каких бы то ни было древностей мне не могли указать, кроме того, что в одном месте на поле при пахоте нередко попадаются старинные русские мелкие серебряные монеты (по местному названию чешуя); 9 таких монеток, найденных ранее, я приобрёл от крестьян. Хотя место находки монет было показано с точностью, но ни разгребание граблями, ни траншейки не дали никаких находок; вероятно, клад размётан при пахоте на значительное расстояние.

Около устья Шелони, в местности села Подгощи и Солоницко много сопок. При Солоницко их 6; из них 3 раскопаны и две целых (рис. 6 на стр. 145).

Меньшая сопка, очень хорошо сохранившаяся, высотой в 5 ½ арш. имеет в основании круг из крупных валунов и таким образом как бы является, по

внешности, сильно увеличенным курганом вышеописанных типов. Ввиду несомненной принадлежности этой насыпи к сопкам пришлось воздержаться от её раскопки.

Большая из солоницких сопок без камней в основании, достигает высотой до 5 сажень и весьма характерного вида.

Почти рядом с одною из таких былых сопок было найдено два овала из камня, причём один особенно характерный, уставленный огромными камнями (на восток и запад помещены особенно большие, при оседании земли опрокинувшиеся внутрь), с низко запавшей поверхностью между ними. При раскопке обнаружилось двойное погребение, которое и обусловило слишком резкое оседание почвы. В овальной могиле глубиною в 1 ½ арш. и длиною до 2 арш. на уровне слоя глины (которая начиналась непосредственно под костями) оказались два костяка в сидячем положении, обращённые лицом на восток. В середине могилы помещался мужской костяк, по правую его руку и немного сзади был найден женский, значительно хуже сохранившийся. На глубине ¼ арш. сверху, в насыпи могилы замечены следы золы и угля в виде двух небольших, тонких прослоек (рис. № 15 на стр. 152). Соседнее погребение оказалось совершенно схожим по устройству, но содержало лишь один костяк и не имело особо выдающихся камней на восток и запад.

Между Солоницко и Подгощами, при рытье канавы, несколько лет тому назад нашли кости и какие-то бляшки и цепочки, куда-то (?) отправленные. Подробности находки неизвестны. В самом селе Подгощи лет 20 назад был найден горшок с монетами времён Иоанна IV; клад был представлен в Новгород.

Около Подгощ также имеются сопки, уже исследованные, числом четыре. Эти сопки, равно как и солоницкая, представляют часть многочисленного рода курганов, протянувшихся довольно правильной полосой невдалеке от правого берега Шелони, начиная от Коростыня (ср. раскопки слушателей Археологического института), через Витонь, Луки, Подгощи, Солоницко, Любынь, Выбыть до вышеупомянутого Любитова. При Любыни сопки значительно понижаются, до 3 ½ арш.; здесь они были исследованы В. В. Передольским, нашедшим большие кострища.

Требуют особой отметки неизвестные памятники, исследованные между д. Подгощи и Луки и около дер. Сущёво (в той же окрестности). Между Подгощами и Луками был замечен круг диаметром до 22 арш., сплошь выложенный крупными валунами, местами едва поддававшимися усилиям 4-х человек. Сворачивая большие внешние камни, без следов обжога, почти непосредственно под ними обнаруживали уголь, пережжённые мелкие булыжники (легко рассыпающиеся), и лишь в одном месте оказались бесформенные осколки чёрного горшка, очень грубого обжога. Такой смешанный слой из камешков, угля, золы и земли продолжался на глубину до ½ арш., где оканчивался плитным плотным материком, свойственным всей местности; настоящий каменный круг находится в расстоянии 120 шагов от сопки и диаметром почти равняется основанию её; подобных кругов, сплошь выложенных камнями, крестьяне более не могли указать, но близ деревни Сущева показали остатки крупных камней, расставленных по окружности подходящего диаметра (20 - 25 арш.). Площадь обставленного камнями круга теперь засеяна, но при распашке не было найдено ни золы, ни костей, или, по крайней мере, не было

обращено должного внимания с этой стороны. На меже около камней окружности была взята наудачу траншейка, но следов могил не было обнаружено.

Эти каменные круги неизвестного назначения интересны. Близость сопок и отсутствие подходящих древностей невольно заставляет искать связи них памятников с сопочным погребением. Но если круги, лишь обставленные камнями, могли служить почему-либо неиспользованными основаниями сопок, которые, как известно, нередко имеют каменное кольцо в основании, то круг, сплошь выложенный столь крупными валунами с углём и обожжёнными камнями под верхним каменным слоем, ускользает от этой догадки и скорее просится на сравнение с какими-нибудь жальничными погребениями вроде указанных мною при имении Извара СПб. губ. Во всяком случае возможность подобных находок надо иметь в виду исследователям Новгородской губернии.

Во всём пришелонском округе заботливо повторяется предание «об Игоровом серебряном гробе», надпись о котором находится на камне, открывающемся в меженную воду на Ильмене в местности Коростыня; камень этот, как известно, был осмотрен г. Шляпкиным.

III. Валдайский уезд

Хотя я не имел открытого листа на право производства раскопок в Валдайском уезде, но мне всё же хотелось хотя [бы] раскопками на каких-либо частных землях ознакомиться с местными древностями, чтобы систематичнее перенести работу в Боровичский и Демьянский уезды, тем более, что г. Данилов, описывая раскопку, произведённую слушателями Археологического института (Сборн. Археол. инст., т. III) в Валдайском уезде, упоминает, со слов крестьян, о существовании в местном округе погребений интересовавших меня типов. При содействии кн. П. А. Путятина мне удалось получить сведения о таких погребениях, расположенных в 10 верстах от Бологое, в местности Глубочиха.

В настоящее время ни одного кургана цельного при Глубочихе не сохранилось; частью они раскопаны ранее, частью обрушились в озеро, на берегу которого они находились. Удалось лишь исследовать часть одного погребения, наполовину обвалившегося. Глубочихинские курганы вполне сходны с курганами, раскопанными мною при д. Каменка Порховского уезда, содержащими погребения на кострище на уровне материка. Кострище по-видимому распространялось на всю площадь основания насыпи. Форма глубочихинских курганов расплывчатая, без обычного каменного кольца основания. Высота насыпей колеблется от $\frac{1}{2}$ – $1\frac{1}{2}$ арш., диам. от 6-9 арш. При найденном погребении предметов не оказалось, кроме горшка без орнаментов, грубой обработки, не на круге. Горшок стоял около левой голени костяка, лежавшего лицом на восток; внутри горшка, по-видимому, ничего не было положено, так как следы содержимого можно было бы видеть, потому что горшок был найден в целом виде (обыкновенно же подобные погребальные горшки оказываются разбитыми).

Предметы из некоторых других глубочихинских насыпей, раскопанных ранее кн. П. А. Путятиным, окончательно убеждают в полной аналогии этих курганов с порховскими и петербургскими, отнесёнными к XII веку. В глубочихинских курганах найдены следующие предметы: 1) тонкий витой браслет,

проволоки концов соединены между собою; 2) нож железный; 3) витая гривна, к концам завитки уменьшаются и закрепляются ободком из тонкой проволоки (типа II, 16, но концы иные); 4) набор бубенчиков (3 разной величины, 4 среднего и малого размера. Форма бубенчиков — корпус на полусфере, херсонесского типа, как в сочин. Бранденбурга I, 4); 5) кольцо из бронзового стержня без орнамента, с заходящими друг на друга концами; 6) набор бус, преимущественно самого мелкого размера: белые, синие, чёрные и серые. Из более крупных бус следует назвать хрустальную бочёнковидную среднего размера и небольшие квадратные призмы из серого камня; в общем бусы отличаются характерными типами и выбор их не разнообразен; 7) обломки прополочных серёг, среднего размера; 8) обломок гривны с соединёнными концами, входящими один крючком в петельку другого.

Грунт глубочихинских курганов изобилует остатками каменного века, попавшими вместе с песком, выбранным, вероятно, с берега озера. Встречаются из тёмного и белого кремня: стрелки, скребки, зубила и много битых бесформенных камешков.

Такие кремни находятся не только в насыпях курганов, но и в каких-то ритуальных кострищах, исследованных мною там же. Подле курганов были замечены два возвышения неправильной расплывчатой формы высотой в $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{2}$ арш.; одно — круглое, другое — продолговатое. Раскопкою были обнаружены огромные кострища, забросанные сверху землёю (в том, что лежавшая над кострищами слоем до 4 верш, земля не позднейшего, случайного происхождения, убеждают каменные орудия, находимые в этом верхнем пласте; в настоящем случае была найдена стрелка белого кремня с обломанным концом и 3 чёрных битых кремня). Былые костры достигали, очевидно, очень значительных размеров, так как дали сплошной слой золы и угля толщиной до 4 верш. Очертания кострища неправильные. В золе попадаются мелкие шлаки и сильно пережжённые камешки; ни предметов, ни камешков, ни костей в золе кострища не было найдено. Так как вряд ли эти кострища могут представлять какие-либо самостоятельные погребения, то гораздо проще видеть в них остатки погребальных костров, требовавшихся для зольной подстилки при погребении на материке несожжённого трупа, но, во всяком случае, следует отметить, что кострища были засыпаны в период создания курганов, чем указывается на существование какого-то неизвестного нам погребального ритуала.

В местности Глубочи́хи при дер. Подли́пье, тоже на берегу озера, расположен интересного вида небольшой жальник, раскопка которого, к сожалению, не могла состояться, так как посреди его стоит почитаемая местными крестьянами часовня, и сам он считается старым кладбищем. По внешнему виду жальник у Подли́пья очень характерен. Несколько могил окружены каменным кольцом, другие отмечены двумя валунами на восток и запад, а 4 могилы устроены очень тщательно: обложены крупными продолговатыми валунами и плитами, на восток и запад помещены стоймя очень большие камни до $\frac{1}{2}$ арш. вышины. Одна из таких могил была зарисована (рис. 52)

Рис. 52. Могила при деревне Подлипатье.

Таким образом, это небольшое исследование в Валдайском уезде оказалось весьма поучительным: оно выяснило курганы, о которых предполагал г. Данилов, имело прямое отношение к задаче записки Н. И. Веселовского и А. А. Спицына и явилось необходимым звеном между Псковской губ. и Старорусским уездом с одной стороны и с уездом Боровичским с другой, в котором, по некоторым сведениям, можно ожидать совершенно такие же обряды погребения, как жальничные, так и курганные.

Заключая общий итог поездки, надо отметить, что в районе 3-х исследованных уездов было встречено 5 типов курганных погребений и 6 типов погребений жальничных, предположенных упомянутою запискою, причём на возвышенности между реками Шелонью и Ловатью курганов низкого типа не найдено.

Типы курганных погребений следующие (перечисление будем вести в приблизительном порядке древности).

1. Сопки (во время настоящей раскопки не подвергавшиеся исследованию).

2. Курганное погребение с трупосожжением на уровне материка, без каменного кольца в основании (д. Каменка Порховского у.), впрочем же, вполне сходные с такими же погребениями, известными из раскопок Л. К. Ивановского и моих в СПб. губ. и относимыми к раннему периоду местных древностей — к XI и не позже XII вв. (ср. воспроизведение с моего рисунка в издании Археологической комиссии «Курганы СПб. губ. и раскопках Л. К. Ивановского», стр. 7).

3. Курганное погребение несожжённого костяка на уровне материка на кострище, в лежачем положении (д. Каменка, Боркино, Поддубье Порховского у.) и в сидячем (Глубочиха Валдайского у.). Направление костяков лицом на восток и юг; насыпи в некоторых случаях (Каменка) без каменного кольца основания, в других же случаях (Боркино) с ним. Этими курганными погребениями вполне воспроизводится картина следующих за трупосожжением погребений СПб. губ. (XI-XIII вв.).

4. Погребение в сидячем положении лицом на восток и юг на особо устроенном возвышении, достигающем до 1 арш. высоты. Под костяком кострище, иногда во всю площадь возвышения. В основании насыпи каменное кольцо (в

Головицах Порховского у.), на восток и запад особенно большие валуны; в некоторых случаях такое кольцо основания отсутствует (в Любитове Порховского у., при жальнике). Такое погребение также вполне сходно с указанным погребением на возвышении в СПб. губ. (Царскосельского у.), отнесённым к переходному времени XII-XIII вв.

5. Погребение в лежащем положении лицом на восток, в могиле, при невысокой насыпи, обложенной валунами (Вязка). Такое погребение, найденное при жальнике, составляет прямой переход к жальничному типу и, судя по цвету и сохранности кости, довольно позднего происхождения. Этот тип погребений также хорошо известен по раскопкам в СПб. губ.

Таким образом, в Порховском уезде среди курганных погребений, как видно, встречены все типы погребений СПб. губ., за исключением погребения в могиле, в сидячем положении, при невысокой насыпи с малочисленными каменным кольцом основания (но отсутствие этого типа, по всей вероятности, случайно).

Опять-таки сравнительно с курганами СПб. губ., нельзя не сделать о насыпях Порховского уезда общего замечания, что устройство первых несомненно заботливее и обстоятельнее, нежели курганов порховских; среди последних не замечается насыпей из дерновой земли (требовавших особо прилежной работы); не видно тщательного утаптывания и обмазывания глиной площади основания насыпи; не встречено булыжных прослоек, сводиков, выкладывания камнем всей поверхности насыпи и прочих признаков изысканности устройства.

Найденные жальничные погребения разбиваются на следующие, тоже уже не представляющие новинки.

1. Жальники, имеющие внешнюю форму большого круга (до 10 арш. диаметром); лежащее погребение в могиле (до 1½ арш. глубины); очертания могилы определить трудно, вследствие мягкого песочного грунта. Направление костяков лицом на восток.

2. Жальники, окаймлённые каменным продолговатым каре, направлением с севера на юг. Костяки в лежащем положении помещаются в четырёхугольной продолговатой или овальной могиле лицом на юг. Руки или скрещены на груди или (чаще) вытянуты вдоль тела. На дне могилы кучки откуда-то перенесённой золы (Булавино Порховского у.). Впоследствии направление каре перемещается с Юга на Восток. Находки в подобных погребениях очень малочисленны и не позднее XII века.

3. Жальники, окружённые кольцом более мелких камней при общем меньшем диаметре (до 3 арш.). На Восток и Запад часто лежат валуны особо больших размеров, характеризую положение трупа (Дубровна, Батино, Боркино Порховского у.). Костяк со скрещёнными на груди руками помещается, лёжа лицом на восток, в продолговатой (овальной и чаще четырёхугольной) могиле, глубиною в 1¼ - 1½ арш. На дне могилы нередко находима зола, но не кострищем, а опять как бы перенесённая откуда-то. Находки в этих жальниках многочисленнее (XII—XIII вв.).

4. Жальничное погребение, обставленное овалом из больших валунов; на Восток и Запад помещены валуны особой величины. Костяки помещены в овальной могиле глубиною в 1¼ арш. в сидячем положении лицом на восток. В верхних слоях могилы найдены (2) небольшие зольные прослойки, но около костей ни золы, ни дерева не замечено (Солоницко Старорусского у.). Подчёр-

киваю отсутствие около костей дерева, потому что в схожих погребениях СПб. губ. подле костяка, погребённого в сидячем положении, нередко были найдены остатки дерева, присутствие которого объяснялось назначением подпорок для сохранения желательного положения трупа.

5. Смешанные фигуры, состоящие из кругов, каре и овалов, соединённых между собою (Вышково и отчасти Любитово Порховского у.). Погребения в могилах, направлением на восток. Костяки в лежачем положении со скрещёнными на груди руками лицом на восток. Около костяков иногда следы гробовищ (обёрнутых берестою). За исключением одного случая с очень бедными находками, в таких могилах ничего не найдено.

6. Погребения, отмеченные лишь четырьмя валунами (ромбическая фигура) или двумя, и постепенно переходящие в могильные бугорки без камня — сравнительно позднего происхождения (Междуречье, Шилова Гора Старорусского у.). Кость в таких погребениях жёлтая, хорошей сохранности. Костяки находятся в лежачем положении лицом на Восток, со скрещёнными на груди руками. Около костяков часто доски гробовищ. Следов золы не найдено.

В жальниках находки немногочисленны, уже известных типов, и принадлежат, за малыми исключениями, более раннему периоду (XI—XII вв.), по удивляться этому обстоятельству, т. е. малому присутствию поздних жальников, нечего, потому что нынешнее погосты в местности раскопок очень старого происхождения (большинство из них известно писцовым книгам), так что кладбища, расположенные при них, служат местом погребения уже с весьма давней поры.

Таким образом, все эти выводы и по типам погребения, и по находкам отвечают задачам вышеуказанной записки и вместе с тем являются интересными для выяснения некоторых археологических задач С.-Петербургской губернии.

*Записки Императорского Русского археологического общества. 1899. Т. XI. Вып. 1-2. С. 349-377.
Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Выпуск, I. СПб. 2004.*

Н.К. Рерих. Камни. 1900-е. Этюд.
(Ч/б. фото. Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44/1775, 1 л.)

20 - 30 ноября 1899 г.
Из дневника Н. К. Рериха:

20 Ноября. Вышел гомерический скандал: Стасов написал статью, где высмеивает Малявина и в шутку сравнивает его с Шекспиром, а Репин принял это всерьёз и написал В[ладимиру] В[асильевичу] длинное, хвалебное письмо. Вот, мол, В.В. истинно гениальный человек, понявший картину Малявина, что два света (т.е. Малявин и В.В.) встретились и озарили друг друга. В.В. отвечал Репину, что извиняется за, быть может, неуместную шутку, но, что иначе как шуткой он не может встретить *поганую декаденщину* Малявина и скорбит, что: И[лья] Е[фимович] впал вследствие его шутки, в подобное недоразумение. В.В. теперь твердит, что у И.Е. что-то в голове не ладно, что тот плохо кончит – сойдёт с ума. Я говорю В.В.: «видите – моя правда, про Репина» – он только руками отмахивается. Быть может начинает сознавать, что за бесподобный фрукт Репин и как его надо остерегаться и беречься.

Сегодня был на Австро-Венгерской выставке Царь. Что-то в нём есть хорошее, сердечное, доброе. Но весь двор его почти сплошная пошлость и тупость. Венгерцы были в национальных костюмах; отчего у нас невозможно ничего подобного. Как красиво было бы это! Сколько превосходных мотивов похоронено под хламом общеевропейского безобразного платья.

Сказал Павлу Петровичу о моей мечте – унии двух журналов. Он говорит, что это вполне достижимо, т.к. Мир Искусства прекратится, и многие его сотрудники не прочь перейти к нам. Это хорошо было бы – подобная уния - разрубила бы многие узлы и уравнивала бы многое. Боткин зовёт к себе – думаю идти на пакость, хотя Ан. Викт. и предупредил о том, как честит меня добрый Мих. Петр. – вот Искарриот-то!

Кабы картина удалась, и показать или нет. Григорович не был – сердится старик на Общество. П.П. изумился, когда я рассказал ему, что Д. Вас. передал мне материалы задуманных им статей с просьбою взять себе и при случае разработать.

30 Ноября. Григорович говорит: «в печальное время начинаете вы вашу деятельность. И прежде были противодействия, и прежде давили и жали, но прежде давила сила, а теперь давит кисель какой-то. Как изменились времена! Где то время, когда у графини (забыл имя) собирались и император и вел. князь и артисты, а на ужин подавался начатый ростбиф и жареный картофель». Опять дал книг, говорит «удивляюсь, где вы в такие года при столь многочисленных занятиях могли выработать такой слог и столько передумать».

Сегодня была Е.И. в мастерской. Боюсь за себя – в ней очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть её как можно чаще, бывать там, где она бывает. Картина выправляется. Думаю дать на Декадентскую выставку акварель – в шутку. Воображаю, какой скандал подымет, как завопит Стасов, как многие не будут знать, что и думать. Уговариваю и В.И. дать что-либо туда же. Прямо скандалистами мы с ним становимся. Сегодня подложили Попке на стол газету, где его Селиванов прохватил.

ДЕКАБРЬ

1 – 31 декабря 1899 г.

Из дневника Н. К. Рериха:

1 Декабря. В.К. Георгий Михайлович выразил согласие, что я буду при нём работать. Это открывает многое; пусть и Толстой, и Майков, и Боткин ругаются, ещё с ними поспорим; а коли что, жидам крышка. Хорош Боткин, во время полемики о Софии, он уверил всех в Новгороде, что я уже был у него с извинением и взял всё написанное обратно. Воображаю, как он был рад увидеть моё второе письмо в Петерб. Ведомостях. А теперь в гости зовёт. Для курьёза надо сходить.

Варв. Петровна восхитилась мыслью, сделать Государю карту (обложка к откр. письмам), а также мыслью о начале Руси. Даже хотела говорить с кем-то. Завтра реферат в Археологическом Институте – пожалуй последний, если при В.К. буду. Что ни говори, а не имея в руках диплома высшего учеб. заведения, я читал лекции в высшем у[чебном] завед[ении].

[Далее зачёркнуто]

4. Декабря. Сегодня Варвара Петровна сообщила, что Собку выперли из редакторов. Лучше бы закрыли совсем журнал. Попка сумрачен и еле со мною здороваётся. Вышло глупо, только я вошёл в столовую у В.П., как Ольга Петровна Семёнова сейчас же устремилась к Петру Петровичу С. и начала шептать на ухо, кто я. Стасов со сконфуженным видом сообщил на Р. Симфонич. Концерт[е], что вчера на Гофмане Репин только случайно оказался рядом с ним. Какая странная случайность! До тех пор он будет с ним, пока наконец Илюшка не наплюёт ему на лысину. Анненков беспокоится, что на место его назначат <гундосою> Лазаревского, а В.И. ругается, что, если его выпрут без прошения из Общества. Господа какие мы смутьяны.

[Далее зачёркнуто 2 строчки].

6 Декабря. Вчерашний вечер не даёт покою. Кажется *[Зачёркнута целая строчка]*... Хочется видеть постоянно. *[Опять зачёркнуто]* ...чувства.

Сегодня в церкви граф и Соколов кричат «слышали о скандале с Собкой? Что же он теперь и из секретарей уйдёт?». Архип Иванов. уже знает о проделках Антокольской – это всё штуки Репина, который хочет собрать около себя кружок молодёжи, чтобы и капитал приобрести и невинность соблюсти. Больше к ней не пойду. Приходят <гости>.

10 Декабря. Из Петерб. Газеты спрашивают, чего я не желаю в наступающем году – я сказал, гибели на Руси самобытности и национальности. Концерты меня окончательно разоряют. Для поддержания моих финансов даже взял один рисунок сделать для Ник. Ив. Сегодня генерал – зелёный осёл (как называет его Всеволжский) обидел В.И. сказал: зеваете от безделья. За такие слова В.И. отчитал <...> и сказал, что он не ждал такого обращения от господина с ключом на известном месте.

Были Скворцовы у меня; и напали на Архипа и Беклемишева. Они утверждают, со слов Толстого (а он им по обыкновению вероятно наврал), что Архип и Беклем. тоже были участниками предложения Бенуа о 6 несменяемых

членах выставочного комитета. На мою защиту Архипа от такой гнусности, они говорят, что я ошибусь в нём, что он только и думает о вицепрезидентстве. Как они мелко берут! Странно, что хуже всех работающие, всегда больше всех говорят. Хорошо одно, что жидюга Бенуа, на сей раз сел в лужу прочно и глубоко. Был Пиотрович – тоже возмущён этим <...> предложением и говорит, что подобный председатель, который ругает свою же выставку и стесняет свободу экспонентов – нам неудобен. Я уже составил проект жюри, выкинув оттуда всех <...>: Бенуа, Браза, Гинцбурга. Вот бы был праздник, если бы они все провалились. Кажется, что-то серьёзное выходит к Е.И.

14-го ночь 3 ч. Был Комитет выставки у Беклемишева. Споры. Архип Ив. за ужином сказал, что на Брюлловском обеде 12-го он примирился с передвижниками. Холодовский после на дороге сказал, как он извинялся в своих поступках. Что это? Зачем? Он говорит, что разочаровался в молодёжи. Все были, как в воду опущены. Вик. Ив. сказал, теперь надо идти к передвижникам, на него напал Крыжицкий и опять споры, а в результате испорченное завтра и сердцебиение. Предупреждал я Архипа не ходить на этот обед и не видаться с жидами.

31-го Дек. 11½ ч. веч. Много нового. Умер Григорович в Среду 22-го. Уходили его с музеем. И хоронили так, будто хотели скорее избавиться от него. Всё было скомкано, ни речей, ничего. Достаточно сказать, что говорил на могиле еврей-столяр. Начал он речь так: “долго ждал я, не скажет ли кто побольше меня, но никто не говорит”, и т.д. Стыд и срам, если мы не умеем помнить столько поработавших людей. Я заезжал в Среду, но меня не пустили к Д.В., а потом говорили, что он много обо мне вспоминал. Сабанеева говорила Собке, чтобы мне дали знать о болезни Д.В. так как, де, Д.В. будет приятно видеть меня у себя и того Собка не сделал. Говорят, Собка всё-таки уйдёт из секретарства. В музей назначают Боткина, а я видно останусь в глупейшем положении.

Вчера 30-го сказал Е.И. всё, что было на душе. Был в мастерской у меня Н.Ф. – остался доволен картиной; сказал, будто она лучше прежних. Мне что-то не верится, я её люблю меньше прежних; впрочем, за последние дни кое-что сделал в ней, не совсем худое. Что-то будет с ней; если и теперь Академия выкинет меня за борт, то будет обидно. Странно, когда в первый раз принимаешь в расчёт не только себя, но и другого человека. Кат. Ив. подарила на ёлке духи *magno1io* – тоже, нашла время напоминать об этом печальном инциденте. Архип выдумал, что я и Зарубин, Штоль и Шмидт. Сегодня послал ему к Нов. Году не карточку, а бланк от Штоля и Шмидта. Чего ему, жалко, что ли, что наши отношения хорошие. Он всё хочет <вклеить> к нам Аркашу; но насильно вряд ли это удастся. Мы ничего не имеем против Аркаши, но он кажется несравненно ограниченнее Виктора. Дай Бог, чтобы все русские художники думали и чувствовали так же глубоко как он. Сколько он натерпелся, сколько пережил; он заслужил большую награду.

Теперь у Архипа в большом почёте Брадо; словно Архип не замечает, что этот <...> себе на уме. Так же как и Бенуа. Чего Архип с ними вяжется. Чего-то хороводится с ними – весь наш кружок распадётся.

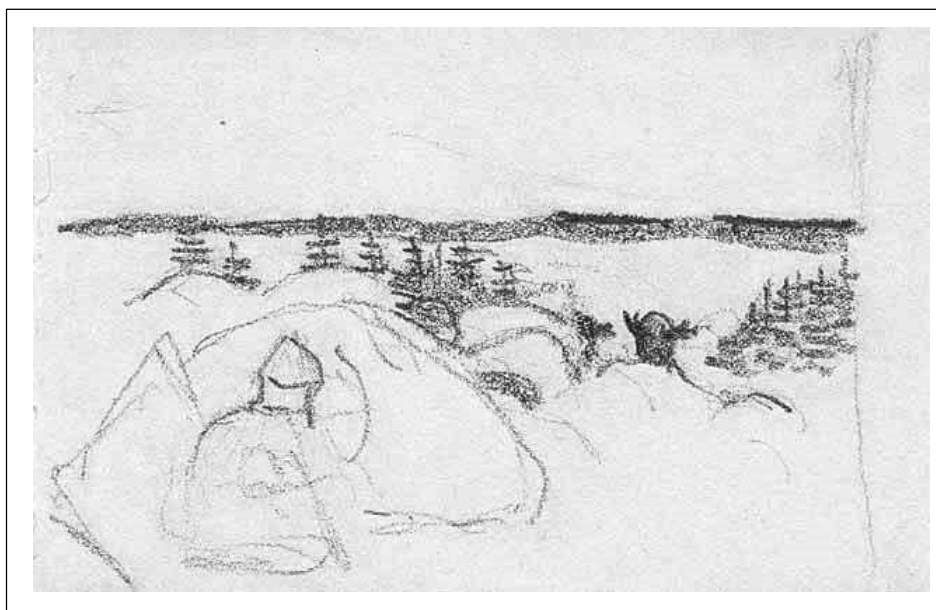
Борисов околачивается около Академии, обивает графские пороги. Он окончательно делается гадким. Ещё прошу ему просьбу от Академии <помещения.>, но дело с Парижской выставкой не того. Все-то у него торгашество.

Сейчас Новый год. В нём у меня должно быть много нового.

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/13, 6 л.

Н.К. Рерих. Зимний пейзаж. 1900-е. Рисунок.

Н.К. Рерих. Ждут. 1900.. Набросок.

Часть 2

СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА.

Учение о священных узах брака прекрасно выражено Благословенным в притче «Свадебный праздник в Джамбунаде».

«Величайшее счастье, какое может вообразить смертный, - это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть ещё большее счастье; это объятие Истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто заключил союз с Истиной. Потому соедините свою судьбу с Истиной и живите с ней в святом браке.

Муж, любящий свою жену и мечтающий, чтобы их союз длился вечно, должен быть верен ей, как сама Истина; и она будет уверена в нём, будет чтить его и помогать ему. И жена, любящая своего мужа и мечтающая, чтобы их союз длился вечно, должна быть верна ему, как сама Истина: и он будет доверять ей, он будет почитать её, он будет всем обеспечивать её. Воистину, говорю вам, их брак будет сама святость и блаженство, и дети их будут подобны своим родителям и станут свидетелями их счастья.

Пусть никто не будет одинок, пусть каждый соединится в святой любви с Истиной. И когда Мара, разрушитель, придёт отделить видимые формы вашего существа, вы пребудете с Истиной и вкусите вечной жизни, ибо Истина бессмертна». (*«Священные книги Востока», т. 19*).

Е. И. Рерих «Основы буддизма»

«Величайшее счастье, какое может вообразить смертный, - это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть ещё большее счастье; это объятие Истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто заключил союз с Истиной». («Священные книги Востока», т. 19).

"Люди будут завидовать нам. Подумать только - мы жили в особое время, когда боги ходили среди людей, как когда-то в Древней Греции".

"Мы живём в истинно чудеснейшей эпохе человечества. И, может быть, будущие поколения создадут легенды о нас, а образы Елены Ивановны и Николая Константиновича будут окружены неувядающим лучистым ореолом. И тогда бесконечно счастливыми станут считать тех людей, которые когда-то имели возможность соприкоснуться с ними".

*Рихард Рудзитис
1939 г.*

ПРОЛОГ

«Повелите представить вам ту, которую мы зовём дочерью Великого Нага...»

ЗАВЕЩАННЫЙ МАЙТРЕЙЯ

Глаза Царевича ребёнка рано открылись на чудеса мира. Ничто не ускользало от Его проникновенного внимания,

Царь сказал: «Проницательность есть венец Владыки, но крепость руки его есть его щит. Пусть укрепит руку на тетиве лука. Пусть дети знатных Кшатриев состязаются с царевичем».

Мать Царица прибавила: «Если проницательность есть венец Владыки и крепость руки щит его, то сияние Владыки есть милость и знание. Предпочту видеть моего потомка в окружении писавших «Веды» Дев Мудрости».

Тогда старый мудрец обратился к Царю, говоря: «Мать почитаемая, и ты, Владыка, повелите мне соединить ваши желания. *Повелите представить вам ту, которую мы зовём дочерью Великого Нага, которую мы приняли в дом свой и уже семилетие, как изумляемся её мудростью и крепости её стрелы. Поистине она достойна руки, начертавшей мудрость «Вед».*

«Приведи», указал Царь.

Мудрый советник привёл молодое существо и сказал: «Майтри, пошли лучший привет нашему Царю».

Не бывало было видеть семилетнюю девочку в белом одеянии с луком в руке и кинжалом за поясом. Убор тёмных волос тяжко не слушался обруча Нага, и глаза смотрели грустно и сурово. Царь приказал: «Майтри, если ты можешь пустить стрелу, то пронзи павлина».

Майтри поклонилась Царю, сказав: «Не могу лишать животное жизни. Но позволь, Царь, пронзить яблоко на вершине яблони».

Указал Царь Майтри быть при Царевиче и много удивлялся мудрости, найденной на берегу озера.

Много лет провёл Царевич с Майтри, называя её то грозной, то сияющей, то воином, то прорицательницей мудрости Нагов.

И дверь Пути открыла Майтри.

Когда же мощный Лев вернулся и рыком Истины покрыл горы, Майтри сохранила Ему лучшую ученицу и сказала: «Она прославит место трудов Твоих».

Владыка Истины сказал: «Майтри, явленный Проводник и Держатель. Ты, сокрывший мудрость свою от толпы, Ты заступишь место Моё, как Владыка Сострадания и Труда. Майтрейя поведёт народы к Свету, и стрела подвига принесёт яблоко Знания».

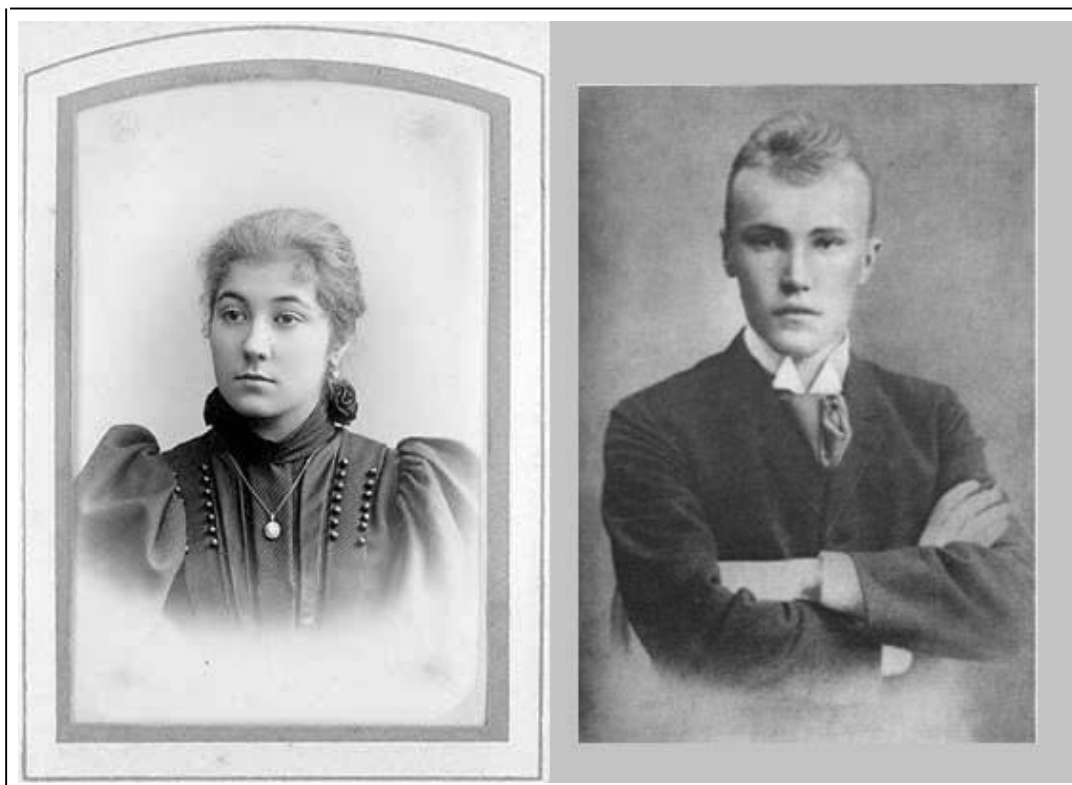
Сказанное так же верно, как у места прославления Учителя воздвигнется Храм Знания.

Сказанное так же верно, как ученица Благословенного отдаст имя своё Храму Знания.

Основание явления Истины закреплено трудами жизни. Дано в Чертен Карпо.

Криптограммы Востока

«ПАМЯТЬ О ДАВНО ПРОШЕДШИХ ЛЕТАХ...»

Елена Шапошникова 12 дек.1895 г.

Николай Рерих 1893 г.

Договор Н. Рериха и А. Скалона

1) Обещаю не вести распутной жизни (как это понимает православно[ая] церковь).
2) Не вступать в связь с женщиной до брака. Не позволять себе начинать предосудительную игру с женщиной для забавы, а если сделаю это, то признаю себя подлецом.

3) Быть верным женщине, которую люблю.

Вообще не делать забавы из сношений с женщиной. Брак признаю, как таинство (не говоря о том, что это договор).

Подписи: *Александр Васильевич Скалон*
Н. Рерих

Уверен, что Рерих Николай оставаясь вполне порядочным человеком, отделается от некоторых крайностей, почерпнутых у гр. Толстого (Будет соблюдать постановления православно[й] церкви о браке, основ[анных] на текстах ... «и будут 2 плоти едины»... и «жена да прилепится к мужу».

Подписи: *А. В. Скалон*
Н. Рерих

19 Августа 1893 г.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/6. 1 л.

«Недавно мне говорили товарищи: «надо бы тебе хоть влюбиться, что ли, а то ты делаешься жёстким. Что же, может быть, правда, это для меня было бы полезно, только в кого?»

Могу предложить большую награду, т.е. предложить потребовать от меня всё, что угодно тому, кто укажет в кого бы я мог влюбиться, или т. сказать, влюбит меня в себя.

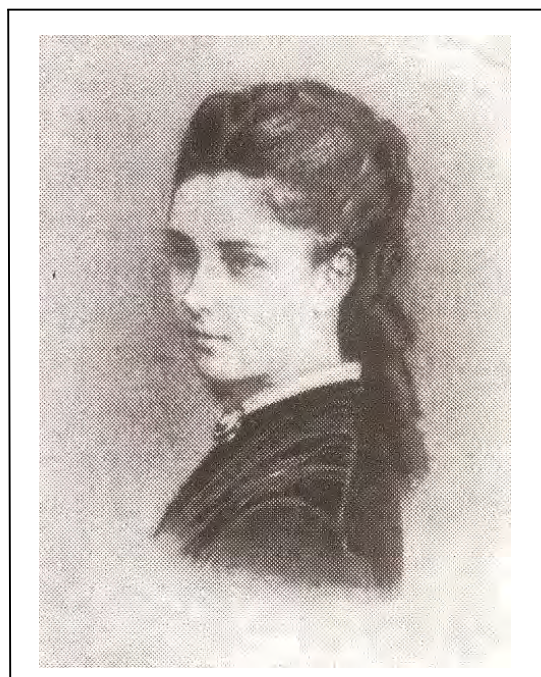
Гоголь недаром сказал “скучно на этом свете господа!”...»

Из дневника Н.К. Рериха от 6 октября 1894 г.

Лето 1899 г. (Николаю Рериху - 25 лет; Елене Шапошниковой – 20 лет.)

«В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении князя П. А. Путятина, я встретил Ладу, спутницу и вдохновительницу: Радость!..»

Н. Рерих, «Университет». (1937 г.)

Елена Ивановна Шапошникова (Лада). 1899 г.

Из дневника З. Г. Фосдик «Мои Учителя»:

«Сегодня Е.И. опять очаровательно рассказывала, как она первый раз познакомилась с Н.К., когда он приехал в Бологое, имение её тётки княгини Путятиной, где она тогда гостила. Приехал он вечером. «Сначала, - говорит Е.И., - через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога или, вернее, пыльный сапог». Е.И. подошла к окну, а Н.К. спрашивает: «Здесь живёт князь Путятин?» Е.И. пошла в комнату тётки и говорит: «Тётя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал». Та велела ей обратиться к лакею, чтобы он провёл его к мужу.

Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то, его ещё никто не видел. Тётя говорит: «Археолог, какое-то старьё, положить его спать у князя в кабинет». На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким. И решили ему дать комнату для приезжих. Пробыл он там три дня. Е.И. говорит, что он расположил их себе тем, что дипломатично и тонко завёл разговор о старине фамилии Рерих и своего рода, а вся семья Путьяных увлекалась старинными родословными».

Из воспоминаний Наталии Владимировны Шишкиной.

Эти воспоминания Наталии Владимировны Шишкиной записаны ею в Караганде, в Доме инвалидов, и датированы 1956 годом... Более чем полувековой промежуток между событиями и записью вызвал неизбежные в таких случаях неточности. Вместе с тем запись очень ценна как наличием мало известного фактического материала, так и указаниями на возможные новые каналы его поисков...

(П.Ф. Беликов)¹

Елена Ивановна, урождённая Шапошникова по отцу и правнучка великого полководца, героя 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова - по матери своей. Мать Елены Ивановны - Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова.

Елена Ивановна рано лишилась отца, была единственной дочерью у родителей и жила с матерью вдвоём. Они обе очень любили друг друга, и мать её, очень добродушная, милая старушка, сохранившая свою былую красоту, не могла налюбоваться на свою «Ляличку», как её тогда все и называли. Да и не только мать восторгалась ею. Все, кто ни встречал Е.И., не могли равнодушно пройти, чтобы не обратить внимание на её выдающуюся наружность.

Полная изящества, женственности, грации и какого-то внутреннего обаяния всего её облика, она невольно притягивала к себе все взоры. У неё были роскошные светло-каштановые, с золотым отливом волосы и пышная причёска, высокая по моде того времени....; когда она улыбалась, а улыбалась она часто, всё лицо её освещалось теплом и лаской. Но что было самое притягательное в её лице, - это её глаза, тёмно-карие, почти чёрные, миндалевидные, продолговатые; как бывают у испанок, но с другим выражением. Это были лучезарные очи с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким, тёплым, излучающим какое-то сияние, взглядом.

Глаза её иногда щурились, как будто грелись на солнце, и мягкое, тёплое, ласковое выражение их озаряло и её саму, и всех окружающих, кто в данный момент смотрел на неё. У неё был очень мелодичный и нежный голос и всегда очень ласковое обращение, любила она называть уменьшительными именами близких ей людей....

В ней было какое-то очарование, шарм, и необычайная женственность всего её облика. Любила наряды, всегда по последней моде одетая, очень элегантная; носила серьги, ожерелья и вообще драгоценные украшения. В ней было сильно развито чувство красоты, которую она всюду проявляла как своим внешним обликом, так и своим внутренним содержанием. Жили они с матерью в тогдашнем Петербурге, и вела она очень светский образ жизни, но всегда имела вид наблюдающей жизнь, ищущей чего-то другого, более вдохновенного, более глубокого содержания; у неё были какие-то искания, и пустая, светская шумная жизнь её не вполне удовлетворяла.

¹ П.Ф. Беликов «РЕРИХ» (Опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994 г.

Тут надо сказать несколько слов о её родне, семье её тётки, родной сестры её матери, Евдокии Васильевны, урождённой тоже Голенищевой-Кутузовой, Евдокия Васильевна обладала необычайно красивым колоратурным сопрано и пела с огромным успехом в опере Мариинского театра в Петербурге. В неё влюбился богатый князь Митус(ов), заплатил театру громадную неустойку, она ушла со сцены и вышла за него замуж. Но это был человек с тяжёлым характером. Они развелись, и Евд. Вас. вышла замуж за князя Путятину, который нуждался в матери своим двум сыновьям. От этого брака у них были две дочери. Искусство музыки и пения царило в их доме, пели и дочери и она сама. Дом их напоминал дом Ростовых в «Войне и мире». Вот та обстановка, в которой Елена Ивановна проводила свою молодость. У кн. Путятин был свой особняк в Петербурге и имение в Новгородской губернии. Они вели великосветский образ жизни. У них были блестящие балы, и, конечно, на этих балах всегда бывала Е.И., всегда в красивом бальном туалете, - она мало танцевала, больше сидела где-нибудь в конце зала, окружённая толпой поклонников. У неё было много завистниц её успехам в обществе, много предложений выходить замуж. Один очень блестящий молодой человек, бывший лицеист, единственный сын у родителей, миллионер, ему принадлежало Общество Пароходства на Волге «Самолёт». Он был без памяти влюблён в Е.И., делал ей предложения, но и он получил отказ. Все окружающие её и её родные, не могли этого понять: как отказать такому жениху, о котором так мечтали все петербургские красавицы.

Но она говорила, что поставила себе задачей в жизни выйти замуж за человека - знаменитого служителя искусства, будь то музыкант, певец, художник, живописец или скульптор, но непременно человек с высшим дарованием и талантом. И вот её желание исполнилось. Лето её мать и она всегда проводили в имении кн. Путятин, у её тётки, станция Бологое, Новгородской губернии, на берегу прекрасного озера, в 22 км в окружности. Сам кн. Путятин был археолог, член, а может быть, и председатель «Общества археологов» в Петербурге. Новгородская губерния богата раскопками очень древних наслоений ископаемых. К нему часто наезжали другие археологи. Однажды семья Путятиных отправилась в свою деревенскую баньку, построенную тут же на краю парка, на берегу озера. Е.И. первая вернулась и, проходя через переднюю, увидела в углу сидящего человека; она машинально взглянула на него и прошла мимо, приняв его за охотника или за одного из служащих кн. Путятин. Сам Путятин был в это время в отъезде, тоже по делам раскопок, уехал туда на несколько дней. Она не очень большое внимание уделила сидящему, ожидающему человеку, но этот скромно сидящий человек, с огромным удивлением перед её красотой, поглядел на неё. Она шла с распущенными после мытья волосами, которые как длинная пелерина, окутывали до низу её стан. Вернувшись из бани, вся семья села за стол в столовой ужинать, и тут только Е.И. вспомнила, что в передней «сидит какой-то человек, приехавший, должно быть, по делу к дяде». Спohватившись, пошли к нему, пригласили его к столу. Это был невзрачно одетый, в охотничьих высоких сапогах, куртке и фуражке, человек, очень скромно назвавший свою фамилию - Рерих.

Из разговора выяснилось, что он и есть знаменитый в то время художник Рерих, чьи картины уже были в Третьяковской галерее в Москве и на выставках картин Петербурга, и что приехал он к старому князю-археологу по делам археологических раскопок, производимых в этой местности. Старик-князь задержался в пути, и несколько дней прогостил Рерих в их усадьбе в ожидании приезда князя. И вот за эти несколько дней решила вся судьба Е.И. Вот тот человек, которого так долго ожидала её душа! Вот оно то вдохновенье, которого она так давно искала! Любовь взаимная решила всё! Рерих уехал счастливым женихом², а она сияла от счастья. По приезде

² 3) «Ошибочны указания на то, что НК. уехал в 1899 году из Бологого уже женихом Е.И. и осенью этого же года они повенчались в Петербурге. Бракосочетание состоялось двумя годами позже (28 октября 1901 г.) после возвращения НК. из Франции». (П.Ф. .Беликов, «Рерих», с.36)

осенью в Петербург, когда все съехались, состоялась их свадьба в церкви при Академии художеств, на Васильевском острове. Е.И. сама приезжала приглашать гостей к себе на свадьбу. Поселились молодые люди в здании «Поощрения художеств» на Большой Морской, где Рерих имел казённую квартиру. От этого брака было у них два сына: Светик и Юрик, как она, нежная мать, их называла.

Как-то летом, спустя много времени, Рерихи наняли в красивой усадьбе Новгородской губ. дом на лето, за отсутствием хозяев. Катаясь, мы заехали к ним. Е.И., очень милая и любезная хозяйка, после чая вынесла на террасу две картины, из них одна – «Ноев ковчег», другая – «Иов три дня во чреве кита» - в тёмных библейских красках и тонах, та и другая. Н.К. картины рисовал, а комментарии к ним писала Е.И., длинные пояснения, прилагаемые к каждой картине, их символическое значение и толкование. Написаны они были на длинных лентах бумаги, напоминавшей древние папирусы. Так вдохновляла Е.И. своего мужа, и так вдохновлял он её. В нём она нашла то, к чему стремилась.

С самого первого года замужества она проводила лето на раскопках Новгородской губернии. Живя с ним в землянках, просто одетая, как того требовала их совместная работа, на удивление всех родных её, которые не понимали, как она могла мириться с такими, на раскопках (конечно, только летом), первобытными условиями жизни.

И так всю жизнь прошли они рука об руку. Полную взаимного понимания и любви. Вот где настоящий брак двух любящих сердец и душ!

Когда скончалась её мать, после трудной операции, все собрались на панихиду. Е.И., облачённая в траур, но не в креп, как обыкновенно, а в длинную шелковистую, как фата, ткань, и в ней она была очень женственна и хороша. Она во всём всегда, и в том, что касалось её внешности, соблюдала красоту своей одежды. Такой она сохранилась в памяти, такой её все помнили. Позднее она писала своей подруге, другой двоюродной сестре Р., дочери третьей сестры – Людмилы Васильевны, рождённой также Голенищевой-Кутузовой. С этой двоюродной сестрой она была особенно близка и дружна. Эта её кузина не была так красива, как другие её родственницы, но была очень умна, талантливая поэтесса и переводчица новелл иностранной литературы, хорошо знавшая иностранные языки. Е.И. тоже их знала и много позднее встретила свою бывшую гувернантку французского языка, парижанку, и хотя эта француженка была очень мало образованная, тем не менее Е.И. очень радостно её приветствовала, на что указывает её простота обращения со всякого рода людьми.

В своих письмах к своей любимой сестре, уже из Индии, она писала, что вся предается изучению новых откровений, которые так долго искала её душа. И что она уже никогда не покинет той страны и останется там навсегда, лучезарная, светлая и счастливая своими духовными высшими достижениями. Вот и всё, что подсказала память о давно прошедших годах».³

Публикуется по изданию: П.Ф. Беликов, «Рерих» (Опыт духовной биографии). Новосибирск. 1994.

³ 3) «Не соответствует действительности то, что Н.К. и Е.И. после свадьбы поселились на Большой Морской. На эту квартиру они переехали в 1906 году, после назначения НК. директором Школы Общества Поощрения художников. Сам НК. упоминает, что ещё в 1905 году они жили в доме Кенига. На Пятой линии Васильевского острова». (П.Ф. Беликов, «Рерих», с. 37).

⁴ 2) «Рисунков или картин «на длинных листах бумаги», о которых пишет Н.В. Шишкина, мы не знаем по самым подробным спискам произведений Н.К., как эти, так и предыдущие годы. Не известны также и письменные комментарии Е.И. к картинам Н.К., поэтому здесь мы имеем дело или с чем-то утерянным, или с ошибкой мемуариста, вызванной дальностью времени». (Там же).

ПРИЗНАНИЯ...

Из письма Николая Рериха к Антокольскому Л. (6 Ноября 1899 г.):

«Между прочим, всё более и более разочаровываюсь в женщинах. Самые лучшие из них всё-таки не выше среднего, - сие печально»...

Из дневника Николая Константиновича:

30 ноября 1899 г.

«Сегодня была Е.И. в мастерской. Боюсь за себя – в ней очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть её как можно чаще, бывать там, где она бывает».

Н.К. Рерих в своей мастерской перед картиной «Поход». 1899.

6 декабря 1899 г.

«Вчерашний вечер не даёт покою. Кажется [Зачёркнута целая строчка]... Хочется видеть постоянно. [Опять зачёркнута] ...чувства.»

10 декабря 1899 г.

«Кажется, что-то серьёзное выходит к Е.И.»

31 декабря 1899 г.

«Вчера 30-го сказал Е.И. всё, что было на душе....
... Сейчас Новый год. В нём у меня, должно быть, много нового.»

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/13.

1900 г.

* * *

- "Ваша собственная характеристика:
 - **"Странник".**
- Ваше представление о счастье?
 - **Найти свой путь.**
- Ваше представление о несчастье?
 - **Быть непонятым.**
- Где бы Вы хотели жить?
 - **На родине.**

*(Запись Н.К. Рериха в альбоме-вопроснике сестёр Шнейдер 31 мая 1900 г.)
В. Сидоров. «Против течения». М. 1994.*

* * *

«... В 1900 году, попав в Париж, певец старины, вызыватель теней мудрого прошлого Н.К. Рерих остаётся холоден перед модернистическими крайностями того времени – и не удивительно: перед художником лежат пути, по коим никто ещё не ходил.

По возвращении из Франции Н.К. Рерих даёт в Академии и в обществе Мир Искусства две крупные группы своих картин – и в сознании русской публики отныне им занято совсем особое и по характеру, и по масштабу место».

Д. Бурлюк «Творчество Рериха», 1924.

3 Января 1900 г., СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Елене Шапошниковой:

Лада моя, хорошая моя Лада, могу ли я приехать прямо из мастерской?
Этот безобразный вечер, кажется, не хочет наступить.

Всеми помыслами

Твой Н. Р.

3/1 1900

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/149, 1 л.

(Письмо написано на голубой тиснёной бумаге)

ХРОНИКА⁴

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

«Гвоздём предстоящей весенней выставки в Академии художеств будет, вероятно, большое полотно художника Н.К. Рериха под названием «Поход». Художник задался целью изобразить на картине состояние русского войска во время так называемого «удельного периода». Картина изображает холм, по которому поднимаются войска. Войска идут вяло, с поникшими головами. В каждой фигуре чувствуется нерешительность, вялость – характерные признаки тогдашнего состояния наших ратников. Даже собаки на первом плане картины, и те как будто прониклись общим вялым настроением. Впечатление от картины таково, что – налети сейчас на это войско с дюжину «злых татаровьев», и всё войско рассыплется как прах... Пейзаж – серенький и однообразный, как нельзя более в тон с фигурами, и дополняет общее впечатление этой интересной картины.

Россия. 1900. 21 января / 2 февраля. № 266.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ

На днях Императорская академия художеств отправляет через главный комиссариат русского отдела парижской выставки одобренные специальной комиссией из профессоров Академии художественные произведения следующих художников: [*Список художников по алфавиту*]<...>, Н.К. Рериха (Славянские старшины»), <...>.

Все эти художественные произведения, которые одновременно фигурировали на выставках в Петербурге и в других русских городах, отправляются через главный приёмный пункт в Петербурге. Кроме этих произведений, в Париж будут отправлены художественные произведения русских и финляндских художников через отправительные пункты – Варшава и Гельсингфорс – в конце января или в начале февраля.

Биржевые ведомости. 1900. 23 января / 4 февраля. № 22.

⁴ Здесь и далее рубрика «Хроника» публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. 1. СПб. 2004.

14/26 января 1900. «Новое время».

Н. Рерих

ИКОННЫЙ ТЕРЕМ (Этюд)

На Москве в государевом Иконном тереме творится прехитрое и прекрасное дело. Творится в тереме живописное дело не зря, как-нибудь, а по уставу, по крепкому указу, ведомому самому великому государю царю и государю патриарху. Работаются в тереме планы городов, листы печатные, исполняются нужды денежного двора, расписываются болванцы, трубы, печи, составляют расчёты, но главная работа - честное иконописное дело; ведётся оно по разному старинному чину. Всякие иконные обычаи повелись издавна, со времён царя Ивана Васильевича, со Стоглавого собора и много древнее ещё — от уставов афонских.

По заведённому порядку создаётся икона. Первую и главную основу её положит знаменщик и назначит на липовой или на дубовой доске рисунок. По нему лицевщик напишет лик, а долицевщик - доличное всё остальное: ризы и прочие одеяния. Завершит работу мастер травного дела, и припишет он вокруг святых угодников небо, горы, пещеры, деревья; в проскрёбку наведёт он золотые звёзды на небо или лучи. Златописцы добрым сусальным золотом обведут венчики и поле иконы. Меньшие мастера: левкащики и терщики, готовят левкас, иначе говоря, гипс на клею для покрытия иконной холстины, мочат клей, трут краски и опять же делают всё это со многими тайнами, а тайные те наказы старых людей свято хранятся и роде, и только сыну расскажет старик, как по-своему сделать левкас или творить золото, не то даст и грамоту о том деле, но грамота писана какой-нибудь мудрёной тарабарщиной. Подначальные люди готовят доски иконные, выклеивают их, выглаживают хвощом; не мало всякого дела в Иконном тереме и меньшему мастеру терщику, не мало и дьяку и окольничему, правящему теремное приказное дело.

Шибко идёт работа в тереме. А идёт шибко работа за то, что великий царь всея Руси Алексей Михайлович подарил иконников окружную грамотою, сам бывал в тереме и часто жалуется тщаливых мастеров своею царскою брагою да романею, платьем знатным и всякою прочею милостию. Но не только за царскую ласку идёт живописное дело с прилежным старанием, а и потому, что дело это свято, угодно оно Богу, прияло честь от самого Христа Господа, «аще изволих лицо свое на убрусе Авгарю царю без писания начертати», почтется оно и от святых апостолов, и работают живописное дело люди всегда по любви, не по наказу и принуждению.

Утром, на восходе красного солнышка, от Китай-города из Иконной улицы, где живёт много иконников, гурьбами, дружно идут на работу мастера, крестятся на маковки храмов кремлёвских и берутся за дело. Надевают замазанные в красках да в клею передники, лоб обвяжут ремненным, либо пеньковым венчиком, чтобы не лезли в глаза масляные пряди волос, и творят на ногтях или на доске краски. Кто работает молча, насупясь, кто уныло тянет стихиры, подходящие под смысл изображения, иной же за работой гуторит, перекидывается ласковым, либо спорным словом с товарищем, но письмо от таких разговоров порухи не терпит, ибо знает своё дело рука; если же приходится сделать тонкую черту или ографить рисунок прилежно, то не только спор замолкает, а и голова помогает локтю и плечу вести линию, сам язык старательствует по губам в том же направлении. Не божественные только разговоры, а мирские речи ведут иконники и шутки шутят,

но шутки хорошие, без скверного слова, без хулы на имя Господне и честное художество.

Собрались в тереме разные мастера и жалованные, и кормовые, и городовые всех трёх статей; на статьи делятся иконники по своему художеству - иконники первой статьи получают по гривне, мастера второй статьи по 2 алтына по 5 денег, а третьестепенные иконописцы по 2 алтына по 2 деньги. Кроме денег иконникам идёт и вино дворянское, и брага, и мёд цеженный, а с кормового да с хлебного двора яства и пироги.

Некоторые именитые изографы: Симон Ушаков, Иосиф Салтанов и другие прошли не в терем, а в приказную избу оружейной палаты — там они будут свидетельствовать писание новопривывшего из Вологды молодого иконника и скажут про него изографы: навычен ли он писать иконное изображение добрым, самым лучшим письмом, а коли не навычен, то дьяк объявит неудалому мастеру, что по указу великого государя он с Москвы отпущен и впредь его к иконным делам высылать не велено, а жить ему на Вологде по-прежнему.

* * *

Промеж работы ведутся разговоры про новую окружную грамоту. Сгорбленный, лысый старик изограф с картофельным носом, важно подняв палец, самодовольно оглядывает мастеров и твердит место грамоты - видно, крепко оно ему полюбилось:

- «...Тако в нашей царской православной державе икон святых писателие тщливии и честнии, яко истиннии церковници церковного благолепия художници да почтутся, всем прочиим председание художникам да восприимут и кисть различноцветно употребленна тростию или пером писателем да предравенствуют». Не всякого человека почтит великий государь таково ласковым словом!

- Да так и во все времена было. Ещё Стоглав велит почитать живописателей «паче простых человек».

- А что такое паче? Коли перед простым человеком шапку ломаешь, то перед иконником надо две сломать?

- И кто есть простой человек? Я скажу, что сам боярин при живописателе человек простой, ибо ему Бог не открыл хитрости живописной.

- Коли не твоего разума дело — не суесловь; всякому ведомо, что есть почитание иконописцев, честных мастеров. Почитаются они и отцами духовными, и воеводами, и боярами, и теми людьми, — вступился старик и похваляется тем, что сам антиохийский патриарх Макарий челом бил государю на присылке икон, вот-де каково русское иконописание, а того не вспомнил старый, что патриарху иначе и негде было бы удобнее докучиться об иконах. (Впрочем, это рукоделию московских изографов — не в укор сказано.)

Говорят и дивуются мастера, как выходец шаховой земли изограф Богдан Салтанов повёрстан по московскому дворянскому списку; такому делу, чтобы иконник верстался в дворяне - ещё не бывало примера. О Салтанове голоса разделились: одни подумали, что пожалован он за доброе художество, другие подумали, что за принятие православной веры. От шахового выходца Салтанова заговорили и о прочих всяких иноземцах; вспомнили, как непочтительно отнеслись некоторые из иноземцев к благословию патриарха и как за то патриарх разгневался и приказал им по одежде быть отличными от русских людей. Одни не прочь и за иноземцев, а другие на них — зачем-де часто великий государь жалует заморских мастеров лучше, Чем своих, а по художеству и свои, часом, не хуже взбодрят.

- Вон, поди, лопуцкого мастера хвалили, нахвалили, а он того доучил, что сами ученики его челобитье подали, как мастер их живописному мастерству не

учил. И была то не выдумка, а правда, после чего поотнимали у него учеников и отдали Даниле Вухтерсу.

Особенно нападает на заморских мастеров длинный иконник с ременным венчиком на прямых льняных волосах; по его речи выходит, что нечего иноземцам потворствовать, коли своим жалованья не хватает, и указывает ни на Ивашка Соловья, иконника оружейной палаты, отставленного за скорбь и старость, и как скитался он сам-четверт с женишкою и с робятишки между двор, где день, где ночь, и ноги босы, о чём и челобитье писал Соловей государю и просился хоть в монастырь поступить.

Но длинному возражают, на память приводят, как государь и патриарх входят даже в самые мелкие нужды иконников, коли до них дело доходит:

- Так-таки и отписал патриарх: Артём побил мужика Панку, от воров боронясь, хотя бы и больше перерезал, от них боронясь, всё же малая его вина.

- Что говорить, грех государю, коли об иноземцах паче своих бжежение имеет, и свои государеву пользу блюдут накрепко: Ушаков, как отрезал, - боярам сказал, что грановитые палаты вновь писать самым добрым письмом прежнего лучше или против прежнего в такое время малое некогда: приходит время студёное, и стенное письмо будет не крепко и не вечно. И ведь все думали, что переписывать осенью станут, а как Симон-от отрезал, так и отложили.

* * *

Двери Иконного терема висят на тяжёлых кованных петлях, лапка петель длинная, идёт она во всю ширину двери, прорезная узором. Заскрипели петли - отворилась дверь, пропустила в терем старых изографов и с ними боярина и дьяка. Пришли те именитые люди с испытания; сего ради дела изографы разоделись в дорогую жалованную одежду: однорядки с серебряными пуговицами, ферези камчатные с золототкаными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зүфные, штаны суконные с разводами, сапоги сафьяновые - так знатно разоделись изографы, так расчесали бороды и намазали волосы, что и не отличишь от боярина.

На испытание вологжанин, крестьянский сын Сергушко Рожков, написал вновь иконного своего художества воображение, на одной дуге образ Всемилоствитого Спаса, Пречистая Богородицы и Иоанна Предтечи. И по свидетельству московских изографов Симона Ушакова со товарищи, Сергушко оказался мастер добрый. Иконники окружают нового товарища, спрашивают, кто у него поручники, потому за новопринятого должны поручиться иконники бывалые, должны поручиться в том, что если Сергушко у государевых иконописных дел быть не учнёт или сбежит или забражничает, и на поручниках пеня Государя царя; расспрашивают, откуда Сергушко родом, каково теперешнее художество на Вологде, как живут мастера вологодские, и слушают сергушкины сказки. Сергушко рассказывает, что Матвей Гурьев иконник обманом ушёл из Знаменского монастыря с Вологды и живёт на Тотьме, Агей Автомаков, да Дмитрий Клоков устарели, Сергей Анисимов стемнел, а которые иконники сверх того есть, и те у государева иконного и у стенного и ни у какого письма не бывают, потому что стары и увечны и писать никакого письма не видят и разошлись в мир для ради недороды хлебные кормиться Христовым именем, ибо люди они старые, и увечные, и скудные, и должны. Слушают иконники невесёлые вологодские сказки, глядят на старый кафтан Сергушкин; неуместен такой кафтан в светлом тереме, смешны заплаты при золототканных окротах. Помялись, потупились и опять расспрашивают Сергушку, каким письмом пишут иконы по вологодским сёлам и заглушным местам, не пишут ли там иконы с небрежением, лишь бы променять тёмным поселянам невеждам? Хранят ли древние переводы? - об этом-де дал государь грозную грамоту, когда дошла до него весть о неискусных живописцах холуйских.

С окольничим разговаривает только что вошедший в терем заморский мастер цесарской земли Данило Вухтерс; подошёл он к боярину с низкими поклона-

ми, хитро, выгибая тонко обутые ноги, и говорит (толмач переводит), а смысл его речи такой, что, мол, ради пресветлой неизреченной милости царя и многомилостивого и похвального жалованья решился он на трудную поездку в Московию; улаживается Вухтерс с боярином, сколько он будет получать жалованья; порешили: будет получать Вухтерс - денег 20 рублей, ржи 20 четвертей, пшеницы 10, круп грешневых четверть, гороху две чети, солоду 10 четей, овса 10 четей, мяса 10 полоть, вина 10 вёдер. Поскулил Вухтерс набавить 5 белужек, да 5 осетров - набавили и напишут поручную - будет Вухтерс учить русских мастеров писать мастерством самым мудрым.

Отошёл боярин от Вухтерса и теперь решает с дьяком и с жалованными мастерами: откуда способнее вызвать иконников на время росписи Успенского собора, ибо для этой работы не хватит теремных и городских мастеров московских. Степенно приказывает боярин дьяку:

- Изготовь, Артамон, грамоту во Псков, чтобы сыскали по росписи и сверх росписи иконописцев всех, что ни есть: и посадских людей, и боярских, и княжеских, и монастырских, и торговых, и всяких людей, у кого ни буди, только чтобы стенном церковному письму прорухи не было.

Сыскать и вызвать мастеров надо неспроста, надо наблюсти строгую очередь, иначе будут жалобы, что-де, иным иконописцам в дальних волокитах чинятся многие убытки и разоренье, а других вовсе к стенному письму не емлют. Хорошим мастерам везде дело есть; добрыми мастерами всякий дорожит; с великим нехотеньем отпускают их в ненасытную Москву. Лишь бы сохранить иконника, и воеводы и даже духовные люди - игумены и архиереи - идут на обман, готовы сообщить в Государев терем облыжные сведения, нужды нет, что их уличат в бездельной корысти и шлют к ним самопальных с грозными указами, а святые отцы и государевы слуги всё же покажут добрых мастеров в безвестном отсутствии и укроют их в монастырских кельях — уж такая всюду необходимость в истинствующих иконниках.

* * *

- Смилуйся, пресветлый боярин, не дай вконец разориться! — пробирается к боярину ободранный мужичонко и, дойдя, кланяется земно.

- Докучаюсь тебе, боярин, о сынишке моём, иконной дружины ученике. Смилуйся, отец, на парнишку! Вконец изведёт его мастер корысти ради, и грозы нет на него, потому и сбежать от него невозможно — больно велика пеня показана. Вот и список с поручной.

Дьяк принимает поручную; молча просматривает её, сквозь зубы процеживает: «Дожив своих реченых лет, не сбежать и не покрасть» — и вполголоса читает боярину:

- ... а будет сын его Ларионов, не дожив урочных лет от меня пократчи сбежит, взяти мне в том Ларионе по записи за ряду двадцать рублей». Да, пеня немалая проставлена, уж пятнадцать рублей и то большая пеня, В двадцать и того несообразнее. «А дело-то в чём?» — спрашивает дьяк, недовольный, что судьбище будет при всех, при боярине, и не придётся ему, дьяку, распорядиться с челобитчиком по-своему, по-приказному, и не будет ему, дьяку, никакой пользы.

- Бью челом на мастера иконного Терентия Агафонова, — зачистил мужичонко, - что взял парнишку моего в учение, и тому пошёл без малого год третий, а живописному письму не учил, только выучил по дереву и по полотнам золотить. И ученье мастера этого негожее; учит он не в ученика пользу, а в свою; промеры телесные даёт неверные, ни ографить, ни знаменить искусно, ничему не учил. А что парнишко напишет добрым *письмом* по своему разумению, и то мастер альбо похуляет, альбо показывает работой ученика иного, своего племянника, и моему парнишке ни пользы, ни чести не выходит. И на том смилуйся, боярин, и, по-

жалуй, взять мне парнишку моего Ларивонку домой без пени! - кланяется мужичонко, а позади его выдвигается тощий человек в тёмной однорядке и, заложив руку за пазуху, кашлянув, переминаясь, начинает:

- И в учении Стоглавого собора в главе 43 сказано есть: аще кому не даст Бог такового рукоделия, учнёт писати худо или не по правильному завещанию жити; а мастер укажет его горазда и во всём достойна суца и показывает написание иного, а не того, и святитель, обыскав, полагает такового мастера под запрещением правильным, яко да и прочий страх примут и не дерзают таковая творити. - Сказано есть во Стоглаве, а посему повинен мастер Агафонов, что дружит ко своему племяннику и тем неправое брежение к Государеву делу имеет. Племяннику его не открыл Бог рукоделия, и коли Агафонов своею нелепою хитростью устроит племянника своего в тереме, и на том царскому делу поруха...

- А ты что за человек? — перебивает его дьяк.

- Он, значит, свояк мой Филипко; парнишку моего жалко ему. Ен, парнишко-то, добрый, да вот неудача в мастере вышла, прости, Создатель! А что Агафонов на племяннике на своём душою кривит — это точно, и племянник-от его живёт бездельно, беспутно шапствует, а парнишко мой за него виноват.

- Челобитье твоё большое и хитрое, — нахмуривается боярин (и нахмуривается не тому, чтобы жалел царское дело, а тому, что не скоро придётся ему уйти из терема домой). - На народе негоже судиться, идите в Приказную избу; туда позвать и Терентия; он где работает? Здесь? — распорядился боярин.

- Терентий не в тереме сейчас пишет, а в пещерах от Красного крыльца.

-Посылайте за ним; пусть не мешкает, бросает работу и бегом идёт в Приказ, — уходит боярин, с ним дьяк и челобитчики.

Иконники притихли; знают, что над товарищем стряслось недоброе, но знают и то, что недоброе это заслужено, хотя не только Терентию, а и некоторым иным мастерам грозит та же гроза за дружество и милость к своим родным.

- Да, — решает Симон Ушаков, а все знают, что Симон зря слова не скажет, - всё-то корысть, всё-то шапство, а любви к делу не видно. Продаёт Терентий хитрость свою живописную, богоданную, только о себе думает: и поделом ему, коли наложат на него прещение и будет он сидеть без работы. Не завидуй; веди своего ученика честно, не криви душой, не укрывай таланта. Недаром не любили молодые Терентия!

Молчат иконники; многие понурили головы, глядят на работу, не поднимают глаз. Думается им: «Хорошо говорить Симону, не все такие, как он», - а они уже не любят Ушакова, зачем он знатен в художестве, зачем все слушают его, зачем он говорит правдивое слово. Но, слава Богу, думают так не все, и больше половины искренно кивают головою Симону на добром слове его. Такими мастерами, как Симон, и держится живописное дело. Теперь не так скоро опять загудит говор, не так скоро усмехнётся кто-нибудь. В полдень отобедают, отпужинают, а там и до конца работы недолго.

* * *

В углу старый иконник — борода крупными куделями упала на грудь, нос сухой с горбинкой, глаза глубоко запали в орбитах — протяжно ударяя на "о", поучает молодого:

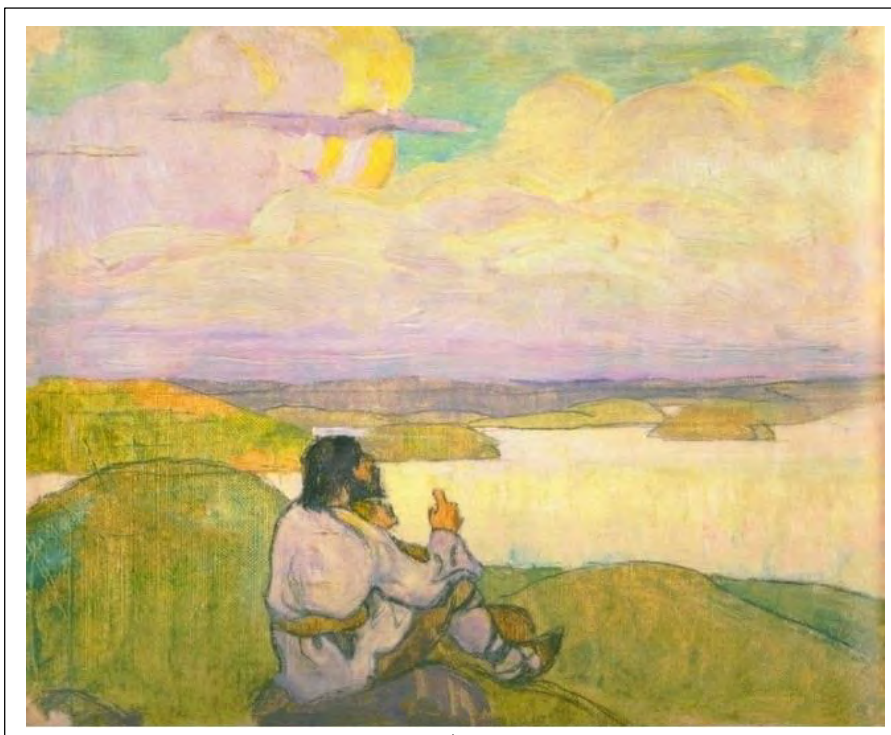
- ...дали ему святую воду и святые мощи, чтобы смешали святую воду и святые мощи с красками, написал святую и освящённую икону. И он писал сию святую икону и только по субботам да воскресеньям приобщался пищи и с великим радением и бдением в тишине великой совершил её...

- Что-то Оленка? — мелькает о человеческом у молодого, а изогаф будто угадывает его мысли, ещё строже впивается в него своими стальными глазами и твердит внушительно:

- Спаси Бог нынешних мастеров! Многие от них пишут таковых же святых угодников, как и они сами: толстобрюхих, толсторожих, и руки и ноги яко стульцы у каждого. И сами живут не истинно, не помнят, да подобает живописцу быть смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце, но и паче ж хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением. А не можешь тако пребыти до конца, то женись по закону и браком сочetaйся и приходи ко отцем духовным и во всём извещайся и по их наказанию подобает жити в посте и молитвах и воздержании со смиренномудрием, кроме всякого зазора, и с превеликим тщанием пиши образ Господа; да мнутя люди страстями телесными, ты же, духовно ревнуя ко славе честного художества, подвизайся кистью и словом добрым. Не всякому даёт Бог писати по образу и подобию, и кому не даёт — им вконец от такового дела престати, да не Божие имя такового письма похуляется. И аще учнут глаголати: «Мы тем живём и питаемся», — и таковому их речению не внимати. Не всем человеком иконописцем быти: много бо и различно рукодействия подаровано от Бога, им же человеком препитатись и живым быти и кроме иконного письма... - поучает мастер.

Закату не осилить слюдяных оконцев. В тереме темнеет. Расходятся иконники. Не блестят венчики и узоры на ризах. Дрожат тёмные очертания ликов, и острее сверкают большие белые очи угодников. Сумрак ползёт из углов, закутывает серым пологом запасы иконных досок и холстины, смягчит тени станков. Истоиво и мерно звучит поучение о добром живописном рукоделии. Творится в Иконном тереме хитрое и красное дело.

Новое время. 1900. 14/26 января. № 8578. Пятница. С. 2.

Н.К. Рерих. Рассказ о Боге. [1900-е].

ФЕВРАЛЬ

ХРОНИКА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМ В ПОЛЬЗУ БУРОВ

С.-Петербург – Трансваль. Издание голландского комитета для оказания помощи раненым бурам. Цена 3 руб. Склад у пастора Гиллота (Невский, 20).

Более сорока русских художников отозвались на призыв голландского комитета и дали свои произведения для художественной складчины в пользу раненых буров. Образовался изящный альбом в 33 листа, превосходно исполненный в художественной мастерской А.И Вильборга. <...>

Эскиз И.Е. Репина «Давид пред Голиафом», исполненный пером и тушью, хотя и помечен 1898 годом, как нельзя более подходит к современным событиям и представляет маленький шедевр. В альбом внесли свои лепты оригинальными рисунками и многие другие художники, среди которых выделяются «Старик» В.Е. Маковского, «Боярышня» К.Е.Маковского, «Старый дом» С.С. Соломко, «Заря богатырства русского» Н.К. Рериха, пейзажи гг. Лагорио, Кисилёва, Гуркина <...>

Комитет в лице своего председателя пастора Гиллота высказывает в заключительном слове глубокую благодарность печати и частным лицам, но главным образом «одному великому собирательному целому – русскому народу» и заканчивает следующими симпатичными словами: «Возможность подобной благодарности поднимает нас самих из повседневной действительности в мир идеалов и убеждает, что, сколько бы люди ни были поглощены заботами о насущном хлебе, для них в минуты душевного подъёма доступно и всё великое и святое».

Новое время. 1900. 4/16 февраля. № 8599.

Хроника

Как мы уже сообщали, по мысли Н. К. Рериха слушатели Археологического института предприняли труд по составлению археологической карты С.-Петербургской губернии. Предприятие это находится ещё в стадии подготовительной, участники собирают сведения о разнообразных остатках старины, разбитых по разным источникам. И вот эта предварительная, пока ещё далеко не полная работа дала уже следующие результаты для Лужского уезда. Выяснилось, что различные земляные остатки старины имеются более чем при ста селениях, приблизительно в количестве 1500. Разнообразие этих остатков отдалённой старины удивительно. Тут встречаются: насыпи, курганы, могилы, сопки и сопочки, коломища, кладбища и, наконец, холмы без достаточного исторического материала. Огромное большинство этих остатков ещё ждёт своих исследователей, которые должны явиться неотложно, ибо по имеющимся данным многие из этих исторических памятников, скрывающих в себе «настоящую колыбель нашей народной жизни», постоянно исчезают. Особенный же интерес в Лужском уезде возбуждают окрестности Яблоницкой волости.

Новое время. 1900. 5/17 февраля. № 8600.

Так же: Россия. 1900. 5/17 февраля. № 281; Исторический вестник. 1900. Апрель. № 4. .

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ.

При состоящем под Августейшим покровительством Е.И.В. Великого князя Сергея Александровича СПб. Археологическом Институте, в настоящее время, членами и слушателями Института, под редакцией преподавателя Н.К. Рериха, составляется археологическая карта С.-Петербургской губернии.

В виду желательной полноты издания, составители карты обращаются к Вам М.Г. с покорнейшею просьбою не отказать сообщить в системе нижеописанной, руководствуясь приложенными примерами, сведения о местных древностях, по мере возможности в самом ближайшем времени.

I. Курганы (по местностям называемые также сопками, коломищами, Шведскими могилами, Литовским разореньем, старыми кучами и пр.). Желательно отметить их:

- 1) *Местонахождение* (уезд, волость, селение, урочище, местное название, близость воды, - если при реке, то на котором берегу – и приблизительное расстояние, а также направление (на Восток, Запад, Юг или Север), от ближайшего поселка).
- 2) *Высоту насыпей и число их* (хотя бы приблизительно).
- 3) *Внешнюю форму* (конусообразную, с осевшей вершиной, полушаровидную, расплывчатую и т.д.)
- 4) *Внешнее устройство* (не обложены ли насыпи камнями; если обложены, то только по основанию или по всей поверхности; не имеется ли на Востоке и Западе валунов величины особо большой; на вершине насыпи не имеется ли креста или камней; если имеется, то какой формы крест и в каком порядке камни).
- 5) Если курганы исследованы, то кем именно *и каково их внутреннее устройство и содержание* (какие-либо подробности находок).

II. Могилы (по местностям называемы жальниками, могилами и пр.) Желательно отметить их:

- 1) *Местонахождение, расположение и число* (уезд, волость, селение, урочище и прочие сведения необходимые и при отметке курганов).
- 2) *Внешнюю форму и устройство* (какую фигуру представляет могила? круг из камней? четырехугольник? овал? вся выложена как бы сводом камня или отмечена камнями по основанию? имеется ли крест на могиле? если имеется, то какой формы и материала).
- 3) *Длину и ширину могилы.*
- 4) Если могила исследована, то ее *внутреннее содержание и устройство* (подробности и особенности находок).

III. Городища и пещеры (места былых укреплений и поселений). Желательно отметить их:

- 1) *Местонахождение и название.*
- 2) *Расположение и внешний вид.*
- 3) *Находки при них и связанные с ними предания.*

IV. Случайные находки предметов древности, не приуроченные к какому-либо определенному памятнику. Желательно отметить их:

- 1) *Местонахождение.*
- 2) *Способ нахождения* (при пашне, на берегу реки и т.п.).
- 3) *Качество* (Какие именно предметы найдены: монеты, каменные орудия, бронзовые и железные предметы).

V) **Предания и сказания** о различных местностях и урочищах, не отмеченных особым внешним устройством.

VI) *Церкви и часовни* (возможно полное описание местонахождения, а также внутреннего и внешнего вида древних деревянных церквей и часовен.

VII) Описание *старинной церковной утвари*.

Всякое доставленное Вами М.Г. сведение будет с благодарностью рассмотрено и послужит к успеху такого необходимого для столичной губернии издания, как археологическая карта, причем, в случае желания Вашего, имя Ваше будет приведено в источниках, способствовавших изданию.

Лист со сведениями можно адресовать СПб. Археологический Институт на имя редактора составляемой карты, преподавателя Института Н.К. Рериха.

Пример желаемых сведений:

Царскосельск. у. Сосницкая волость м. <i>Калитино.</i>	В парке имени обширное курганное поле, содержащее до 600 насыпей самого разнообразного внешнего вида и устройства. Центр курганного поля занимают крупные конусообразные насыпи до 5 ар. выш. и до 9 ар. диаметром, по краям и особенно с западной стороны насыпи понижаются до ½ ар. выс. и приобретают расплывчатую форму. Все насыпи окружены по основанию каменным кольцом, при некоторых более низких насыпей на Востоке и Западе имеются валуны особо большой величины. Крупные насыпи содержали погребение с трупосожжением с находками ножей, копий, топоров и горшков. Меньшие насыпи содержали погребения на кострище в сидячем и лежащем положении лицом на В. и два на Юг.	Сообщено Н.К. Рерихом.
Царскосельск. у. Сосновицкая волость д. <i>Черная</i>	Между деревнями Черная и Сосницы при впадении лесного ручья в р. Изварку расположено, на холме высотой до 5 саж., городище треугольной формы: две стороны длиной до 35 саж., пользуются водной защитой, третья укреплена валом, на котором раскопкою обнаружены следы сгоревшего деревянного сооружения. На площади городища, теперь густо поросшей березняком, найдены очаги сложенные из булыжников, содержащие много золы. Въезд в городище в средней части со стороны защищенной валом.	Сообщено Н.К. Рерихом.

Напечатано по распоряжению СПб. Императорского Археолог. Инст.

Типография А.П. Лопухина. Тележная ул. д. № 5.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/580, 1 л.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Директором музея Императорского Общества поощрения художеств, на место умершего Д.В. Григоровича, комитетом Общества назначен академик М.П. Боткин, а помощником его художник г. Рерих.

Художник Рерих только что окончил большое художественное полотно «Поход древней Руси». Картина эта появится на предстоящей академической выставке в залах Императорской Академии художеств.

Биржевые ведомости. 1900. 6/18 февраля. № 36.

ХРОНИКА

5-го февраля на общем собрании экспонентов предстоящей выставки в Императорской Академии художеств большинством голосов избраны в комитет выставки следующие лица: В.А. Беклемишев, К.Я. Крыжицкий, В.Е. Первит, Ф.Э. Руциц, Н.П. Химона, В.И. Зарубин, Н.К. Рерих, К.А. Стабровский, А.А. Рылов. И.Я.Ггинцбург, И.С. Богатырёв, Я.М. Розенталь, А.Н. Бенуа, А.А. Борисов, К.О. Глуценко. Кандидатами на случай выбытия членов комитета избраны И.Е. Репин и В.И. Вальтер.

Новое время. 1900. 6/18 февраля. № 8601.

ХРОНИКА

Акварельная выставка закрывается в воскресенье, 13 февраля. В настоящее время в залах Академии художеств уже производится экспертиза картин для академической выставки, которая откроется в середине масляной недели. На выставку доставлено до 700 художественных произведений. Среди них имеются: полярный пейзаж А. Борисова и из времён начала Руси Н. Рериха, произведения В. Беклемишева, К. Крыжицкого, В. Зарубина, Ф. Руцица, В. Пурвита и др. художников.

Новое время. 1900. 10/22 февраля. № 8605.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

Комитет предстоящей Весенней выставки в Академии художеств приступил уже к осмотру картин, которых, как говорят, доставлено около 400 №№. Очень крупных полотен в этом году на выставке нет. Самые большие полотна принадлежат кисти г. Рериха и г. Скиргелло. Картина г. Рериха изображает «Поход» древнерусского войска, картина Скиргелло – «В небесах» - носит аллегорический характер. По обыкновению, очень много представлено пейзажей. Давно уже не появлявшийся на петербургских выставках профессор К. Орловский прислал два небольших пейзажа. Из пейзажей заметны произведения Столицы («Талый снег» и др.), Руцица («Мельница»), московского художника Гермашева («Первый снег»), Федоровича («Стоги»), К.Я. Крыжицкого (финляндские мотивы), А.А. Борисова (этюды дальнего Севера), Околовича («Летний вечер»), Фёдоровой, Пурвита и т. д. Портретов прислано на выставку немного. Больше всего прислал портретов Я.Ф. Ционглинский (артистки Л.Б.

Яворской и г. Жуковских и др.), Скалона и т. д. Очень богатым обещает быть на выставке скульптурный отдел. <...>

На выставку прислали свои произведения многие иностранные художники и скульпторы <...>.

Выставку предполагается открыть 12-го февраля, к каковому времени гг. акварелисты выразили своё согласие очистить залы Академии. Очень вероятно, что многие из перечисленных выше художественных произведений будут забракованы экспертной комиссией. Кстати, избранные в последнюю вице-президент Академии художеств гр. И.И. Толстой и художник Браз от этой миссии. Экспертная комиссия состоит из 15 лиц.

<...> Почтенный И.Е. Репин выбран только в кандидаты, равно как и художник И.Ф. Вальтер.

Россия. 1900. 10/22 февраля. № 286.

[10 февраля 1900 г. СПб.]

ПИСЬМО Н.К. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Хорошая моя Лада, положительно не всё на Руси пропало.

Сегодня произошло событие, которое будет иметь огромные для русского искусства последствия. Слушай, в чём дело: сегодня нам в Комитете начали приказывать (академические заправилы) принять на выставку нежелательные нам картины, кроме того, авторы непринятых картин начали скандал и обвинили нас в кружковщине, в принятии только своих вещей, в несправедливости и во всяких гадостях. После всех этих помойных душей мы (молодые комитетские) собрались и порешили уйти из комитета, снять свои вещи с выставки и устроить свою собственную. Посмотрим, на чьей стороне сила и правда, – ведь ни для кого не секрет, что выставка держалась нашими вещами.

Завтра будет решительный день – общий подъём небывалый, и мне хочется, чтобы Ты была в курсе дела и радовалась вместе со мной, что ещё возможны принципиальные движения и душевные подъёмы. Мне чуется, что из этого выйдет дело большое и знаменательное. Помнишь, передвижники ушли из Академии?

Предстоит масса хлопот, разъездов и разборок, но всё это для общего дела. Сообщу о ходе дела и при возможности прискачу сам.

Видишь, как я о Тебе думаю. Теперь два часа ночи; Ты уже спишь, а я о Тебе думаю и знаю, что Ты понимаешь, как меня волнует это дело. Дома, конечно, были против нашего похода. По счастью, наши вещи не слабые, и нам удастся устроить порядочную выставку. Надо заручиться прессой и мнением общества, и тогда держись!

Спи покойно, моя милая, моя хорошая Лада. Из не художников только за Тебя и верю, что будешь рада и оценишь наше движение. Оказывается, мы ещё не совсем кисель и ещё можем чувствовать и бороться.

Ну, вперёд без оглядки!

Я думаю, скоро приеду. Играй и работай – мы же действуем.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/179. 2 л.

ХРОНИКА

Сторонний

«Отцы и дети» Весенней выставки

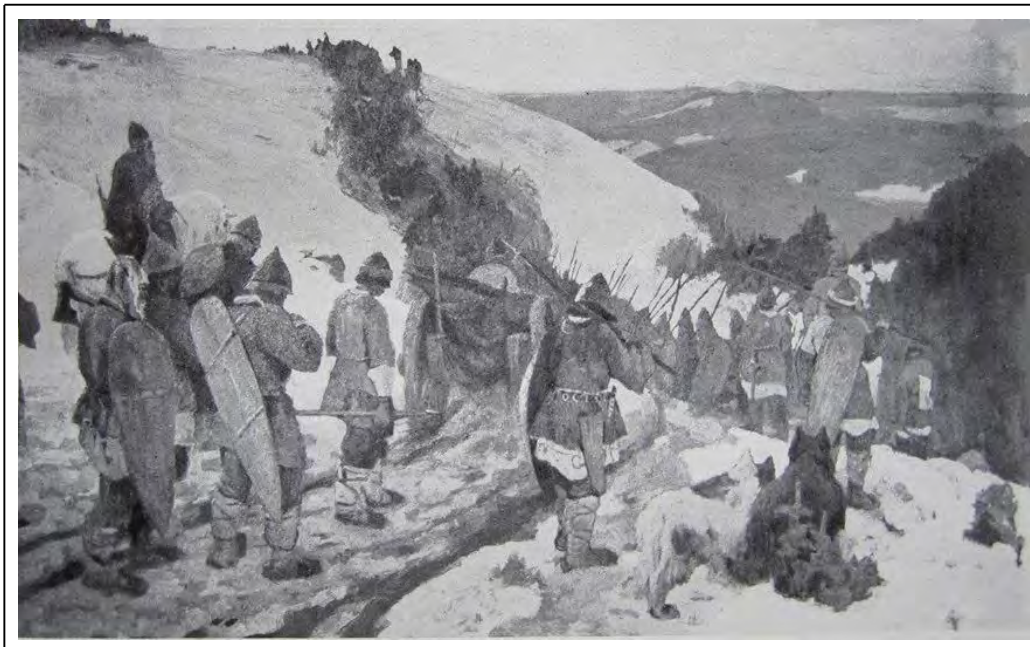
В Академии опять не всё ладно. Опять волнуются «отверженные» и хлопчут об открытии своей непредвиденной выставки. Разница между старыми и новыми неурядицами главным образом та, что прежде отверженные жаловались на пристрастный суд профессоров-рутинёров, а теперь недовольны комитетом, состоящим из самых новеньких художников последней формации, ими же самими из своей среды избранных. Это вовсе не значит, что прежде отверженные были исключительно из новаторов, а теперь наоборот, из представителей старой школы. Беда значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Возьмём голые факты. Перед нами лежит список лиц, представивших свои произведения на Весеннюю выставку. Их 169 (считая И.К. Айвазовского, стоящего вне конкурса). Число представленных работ простиралось до 700. На открывшуюся выставку проникло только 289 номеров, принадлежащих 98 лицам. Таким образом, выброшены за борт 71 человек с четырьмя сотнями работ, из которых иные очень крупные по размеру и положенному на них хотя бы только механическому труду, быть может, всё это – плохие, никому не известные и бездарные конкуренты? Вот, однако, на выдержку три небезывестных имени: Орловский (известный пейзажист), акад. Липгардт, г. Розен. Прибавим сюда же имена Скиргелло и Шмарова, картины которых не так давно приобрела Академия для своего музея, и кроме этих пяти – ещё 66 человек! Бесспорно, у самого даровитого художника могут случиться неудачные работы. Мы не берёмся судить о тех, которых нельзя видеть. Но вот произведения В.Д. Орловского красуются теперь на выставке в Академии наук. Пусть каждый пойдёт и посмотрит на его картину «Летний день».

Теперь о жюри. «А судьи кто?..» Их по уставу пятнадцать. Исключив такие имена как Беклемишев, Крыжицкий, Борисов, Рерих, мы встречаемся с именами или ещё сомнительными, или совсем неизвестными, как, например, гг. Вальтер, Розенталь, Глуценко, Химона, Рылов... Таких большинство. Выбросив три картины проф. Орловского, гг. судьи, т.е. полномочные хозяева выставки, провели свои картины, число которых выражается следующими цифрами: г. Вальтер – 13 картин, г. Химона – 9, г. Пурвит – 14 и т.д. ...

Новое время. 1900. 24 февраля/8 марта. № 8618.

**19 ФЕВРАЛЯ –
ОТКРЫТИЕ ВЕСЕННЕЙ ВЫСТАВКИ КАРТИН В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВ.**

Ч/б снимок с картины Н.К. Рериха «Поход» помещён в журнале:
Новое время. 1900. 19 февраля. № 8614.

ХРОНИКА

Выставку картин в Императорской Академии художеств посетили вчера 19-го февраля их императорские высочества президент Академии великий князь Владимир Александрович и великий князь Георгий Михайлович.

Объяснения давали вице-президент Академии гр. И.И. Толстой, В.П. Лобойков, В.А. Беклемишев и Н.К. Рерих.

Автор картины «Поход» (Русь), снимок с которой помещён в субботнем приложении «Нов. вр.» (№ 8614), - Н.К. Рерих. Картина эта, выставляемая в Академии художеств, была на конкурсе в Императорском Обществе поощрения художеств, бывшем 19-го февраля, и удостоена премии, как и картина г. Зейденберга «Ушкуйники». В настоящее время обе картины уже доставлены в Академию художеств.

Новое время. 1900. 21 февраля/5 марта. № 8615.

22 Февраля 1900 г. СПб.

Письмо Н. К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Хорошая моя Лада.

До такой степени у меня начала сходить со лба кожа, что завтра обреку себя на сиденье у доктора, и если к 7 1/2; час. не буду, то приеду в Субботу.

Читала ли, как разнёс нас Кравченко? И все против. Вчера в собрании Академии Боткин говорил о прекращении выставки.

Твой весь

Н.Р.

22 Февр. 900 г.

Насморк ко мне не пристал. Думаю, что и Твой прошёл.

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/152, 1 л.

Н. Кравченко

Выставки картин

В воскресенье состоялось официальное открытие Весенней выставки в Академии художеств и «вернисаж» VIII выставки С.-Петербургского Общества художников в Академии наук. Огромные залы Академии художеств, как всегда, уставлены мольбертами, на которых висят большие и малые картины, большей частью - пейзажи. Ходит пока немногочисленная публика, главным образом, свои люди, и уныло посматривает по сторонам на все эти бесчисленные пейзажи и пейзажики, в которых слабые, в техническом отношении, молодые пейзажисты стараются прикрыть свои недочёты «настроением». Милое слово! Как только художник чувствует, что дело плохо, что даль не удалась, что картина черна, как грязный сапог, что он вообще недостаточно учился и так же твёрд в рисунке и живописи, как молодой желторотый утёнок — сейчас: «Да, но знаете, ведь у меня главное — настроение».

И вот по всей академической выставке теперь разлито «настроение», от которого не знаешь куда деваться, а между тем смотреть нечего. На этой выставке нет картин, нет ни одного серьёзного замысла, ни одной крупной работы, и вся эта толпа молодёжи, такая самоуверенная на общих собраниях экспонентов Весенней выставки — оказывается беспомощной и, большей частью, слабой как художники.

Повторяется, к сожалению, та история, которую вечно приходится наблюдать там, где на самостоятельную дорогу выходят ученики. Пока они сидят в классе, следят за указаниями профессора — совершенствуются и подают большие надежды, но как только остались одни — руки опускаются. Все наши молодые пейзажисты, пока над ними стоял такой чуткий художник, как А. И. Куинджи, - подавали большие надежды, но чем меньше становится влияний, чем слабее его присмотр за ними, тем всё хуже и хуже и их произведения.

Два года тому назад Весенняя выставка имела необычайный успех, и самоуверенный кружок молодых художников приписывал его всецело себе, забывая о чрезвычайно интересных работах Катарбинского, Рубо, Брандта, произведениях настоящих и больших художников; уже в прошлом году успех был

почти вдвое меньший, и это как нельзя лучше выразилось числом посетителей. Некоторые старались объяснить это несочувствием прессы! <...> Хороша или нет была картина Семирадского [«Дирцея»], но, во всяком случае, это была серьёзная работа большого художника, и, как бы то ни было, она заинтересовала всех, подняла на ноги многих домоседов и, потащивши их на выставку, создала необычайный успех. Что же из того, что выставлено теперь на весенней выставке, может сделать нечто подобное? «Поход» Н. Рериха или эти бесчисленные и бесцветные пейзажи «с настроением» господ пейзажистов? Что там ни говори, а всё-таки от всего этого пахнет попытками способных людей, которые, как только ушли из-под руки А. И. Куинджи, сами не знают, что делать, и пробавляются серенькими, сумеречными пейзажиками. Ни одного замысла, ни одной большой картины. Да, картины, а не большого этюда или панно.

[далее о А. Борисове, В. Пурвите, Ф. Руцице, В. Зарубине, В. Вальтере]

...Картину дал всё-таки только один — Н. Рерих. Это «поход» старой Руси. Трудно сказать «какой поход», «когда он был», «по какому поводу». Это просто поход, каким он должен казаться в представлении каждого, кто читал эти бесконечные неурядицы, междоусобные войны, набеги. Старые русские ратные люди, вооружённые в тяжёлые, неуклюжие доспехи, медленно тянутся по протоптанной в снегу дороге. Идут они как-нибудь, без всякого строя, по двое, по трое, медленно поднимаются на высокий бугор, в последний раз обрисовываются на светлом небе силуэтом и исчезают в огромной, волнистой равнине, кое-где покрытой лесом и снегом. При всех своих чисто ученических недостатках, это всё-таки картина! Одна-единственная на всю выставку.

Интересен ещё отдел скульптуры, да портрет П. Д. Боборыкина, оригинальный по колориту, написанный Бразом.

Россия. 1900. 22 февраля / 6 марта. № 297.

27 февраля 1900 г.

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА КАРТИН В ЗАЛАХ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

(фрагмент статьи)

<...> среди почти трёхсот номеров выставки есть пять-шесть картин, авторы которых вполне заслуживают поощрения со стороны Академии. На этих картинах я только и остановлюсь. Две из них получили премии в Императорском Обществе поощрения художеств накануне открытия Весенней выставки. Это произведения гг. Н.К. Рериха и С.М. Зейденберга. Картина первого из них называется «Поход», второго – «Ушкуйник». О г. Рерихе мне уже случалось говорить в моих тчѣтах, и с каждым его новым произведением его крупное художественное дарование проявляется ярче, хотя от некоторых своих недостатков он избавляется не с желательной быстротой. Положительная сторона его картин – это стремление проникнуть в ту эпоху, которую он изображает, условие необходимое для исторического живописца.

Г-н. Рерих археолог-учѣный, а не дилетант, и в этом сила его картин. Его «Поход» - историческая картина, в лучшем значении этого слова, это не изображение одних только костюмов определённого времени, но и точная, по возможности, конечно, передача характеров. На меня, по крайней мере, она про-

изводит впечатление исторической правды. Очень хорош и чисто русский пейзаж, слабо освещённый ранним утренним светом. Недостаток картины излишняя чернота, которая губит картину, главным образом потому, что она повешена на выставке так, что на неё не проникает ни луча света, да кроме того к ней и подойти близко нельзя. Посмотрите эту картину при надлежащем освещении, и получится совершенно иное впечатление... (Старовер)

Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 27 февраля / 11 марта. № 56.

28 февраля 1900 г.

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ (фрагмент статьи)

Картина Рериха “Поход (Русь)” - одна из серьёзных работ этой выставки: солнце садится, и через гору, покрытую глубоким снегом, тянутся вереницей, друг за другом, измученные, усталые трудной дорогой, ратные люди. Усталость и утомление переданы очень реально. Только, мне кажется, художник понял свою задачу довольно узко, раз он задумал изобразить поход и именно поход старой Руси, поход всё равно какой и всё равно куда, т.е. хотел выразить “собирательное” понятие похода. Ведь что такое были походы Руси? Это были такие походы, благодаря которым Русь из маленького княжества выросла в громадную, могущественную империю. Следовательно, поход Руси был поход бодрых, сильных, здоровых людей, для которых никакие тяготы, ни трудности не были непреодолимы. Такими мужественными и сильными, а не слабыми и утомлёнными, я бы и изобразил ратный люд. пейзаж в этой картине хорош, поэтичен, верен правде, что при недурной композиции и рисунке составляет одно гармоническое целое. В pedant [*в паре (фр.) – ред.*] к ней картина Зейденберга «Ушкуйники» - та новгородская вольница, которой или тесно и неудобно было у себя на родине, или которую манила жажда приключений и лёгкой наживы, но которая с каждым годом завоёвывала и отодвигала дальше и дальше границы господина Великого Новгорода... (М.С.)

С.М. Зейденберг. Ушкуйники. (Грав. Шлюблер)

Новое время. 1900. 28 февраля / 12 марта. № 8622.

МАРТ

4 марта 1900 г.

В ИМПЕРАТОРСКОМ РУССКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

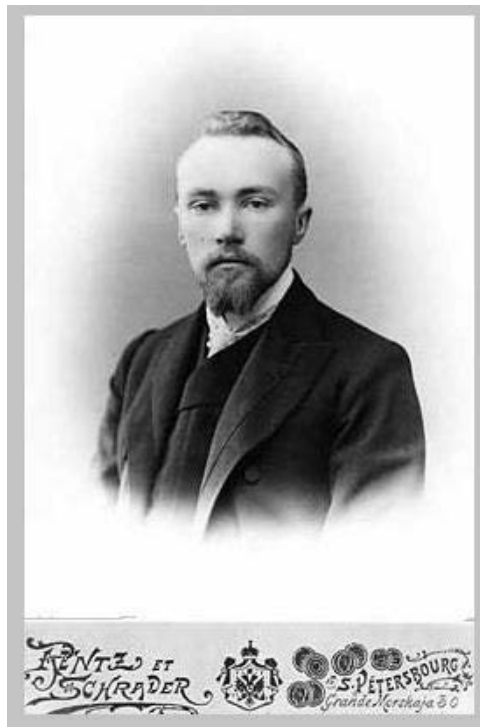
В субботу, 4 марта, проф. С.Ф. Платонов сообщил об исследовании очень интересной рукописи XVI века сочинения Ивана Пересветова. Но этот любопытный памятник не сохранился в целом виде. Он передаёт рассказ о Царе Махлете-Салтане, завоевавшем Константинополь и вводившем различные реформы в своём царстве. Судя по описанию этих реформ, автор подразумевает под Салтаном Иоанна грозного. По мнению референта, сочинение Пересветова написано было не ранее 1555 и не позднее 1565 г.

Художник-археолог Н.К. Рерих сообщил о раскопках, произведённых близ ст. Вруда весной 1899 г. членами и слушателями Археологического института.

Биржевые ведомости. 1900. 6/19 марта. № 64.

[Весна 1900] СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Хорошая моя Лада, посылаю карточку. Поезжай в фотографию при возможности. Я полагаю Тебе не худо попринимать железо. Скоро зайду.

Весь Твой Н.Р.

Если Екат Вас. не видит, то целую жестоко.

Отдел рукописей ГТГ. 44/176. 1 л.

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «МИР ИСКУССТВА»

10 марта 1900 г.

Выставки

К существовавшим в Петербурге художественным обществам прибавляется ещё одно, под главным руководством г. Дягилева. В состав его привлечены: некоторые из членов и экспонентов Товарищества передвижных художественных выставок, как то: гг. А. Васнецов, Досекин, Левитан, Нестеров, Нилус, Светославский, Суриков, Серов; из участников «весенних» выставок в Императорской Академии художеств – гг. Браз, Вальтер, Малявин, Пурвит, Рерих, Руциц, Ционглинский; из участников выставок «Мира искусства» - гг. Бакст, Ал. Бенуа, Билибин, Голубкина, К. Коровин, Лансере, Обер, К. Сомов, кн. Трубецкой, Якунчикова; итого 25 человек.

Главными заправилами называют, кроме Дягилева, также Ал. Бенуа и Серова, уже вышедшего из числа передвижников. Непременным условием участия в новом Обществе, по слухам, будет воспрещение участвовать в каких-либо иных выставках.

Хроника журнала «Искусство и художественная промышленность». 1900. 10 марта. № 11.

13 марта 1900 г.

...На собрании участников выставок журнала «Мир искусства», состоявшемся 24-го февраля 1900 г., выработаны следующие правила:

1) Выставки журнала «Мир искусства» состояются из произведений: а) художников, присутствовавших на упомянутом собрании 24-го февраля 1900 г.; б) художников, случайно не могших присутствовать на собрании, но единогласно признанных собранием за постоянных членов будущих выставок журнала «Мир искусства» и с) художников, получивших приглашения от распорядительного комитета.

В первую категорию вошли художники: Бакст Л., Бенуа Александр, Билибин И., Браз И., Вальтер И., Васнецов Ап., Досекин Н., Лансере Е., Левитан И., Малявин Ф., Нестеров М., Обер А., Остроумова А., Пурвит В., Руциц Ф., Светославский С, Сомов К., Серов В. и Ционглинский Я.

Во вторую категорию вошли художники: Врубель М., Головин А., Коровин К., Коровин С, Малютин С, Мамонтов М., кн. П Трубецкой и Якунчикова М.

Приглашения на выставку 1901 г. собрание постановило послать следующим лицам: Архипову А., Бакшееву В., Виноградову С, Голубкиной А., Околовичу Н., Пастернаку Л., Переплётчикову В., Рериху Н., Ржевской А, Рылову А. и Рябушкину.

2) Ведение дел выставок поручается распорядительному комитету, состоящему из трёх членов. Ежегодное собрание постоянных участников выставок журнала «Мир искусства» выбирает из своей среды на один год двух членов комитета, одного из числа петербургских, другого из числа московских художников. Третьим, постоянным, членом комитета состоит редактор журнала «Мир искусства».

На собрании 24-го февраля закрытой баллотировкой избраны в члены комитета художники В. Серов и Александр Бенуа.

3) Все художественные произведения, присланные на выставку, представляются на обсуждение комитета, постановляющего свои решения большинством голосов. При сём постоянные участники имеют право выставлять, по их личному выбору, вне конкурса, одну вещь, о которой заявляют комитету одновременно с присылкой картин. Относительно же лиц, приглашённых на выставку, комитет обязуется, во всяком случае, принять, по своему выбору, одно из присланных каждым из них произведений.

4) Относительно участия на других выставках, в собрании сего 24-го февраля постановлено было, что на будущий 1901 год находившиеся в собрании художники: Бакст Л., Бенуа Александр, Билибин И., Браз И., Вальтер И., Досекин Н., Лансере Е., Левитан И., Малявин Ф., Нестеров М., Обер А., Остроумова А., Пурвит В., Руциц Ф., Светославский С, Сомов К, Серов В. и Ционглинский Я. выставят все свои произведения исключительно на выставке журнала «Мир искусства», сохраняя за собой право выставлять на других выставках лишь вещи, не принятые комитетом выставки журнала «Мир искусства».

5) Выставка 1901 г. по времени не должна совпадать с выставкой, устраиваемой товариществом передвижных художественных выставок. Продолжительность выставки определяется в 4-6 недель, по усмотрению комитета, коему предоставлено и самое устройство её (размещение художеств. произвед. и пр.).

6) Новые участники приглашаются на выставку по предложению семи постоянных членов-участников. Приглашение это делается на один год с применением к вновь приглашённому пункта 3.

7) Вопрос о приглашении на выставку 1901 г. иностранных художников разрешён отрицательно. Признано желательным лишь привлечение финляндских художников к участию на выставке на общих основаниях.

Новости и биржевая газета. 1900. 13/26 марта. № 72. Понедельник.

**14 марта 1900 г. Село Заянье Гдовского уезда.
Письмо А. Нечаева к Рериху Н.К.**

Министерство Народного просвещения.
Санкт-Петербургский учебный округ.
Заянское первоклассное сельское училище.
Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда.

Его Высокородию преподавателю Санкт-петербургского Археологического Института Господину Рериху.

Имею честь приложить при сём некоторые сведения касательно составляемой под Вашу редакцией Археологической карты С.-Петербургской губернии, причём прошу имя моё привести в источниках, способствовавших изданию.

Сведения

Гдовский уезд, Юдинской волости, село Заянье. В 1 версте от села Заянья, по направлению у Северо-Востоку, близ озера, называемого Хоромном, на невысоком холме, на котором построена часовня в честь Покрова Богородицы, находится овальная могила. длиною около 1 саж., а шириною около 3/4 саж. креста на могиле нет. Могила вся выложена как бы сводом камня. Могила эта была исследована летом 1899 года, и в ней был найден скелет человека

(кости), на руке которого найден металлический браслет; там же найдено ожерелье. Могилу относят к нашествию Литвы. в 1 версте от этой могилы, по направлению к Востоку. находится несколько курганов от 1 саж. до 3-х вышины, а в диаметре от 1 1/2 до 3 саж. Один из курганов (2 1/2 саж. вышины и 3 1/2 саж. в диаметре) был исследован летом же 1899 года земским начальником Глазовым. В нём, кроме углей, свидетельствующих, что здесь было сожжение, не найдено ни чего; курган выложен каменным сводом.

Заведующий Заянским училищем учитель А. Нечаев.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. 1999.

18 марта 1900 г. Могилёв.

Письмо Ник. Влад. Мятлева к Рериху Н.К.

Многоуважаемый Господин Рерих,

Надеюсь Вы не посетуете на меня за то, что я не имея удовольствия личного знакомства с Вами и зная Ваши имя и отчество лишь по начальным буквам, обращаюсь к Вам с настоящим столь необычно озаглавленным письмом, тем более, что вызвано это письмо интересом к той науке, на поле которой Вы уже искушённый в боях воин, я же лишь новобранец призыва 1893 года, ставлю эту дату, т.к. в этом году производил свою первую раскопку с князем Путятиным на Бологовском озере. Вызвано моё письмо следующим обстоятельством: в № 2 Вестника Всеобщей истории в отделе из области археологии на стр. 260 напечатано résumé сообщения Вашего в Археологическом Институте 11 Ноября 1899 года «Некоторые древности Шелонской пятины», из коего видно, что исследования Ваши захватили часть Старо-Русского уезда.

Старорусский уезд мне хорошо знаком, т.к. я до 1898 года ежелетно проживал в г. Старой Руссе месяцев 5, причём старательно собирал сведения о курганах, жальниках, городищах и случайных находках в уезде, сам ездил по уезду и раз с тем же князем П.А. Путятиным производил пробную раскопку близ села Б. Витолни, Коростынской волости, на основании добытых данных мною составлена археологическая карта Старорусского уезда (по программе карт Антоновича и Покровского). Карта эта была осмотрена и одобрена В.Б. Антоновичем и предполагалось её представить XI Археологическому Съезду, но по независящим от меня причинам ни я, ни карта на Съезд не попали.

В настоящее время я очень этому доволен, так как моя карта без сведения о Ваших раскопках в пределах Старорусского уезда была бы далеко не полна, что и могло бы мне быть поставлено в немалый упрёк. Пополняя по мере накопления сведений свою карту, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать мне в сообщении сведений: 1) какие и при каких сёлах Старорусского уезда сопки и жальники Вами исследованы? 2) что оказалось в сопках и жальниках (погребения или сожжение? какие вещи? какая эпоха?) и 3) какие ещё, кроме исследованных, известны Вам сопки и жальники в уезде? Надеюсь, что сообщение этих сведений, для меня драгоценных, Вас не затруднит, если же сведения о раскопках ваших (более подробнее, чем упомянутая заметка в “Вестнике всеобщей истории”) где-либо уже напечатаны или напечатываются, прошу лишь указать издание. Если моя карта Вас интересует, то я с удовольствием доставлю Вам, ранее её издания, рукописную копию с неё и объяснительные записки. Долгое время я был оторван от Новгорода и жил на юге, но с весны перебираюсь в Новгород на службу и тогда пополню свою карту личными исследованиями и примусь за Крестецкий и Демьянский уезды. Ещё раз прошу Вас извинить меня за беспокойство.

В надежде на благоприятный ответ остаюсь уважающий Вас готовый к услугам
Н. Мятлев.

Адрес: г. Могилёв-Губернский. Товарищу Прокурора Николаю Владимировичу Мятлеву.

На письме запись Н.К. Рериха карандашом:
Послан оттиск "Древностей Шелонской Пят."

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1030, 2 л.

19 марта 1900 г.

ВЕСЕННИЕ ВЫСТАВКИ

Г[-н] Рерих выставил только одну картину «Поход (Русь)». Она служит продолжением других, появившихся раньше, где были воплощены моменты в жизни той же Руси, предшествовавшие «Походу», как прошлогодние «Старцы», собравшиеся на совет, и ещё раньше «Гонец», посланный с вестями от одного из древних славянских племён к другому.

Картина эта, как и прежние, является чем-то новым, сильным и самобытным. К ней никак не подойдёшь с выработанными уже «мерками», что особенно раздражает привыкших к ним ценителей, делящих все картины на определённые разряды: пейзажи, жанры, исторические и т. п. Причислить её к пейзажам — нельзя, потому что одинаковое значение имеет здесь и изображение людей, но в картине нет «рассказа», нет типов, даже не видно лиц этих людей, — следовательно, это не жанр. По внешности она менее всего подходит к традиционным «историческим» картинам: здесь нет ни театральной композиции, ни изложения исторического факта, ни даже детальной археологической разработки, которая здесь не бросается в глаза и едва лишь кое-где намечена, а между тем — это именно историческая картина в полном и истинном значении этого слова.

Г[-н] Рерих обладает своеобразной способностью в совокупности и свойственной только ему группировке отдельных элементов разных «родов» живописи — передавать дух целой исторической эпохи, передавать так, что она даёт определённое настроение, представляется со всеми характерными особенностями, деталями, типами людей и отдельными моментами их исторической жизни, что нечасто встречается в многотомных исторических романах и монографиях.

В настоящей картине художник остаётся верным себе и неустанно следует по избранному пути, прогрессируя так же, как и его товарищи гг. Рылов, Богатырёв и Зарубин... (М. Далькевич)

Северный курьер. 1900. 19 марта / 1 апреля. № 136. Воскресенье. С. 5.

20 марта 1900 г.

В. Стасов

Пять выставок В двух академиях

Очень близко стоят обе академии одна от другой, расстояния всего несколько шагов, можно сказать, а помещающиеся там всякий год выставки до того разны во всех отношениях, что и вообразить трудно. Точно два разных мира, точно два разных государства. Впрочем, что ж! В этом, собственно говоря, ничего удивительного нет. <...>

В другой академии, Академии художеств, перед нами другая ещё сцена. Тут деятелями выступают уже не все только художники пожилые, художники прежних периодов, напротив, в большинстве случаев, главный состав здешней выставки всё молодые силы. Молодёжь, недавно кончившая классы в Академии художеств и только что начинающая выступать самостоятельно. Чего бы, кажется, всего более надо ожидать здесь? Свежести, самобытности, полной неиспорченности, крепких сил, стремления к правде существующего. Но этого всего чаще вовсе уже и нет. Оказывается на деле, что силы - именно не крепкие и не надёжные, а самостоятельности мало, или даже просто никакой. <...>

Но как ни бедна, как ни мало удовлетворительна выставка, вследствие общего положения нашего художественного дела, в настоящую минуту, в среде молодого поколения, всё-таки можно указать на нынешней выставке в Академии несколько выдающихся довольно хороших произведений: жаль только, что их мало. <...>

На исторические сюжеты картин очень немного: всего две. Одна «Из варяг в греки» г. Владимирова и «Поход русских» г. Рериха. Обе картины были выставлены на конкурсе в Обществе поощрения художеств, и за первую из них была дана 1-я награда, а за другую - 2-я. Такой приговор кажется мне мало справедливым. Картина г. Владимирова ничего другого не представляет кроме нескольких натурщиков до пояса, довольно тщательно написанных — но более того тут уже ровно ничего нет. Картина же г. Рериха, невзирая на многие несовершенства рисунка в фигурах, всё-таки представляет немало истинного интереса. Г[р] Рерих, надо сказать, был первоначально пейзажист и шёл по классу профессора Куинджи. Это извиняет, до некоторой степени, недостатки его рисунка человеческой фигуры. Но, не покидая специальности пейзажа, он увлёкся сюжетами древней русской истории, ревностно занялся также изучением древнерусского быта и этнографии. Оттого его композиции на русские стародавние сюжеты заключают всегда много интереса. Так, например, в нынешнем «Русском походе» и местность, и крутая, ярко освещённая тропинка впереди, в гору, и полоска света вдали на горизонте, и бредущие в изрядном беспорядке «деревенские воины», прямо мужичьё от сохи, в лаптях и онучах, но с досчатыми щитами на руках или за спиной, кто в шлемах, а кто в шапках, и все с кое-каким оружием — это всё живописно и правдиво. Жаль только, что все — к зрителю спиной, и притом почти все опустили головы, словно от меланхолии, и глядят себе под ноги, ни у кого не видать никакой храбрости, мужества или хоть бодрости. Ведь, кажется, их никто на войну плетью не гонит. Но, невзирая на такие недочёты, картина не лишена интереса и, может быть, обещает нам нехудого исторического живописца в будущем. У нас живописцев с историческим чутьём и стремлением всегда так мало. Автору надо побольше учиться, мне кажется. Оттого я о нём немножко и распространился...

Новости и биржевая газета. 1900. 20 марта / 2 апреля. № 79. Понедельник. С. 2.

21 марта 1900 г.

Н. Рерих

ХУДОЖНИКИ (СТАРЫЕ РАЗГОВОРЫ)

Читано в собрании кружка имени Я.П. Полонского

У всякого художника во время работы бывают такие минуты, когда, как говорится, сам чёрт ему не брат. В эти минуты кажется художнику, что сделал он нечто необычайное; такое, чего до сего времени не бывало не только у него, а и ни у кого на свете, и бледным, и жалким представляется ему всё сделанное раньше. Мнится ему, что именно в этих мазках и в этой манере заключается истинное искусство, которое будет понятно везде и не умрёт во все века. Если имеются у художника близкие люди, ему не удержаться, чтобы не поделиться с ними новостью: «А у меня, брат, попало! Славное местечко хватил! Такое местечко, что не каждый день выпадает. Совершенно новое для меня отношение подвернулось; не понимаю, как до сих пор я до него не додумался». И художник на весь вечер становится самым приятным собеседником, поражает всех своею весёлостью и находчивостью.

Не пробуйте в такое время разубеждать его; не пытайтесь сказать ему, что работа его, конечно, хороша, но ничего необыкновенно высокого не представляет. Ваши доводы не поведут ни к чему, разве кроме полной ссоры; в лучшем случае, художник посмотрит на вас надменно и подумает о вас что-нибудь наипрезрительное. В минуты величия художник, при малейшем сомнении в его необычном творении, может стать неприятным до невыносимости, но винить его не приходится. Ведь за каждый час величия заплатит он неделями самобичевания, когда, уничтожив дочиста место небывалого искусства, будет он сидеть над картиной, понуриив голову, полный самого искреннего желания немедленно изорвать своё так недавно любимейшее детище. Бежит тогда художник подальше от своей картины; нужно ему повидаться с товарищами; нужно ему послушать о чужой боли и зарядить себя на дальнейшую работу, чтобы опять, подбирая рукава, бросить вокруг: «А ну-ка, кто выйдет со мною померяться?»

Шумно от говора в художественной квартире - художественной, конечно, не потому, чтобы она была украшена пошлыми мартовскими букетами и дрянными драпировками с манекенами по углам, которые, как известно, пригодны для художественной работы ровно столько же, сколько простой деревянный чурбан. С чего начался разговор - неизвестно. Может быть - с недавней выставки, может быть - с газетной заметки, а может быть - от совсем постороннего предмета, но видно, что продолжается он уже долгое время и многие пришли в говорильное настроение, перебивают друг друга, возвращаются опять к сказанному и горячатся.

Разговор зашёл о подражании, и высказывается удивление, что каким-то странным способом подражание не только считается тяжким грехом, но иногда даже приводится в украшение. В самом начале деятельности находиться под тем или иным влиянием не только не позорно, а, конечно, вполне естественно, но позволить влиять на себя и в последующее время непростительно и гадко, так же гадко, как если человек не имеет своего собственного убеждения. Пусть будет хоть плохонькое, да своё. И в искусстве, и в промышленности, и во всём прочем ещё не могут достаточно понять ту простую и малому ребён-

ку понятную истину, что всё ценно и интересно настолько, насколько оно является оригинальным. Посмотри, за что нас ценят за границу? Да только за наше, а никак не за свои же хвосты, наскоро перевезённые и перекроенные на российский лад. Уж, кажется, ясно и просто, а мы всё же стараемся ущипнуть заграничного и спрятать своё под спуд.

- Вот, - говорит один художник, - кабы наши зодчие сгрохали бы дворец искусства в широко понятом стиле, чтобы он представил собою достаточное помещение для художественных выставок; иначе у нас прямо-таки негде большую выставку устроить.

В Академии художеств выставочные залы выходят на солнечную сторону, и нет картины, которая бы в них не прогорала. Зало Академии наук для картин вовсе не приспособлено. Остаются залы в Обществе поощрения художеств, да в училище Штиглица, но этих помещений слишком мало. Эх, если б помещение с верхним светом вроде большого зала в Русском музее! В этом зале свет превосходен и весьма выгоден для картин. А устроить такое помещение, полагаю, - дело правительства; вот-то будет подарок искусству! Пусть в этом помещении хватит места для всех выставок, и это будет для искусства очень полезно, ибо проще сравнить; иначе, пока идёшь от Академии наук на Морскую, а с Морской в Академию художеств, оно и трудно сопоставить общий характер, и не так очевидно, где больше хорошего отношения к делу.

- Красивое слово - хорошее отношение, а что нам делать с тысячами картиночек, писанных под обои, для украшения гостиных - без всякой художественной задачи. Художники уверяют, что таково требование публики, что они вынуждены отвечать на подобные запросы; но ведь они лгут! Это они сами развращают публику. Да, кроме того, разве основательно оправдание, что, мол, меня заставили сделать пакость, я-де, видел, что эта пакость будет многим приятна? На худой конец, это ещё может служить мотивом смягчающим; примерно, вместо каторжных работ на поселение, но как оправдание такой предлог слаб.

- А вдруг эти художники до того уже упали, что и сами считают свой способ работы вполне истинным?

- Не хочется верить; это было бы слишком грустно. Господа, сейчас я скажу на первый звук великую ересь, потому что от художника странно услышать следующую мысль, но приходится желать успеха цветной фотографии. Если может фотография достичь успехов в красках, то дело творчества - в шляпе; у публики сразу явится основательный, а главное, осязательный критерий при суждении о картинах. Все эти милостивые картинки, все эти речки, камушки, полянки, лужайки и дворики - словом, всё, что будет в состоянии заменить цветная фотография, всё пойдёт к чёрту и отпадёт от искусства. Тогда почувствуют, что такое художественная задача, что такое творчество!

- Прибавь, если к тому времени хоть на грош останется того, чем чувствуют. Нас, брат, приличия одолели; по условщине мы прямо в ложноклассики смотрим. Везде-то перегородки, везде-то стойла художественные, везде-то кнуты да вожжи: Шопенгауэр верно теперешний люд фабричным товаром назвал.

- Ты опять за Шопенгауэра! Сознайся, ты его не читал; верно, откуда-нибудь выдернул; этакая, душа моя, начитанность на базаре по гривне стоит.

- Обожди. Посмотри лучше, до чего наша условщина дошла; нападают, например, на Завалина, зачем-де, в его картинах настроение грустное; гово-

рят: этак вы нас до самоубийства доведете, - и говорят это люди препочтенные. Что же выходит? А выходит то, что коли хочешь плясать, то пляши приятно и как-нибудь нашего самодовольного состояния не нарушь. Дай приятное, да умеренное солнышко, зелёную травку, благополучный стаффаж, и благо ти будет.

- Так ты хочешь сказать, что мы паяцы какие-то, увеселители? Да коли ты застрелишься перед картиной - туда тебе и дорога. Будем с публикой друг друга за рога тащить, кто кого перетянет; и коли думаешь верно, то ты и перетянешь, а коли окажешься слюнтяем, туда тебе и дорога, пусть тащат, куда хотят. Не пеняйте, братцы, на время, да на публику; такое-сякое время, такая-сякая публика, а интерес к искусству, видимо, растёт: публика на выставки прибывает, и сами выставки растут и множатся.

- Да уж так множатся, что хоть отбавляй. По-моему, у нас слишком много развелось. Куда нам на наш Петербург 16, 17 выставок! Пусть будет их 5, 6, но чтобы каждая имела хоть какое-нибудь художественное основание. Кроме того, пусть каждая выставка устраивается не каждый год, а через 2, даже через три года! Что завозился? Страшно? Но зато каждая выставка составляла бы известное явление. На каждую выставку работает более или менее постоянный кружок художников; случайные произведения появляются сравнительно редко; и, конечно, трёхгодовой багаж этого кружка был бы куда объёмистее, а главное, солиднее багажа одногоднего. Тебя всё дёргает? Ты о продаже заботишься? Да пуще ты много продаёшь с выставки?

Правду говоря, все эти выставки сделали то, что наша художественная жизнь выходит какая-то куцая, ненормальная - мы живём как-то от выставки до выставки. Ведь недаром у публики такой способ разговора с художником выработался: «Вы что к выставке готовите?» Нет дыму без огня! - не угодно ли? Выходит, что мы пишем для выставки, этакая ненормальность! Да к чёрту выставки, не я для выставки существую, а выставки для меня! Есть у тебя что-нибудь кровное, выношенное, переболевшее - давай его на общий суд и не бойся, что бы ни говорили: твоё дело правое. Если же не выпалило у тебя в картине, не насилуй себя, не тяни насильно нутра, ведь оно не бездонное - пусть соки-то нутряные крепнут и вырабатываются.

- Этак говорить легко - всё как по писанному выходит и всё это стародавнее и слишком знакомое, а что ты против таких двух противных предметов скажешь? Первое против недостатка гражданского мужества; хватит ли у тебя мужества гражданского сознать себя недостойным публичного слова, все говорят и много хуже тебя говорят и кричат даже, а ты сиди и помалкивай и закусывай губу, чтобы со словом не вылезть. Второй камень преткновения всяких лучших стремлений - проклятая лавочка. Где тут идея, где тут любовь, где тут самое близкое, когда этим самым-то близким приходится торговать; своей же возлюбленной себя содержать! Нет, положительно занимайся чем угодно, но не торгуй искусством! Будь, как в средние века, булочником, чеканщиком, коммерсантом, но для своего искусства оставляй угол нетронутый; пусть будет оно этакое святое святых.

Помнишь, «аще учнут глаголати, мы тем живём и питаемся, и таковому их речению не внимати». Наши предки правильно рассуждали. И чего ради мы боимся какого-либо иного дела? Словно бы мы не уверены в своём искусстве, словно мы не ручаемся за его неприкосновенность.

Почему мастера Возрождения всё успевали? Я уж не говорю, чтобы быть и художником, и инженером, и физиком, и музыкантом, и многим прочим, как был да Винчи... Наша теперешняя специализация, пожалуй, не столько вынуждена физической необходимостью и невозможностью, сколько неумением пользоваться временем и опять-таки какую-то странную принятостью, условностью...

Больно много у нас страха иудейска; уж слишком желаем мы понравиться. Смелости не хватает забыть о зрителе и видеть перед собою одно только дело. Боимся, как бы не оскорбить щедрого давальца. Всё-таки согрешу на публику: она виновата.

- Нет, ты оставь публику. Ек ей, сердешной, сегодня достаётся; поговорили о ней - и будет, а то опять о публике. Ты скажи мне, какое действительно выдающееся произведение не было оценено публикой? Где при гонении произведение находило сторонников? - да всё среди публики же. Публика часто берёт не умом, а сердцем. Конечно, я не говорю про публику, что на выставках свидания назначает и ходит по выставкам в посту, потому-то де это время для сего занятия узаконенное и параграфом хорошего тона предусмотренное. Заговаривают на рауте о выставках - и вдруг придётся дураком сидеть. А вот действительно за публикой водится один грешок в отношении печатного слова; частенько она им не руководствуется, не принимает в соображение, а берёт его слепо и наклеивает целиком на свои суждения. Вспоминаю всегда рассказ, как критик указал на неправильный рисунок какой-то детали картины, а художник в тот же день исправил его, но большинство публики, тем не менее, усматривало несуществующую небрежность рисунка. Этот анекдот отдаёт правдой. Особенно же бывает забавно, когда начинается художественная травля и некоторые зрители получают разрешение печати возмущаться. То-то уморительно бывает смотреть, как они возмущаются, фыркают и брызжут, словно бы на любимую их мозоль наступили, словно бы искусство для них было невесть чем-то близким, а ведь целый год о нём готовы не вспомнить. И попробуй уличи их, что они говорят с чужого голоса, так, куда тебе, - выйдет что ещё в люльке они тем же возмущались, когда ногами барахтали.

Теперь и смех, и грех бывает; декадентство всех с толку сбило; теперь если что непонятно, ни под какой шаблон не подходит, то и декадентство; хорошо и скоро, и раздумывать много не требуется.

- А между тем основные черты нового направления, в котором никакого декадентства быть не может, по-видимому, совершенно ясно установилось. Главная и неперемнная его особенность - субъективизм и широкое понимание художника. Мне кажется, при новом направлении доселе разгороженные понятия жанра и пейзажа во многом сольются; и задача пейзажная получит особое значение, ибо вне условий пейзажа, то есть вне условий воздуха, вне условий природы нельзя представить никакого предмета, будет ли он трактоваться в закрытом помещении или под небом.

В своём служении природе современные художники делают яркими пантеистами. Они видят человека не царём природы, а частью её, почитают его и отводят ему место такое же, как и прочим подробностям мироздания. Из этого, конечно, не следует выводить, что будет забыта сторона психологическая; вовсе нет, но она будет воспроизводиться, насколько может уловить её внешнее наблюдение, без всякой утрировки. И в этом начале - великий шаг к правде. Смотрите, давно ли ещё повернуть фигуру спиной к зрителю или поме-

ститесь не в центре картины считалось великим грехом, а теперь мы уже додумались до передачи внутреннего чувства в общем движении.

Теперь одним сюжетом, или рисунком, или композицией уже не возьмёшь: надо брать шире, надо вызвать известное настроение, песню природы, приблизиться к природе, но взять её не протокольным, бездушным этюдом, а истолковать её, рассказать о ней всем в таких задушевных словах, на какие способен лишь истинно влюблённый в неё человек. Как пред влюблённым без конца открываются прелести возлюбленной, так и художники, всё теснее сближаясь с природой, улавливают всё новые цветные аккорды, и чем глубже поймут они природу, тем и аккорды будут нежнее, музыкальнее. Заметно утончённее стали теперешние художественные задачи; теперь иногда художник задаётся целью передать такое сложное и как бы сказать деликатное настроение и в фигурах, и в природе, о которых прежде и помину не было.

- Но вот будет беда, если художники станут глубоко погружаться в природу и ловить тончайшие её созвучия, а зрители не захотят ближе подойти к природе; между ними не образовалось бы пропасти? Чрез вату практики, утилитаризма очень многие уши не дослышат всего более тонкого; им доступно лишь резкое, грубое, от чего - если бы уши их были свободны - заболела бы голова и, пожалуй, обморок сделался. Ведь только когда нас насильно пихнут, когда нас выкинут из обихода, только тогда обращаемся мы к природе - это к природе-то, которая выше всего, в которой один восход солнца может объяснить столько, сколько не почувствуешь в десятки лет городской жизни! Разве мы наблюдаем природу? Бейся, изучай освещение, аккорд природы и всегда будь готов, что его назовут неестественным, и не потому, чтобы он был действительно фальшив, а потому, что мы никогда не давали себе ни времени, ни отчёта наблюсти его. У нас всё важные дела; где же нам возиться с глупой, ни на что выгодное не пригодной природой.

- Если такая пропасть и в самом деле существует, то всё-таки она не страшна. В последнее время чувствуются какие-то хорошие, идеальные веяния. Весь символизм - разве не прямое указание, что общество метнулось куда-то в сторону, в какую сторону - потом увидим, но самого движения отрицать нельзя.

- Туговатое идеальные веяния распространяются. Вообрази, ещё недавно читал я заметку; положим, ничего не стоящая заметка, но всё же написанная молодым художником; знаешь, о чём он там проповедует? - о жетонах и о медалях, раздаваемых Академией, об опеке Академии над выставкой. Желаю этому милому молодому человеку наполучать столько жетонов и медалей, чтобы весь колпак увешать ими и бренчать на целую версту. О чём заботятся люди! Того нет, чтобы написать хорошую вещь, но мечтать о жетонах да о параграфах и ещё навязывать свои мечтания другим! Вот так художник!

- Не вижу, о ком ты говоришь, но ещё художник ли он или только официально усвоил себе это название. У нас понятие художника весьма растяжимо; у нас, странным образом, считается художником всякий умеющий держать карандаш в руке и замазать холст краскою. Понятие художника отделить необходимо от ремесленника и любителя. Возьмём наши выставки; экспоненты её считаются художниками, а многие ли из них владеют этим названием по праву? Например, я уже как-то раз предлагал и опять настаиваю отделить художника-акварелиста и просто акварелиста; бывает же инженер-механик и просто механик.

- А кто отделять будет? И ты до ярлыков договорился.

- Ох, эти медали! Ох, эти ярлыки! - соблазна-то у них без конца. Посмотри, с каким вожделением хлопочут из-за них большие европейские мастера до сего времени.

Надо как-то шире брать. Не знаю, как шире, да и можно ли знать это. Пусть уж искусство остаётся свободным. Наука будет законна, а искусство незаконно. Как ты можешь в искусстве "знать"? Будем в искусстве чувствовать, а главное любить его. С любовью придёт и серьёзное к нему отношение. Хоть и простыл чай, но слово ещё тёплое; пью за искусство!

- Пропись, голубчик, прогнившая пропись. Поменьше слов. Часто мы слишком много говорим и из-за разговора дела не видим.

- Ну, уж коли на это пошло, то и твои речи - тоже пропись препорядочная; не знаю, как всей братии, а мне завтра свежая голова нужна. Опять до второго часа досиделись. Не безобразники ли?

В тесной передней толкотня; разбирают шапки, размениваются калошами. Хозяин сверху освещает путь лампой.

- Осторожней, налево приступочек. Внизу ещё шесть ступеней.

Из конуры вылезает заспанный швейцар, на ходу запахивая ливрею. "Эк их носит, полунощников!"

Разбрелись полунощники по разным улицам и уносят в себе сумбурный чад отрывочных разговоров. В каждом какой-либо из этих разговоров расковырял ту или иную струну; каждый на чём-нибудь ловит себя: не я ли, Господи?

У кого просветлело, и горит он назавтра дёрнуть такое, после чего не скоро к нему подступишься: уже вырастают пред ним нужные красочные сочетания, а фигура, над которой бился он уже несколько дней, вдруг так удачно передвинулась, так ловко связалась с соседом, что задаёт новую ноту всей картине. Другой же ещё пуце задумался и пытается себя: да где же граница? И тут тоже везде личности какие-то, семейные дела, те же мелочи! Где же тут идея-то? - мучает он себя; впрочем, и он завтра будет работать. Во всех что-то закопошилось, словно бы они проговорили весь вечер о чём-то новом, неслыханном, а этому неслыханному уже лет без числа; поседело оно, только не ржавеет - клади его в горн, раскаляй и выковывай на всякие манеры. Учёный, пожалуй, при этом скажет *idem sunt omnia semper* - вот, мол, какие словечки знаю!

Пред засыпающим художником пробегают неясные миражи; вечно он ищущий, вечно прищуривающийся вдаль. Не дай Бог, если художник успокоится, если определён ответит себе на все внутренние вопросы: тогда жизнь его окончена, вешай его в музей и служи по нём панихиду; он станет на месте и этой своею неподвижностью пойдёт назад, и как быстро пойдёт! Не должно быть покойно художнику.

Глухою ночью, со свечой в руке, в одном нижнем, вытянувшись на табурете, что-то сдирает он в картине. По потолку и по стенам разбегаются чёрные тени. Маленькою и ничтожною кажется фигурка художника при этих исполтинских ползучих тенях. Кругом всё спит; ни до кого нет дела художнику - сейчас он далёк от окружающего. Пахнуло на него каким-то мимо бегущим ветром, он мучается, болеет, дрожит - ему хорошо.

Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 21 Марта / 3 Апреля. № 79.

30 Марта 1900 г., СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя и хорошая, сегодня, т.е. в Четверг что-то мне нехорошо – верно, у Вас опять какие-нибудь идут неважные разговоры. Сейчас еду на дурацкий спектакль, буду улыбаться, буду шутки шутить, а внутри будет скверно, и опять буду что-то выдумывать, что-то комбинировать, чтобы вышло всё получше и было бы не худо моей Ладе – первому человеку, заставившему меня думать не только о самом себе. Но всё как-то не выходит ничего хорошего, особенно, если Ты, моя дорогая, почему-то чувствуешь себя не прочной в отношении меня. Хотя, (не только думаю, но даже уверен), что Ты на самом деле несравненно прочнее, нежели сама предполагаешь.

Знаешь что? – В первый раз мне страшно к Вам ехать; страшно за то, что не знаю, как примет меня Е[катерина] В[асильевна]. Ей не понять наших соображений, и она может нарушить наше хорошее время. Если же оно нарушится – я не представляю что и будет? Отсрочить, отдалить – я могу, но вычеркнуть прямо трудно, - Ты, ведь, наверно, то же думаешь. И вот я начинаю обманывать себя, строю картины, что всё обладится очень хорошо и хочется хоть неделю, хоть день оставаться ещё при этих надеждах. А, впрочем, чего же я раскудахтался? – быть может, и впрямь всё обойдётся ладно. Что же такое я совершил, чтобы на меня всё посыпалось: и с Музеем не вышло, и с картиной то же, и во всём то же (сегодня нам с Зарубиным вместо благодарности выговор сделали за устройство выставки, хотя мы сделали всё, что было мыслимо); неужели же и в душевной моей жизни должна быть также неурядица и ломка, неужто нельзя миновать этих рифов и идти вперёд полным парусом?

Скажем себе, моя милая, что можно, и пойдём вперёд; авось и выберемся на торную тропу. Когда представлю себе, какие сцены приходится Тебе выносить, мне жутко и холодно делается, и обидно за беспомощность и куцые мозги, которые сейчас же не могут измыслить чего-либо подходящего.

Приеду или завтра, или в Воскресенье, ибо в Субботу – Марии, т. е. именины машины. Впрочем, вернее, приеду в Воскресенье и прямо к обеду, чтобы до обеда неприятной беседы не было, а завтра страшно ехать. Вот малодушие-то какое! - видите, хоть денек ещё... А тучи-то кругом заходят синие-пресиние, и зарница уже белеет, того гляди, молния стрельнёт. Ну да не всегда бьёт молния в дерево, иногда и в пустое поле ударит – в сыпучий песок, и ничего песку от этого не делается, только останется стекловидная трубочка – ребятам на забаву.

Теперь половина восьмого, Ты, вероятно, в концерте будешь. Хотелось бы видеть, как Ты выходишь, серьёзная такая и бледная, и сдвигаешь брови и играешь тоже серьёзно.

Рассказывал я Зарубину наши обстоятельства – он искренно возмущается, но ничего не может выдумать.

Значит до Воскресенья – и жутко же мне будет ехать к Вам.

Целую Тебя и чувствую Тебя близко.

Твой Н. Р.

30 Марта 1900 г.

Ноги просто не слушаются после 8-мичасовых хлопот по выставке.

Если будет нужно, то поклонись всем, кому следует.

У нас дома – сплошной скандал, который может прекратиться лишь с помещением в больницу. Трудно винить мамашу, ибо у неё, действительно, голова кругом идёт.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/153, 3 л.

АПРЕЛЬ

8 апреля 1900 г.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА¹

Русский павильон на Всемирной выставке в Париже 1900

Из Парижа нам сообщают состав русского художественного отдела. Вот перечень художников и их произведений: Шишкин – «Заброшенная мельница». Волков – «Дорога в усадьбу», Первухин – «Волга», Айвазовский – «Океан», Лебедев – «Кончина царя Фёдора Иоанновича», Серов – «Портрет Великого Князя Павла Александровича», Пурвит – «При последних лучах», Беркос – «Новь», Столица – «Ермак», Кондратенко – «Ночь», Рябушкин – «Купеческая семья XVII века», Малявин – «Смех», Рерих – «Славянские старшины у священного дуба»...

Россия. 1900. 8/21 апреля. № 343.

М. Далькевич

За месяц Весенние выставки: академическая, Общества С.-Петербургских художников и передвижная

Первыми открылись у нас академическая выставка и Общества С.-Петербургских художников, где в настоящем году особенно ярко выразились два крайних течения: одно - самое молодое, едва появившееся и только теперь начинающее принимать определённые формы, другое - вполне сложившееся, состарившееся и уже отживающее. <...>

С тех пор, как приличное по внешности техническое исполнение стало у нас обыкновенным явлением и усвоение его значительно облегчилось открытием многочисленных школ и характером преподавания и требований самой Академии, — оно стало достоянием многих. Выучиться техническим приёмам

¹ Всемирная выставка 1900 года проводилась в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 года. – Ред.

и овладеть грамотностью не значит ещё быть художником. Это всякий понимает, когда вопрос касается, положим, литературы, где никто не причислит к одной категории газетного рецензента, обстоятельно и толково описывающего пожар или скачки, — и беллетриста-художника, который даёт полную картину жизни или целой эпохи. Между тем относительно живописи существует на этот счёт полное смешение понятий: здесь — все «художники», кто только хотя бы чуть-чуть грамотен, и пока таких грамотеев было немного, — с этим ещё можно было мириться, но в наше время, когда они насчитываются тысячами, когда большая часть того, что они делают, может быть заменена механическим производством — пора различать их от художников, пора, наконец, и самим художникам принять меры, чтобы оградить искусство, которому они служат бескорыстно и часто с полным самопожертвованием, понуждаемые только потребностью подобного служения, — от вторжения его в область чуждых ему элементов, не имеющих с ним ничего общего. Подобная задача, симпатичная и заслуживающая глубокого уважения, вполне назрела и в наши дни, когда ремесленные произведения запруживают целые выставки, как, напр., Общества Петерб. худ., - стала вполне своевременной. Но она никогда не приводилась в исполнение в широких размерах, определённо и резко, и подобная попытка кажется чем-то новым, а потому особенно смелым, трудным и неблагодарным. Решиться на это могла только молодёжь, верящая в себя, увлекающаяся, но преданная делу и потому решительная. В последние годы, когда в Академии воцарились новые порядки, - оттуда вышла целая плеяда такой молодёжи, не одинаково сильной и установившейся, но талантливой искренне, осмелившейся попытаться выполнить подобную задачу.

Большинство жюри настоящей академической выставки состояло именно из таких молодых художников, и, в результате их оценки, оказалось: около четырёхсот картин отверженных и лишь около трёхсот принятых.

Из обзора академической выставки и устроенной отверженными попытаемся определить их характер и взаимное отношение.

В Академии самое значительное произведение — картина г. Рериха «Поход (Русь)». Она служит продолжением других, появившихся раньше, где были воплощены моменты из жизни той же Руси, предшествовавшие «Походу», как то: прошлогодние «Старцы», собравшиеся на совет, и ещё раньше «Гонец», посланный с вестями от одного славянского племени к другому. (С ними наши читатели знакомы по приложениям к одному из № журналов за прошлый год.) В настоящей картине так же определённо выступает своеобразная способность художника в совокупности и свойственной только ему группировке отдельных элементов разных «родов» живописи — передавать дух целой исторической эпохи, передавать так, что она даёт определённое настроение, представляется со всеми характерными особенностями, деталями, типами людей и отдельными моментами из исторической жизни, что не часто встречается даже в многотомных исторических романах и монографиях. В настоящей картине художник остаётся верным себе и неустанно следует по избранному им пути, прогрессируя точно так же, как и некоторые из его товарищей, — гг. Рылов, Богатырёв и Зарубин...

Искусство и художественная промышленность. 1900. Апрель. № 19. Илл. с. 400 [Н. Рерих. Поход (За Русь)]

22 апреля 1900 г.

Письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху (Приложена фотография).

Суббота 22 апреля 1900

Парголово “Английская” церковь,
в столярном стиле: терпеть её не могу.

Напоминаю Вам, Николай Константинович, что жду Вас завтра, Воскресенье; 23 апреля в 2 часа, в мастерской Репина – смотреть мой новый портрет.

До свидания. Ваш В.С.

Надеюсь, что будет Стоить!!!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1324, 1 л.

И.Е. Репин. Портрет В.В. Стасова. 1900.

ХРОНИКА

22 апреля в помещении Императорского Русского археологического общества состоялось общее годовое собрание членов под председательством помощника председателя графа И. И. Толстого. По приглашению председателя почтена была вставанием память умершего члена Л. Н. Майкова, причём граф И. И. Толстой дал краткую общую характеристику покойного, который отличался вообще большой разносторонностью и, будучи членом многих учёных обществ, живо интересовался собраниями и вносил в них дух примирения, здоровой критики и вкуса. А. К. Марков сообщил биографические сведения об умершем недавно коллекционере-нумизмате Ю. Б. Иверсене, служившем старшим хранителем в Императорском Эрмитаже.

Затем секретарём общества В. Г. Дружининым был прочтён отчёт о действиях общества за минувший год. В 1899 году состоялось 3 общих собрания общества, 8 заседаний русского отделения, 7 восточного, 7 классического. По поручению общества художником-археологом Н. К. Рерих были произведены раскопки в Новгородской и Псковской губерниях. Восточным отделением предложено устройство экспедиции в бассейн Тарима (в Среднюю Азию) для исследования археологических богатств той местности. Издана обществом составленная Н. И. Веселовским историческая записка о деятельности общества и пр. Казначеем общества А. К. Марковым прочтён был отчёт о движении сумм, принадлежащих обществу...

Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 25 апреля / 8 мая. №111.

24 апреля 1900 г.

Письмо (фотокопия) Н.К. Рериха к В.В. фон Мекку

Милостивый Государь, Владимир Владимирович.

В дополнение к недавнему письму моему, позволю себе беспокоить Вас ещё одним вопросом. Так как я отдал кому-то Ваш список, а меня спрашивают относительно Гакон Слепого². то не будете ли так любезны, сообщить мне, свободно ли это стихотворение? – чем премного обяжете.

Готовый к услугам

Вашим Н. Рерих

В.О. лин. № 15. 24.IV. 900

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1870, 1 л.

Стихотворение А.К. Толстого «Гакон Слепой».

Из записи Н.К. Рериха в альбоме-вопроснике сестёр Шнейдер 31 мая 1900 г.:

- Ваши любимые поэты?
- А. ТОЛСТОЙ

А.К. Толстой

ВОЛКИ

Когда в сёлах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

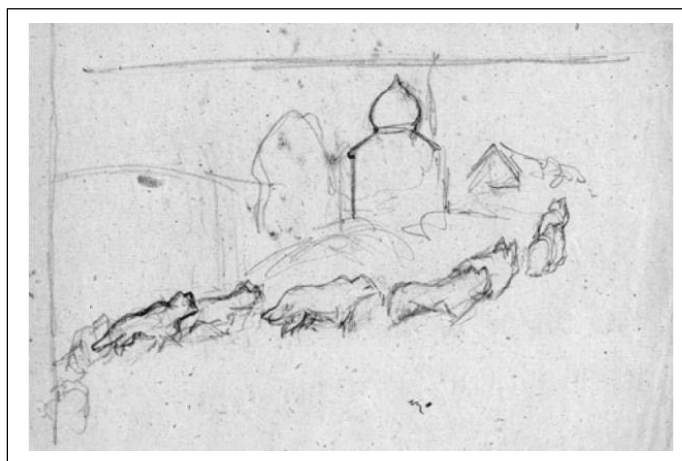
Семь волков идут смело,
Впереди их идёт
Волк осьмой, шерсти белой,
А таинственный ход
Завершает девятый:
С окровавленной пятой
Он за ними идёт и хромает.

Их ничто не пугает:
На село ли им путь,
Пёс на них и не лает,
А мужик идохнуть,
Видя их, не посмеет,
Он от страха бледнеет
И читает тихонько молитву.

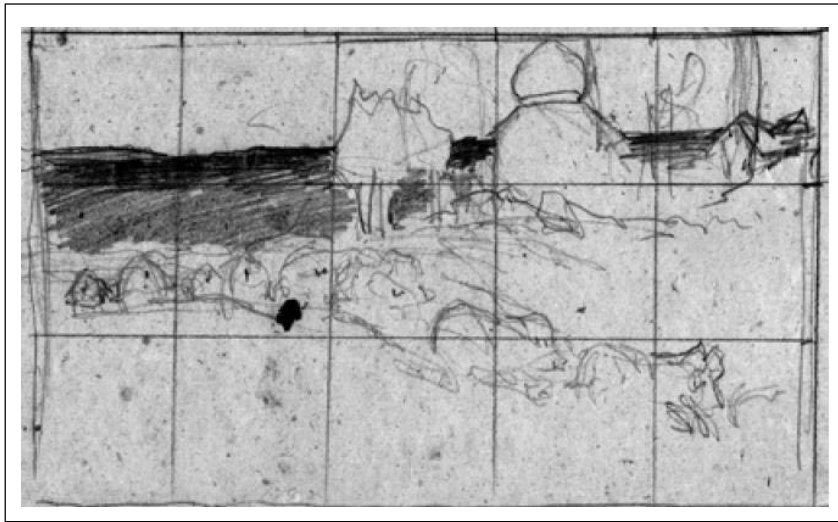
Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом.
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом:
Не ведутся ль там грешные речи?

Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело!
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.

На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мёртвых старух:
Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови... с ними сила господня!

Н.К. Рерих. Волки. 1900. набросок композиции к одноимённой картине по мотивам баллады А.К. Толстого «Волки». 1 вариант.

Н.К. Рерих. Волки. 1900. Набросок композиции к одноимённой картине по мотивам баллады А.К. Толстого *«Волки»*. 2 вариант.

Н.К. Рерих. Волки. 1900.

*«Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом...»*

*«Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело!..»*

МАЙ

7/20 мая 1900 г.

ХРОНИКА

В воскресенье, 7-го мая, состоялся торжественный годичный акт Археологического института. Акт начался отчётом, прочитанным директором института проф. Н. В. Покровским. К концу истекшего года почётных членов состояло 57; из их числа выбыли скончавшиеся <...>. Вновь избран проф. архитект. А. А. Парланд. Действительных членов состоит 123. Членов-сотрудников 51. Состав преподавателей след.: директор инст. проф. Н. В. Покровский (христ. археология), проф. В. И. Сергеевич (юрид. древности), проф. А. И. Соболевский (слав.-русск. палеография), проф. Н. И. Веселовский (первобытн. археология), С. М. Середонин (истор. география), П. П. Лихачёв (дипломатика), А. К. Марков (нумизматика), А. П. Воронов (архивоведение), С. М. Гольдштейн (польско-лит. древн.), А. Л. Погодин (слав. древн.), Н. Н. Дебольский (ист. приказного строя), Н. К. Рерих (ху-дож. техника в примен. к археологии), В. В. Майков (практ. зан. по слав. археографии); всех - 13. Секретарём инст. состоит С. Н. Перетерский. Слушателей в институте 294, из которых принято в истекшем году 191. Окончили курс со званием действительного члена 12 слушателей и со званием члена-сотрудника — 29. Деятельность института в истекшем учебном году выразилась, кроме обычных учебных занятий, в устройстве вечерних бесед, на которых прочитано 23 реферата, организацией слав.-русской палеографической выставки и поездкой в окрестности ст. Вруды (Балт. ж. д.); во время этой поездки было раскопано и исследовано до 30 могил XI-XIII века. Специальная библиотека института состоит из 12 тыс. томов.

По прочтении отчёта директором института были розданы аттестаты и свидетельства. Акт закончился речью проф. Н. И. Веселовского на тему: «Каменные бабы на юге России». На акте присутствовали многие представители учёного мира.

Северный курьер. 1900. 8/21 мая. № 184.

8/21 мая 1900 г.

Хроника

В воскресенье, 14 мая, состоится экскурсия членов и слушателей Археологического института в село Гостилицы Петергофского уезда для обзора местных курганов. Руководить экскурсией будет преподаватель института Н. К. Рерих. Экскурсанты отправятся по Балтийской железной дороге с поездом 8 ч. 10 м. утра. В экскурсии могут участвовать и посторонние лица.

Новое время. 1900. 8/21 мая. № 8690.

9/22 мая 1900 г.

ХРОНИКА

В воскресенье, 14 мая, члены и слушатели СПб. Археологического института отправляются на раскопки в с. Гостилицы Петергофского уезда.

Раскопки будут производиться под наблюдением проф. Н. И. Веселовского. Предварительные работы и изыскания взял на себя художник-археолог Н. К. Рерих.

Северный курьер. 1900. 9/22 мая. № 185.

14/30 мая 1900 г.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Раскопки в Петергофском уезде Петербургской губернии, произведённые членами и слушателями СПб. Археологического института под руководством профессора Н. И. Веселовского, в воскресенье, 14 мая, дали любопытные результаты. Вопрос о древних территориях славян и финнов и границах этих территорий интересует современных археологов. Курганов чисто финских до настоящего времени не известно, но при раскопке 14 мая найдены в курганах, вместе с обычными при славянских погребениях вещами, предметы характерно финские. По мнению исследователя археологических памятников СПб. губ. Н. К. Рериха, здесь мы имеем дело с ославянившимися финнами племён води или ижоры. Местность, где производились раскопки, между сёлами Гостилицы и Дятлицы, принадлежала в древности к новгородским владениям и входила в состав Водской пятины. Из предметов, найденных при раскопках, интересны перстни с большим (около вершка) щитком и две монеты, относящиеся к XI-XV векам. Всех участвующих в раскопках было до 45 человек. В них приняли участие проф. Н. И. Веселовский, проф. П. Н. Милюков, генерал-лейтенант В. Г. Глазов, тайный советник А. В. Половцов и мн. др. лица.

Биржевые ведомости. 1900. 17/30 мая. № 133.

17 / 30 мая 1900 г. СПб.

ХРОНИКА

Устроенная С.-Петербургом Археологическим институтом в воскресенье, 14-го мая, экскурсия в местность между с. Гостилицы и Дятлицы Петергофского уезда Петербургской губернии дала весьма ценные научные результаты.

В число экскурсантов вошло 37 членов и слушателей института. Во главе экскурсии стоял проф. Н. И. Веселовский. Участие в раскопках приняли также между прочим начальник штаба финляндского военного округа ген.-лейт. В. Г. Глазов, начальник архивов министерства Императорского двора А. В. Половцов, начальник архива главного управления военно-учебных заведений Петров и другие приглашённые лица.

Члены экскурсии прибыли в 1 час дня к месту раскопок, находящемуся в 5 верстах от сел. Гостилицы.

Уже с пятницы 12-го мая художником Н. К. Рерихом, в течение 6 лет производившим археологические исследования в Петербургской и соседних губ.,

начаты были совместно с несколькими членами института подготовительные работы.

Исследованию подверглись курганы, расположенные двумя группами. Из 100 курганов вскрыто до 20. Некоторые из них были подготовлены уже так, что давали сразу полное наглядное представление об их характерных особенностях. Профессор Н. И. Веселовский обрисовал в краткой речи различные типы славянских погребений, относящихся к XI-XV векам. Почти все эти типы встречены были здесь. Таким образом, исследованные курганы имеют даты: XI-XV века. Среди найденных вещей, кроме обычных славянских, встречаются и финские.

Местность, где производились раскопки, входила некогда в состав новгородских владений, а именно одной из пятин Великого Новгорода — Водской. Из предметов, найденных в курганах, можно отметить: монеты XI века, одна регенбургская, другая по предположениям англо-саксонская, редко встречающиеся орнаменты, перстни, височные кольца, бляшки, браслеты, топоры, ножи и другие бронзовые и железные вещи.

Новое время. 1900. 17/30 мая. № 8699. Среда. С. 4.

И. Туренский

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕТЕРБУРГА

В воскресенье, 14-го мая, члены и слушатели Археологического института в числе 38 лиц под руководством профессора института по кафедре первобытной археологии Н. И. Веселовского совершили экскурсию в окрестности села Гостилицы Петергофского уезда (в 20 верстах к юго-западу от ст. Старый Петергоф по Балтийской жел. дороге) для раскопки группы курганов, находящихся в 5 верстах к востоку от Гостилиц.

Раскопки могильных насыпей и курганов С.-Петербургской губ. производятся уже давно. Первое место в этом отношении принадлежит, конечно, покойному прозектору Военно-медицинской академии Л. К. Ивановскому, производившему раскопки с 1872 по 1892 г. Затем раскопки курганов в различных местах С.-Петербургской губ. производились и донныне производятся начальником С.-Петербургского Артиллерийского исторического музея ген.-лейт. Н. Еф. Бранденбургом, членами Археологического института - И. Г. Даниловым, А. Э. Мальмгреном, Л. Н. Целепи и многими другими. В течение последних лет особенно усердно и успешно занимается делом раскопок преподаватель Археологического института по кафедре художественной техники в применении к археологии известный по картинам из древнерусской жизни («Собираются старцы» и др.) на последних выставках художник Н. К. Рерих. Усилиями поименованных и многих других непоименованных лиц до настоящего времени в пределах С.-Петербургской губ. раскопано и обследовано уже свыше 6000 курганов.

И, однако же, несмотря на столь значительную цифру, достигнутые этими раскопками научные выводы и результаты оставляют желать ещё многого. Тогда как в средних и особенно в южных губерниях России - на основании раскопок местных курганов уже точно установлены типы погребений и

наиболее характерные, в культурно-историческом отношении, особенности не только славянских племён известных районов, но и соприкасавшихся с ними племён инородческих, - в С.-Петербургской губ. доселе установлен лишь один тип погребений славянских, и в частности, конечно, славян новгородских, как особой ветви кривичей.

А между тем нынешняя С.-Петербургская губ. входила, как известно, в состав древней *Водской пятины* Великого Новгорода, получившей своё наименование от первоначальников северо-западной её части - небольшого финского племени *водь* (остатки которого сохранились и доселе в малочисленном финском народце, называющем себя *waddialaiset* и обитающем в нескольких мелких селениях Петергофского уезда, особенно в сел. Каттихе и Сонкине). Очевидно, в курганах С.-Петербургской губ., - число которых, кстати заметить, весьма значительно, - кроме погребений славянских должны, таким образом, предполагаться также и погребения водские, с какими-нибудь хотя бы намёками на их собственную, значительно низшую по сравнению со славянской, культуру. И, однако же, тип водских погребений не установлен ещё и доселе. Это объясняется, главным образом, крайней скудостью, в количественном отношении, вещей и предметов, находимых в курганах С.-Петербургской губ. (как и вообще в курганах всех почти северных губерний), не говоря уже о их сравнительной бедности и разнообразии в отношении качественном. Ввиду этого и в надежде на возможность достижения более значительных, при ещё большем количестве раскопок, научных результатов, раскопки курганов С.-Петербургской губ. продолжают ещё и доселе.

Состоявшаяся 14 мая по предложению Н. К. Рериха и под руководством профессора Археологического института Н. И. Веселовского экскурсия членов и слушателей института в окрестности села Гостилицы тоже имела в виду вышеозначенную научную цель, не говоря уже о её образовательном, в смысле образцовых раскопок, значении для членов и особенно новых слушателей института.

Все подготовительные работы по изысканиям и по разрытию (при помощи, конечно, нанятых рабочих) курганов до площади погребений были произведены под руководством Н. К. Рериха особою группою членов института, в количестве 11 человек, прибывшею на место раскопок 12 мая. Кроме Н. К. Рериха, в состав этой группы входили: начальник архивов министерства Императорского двора т. с. А. В. Половцов, Л. Н. Целепи, Н. А. Штофф и другие.

14 мая выехала из Петербурга с поездом 8 ч. Ю м. утра по Балтийской жел. дороге до ст. Старый Петергоф (откуда дальнейший путь был совершён - 20 вёрст до Гостилиц на лошадях и 5 вёрст от Гостилиц до места раскопок пешком) другая группа членов и слушателей Археологического института, в состав которой входили: руководивший экскурсиею проф. института Н. И. Веселовский, начальник штаба войск Петербургского гвардейского округа, почётный член института ген.-м. В. Г. Глазов, проф. П. Н. Милюков, преподаватель института А. П. Воронов, учёный секретарь института С. Н. Перетерский, начальник военно-учёного архива Петров, помощник начальника архива Министерства народного просвещения А. С. Раевский и другие, всего - 38 лиц.

По прибытии на место раскопок проф. Н. И. Веселовский дал экскурсантам несколько предварительных объяснений, указав, что в древней Водской пятине, в одном из пунктов которой они находятся, встречающиеся курганы от-

носятся к XI-XV векам, причём время их довольно точно определяется как монетами, находимыми, впрочем, здесь не часто, так особенно характером погребений и внешнею формою курганов. Самые древние погребения, до XI века — насыпи без камней; погребения в них — на материке, с подсыпкою под трупом золы, причём костяки встречаются как в лежащем (чаще), так и в сидячем положении; в последнем случае сзади трупа, для опоры, полагались или камни, или деревянная колода. Погребения в сидячем положении легко определяются по углублению наверху насыпи, вследствие оседания трупа. Погребения после XI века - уже не на материке, а в самой насыпи, причём курганы обкладывались по окружности основания камнями; более древние из них обкладывались камнями сплошь, а позднейшие с промежутками между ними. Причина обкладки курганов камнями, вполне понятная на юге (чтобы удержать песчаные насыпи от расползания), в Водской пятине ещё не выяснена; быть может, это - подражание. В XIII—XIV вв. встречаются уже все типы известных нам погребений. Предметы, находимые в курганах Водской пятинны, хорошо известны благодаря, главным образом, раскопкам Л. К. Ивановского. Встречаются височные кольца, бронзовые застёжки и браслеты, короткие ножи (более длинных орудий доселе не было найдено), топоры и т. д. Найти что-либо новое - трудно рассчитывать, хотя по свидетельству Н. К. Рериха и попадаются изредка предметы не славянские.

После этого приступлено было к осмотру раскопанных уже курганов и к продолжению раскопок подготовленных. Всего было раскопано свыше 30 курганов. В одном из них был найден сохранившийся в удивительной целости костяк в лежащем положении, с руками, сложенными на лонном соединении; около правого его бедра найден средних размеров топор. В других курганах, особенно с женскими погребениями, которые, кстати заметить, всегда богаче находками и легко определяются по меньшим размерам насыпей, было найдено несколько бронзовых браслетов, не соединённых концами, несколько височных колец, застёжек, стеклянные бусы и т. д., а в одном была найдена даже часть женской косы с хорошо сохранившимися волосами. В одном большом кургане было обнаружено пять костяков - так называемое братское погребение. Были обнаружены также погребения с каменными кладками внутри насыпей, а также со следами деревянных подстилок.

Вообще по количеству находок настоящая экскурсия должна быть признана одною из удачных. Все найденные предметы будут обследованы профессорами-специалистами, после чего поступят в музей Археологического института.

Поздно вечером возвратились экскурсанты с раскопок таким же путём в Петербург, весьма довольные результатами экскурсии, особенно полезной, как было сказано выше, в образовательном отношении.

Северный курьер. 1900. 17/30 мая. № 193.

21 мая 1900 г.

Письмо герцога Н. Н. Лейхтенбергского – [Ф. А. Брауну].

Ваше Сиятельство,

В ответ на сообщение Ваше от 16-го сего Мая, имею честь уведомить Вас, что я лично могу быть свободным не ранее 28-29 Июня, или в половине Июля. Поэтому если Н. К. Рериху неудобно отложить раскопку жальника до одного из вышеприведённых сроков, то я буду лишён возможности лично оказать ему содействие. В таком случае прошу Вас сообщить мне, когда Н. К. Рерих намерен ехать, чтобы мне своевременно сделать распоряжение о высылке ему лошадей и приготовлении помещения в моей усадьбе. Затем в распоряжение Н. К. Рериха будет дана лодка и телега для доставки добытых вещей. Если нужно, то могу уведомить и местные власти. Рабочих предоставлю столько, сколько возможно будет уделить из экономии. Конечно, лучше было бы отложить раскопку до второй половины августа, когда у меня работают солдаты, которых с удовольствием предоставил бы в распоряжение командированного преподавателя.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверение глубокого моего уважения, всегда готовый к услугам Вашим.

Герцог Н. Н. Лейхтенбергский

Красное Село.

21 мая 1900

(Л. Гв. Преображенский полк)

РА ИИМК, № 233/1899

Публикуется по изд.: Петербургский рерихоаский сборник. Изд. дом «Агни». 1999.

25 Мая 1900 г. СПб.

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя, радость моя.

Правда «радость моя» хорошее слово? - оно опошлено, но смысл чувства оно выражает превосходно. При воспоминании о Тебе весь наполняюсь какою-то радостью, мне становится как-то светло и бодро, особенно же если представляю, что и Ты обо мне тоже думаешь. Или ещё не успела вспомнить за новыми впечатлениями переезда и природы? Но мне хочется, чтобы Ты уже вспоминала и даже (прости) скучала обо мне. Вспоминала?

Сейчас только ушёл натурщик, я с него писал фигуру для охоты. Вечером будет у меня Свиньин и Сторонний; не знаю, какое я дело завариваю и что из него выйдет, но может выйти не малое.

Мои мечты о Музее начинают опять выплывать – Тевяшев (секр[етарь] [великого] князя) вчера спрашивал обо мне Свиньина и сказал, что имеет на меня виды осенью. Но какие виды? – хорошие или скверные.

Ты сделала превосходно, что побывала в мастерской у меня, теперь я ещё пуще полюбил это помещение. Как Ты полагаешь, сколько раз в день я не думаю о Тебе? Какое чудное у меня сейчас настроение: только хочу что-нибудь сказать о событиях, как сейчас же сбиваюсь и пишу о Тебе, забывая, что, пожалуй, Тебе о самой себе читать скучно. Невероятно меня интересует: как доехали, как самочувствие, пилили ли дорогой за наше прощание, как зубы, голова,

палец, и всякое прочее. От вокзала я шёл с Беляевым, который предупреждал меня, что против меня (в нашем деле) работает сильная оппозиция в лице Екат[ерины] Вас[ильевны] и княгини, но я сказал ему, что при такой союзнице, как Ты, какая угодно оппозиция отобьёт себе носы о стену, но навредить не сможет.

Беляев, бедняга, влюблён в Соф. Павл. и по-видимому, не на шутку. Ей в цветы вложил он несколько первых тактов «Скажите вы ей, цветы мои», (за такую пошлость мне стало стыдно за него). Говорил мне, что напьётся в этот вечер, – оказывается, он выпивает; я убеждал его, но ничего не вышло. В начале Июня думает быть в Бологове. Неужели, когда я буду у Вас, там будет целая свора гг. Редкиных и К°. Это будет скучно т. к. уже теперь я представляю себе, как мы будем гулять. Зачем их наприглашала? Что сделала!!

Напишешь мне или нет? А вдруг не напишешь; вот-то беда! Письма (видишь всё-таки надеюсь на оные) лучше адресовать: Вас. О. Имп. Академия Художеств. Главное здание, №4. Н. К. Р. Мне их приятнее будет получать в мастерской.

Поклонись всем, кому следует, скажи, им что-либо приятное и к случаю подходящее, Ты ведь это умеешь, как нельзя лучше. Князя можно поцеловать в лысину, ему будет приятно. Княгине скажи, что она помолодела; Екат[ерине] Вас[ильевне], что она похудела; ну, словом, кому поумнела – кому что следует. А вдруг это письмо кто-ниб. у Тебя перехватит. Ведь влетит за предерзость. Ну да ничего не поделаешь - необходима откровенность. Ведь так? Нехорошо быть иезуитом. Не знаю почему, но мне невероятно хочется целовать Тебя. А если Екат. Вас. это желание прочтёт, ведь выйдет буря, положим, буря в ванне, но всё же.

Мне хочется скорее к Тебе ехать, числа 8 надеюсь быть. Завтра справлюсь насчёт герцога.

Ну, до свидания, моя милая союзница, мой commilito во всех делах и помыслах. Если я и надоедал Тебе, то, прости, по неведению. Потом я научусь различать Твои настроения и сообразоваться с ними. Бергер (он прекрасно зачинил мои зубы) сказал про Тебя: о, это очень нервный барышня. Прихожу к неожиданному заключению, что могу писать Тебе без конца, хорошая моя, милая, дорогая, до свиданья.

Твой Н. Р.

25 Мая 1900 г. СПб.

Сегодня я был у Стасова он вызвал меня письмом, потому-де послезавтра едет за границу. Спрашивает: «а хорош мой Репинский портрет?» Я отвечаю, что не видал его, ибо у Репина не был. «А я считаю, что Вы были». (Не знаю, что он этими словами хотел сказать).

Собираю на погорелых; вообрази, около бывшего нашего поместья выгорело половина деревни, и многие остались, в чём только выскочили; вот ужасно! Ещё мы жалуемся на то, да на сё, а каково очутиться без всего положительно, даже без платья. Нашему избалованному воображению такое представление даже не доступно.

Ещё раз до свиданья.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/157. 3 л.

«Сейчас только ушёл натурщик, я с него писал фигуру для охоты...»

Н.К. Рерих. Мужская фигура. (Этюд для картины «Ждут»). 1900.

Н.К. Рерих. Эскиз композиции к картине «Охота. Ждут». 1900.

Н.К. Рерих. Охотники. 1900. Эскиз.

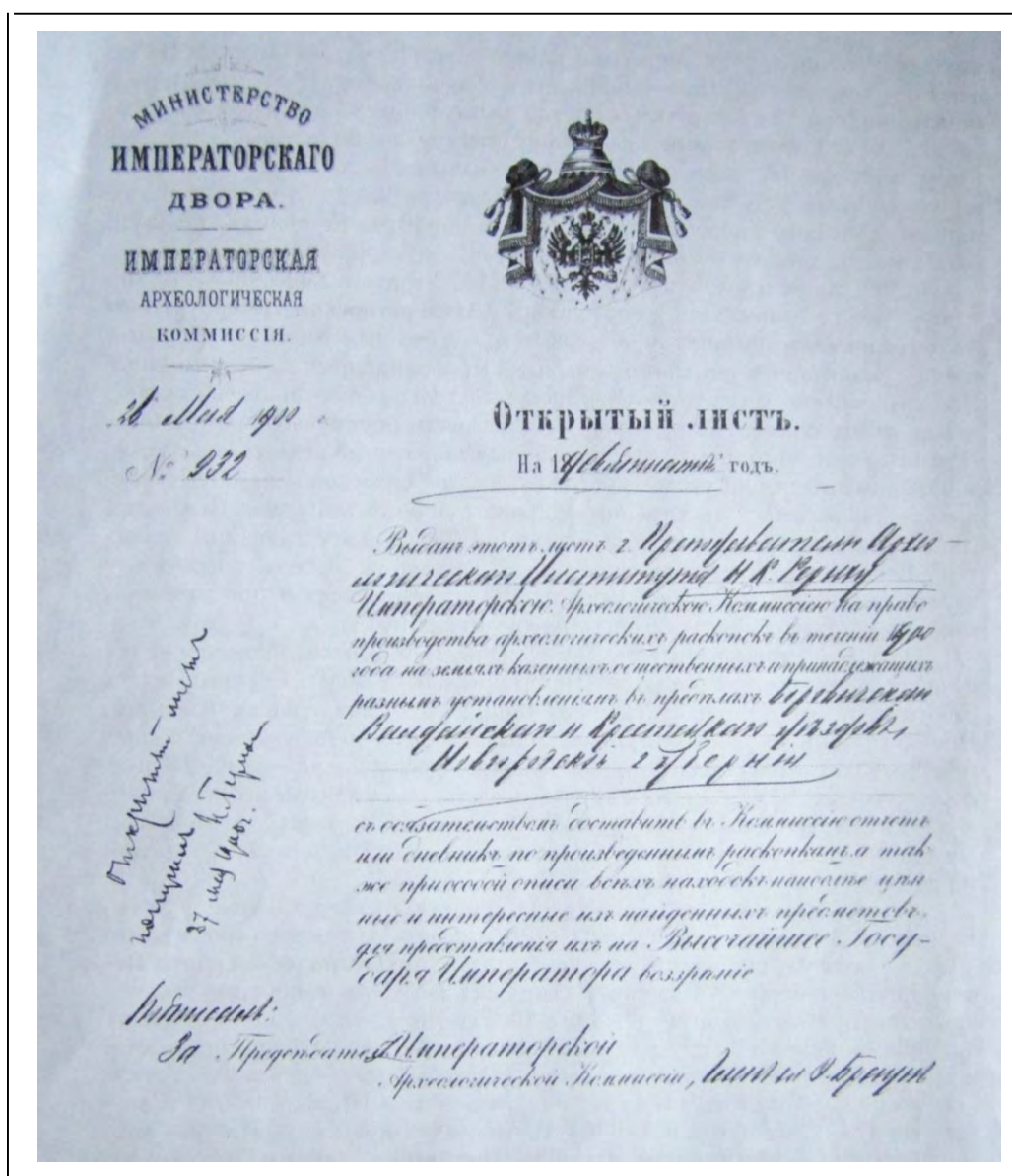
Н.К. Рерих. Эскиз к композиции к картине «Ждут». 1900.

Н.К. Рерих. Ждут. 1900.

26 мая 1900 г.

Открытый лист, выданный в 1900 г. «Преподавателю Археологического института Н.К. Рериху на право производства раскопок раскопок в течение 1900 года на землях казённых и принадлежащих разным установлениям в пределах Боровичского, Валдайского и Крестецкого уезда Новгородской губернии»

Слева внизу расписка Н.К. Рериха:

Открытый лист получил. Н. Рерих.
27 мая 1900 г.

Оригинал в РА ИИМК
Публикуется по изданию: *Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. 1999. С. 28.*

27 - 28 [Мая 1900, СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой

27-го

Только вчера отправил Тебе письмо, а сегодня уже опять хочется перемолвиться с Тобой, моя дорогая. Даже неловко, все Бологовские, небось, знают мой дьячковский почерк и могут подумать: эк его разобрало.

Вчера вечером началось, а сегодня продолжается у меня отвратительное состояние, скучно, ожидаю 10-го, злюсь на эскизы, голова тяжёлая. Вчера вечером был я со Сторонним у Свиньина, т. е., они были у меня, а потом мы все пошли к Свиньину. Он на меня опять произвёл тяжёлое впечатление, своим самомнением и навязываньем. Боюсь, голубчик, что мне он не столько приятен, сколько нужен. Это прескверное соображение, но, пожалуй, это так. Слушая его, я с болью думал: вот наши силы для борьбы с Дягилевым, только при счастье пробьёмся мы с такими дружинами куда-нибудь.

Сторонний также вынес о Свиньине не особенное мнение, т.е. говорит: не стал бы он нам вредить своим большим самомнением и озлобленностью, ибо мы можем взять верх лишь при очень широких взглядах, - всякая же однобокость будет на руку нашим врагам. Сторонний становится очень хорош со стариком Сувориным, быть может, ему удастся подбить его на издание большого художественного журнала и организацию общества художников. При средствах и рекламе Суворина можно бы сделать большое дело и даже дать тон всему русскому художеству. Но, прежде чем начать правильную по всем позициям борьбу и спокойно работать по искусству, необходимо нам с Тобой устроить свою жизнь, ибо только тогда буду я в состоянии спокойно рассуждать и не приходить в такое настроение, как сегодня. Я чувствую, что было бы достаточно одного Твоего слова, и настроение прошло. Впоследствии мы научимся улавливать наши обоюдные настроения и находить лекарства на них. Но до чего может мне иногда казаться, что я не в состоянии сделать ровно ничего – ни на что не пригоден, но достаточно толчка, чтобы меня бросило в противоположную крайность. Мы с Тобой фантазёры! - ведь так?

А я уже жду Твоего письма; знаю, что Тебе не всегда можно его писать, но уже жду, чтобы читать его и перечитывать. Вот какой скверный! Как же Ты себя чувствуешь?

Сегодня медик сказал, что отец вряд ли долго проживет – уж очень слабо его дыханье. Дядя приедет только 19-го Июня – этакий поросёнок, ему и горя мало, что у нас скверно.

Сегодня больше не буду писать, отложу до завтра, а к вечеру отошлю; пусть хоть через день, а то выходит чуть ли не каждый день ещё на смех подымут.

Какая моя жизнь скучная: Стасов, да Свиньин, Селиванов да Сторонний, Беклемишев да Куинджи, Комиссия да Институт, Общество да Музей, право, скучно. Если бы не Ты да не живопись, всё к чёрту бы послал. Ждёшь Ты моих писем или нет? Ведь пустяк, а он меня интересует до смерти. Как хочется, чтобы Ты обо мне думала.

28-е

Троица. Был в церкви. Воображаю, какая Ты сегодня нарядная.

Сейчас сочинял «Поход Владимира на Корсунь», а из гостиной доносится уже гомон гостей – придётся к ним идти, а вечером к Беклемишевым. Целую Тебя. Всем поклоны. Пиши.

Твой весь. *Н. Р.*

Отдел рукописи ГТГ, ф. 44/177, 2 л.

Н.К. Рерих. Эскиз к картине «Поход Владимира на Корсунь». 1900.

Н.К. Рерих. Поход Владимира на Корсунь». 1900.

30 мая 1900 г.

ОБЩЕЕ ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ В ИМП. ОБЩЕСТВЕ ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ

Для прочтения вышеозначенного отчёта с раздачей медалей и аттестатов учащимся в Рисовальной школе Общества, а также акта ревизионной комиссии, равно как для выбора членов в такую же комиссию на текущий год и розыгрыша художественной лотереи между гг. членами, 20-го мая состоялось Общее годовое собрание под председательством е. и. в. принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. Оно началось с панихиды по единственному почётном члене, бывшем секретаре Общества и директоре его музея, покойном Д. В. Григоровиче, отслуженной причтом Исаакиевского собора. Затем член комитета А. И. Сомов прочёл одобренную комитетом речь о заслугах почившего деятеля; после чего были прочитаны: секретарём Общества отчёт за 1899 г. и председателем ревизионной комиссии В. А. Ратьковым-Рожновым — акт её. <...>

Далее сообщалось о действиях в минувшем году разных специальных комиссий: <...> о назначении 2-х помощников к секретарю (гг. Рериха и Зарубина), нового директора музея в лице акад. М. П. Боткина (на место Д. В. Григоровича) и в помощники к нему худ. Н. К. Рериха <...>.

Разыгранная между гг. членами лотерея (по расчёту 1 выигрыша на 12 лиц) состояла из 9 картин (раб. Акининова, Версиловой-Нерчинской, Вучичевича, Зарубина, Проскурнина, Рериха, Химоны, Хренова и Трувиля) и И художественных предметов по части расписного фаянса и резьбы из дерева (работы учениц Школы).

Хроника журнала «Искусство и Художественная промышленность». 1900. 30 мая. № 16.

31 мая 1900 г.

СЁСТРЫ ШНЕЙДЕР

Из книги Л.В. Короткиной «Рерих в Петербурге – Петрограде»:

«Всё более разнообразными становятся контакты Рериха с художественной интеллигенции Петербурга. У него завязываются новые дружеские связи. Владимир Васильевич представил своего молодого друга художницам-акварелисткам сёстрам Шнейдер, работы которых выставлялись на художественных акварельных выставках. Варвара Петровна и Александра Петровна Шнейдер интересовались русским народным творчеством, орнаментом, и их знания, считал Стасов, могли быть полезны Николаю Константиновичу, Рерих стал часто бывать у них, на Малой Мастерской улице, дом 3, дом сохранился). Художник особенно дружил с Варварой Петровной. Уезжая из Петербурга на раскопки, Николай Константинович переписывался с ней. Одно из его писем, шуточное, было написано в старославянском стиле: «Велечимой об искусстве сестре Варваре недостойный инок Куинджитравной обители Никола земно челом бьёт. Отчим преданием небрегуше, гордостью бесовскою обуян, удосужился аз мерзкий выехать из стольного, да обряжу древние честные погребения и разграблению их предам. И восста природа на мя, и бысть знамение: шел снег и град в день летний и ветер сносил мя, и гром убил в Красном Селе человека безвина – меня ради».

...Собирались в уютной гостиной сестёр-художниц. По стенам висели рисунки и акварели, на столике лежал альбом-вопросник, какие были распространены во второй половине XIX века. Альбом издавался в Лондоне. (Он назывался «Исповедь. Аль-

бом для записи мнений, мыслей, чувств, идей, особенностей, впечатлений и характеристик друзей») ...

...Вопросы были на английском языке, гости отвечали на русском.

Николай Константинович тоже включился в эту игру. Вот вопросы и ответы на них, данные Рерихом:

Your favorite virtue (Наиболее ценимая Вами добродетель) – **без покоя.**

Your favorite qualities in man (Наиболее ценимые Вами черты в мужчине) – **талант, определённая цель.**

Your favorite qualities in woman (Наиболее ценимые Вами черты в женщине) – **женственность.**

Your favorite occupation (Ваше любимое занятие) – **работа.**

Your chief characteristic (Ваша собственная характеристика) – **странник.**

Your idea of happiness (Ваше представление о счастье) – **найти свой путь.**

Your idea of misery (Ваше представление о несчастье) – **быть непонятым.**

Your favorite colour and flower (Ваш любимый цвет и цветок) – **лиловый (ультрамарин, крапак, индийская жёлтая).**

If not yourself, who would you be? (Если бы Вы не были тем, кто вы есть, кем бы вы хотели быть?) – **путешественником-писателем.**

Where would you like to live? (Где бы Вы хотели жить?) – **на родине.**

Your favorite poets (Ваши любимые поэты) – **А. Толстой.**

Your favorite prose authors (Ваши любимые писатели) – **Л. Толстой, Гоголь, Рёскин.**

Your favorite painters and composers (Ваши любимые художники и композиторы) – **Бетховен, Вагнер, Глинка, Бородин, Римский-Корсаков, В. Васнецов.**

Your favorite heroes in real life (Ваши любимые герои в реальной жизни) – **Леонардо да Винчи. Схимник.**

Your favorite heroines in real life (Ваши любимые героини в реальной жизни) – Рерих поставил прочерк, оставив вопрос без ответа.

Your favorite heroes in fiction (Ваши любимые литературные герои) – **Дон Кихот.**

Your favorite heroines in fiction (Ваши любимые литературные героини) – Также поставлен прочерк.

Your favorite food and drink (Ваша любимая еда и питье) – **квас, ростбиф (увы) недожаренный.**

Your favorite names (Ваши любимые имена) – **Елена, Татьяна, Нина, Ингегерда, Роман, Ростислав, Арсений.**

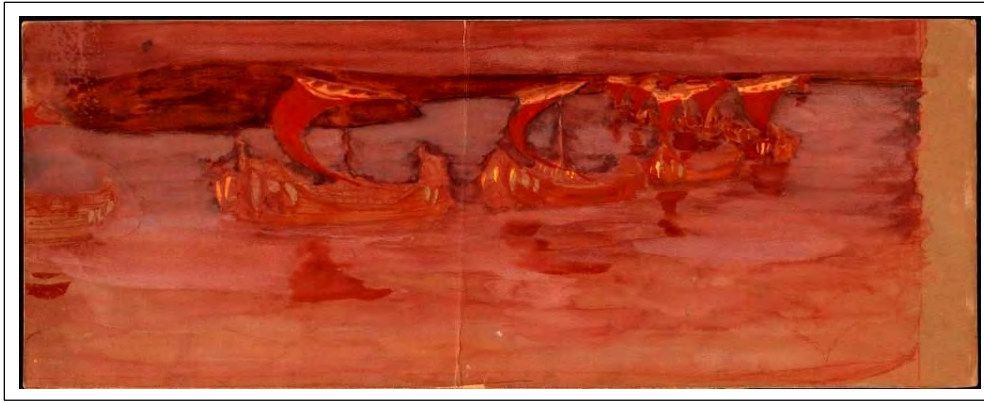
Your pet aversion (Самый неприятный недостаток в людях) – **пошлость и самодовольство.**

What characters in history do you most dislike? (Какие исторические деятели для Вас особенно неприятны?) – **Пётр Великий.**

For what fault have you most toleration? (К каким недостаткам Вы относитесь наиболее терпимо?) – **увлечение (аффект).**

Your favorite motto (Ваше любимое изречение) – **«Вперёд, без оглядки!»**

Рерих сделал эту запись 31 мая 1900 года. Ему шёл двадцать шестой год.

Н.К. Рерих. Иноземные гости (Красные ладьи). 1900.

31 Мая 1900 г. [СПб.]

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Сегодня поднял на ноги всю Академию, думая, что письмо* [*не пишу чьё, ибо одного и жду] могло куда-нибудь затеряться. Неужели, моя хорошая, его и не было? Я привык думать, что 31 число для нас счастливое, и надеялся, что именно 31 будет Твой первый отклик. Сегодня уже мучаюсь, что Ты не хочешь писать, что нездорова, что произошли какие-ниб. неприятности, и мало ли что лезет в голову, когда не знаешь ничего о любимом человеке.

Теперь дело в том, когда мне лучше приехать к Вам: приехать ли от 5-го до 11-го или от 11-го до 16-го; что удобнее, когда меньше гостей и прочее. По-скорее дай знать, ибо я выезжаю во всяком случае 5-го или 6-го, но могу сперва сделать раскопку у Лейхтен[бергского] или сперва быть у Вас, а уже затем выкопать покойников. Мне даже больше кажется и любитесь побывать сперва у Вас; боюсь, потому, чтобы скорей Тебя повидать.

В Понедельн. был у Шнейдер и пробыл у них без малого целый день, очень часто вспоминая Тебя и представляя, как бы хорошо Ты себя чувствовала в этой простой, но высоко интеллигентной обстановке. Всегда у них новости литературы и искусства. Пересказывали мне содержание новейших франц. романов. Говорили об искусстве. Ты бы была в восторге; всегда уходишь от них и уносишь нечто свежее.

Завтра Беклемишева зовёт ехать в Крестовский, но думаю избежать, ибо скучно. Вчера ходил по островам со Стронним и неизменно захотел урваться из города.

Сейчас только зарисовал интересного старика. Непременно зарисую Тебя и всех присных - углём на обёрточной бумаге.

Радуюсь, что хоть насильно, да заставлю отозваться Тебя и даже без замедлений, впрочем, мне сдаётся, что письмо Твоё уже идёт – вот, видишь, какого хорошего я о Тебе мнения. Поклон всем. Тебя очень целую. Теперь скоро увидимся.

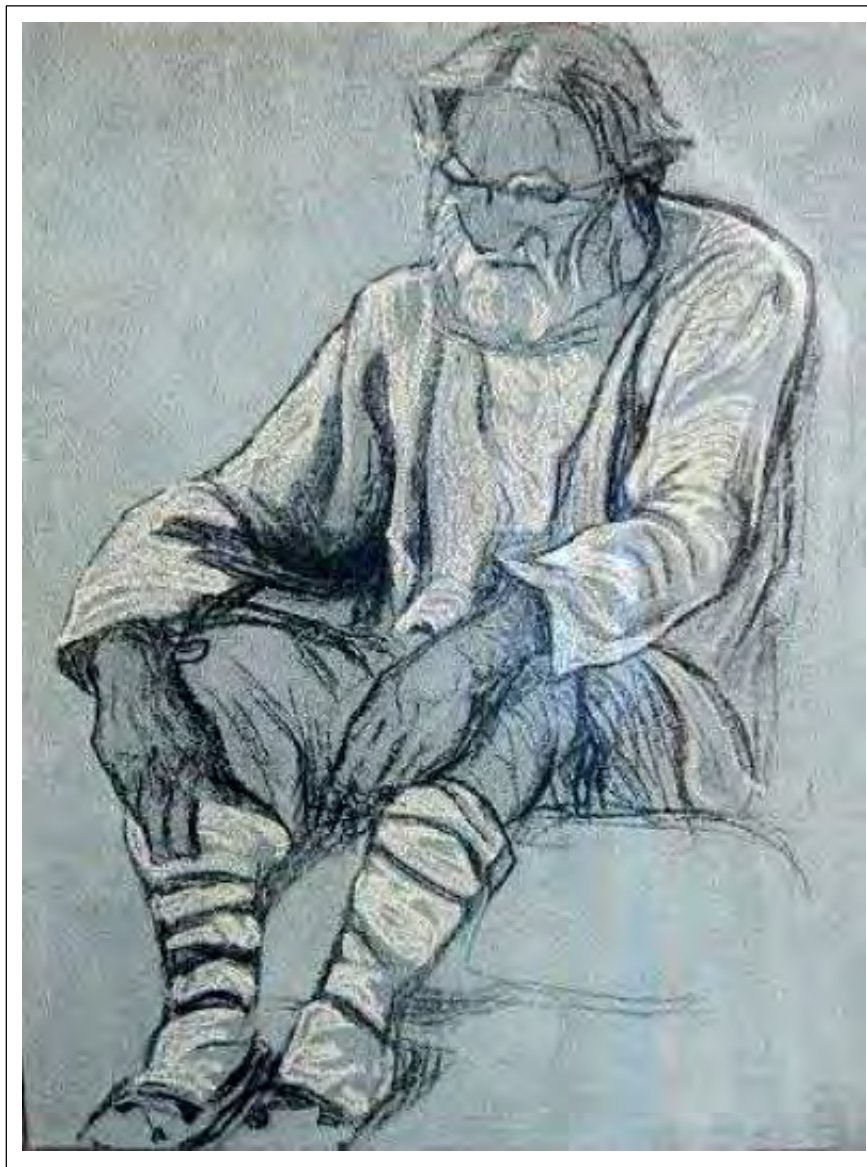
Всеми помыслами Твой,

Н.Р.

31 Мая 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/154. 2 л.

«Сейчас только зарисовал интересного старика...»

Н.К. Рерих. Старик. 1900.

ИЮНЬ

2 июня 1900 г.

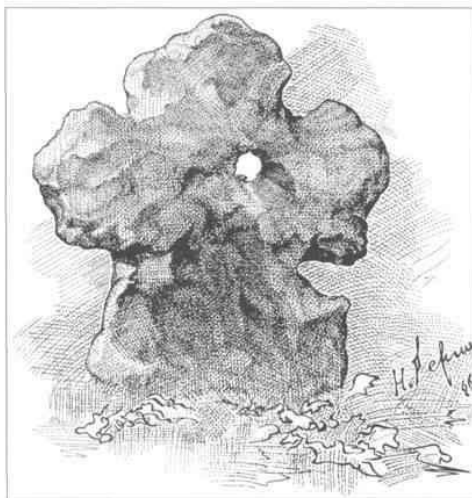

Рис. Н.К. Рериха. Каменный крест новгородского типа. Санкт-Петербургская губерния.
Архив ИИМК.

Хроника

С.-Петербургский Археологический институт при участии всех своих членов и слушателей работает над составлением археологической карты С.-Петербургской губернии. Это предприятие потребует много сложного и кропотливого труда. Институт обратился к некоторым археологам, учреждениям и частным лицам с особым циркуляром, прося сообщить сведения о местных древностях. Весь обширный материал, собранный для составления карты, будет распределён на пять главнейших групп; первая - составит полное и подробное описание курганов, вторая - могил, третья - городищ, четвёртая - случайных находок предметов древности (монеты, каменные орудия, бронзовые и железные предметы), пятая - преданий и сказаний о различных местностях и урочищах. Работами руководит И. К. Рерих.

Северный курьер. 1900. 2/15 июня. № 208.

[2 Июня 1900 г, СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е.И. Шапошниковой

Милая, дорогая, хорошая – вчера вечером наконец получил Твоё письмо, которое (к стыду сознаюсь) перечитал 5 раз и ношу при себе – этакая непростительная сентиментальность. Вчера иду по коридору Академии - встречается сторож: «а вам письмо в Канцелярии» – говорит мне. Я направился в Канцелярию чуть ли не бегом – к великому удивлению сторожей.

Пришёл Зарубин – писать нельзя. Приеду в Понедельник 5-го или во Вторник утром. Не встречай.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/178. 1 л.

2 Июня 1900 г. СПб.

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Так Зарубин и не дал дописать сегодняшнего письма. По разным сообщениям должен отложить выезд на 1 день, т. е. выеду во вторник с вечерним 10-час. поездом и буду к 9 час. в Бологове.

Я только теперь отдаю себе отчёт, насколько Ты мне дорога, моя хорошая. Не получая Твоего письма, я не находил себе места не мог работать и чувствовал себя прямо несчастным. Теперь скоро увидимся.

Сегодня мне предложено редакторство русского отдела журнала, а иностранным будет заведовать Бенуа (мой враг). Такое соседство настолько меня поразило, что ничего не мог ответить и дал себе время обдумать, столь неестественное предложение. Братся не хочется, а отказаться и тем предоставить поле сражения Бенуа - тоже неважно. Просто и не придумаю что сделать.

Ну, до свиданья, моя милая, хорошая, дорогая, родная.

Целую Тебя крепко.

Весь Твой

Н.Р.

2 Июня 1900 г.

Сегодня мы были с Зарубиным у Куинджи. Тот говорил такие вещи, что я чуть не плакал. Но об этом в письме не упишешь, надо на словах.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/155. 2 л.

9 июня 1900.

Анатолий Половцов

ВОКРУГ И ОКОЛО РАСКОПОК ВЕСЕННИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАРТИНКИ

І. Сборы

Заканчивая «Записки охотника», Тургенев говорит: «Однако, пора кончить. Кстати заговорил я о весне, весной легко расставаться, весной и счастливых тянет вдаль»... Ещё бы! И как тянет-то! А пока нельзя улететь далеко, то хоть за город бы вырваться, в зелень, ins Grüne [*за город (нем.) – ред.*], как говорят немцы. С этой целью всякие экскурсии хороши. Но лучше всего, пожалуй, охота и археология. Обе почтенные страсти эти увлекают человека настолько в сторону от больших центров, что он сразу оказывается лицом к лицу с природой в самой глухой зелёной глуши.

Я не охотник и не знаю, мудрено ли отыскивать подходящие случаи, чтобы предаваться этому благородному спорту. Что же касается археологии, то я по опыту знаю, что отыскивать места для раскопок дело мудрёное, требующее огромной затраты времени и труда. Поэтому я обрадовался появлению Н. К. Рериха не менее, чем Ной возвращению голубя с зелёной веткой. Появление весной молодого талантливого живописца, автора исторических картин «Сби-

раются старцы», «Поход» и других, символизирует близость археологической экскурсии, которую он и в прошлом году организовал для слушателей и членов Археологического института. И в нынешнем году он сделал много десятков вёрст по окрестностям Петербурга, отыскивая курганы, которые можно бы и стоило бы раскопать.

- Вот иные говорят, что поблизости ничего нет, ничего не осталось! Вздор! Стоит поискать. В 20 верстах в сторону от Петергофа нашлось много курганов, близ Гостилиц, — сообщил мне с удовольствием Н. К. Рерих.

II. И сторонка же!

В первый же тёплый день мы двинулись. Петергоф скрылся из виду. Шоссе оставляет желать многого, и в тележке трясёт порядочно, но как приятен этот массаж после долгой сидячей жизни! <...>

III. Материнская любовь

Славно спится на полу, на сене, в горнице, что почище, на постоялом дворе, после усиленных вечерних пешеходных рекогносцировок по части курганов.

Чуть свет — мы уже на ногах и катим в телегах к месту раскопок. Кругом кустарник, мелкая ольха и березняк, а всё-таки как хорошо!

О, солнца свет!

О, свежий дух берёзы!

Вот и курганы. Небольшие насыпные холмики, аршина в два и в три вышиной, несколько сажен по окружности. Некоторые обложены камнями, булыжником, почти все поросли кустарником.

Берёмся за первый попавшийся курганчик, потому что всё равно с которого начать. Обмерили его кругом по основанию ленточкой, рулеткой. Начинаем копать в самой середине наверху. Идёт оживлённый говор.

Проходит минут десять, если не больше. "Один мужик-работник сходит вниз за чем-то. Вдруг раздаётся сильный шум из-под ног рабочего у самой подошвы курганчика. Мы все поворачиваем головы. Большая птица с шумом взвивается и несётся через кусты. Из её клюва падает что-то белое.

- Тетёрка!

- Откуда же это она?

- Ишь ты! Я наступил ей на хвост, — пояснил мужик.

Мы кинулись к месту, откуда она поднялась. Там было гнездо с десятью яичками.

- Как мы это её не видали?

- Да ведь мы по ней проводили рулеткой, когда обмеряли курган, а она не шелохнулась! Вот что удивительно.

- Вот так материнская любовь!

- А видели вы, как она унесла одно яичко, но уронила?

- Теперь она перетаскает все яйца, только бы их раньше никто не тронул. Слышишь, мальчик? Не смей трогать гнёздышко и яйца.

IV. Гостилицкая мыза

Весь день был посвящён раскопкам курганчиков и подготовке их для приезда нескольких десятков экскурсантов, которые должны были приехать к полудню следующего дня. Утро, следовательно, свободно.

- Надо воспользоваться этим временем, чтобы осмотреть парк и дом. <...>

VIII. Результаты раскопок

Среди курганчиков, в молодой зелени ольх и берёзок, расположился целый табор. Несколько телег, дрожжек и пролёток распряжены; лошади пасутся. Около огромного самовара уютятся жаждущие чая. Какая смесь одежд и лиц! Тут и старики, и юноши, даже десятилетний мальчик, археологический хлопец, военные всевозможных родов оружия и штатские самых разнообразных профессий, одетые в чём попало. Кто отдыхает и закусывает, кто растянулся на кургане и ведёт оживлённую беседу с товарищами. Отдельные группы усердно раскапывают в разных местах курганчики. Издалека доносятся раскаты пушечной пальбы (из-под Красного Села), и воображение превращает археологический табор в лагерь буров.

- Кажется, нет другого высшего учебного заведения, в котором сохранилась бы такая живая связь между бывшими и настоящими слушателями, как в Археологическом институте, — замечает кто-то.

- Совершенно верно! И посмотрите, бывшие слушатели, превратившись уже давно в действительных членов института, уже убелённые сединами, продолжают с таким же рвением принимать участие в археологических экскурсиях института, как и двадцать лет назад!..

Люди более или менее чуждые археологии, слыша о раскопках, прежде всего задают вопрос: «Много ли нашли?» — точно раскопки производились хищниками для отыскания кладов. На самом деле при раскопках, в особенности при таких учебно-образовательных раскопках, какие устраиваются Археологическим институтом, важно не столько то, что найдено, сколько то, как предметы найдены. Тут интересно всё: обложен ли курган камнями, в сидячем или лежащем положении найден костяк, где находится заржавленный нож или молоток в мужской могиле или позеленелые браслеты и перстни в женской и т. д. А важно и интересно это всё потому, что даёт молодым археологам некоторую практику, и, кроме того, благодаря всем этим подробностям, восстанавливаются, хотя бы и частично, быт и в особенности погребальные обряды наших отдалённых предков славян, живших в XI и XII веках в области будущей Ингерманландии.

Из всех этих данных группа археологов с Н. К. Рерихом во главе предполагает составить археологическую карту Петербургской губернии. Благое дело, и дай им Бог успеха.

Но какое счастье для участников, что эта нелёгкая работа в большей своей части производится не в душной комнате, а среди природы, в той чудной рамке, которую так поэтически выразил граф Алексей Толстой:

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт,
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом цветёт, и любит, и поёт...

Московские ведомости. 1900. 9/22 июня. № 157. Пятница. С. 3.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. выпуск I. СПб. 2004.

Как скоро прошли 2 недели и как приблизили они Тебя ко мне, так что отсутствие Твоё теперь ещё страшнее. В вагоне ещё немного попла... (совестно написать).

Пиши. Целую Тебя. Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/156. 2 л.

19 июня 1900 г.

Письмо Н.К. Рериха к Половцову А.В.

«Только что возвратился я из поездки по Валдайскому уезду... На Валдае насмотрелся я интересных пейзажей и ещё раз вспоминал, как мало ещё ценят у нас своё, пренебрегая этими чудными озерами, обросшими лесом, этими спокойными и величавыми холмами и таинственными балками. Сколько в них песни, сколько в них задушевности! Заварю я теперь несколько вещей, которые Вы, надеюсь, осенью не откажете посмотреть в моей мастерской в Академии».

Публикуется по изданию: Л. Короткина «Рерих в Петербурге и Петрограде». Л. 1985.

Н.К. Рерих. Заморские гости. Этюд. 1900.

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1900. Эскиз.

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1900. Эскиз.

20 Июня [1900 г.] СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

СПб. 20 Июня

Хорошая моя Ладушка,

завтра надеюсь получить от Тебя письмо, а пока ещё пишу Тебе, хотя, собственно говоря, писать не о чем, но мне просто хочется поговорить с Тобой. Сегодня в 10 ½ ч. был в мастерской и вспоминал тебя – помнишь уговор наш? В 1 ½ я был у Беклемишева (они только через 2 дня уезжают). Екат[ерина] Ив[ановна] была очень довольна моим видом и спрашивала, когда наша свадьба. Я сказал, что свадьба не скоро, но что обстоятельства хороши и не удержался, говорил о Тебе; хорошо или худо, угадай сама! Екат. Ив. хотела бы Тебя лепить – целую фигурку; я думаю, она сделает не очень худо.

Екатерина Ивановна передала мне, что С. С. Боткин (у него большая коллекция рисунков) очень хотел бы приобрести какой-либо мой рисунок и просил её устроить это. Она советовала мне непременно доставить ей рисунок, но не продавать его, а подарить; везде-то иезуитство! Я понимаю, зачем она это советовала, - ибо жена Боткина, один из членов Комиссии по приобретению в Третьяковскую Галерею (она урождённая Третьякова). Придётся исполнить совет Екатерины Ивановны. Исполнять или нет? Что скажешь?

Сегодня опять писал «Поход» – переделывал небо, а завтра принимаюсь за метальщиков.

Дядя сегодня немного говорил со мной о нашем деле. Он говорит, что мама ничего не может иметь против, и если она и отнеслась так странно, то только в силу болезни отца. Сегодня мама спрашивала меня, не видал ли я Свинына и не слышал ли чего от него нового; видно, её это сильно интересует. «Нет, что ж это такое» - ведь всё выходит недурно. Как же Ты-то там?

Нельзя ли переслать поцелуя в письме? Завтра посылаю духи и бумагу.

Как сегодня Г или Ч? Если Ч, то... понимаешь?

Екатерина Васильевна продолжает ли быть такой же хорошей?

Если продолжает, то поцелуй её от меня. Воображаю, как князь ходит грачом. Анекдоты без меня процветают?

Пиши, дорогая моя, и мысленно целуй меня. Мне без Тебя очень-преочень скучно.

Всем поклон.

Твой совсем Н. Р.

Боримир Рерих

СПб.

В Обществе в музей принесли новые витрины, придётся их устанавливать завтра и на днях.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/180, 2 л.

Н.К. Рерих. Домик Сольвейг. 1900.

21 [Июня, 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Вторник 21-го вечер

Всё-таки не получил Твоего письма, моя дорогая. Те ли духи?

Мне на зелёной бумаге не пиши, ибо она слишком мала, а я предпочитаю читать Твоё письмо хоть на обёрточной бумаге, но возможно большего размера.

Сегодня могу сообщить Тебе добрую новость. Был я у Куинджи. Он благодарил меня за письмо, о котором я Тебе говорил. Я воспользовался его благодушным настроением и рассказал ему нашу новость. К моему изумлению, он отнёсся донельзя благодушно. Он много расспрашивал о Тебе, и, по мере сообщения мною всяких подробностей: о Тебе, Твоих стремлениях, Твоих родных, Твоих душевных качеств и пр.; его лицо всё прояснялось, а когда я рассказал ему, что обещал Тебе рисовать не менее 5 часов в день, то он прервал меня: «а ведь, знаете, это и совсем хорошо! Только, чур, надо исполнять обещания». Очень хвалил Твоё желание окончить школу и держать при Консерватории; очень интересовался, хорошо ли Ты играешь и любишь ли искусство. В результате сказал, что он спокоен за меня и просил работать.

Я рассказал ему про Мясоедова, он страшно возмутился, говорит: «как это его ещё принимают в порядочных домах, это такой небывалый сплетник и притом скверный и вредный».

Сегодня я работал только 4 часа, ибо пришёл дядя и задержал меня от работы. Мои картины ему не понравились: «небрежно и невыделанно». Сколько я ему ни твердил о необходимом расстоянии и впечатлении, всё-таки ничего не помогло.

Завтра у меня в мастерской будет Беклемишева (я у них вчера обедал). Там же был директор Школы Штиглица Котов. Екат[ерина] Ив[ановна] распиналась перед ним на тему, как меня не оценили ещё, как мной надо дорожить, и пр. Вот-то адвокат мой! Да ещё какой добросовестный адвокат и доброжелательный! Завтра их провожаю! Господи, как мне хочется целовать Тебя и как я привык к Тебе, моя милая, хорошая, дорогая. Бог даст, Ты не пожалеешь, что полюбила меня. Пиши, голубчик, как Ты себя чувствуешь и что думаешь.

Целую Твои руки, ладони - такие тёплые и славные. Дорогая моя, хорошая, хорошая, хорошая. Какое письмо бездушное, как ни пиши, а всё выходит холодно.

Всем поклон. Надеюсь, мысленно поцелуешь меня.

Твой весь

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/197, 2 л.

[22-23 Июня 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

*Четверг вечер;
наши пьют чай.*

Сегодня я получил письмо Твоё; - какое оно славное, какое оно хорошее. Дорогая моя Ладушка, да ведь это великое счастье, если сами мы будем являться ближайшим источником наших вдохновений, сильнейшим импульсом для наших работ! Как я был доволен и рад читать о Твоём подъёме духовном, пусть он даже краток, но раз он есть – дело сделано, и остальное доделает время и обстоятельства жизни, выстроить которые - наше дело, а с Тобою мы их выстроим! Да, выстроим?

Итак, вперёд, хорошая моя, вперёд без оглядки! (Как писал Крамской).

Как Тебе показалось отношение Куинджи? Ведь, право, не худо, очевидно он проникся моим настроением и понял, что Ты – недюжинная натура. Экая Ты у меня славная! Сейчас, т.е. 10 час. 15 м. в. (в Четверг,) мне страшно захотелось целовать Тебя, – не думала ли Ты обо мне? – Напиши.

Сегодня я рисовал с натуры старика и старуху – вышло не худо. Был в Обществе, узнал, что Собко окончательно отказался от секретарства; если бы поагитировать, то место было бы моё, но тогда искусству гибель.

Видал Селиванова; он показывал привезённые с Афона вещи. За одно Евангелие, купленное им за 30 руб., здесь ему дают уже 900 р.

Половцов, конечно, очень неважно написал, ну да он лучше-то и не в состоянии. Хорош отдел «Материнская любовь»!!

Сейчас надо написать отказ от редактора, я ещё не написал.

Да, вот ещё история! – Психиатр, который пользовал отца и которому ближе всего поместить его в больницу, уехал в отпуск и вернётся в 1-х числа Июля, т[ак] что боюсь, когда именно будет происходить помещение, но приеду во всяком случае - Ты в этом, думаю, не сомневаешься.

«Нет, что ж это такое?», что Екат[ерина] Вас[ильевна] стала такая хорошая; я в ней так уверен теперь, что вспоминаю уже как о родной. Она добрая, а когда впоследствии поймёт нашу программу, то и вовсе будет наша.

Действительно, надо только работать и всё придёт; вот мне работа уже дала какие результаты - ведь если бы я не работал, то Ты не обратила бы на меня вниманья. Работай Ладушка, работай хорошая; то-то будет нам праздник, когда мы создадим своё положение, выполним свои надежды только благодаря нашей работе. Вот-то славное время будет. Теперь я часто повторяю «нет, что ж это такое» и подражаю Твоему тону, а все не знают к чему это отнесится.

О чём Ты писала в Твоей книжечке? – напиши темы записей.

Ты, верно, не скучала без меня – ни слова об этом не пишешь; вот какая! Я так не стыжусь писать, что скучаю, что целую воздух, а Тебе верно не очень скучно.

Пятница, день.

Вернулся из мастерской.

Сегодня наши домашние дела неважны. Отец утром чуть не выкинул дядю и сам собирается уехать. Велел достать чемодан и все сапоги свои. Не знаю, чем это положение разрешится к вечеру. Дядя и мамаша уехали к знакомым в Ораниенбаум, чтобы не показываться отцу на глаза.

Мир Искусства получил от казны 15000 р. субсидии, нет, что же это такое?

Видал Свиньина; он в хорошем настроении, ибо Георгий Михайлович после женитьбы встретил его ещё лучше, нежели раньше, а кроме того, Государь недавно (как передал ему П. Жуковский) весь обед всё говорил про него. Меня он встретил очень тепло. Сторонний без меня был нездоров - завтра у меня будет.

Хорошая моя, ведь свинство, что на 4 моих письма, Ты написала всего 1. Пиши, о чём Ты думаешь, вместо книжки пиши ко мне в письмах.

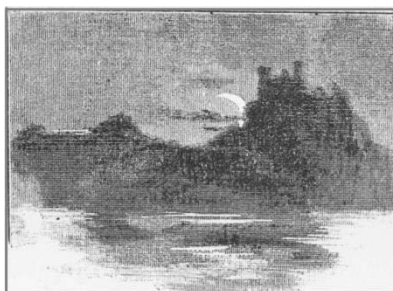
Всем поклон. Екатерину Васильевну поцелуй, князя тоже.

Милая, дорогая, хорошая.

Твой весь Н. Р.

Как вопрос с Кавказом. Не могу поверить, чтобы никто надо мной не смеялся в моё отсутствие.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/181. 3 л.

24 июня[1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

24 Июня, Суббота
4 часа. Вернулся из мастерской

Хорошая моя Ладушка, какие есть скверные люди. Сегодня в Обществе помощ. секретаря рассказывал мне, что на днях Собко с Чистяковым ругали меня во всеуслышание до самозабвения. Вышло это из того, что Лазаревский осмелился заявить, что я хороший художник, – ну и пошло! Я-де, недоучка; я-де, бездарный; я-де, ничего не стою и проч. и проч. И это при всех, так что кто-то даже вставил, что если я и в самом деле никуда не пригоден, так что же обо мне говорят с такою злобою; бездарный, мол, человек и сам пропадёт.

Сознаю, что на такие речи не стоит обращать внимания, что ругают и ругали всех, кто хоть сколько-ниб. высунется, но всё же слышать такую огульную ругань больно, ох как больно, моя дорогая и хорошая.

Ведь это ругают не глупые люди, а такие как Чистяков. Неужели они заключают меня, так же как заклевали мою картину¹ в Париже, которую, как я опять слышу, даже повесили невозможно.

Но с другой стороны, чувствую что людей много, что земля широка и всякая работа не пропадёт.

Ведь так, Ладушка? Напиши об этом своё мнение.

Отчего это мои товарищи, которые сделали куда меньше меня, считаются и выучившимися и всякими, а я – ничего.

Впрочем, за то о них и говорят меньше. Пусть я неуч, но если при всём неученьи со мною считаются, то значит признают за мною силу немалую. Теперь, по крайней мере, я научился не показывать виду, что мне такие разговоры неприятны; я отвечаю всегда: «Однако и любят же меня старички, здорово любят!»

Сегодня написал именье Лейхтенбергского – вышло прилично. Вставлю в раму и подарю ему, а в Августе, когда приеду к нему, он, может быть, будет ко мне внимательнее – надо сделать его своим. Надо всеми силами вербовать партию, иначе съедят. Лучшее золото лежит глубже другого, хорошего трудно достичь. Тем лучше; если доведётся достичь власти и всего, то снисходительнее будешь и лучше поймёшь настоящих людей.

Не падать духом, моя дорогая! Вот поговорил с Тобой, и полегче стало, а то просто хоть плачь, так тяжело стало на сердце. Как у Тебя, всё ли хорошо? Всё то же ли настроение? Как работа? Во вторник приедет психиатр и начнётся у нас трудное время. Целую Тебя крепко и всем кланяюсь и целую. Но, конечно, не всех, а князя и Екат. Вас. (или она, быть м[ожет], обидится, – тогда не говори ей). Пиши.

Твой весь

Н.

Писал тебе вчера, а уже кажется, что не промолвился целую неделю.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/182, 2 л.

¹ Картина Н.К. Рериха «Сходятся старцы».

**Воскресенье. 12 час. веч. [25 Июня. 1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Забыла меня моя Ладушка!

Ведь только подумать: уже вечер Воскресенья, а от неё ни строчки!

Уж не разлюбила ли? Или наехали интересные гости, и она забыла о скучном художнике? Нет, что же это такое? Думаю, в контрибуцию надо принудить её написать сугубо длинное письмо страниц на 8 – в наказание.

Хорошая моя, как это понимать Твоё молчанье?

Сегодня у меня был хороший день – всё слышал похвалы всяких калибров и цветов, а Свинын, так тот сообщил мне весть вовсе недурную.

Вчера был у него Тевяшев и говорил, что уход Бенуа из Музея это только вопрос времени, и притом ближайшего. Затем спрашивал, что т.к. надо когониб. иметь на примете на это место, то можно ли наверно считать меня. Свинын поддакнул и рассказал, как хорошо я мог бы поставить дело Музея. Это недурно, ибо 3000 да ещё мастерская вовсе не худо. Сегодня мы со Свиныным обедали в Малоярославце и просидели до 10 час.

Беклемишева опять много о Тебе расспрашивала.

Теперь надвигаются тяжёлые дни помещения отца. Не знаю, как это будет, но без насилия не обойдётся – я уйду из дома, не могу вынести.

Думаю, что завтра найду Твоё письмо, иначе буду сердиться и думать, что с Тобой Бог знает что. Всем поклон.

Хочется целовать Тебя безмерно. Сегодня наверно Ч.

Весь Твой Н. Р.

Воскресенье. 12 час. веч.
Все ложатся спать.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/196, 2 л.

Н.К. Рерих. Священный очаг. Рисунок. 1900.

«Завтра буду рисовать натурщицу для Священного очага, но хотя и следовало бы посадить для фигуры, но памятую обещание данное Тебе и порисую в костюме».

26-27 [Июня 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

26-е

Дорогая Ладушка, спасибо за письмо, но не вижу из письма Твоего настроения, хотя предполагаю что всё, вероятно, благополучно. Пиши более пространные письма, - не только факты, но и думы.

Сейчас дядя сконфузил меня: мы спим теперь в одной комнате, и вдруг сегодня он говорит мне: «А знаешь, ты каждую ночь бредишь. Говоришь что-то «голубушка моя или голубчик – уж не понять больше, очень неясно бормочешь». Вот-то ещё казус, если я начну рассказывать.

Сегодня писал Подлипье.

Воображаю картину ревности из-за Кедрова, то-то умора! Ну, а Ты как вела себя с ним - не трогала его? Слава Богу, что он уехал, а то испортил бы моё настроение. Впрочем, Ты не обижайся, я хорошо помню Твоё обещание более не мучить меня и спокоен.

До безобразия хочется говорить с Тобою, и гладить руку Твою, и целовать Тебя. Осенью, когда всё оформится, мне хочется носить кольцо, а Ты будешь носить? Познакомлю Тебя с Беклемишевыми, с Куинджи. А там Бенуа сбудут из Музея, я постараюсь понравиться в[еликому] князю, и моей Ладушке будет хорошо.

Теперь скоро буду к Вам собираться; если поместят отца числа до 30, то думаю 2-го или 3-го приеду. Телеграммы не пришлю, а вещи брошу на станции, сам же приду пешком в неурочное время и испугаю Тебя.

Понемногу надо готовиться к Музею; буду штудировать наших былых художников.

Когда буду в Музее, никакой чёрт ко мне [не] подкопается по искусству и все враги ещё заискивать будут, и станем мы при море ногою твёрдой.

Неужели Ты не тронута моими ежедневными письмами? Целуешь ли меня? Читаешь ли Рёскина? Его надо прочесть толком, ибо в разговоре и споре он необходим.

Сейчас дядя тянет меня в оперетку; представь такую нелепость – я присутствую при канкане, не правда, ли дико? Но идти придётся.

Завтра буду рисовать натурщицу для Священного очага, но, хотя и следовало бы посадить для фигуры, памятую обещание, данное Тебе, и порисую в костюме. Славная моя, хорошая, милая – не разлюби только меня, без Тебя я не могу. 26-го в 7 часов мысленно целую Тебя усиленно – чувствовала или нет?

27-го. / Пишу из мастерской. Сейчас перечитал вчерашнее письмо Твоё (я ведь Твои письма ношу при себе и часто перечитываю, особенно же первое после моего отъезда из Бологова) и заявляю Тебе претензию; первое Твоё письмо было на 7 ½ стран., а вчерашнее лишь на 4, да и то в два приёма. Нет, что же это такое! Ведь это несправедливо.

Почему Ты была в нервах при Кедрове – разве Ты не могла уйти к себе, а его с С[офьей] П[авловной] оставить? Неужели Екат. Вас. стала бы Тебя удерживать.

Ах, Ладушка, Ладушка уж очень люблю я Тебя. Ведь этими строчками говорила ревность, - сейчас на этом поймал себя. Напиши мне, милая, хорошенькое письмо, да не на новой, а на большой бумаге, поставь в нём несколько вопросов, а к своему приезду я их обмозгую, и мы поговорим на эти темы. Что же это будет, если во время моего приезда ещё кто-ниб. у Вас будет, ведь всё будет испорчено и нам не придётся наговориться вдоволь.

Вчера был в оперетке; глупость так и бьёт фонтаном; пошлость и сальность даже не могут прикрыться мотивом и остротой. Сидел и в самых пошлых местах представлял Тебя и мысленно отправлялся в Бологое. Что-то Ты вчера в 11 час. веч. делала? Не могу согласиться, как это дяде – человеку умному и развитому, нравится оперетка, впрочем, он теперь в страшных нервах и просто хочет бежать от себя.

Помещение отца, чем ближе оно становится, тем в большее приводит нас смущенье; как это произойдёт? – Страшно и думать.

Сейчас перечитал письмо своё и ужаснулся его непоследовательности - точно записки сумасшедшего, ну да разберёшься в этом ворохе спутанных мыслей. По-прежнему ли вспоминает меня Екатерина Васильевна? Я ей колбасы привезу.

Кстати, нет ли каких у Тебя поручений; если есть и не поручишь, то обидишь меня.

Может быть, мы вздумаем и дом продавать, ибо дают 100.000, но боюсь, не в силу ли это военного времени. А вдруг меня на войну возьмут. Ты будешь плакать?

Как глупо выходит, что между нашими письмами такая разница, Ты от 22-го, а Тебе от 27-го, но по последнему письму меня почему-то не нашли в Академии и со справкой прислали на дом. Не знаю, позорно это или нет, но мне слишком хочется целовать Тебя, может быть это позорно? Как полагаешь?

Сейчас сажусь переписывать Подлипые вчера сделал небо слишком синим.

Поклон всем, а Екат[ерину] Вас[ильевну] я люблю уже как родную.

Всем Твой Н. Р.

7 стран. написал, неужели это не возбудит Твоего соревнования?

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/183. 4 л.

27- 28 [Июня 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

27-го вечером

Нет, что же это такое! – только во втором часу отправил Тебе письмо, а сейчас (только остался один) и опять захотелось с Тобой перемолвиться.

Причины две.

- Мне показалось, что моё дневное письмо написано в сухом тоне, а Ты можешь оказаться в нервах и за подозрения о Кедрове наложишь на меня эпитимью, хотя бы в виде малого мне писанья. На словах высказать всякие шуточные подозрения – не страшно; можно сейчас же увидеть нежелательное

впечатление и ударить отбой, а в письме самое незначительное слово иногда так кольнёт, так охладит, как писавший и не подозревал; со мною так бывало нередко, а потому и за собою начинаешь следить.

2) Напиши мне, привезти ли Тебе лёгкий Златоустовский кинжал на Кавказскую поездку, я привезу один из моих (у меня один лёгкий и красивый); острое не дарят, и потому я Тебе дарить не буду, а дам на поездку – это можно. Ты ведь, кажется, просила Ек[атерину] Вас[ильевну] подарить Тебе холодное оружие.

Пусть мой кинжал защищает Тебя на Кавказе.

3) Теперь у меня настроение отчаянное, да и у всех нас такое же. Завтра будет окончательная консультация относительно отца. А если его не возьмутся поместить? – тогда нам всем остаётся погибать. А если с ним что-либо произойдёт во время помещения, – тогда вечный упрёк будет. А если ему худо будет в больнице? Всякие такие вопросы мучают всех ужасно, все ходят с головною болью. Я боюсь, что мама в решительную минуту воспротивится. Сегодня у отца явилась идея, что его хочет отравить медик, что при нём. Дядя охает и стонет: «не знаю, как и быть» Завтра вечером допишу, чем окончилась консультация.

Сегодня много рисовал с натуры. Начал этюд натурщика со шкурой на плече, потом рисовал натурщицу для Очага, но вышло неважно и позу придётся переменить – всё она какая-то деланная.

Эти дни писал ещё довольно много писем: Зарубину и прочим. Желтоножку послал строжайший выговор за его чрезмерные занятия женщинами. Ещё бы: вдруг пишет удивление о перемене вкуса своего: прежде, видите, ему нравились блондинки, а теперь брюнетки; пишет точно о курицах или о кошках. За такое отношение он получит несколько тёплых слов и добрые кнуты.

Пришёл дядя – будем спать укладываться. До завтра.

28-е 2 часа дня.

Сейчас получил Твоё письмо, - вот-то оно славное, вот-то хорошее! Спасибо за него, моя милая кокетка, - ибо разве не кокетство предполагать, что мне скучно читать Твоё письмо. Как я рад, что в письме 6 стран. - значит Тебе хотелось писать кроме узаконенных 4-х страничек. Князю скажи, что милое письмо его я получил и не писал только потому, что скоро собираюсь сам приехать.

Мне всё страшно, не задержало бы меня помещение отца, но это выяснится через несколько часов – доктора придут через $\frac{3}{4}$ часа.

Покаюсь Тебе - я прочитал Твоё письмо (после моего отъезда) сестре – она сказала, что расцеловала бы Тебя за такое хорошее письмо. Не понимаю хорошенько, почему Екатерина Васильевна не приняла моего поцелуя – рассердилась что ли? Обидно ей - или почему? Сердить её я не думал. Коли что – извиняюсь.

Ты пишешь, что мы самые обыденные люди; будем скромны и скажем, что и все люди обыкновенны: едят, пьют, болтают все языком на один манер. Но для наших успехов мы сами не должны считать себя заурядными людьми – тогда пропадёт смелость и уверенность, а без этих качеств никакого города не возьмёшь.

Может быть это нахальство, но раз мы видимся и надеемся, что наши думы хороши и полезны, то наш долг заставить большее число людей думать

таким же образом и преследовать те же цели, конечно, при индивидуальных отклонениях.

В момент творчества, а творчество появляется, как известно, во всём до малейшего жеста и интонации включительно, всякий человек считает себя выше всех (это чувство вполне инстинктивно), считает всё своим и винить его за это (скверное чувство) не приходится, ибо иначе не было бы и творческого порыва, а всякий творческий порыв, конечно, даёт больше счастья людям (вызывает ли он улыбку, смех, радость, сознание добра и зла, пр.), чем любая рассчитанная методическая деятельность.

Этот же творческий момент важен не только для воспринимающих результат его, но и для самого автора, который очищается духовно, на миг сбрасывая всю пыль и грязь наложенную на человечество вековой, как её называют, блестящей, культурой нашею, так изломавшей и унизившей наше основное человеческое достоинство и превратившей людей и в какие-то чернильные банки с ярлыками. За эти-то моменты и ценится так высоко искусство! - Стали бы люди так почитать его представителей, которые со стороны экономической являются язвами государства! Но по счастью, мой обыденный человек, дух ещё царит над практикой, и до той поры и думать не смей о своей обыденности, а думай, сколько разнообразных счастливых чувствований можешь ты дать человечеству, и среди общей радости создать и свою.

Особенно порадовало меня появление в Твоём письме дум и размышлений; будем ими делиться, моя хорошая, добрая Лада. Будем постепенно отсекал друг от друга вредные побег, чтобы они не распустились. Ты хотела написать мне какое-то качество, замеченное Тобой за мною ещё в прошлом году, - напиши, милая. Ты меня выучила писать длинные письма; незаметно и ещё многому Ты меня выучила. Нет, Ты не обыденная, а высокоинтеллигентная (природно) и оригинальная.

Сейчас придут доктора, как пошлёт он к чёрту и нас вместе с ними!

От кого от всех посылаешь Ты мне поцелуи. Княгиня и С. М. будут протестовать против такого решения Твоего – спроси их. Но если так, то и от меня передай всем.

3 часа.

Сейчас в доме мёртвая тишина – перед грозой. Были доктора и все ушли к знакомому А. А. Бруммеру для совещания. После их ухода отец запихал в карман пенсне и сказал, что один из докторов стащил его. Мамаша за это время стала как бы прозрачная и всё плачет, даже и у медика, и у того синяки под глазами. Даже и мне, хотя, как Ты знаешь, мы с отцом не много-то понимали друг друга, но и то делается жутко. Не знаю, на чём-то там порешат. Пришёл отец, стоит сзади меня и спрашивает сестру, кто посылал за докторами и зачем они приезжали. От Бруммера мама с Борей уедут на Сиверскую, Володя же на Волосово, и останемся мы с сестрой последними свидетелями. Хотя из дому уйдём, когда будут помещать, но мне сдаётся, что его не поместят, ибо при докторе он держит себя слишком прилично. Из постоянных приписок Ты видишь, что всё время о Тебе думаю, - Ты обо мне, наверно, реже думаешь!

5 час.

Результат консультации: решили поместить в частную лечебницу Нижегородца, что на Песках. Помещение должно состояться послезавтра, 30-го. У меня щемит сердце, чую скверное.

Целую Тебя крепко, по-прежнему жду писем. *Твой Н. Р.*

Не забудь – всем соответственные приветы и поклоны.

28 Июня 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/158, 5 л.

Н.К. Рерих. Натурщик со шкурой на плече.

«Сегодня много рисовал с натуры. Начал этюд натурщика со шкурой на плече...»

[Около 29 июня 1900 СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя и хорошая!

Брось Ты навсегда мысль, что Ты такая же, как и домашние Твои – выкинь её навсегда; Ты лучше и глубже их, а они тоже хорошие. Сейчас был Кунджи у меня, я ему прочёл некоторые места Твоего письма. Он сказал: “ещё раз благословляю Вашу женитьбу, видно, что Ваша невеста чудный человек. С таким человеком за Вас не страшно, будете работать и вперёд идти”. Ведь хорошо!

У нас беда! Не устраивается помещение отца; придётся его поместить (временно) дома с двумя надзирателями и доктором. Мамаша против – выходит скандал. Дядя чуть ли не собирается всё бросить и уехать.

Меня мамаша оскорбляет: “Тебе бы только уйти в свою проклятую мастерскую”. Сестру то же самое: “Ты точно чужая, не хочешь помочь”. Как же сможешь, когда она сама мешает во всём. Ужасно, ужасно. Мне же ужасно,

тем более, что в Воскресенье не придётся выехать к Вам. Лошадей не высылайте, приеду не знаю когда – при первой возможности. На Кавказ лучше бы не ездить, но если уже собрались, то...

Князю скажи мой поклон, спасибо ему за доброе слово, извинись, что не пишу ему, но прямо голова кругом идёт, авось он не рассердится. Разве ему паспорт не нужен?

Милая моя, хорошая, дорогая, неужели до Кавказа не увидимся? - не верю этому. Наверно приеду. Как горд я Твоею любовью, могу всего себя (действительно), всего отдать Тебе. Люби, люби меня, Ладушка, чувство это будет нашим источником вдохновения.

Как болит висок и всему так скверно, что если бы не Ты... Может быть, моё положение и на Тебе отзывается?

Целую Тебя и пожалей меня.

Если я не приеду в Воскресенье, то, быть может, вышлите лошадей в Понедельник к поезду выходящему из СПб. в 10 ½ вечера (почтовому).

Про какое письмо беспокоится князь? Он хотел прислать паспорт для визы, но паспорта я ещё не получил.

Целую Тебя крепко. Н. Р.

Надеюсь в Четверг или Пятницу получить ещё Твоё письмо.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/218, 3 л.

Н.К. Рерих. Возвращение с охоты. 1900-е.

ИЮЛЬ

7 Июля 1900, СПб.

Письмо Н. К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Добрая и хорошая моя Ладушка, сейчас я вернулся из мастерской — сегодня писал воронов и, вероятно, до приезда к Тебе всё буду писать их же. Никак не удаётся остаться одному, все ходят по комнате: то дядя, то наши. Идёт усиленная укладка; завтра в Субботу, они уезжают. Отец чувствует себя хорошо. Вчера я навестил его; редко я чувствовал себя в таком скверном положении, особенно было скверно, когда он собрался провожать меня до станции - ибо из больницы ему выходить, конечно, не разрешено.

Нашёл письмо Твоё; какое оно опять хорошее. Спасибо Тебе, моя добрая.

У Вас теперь тоже, вероятно, началась кутерьма перед отъездом.

Спроси у Екат. Вас. следующее: если она хочет продолжать дело, то у меня есть человек, котор[ому] можно поручить. Он бывший конторщик наш Лавренцов, тогда я с ним сговорюсь.

Чувствуешь ли Ты моё отсутствие? Мне оно так весьма чувствительно, и при тебе лучше и работалось бы и думалось. Завтра отправлю своих и напишу Тебе хорошенькое письмо с думами и прочим; надеюсь и от Тебя получу такое же. Ужасно неудобно писать, когда за спиной говорят, а рядом что-то заколачивают. Дядя пристаёт с разговорами и не даёт писать.

Целую Тебя крепко. Пиши скорей

Твой Н. Р.

7 Июля 1900 г.

Поцелуй Екат. Вас. и всех отъезжающих.

Отдел рукописей ГТГ. ф.44/160,1 л.

Н.К. Рерих. Вороны на кургане. Эскиз. 1900.

"Сегодня писал воронов, и, вероятно, до приезда к Тебе всё буду писать их же...."

Н.К. Рерих. Вороны на кургане. Эскиз. 1900.

Н.К. Рерих. Вещие. 1901.

Н.К. Рерих. Вещие. 1901. Акварель.

8 Июля 1900. [СПб.]
Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Милая моя Ладушка, Ты,
я думаю, разгневалась, получив от меня столь безобразное письмо только на 2-х страницах. Смотри, не сердись на меня, ибо знаешь, как я стремлюсь к Тебе и что Ты для меня – весь оплот.

Сегодня утром повздорил с мамашей – из-за пустяков; я был прав, как 100.000 мучеников, но она рассердилась ни на шутку - зачем завтра я не хотел ехать к одним знакомым, где ужасно скучно. Не понимаем мы с ней друг друга, моя хорошая, - видно уж на роду нам написано вздорить с мамашами.

Сейчас был в Обществе. Сказали мне, что Боткин вернулся, и стало на душе скверно, ибо значит, на днях начнём наши занятия по каталогу – т.е. опять придётся притворяться, быть приторно любезным с человеком, которого ненавидишь, а это так тягостно, так томительно.

Видал Свиньина; положительно, он искренно ко мне расположен, и, кажется, я грешил, не совсем доверяя ему.

Сегодня в Субботу появилась статья Стороннего про Киот - прочитай. Он почти переписал её с моего черновика. Но жаль, не сохранил одного места, при котором статья была бы несомненно литературнее. Я говорил Свиньину (я ему передал Твой поклон - ничего?) про то, что князь хочет сказать де-Баю про мою картину, он находит, что это было бы очень хорошо.

Сочинил новый эскиз. Вещий баян – старик – с поводырём бредёт из стольного города по степи дорогою прямоезжею. Можно назвать «Из стольного города». Сейчас получил письмо от Зарубина: жалуется на финансовый кризис, на скверное настроение, мешающее ему работать. Пишет, что с домашними какие-то недоразумения; Господи, везде-то одно и то же!

Ладушка, милая, люби меня, как теперь – всегда! То-то у нас жизнь будет! Отбросим все эти мелкие междоусобные дразги, которые из жизни делают болото какое-то!

Что Ты эти дни думаешь? С какой стороны меня вспоминаешь? Милая, добрая!

Это время мне придётся много работать, особенно если опять по Музею начнём трудиться.

Сейчас будем обедать, потом провожать наших на вокзал, а вечер буду с дядей. Ваши копошатся теперь вовсю? Поцелуй их голубчик, если они поймут мои поцелуи.

Нельзя ли через Машек и Дунек найти в Бологое старика с белой бородой и старуху старую.

Когда приеду, то хорошо бы их порисовать для картин. Попроси.

Целую Тебя

Н.Р.

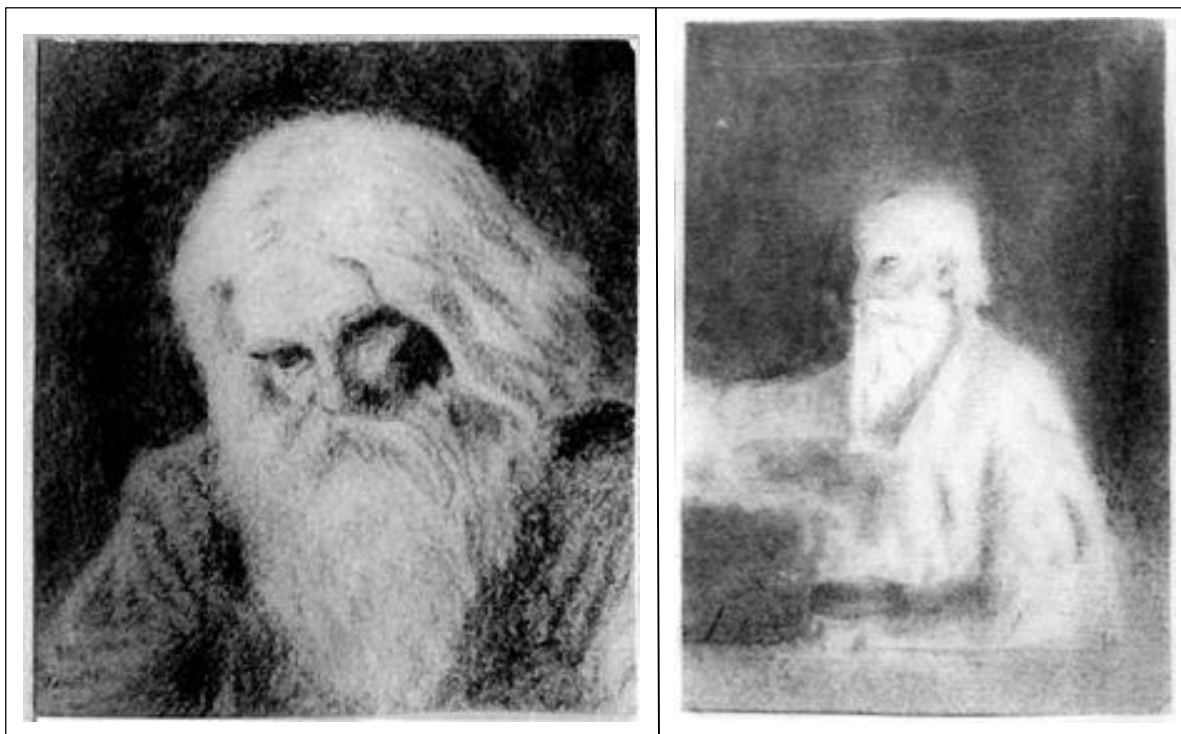
8 Июля 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/208, 2 л.

«Сочинил новый эскиз. Вещий баян – старик – с поводырём бредёт из стольного города по степи дорогою прямоезжею. Можно назвать «Из стольного города».

Н.К. Рерих. Из стольного города. Эскиз композиции 1900.

Н.К. Рерих. Старик. [1900].

Н.К. Рерих. Старик. [1900].

«Нельзя ли через Машек и Дунек найти в Бологое старика с белой бородой и старуху старую...»

[9 -10 Июля 1900. СПб.]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Воскресенье, 3 часа

Сегодня мне с утра скучно до безобразия – просто места не нахожу. Не знаю, всё ли везде благополучно. Как то Ты? - не повздорила ли опять? Хорошо ли наши едут – сегодня они в Москве. Сейчас представлял себе, что глажу Твою руку - впечатление было замечательно реальное, словно бы и в самом деле Ты около меня. Быть может, Ты находишься в скверном настроении? Уж не потому ли, что не поехала на Кавказ? Я думаю, до отъезда княгини всё будешь непокойна и будешь жалеть несостоявшуюся поездку. Мне такое чувство очень знакомо; когда другие идут для чего-либо только приятного, напр. в театр или на охоту, а сам остаёшься дома (конечно добровольно) для дела и чего-либо серьёзного и полезного, то как бы ни было сильно сознание полезности своего начинания, а всё же как-то сосёт внутри, и иногда чувствуешь себя как бы обиженным. Слава Богу, это плохое чувство продолжается не долго.

Вчера, когда провожал своих на вокзал, во мне поднялось это чувство на одну секунду, но сейчас же я подавил его.

Мама спрашивала меня, поеду ли я куда-ниб. за их отсутствие и предварила, чтобы я больше как на 2 дня никуда не ездил - видите ли, не с кем дом оставить; ей мало и дворника и 2-х прислуг. Я замолчал, ибо её не переспорить и теперь уже предвкушаю, как приеду к Тебе, моя дорогая, моя хорошая.

Я, наконец, понял, почему мы спокойнее расставались в этот раз сравнительно с прошлым – хоть и было скучно, но не было тягостного ощущения и предчувствия. – Теперь мы ещё ближе поняли друг друга и укрепились друг в друге, кроме же того, над нами не висело расставанье на 2 месяца.

Ой, как скучно мне сейчас и как хочется Тебя видеть.

Понедельник.

Нет, что ж это такое! Уже 5-тый день не имею от Тебя известий; это, прости, уже безобразие и заставляет меня мучиться. Сейчас заезжал к Князю, думал от него иметь какие либо известия, но его нет дома – верно уже уехал.

Жалею, что не повидал его.

Не знаю, что такое сделал сегодня с левою ногою, - при подъёме на лестницы ужасно болит в колене – словно бы что-то свернулось, а между тем при ровной ходьбе никакого болевого ощущения. Вчера вечером прямо-таки страдал; отправился хоть кого-ниб. отыскать – никого дома нет. Был у Анненкова; не видал его два месяца, и потому было много материала для разговора. Вернулся домой в 12 час. - пусто, страшно (дядя уехал в Стрельну и до сих пор ещё не вернулся). Сегодня предстоит посещение Удельной; не скажу, чтобы это было приятно, но с дядей- то ещё ничего, а каково-то будет потом мне одному.

Приехал дядя. До свиданья.

Пиши. Поклон всем.

Целую Тебя Твой Н. Р.

Отдел рукописей, ГТГ, Ф. 44/206, 2 л.

12 [Июля 1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Среда 12-го. 6 часов после обеда

Ладушка, милая моя, сегодня уже неделя как я уехал от Вас, а от Тебя ещё – ни строчки! Что же это такое значит? Прямо не могу и придумать. Неужели письма Твои потерялись? – ибо не могу и представить, чтобы Тебе целую неделю не захотелось со мною хоть словечком перемолвиться. Не знаю, чего Ты этим хотела достичь, но достигла того, что сегодня я весь день болен, не находил себе места, не мог работать и мыслить. Милая, откликнись - напиши хоть строчку. Смотри, Ты заставляешь меня вымаливать у Тебя письмо... Как Ты мной завладела! – всем без остатка.

С ужасом вижу, что, кажется, больше люблю Тебя, нежели Ты меня. До чёрта без Тебя мне трудно. Почему же Ты мне не писала? - Причины ни за что не придумаю. Не было времени? – Не верю, ибо для письма время всегда есть. Не хотела? – Но за что же? Остаётся - была нездорова, неужели это так. Ваши, верно, уехали вчера. Думаю к Вам скоро приехать, если Ты хочешь этого. Дядя сегодня уехал. На вокзале получилась неприятная сцена; только что мы вышли на дебаркадер, как навстречу нам послышалось зауспокойное пенье – оказывается, отправляли какого-то покойника.

В Понедельник были мы с дядей на Удельной. Впечатление вынесли очень тяжёлое. Отец опять раздражён и зол, говорит: «они не имеют права держать меня. Я здоров совершенно; меня запрятали сюда – думают, что здесь с ума сойду. Мне доктор сам предложил гулять где угодно и в город ездить, а сторожа не пускают и т. д.»

Другие больные нас окружили, каждый из них считает себя здоровым. Один из них, красивый молодой человек, дал мне написанную им телеграмму с просьбою отправить её Губернатору. Телеграмма строк в 20 и настолько сжатого, разумного и трогательного содержания (к тому же без единой ошибки), что мы с дядей диву дались, и ничего что здоровые, а такой телеграммы даже сообща не написали бы. Другой больной, благообразнейший седобородый англичанин, начал нам жаловаться на министра финансов, который его обобрал и даже мебель от него отнял. Все они поют всё ту же песню, а по виду иногда прямо трудно предположить, что этот человек больной. Посылающий телеграмму Губернатору ухаживал за сумасшедшими дамами, целовал им руки – кавалер, да и только.

Сегодня страшно мучился с воронами; то кажется, что из них толк выйдет, то хочется их уничтожить, а всё Ты виновата! Привезу с собой 1 том Горького и «Сказки» Салтыкова – почитаю Вам. У Горького есть чудеснейшая сказка, где описывается наказание за гордость. Наказанный был осуждён на полное духовное одиночество - и как ни искал он смерти, как ни просил её у людей, все сторонились его, крича: «не троньте его – он хочет умереть». Этот человек был сын орла и презирал людей. Сказка превосходная – вместе почитаем.

Вчера художник Федорович затащил меня к себе в мастерскую в Академии – он пишет картину на звание. Я ему много толковал про Дягилева и про всякие наши художественные дела. Он, видимо, сочувствует, но когда я вышел от него, меня охватило сомнение: а ну как он сделает сплетню и перенесёт мои

слова Миру Искусства! Скверное положение, с одной стороны, надо говорить, надо проповедовать и сбивать сторонников, а с другой, надо молчать и таиться – трудно угадать середину.

В Понедельник и вчера по вечерам приходили гости. В понедельник был Заболотский, всех ругал; дядя дразнил его и балагурил.

Неужели и сегодня с вечерней почтой и завтра не получу Твоих писем? Передала ли Екатерине Васильевне мой вопрос. Скверная Ты, вот что! Что же Ты хочешь, чтобы я заболел, чтобы ничего не делал, чтобы плакал!

Миленькая, хорошая, напиши же! пожалуйста. Целую Тебя крепко. Нет ли каких поручений? Екатерину Васильевну целую и кланяюсь, надеюсь, она меня не ругает.

Как мне бывает страшно в пустой квартире ночью.

Твой весь *Н. Р.*

Что-то скверно; неужели Ты в худом настроении? Часто ли обо мне думалось?

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/207. 3 л.

13 [июля 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Четверг. 13-го. 6 часов.

Милая моя Ладушка, - бедная моя.

Вчера во втором часу возвращаюсь от Свиньина и по дороге говорю Строннему: «А знаете, у меня кто-то нездоров, с кем-либо из близких неприятность – мне что-то не по себе». Он ещё засмеялся: «полноте, можно ли так нервничать!» Прихожу домой и нахожу письмо от Екат[ерины] Вас[ильевны]. Увидав конверт с почерком Екат. Вас., я перепугался не на шутку, даже боялся открывать, ибо моё предчувствие как раз подавляло меня в это время. Хорошая моя, что же это за напасть на Тебя, то палец, а теперь ещё глаза! И как не стыдно Твоим глазам – таким красивым – болеть и мешать Твоим занятиям. Что же с ними такое? Пожалуйста, не запускай и съезди поскорее к Биллярминову. Мне как-то даже странно на себя: как это я, отъявленный эгоист, могу болеть душою за другого человека.

Как жаль, что я не получил письмо утром – сегодня же был бы у Вас, а теперь условился с друзьями отца быть с ними у него в среду в 6 час., и потому могу к Вам выехать лишь в Среду в полночь. Как досадно и скучно! – целых 5 дней. Я бы стал развлекать Тебя, читал бы Салтыкова и Горького. Если не лучше будет, напишите, постараюсь удрать от поездки на Удельную и скорее быть у Вас.

Я в претензии на Екат. Вас., вдруг пишет мне: «многоуважаемый» и «жму руку», т. е. точно так же, как писала весною. Если тогда я был ей многоуважаемый, то теперь надеюсь заслужить какое-либо иное прозвище, а рукопожатие она могла бы заменить чем либо иным! Да-с! Впрочем, что же это я на неё жалуюсь – быть может, она сама будет читать это письмо. Прежние письма Ты сама читала или уже Екат. Вас.; если она, то я впадаю в конфуз, ибо не предполагал, что эти письма будут читаемы человеком, для которого я только мно-

гоуважаемый, но может быть, Екат. Вас. назовёт меня как-ниб. иначе – тогда пускай читает.

Опять-таки не могу примириться, чтобы моя Ладушка была нездорова и ничего не могла делать, а я сидел бы далеко от неё в скучном и пыльном Питере. Не махнуть ли мне сегодня же к Вам? – но тогда придётся в Воскресенье опять уехать до Среды – этакое глупейшее распределение.

Как неприятно быть в пустой квартире; прямо-таки я не могу быть один, я привык с людьми быть, а тут все уехали.

Вчера был у Свинына; был там и Сторонний – целый вечер строили всевозможные планы. Вчера Свинын обедал у Тевяшева, который будто бы сказал ему, что искренно уважает только двух художников: Васнецова да меня. Я даже усумнился, всерьёз ли говорил Свинын, но лицо было у него серьёзное и тема разговора была не шуточная.

Сегодня я работал, как чернорабочий от 10 до 3 ½, не отдыхая – всё на ногах. Устал, как калека. Ещё раз прорисовал воронов и завтра начну их красками – во всю мочь. Сейчас чувствую себя настолько усталым, что прямо-таки с трудом могу размышлять, придётся либо прилечь, либо идти гулять. Не пойти ли мне в оперетку? – как Ты думаешь? Не сердись – конечно, без дяди не пойду, я ведь был только ради него.

Господи, как хорошо было бы сейчас сидеть в Бологое около Тебя и смотреть на Тебя. Если Ты всё ещё не можешь писать, то попроси хоть Екат. Вас. черкнуть мне: как и что.

Нет ли поручений?

Поцелуй Екат. Вас. (видишь, какой я хороший, не то что она с рукопожатием. Пусть помнит, что «в юже меру мерите – возмерится и вам»).

Весь Твой

Н.Р.

13-е

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/219, 3 л.

Н.К. Рерих. Зловещие. 1901.

«Ещё раз прорисовал воронов и завтра начну их красками – во всю мочь...»

15 Июля [1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка, получил Твоё действительно неважное письмо, но рад хоть и такому, ибо уж очень скучал без Твоих весточек. Слава Богу, что глаза прошли, но что же это такое за настроение у Тебя? Богом молю, написать не медля: вследствие каких именно дурных мыслей Ты решила ехать на Кавказ, и какие именно думы мучат Тебя – от которых надо будет забываться неустанной игрой на рояле? Ради Бога, это в следующем письме.

Нога моя, вероятно, была ушиблена, ибо на другой день прошла. А знаешь, Твоё письмо совсем не хорошее, словно Тебе совсем не хочется со мною побеседовать? Как же это так? Верно, опять что-ниб. с Екат. Вас. вышло? – Напиши.

Сегодня утром был у меня Боткин, [рассказывал] кое-что о Парижской выставке; Слава Богу, мне не обидно, ибо и Васнецов, и Левитан, и Суриков, тоже ничего не получили. Вслед за Боткиным приехал (к моему изумлению) Нестеров и всячески (вероятно, он подослан Дягилевым) уговаривал меня не вооружать всех против Дягилева, что знакомство с Дягилевым мне может быть очень выгодно, что Дягилев очень хорошо ко мне относится и пр. Словом, чёрт знает что такое!

Вчера работал картину 7 часов, а сегодня 5 – до полного изнеможения, - прокладываю красками воронов. Был у Куинджи до 1 час. ночи проговорили – разговор полон трагизма – расскажу на словах. Вчера встретил Хрулёва, который очень демонстративно мне не поклонился.

Сейчас принимаюсь писать сказочку «Вера в себя» – привезу её Тебе прочитать. Мои уже в Кисловодске. Голубчик, напиши мне хорошее письмо, да не [на] такой бумаге – заставь себя изложить Твои думы.

С особенным нетерпением жду письма Твоего, думаю, что послезавтра получу.

Целую Тебя крепко и Екат. Вас.

Твой Н. Р.

15-го Июля, в мастерской 6 час., сегодня ещё не ел, иду домой.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/209, 2 л.

Н. Рерих, 15 Июля 1900 г.:

«Сейчас принимаюсь писать сказочку «Вера в себя» - привезу её Тебе прочитать...»

ВЕРА В СЕБЯ

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать её. Среди этих женихов были и князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришёл он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем им молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперёд князь древнего рода, за ним слуги несли тяжёлую, красную книгу. Князь говорил:

- Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений...

И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал:

- И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

- Царевна, - говорил именитый воевода, - окрест громко и страшно имя моё. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди - им грозно имя моё.

- Царевна, - говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, - жемчугом засыплю жену мою; пойдёт она по изумрудному полю и в сладком покое уснёт на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

- Что же ты принесёшь жене своей? - спросил певца царь.

- Веру в себя, - ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумлённо вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

- Скажи, как понять твою веру в себя?

Певец отвечал:

- Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя своё и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату зо-

лотом, и куда иду я - там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

- Обожди, - прервал певца царь, - но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел весёлую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала её царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слёзы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, как шли в жизнь разные люди и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

- Я верю в себя, - сказал певец, и никто не смеялся над ним. - Я верю в себя, - продолжал он, - и эта вера ведёт меня вперёд; и ничто не лежит на пути моём. Будет ли у меня золото, впишут ли имя моё в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

- Но ты оторвёшься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдёшь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас - тот против нас, - сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живёт ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

- Вижу я - не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живёт в мире, и мир живёт песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдёт разве в себе любви - к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметёт он с пути?

И кивнула головой царевна, а царь сказал:

- Не в себя веришь ты, а в песню свою. Певец же ответил:

- Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою, и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Всё я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей - всё для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, всё для меня - всё в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моей живлю всех, - так пусть будет вовеки. Поведу жену в далёкий путь. Пусть она верит в себя и верой этой даёт счастье многим!

- Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. - сказала царевна.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дождевые тучи - он верил в себя.

Н.К. Рерих

16 Июля 1900 г. СПб.

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Милостивая Государыня,

Наидражайшая невеста моя, Елена Ивановна.

Напрасно думаете утрудить ручки Ваши отодраанием меня за хохол мой, ибо он таковой у меня маленький и оной критики Вашей противоустоять не в состоянии.

Тоже напрасно думаете, что спать ложимся мы с петухами; мы хоша и купеческаго сословия, но дворянския привычки с малых лет исполнять приобываем и вечером сидим в трактере, ведём разговоры и слушаем машину, и когда машина играет что-либо чувствительное для сердца, то мысленно и почтительно целую я Ручьки Ваши. Опять же, напрасно думаете Вы, Елена Ивановна, что храплю я во всю Ивановскую — скажу, как приятно было мне слышать из сахарных уст Ваших, наше любимое купеческое слово — то пренапрасно Вы на меня такая размышления имеете, оной привычки храпеть мы не имеем, а ежели во сне когда и присвистываем, - то в самую умеренную препорцию. В трактере непутственных разговоров мы не водим, а ведём кампанию с людьми солидными. Первое, Коммерции Советник Свиньин - двор строительных материалов содержит и покойный, Царствие Небесное, Папашенька Ваш, про него слыхивал. Второе, купеческий сын Александр Иванов Косоротов — галантерейными товарами шибко приторговывает. В-третьих, Греческаго Короля поставщик Куинджев восточный магазин имеет.

С оными людьми мы водим канпанию.

За благовониистыми духами я послал мальца и настрого приказал прежде не брать, а понюхать, чтобы не было обману и духи крепко бы пахли. Малец нюхал и чихал даже, следовательно, духи добротные.

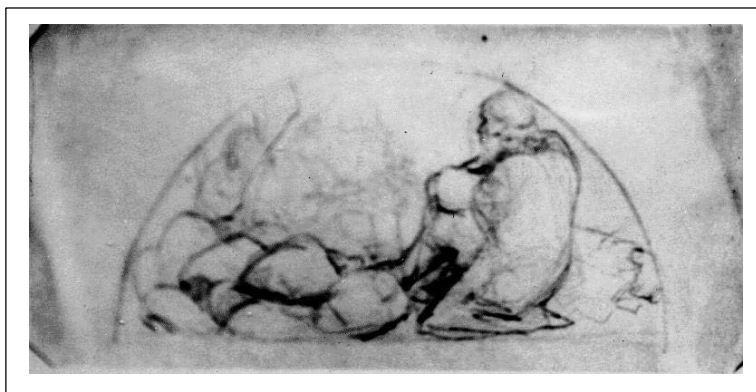
Понимает ли Тевяшев толк в товаре и до того мне дела нету, но хочет он купить у меня оптом партию оченно большую, и такие покупатели нам с руки. В Среду прикончу дела мои торговые и еду повидать Ваши ясные глазки.

Почтительнейше целую ручьку мамашеньке достопочтенной Екатерине Васильевне и пальчики Ваши несчётное число раз перецоловывая, и Господа о здравии Вашем моля усердно пребуду почтительнеше.

Купеческий сын и москательного магазина владелец,

*Николай Константинов сын Рерихов
Санкт Петербург Июля 16 года 1900*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/161, 2 л.

У очага. Набросок композиции к картине «Священный очаг». 1900.

26 июля 1900 г. СПб.

ХРОНИКА

С глубокою скорбью Мария Васильевна Рерих с детьми извещает родных и знакомых о скоропостижной кончине мужа и отца Константина Фёдоровича Рериха, последовавшей 26-го июля. О дне погребения будет объявлено особо.

Новое время. 1900. 28 июля/10 августа. № 8770. Пятница. С. 1.

27 Июля 1900 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя, не могу не урвать минутку, черкнуть Тебе. Страшно устал, всё ездил, надо всё сообразить и устроить, и руки сейчас немного трясутся.

Умер отец скоропостижно от сердца; настроение было спокойное, накануне вечером ещё играл с другими больными в карты.

Умер 26-го в 8 час. утра, но телеграмму из Удельной не сейчас распечатали, дома. Завтра перенесут в церковь, гроб зальют, а похороны – когда приедут наши, думаю, в воскресенье к вечеру.

Как Ты растрогала меня своим отношением, спасибо, родная, спасибо, милая; в Тебе всё моё прибежище. Пожалуй, Ты и ночь плохо спала? Я так не спал, лишь часов в 5 немного позабылся до 6 1/2;. Какая Екат[ерина] Вас[ильевна] добрая и хорошая, поцелуй её, когда мы поцеловались на прощанье – это было что-то родное. Она пожалела меня.

Напиши мне милая. Не волнуйся.

Твой весь Н. Р.

Какая Ты хорошая!

27 Июля. 3 часа. Сейчас на панихиду.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/210. 2 л.

Суббота. 29 Июля 1900, СПб.

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка,
уже Суббота сегодня и 5 час., а письма Твоего всё нет, да нет, что же это такое? Уже здорова ли Ты? Господи, какие у меня ужасные эти дни, прямо ноги отнимаются, хотя настроение теперь спокойное, ибо всё хорошо выходит. Только по вечерам мне становится до того скучно в пустой квартире, что уже вторую ночь ночую у Свиньи. Похороны только в Понедельник. Сейчас сижу и не

могу собрать мыслей — такую уйму всякого разнообразного народа приходится теперь видеть.

Вчера перенесли в церковь; никто не знает об этом, были лишь 5 самых близких семей. Наши вернутся лишь в понедельник утром.

Как то Твоё настроение? и Екат. Вас.?

Гроб вчера запаяли, ибо страшно уже меняется. Вчера я даже и не видал лица, после того как сказали, что лицо стало страшное, мне не хотелось портить впечатления, ибо третьего дня выражение лица было спокойное и черты ещё тонкие. Последние дни отец вёл себя спокойно, бреда было мало. Я думаю, что мама не очень волнуется.

Нет, ни о чём не могу писать, передо мной стоит лицо Твоё. У Тебя были такие грустные, грустные глаза. Милая Ты моя!

Опять идут со счетами — всё плачу, не дают писать, а сейчас надо отослать, иначе сегодня не пойдёт.

Посылку Твою Андрей сегодня зашивает, а завтра пошлёт.

Целую Тебя крепко и Екат. Вас. Пиши

Твой

Н.Р.

29 Июля 1900 г.

Опять чуть не плачу, но не от горя, а от радости, ибо сейчас получил Твоё письмо.

Да, Тебя можно любить, нужно любить и только Твоя любовь даёт мне силы. Знаешь, несчастье ещё ближе нас поставило. Какая Ты хорошая, какая сердечная, добрая.

Спасибо, спасибо, спасибо. Не можешь представить, до чего дорого и необходимо мне Твоё слово.

Твой

Н.Р.

Письмо моё уже было запечатано, но я вписал - сейчас отправляю.

Отдел рукописей ГТГ, 44/159, 2 л.

30 июля 1900 г. СПб.

ХРОНИКА

С глубокою скорбью Мария Васильевна Рерих с детьми извещает родных и знакомых о скоропостижной кончине мужа и отца Константина Фёдоровича Рериха, последовавшей 26-го июля. Вынос тела из церкви Св. Екатерины (Васильевск. остр., угол 1-й линии и Большого просп.) последует в понедельник, 31 июля, в 3 часа дня на Смоленское православное кладбище.

Новое время. 1900. 30 июля/12 августа. № 8772. Воскресенье. С. 1.

[30 Июля 1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя,

Ты пишешь, что хорошая наша любовь; правда, она хорошая, и ею можно только гордиться, а никак не стыдиться её. Я чувствую, что только Твоё слово может успокоить меня.

Послушай, какие гадкие слухи до меня доходят. Кухарка нижней жилицы Резановой, говорила Советовой, что «вот-де так барыня, упрятила здорового человека в сумасшедший дом, а сама на Кавказ уехала и т.д.». С другой стороны говорят, что будто он с тоски кончил самоубийством. И такая нелепая ложь может распространиться, и знаешь, язычки у людей! Ты никому этих слухов не передавай, но у меня они слишком тяжёлым камнем лежат на сердце, и не могу не поделиться с Тобой. Узнав про Резановскую кухарку, я бросился вниз и буквально с пеною у рта предупредил её, что если услышу ещё что-либо, то ей придётся говорить с жандармами. Только бы ничто не дошло до мамыши. Теперь я окончательно взял себя в руки и завтра встречу её на вокзале весёлый, успокою её.

Дома всё по-прежнему, его она не увидит, Лютеранск. службы она не любит и будет как на чужих похоронах.

Сделал всё, что мог, даже приготовил траур для мамыши. Всё страшно дорого, но надеюсь, она не будет в претензии, ибо я считаю моим долгом, чтобы всё было очень хорошо.

Если эти дни не получишь письма – знай, что у меня не было минуты присесть к столу, но мысленно я с Тобою. Сейчас еду осматривать открытый склеп.

Целую крепко. Пожалуйста, пиши; всех целую.

Господи, какая полоса на меня идёт. Твой весь

Н. Р.

Воскресенье 3 часа д.

Какая странность! Сейчас кончаю писать и слышу рядом в комнате совершенно явственно волочится по полу стул. Я кричу: София (мне её нужно было), думая, что это горничная, выхожу - никакого нет. Иду на кухню и узнаю, что в комнаты никто не входил и ни собаки, ни кота не было. Вот странно! А слышал я совершенно явственно.

Как нервы разошлись!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/436, 2 л.

АВГУСТ

[1 Августа 1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Хорошая моя, славная моя,

Твоё письмо встревожило меня. Как же Твоё здоровье? Прошла ли слабость? Спешу окончательно Тебя успокоить, что всё благополучно. Особенно скверно чувствовал я себя в Воскресенье – прямо места не находил, ноги дрожали, думал, что заболел. Но в Понедельник, когда приехала Мама, несмотря на новую усталость, я чувствовал себя всё же лучше, а сегодня всё прошло. Говорят, за эти дни я осунулся, но это пройдёт.

Сейчас вернулся дядя. Мама не только не упрекала меня, но очень благодарилась и была довольна, ибо всё было очень торжественно и хорошо.

Мне кажется, что после этого мы будем с ней несравненно ближе и сердечнее. Сестра с братом Володей осталась на Кавказе, ибо у него в Кисловодске сделалась перемежающаяся лихорадка с температурой 40. И Ваши не остались бы в Кисловодске, ибо там бывает эта неприятная болезнь.

Твои известия о Екат[ерине] Вас[ильевне] прямо трогают меня – будь с нею ласкова, мы будем с ней очень хороши.

Миленькая моя, уж как же хочется мне обнять Тебя – мою хорошую и сердечную. Что же... [зачёркнута одна строка] Твоё письмо вчерашнее я перечитывал раз 10. Вечером я почувствовал, что оно лежит в ящике – так и оказалось.

Сейчас еду на кладбище.

Всех целую. Странно, что на похоронах было больше моих знакомых, нежели друзей отца. Видно, он им больше не может быть полезен. Пиши, милая. У нас хорошая, светлая любовь из которой можно сделать многое доброе.

Милая, хорошая, дорогая, смотри, даже несчастье нас ещё больше сближает – это добрый знак.

Твой весь.

Н. Р.

Вторник, 11 ч. утра.

Всё-таки как я устал за это время.

Я думаю, что приеду к Тебе раньше, чем в Окуловку – отдохнём.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/435. 2 л.

2 августа 1900 г. СПб.

ХРОНИКА

Семья покойного Константина Фёдоровича Рериха приносит свою сердечную благодарность всем выразившим участие в постигшем её горе.

В четверг, 3-го августа, в девятый день кончины Константина Фёдоровича Рериха, будут отслужены заупокойная литургия и панихида в церкви во имя Иоанна Богослова на Смоленском кладбище. Начало литургии в 10 час. утра.

Новое время. 1900. 2/15 августа. № 8772. Воскресенье. С. 1.

**4 Августа [1900 г.] СПб.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

4 Авг.
Пятница. В мастерской.

Милая моя,
отчего я не получил Твоего письма вчера? – я ждал. Пишу из мастерской. Как я, однако, стал уставать это время. Пописал 3 часа и уже ни к чему не пригоден – какая-то апатия. Хочется мне поскорей к Тебе приехать. Думаю, через неделю приеду; отправлю дядю и приеду. Вчера был 9-ый день, была панихида, потом завтрак, гости, приходилось говорить с ними, а в душе посылать к чёрту, ибо все хлопоты и глупейшие формальности окончательно растрясли мои нервы. Как это всё глупо! Меня очень тревожит, почему нет Твоего письма, – ведь Твои нервы это тоже сложнейшая механика и могут причинить Бог весть какие невзгоды.

Не найдётся ли ещё какой-либо старухи со строгим лицом; мне нужно будет. Как охотники? – привезу ружьё.

Вчера видался со Стасовым; словно бы опять внимательнее стал, а впрочем чёрт его знает.

Хочу, чтобы Ты завтра получила эту записку и ответила о здоровье, а потому тороплюсь опустить.

Если б Ты знала, до чего я устал это время! Иногда прямо пошевелить рукою не хочется!

Милая моя, хорошая! Только Ты то будь здорова, а то меня совсем убьёшь.

У брата в Пятигорске кажется тиф – вот напасть! Всех целую
Твой Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/434, 2 л.

**[5-7 августа 1900 г. СПб.]
Письмо Н. К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Милая Ладушка, что это со мною случилось! – сегодня у меня заболели ноги в коленях. Чувствую, словно бы, кости соскочили и расхлябались. Дядя говорит, что это пустое, велел намазать йодом и дать ногам отдых, т.е. посидеть и полежать, но всё же я сегодня не мог стоя работать и уже к 12 час. вернулся из мастерской. Вот-то ещё история! И какое это неприятное, а иногда и болезненное ощущение. У Тебя бывало ли нечто подобное?

Вчера забыл написать Тебе про холст. Конечно, замазывай его сколько угодно. Интересно, что-то у Тебя выйдет.

Напиши, как-то глаза Твои? Коли что, пожалуйста, не утруждай их. А я всё нахожусь в раздражении из-за невозможности видеться с Тобой раньше 12-го; раздражение настолько сильно, что даже не могу написать хорошего письма. Смотри, какая странность: не могу написать Тебе хорошего письма из-за раздражения, а раздражён, ибо не могу Тебя видеть; получается какой-то круг. Перечитал письмо Твоё, и мне показалось, что Тебе будто не хочется, чтобы я

приезжал после 12-го, когда Ваши вернутся? Так это или нет? Везти ли духи или у Тебя они есть ещё?

Заказал приготовить 75 патронов.

Дядя иногда бывает невозможен. Во время службы и на панихидах он смешит. То пристанет ко мне, отчего диакон не ему первому кадит, или выдумывает что-либо такое из его Парижских новых походов, что не знаешь, куда деваться. Он там побывал во всех кабачках в Раю, в Аду и т. п.

Посылаю Тебе образец <...> сочувствия, полученного мною; удивительный образчик пошлости.

Как мне хочется слышать игру Твою. Она меня успокоила бы. А то все мысли разорваны, и я словно из седла вышиблен. Чем больше думаю, тем более убеждаюсь, что наша любовь хорошая. И даже хорошо, что нам приходится переходить всякие испытания, на них чувство закаляется и страшно приятно сознание во время передрыги, что в присутствии любимого человека было бы гораздо лучше. Тогда любимого человека ощущаешь ещё ближе.

Люблю я Тебя Лада моя хорошая, крепко люблю. Работай моя милая, но не надрывайся тоже, силы нужны и мы, владея всем искусством, сделаем многое.

Целую Екат[ерину] Вас[ильевну] как родную.

Мне очень нужны Твои письма, пиши, милая, иначе мне не хорошо.

Ноги забинтованы, сижу как старик.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/432, 2 л.

[6 -7 Августа 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Хотя только что опустил письмецо к Тебе, моя хорошая, как получил Твоё и не могу ещё не приписать строчку. Напрасно Ты тревожишься, кроме усталости и раздражения у меня ничего нет. А раздражение оттого, что не могу сейчас же приехать к Тебе. Самое близкое могу приехать 12-го, выехав вместе с дядей, до того времени меня никак не выпустят.

Что это глаза у Тебя какие? – всё болят; надо осенью серьёзно лечить их.

Как хотелось бы ехать к Тебе, а тут сиди! – Это чёрт знает что! Спешу отправить.

Твой *Н. Р.*

Сперва я поеду к Тебе, а на Окуловку уже потом, и к 20-му дню уже не поеду в СПб. Всё равно теперь каждый день панихиды служат.

Ужасно скверное состояние, просто боюсь, до того устал. Ведь Ты поиграешь мне? Не правда ли?

Когда же, наконец, всё пойдёт хорошо.

Не сердись, миленькая, за скверные письма, но прямо душевно изнемогаю. Надо к Тебе.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/433, 1 л.

*(Вторник, 8 [Августа 1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Вторник, 8-го вечер

Пишу в ужасной обиде на Тебя, Ладушка; выходит безобразие – вместо 6, даже 7 обещанных писем я получил только 4. Чувствую себя обиженным, обойдённым. И ноги-то болят, и Боткин сегодня заставил 4 1/2 часа по Музею топтаться, и Куинджи уехал, не сказавшись мне, в Париж на выставку, и два уже дня мне не приходится быть в мастерской, и дядя забраковал вконец мою сказку, и кажется мне, глаза Твои разболелись, и к довершению ещё не получаю Твоей весточки. Нет, за что спрашивается? Свинство, милая, и если завтра не получу Твоего письма, рассержусь, и рассержусь заслуженно.

Выезжаю в Четверг и буду [в] Пятницу утром. Надеюсь, что хоть встретить придёшь. Мне в Сентябре, кажется, придётся ехать в Копенгаген сопровождать наследника в качестве художника. По крайней мере, Свиньин, который также едет с ним, вбил в голову, что такая поездка для моей карьеры очень полезна, и хочет сие устроить.

Боткин хотел задержать меня на Пятницу, но я сказал ему, что с удовольствием остался бы, но обещал в Пятницу быть у Герцога – он и прикусил язык. Спрашивает: «Вы надолго едете?» Отвечаю: «Не знаю, недели на полторы». «Так черкните, когда вернётесь». У какого Герцога буду я в Пятницу!

Как нетрудно быть хорошим; вообрази, сегодня одного молодого человека до слёз довёл хорошими словами, он обещал не кутить, бросить женщин и вино, и просил хоть изредка говорить с ним, а то он, будто бы, не слышит живого слова. Это моё-то слово живое! Скажите на милость.

Вчера переработал сказочку. Держал её в слоге Апокалипсиса. Много сентиментальное выкинул. Сделал 3 вставки, но всё ещё угловато и тяжело, надо перерабатывать.

Пришёл Рылов, допишу потом.

Ну, денёк у меня выдался! 3 приходят всё денег просить. И не дать известно, а посему - 50 руб. как не бывало.

Рылов всячески просился на ближайшие отношения. Я обласкал его. Кажется, когда захочу, действительно могу быть приятным. Уходя, он целовался и уверял, что окреп духом и идёт работать. Говорил, по-видимому, искренно.

Нет, хорош Куинджи! Уехать и не сказать ни слова. Так, пожалуй, не поступают с близкими людьми, а я думал, что он меня таковым считает.

И всё-таки я разбит весь, и всё-таки мысли мои разбежались, и только на Тебя, хорошая моя, надежда, что при Тебе опять соберусь в клубок на страх врагам.

Только не обижай меня, а поцелуй крепко и погладь своими славными руками, славными за музыку.

Я предчувствую, как много даст нам Твоя музыка.

Среда, утро.

Сижу дома, ибо сейчас придёт Судебный Пристав. Скучно. Письма Твоего нет как нет. Вчера, прости, говорил о Тебе Рылову, не мог удержаться, ибо мне

хочется говорить о Тебе. Оказывается, он Тебя очень заметил на Симфонич. Концертах.

Ничего не работается, а Ты меня, небось, не жалеешь! А мне-то как хочется быть около Тебя. Больше не буду писать, иначе будут попораны все законы справедливости – необходимо возмездие.

Привезу Тебе стихи, которые прислала мне Манасеина.

Если в Пятницу не встретишь – рассержусь. Целую Тебя и Екат. Вас. Да делаю это не для приличия, а в самом деле.

Дядя говорит, что в Париже картина моя так повешена, что даже не разобрать, что на ней изображено.

Твой весь

Н.Р.

Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю,
люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.....

(Ты-то всего 3 строчки любишь, а я целых 5 – не угодно ли?).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/256, 3 л.

22 Августа [1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

22 Авг. Среда. 2 часа дня

Милая моя, дорогая моя, хорошая, отчего Тебя нет со мной? Вернулся я домой сегодня, в Среду, в 7 час., оказалось, все наши уехали вчера вечером в Псков на неделю к знакомым в имение...

И пусто, и душно, и скучно мне одному. И как вспомню, что мы могли быть вместе, так ещё хуже становится, и хочется мне быть около Тебя и смотреть на Тебя. Мы говорили, что письма лишнее; какое же это лишнее, которое необходимо! Хоть бы сейчас, - я не могу не писать Тебе. Если бы Ты знала, как мне хочется с вечерней почтой получить Твоё письмо. Когда же это мы заживём одною жизнью! и вместо репетиции отправимся в настоящее путешествие? – поездочку богатырскую по заморским краям неизведанным.

Как окончилось Твоё странствование? Я долго следил за Тобою из вагона, как пошла Ты обок с какой-то семьёю священника, пошла спешною, деловитою походкою, словно бы шла по определённом делу. Думаю, Тебе не очень-то ловко было одной на чужой станции. Где же Ты ходила там? Попала ли на поезд? А главное, - что вышло дома? Не было ли раздражений, а если были смешки, то какие? Вероятно, у княгини и слово и мимика не уступали друг другу.

Эти дни я чувствовал себя не худо, удушья не было, насморк малый, хрипкость небольшая, так что даже читал вслух, но боюсь, что в городе опять начнётся неспаньё, что-то с утра уже мало воздуха и тяжело как-то. Боюсь, не наделала ли беды вчерашняя верховая прогулка, ибо я, проскакав на чудесном коне верст 20, сел на холодном ветру писать этюды. Впрочем, доктор (я сейчас от него) говорит, что простудного ничего нет, а всё это чисто нервное. Дал успокоительное, а затем собирается травить меня мышьяком.

Теперь, моё пребывание в Окуловке; сперва общий вывод, затем частности. Общий вывод такой: я положительно начинаю верить, что иногда могу быть интересен, занимателен и когда хочу, тогда могу заполнить людей. За 3 дня моей бытности там я направил на герцога и герцогиню такой фонтан всякой всячины и археологической, и художествен., и фантастической, и литературной, и вс. прочей, что в результате последовали самые радужные приглашения опять приехать в Окуловку и непременно быть у них в городе, а также желание быть у меня. Попал я прямо к обеду. Сперва мне было жестоко не по себе, ибо я не знал о чём говорить, а главное, в каком тоне. Они не знали, что я художник, и разговаривали как с преп. Арх. Института. После обеда в кабинете за кофе Герцог вспомнил, что видал мои ящики, и, как причастный к искусству, спросил, работаю ли я. На мой утвердительный ответ, вопрос: «выставляете ли Вы?» «Выставляю». «Где?» «На Академ. выставке, мои картины «Поход» и «Старцы». Герцог вскакивает, - «Так это Ваши картины? Простите, я не знал, в отношении ко мне Вас называли преподавателем, а не художником». После этого разговор пошёл уже из другой оперы, археология отступила на задний план и выступило искусство. Спервонач[ал]у мне было трудно с ним сговориться, ибо он противоположного лагеря и дружит с художниками СПб. Общества, которых ведь я не люблю, но затем мне удалось вставить несколько таких словечек, что он невольно начал говорить моими мыслями, а когда я набросал эскиз (охоту на кабана – он больш. охотник), то он: «уж увольте, а я конфискую ту вещь, она мне очень нравится, только подпишитесь».

Герцогиня оказалась очень добрая и простая, и Герцог иногда (в последний день моего пребывания, когда перестали меня стесняться) говорит ей (при мне) такие вещи, что анекдоты Бологовские - младенчество. За 3 вечера о чём только мы ни говорили! Я ему подарил мои статьи. Герцогиня, узнав что я пишу, притащила альбом свой, чтобы вписать туда что-нибудь, говоря, что соседи недурные – как Апухтин и К. Р. Пришлось набросать мал. стихотворение на тему:

«Я мёртвых искал. Мне хотелось

Жизнь в смерти далёкой найти...,

но, мол, около смерти холодно и неприветно, а около живых, встретившихся мне во время поисков мёртвых, - мне лучше и теплее». Дописал этюд именья и подарил Герцогине. «Здесь, мол, ему не худо висеть». «Как, Вы его оставляете?» «Да, Вам». «Это мило, но уж позвольте мне взять его в город, ему место в городе, а не в деревне».

В первый обед сделал неловкость: съел суп не той ложкой. На раскопке герцог всё время присутствовал. В научном отношении она довольно интересна; ибо дала кострище до 6 верш. толщиной, а в нём осколки костей коня и шлаки. Герцог будет о ней писать в «Nature». Как хорошо было прокатиться верхом; лошадь – вороной казак – превосходная; скачет спокойно и ход широкий. Может быть сердце Герцога, как хозяина и сжималось, но я проскакал последние три версты в опоре. Жалко, не пришлось поохотиться, первые 2 дня работал, а с 3 с утра было жестоко холодно – всего 4 градуса.

Уже видал Свиньина. Сегодня он едет в Абас Туман, придётся проводить его, кстати, и письмо Тебе опущу. Он тащит меня ускорить заграничную поездку, чтобы проехать с ним в Ай-Тодор к Георгию Михайлов[ичу]. Всего в путешествии он думает пробыть 5 недель. Уверяет, что с Георгием Михайловичем лучше всего мне ближе познакомиться в деревне - так всё проще и отно-

шения могут возникнуть лучше. Дай Бог, чтобы так. Мне, кажется, удаётся устроить Зарубина на место Собки. Собко ушёл; ему дали 1200 пенсии и звезду. Всё это так, и всё-таки мне как-то тяжело и скучно. Приходит в голову, а вдруг дальше всё хуже пойдёт? А вдруг эти мои удушья тоже неспроста, хотя доктор говорит, что всё пройдёт.

Миленькая, славная моя, хоть Ты-то пиши мне. Читала сегодня фельетон Розанова? У нас есть тоже что-то роковое. Знаешь, я ещё больше люблю Тебя! Ты мне ещё роднее и Ек. Вас. тоже роднее.

Крепко, крепко Тебя целую и надеюсь, что оспа до 1-го пройдёт, и вы вернётесь.

Хорошая, хорошая, милая, милая – пиши подлиннее. Приехал ли Яков (я ведь ревную немного – он Тебя видит, а я нет).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/211, 4 л.

***Четверг, 24 Августа [1900 г., СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой***

Дорогая моя, вот уже Четверг вечер, а Твоего письма всё нет и нет – 5 дней оставляешь меня без весточки, особенно зная, каково моё скверное настроение. И сегодня чувствую себя неважно, хотя ночь спал не худо, но лёг поздно – около 2-х. Вечером был Косоротов; кажется, у него настраивается заграничная поездка от «Нов[ого] Времени» и он просил меня заменить его на это время в Нов. Вр. Хотя и неприятно, но придётся, ибо иначе туда может проникнуть какой-либо нежелательный мне элемент.

Сегодня я много думал, и знаешь о чём? О том, что нам не следует надолго откладывать нашу свадьбу, не то мы вконец нервы испортим. Нет, право будем к весне это дело подгонять, и даже хорошо, что место пока не устраивается – ибо поедем, прежде всего, куда-нибудь на хорошее тёплое купанье и, забыв кто мы, и зачем, и откуда, месяца 3 укрепим себя, а затем некоторое время проживём в одном из художественных центров. Я буду писать, а Ты поработаешь у какого-либо местного профессора – (Боровка Тебе кого-либо посоветует). Я думаю, что мама, увидав, как расхлябались мои нервы, даст мне денег 3000 на год (года на 4), так что, если я сам даже ничего не заработаю, то всё же проживём помаленьку, особенно за границей, где меньше пойдёт на представительство. А там вернёмся и место схлопочем. Так что, быть может, всё это и к лучшему, что теперь ещё ничего не получается. Воображаю, как мы укрепим наши нервы, живя вместе, вдали от повседневного общества, купаясь и дыша морским воздухом. А затем как свежо пойдёт моё творчество и как много успеешь Ты при серьёзных занятиях и в обстановке художественного центра. Это должно быть интересное, хорошее время, о котором, без сомнения, мы будем вспоминать впоследствии с радостью. В теперешнем же нашем положении мы оба как-то разбиты и не делаем того что можем. Ты, в силу различных обстоятельств, очень ослабла физически, и волнение при игре и пятна на щеках – всё это свидетельствует о необходимом укреплении нервной системы. Мне тоже это необходимо, иначе оно разовьётся в неврастению, и будет впоследствии мешать выполнению задуманной программы.

Так-то, моя хорошая! Напиши, по душе ли Тебе сии соображения. Как скучно, что не получаю Твоих писем. Мне уже представляется, что приехали гости и Ты забыла о своём майчике, который всё время о Тебе думает и мысленно целует Тебя. Мне плохо работается и плохо думается. Сегодня я заезжал к Селиванову – он ужаснулся моему облику, «отчего у вас под глазами так сине?»»

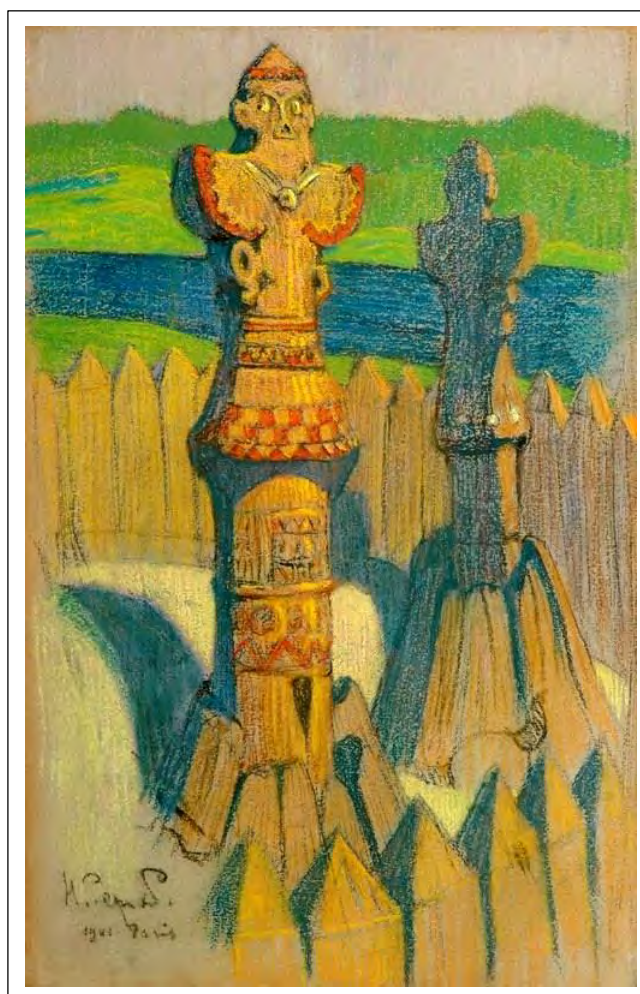
Целую Тебя и Ек. Вас. Получила ли моё первое письмо?

Н. Р.

Четверг, 24-го Августа

Князя поцелуй, но иначе чем Екатерину Васильевну.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/255, 2 л.

Н.К. Рерих. Идолы. 1900.

«Сегодня написал эскизец, вроде как при Тебе рисовал; тоже идолы, река — всё в самых ярких тонах. Думаю написать эту штуку; она должна мне удался и будет для меня полезна, ибо замолчат все кричавшие, что я не пишу в ярких тонах...»

25-26 Августа 1900 г. [СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Пятница, утро 25 авг.

Мне страшно хочется встретиться с Тобой, хорошая, в Вашей квартире. Мы должны встретиться совсем иначе, нежели расстались весной. Коли вспоминать, сколько недосказанного было весной и насколько чужими мы были тогда, сравнительно с осенью. Тогда было хорошо, была борьба, противодействие, отпор, теперь всё это устранилось, и понемногу начинается дружное поступательное движение не во имя личности, а во имя дела и принципа. Правда, теперь как-то теплее у нас и сама страсть не мешает этой хорошей теплоте, потому что и страсть эта хорошая. Одно скверно (как я писал вечером), что мы немного разбиты, но это временное, и мы скоро соберёмся в крепкий клубок.

Пятница, 6 часов

Последняя надежда лопнула получить Твоё письмо. Ума не приложу, что сие может значить; завтра уже Суббота, т. е. неделя как не беседовали. Уже здорова ли? Не глаза ли опять? Но если бы глаза, то хоть Ек. Вас. написала. Если же из-за гостей, то не прощу, так и знай. Если завтра не получу письма, сделаю запрос телеграммой и заявлю полиции.

Сегодня написал эскизец, вроде как при Тебе рисовал; тоже идолы, река — всё в самых ярких тонах. Думаю написать эту штуку; она должна мне удалиться и будет для меня полезна, ибо замолчат все кричавшие, что я не пишу в ярких тонах. Эх, если бы вернулось моё хорошее самочувствие, а то при такой разбитости и руки-то не поднимаются. Получил письмо от Ек[атерины] Ив[ановны] Бекл[емишевой]. Пишет, что они на Капри и утопают в блаженстве. Я даже рассердился: потому, какое они имеют право утопать в блаженстве, когда их приятель так мерзко себя чувствует. В этом духе и ответил ей.

Временами мне кажется, что это со мной неспроста, а начинается что-либо скверное. Не кажется это Тебе?

Отчего нет Твоего письма? Как бы я его целовал и, ложась спать, много раз перечитывал и утром встал бы несравненно бодрее.

Суббота, 9 утра

Сейчас отправлю письмо, не дождавшись Твоего. Ложась спать, опять думал о нашем будущем заграничном житье и всё более восторгаюсь им. Мы на покое укрепим нашу технику, совместно проштудировав всю историю живописи и музыки, а также наиболее важные философии. (Прочти у Ницше «Вторая плясовая песнь» — не правда ли прелесть — это в конце «Заратустры». Какие у него глубокие символы!) И таким образом, проработав год, мы вернёмся домой во всеоружии, более близкие к выполнению нашей задачи кружка. Для руководства необходимы также факты, а их у нас пока мало, — надо этот пробел восполнить, а восполнить его нам удастся лишь вдали от Петербурга. Правда, Мюнхен (а это самый подходящий для нас художественный центр) много шумливее Питера, но та жизнь нам чужда, и мы несравненно глубже погружимся в себя и поработаем. Методичность и система окружающей немецкой работы внесут и в нашу российскую нервность порядок, и мы будем тру-

даться, забывая наши теперешние большие вопросы: «А в силах ли я?», «Могу ли я?» «К чему всё это?» и прочее что нас теперь волнует.

Неприменно напиши мне, что думаешь о таком плане, я уверен, что он Тебе будет по душе, ибо Ты просмакуешь, каково полезен он и для Тебя, и мне.

Возвращаюсь к Ницше. Чем больше читаю его, тем больше убеждаюсь, что написано это отнюдь не для особо сильных умов, а для всех, и за этим учением великое будущее. Непременно почитай "Заратустру" и увидишь, что мы с Тобой природные нищенианцы.

По тону моих писем, я думаю, Ты видишь, насколько за этот приезд мой Ты стала мне ещё ближе. Сегодня уже 26-е, стало быть, уже скоро переедете, ибо про оспу что-то не слышно, и, во всяком случае, она в более низких слоях, с которыми Ты никаких сношений не имеешь, так что вероятность заразиться настолько же велико, как и от нищих, которым Ты подаёшь в Бологое.

Вчера был Рылов, я ему говорил, что думаю надолго [выехать] за границу весною, он сказал, что многие спрашивают у него, почему я до сих пор не был за границей. Непременно поедем.

Целую Тебя крепко (вспоминаю вечера у князя в кабинете) и Екат. Вас. и всех.

И тётю Лидю Н. Р.

26 августа 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/162, 3 л.

26 Августа [1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

26 Августа, 6 часов.

Только что, милая, хорошая, дорогая, отправил Тебе письмо, а вот опять хочется писать. Господи! как ждал я Твоего письма, без конца посылал прислуг смотреть в кружку, и если бы с вечерней почтой не получил ничего от Тебя, то не знаю что бы и было. Теперь даже смешно, но у меня даже руки холодели при мысли, что Ты не позаботилась написать мне. Ты занимаешь во мне огромное место, и, конечно, и мне хочется занимать в Тебе такое же, и когда я думаю о Тебе чуть ли не всё время и мне кажется, что Ты думаешь обо мне меньше – то, конечно, становится смертельно обидно. Отчего Ты ничего не написала об окончании нашего путешествия? Не рассердилась ли?

Если Ты хочешь, я непременно побываю у Мержеевского, но в начале Сентября. Сегодня чувствую себя лучше, колени не болят, и проспал я около 10 час., а как получил Твоё письмо, то и совсем хорошо стало, даже в голове просветлело. Только уж не прогневайся, если письмо Твоё прочту и не раз и не два, а много раз, и на ночь, и утром. Как у меня сразу настроение изменилось!

Сегодня приехал Зарубин; я был у него, дал ему целую программу, как действовать в Обществе, как говорить с Балашовым и прочими, чтобы получить место Сойки. Предупредил, что он не должен говорить, что мы с ним видались. Мне страшно хочется, чтобы он получил это место. Хочется, чтобы улучшилось его материальное положение, а также и потому (Тебе сознаюсь), чтобы на выдающихся местах были более или менее мои люди. Для моей программы это важно. Если бы Зарубин узнал последний довод, то-то бы он оби-

делся. Зашёл он и ко мне в мастерскую и особенно одобрил новый эскиз с идолами – вероятно, его и буду писать.

Про Косоротова я уже писал Тебе в утреннем письме. Напиши мне впечатление утреннего письма? Почему Ты думаешь, что у нас ничего не клеится? Ведь прошлый приезд мы уже пробовали читать вместе – и ничего выходило.

Надеюсь, что завтра напишешь мне хорошее длинное письмо. Пожалуй, два моих получишь одновременно. Как я уже писал, полагаю, что Вам можно вернуться к первому Сент.

Сам отнесу письмо в кружку. Милая моя, хорошая, уж как-то я горд Тобою. И как только Ты подкрепишь меня, так чувствую силы сделать многое. Слава Богу, наши отношения становятся всё полней и теплей. Так едем за границу, учиться?

Рискую оказаться пошлым, хочется мне назвать Тебя лучшими именами, какие я только знаю. Видишь, какое действие имеет Твоё письмо, а потому пиши не медля. Всем поклон, Степу целую.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/257, 2 л.

[27 Августа. 1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Воскресенье. 5 часов.

Только что пообедал, съел невероятную массу грибов и арбуза – так что не на шутку опасаюсь возмездия – только бы не ночного.

Сегодня у меня, моя дорогая, праздник – праздник хороший. Зарубин получил место Собки – всё вышло так, как я предполагал, т.е. он назначен пока исправляющим должность, но это всё равно. Никогда я не думал, что могу так радоваться за происшествие с посторонним человеком. И какая это хорошая радость! Не знаю, буду ли я так радоваться, когда устроюсь в Музее. Я начал прыгать, целовать его, тормошить – как угорелый. И что хорошо, что во всём этом не было своекорыстных побуждений. Я тогда забыл, что он мой человек и всякое прочее, и видел только, что ему хорошо, и от этого и мне становилось хорошо до невыразимости. Слава Богу, теперь он обеспечен!

Таким образом у меня сегодня большой подъём. Эскиз с идолами меня радует – он сильный, яркий, в нём ни драмы, ни сантиментов, а есть здоровое языческое настроение. Письмо Твоё сегодня опять перечитывал – вижу, Ладушка меня очень любит – чего же мне ещё? Одно свинство – завтра придётся с Боткиным в Музее сидеть, ну да это ещё ¼ беды.

Рассказывал я Зарубину мои планы о Музее и Георг. Михайл. – всё это ему ужасно нравится, но говорит, что, коли что будет наклёвываться, то ехать надолго в Мюнхен рискованно, могут здесь перебить. Надеюсь, за эту зиму всё достаточно выяснится.

Читал Зарубину сказочку – он сильно её одобряет.

Сейчас была тётка. Есть же на свете такие глупые и пошлые создания, просидела всё же около часу, еле-еле удалось её выжить. Немного испортила моё праздничное настроение.

В мастерской сегодня совсем не работал; пришёл туда часов в 10, устанавливал новый холст (это уже 6-й за лето), а потом пришёл Зарубин с хорошими вестями и мы просидели до 1 часу.

Теперь мне любопытно знать кое-что о Тебе. Как музыка, ведь экзамены не за горами. Как домашнее настроение? Не успела ли Нина Алекс. настроить Стёпу против меня? Потом мне вот что интересно: мне кажется, что дурные мысли Тебя окончательно оставили, так ли это? Сдаётся, что так! Если так, то Ты одержала уже великую победу над собою.

Странно мне, отчего это я всегда, любивший и любящий писать письма стихами и пародиями, не нахожу возможным писать к Тебе так же. Не в том же ли причина, в чём у Тебя, когда Ты не могла пикироваться и дразнить меня.

Милая, хорошая – сегодня письмо в красной рамке и, пожалуй, последнее, ибо Вы когда переезжаете?

Пиши мне длиннее и лучше. Думаю завтра получу Твоё.
Целую Тебя и всех.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/431, 2 л.

28 Августа [1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Понедельник, 28-го Авг.

Вот-то несчастье! – Не получил сегодня Твоего письма. А уж как надеялся получить; неужели мои велеречивые письма не размягчили Тебя и не понудили к перу, о жестокосердая женщина!

Сегодня я опять в плохом чувствовании, впоследствии разговора обо мне Ап. Васнецова с Лазаревским. К Лазаревскому (в Общество) приходит Ап. Васнецов по делу и, между прочим, (его я знаю очень мало) спрашивает:

- «Ну, что ваш маг и волшебник делает?»
- «Вы про кого?»
- «Да этот пейзажист, жанрист, историк и всё вместе».
- «Да кто такой?»
- «Да ваш вице-директор Музея»

Не правда ли, сколько в этих словах недоброжелательства, жесткости и, боюсь, даже зависти.

Чем я могу мешать такому художнику как Васнецов; право, они сами подобными суждениями приписывают мне значение, какого я и не заслуживаю и не имею. Также и Кравченко на днях говорил, что, однако, какие местечки молодёжь при искусстве захватывает! Воображаю, какой гомон подыметя, когда я окажусь в Музее.

Мне жалко Зарубина и ему придётся теперь столкнуться с кличкою карьериста и с завистью. Вчера он сидел у меня весь вечер; я развивал ему план солидного торгового дома «Зарубин и Рерих». Сегодня в Музее Боткин (он, сви-

нья, продержал меня там часа 4 ½) уже говорил мне «жалко мне Виктора Ивановича, ведь, пожалуй, на этом месте придётся ему отложить кисти в сторону». Ведь теперь бедного Витю начнут эти подлецы рядить в чиновника.

Когда же Вы переезжаете? Сегодня в ночь вернулась сестра с Борей. Они приехали в 2 часа. Боря лёг спать, а мы с сестрой толковали до 5. Она одобряет все мои планы, но говорит, что о деньгах лучше обождать говорить с мамой, ибо она и без того собиралась былой залог отца, т. е. около 29 тысяч, теперь же разделить между нами (на 4 части). Нам это на первое время, года на 3 – очень будет на руку. Кроме того, она (как говорит сестра) с лёгкостью из % даст рублей 700-800. Так что с лёгкостью уже составляется около 3000. Это не худо, ибо мне сдаётся, что в этом году я непременно что-либо продам. Если б было возможно, я бы ускорил свадьбу даже на Январь, но об этом боюсь мечтать.

Пожалуй, от Тебя будет уже последнее письмо – скоро увидимся.

В Среду буду у Мержеевского. В Среду же остаток дня проведу у Стасова – он мне будет давать советы для поездки. Ведь уже скоро и ехать мне придётся.

Целую Тебя и Ек. В. и славных всех прочих.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/429, 2 л.

«Сижу и перечитываю Твоё недавно полученное письмо – не-счётно раз перечитываю, и мне делается ужасно хорошо. Наконец-то у меня есть человек, к которому я могу нести всё моё, нести на доброе слово.....»

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ОЧАГА

«Для меня очаг — это тот священный, неугасимый огонь, который с доисторических времён собирал вокруг себя человеческий коллектив. Был ли это огонь домашнего очага, т. е. очага семьи, был ли это очаг племени, целого народа, очаг храма или какого-нибудь божества, но всегда только он собирал вокруг себя людей и только около него они становились самими собою, т. е. тем, чем предназначал им быть «Хозяин». Только здесь находил человек всегда своё счастье. И, разумеется, первую ступенью в создании себе очага для современного человека является очаг семьи. К нему приводит человека даже и инстинкт рода...» (Н.К. Рерих о «Пер Гюнте». 1912.)

Н.К. Рерих. Воины у костра. [1894.]

Н.К. Рерих. Священный очаг. 1900.

29-30 Августа [1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

29 Августа, вечер часов 11 ½.

Сию и перечитываю Твоё недавно полученное письмо – несчётно раз перечитываю, и мне делается ужасно хорошо. Наконец-то у меня есть человек, к которому я могу нести всё моё, нести на доброе слово. Хорошая Ты у меня – славная и добрая, и когда сравниваю Тебя с моими, особенно же с мамой, то результаты сравнения получаются самые контрастные.

Положительно, я убеждаюсь, что у меня с моими, или нет настоящих родных отношений, или я слишком требователен. Сегодня ездили с мамой в Гостиный Двор. По дороге она напала на меня: незачем-де мне ехать за границу со Свиным – пользы знакомства с наследником и Георг[ием] Мих[айловичем] она не понимает – Свиный-де не хочет ничего тебе делать, иначе бы Бенуа уже давно согнал с места. Я тщетно старался доказать, что если даже Свиному во многом и не доверять, то всё же убрать генерала Бенуа не легко и уже и то много, что Свиный с Тевяшевым расшатали его почву и положение. Подобные вещи скоро не делаются. Ничего-де, у меня не выходит, и ничего-де я не делаю. Как это мне было обидно, я и сказать не могу. Ведь несправедливость! – и от кого же?

Радуюсь, что Вы в Пятницу выезжаете. Вероятно, в Субботу вечером мне уже можно будет быть у Вас. Завтра утром буду у Мержеевского – тогда допишу его заключение. Меня пугают чрезмерно быстрое чередование страшной энергии и полной апатии и упадка. Что-то он скажет?

Теперь опять буду целовать и перечитывать письмо Твоё.

Среда. 9 утра. Сейчас еду к Мержеевскому. Сегодня в 5 ч. утра опять было удушье.

Был у Мержеевского. Резолюция его следующая: всё в порядке – все органы хороши, но нервная система расшатана сильно. Лечение: холодные обтирания, всякие капли и облатки, уменьшение работы и ускорение свадьбы, а также отъезд за границу, где сперва отдых, а затем спокойная работа. Потом всё – придёт в норму.

Так что недаром мне этот план приходил на ум – вероятно, в выполнении его наше спасенье. Надо полагать, что когда и медики станут за нас орудовать, то мама сделает всё, что надо. Только одного не придумаю, как это ухитриться и это время меньше работать? – как раз перед поездкой много хлопот и работы.

Мержеевск. очень хвалил мой организм и образ жизни. Спрашивает: «И ваша невеста сочувствует худож[ественным] вашим задачам, так что рассчитываете на спокойную жизнь?» - «Конечно, так и будет». «В таком случае, зачем до весны свадьбу откладывать? Нельзя ли ускорить?»

Передай это вместе с поцелуем Ек. Вас. и прекрасной тетушке, т. е. княгине. Приезжайте.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/430, 2 л.

СЕНТЯБРЬ

Хроника

В воскресенье, 3-го сентября, в сороковой день кончины Константина Фёдоровича Рериха, будут отслужены заупокойная литургия и панихида в церкви Иоанна Богослова на Смоленском кладбище. Начало литургии в 10 часов.

Новое время. 1900. 2/15 сентября. № 8806.

[Сентябрь 1900 г.]

Записка Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой.

Дорогая моя, с Твоего позволения я приеду сегодня в 3-4 часа с сестрою. До Стасова, оказывается, дошла такая гнусная на меня клевета, что поверить трудно. Весь Твой

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/201. 1 л.

Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.

4 сентября 1900 года.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.

Быть может, Вы будете столь любезны и передадите посланному идиолов, которых я задержу два дня, а затем возвращу в целости и сохранности.

Несказанно меня вчера взволновала клевета относительно помещения мною статьи в Мире Искусства. Это такая гадость! И кого только душит подобное ко мне недоброжелательство.

Не могу и представить, чем это я заслужил подобное ко мне заботливое отношение. Хотя и знаешь, что не надо обращать внимания на все подлости, но всё же, особенно когда идут они из разных лагерей, то невольно задумаешься. Тó Сомов толкует о том, что я человек вредный, то Парланд честит, на чём свет стоит, то Суслов помянет тёплым словом, то Нестеров, то А. Васнецов, то Бенуа – и конца и краю им нет! – словно я мешаю им всем. Каждый шаг связывается кандалами какими-то, и где можно перейти по простой доске, там, вследствие какого-то тупого недоброжелательства, надо чуть ли не каменные глыбы ворочать. Поневоле придёт в голову затвориться куда-ниб. подальше и зарыться в работу. Тяжёлое у нас время, смутное, когда на почве искусства творится невесть что, и этим задерживается искренняя работа. Мне грустно, что и Вы как-то косо на меня глядите, но с другой стороны, в такое время, право, и не знаешь, на кого не коситься и кого не подозревать. Приходится смотреть только в будущее, не будет ли в нём светлого облачка?

Всё-таки искренно Вам преданный

Н.Рерих

Вечер 4 сент. 1900 г.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих «Письма к В.В. Стасову». СПб. 1993.

[5-6 сентября 1900 г, СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Е. И. Шапошниковой.

Хорошая моя Лада, как мне хочется сейчас к Вам приехать, и как не могу я этого сделать - мне совестно взглянуть Тебе в глаза, ибо и вчерашняя княгинина комбинация разбилась.

Мне сказано: «Неужели же они не верят, что я ничего не имею против свадьбы, зачем им документ, и ты, и Лиля говорили – этого достаточно».

Я не смею просить приехать на вокзал завтра, хотя мамаша клянётся, что она тогда познакомится. Если возможно, приезжайте – это Ваша милость, а нельзя, то наноси мне последний удар в ряду прочих ударов и будь уверена, что Твой удар будет без промаха. С Тобою оторвётся от меня самое лучшее, и нервы быстро доделают своё дело. Туда и дорога.

Ладушка, милая, родная, скажи слово, черкни слово и я разорву с моими всё, ибо, что они для меня, без Тебя?

У меня точно тяжёлая ладонь лежит на лбу. При всём, если бы не болезнь. Ладушка, уедем, будем учиться за границей и добьёмся своего. Не оставь без ответа. Ой, как трудно живётся; добьёшь ли меня?

Поговори с Екатер. Вас. – у неё сердце-то хорошее. Всё-таки она меня видела, знает. С Тобою придёт всё, без Тебя уйдёт всё.

Радость моя, родная моя, не оставь.

Н.Р.

[В письмо вложена визитная карточка]:

*Николай Константинович
Рерих*

В.О. 16 линия № 15

На оборотной стороне визитной карточки записка:

Многоуважаемая Екатерина Васильевна.

Приеду не к обеду, а вечером (8 ½). Если можете, поймите меня.

Уважаю и люблю Вас душевно.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/259, 3 л.

16/29 сентября 1900 г.
Письмо Н.К. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Поезд. 3 часа 16-го Сент.

Милая моя Лада, итак я еду.

Не многим пожелаю я такого состояния, каково моё теперь. Что-то сломалось, не я — наоборот, я после вчерашнего конца разговора нашего, я стал даже цельнее, но сломалось что-то вокруг меня; я чувствую, что я что-то порвал, вырвался из какого-то заколдованного круга. И всё же моё самое хорошее осталось невредимо, осталось, чтобы расти и крепнуть. Я верю в Тебя, моя хорошая, и, быть может, всё к хорошему. Знаешь, у Тебя большая душа и глубокая. Когда ехал на вокзал, вдруг нестерпимо захотелось мне заехать к Тебе и ещё раз, хоть минутку посмотреть [*зачеркнуто*] и разок поцеловать Тебя, мою славную.

Вчера Ты дала мне страшный урок, — он даром не пройдёт. Хотя я знаю, что я тут не виноват — это дело обстоятельств, но в смысле всяких химер я буду следить за собою строго, и Ты услышишь их не много. Хотя вовсе уничтожать их я не буду - ими я живу Тобою.

Только Ты и остаёшься у меня, во всём остальном я почувствовал себя вне времени и пространства. Ещё как недавно, ещё, можно сказать, вчера, я суживался и ограничивался до личностей, вся вода моя была в одном колодце, а сегодня я словно чую какие-то озёра и целые моря. До них трудно дойти, но они есть. Чтобы свободно распорядиться всем, мне нужен был один крепкий бастион — им будешь Ты, и из него я буду делать набеги на всякие области. Лишь бы здоровье и сознание Твоего спокойствия. Особенно меня оскорбляло вчера прописное объяснение моих поступков - зачем эти правила?

Как Ты себя чувствуешь? Пиши на Берлин, я там ещё пробуду. Вчера я спать так и не ложился. Собирал письма, соображал и ощущал какое-то странное чувство - оно у меня впервые, странной решимости. Ведь если я когда-нибудь окажусь не простым пустомелей, ведь если Ты когда-нибудь будешь в состоянии бросить всем насмешку в том, что чувство Тебя не обмануло, — ведь тогда Ты полюбишь меня ещё сильнее — и какая это мне будет награда!

Миленькая, запасись карточками в разных видах и позах и вышли их мне, когда я устроюсь в Париже, — это будут мои образа.

Ужасно трясёт скорый поезд, пожалуй, не разберёшь.

А всё-таки трудно мне ехать, и скучно, и сиротливо как-то. Весною, быть может, приедете в Париж ... [*нрзб.зачеркнуто*]. Ох, а до весны-то сколько времени.

Никто, кроме Зарубина, не знает, на какой срок я еду.

То, что я уношу в себе о Тебе, нельзя вынести на улицу, — оно слишком хорошо. Милая, работай, знай, что майчик всё время о Тебе думает и Тобою живёт.

Как мне завидно стало за Екат. Вас. — за её доброе сердце. Это не то, что мои, с их странною каннибальскою любовью. А вдруг Ты забудешь меня? А вдруг Тебя развлекут? А вдруг Ты заболеешь. Такие вопросы мучают меня, —

нет-нет да и подымутся, нет-нет да и засосут. Напиши, милая, успокой меня. Вот подобные вопросы меня мучают, а между тем, я сильно в Тебе уверен и всё нахожу новые подробности Твоей большой личности. Видно, такие вопросы уже неразрывны с любовью, и, пока любишь, до тех пор они и мучают. Теперь напишу из Берлина (Continental). Хочется ещё писать, а между тем, мысли у Твоего бедного майчика до того спутаны, что читать это кропанье мало интереса. Думал отправить из Луги, но обожду до Пскова.

Что, против меня очень озлобленное настроение? Приветствуют, небось, Твой разрыв?

Сегодня утром видал Свиньина, говорю: «Еду». - «Куда же, - говорит, - ведь я только 20-го выезжаю, тут у меня дело есть до Косоротова, так вот Ты бы...»

Я даже испугался, прямо невероятным показалось быть хоть в СПб. и не видеть Тебя.

Нет, ни о чём, кроме Тебя писать не могу. Господи, какое место Ты во мне занимаешь.

У меня в кармане все Твои письма, хотел их сейчас положить в хронологическом порядке, но, свинство, [из-за] слёз не могу этого.

Целую Тебя крепко-накрепко и добрую Екат[ерину] Вас[ильевну], и, ради Господа, ПИШИ, и пиши подлинней.

Играешь ли Ты? Как здоровье? Как все?

Н.Р.

16 Сент. 900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/163 (лл. 5,6,3,4)

**[17/] 30(н.с.) сентября 1900 г. [Берлин]
Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой**

В поезде

Скоро Берлин. Вчера сделалось ужасно тяжело после отправки письма, ибо чувствовал, что другого до отеля отправить не могу. Каплями и микстурой отвязался от удушья, которое уже началось. Нашёлся спутник, добродушный и придурковатый чиновник. И сейчас он сидит в Табельдоте против меня и, бедный, не подозревает таких эпитетов. Писать нельзя — качает.

30-го Сент. нов. стиль. Воскресенье.

Хоть я и в Континенталь отеле, хорошая моя, а в ушах всё звучит

Твоё: «Майчик, Майчик, что ты наделал». — Это была самая Твоя задушевная и сильная фраза. Ею сказилось (угол письма оторван) [то, что уда]рило меня сердечными слезами сильнее, нежели угрозой презрения. Вдруг Твой Майчик не сумеет предотвратить Твоей боли — плохой он Майчик, коли не оберёт свою единственную Ладушку, и за то пусть Майчик сидит в изгнании и поработает вдесятеро, чтобы стать достойным. Я теперь понимаю, что особенно оскорбляло Тебя; не то, что Майчик не добился толку с домашними (другому человеку ума не вложишь), не то, что поставил Ладушку в ложное положение, а то, что Майчик как бы пошатнулся под всеми ударами и вместо

того, чтобы грозно противостоять им, он жалко заплакал. Экий нюня Майчик, и если это у него не от временной болезни, а по основному характеру, то он и правда Ладушки не стоит. Стоит или не стоит - скажет будущее, и сдаётся мне, что на Майчика уже издали веет кипучим морем, да не фантастическим, не химерным, а таким, от которого корабли гибнут, и которое, запертое запрудами, работает на людей.

Только что Майчик приехал в гостиницу, как бросился опять на улицу, в кафе, в самую толпу, и толкался среди моря чуждых людей, а толпа, благодаря Воскресенью, была огромная.

Думаешь ли Ты обо мне, и с каким сердцем думаешь? Ой, как буду ждать письма Твоего?

Долгою, упорною работой исправит Майчик сделанное им, и как совершенно неожиданно для себя заговорил он бегло по-немецки, так, быть может, выльется у него и другое.

Спешу отправить письмо, чтобы скорей дошло, а отправлю и буду жалеть, ибо захочется ещё писать. Я доволен, что нет ни Свиньина, ни Сулова; с тем, что внутри меня, надо оставаться одному и среди чужих. Поцелуй

добрую Ек. Вас. и не забудь Майчика, плывущего в дальнем море, а кругом волны-то какие!! Милая, добрая, славная. X)

X) Всё больше и больше представляется следующая комбинация, а что, если мне в Крым не ездить и прямо остаться в Париже, ибо, если Свиньин действительно ко мне расположен, то он и без меня похлопочет, а если он меня только обманывает, то и при личном свидании с в. князем он сумеет меня затереть в сторону. Не остаться ли прямо в Париже — выписать туда начатые картины и начать работать и штудировать, а то в Крым, а оттуда опять в Париж — ломка большая. Или вернуться мне в Питер за Тобою.

Словом, непременно напиши, что Ты об этом думаешь. Повторяю себе я не нужен, разве для себя хочу я карьеру.

Надеюсь даже ещё в Берлине получить Твой ответ.

Всё, что у меня остаётся, это Ты. Кажется, мой всегдашний псевдоним оправдывается, и я опять могу подписаться

Р Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/163. (лл. 1, 2, 7).

18 сентября/ 1 октября 1900 г.

Хроника

Академик М. П. Боткин и преподаватель Археологического института Н. К. Рерих заняты в настоящее время составлением по тем материалам, которые отчасти собраны покойным Д. В. Григоровичем, каталога художественно-промышленных произведений музея Императорского Общества поощрения художеств с отделом русских древностей. Предметы разбиты в каталоге по производствам и векам. Всех предметов в каталоге 12 тысяч.

Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 18 сентября /1 октября. № 256.

*([18 сентября] / 1 октября [1900 г.]. Берлин
Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой.*

*Берлин. Понед.
1 Октября нов. ст.*

Я сижу на террасе в зоологическом саду – ем. Тепло. Солнце. Несмотря на Понедельник, кругом [*зачёркнуто*] жизнь. Мне хорошо, и не хватает только Тебя. Будь Ты около меня, и я ни о чём бывшем не вспоминал, а глядел лишь в будущее. Мне кажется, что и мне, и Тебе за границей должно быть больше по душе, нежели дома. Здесь, мне сдаётся, личность более неприкосновенна, обилие жизни, обилие деятельности не позволяют врываться в личность и топтаться в ней. Раз Ты вежлива и деятельна, то здесь Тебя встретят безразлично, но без всякого глупого недоброжелательства, ибо уже достаточно усвоили, что места и дела всем хватит.

Мне также кажется, что при моих особенностях в живописи мне, пожалуй, легче здесь занять некоторое место, (*конечно временное до возвращения*), нежели дома, здесь уже ничему не поражаются и ничто никого не шокирует. Дома я сам себе много напортил, начав под Суворовским девизом «быстрота и натиск», и потом я закрылся неприменимой на земле вещью – «всё по-хорошему». И так как земля и жизнь только борьба, то ничего хорошего ни для меня, ни для кого не получилось. Итак, гнать «всё по-хорошему» и хоронить химеры.

Эх, если бы Ты со мною! Ведь и Тебя Спб. общество давит не меньше меня. Стоишь Ты всегда и везде передо мною. Увижу что хорошее – жалко без Тебя. Замечательно, что один, без моих семейных, я гораздо сильнее, а как только вблизи их, так всё пропадает и мне подвывают слюнявник. Написал им письмо, что больше не вернусь.

Сейчас около львов наблюдал странную сцену. (Не удивляйся, что на первый день я попал не в галереи, а к зверям, дело в том, что в Понедельник всё закрыто и я отправился бродить по городу и забрел к зоол. саду, где захотел есть и, увидав там ресторан, – зашёл). Так вот что я видел около львов. Их 3 клетки. В боковых по 2, - лев и львица, а в средней, на некотором меж ними расстоянии, один большой лев. Я подходил из-за угла и видел лишь крайнюю угловую клетку. В ней лев спал, а львица беспокойно ходила кругом и на всяком кругу останавливалась, упорно – вся вытянувшись, смотрела в одну сторону и протяжно рычала. Из-за угла ей отвечал такой же рёв. Я обогнул угол и увидел, что одинокий лев стоит, не шевелясь, и глядит на львицу и тоже рычит. Лев, бывший с львицей, спал и лишь при сильном рыке спокойно подымал голову – он был спокоен. Можно всячески толковать эту картину, но во всяком случае в ней было что-то обще-животное – человеческое и этот одинокий лев был мне близок.

Завтра съезжу в Дрезден. Ходил, ходил – всё чувствовал себя усталым, а вот как сейчас сел в N, так и ноги и голова затяжелели. Я буду этот приписывать за несколько дней, а отсылать вместе. Мне ужасно хочется, чтобы раньше всех я получил письмо от Тебя. Адрес знают и мои, и Зарубин, и Косоротов, но чтобы они Тебя не опередили. Как это всегда решительные вещи вдруг делаются, напр., мой долгий отъезд за границу ведь скомпоновался у меня чуть ли не в один день. Опять звучит: «Майчик, Майчик, что ты наделал». Прости меня, родная моя, если на Твою и без того чуткую и подавленную всякою пошлостью душу, я временно навалил ещё боль. Ведь ни одной неосновательной лжи я за собою не знаю. На всё я имел основание. На согласие матери надеялся я на основании её же разговоров, что она женитьбе не помешает. О 4000 я говорил, имея в виду 2000 от в. князя с места, о котором прошлою зимою Свиньин чуть ли уже не поздравлял меня, и 2000 от мамы, которые она теперь и будет давать. А что Ты привыкла ко мне – я рад, ибо ведь люблю же я Тебя, люблю больше, нежели Ты думаешь (так что иной раз даже старался маскировать) и отказаться от Тебя я *не могу*, я не в силах. Сколько бы ни пришлось ждать, я не узнаю другой женщины; - странно, мне противны они.

В будущем Ты уже не увидишь моих слёз можно быть, чем угодно, но не плаксивым, это в мужчине, действительно, жалко.

Всё хочу изменить почерк на конверте, да не удаётся, а попросить написать некого. Ох, как устал.

Уже вечер. Думал отправить по возвращении из Дрездена, но лучше пошлю завтра же. Что там, не Сикстинскую же Мадонну описывать.

Вот-то изумление! Меня нисколько не тяготит отсутствие русского языка, словно мне его и не нужно. Так что изо всей России мне лишь Тебя одну и нужно, и необходимо, и требовательно. А уж как нужно-то! – Тебе, небось, меня не нужно, даже рада пожалуй. Нет, нет, я шучу, знаю, что не рада! «Майчик, что ты наделал?» Как мы при Екатерине Васильевне поцеловались-то! И какой был хороший, чистый поцелуй, в нём как никогда раньше почувствовал я, *что* такое Ты для меня стала!

Так же опять целую

Р. Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/428, 4 л.

**3-4 Октября нов. стиль. [20-21 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin, Вторник. 11 час. вечера

Миленькая, славная, родная моя, сейчас вернулся из Дрездена и нашёл письмецо Твоё. Прочёл его и застучало у меня в висках даже – значит, моё предчувствие не обмануло меня, - Твоя записка пришла первою, всех опередила и Лада верит в меня. Значит, жить можно. Знаешь, я теперь одно из двух (никак не середина) или огромный сознательный подлец, или очень хороший, дело покажет, что я есть.

Отчего письмо пишешь уже в Париж. Я получил бы его в Берлине. Впрочем, надеюсь Ты уже получила моё след. письмо и на него отвечаешь в Берлин, ибо там вопрос срочный – *ездить ли мне в Крым.*

В Дрездене превосходно. Отдыхая в ресторане в парке, думалось мне: эх, если бы и Лада здесь со мною была, то-то бы было хорошо, то-то бы мы отбросили всю старую ветошь и начали бы новую жизнь. Эх, Ладушка, рискни! 2000 мамаша у меня не отымет, да Ек. Вас. чуточку даст, а на 6500 фр. при занятой жизни, право, можно в Париже прожить. Право, подумай.

Экая Ты хорошая, прислала Майчику записочку; - знаешь, что ему без Тебя худо.

С ужасом думаю, что скоро приедет Свиньин – теперь мне можно быть лишь или с Тобой, или одному, т. е. либо видеть, либо думать о Тебе.

Дрезденская Галерея произвела на меня хор. впечатление. Мне сдаётся, что самые мои национальные вещи будут написаны именно за границей. Как чувствую я теперь, сколько мне надо учиться и в художественном, и в социальном отношении, но это сознание не душит меня, а наоборот, толкает вперёд. Право, истинный националист, лишь прожив долго за границей, может быть действительно полезен отечеству. Сколько отсюда можно повывезти, но к горю вывозят-то обыкновенно, как вижу, не сущность здешнюю, а лишь мишурную внешность. Мне всё казалось, не праздник ли сегодня в Дрездене, ибо мы хоть и надели цилиндры, но существа этой жизни, отдающей праздником, не поняли, не поняли труда, и после него здорового отдыха.

Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks

Berlin, Среда. 4 Окт. н/с.

Сегодня был в Национальном Музее, и охватило меня какое-то новое настроение. 1) Я увидел, что искусство не лишнее, что им интересуются, это не то, что у нас. Здесь посмотри-ка, с 10 час. утра до закрытия целый день толпятся посетители и видно, что не все иностранцы, а много и здешних. 2) Мне страшно понравились многие картины. Напр., Борро Веласкеца, Бёклин... Впрочем, что же Тебе перечислять голые имена-то; эх, отчего Тебя нет со мною! Многие мои свежие впечатления пропадают - учились бы вместе. А то, как же это я буду знать больше, нежели Ты. Не хочу я чиновного места, не хочу заискивать перед Свиньиным и ему подобными, можно со временем стать куда выше всех – тогда принесут сами и чины, и всё.

Рискни, Ладушка! Поработаем в Париже, иначе Тебя тоже засосёт Петербург. В Петербурге мы все играем на личностях – нет, к чёрту их, будем держаться на почве дела. Не будем до поры до времени ни с кем знакомиться, ведь нам друг друга довольно. И потрудимся в тишине – мы много сделаем,

право, это не химера. Иначе, и я, и Ты много энергии тратим на тоску разлуки, на желание увидаться – вся эта сила должна тогда также пойти на поступательное движение.

Среда. 11½ час. вечера.

В сущности, у нас два пути: по которому хочешь идти? Один путь покойнее и глаже, но уже отдаёт пошловатостью, а именно: Ты будешь ждать, пока я добьюсь положения, а там, в конечной перспективе, всё-таки то же место; другой же, каменистее и бурнее, но ведёт выше. Дело в том, что при первом пути Ты всё же останешься для всех милой Лелеттой, Ляличкой, Лялей и прочими милыми понятиями, но эта роль вряд ли Тебе по душе, ибо в Тебе много самостоятельности и воли. У Тебя есть другая роль, а именно роль музыкальная; если Ты скажешь, что у Тебя недостаточно силы (физической), то скажу, что у Тебя столько чутья, что Ты можешь достигнуть выдающегося понимания некоторых избранных авторов и осветить их произведения по-новому – и тем стать на обособленное, самостоятельное место. Но для этого необходим некоторый риск, придётся так же, как мне, сломать нечто. Придётся на время отбросить милое общество и нырнуть в новую атмосферу. Я думаю, мы достигнем кое-чего, года в 3, 4 хорошей работы. Будем вести строгую, нормальную жизнь, будем укреплять себя гимнастикой. Первый путь – путь «места» от нас никогда не уйдёт, ибо до него в случае бессилия мы всегда продержимся – коли придётся скудно и плохо, и моя мамаша поддержит, ибо она плакала, провожая меня, и видел я, что любит она меня, положим, любит людоедски, но всё же.

В Париже мы никого не будем знать, ой, как хорошо это будет! Захоти, милая Лада, захоти именно этот каменистый путь, по крайней мере, впоследствии или среди известности и уважения, или у тихой пристани будет что вспомнить, и никто не скажет, что мы зарыли талант свой, каков бы он ни был – велик или мал.

Пиши об этом и обдумай это наедине в самом тайнике сердца. Только сердце может подсказать Тебе, как надо поступить; коли оно подсказало Тебе, что я не подлец, хотя по прописи могло выходить и так, то и здесь оно также не обманет Тебя. Первый путь вернее и покойнее, но он сравнительно только тёпл, и в результате только приятная теплота, а второй – или холоден или горяч, и если холод этот, как уже говорил я, в конце концов, всё же сведётся к средней теплоте, то могущий быть жар будет велик и согреет и нас, и многое, многое другое. Тот ли, другой ли путь выберешь – ближайший ход пока тот же: всё-таки я теперь еду в Париж, но в первом случае, оседаю там один надолго, мучаясь по Тебе, а Ты погибаешь в милом обществе; во втором же устраиваюсь так, чтобы можно было везти Тебя на нечто готовое. Приказывай, я жду.

Поцелуй Екатерину Васильевну.

Целую Тебя сильно и много; видно уж такая особенная линия наша!! ~~Пиши уже в Париж, но припиши~~, нет, лучше пиши ещё в Берлин, коли уеду – перешлют.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/334, 6 л.

*5 Октября нов. ст. [22 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin, 5 Окт. н/с.

Пятница, вечер, 7 час. после обеда. Сажу в читальне отеля, играет музыка. Накормили меня хорошо – но содрали дорого – целых 8 марок. Это ещё без вина. Ужасно хочется мне поговорить и посмотреть на Тебя, моя славная.

Почему-то непременно жду сегодня Твоего письма, даже до 9 час. не пойду из читальни, ибо в 8 час. приходит русский поезд.

Сегодня у меня какое-то беспокойствие по Тебе – всё ли благополучно?

Сегодня был со мной маленький инцидент на улице. Чтобы не носить с собою плана, я усвоил себе скверную, как увидишь по результату, привычку, - ловить первого встречного за фалду и добывать таким образом языка. Мне было нужно пройти к промышленному музею, но как попасть на ту улицу я забыл, да и раньше не знал толком. На перекрёстке остановил я первого встречного – оказалась дама и, как я потом заметил, очень красивая. Спросил её насчёт Музея, да и струсил, а ну как она меня за приставање да в полицию... Однако, вышло наоборот; к изумлению моя дама нисколько не сконфузилась и рассказала мне, как пройти, и сама вызвалась проводить меня – будто и ей тоже по дороге. Дорогою давай меня спрашивать кто я, откуда, зачем и пр. Она приняла меня за Норвежца, а никак не за русского (вот те и кровавый...). Услышав, что я русский, она словно бы обрадовалась – говорит, и я не немка, а полька. Только чем дальше мы шли и беседовали, тем подозрительнее она мне становилась. Затем начала спрашивать, был ли я в театрах, и начала расхваливать только опереточные театры, а затем спросила, что я делаю вечером. Тут уж я догадался, на кого я нарвался, и начал всячески изыскивать средства к отступлению. С великим трудом отвязался от моего проводника. Вот какая скверная привычка останавливать на улице, и что из неё может произойти.

Нет уж, лучше городских спрашивать. Здорово обошёл меня здешний портной, взял за жакетку 100 мар., а оказалось, можно было за 60 мар. получить. Очевидно, за науку везде платить надо.

Нет, всё ли у Тебя, Голубчик, благоприятно и хорошо, что-то мне беспокойно. Жду письма и от своих – ответа на моё извещение об отъезде и поселении в Париже - это письмо важное.

Завтра уже неделя, как я перестал говорить по-русски, да и вообще говорить, ибо разговор с кельнерами – заказ кушанья – плохой разговор. Берлин, собственно, я уже осмотрел, и меня уже потянуло к работе – так сегодня купил альбомчик и начал туда эскизики набрасывать. А и скучно же мне будет в Париже одному-то; ещё днём туда-сюда – за работой не заметно, а вот придёт вечер – что я буду делать? Идти в кафе смотреть безобразия – скучно, сидеть одному в 4 стенах – скучно, для работы уже устал – да скверно будет. Иногда мне кажется, что вдруг неожиданно откроется дверь и войдёшь Ты – ой, как бы бросился к Тебе, ой, как зацеловал бы Тебя. Нет, что же это такое, почему нет Твоего письма, на Понедельниковое моё письмо мог бы быть уже ответ.

Хотел бы просить Тебя передать Софье Павловне поздравление моё, но вспомнил, что ведь мы вместе более не существуем, теперь инкогнито. Господи, в каких-то только положениях не доведётся побывать, пожалуй, дойдёт и до переодевания. В наш-то прозаичный век – этакий романтизм. Нужно будет для финала ещё похитить Тебя и ускакать непременно на лошади (не на мотоцикле), а Тебя положить поперёк седла. Скверно одно, что замечаются городовые, а они романтизму как-то не соответствуют.

Какие здесь Музеи-то! – но смотреть я уже устал. Написал Зарубину длиннейшее письмо с различными вопросами, практическими до Парижской жизни.

Пиши, да не забывай майчика-то, на это письмо уже в Париж.

Поцелуй Ек. Вас. Кончил писать, т. е. говорить с Тобою, и стало очень скучно.

Милая моя Ладушка!

Отдел рукописей ГТГ, 44/330, 3 л.

**6 Октября нов. ст. [23 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

**Continental – Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

*Berlin, Суббота, 6 Окт. 8 час. вечера,
в гостиной отеля.*

Дорогая моя, родная моя, что же это и сегодня Твоего письма нет; ведь уже целая неделя прошла. Как мне сейчас худо и жутко стало. Всё ли уж благополучно? Право, если бы я мог, то сейчас пошёл бы в кабак, к женщинам или к чёрту – лишь бы от себя уйти. Ещё сейчас ничего – музыка играет, кругом народ, а вот приду в душный N, там-то каково будет? Ох, как бы необходимо было Твоё хорошее письмо; неужели Ты ничего не чувствуешь? Ведь на целую неделю прислать записочку в 5 строк – прямо безбожно. Знаешь, Ты мне прямо необходима, без Тебя я не могу, и если хватит у меня характера быть без Тебя долгое время, то организм, пожалуй, переломится. К сожалению, мы вольны лишь над волей, мы вольны заставлять себя, но за результаты ручаться мы не в состоянии.

Целую неделю пробыл без языка, без разговора – это не шутка! Особенно мне, привыкшему к непосредственному общению. Знаешь, что я сегодня надумал; я не буду хлопотать о продаже «Старцев» - даже наоборот. Я повторю моего «Гонца», поправлю «Старцев» и припишу ещё несколько так, чтобы получилась стройная следующая серия «Варяги» (на море), «Гонец», «Старцы», «Поход», «Вороны», «Праздник!», «В былом». Эту серию больших картин (Начало Руси) можно пустить сперва по Европе (найти антрепренёра), а затем и на Русь двинуть. Можно сразу имя сделать, тем более, что нынешние декадентские без содержания картины начинают надоедать. Сочинил сегодня два эскиза «Трубный звук», «Ожидание», один в голубом, другой в красном.

Всё это хорошо, всё это можно, но без Тебя тяжело! – впрочем, я любить не умею (говоришь Ты), люблю слишком мало... Как же это больше-то? Голову что ли о стенку разбить? Если бы Ты могла посмотреть, что у меня внутри делается!! Ради же Бога пиши; что стоит ½ часа в день пописать, особенно если знаешь, что это для кого-ниб. необходимо. Ради всего святого, пиши. Неужели и сегодня не получу?

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, 44/333, 1 л.

**7 Октября нов. ст. [24 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.**

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin 7 Окт. 1900 г.

Дорогой мой Голубчик Борюшка, пожалуйста, похлопочи о высылке мне вещей и отбери книги, которые я перечисляю в письме к Лиле. Повидай Зарубина - часа в 4-5 он бывает дома (4 Лин. д. 21. кв. 23) – и уговорись об укладке «Похода». Лиля мне пишет плохие письма, короткие и казённого содержания – пиши мне, пожалуйста, получше; забудь, что это письмо, а смотри на него как на разговор со мною. Также, если у Тебя являются какие-ниб. мысли и думы, то пиши их мне и советуйся со мною. Ты ведь уже большой и потому я говорю с Тобою как с большим. Оправдай эту мою надежду. Пожалуйста, учись получше, чтобы скорее сбросить эту обузу и начать настоящее дело. Смотри, сколько интересного кругом, если Тебе понравится архитектура, - то поедешь за границу и увидишь, какая это важная вещь, не то, что у нас, где что ни дом, то какой-то ящик. Смотри же, пиши мне откровеннее, всё что ни думаешь, я постараюсь понять это и помочь Тебе – в этом ведь родство и состоит. У Тебя есть большие способности, Ты должен это сознавать и потому стараться, чтобы они не пропали даром.

В свободное время можешь рисовать орнаменты с гипса, а показывать их можно Зарубину – он укажет, что и как, я напишу ему. Но только, чтобы уроки не страдали от этого. Надо учиться распределять время – ведь выдающиеся люди умели его хорошо распределять. Не забрасывай и языки, а главное, не делай из всего важного дела – всё должно быть просто и всё делаться с улыбкою. Сильному и способному человеку – всё просто. Видишь, я хочу с Тобою поговорить, может быть, и непривычно для Тебя, но серьёзно; относись и Ты серьёзно к моим письмам, чтобы мне не жалеть, что посмотрел на Тебя как на большого. На охоту много времени не трать, но напр. на лыжах по островам не худо побегать.

Сейчас я был в Зоол. саду здесь; Господи, и народу же там, точно целый город собрался; за границей живут здоровее и полнее, нежели у нас. Надо бы, чтобы весной мама ко мне пустила.

Ну, целую Тебя крепко-накрепко и жду Твоих хороших писем. Теперь уже в Париже. Поцелуй Володю, пусть он Грызовым и Песецким не очень увлекается – есть что получше этого.

Очень люблю Тебя Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/127, 1 л.

*8 Октября нов. ст. / [25 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks

Berlin, уже Понедельник, 8 Окт.

Ладушка, мучительница; да ведь это Бог знает что, не писать больше недели. Сегодня мне уже всякие скверные мысли полезли в голову. Две главные: 1. Уж не запретили ли Тебе писать мне? 2. Уж не больна ли Ты? Не заболели ли глаза Твои? Я должен непременно знать, что с Тобой делается, иначе я прямо потерянный человек. Вот и теперь сижу в N и вздрагиваю при каждом мимо идущем – всё кажется, не письмо ли? Если бы я имел Твоё письмо, то как бы я хорошо себя чувствовал.

В Париже непременно займусь водолечением у Маньяна, ибо чувствую себя всё-таки очень разнокалиберно, сегодня худо, а завтра бодро и сильно. Ещё единственно, чем я себя утешаю – это что Твои письма лежат в Париже и что всё благополучно. Я уже устал смотреть – собственно говоря, уже можно и работать. Пересочинил первый план «Похода» – этак-то получше будет... Нет, не могу писать Тебе донесения и описания. Сравнительно с тем, что у нас теперь происходит внутри – всё это мелко. Я думаю, над Тобою подсмеиваются теперь; наверно, подсмеиваются и это налагает на меня ещё бдльшую ответственность. А меня-то небось поносят! – с грязью мешают; ну пускай позабавятся. Когда я выхожу к обеду и вижу обедающих мужчину с дамой, да в особенности весело разговаривающих – мне становится страшно завидно и обидно. Впрочем, я ведь не умею любить! Обожду отправлять до вечера, авось ещё что-нибудь от Тебя получится.

Вторник 9-го. 8 час. утра. Это, наконец, из рук вон! Что же это, наконец, Ты хочешь меня больным сделать. От сестры получил письмо – казённое-преказённое; ну да, она за это получила от меня достаточные кнуты, ибо, отвечая ей, я вложил ещё (туда же) незапечатанное письмо к Борису, очень тёплое и хорошее, в котором просил его, так как Лиля, де, не умеет писать хороших сердечных писем, то, чтобы писал он, да смотрел на письмо не как на донесение и рапорт, а как на разговор со мною. Ведь иногда письмо, составленное из, на первый взгляд, совершенно незначительных, но тёплых слов, действует гораздо лучше, нежели описательное, чуть не в фельетон ростом. Впрочем, всем моим как-то незнакомо всё сердечное, всё необъяснимое словами, которое надо брать чутьём. Одна надежда на Бориса, он художественнее их, авось хоть в нём не обманусь. Ой, Ладушка, ой, моя милая, если б Ты могла чувствовать как я мучаюсь без письма Твоего! В Тебе в первой нашёл я отклик себе, отклик именно тот, какой ищу я. Я не считаю начального разговора при нашем прощании; он был не Твой, это было навеянное, ибо это была речь только рассудка, а сердце Твоё (какое у Тебя оно сильное) всё время говорило Тебе иное. Доходят ли до Тебя письма мои? Я отдаю опускать их швейцару, уж отправляет ли он их; ведь уже отправлено от Берлина 5. И ни одного от Тебя! Ведь знаешь, что майчик одинок совсем, ведь знаешь, что у меня на душе не легко и заставляешь повторять почти одно и то же вот уже в 3-м письме. На всякий случай сейчас отправлю телеграммку, может быть и впрямь письма не

получены, хотя к Косоротову ведь дошло уже, и он уже ответил, Зарубина я не виню, ибо просил его в Париж писать, а Тебя ведь в письмах упрашивал дать письмецо в Берлин; нет, что же это такое??

Вчера на ночь я должен был уже капли принимать, иначе не заснул бы.

Если я сейчас отправлю телеграмму, то письмо может сегодня вечером пойти и быть в Берлине в Четверг утром. Миленькая ведь Ты у меня одна, ведь я люблю Тебя, страшно люблю. Я писал Тебе

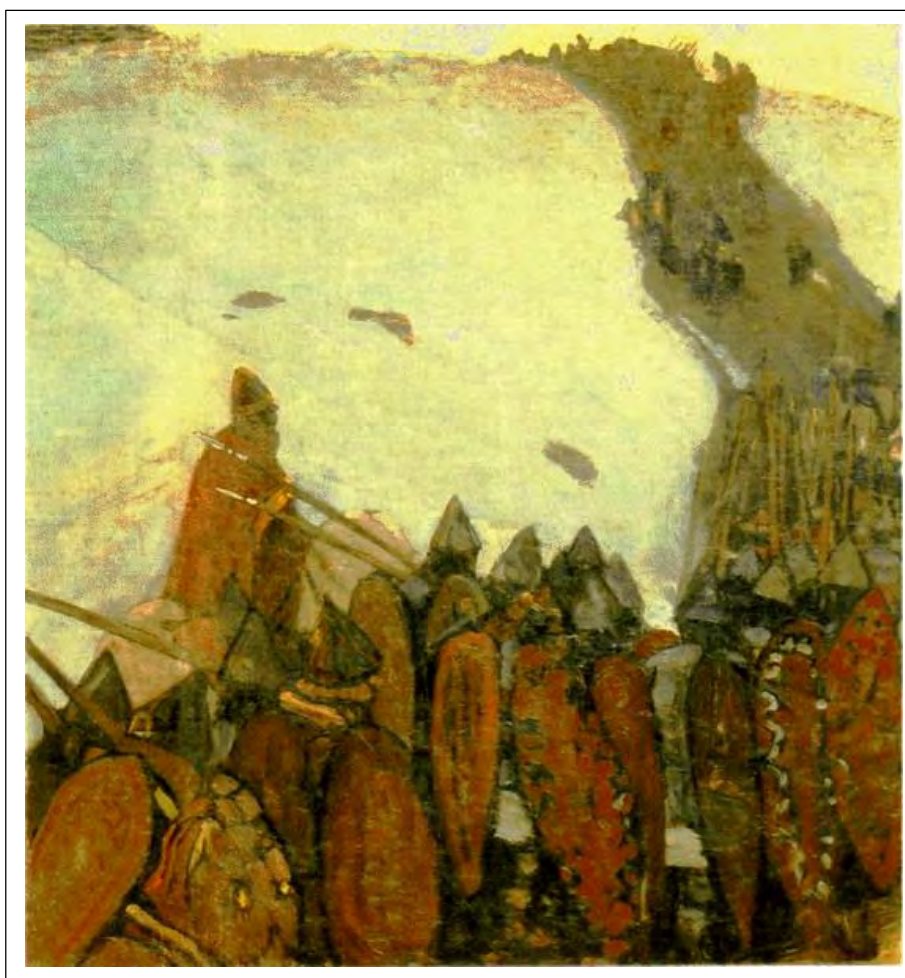
Ради Бога, [напиши] хорошее и большое письмо.

Перед Богом весь Твой

Н.Р.

Пожалуйста, поцелуй Ек. Вас. Уж здорова ли Ты? Право, «мои» – странные люди; они с таким спокойствием приняли моё известие о том, что я не вернусь, что мне, право, даже смешно.

Отдел рукописей ГТГ, 44/331, 2 л.

Н.К. Рерих. За Родину. Рать. 1900.

«Пересочинил первый план «Похода» – этак-то получше будет...»

НА ВСЕМИРНОЙ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1900 г. ¹

26 сентября / 9 октября 1900 г.

ХРОНИКА

Сторонний

Заметки о художестве

Итоги успехов русского художественного отдела на Парижской выставке подведены и сбалансированы журналом «Мир искусства». Можно ли придавать этому серьёзное художественное значение?.. Судите сами: остались за флагом Виктор Васнецов и Илья Репин; возвеличены наградами гг. Энкель, Гебгардт, Панкевич, Вейсенгоф, Герсон, Ясинский, Кендзерский, Леви, Симберг, Пеховский, Мордасевич... и ещё столько же других, — имена же их Ты, Господи, веши. Короче сказать: *à bas [долгой (фр.) – ред.]* Васнецов, провалились Репин, да здравствуют Мордасевич, Симберг, Леви и компания!

Вот что значит — «век живи, век учись!..» А мы-то в простоте душевной воображали, что Виктор Васнецов с Ильёй Репиным - великие богатыри земли русской.

К такому же прискорбному заблуждению надо отнести и бывшее увлечение молодым и многообещающим художником И. Рерихом, одна из картин которого красуется даже в Третьяковской галерее. На Парижской выставке была его большая картина «Сходятся старцы». Сколько помнится, в своё время она была отмечена здесь, в Петербурге, единодушными похвалами печати - теперь же потерпела фиаско наравне с творениями Васнецова и Репина. «Ну можно ли так явно попадаться впросак?» - сказал бы по этому поводу на своём хлёстком языке торжествующий редактор «Мира искусства», - если бы и сам не был отчасти повинен в подобном же «просаке». Нам известно, что он радушно приглашал г. Рериха к участию в выставках журнала. Хорошо, что тот не пошёл на такое приглашение. Иначе что стал бы теперь делать с ним, забракованным, осыпанный парижскими почестями кружок?!.. *Shocking! [ужасно (англ.) – ред.]*...

В утешение г. Рериху можем сказать только одно: лучше остаться за флагом наравне с Репиным и Васнецовым, чем войти в ранг торжествующих Мордасевичей и Симбергов...

Мы не видели картин поименованных награждённых художников и готовы верить строгости и нелицеприятности парижских... виноват, — находившихся в Париже судей. Но что же из этого? И. Е. Репин случайно фигурировал на выставке с своими наименее значительными работами, а г. Малявин - с наиболее удачными. Картина г. Врубеля повешена на выгодном месте, - а Рериха поместили где-то на задворках. Можно ли из этого заключить серьёзно, что гг. Малявин и Врубель выше Репина и Васнецова?

Пора бы сдать в архив такую «лавочную» оценку искусства. Что хорошо для «коньяка Шустова» или «сапожных изделий купца Семибрюхова», то совершенно не идёт к отрасли высшего искусства. Купец Семибрюхов налепил свои медали на вывеску - и это никого не шокирует. Но если этим же самым начинает промышлять журнал, претендующий на звание художественного, да к тому же ещё и передового в искусстве нашего времени, то...

Новое время. 1900. 26 сентября / 9 октября. № 8830. Воскресенье.

¹ Всемирная выставка 1900 года проводилась в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 года. – Ред.

*9 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Berlin, Вторник, 9-го Октября.

Дорогая Ладушка, сейчас получил Твою телеграмму. Ну и расчётлива же Ты стала на письма; ведь в Париже то письмо, которое Ты отправила на другой день после полученной мною записки, а с тех-то пор прошла уже целая неделя. Неужели за неделю не нашлось о чём потолковать со своим майчиком. Или там несколько писем лежат? Почему Ты не хочешь в Берлин прислать? Сегодня читал фейлетон Стороннего (в Воскресенье); прочти его. Темы «мирного забвенья» и женской миссии очень мне близки; хорошо, что он написал об этом. Самим изложением я не очень доволен, есть длинноты, есть неудачные места, но в общем просто и сносно.

Сегодня я почти весь день провёл в парке Тиргартен'а (читал запрещённые русские книги, я их тут накупил. Правда, в «Воскресенье» хорошо церковная служба описана? Ведь у Тебя оно от Степана было?). Сидел я одиноко на укромной скамейке, и вдруг на меня налетает целая ватага детишек, чистеньких таких, славных. Налетели, стеснили меня в самый угол, уселись как воробьи на жёрдочке – щебечут, смеются, заглядывают (я как раз писал письмо Коротову), что я такое пишу. Мне так захотелось заговорить с ними, но побоялся, что стесню. Сегодня я чувствую себя не совсем важно – какая-то усталость.

Странно, вот совпадение! Вместе с Твоей телеграммой получил я телеграмму от моих, поздравительную к 27-му; оказывается, обе телеграммы отправлены в одно время. Я думал, что в Твоей телеграмме будут ещё два слова «письмо идёт», а их-то и нет. Так что, неужели за всё время в Берлине я уже ничего не получу? А ведь за это время у Тебя должно быть много нового. Как же самочувствие? Частое появление моих писем как принимается? Интересно, как отнеслись тётушки к отказу? Уж Ты напиши об этом. Чувствуй – во вторник 8 час. 15 мин. веч. Целую Тебя, мою славную, светлую Ладку, целую крепко и живу только Тобою.

Н. Р.

Екатерину Васильевну целует Твой майчик.
К рождению сделай подарок – напиши письмо.

Отдел рукописей ГТГ, 44/332, 1 л.

*9 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Дорогая моя Ладушка, сегодня мне исполнилось 26 лет и я особенно рад, что именно в этот день пишу Тебе такое письмо, которым и Ты, вероятно, будешь довольна. Я много сердился на Свиньина, за его чрезмерное опоздание, но в результате даже доволен, ибо эти два дня я много ходил по парку и обдумывал разные, как кажется, не худые вещи. Ведь до изумительности всё случается к лучшему; то, что случилось у нас, уж на что сдаётся, неприятным и худым, а как подумаешь, и оно даже очень хорошо. Посмотри, что бы вышло из того, если бы всё было самодовольно благополучно, если бы я получил место теперь же, и всякое прочее – вышло бы на внешний вид очень хорошо, а в сущности, очень плохо. Невидимыми бы шагами, неосязаемыми бы проводами мы стали бы приковываться ко всегдашней, пошловатенькой жизни и, лёжа на полу, воображали бы себя плывущими по морю; продолжая говорить о каких-то стремлениях и задачах, о какой-то индивидуальности, мы медленно бы погружались в тёплую, зеленоватую кашу и наконец, задыхаясь в ней, мы почувствовали бы неприятную истому. Мы дошли бы до того, что вся окружающая нас жизнь действительно показалась бы нам целесообразною, а милые люди в орденах и с ключами на фалдах – важными и деловитыми. Всё бы это так и случилось, но видно нам суждено другое. Действительно, правду говорили люди, называвшие меня пустомелей, но только я был пустомелей не в их значении.

Я был тем пустомелей, что размахивая руками (на манер мельницы), вращая глазами и даже с плачем – всё же шёл за всеми, и какие-то винты начали хлябать и так, как я сам не думал их завинчивать, то окружающие собрались уж было закрепить их на свой манер. И вот, не бывать бы счастьем, да несчастьем помогло. Т. е. в сущности и несчастья не случилось. Несчастье было бы, если бы Ты (вопреки своей натуре) взяла прописные мерки и ими измерила всё случившееся. Но Ты не такая, вопреки фактам, сердцем почуяла Ты, что тут происходит нечто неестественное, болезненное, временное – Ты опять поверила мне и тем дала мне новые силы на новом пути. А путь будет новый и только бы крепость душевная и телесная – а ничто не собьёт с него.

Странным образом всё то, что ещё так недавно казалось мне важным и непреодолимым, теперь стоит где-то далеко, как японские боги, издали, делаю бессильную страшную гримасу. Кругом же меня безучастные спокойные лица, нет на них ни злобы ко мне (которую мне так трудно было переносить), нет на них и участия ко мне (которого мне не надо), – и это округляет меня, но округляет не так, чтобы шлифовало выдающиеся части мои (как было бы поступлено со мною в СПб.), а наоборот, мои рогульки оно дополняет до шара. Теперь работа и только работа; только она одна и может помочь, а эти партии, эти личности и всё такое, только по близорукости можно им верить.

Только работа может создать такое положение, когда никто за панибрата по плечу не потреплет. Это время я внимательнейшим образом проследил работы выдающихся (внепартийных) художников всяких; я старался уяснить, как они шли, как они формировались... Слава Богу, мне кажется, моё время для такой же дороги ещё не ушло, а оно бы ушло наверно, если бы всё вышло «похорошему», - экой глупый принцип и даже Христианского-то в нём нет, ибо ес-

ли бы всё по-хорошему, то как бы Христу выгнать торгашей из храма? Вот на какую дорогу привело меня общение с Тобюю.

Теперь Тебе ещё яснее должно быть, насколько мне дороги Твои поцелуи и ласки, но насколько мне важнее сознание Твоего «я», такого чистого и цельного, в котором окружающая пошлость может только угнетать нервы и производить физическое страдание, но внутренней существенной брешки она сделать не в состоянии. Иногда Ты как бы решаешься идти под средний уровень, но как только приближаешься к устью его, так теснота входа давит Тебя, и Ты занемогаешь.

Как мне вытащить Тебя на твою воду? и как бы это сделать скорее? – вот в чём моя теперь задача.

Мне без Тебя трудно, но я знаю, что найду силы жить Тобюю и вдали от Тебя. Это бы, т.е. сама разлука, ещё ничего, а вот другое-то похуже: как бы Ты, моя хорошая калинка, не сломалась? Калина хорошее, прочное дерево, но стоит его, знающе, вымочить, да связать, и оно сохранит какое хочешь, даже самое уродливое и гнусное положение. Твои домашние сознательно этого не сделают, Ек. Вас. инстинктом любви почувствует, какую боль она Тебе причиняет, но ведь и они сами находятся под общим прессом общественности, условности и прописей, и винить их за это нельзя. Вот почему мне хочется так иметь Твои сообщения о душевных Твоих настроениях, а не фактовые, которые имеют лишь общий интерес. Но Ты редко допускаешь меня в своё «я» - и никого не допускаешь, а между тем, искорки Твоего «я», видишь, сделали во мне какую хорошую перемену (утверждаю, без стеснений, что прямо-таки хорошую).

Без Тебя этого бы не могло быть, Ты дала мне те необходимые островки кожи, чтобы залечивать мою больную поверхность, ибо когда меня ломали и гнули в разные стороны, то хотя ствол ещё и не надломился, но кора уже во многих местах лопнула и отскочила. Без Тебя бы и ствол сломался, и его обтесали бы и сделали из него обструганную оглоблю для таратайки нашего чиновничества и пошлости.

Вот за что спасибо Тебе нерушимое, крепкое!

Тобюю, только Тобюю посмотрю я на окружающих женщин без скверного желанья; Тобюю, только Тобюю не обращаю я внимания на мнения случайных прохожих. А эти случайные прохожие, как ни глупо, а играют большую роль в нашей жизни. Возьмём хотя бы Твою нервность в музыке; - разве она не в зависимости от этих прохожих, да ещё не только случайных, а обычных, что ещё гораздо хуже. Для некоторых сонливых людей игра в перегонку полезна, но для людей у которых нервы и без того шалют – она прямо вредна. Я уже Тебе писал из Берлина да и ещё напишу, что, по-моему, Ты можешь достичь очень выдающегося в музыке в передаче сущности вещи (сила, на отсутствие которой Ты напирал, тут ни при чём). Штудировать же передачу можно лишь в тишине внутренней, а эта тишина наступит у Тебя лишь, когда Ты уйдёшь от всех Гольцапфелей, Боровок и всего прочего к людям совсем незнакомым, в чужую жизнь, где Ты почувствуешь себя вне своей личности и только в области дела. Ведь в нашей Петербургской жизни мы были совершенно лишены возможности всяких проб, ибо результаты новых проб вовсе не всегда положительны, социальное же положение нашей личности требовало только всего положительного, т. е. исключало пробы и попытки.

А без этих разнообразных попыток ничего не может создаться. Подумай над этим соображением, милая.

Вон нервы-то у Тебя какие! – надо ведь им создать подходящую рабочую атмосферу, а работать-то Ты любишь и умеешь. (Обыкновенно наши дамы не умеют). Как экзамены вышли?

Ой, как хорошо чувствовать мне и сознавать Тебя. Пусть всё – химера, но это чувство не химерно. А впрочем, если хочешь, всё химерно: и Бог химерный и правда химерна и всё хорошее – тоже химерно. Это с какой стороны посмотреть!

Меня очень радует, что чувство к Тебе, которое я сейчас поминал, стоит во мне отдельно от страсти. И страсть есть и большая, но я думаю, она – ничего, это дело нашей природы; лишь бы страсть была честна. Не скрою, как часто хочется мне целовать Тебя, как хочется мне гладить руку Твою и крепко, очень крепко Тебя обнимать. Я думаю в этом ничего постыдного нет, и скрывать это не надо.

Милая, родная моя Ладушка, как-то Тебе там? Хочется ли обнять майчика своего?

Я доволен, что именно сегодня написал Тебе такое письмо; я рад, что вступаю во вторую четверть моего века с именно такими мыслями. Если Ты дашь этим мыслям вырасти – славно будет.

Напиши подробно и совершенно откровенно какие мысли вызовет в Тебе письмо это; Тобою я хочу проверить себя. Не откладывай писанья – пиши непосредственно.

Пиши моя милая, пиши моя хорошая! Эти дни такая тут теплынь, такое солнце; дай Бог, чтобы наконец и у нас на душе так же светло стало. Крепко целую Тебя! – Среда, 27, 9 час. 15 мин. веч. – чувствуешь? Весь Твой

Майчик

Поцелуй Ек. Вас.

Тебе уже наверно скучно и читать-то стало, а мне всё хочется писать Тебе. Хоть бы раз написала Ты мне письмо страниц в 10-12.

Вот теперешний ответ напиши такой длинный. За отсутствием Твоих писем, мне несколько раз хотелось хоть старые почитать, но, чудно, всё ещё не могу смотреть на них. Совершенно новое чувство для меня, но что-то щемит грудь и я должен скоро сложить их в чемодан. Я думаю это пройдёт после нескольких Твоих новых хороших писаний; верно, это от боязни, что вдруг Ты без меня изменишься и я больше не найду той Ладушки, которая мне так хорошо писала. Сегодня я опять много о Тебе думал, и вот к вечеру уж совсем скучно стало. Встал бы я перед Тобой на колени, целовал бы руки Твои *[далее 7 строк зачёркнуто]*.

Когда Ты будешь читать эти строчки, что: неприятно ли сморщишься? засмеешься ли? или и у Тебя сильно забьётся сердце и что-то начнёт в груди подыматься и захочется, чтобы я был близко Тебе? - *я же пишу их и чувствую*, как во мне дрожит что-то. Сейчас оно хорошее. И тут ясно насколько всякий факт сам по себе ничего не значит; само по себе это чувство ни худо, ни хорошо, но если я люблю Тебя и оно по отношению к Тебе является – оно хорошо, а если я бы думал, что люблю Тебя, а думал так ещё о другой какой-либо женщине, ой, как худо это было бы и как мерзко.

Боюсь перечитывать, что такое написал я; - пожалуй, почтальон откажется нести такое письмо, но мне слишком хочется говорить с Тобой. С кем же мне говорить, чтобы так приятно дрожало на сердце? Кто же мне близок?

Когда я прислал посыльного вместо того, чтобы самому приехать, Ты уличила меня в трусости, но это не трусость была. Если бы Тебе стали делать операцию, резать Тебя, разве бы я остался в комнате – нет, я ушёл бы рядом. Не из трусости, а из желания думать, что там всё хорошо обошлось. Это какое-то сложное чувство, которое объяснить я никак не могу. В жизни никогда я не мучился так, как когда Ты начала мне говорить о возврате писем. От меня оторвали что-то самое мне дорогое, самое мне милое. Ах, как больно это было. Но теперь эта боль покрывается фразой записки, которая всегда со мною: «верь в свою Ладу, не обманет она Тебя».

Верю, буду верить и верю этой жить буду.

Уже и этот листок весь. Когда запечатаю, мне так одиноко станет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/258, 9 л.

**9 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Телеграмма Н.К. Рериха – Шапошниковой Е.И.**

ТЕЛЕГРАММА

Пбг. Лиг 19 кв 2. Шапошниковой

09. 10. 1900

JDOU P1SSMA BERLINE. NICOLAS

Отдел рукописей ГТГ, 44/168, 1 л.

[11.10. [н.с.] [28.09.- .ст. ст.] 1900 Berlin]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Марии Васильевне.

Конверт с адресом. На штемпелях даты: 11.10.[19]00. BERLIN. 1.X. 1900. С.ПЕТЕРБУРГ

Russland. S. Petersburg. Петербург. Васильевский Остров. 16 линия, д. № 15.
Ее высокородию Марии Васильевне Рерих

Чтобы мама сама читала, потому крупно.

Милая и хорошая Мама,

Ваше письмо меня ужасно порадовало, мне было особенно приятно, что Вы сами его написали. Только уничтожать его я не буду – ведь всё равно его никто у меня не увидит - мне будет приятно иногда перечитывать его. Я вижу из него, что Вы меня всё-таки любите, то есть, значит, возможны те хорошие родные отношения, о которых я всё время мечтаю; отношения, в которых суть

не в официальных заботах друг о друге, а именно в том неуловимом, сердечном, которое и проглянуло в этом Вашем письме.

В Вас есть это сердечное, но оно было много лет подавлено сухим формализмом, который делал несчастною всю нашу жизнь. Я говорю это не в осуждение Покойному; это была не его вина; быть может, он и сам чувствовал этот болезненный недостаток своей природы и даже сам, может быть, мучился этим. Ему надо простить это и молиться, чтобы ему было Там хорошо.

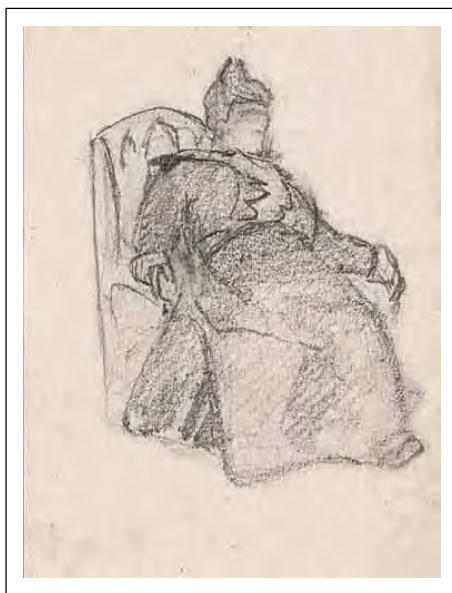
Вы меня всегда упрекали в недостатке любви, но так ли это? Как я всегда мучился, что вместо настоящей любви приходится ограничиваться подачею пепельницы... А где же была та душевная откровенность, где же было то необъяснимое тёплое, что присуще настоящей любви, которое только и тепло и прекрасно в нашей теперешней жизни. В этом неуловимом и тёплом, которое даже не говорится, а только чувствуется, заключаются все пять главнейших заповедей Господних – значит именно в этом и есть земное Царство Божие.

При этом взаимном отношении вытекает: что человек не только не должен убивать, но не должен гневаться на ближнего; не должен никого считать ничтожным “рака”, а если поссорится с кем-либо, то должен мириться, прежде чем молиться. Не должен не только прелюбодействовать, но должен избегать наслаждения красотой женщины, должен раз избрав её, никогда не изменять ей. Не должен клясться. Должен прощать обиды и не должен ненавидеть врагов. Как ни кажутся неисполнимыми для нас эти заветы, но в семье они прежде всего достижимы. Вот почему семья везде и во всём святее всего. И как это не трудно достичь, лишь бы любить друг друга. Недаром “дети любите друг друга” повторял Иоанн. Надо выкинуть всю условность, чтобы всё вытекало из сердца, а не из холодного ума. Вот на какие мысли навело меня письмо Ваше. Вы и ещё пишите мне, пожалуйста, только я их не разорву, ибо они мне очень дороги. И я Вам буду писать так, чтобы вы сами читали.

К работе у меня теперь большой подъём. Напишите мне в Париж. Целую Вас, милая Мама, крепко и очень люблю Вас.

Николай.

Отдел рукописей ГТГ, 44/464, 4 л.

Н.К. Рерих. [Портрет матери]. 1900. Рисунок.

ПАРИЖ

«В 1900 г. Рерих едет в Париж, где у другого своего учителя Кормона, крупного мастера рисунка и композиции, приобретает ту полноту власти над формой и то совершенство рисунка, которых ему не хватало. и который можно назвать, в особенности в исторических полотнах, «реализмом легендарным». В Париже Рерих навсегда устанавливает свою художественную манеру, свой творческий метод, который – в отличие от «непосредственного реализма» - Эрнст называет «реализмом стилизованным»

Рерих ищет и находит любимое родное прошлое, магически-волевой силой любви таланта воскрешая в нём то, что нужно нам для созидания настоящего и будущего. Отсюда прошлое изображается возвеличенным, «художественно-усиленным в своей значительности», в своих существенных, непреходящих элементах, ибо оно – необходимый конструктивный элемент значительности и величия настоящего и будущего». (В.А. Шибяев. «Н.К. Рерих». Рига. 1935 г.)

**11 Октября [нов. ст.] [28 Сентября ст. ст.] 1900 г., Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

***Hôtel de Bourgogne.
Rue de Bourgogne.
Paris***

11 Октября. 6 часов вечера

Милая, родная моя, сейчас получил письмо Твоё – оно меня убило совсем. Господи, разве могу я думать о мести, об обиде – когда Ты для меня – всё. Что с Тобою? Родная моя, не болей! Разве я Тебе писал худые письма? Разве письмо от 27 Сент. не сказало Тебе многое? Ведь только Тобою живу я!!! Что эти дни не пишу, то только потому, что и Свиньин и прочие мои спутники рвут меня на части и не дают возможности взяться за перо. Не отнимай у меня хоть остаток веры. Когда я прочитал письмо Твоё, у меня просто голова закружилась и заглодели руки.

У нас тяжёлая участь, не дай же обстоятельствам восторжествовать! Силы и силы! Письмо об отъезде было кратко, ибо у меня опять сидел Свиньин, который чужих интересов не признает.

У меня теперь страшное время; надо устроить всю жизнь. Надо мастерскую, надо весь режим выстроить. За Тебя болит моё сердце. Найди силы в музыке. Разве Ты можешь допустить, чтобы я отнёсся к Тебе небрежно?

Сегодня даже не мог удержаться и хотя очень смутно, но поговорил о Тебе с Фроловым.

Бедная Ты моя! Господи, неужели Ты захвораешь? Радость моя, жизнь моя – тогда мне ничего не останется.

Если бы знали все те многие люди, что сидят около меня в настоящую минуту, о чём и кому я пишу. Все кричат и зовут меня к столу, а разве могу я в таком состоянии есть, и думать и говорить о чём-либо.

Ради Бога, хоть коротко пиши мне.

Целую Тебя и живу Тобою.

Н.

Отдел рукописей ГТГ. 44/282. 2 л.

**29 сентября [ст. ст.] [12 октября нов.ст.] 1900 г., Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Недобрая, нехорошая Ладушка!

Пойми Ты только, как мне тяжело было получить Твоё письмо сейчас, после моего отправленного 27-го. Пойми же Ты, что мне больно это. Твои холодные «очень жалко», «сам виноват» и пр. прямо мне жгли глаза. Ну хорошо, Ты готовишься к экзаменам - я понимаю, но всё же написав Тебе, когда во мне всё дрожало внутри, получить такую записку — как-то жутко становится. Неужели на Тебя уже успели так повлиять за это время? Как мне сейчас неприятно!

Весь Твой

Н.Р.

29-го Сент.

Хотел пожелать Тебе к экзаменам всего доброго, да вспомнил, что могу это сделать только мысленно, т. к. письмо придёт позже.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/164, 1 л.

12 Октября [н.с.] 1900 г.

ТЕЛЕГРАММА Н.К. Рериха - г-же Шапошниковой

ТЕЛЕГРАММА

Принята 12.10.1900
СПб., Лиговская, 19
Г-же Шапошниковой

P1SMO POSLANO ISYESTITE SDOROVII OTCHEN BESPOCOUS
DOUMAU O VAS = NICOLAS

Отдел рукописей ГТГ, 44/165, 1 л.

12 Октября, 1900 г., Париж.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

12 Окт.

Милая моя, и родная моя.

Сегодня я весь день сам не свой. Что-то с Тобою там делается? Здоровая ли? Утром не удержался и послал телеграмму, ответа ещё нет. Как скверно писать самому дорогому для меня человеку на дворе отеля среди безобразного шума и грохота экипажей. В комнате же писать и того хуже, ибо даже стола порядочного нет и хотя мы и занимаем впятером пять комнат, но они больше похожи на курятники. Самочувствие у меня неважное, голова тяжёлая, а тут Свиньин пристаёт, чтобы я его проводил до Вены и, пожалуй, это придётся исполнить. А мне сильно не хочется. Мне до невероятия беспокоино о Тебе. Если бы я мог, вырвал бы Тебя сюда в Париж и как бы мы зажили здесь хорошо. –

Вдали от всех; нас бы никто не знал и мы бы никого не ведали. Воображаю, что Тебе приходится переносить это время.

Бедная Ты моя! Только как же это Ты допустила мысль, что я не писал Тебе потому что не хочу.

Если бы Ты знала, сколько мне приходится переживать за это время – прямо ноги отказываются ходить, а голова мыслить. Жду когда разъедутся мои спутники и возьму себе мастерскую. Я жду этой минуты, но в то же время и боюсь её, ибо остаться одному в 4-х стенах при мысли что любимому человеку где-то нехорошо – слишком тяжело. Напиши же мне хоть раз обстоятельно страниц на 6 не меньше.

Вот меня уже опять тащут... Целую Тебя крепко и жду письма.

Милая моя, хорошая – неужели Ты меня ненавидишь? – за что?

Отдел рукописей ГТГ, 44/283, 2 л.

30 сентября / 13 октября. 1900 г.

ХРОНИКА

И. Репин

Письмо в редакцию

М[илостивый] г[осударь], г[осподин] редактор.

По поводу наград на настоящей Парижской выставке за наше искусство, разнятся неверные толки и проникают в печать, иногда даже в таком небрежном виде, как, например, «Заметка о художестве» г. Стороннего в «Нов. врем.» № 8830, с тенденциозным перечислением имён «Пеховских», «Мордосевичей» и мн. др., получивших-де награды, тогда как имена - Васнецов, Репин и Рерих — «остались за флагом».

Находясь более месяца в кругу жюри по живописи, состоящего из выдающихся художников всех национальностей, я имел случай наблюдать близко непосредственное впечатление от наших картин на маститых мастеров всего света. Впечатление это меня очень радовало. Оно было веско, особенно общим уровнем, так как главные силы наши были представлены далеко не лучшими своими произведениями.

В одной из зал выставки, каждое утро, исключая воскресные дни, собирались члены жюри, в числе около 45 человек, и ровно в 9 часов заседание бывало уже открыто. К делу присуждения наград относились судьи чрезвычайно добросовестно и с большим пониманием предмета. Для получения награды условлено было большинством не менее 27 голосов. Члены жюри награде не подлежали.

В русском отделе (исключая поляков и финнов, выставленных в особых залах) — высшую награду получил В. А. Серов, за портрет великого князя Павла Александровича — 45-ю голосами. Следующую награду 1-ю медаль (золотую) получили: Ф. А. Малявин, за картину «Красные бабы» — 42-мя голосами, и К. А. Коровин, за декоративные панно-пейзажи в сибирском павильоне — 40 голосами.

В эту же баллотировку В. М. Васнецов и В. Е. Маковский получили за свои картины по 23 голоса. Я был очень огорчён недостатком 4-х голосов для получения ими золотых медалей. Председатель Жером сердечно принял мою сторону. Сначала хотел понизить количество избирателей до 23-х, но это в большинстве не прошло. Тогда он устроил перебаллотировку, но и она не дала должного количества голосов. Посоветовавшись с гр. И. И. Толстым, бывшим в числе судей по скульптуре, я попросил секретаря нашего бюро снять имена В. М. Васнецова, В. Е. Маковского и В. Д. Поленова с баллотировки на 2-ю медаль (серебряную), находя эту награду ниже их достоинства.

Серебряных медалей нашим художникам присуждено 18-ти именам.

Картина г. Рериха не посчастливилось; по недостатку голосов за неё она не была внесена на баллотировку даже 3-й (бронзовой) медали. По правилам, 10 поднятых рук давали право баллотировать вещь — за Рериха поднято было только три руки. Я остался за флагом потому, что как член жюри считался вне конкурса.

Россия. 1900. 30 сентября / 13 октября. № 515. Так же: Мир искусства. 1900. № 17-18.

13 октября / [30 сент. ст. ст. 1900 г., Париж.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Пятница. 13 Октября

Милая и родная моя, как мне скверно от этой цыганской жизни, уже хочется покоя, хочется работы, а более всего хочется видеть и слышать Тебя. Я думал на телеграмму будет телеграфный ответ, а его и не было. Если Тебе мои письма необходимы, то ведь и мне Твои тоже необходимы не менее. От всех впечатлений голова стала как сундук, но несмотря на весь хлам и отрепье навалившееся сверху, меня всё же сосёт основная мысль о Тебе, как бы Тебе за это время не изломаться, как бы не подорвать и без того шаткие нервы? Отчего это нам такая трудная дорога выпадает? На днях мне писала Беклемишева, что чем труднее дорога, тем в лучшие места она приводит, пусть бы так было!

Рано или поздно, но Ты будешь у меня в Париже и мы проживём вдали от всех, среди сильной работы. Или, быть может, Ты уже поверила всем утешениям? – это я только в шутку говорю, я знаю, какая Ты в сущности прочная и крепкая и ищешь в жизни вовсе не то, что ждут от неё миллионы прочих.

Прямо не могу писать и сосредоточиться среди разговора и шума – всё равно если бы я стал целовать Тебя при других.

Завтра еду со Свиныным в Мюнхен (он очень просил), доведу его и через два дня буду снова в Париже, где надеюсь найти Твоё письмо.

Миленькая, хоть мысленно поцелуй своего Майчика, для которого Ты будешь *всё навсегда*. Пиши подробно про здоровье и про всё прочее, когда дня два не получаю Твоих писем, мне всё становится противно. Поцелуй Ек. Вас.

Пиши: отель Bourgoigne.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/421, л.2

ОКТАБРЬ

1 октября / [14 октября н. ст.] 1900 г.

ХРОНИКА

Сергей Дягилев

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ

(Письмо в редакцию)

Считаю нужным сказать несколько слов по поводу разгоревшейся полемики между И. Е. Репиным и сотрудником «Нов. вр.» г. Сторонним.

Последнюю свою заметку г. Сторонний оканчивает дурного тона шуткой, будто бы И. Е. Репин в своём письме заявил «богатырским голосом: "Не верьте стороннему человеку - всё врёт!"» Очень приятно, что сам г. Сторонний определил, и притом так ясно, то впечатление, которое получается при чтении его писаний.

В первой из своих заметок г. Сторонний, вероятно, только что вернувшийся из Парижа, сообщает нам, что на парижской выставке «картина г. Врубеля повешена на видном месте, — а Рериха (его [Стороннего] протеже) поместили где-то на задворках». Действительно, в данном случае «сторонний человек — всё врёт», ибо на парижской выставке совсем нет ни одной картины Врубеля, и остаётся под сомнением лишь тот факт, будто «г. Рерих помещён на задворках».

Далее г. Сторонний рассказывает, что я «приглашал г. Рериха к участию на выставках журнала» и что он будто бы «не пошёл на такое приглашение». Здесь опять не без «вранья». На посланное ему приглашение г. Рерих письменно ответил, что «надеется участвовать на этой выставке и своевременно будет ждать извещения о времени её устройства».

Затем г. Сторонний оповестил, будто бы «Мир искусства» «подвёл итоги и сбалансировал (!)» успехи русского отдела в Париже. И здесь опять «сторонний человек — всё врёт».

«Мир искусства» поместил полный список медалей и наград, полученный им из Академии художеств, и поместил его без всяких оговорок. Сделал он это совершенно обдуманно, ибо, зная отлично всю историю присуждения медалей, он считал излишним настаивать на таких вещах, как «перебаллотировка» г. Васнецова или «оценка» г. Рериха. Но г. Сторонний своею бестактностью вынудил проф. Репина обнаружить эти факты.

Едва ли художник Рерих поблагодарит г. Стороннего за его энергичный «протест», из-за которого все узнали, что Малявин получил золотую медаль 42 голосами из 45, а «многообещающий» Рерих, при баллотировке в кандидаты на бронзовую медаль, заставил подняться лишь «три руки», из которых одна, быть может, была самого г. Репина.

Далее г. Сторонний, несмотря на разъяснения г. Репина, настаивает на комичной параллели между Васнецовым и какими-то, никому у нас не известными, Мордасевичем и Пеховским, получившими низшие отличия на выставке и, благодаря этому, попавшими в официальный список наград.

Такой приём едва ли поможет г. Стороннему дискредитировать авторитет жюри, «добросовестность» которого так категорично засвидетельствована И. Е. Репиным, выступившем в своём письме как официальный представитель русского искусства на Всемирной выставке, сам оценщик, сам судья.

Тем, кто задаётся нелепым вопросом: «Могут ли французы или немцы так уж безусловно решать», что у нас хорошо, что худо, — тем лучше совсем на суд этих немцев и французов и не идти, а если уже пошли, то на «три руки» пенять нечего.

Наконец, г. Сторонний упрекает И. Е. Репина в том, что он своим письмом как бы «пристал к журналу, где его не признают». При чём тут отношение г. Репина к журналу, и какая связь между раздачей наград на выставке и редакцией журнала «Мир искусства» — я понять не могу.

Очень рад за сотрудников «Мира искусства», получивших все первые медали отдела, но особого значения я этому факту отнюдь не придаю, ибо вообще не считаю существенным присуждение каких бы то ни было наград, хотя бы и на всемирных выставках.

1-го октября 1900 г.

Россия. 1900. 3/16 октября. № 518.

**/20 октября] 1900 г. Париж.
Открытое письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Открытое письмо с ч/б фото, внизу надписи:

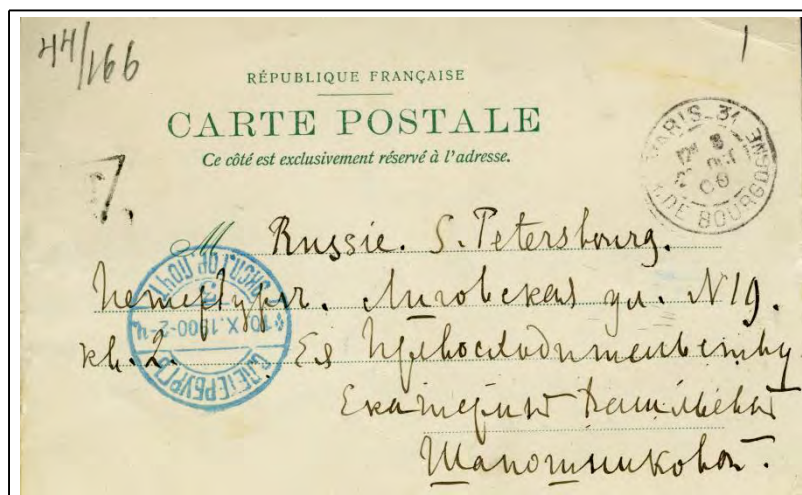

Exposition universale – 1900 Quai Debilly près du Vieux Paris
(Набережная Дебилли возле старого Парижа – фр.)

Ниже рукой Н. Рериха:
Мой адрес: Rue de Bourgogne

7. Hôtel de Bourgogne. <J...tude> des lettres
<... ..>

На обороте адрес и штемпели:

M Russie. S. Petersburg.
Петербург. Лиговская ул. № 9. кв. 2.
Её Превосходительству
Екатерине Васильевне Шапошниковой.

На штемпелях даты: [20.09.1900]. Paris-31] / 10.X. 1900. С.Петербург.

Отдел рукописей ГТГ, 44/133, 1 л.

**5 [ст.ст.] октября [1900 г.] Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Hotel Dominiri.
Rue Castiglione. Paris.

Ладушка моя хорошая.

Вчера нашёл Твои два письма. Несколько дней писать не буду, ибо при Свиньине трудно, да и Ты это время не пиши, ибо он хочет, чтобы я читал ему письма. Как с ним тяжело! Остаюсь в Париже.

Смотри, не болей. Целую Тебя крепко. Потом напишу кое-что Тебе очень приятное. Люблю Тебя ещё больше.

Н. Р.

Четверг 5 Окт.

Отдел рукописей ГТГ, 44/254, 1 л.

**11[ст.ст.] октября [1900 г.] Париж.
Письмо Н. Рериха к Е.И. Шапошниковой**

**Hotel de Bourgogne.
Rue de Bourgogne. Paris**

11 Октября
6 часов вечера

Милая, родная моя, сейчас получил письмо Твоё – оно меня убило совсем. Господи, разве могу я думать о мести, об обиде – когда Ты для меня – всё. Что это с Тобою? Родная моя, не болей! Разве я Тебе писал худые письма? Разве письмо от 27 Сент. не сказало Тебе многое? Ведь только Тобою живу я!!! Что эти дни не пишу, то только потому, что и Свиньин и прочие мои спутники рвут меня на части и не дают возможности взяться за перо. Не отнимай у меня хоть остаток веры.

Когда я прочитал письмо Твоё, у меня просто голова закружилась и захолодели руки.

У нас тяжёлая участь, не дай же обстоятельствам восторжествовать! Силы и силы! Письмо об отъезде было кратко, ибо у меня опять сидел Свиньин, который чужих интересов не признаёт.

У меня теперь страшное время; надо устроить всю жизнь. Надо мастерскую, надо весь режим выстроить. За Тебя болит моё сердце. Найди силы в музыке. Разве Ты можешь допустить, чтобы я отнёсся к Тебе небрежно?

Сегодня даже не мог удержаться и хотя очень смутно, но поговорил о Тебе с Фроловым.

Бедная Ты моя! Господи, неужели Ты захвораешь? Радость моя, жизнь моя – тогда мне ничего не останется.

Если бы знали все те многие люди, что сидят около меня в настоящую минуту, о чём и кому я пишу. Все кричат и зовут меня к столу, а разве могу я в таком состоянии есть, и думать и говорить о чём-либо.

Ради Бога, хоть коротко пиши мне.
Целую Тебя и живу Тобою.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, 44/282, 2 л.

**12 октября (ст.ст.) [1900 г.] Париж.
Письмо Н. Рериха к Е.И. Шапошниковой**

Hotel de Bourgogne. Rue de Bourgogne. Paris

12 Окт.

Милая моя и родная моя.

Сегодня я весь день сам не свой. Что-то с Тобою там делается? Здоровали? Утром не удержался и послал телеграмму, ответа ещё нет. Как скверно писать самому дорогому для меня человеку на дворе отеля среди безобразного шума и грохота экипажей. В комнате же писать и того хуже, ибо даже стола

порядочного нет, и, хотя мы и занимаем впятером пять комнат, но они больше похожи на курятники. Самочувствие у меня неважное, голова тяжёлая, а тут Свиный пристаёт, чтобы я его проводил до Вены, и, пожалуй, это придётся исполнить. А мне сильно не хочется. Мне до невероятия беспокожно о Тебе. Если бы я мог, вырвал бы Тебя сюда в Париж, и как бы мы зажили здесь хорошо. – Вдали от всех; нас бы никто не знал, и мы бы никого не ведали. Воображаю, что Тебе приходится переносить это время. Бедная Ты моя! Только как же это Ты допустила мысль, что я не писал Тебе, потому что не хочу.

Если бы Ты знала, сколько мне приходится переживать за это время – прямо ноги отказываются ходить, а голова мыслить. Жду, когда разъедутся мои спутники, и возьму себе мастерскую. Я жду этой минуты, но в то же время и боюсь её, ибо остаться одному в 4-х стенах при мысли, что любимому человеку где-то нехорошо – слишком тяжело. Напиши же мне хоть раз обстоятельно, страницах на 6, не меньше.

Вот меня уже опять тащут... Целую Тебя крепко и жду письма.

Милая моя, хорошая – неужели Ты меня ненавидишь? – за что?

Отдел рукописей ГТГ, 44/283, 2 л.

13 Октября [1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Пятница. 13 Октября

Милая и родная моя,

как мне скверно от этой цыганской жизни, уже хочется покоя, хочется работы, а более всего хочется видеть и слышать Тебя. Я думал, на телеграмму будет телеграфный ответ, а его и не было. Если Тебе мои письма необходимы, то ведь и мне Твои тоже необходимы не менее. От всех впечатлений голова стала как сундук, но несмотря на весь хлам и отрепье, навалившееся сверху, меня всё же сосёт основная мысль о Тебе, как бы Тебе за это время не изломаться, как бы не подорвать и без того шаткие нервы? Отчего это нам такая трудная дорога выпадает? На днях мне писала Беклемишева, что чем труднее дорога, тем в лучшие места она приводит, пусть бы так было!

Рано или поздно, но Ты будешь у меня в Париже, и мы поживём вдали от всех среди сильной работы. Или, быть может, Ты уже поверила всем утешениям? – это я только в шутку говорю, я знаю, какая Ты в сущности прочная и крепкая и ищешь в жизни вовсе не то, что ждут от неё миллионы прочих.

Прямо не могу писать и сосредоточиться среди разговора и шума – всё равно, если бы я стал целовать Тебя при других.

Завтра еду со Свиным в Мюнхен (он очень просил), довезу его и через два дня буду снова в Париже, где надеюсь найти Твоё письмо.

Миленькая, хоть мысленно поцелуй своего Майчика, для которого Ты будешь всё навсегда. Пиши подробно про здоровье и про всё прочее, когда дня два не получаю Твоих писем, мне всё становится противно. Поцелуй Ек. Вас.

Пиши: отель Bourgogne.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/421, 2 л.

**15 ст.ст. / [26] октября [1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Родная моя,

уже 3-й день не получаю писем Твоих и это мучает меня очень. Вчера вечером уехали Свиньин и Фролов, оба в СПб., один через Вену, другой через Берлин. (Мне удалось отделаться от поездки в Вену, ибо тратить на один проезд 320 фр. – уже слишком). Итак, дня через два я останусь совсем один (здесь ещё Жесель и Суслов) и опять поговорю с Тобою, как говорил 27-го. А если бы Ты знала, как мне хочется опять выложить подробно всё, что у меня на душе. Думаю о Тебе, а сам должен искать мастерскую, покупать печь, мебель, посуду и всякую дребедень, так что никто и не догадается, что у меня на душе.

Французы встретили меня очень радушно, уверяют, что не дадут мне скучать и пр. Словно бы я для веселья приехал. Свиньин говорил, что коли что – сейчас же будет вызывать меня в СПб. Но это ведь химеры?

Просто и не знаю, как я буду в мастерской без Тебя. Но пока Ты должна гордиться Майчиком хоть в одном отношении, ибо, несмотря на многое (благодаря моим спутникам), я вполне корректен с женщинами – это уже не химера). Пусть будет это нехимера I.

II нехимера, надеюсь, будет моя усиленная работа, а там придёт и III какая-нибудь нехимера.

Сейчас еду с Французом искать мастерскую.

Миленькая, когда же, наконец, будет у меня Твоя карточка? Мне без неё трудно.

Как же здоровье Твоё? Как силы? Не давай обстоятельствам торжествовать над собою – это будет постыдно. Поцелуй Екатерину Васильевну и, ради Господа, пиши.

Твой Н. Р.

15 Окт. с/с

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/405, 2 л.

**[17] / 29 Октября (нов. ст.) [1900 г. Париж].
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Родная моя Ладушка,

пишу Тебе вконец простуженный – страшный насморк и горло немного болит. Что это от Тебя ни слуху, ни духу? Мне это ужасно беспокойно.

Каждый день масса новых лиц и имён. Сейчас надо ехать с визитом к Харламову (Пред. здешнего русского худож. клуба). Только что познакомился с двумя крупными художественными комиссионерами – это знакомство пригодится в будущем. Мне большие услуги в смысле художественного знакомства делает Морриес – наш, из Общества Поощрения.

Вчера нам устроил обед здешний архитектор Правительственных Сооружений. Завтра ещё предстоит обед, на котором меня познакомят с Яковлевым из России. Словом, если мои русские приятели не подложат мне свиньи, здесь можно занять известное положение.

Теперь надо искать мастерскую. Можно найти на 1200-1300 фр. недурную.

Встретился с одним русским семейством, которое поселилось здесь навсегда, чтобы учиться пению – приняли меня ужасно тепло, ибо у нас хорошие общие знакомые.

Пиши, миленькая. Если бы только Ты здесь была, то-то бы было хорошо.

29 Октября н/с.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/427, 2 л.

[Около 18 -19 октября 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой

Среда

(Пиши на письме и день, а то по числу мне трудно сообразить)

Дорогая моя Ладушка, с болью прочёл я письмо Твоё — что-то неладное творится с Тобою. Зачем Тебе все эти выезды, все эти гулянья и прочее — разве в них Ты должна искать себя? Ты говоришь, что всё это не отразится на музыке; неправда, оно должно, непременно должно отразиться; должно отразиться, может быть, даже невидимо для себя. Все эти выезды со всею их пошлостью, разве могут они способствовать обострению чувства в смысле понимания музыки? Насколько хороши для этого театры и концерты, настолько непригодны вечера и балы. Нового-то кругом много, но что Ты называешь новым и где его искать собираешься - мне неясно.

Если Ты временно думаешь заслонить недостижимую жизнь другою жизнью, то помни, что не следует за неимением скамейки непременно садиться на помойную яму. Миленькая, не погуби способностей своих, ведь чутьё развивается в нас только до известного времени, а потом оно грубеет; дорогая, не пропускай этого времени - оно так недолго, оно пролетит так быстро, и если за это время в Тебе не вырастет чего-либо крепкого и здорового, то тогда останется один хмельной перегар и горечь - ничем не поправимая. Дальше от больших компаний! глубже в себя! - если хочешь сделать что-либо достойное. Быть художником, вести за собою публику, чувствовать, что каждой нотой своей можешь дать и смех или слёзы - это ли не удовлетворение?

Ты говоришь, достаточно одного письма в неделю. Так относиться к переписке я не могу, я могу писать тогда, когда мне хочется Тебя повидать и с Тобою поговорить. Как часто это может быть - я не знаю. Разве интересна для нас описательная часть письма - нам важна та частица дорогой и близкой души, которая засветилась на этих листках. Когда прочёл я письмо Твоё - добрых полчаса ходил из угла в угол; во мне толпились какие-то неясные обрывки мыслей, и на сердце стало тяжело просто невыносимо - ибо с Тобою творится что-то неподходящее Тебе.

Что же касается до прописных сентенций Твоих родных и знакомых, то они меня мало трогают, ибо цыплят по осени считают, а я отнюдь не считаю, чтобы моя осень наступила или даже приближалась. Лишь бы я сам знал, что я делаю, а там хоть бы не только тряпкой, а даже и много хуже прозывали — это до меня не касается. И до Тебя касаться тоже не должно — неужели каждому факту, только и есть одно объяснение, — ведь это путь близоруких людей, которые глубже поверхности заглянуть не могут. Какая у нас — русских —

скверная манера ни во что ставить человеческую личность и раскусывать её, словно она орех. Ведь послушаешь людские речи, так выйдет: надевай камень на шею и умирай — ан нет, не умрём, а будем сражаться!

Вчера был со мной курьёзный случай. Сочинил я эскиз «Мёртвый царь» — когда скифы возят перед похоронами тело царя по городам его. Вечером же был у знакомых, и втянули меня в столоверчение, в которое, как я, помнишь, говорил Тебе, вовсе не верю. Можешь представить себе моё изумление, когда стол на мой вопрос: «который из моих сюжетов лучший?» выстукивает: «скифы мёртвого человека хоронят». Никто из присутствующих не мог знать этого сюжета, ибо я сочинил его в тот же день и никому ещё не рассказывал. Вот то чудеса! А всё-таки в столы ещё не верю, надо ещё как-нибудь испытать.

Сегодня начал работу. Начал картину из свайных построек и нашёл натурщика старика итальянца (который на всё только и говорит si, si, signoge) и натурщицу для рисунка. Через месяц, вероятно, поступлю в мастерскую. А всё-таки как одному скучно - Ты и представить не можешь. Сердце так иногда занует, что поневоле рванёшься на улицу и бегаешь там без цели. Приходится напрягать весь рассудок, чтобы водворить себя на место.

Добрую Екатерину Васильевну поцелуй крепко; жду время, когда смогу достойно отблагодарить её за её доброе отношение. Неужели она во мне ещё не разочаровалась? Ведь я причинил ей столько боли. Как сложно может, однако, складываться жизнь! Ладушка, милая, родная, не потеряй себя, береги свою хорошую натуру и работай — в ней только счастье. Пиши. Целую крепко. Тв. Мис...

Зачем, Ладушка, я не увёз Тебя с собою из Питера. Так бы вот взять, да и увезти — хоть насильно. Разве приехать мне за Тобою? Знаешь, миленькая, я не шучу. Будем, Голубчик, здесь вместе учиться, иначе и я здесь погибаю, да и у Тебя ученье, вероятно, всё-таки тормозится. Здесь же прожить можно. 2000, которые мне даёт мамаша, — она не отнимет обратно — все её застыдят. Ещё 1000 р. в год мне дадут. Если Ты можешь иметь 1000 р., да, я шутя заработаю рублей 500 (между делом), то всё это составит 4600 р., т.е. 12.100 фр.

Теперь посмотри на следующий правдоподобный бюджет.

Квартира	
(маст. 2 комн. ванна)	1 600
Прислуга	300
Еда	4 350
Одежа и прачка	950
За ученье	1 350
Освещение, отопл.	550
Извозчики	720
Книги, ноты	300
Мелкие вещи	180

.....10.300

при наличных, если даже ничего не заработаю10.600

Всем святым для Тебя умоляю — мою хорошую Ладушку — рискни. Ведь эти цифры уже не химерные. Как мы заживём-то! И больше Твой Майчик никогда не будет трусом. Какой я был осёл, оставляя Тебя в Петербурге. Я дол-

жен был бы сидеть у Тебя, не уходить от дверей, пока Ты не согласилась бы. А я на Твой первый отказ замолчал — заделикатничал. — Экий болван, право, а ещё 26-й год живу. К весне вы ведь собирались приехать в Париж; миленькая, останься тогда со мною, здесь и обвенчаемся. Но до весны ждать-то далеко и трудно ждать.

Ладушка, прости Твоего скверного Майчика! Не разлюби его! Просто вот не найду слов, как написать. То, что я сделал, мне не по душе — надо было Тебя везти. А потом, когда-нибудь вернёмся в Россию с запасом знаний и опыта и устроим и там свою жизнь лучше. Какая у нас работа-то будет! — Скорая да спорая.

Получив эту записку, ответь мне немедленно, поговори с Ек. Вас.

Я не могу быть без Тебя.

Целую Тебя крепко, крепко

Н.

Мои знакомые здешние (которые нам будут очень полезны во всех отношениях), оказывается, хорошо знают Ек[атерину] Вас[ильевну], ибо Лосская (рожд. Голстунская) подруга Ек. Вас. по Институту.

Четверг.

Княгиня знает Итальянца Маркиза Рива - певца и аккомпаниатора.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/169, 5 л.

«Сочинил я эскиз «Мёртвый царь» — когда скифы возят перед похоронами тело царя по городам его...»

Н.К. Рерих. Мёртвый царь. Эскиз. [1900]-

[Октябрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Пятница (пиши на письме не число, а лучше день).

Ладушка, радость моя. Жизнь моя. Если бы Ты знала, как каждое утро впивался я глазами в консьержу, приходившую за платьем, - не белеет ли в её руках белый или синий клочок бумаги, прилетевший издалека от единственного, дорогого человека. И ничего эти 2 дня не белело, и сокрушённо спрашивал я: «Нет писем?», а консьержа со спокойной улыбкой отвечает: «Да ведь Вы и то часто и много получаете». Много! да разве это то, что нужно; разве это те письма, чем я живу. Сейчас сижу и сочиняю эскиз - время завтракать; приходит консьержа с завтраком и подаёт милый синий конверт. Конечно, завтрак и эскиз к чёрту! - и читаю. Прочитал, нахлынуло на меня что-то неизвестное, налетели нестройные мысли, и я зарыдал - форменно зарыдал (хорошо что ещё никого не было). Сейчас пишу и еле удерживаю слёзы, и всё моё существо безумно кричит: люблю, люблю, больше себя люблю!

Милая моя, хорошая, дорогая; я чувствую, что Ты сердцем чутким своим поняла, что многое бывшее со мной последнее время болезненное, выжатое непосильными тяжестями, но по существу я не такой, - я прежний, которого Ты начала любить.

Ты спрашиваешь, стоит ли присылать мне фотографию? И на этот вопрос у меня два объяснения. Одно хорошее, другое очень болезненное. Первое - это Твоя надежда на скорое свидание, а второе, что вообще стоит ли мне посылать фотографии - что, мол, есть и лучшие места для их помещения. Ведь не второе? Нет? Ты спрашиваешь, стоит ли посылать: и этот вопрос напоминает мне другой, а именно, если бы в пустыне один человек умирал от жажды, а другой сказал бы ему: «у меня сейчас будет вода, да только стоит ли напоить Тебя?» Ведь Ты же знаешь, что Твои карточки будут для меня талисманом (таким же, как и первая Твоя записка в Берлин), ведь Ты же знаешь, что, целуя их и утром и вечером, поставлю их во всех углах моей комнаты, чтобы мне отовсюду видеть мою дорогую, мою радость - Ладу.

А ещё спрашиваешь! Как не стыдно. Ведь Ты - всё, что привязывает меня к жизни. Прости милая, но я вижу, что люблю Тебя даже больше искусства.

Одна строчка меня очень порадовала в письме Твоём, что моё письмо было очевидно Тебе приятно. Скажи, когда сидела Ты одна на балу, о чём думала Ты? О Майчике хоть немного да думала. И ещё, может быть, думала: «Неужели всё, о чём мы так много говорили и так горячо толковали; неужели всё это пустые звуки; неужели жизнь - вот это, что меня теперь окружает?» Вот такие мысли должны были быть у Тебя, когда Тебе сказали, что у счастливых людей таких глаз не бывает.

Я не верю, чтобы это были пустые звуки. Это ли не задача жизни, доказать (несмотря ни на что), что жизнь именно в этих пустых звуках и что земля стоит именно этими пустыми звуками, а не беззвучною, установившеюся жизнью нашего Общества. Выйди, милая, из этих рамок! Ты уже получила моё вчерашнее письмо; приказывай, как мне сделать. Если крикнешь: приезжай, то через 8 дней буду в Питере (5 дней письмо идёт, 3 дня на дорогу), но приеду лишь с тем, чтобы назвать Тебя моею и ехать опять сюда.

Мне хочется, чтобы Твоя музыка развернулась именно здесь. Или приказывай, и я немедленно займусь устройством квартиры и всего прочего и буду

ждать. Пусть называют сумасшедшими, пусть клеймят, как угодно, но в наших руках искусство, а в нём всякие слова бессильны. Я твёрдо верю, что кому дан талант, с того это в следующих существованиях и спросится. Ведь Ты и сама недовольна теперешней жизнью своей. Когда-нибудь будем и мы в Питере иметь свою жизнь, но она будет иметь для нас иной смысл.

Какая у меня большая любовь к Тебе теперь. Достаточно сказать, что без слёз не могу видеть писем Твоих. Да, любовь – страшное чувство. Всё-таки я до последнего времени как-то стыдился её, а теперь готов кричать: «Люблю, и не считаю это позорным». Ладушка, слышишь ли? Чувствуешь ли? – молчат стены, бежит по-прежнему шумная жизнь за окном, и кричу я куда-то, словно в бездонное пространство. Нельзя писать через неделю. Через неделю я могу извещать, напр., своих, что, мол, на Шипке – всё спокойно и по несчастью я ещё не умер, но наши весточки совсем иные – тут посылаешь часть души. Ой, как мучаюсь я! – пожалей милая. Всё кругом меня колеблется; разочарования в людях следуют одни за другими; сумбур и гадость жизни преследуют по пятам, остаётся лишь Ты да искусство. Ещё недавно я бы сказал наоборот, но теперь вижу, что от Тебя всё зависит.

Посмотри, разве не видишь перед собой дружной работы, понимания друг друга и борьбы, а затем подготовку новых борцов и работников. Разве тот центр, о котором мы говорили, разве он в балах и на вечерах.

Крамской писал: «Вперёд, вперёд без оглядки!» Ну же, вперёд, моя хорошая, моя светлая Лада!

Как обидно, что письмо должно идти 5 дней, значит, ответ не раньше, как через 9-10 дней.

Поцелуй Екат. Вас. Буду работать и ждать. Ждать и работать. С самого утра у меня какое то смутное ожидание – хоть начинай либо пить, либо опий курить.

Целую Тебя крепко, крепко.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/174, 4 л.

[20 октября ст. ст. / 2 ноября 1900 г., Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Rue [du] Faubourg St. Honore. 235.

Радость моя Ладушка, наконец-то могу написать Тебе более или менее спокойно. Сегодня получил Твоё карандашное письмо и, хотя и немного, мог прочитать в нём, но всё же немного успокоился – если болезнь Твоя не хуже.

Сегодня в первый раз буду спать в мастерской моей. Представь себе следующую картину: довольно большая комната (10-7 ½ шагов) с огромным окном. Простая постель, умывальник, маленькая лампочка освещает небольшой круг – потолок и стены убежали в темноту, за простым белым столом сидит Твой Майчик и пишет письмо своей Ладушке. На улице кипит шумная жизнь, а в комнате тихо, только щёлкает уголь в железной печурке – тихо кругом Твоего Майчика, словно в тюрьме – голые стены и маленькая дверь тоже походят на тюрьму, – скучно Твоему Майчику.

Миленья моя, да ведь измучился я за это время, всё думал о Твоём здоровье. Даже смешно, - покупал всякие прозаичные вещи вроде кувшина, мыла, лампы и прочего, а думал всё о Тебе. Теперь купил lilas blan[c], надушился и словно бы Тебя около почувствовал. И кажется мне – вот-вот откроется дверка и войдешь Ты, а я схвачу Тебя, крепко, крепко, понесу и посажу рядом с собою; буду целовать Тебя – мою хорошую, которая верит мне – это я чувствую по тону письма Твоего. Я боюсь, не чувственность ли это – что мне до такой степени хочется целовать и ласкать Тебя. А Тебе тоже хочется? Хорошо ли это? Чувствуешь ли, что [далее 1, 5 строки зачёркнуты]. Чувствуешь это?

Не давай, миленья, обстоятельствам властвовать над собою. Что же делать, если нам выпала линия тяжёлая – тем прочнее будет, если мы пройдем именно этой тяжёлой дорогой и всё же добьемся цели. Если же покорно склоним голову и вольемся в русло общего потока, то никто не станет собирать капли души нашей, чтобы делать из них целебные воды, а будут их лить в ушаты и мыть ими чужое грязное бельё. Нет, лучше пройти какие угодно подземные ущелья и вынырнуть полезным и здоровым источником, нежели литься широким руслом и служить для поливки улиц. Чем больше смотрю на результаты труда человеческого, тем яснее мне ничтожность окружающих обстоятельств. Только труд, сознательная работа живёт надо всеми; её ничем не разрушишь, ничем не прикроешь; преходящи личности, а работа живёт.

Слышу я, что обругали меня здорово Репин и Дягилев – ну что ж, пускай! Это лишь сердит меня, но ничуть не обескураживает, и знаю я, что коли только хватит здоровья, то рано или поздно, а придётся им замолчать.

Кстати, не слышали, какое впечатление производит эта история в обществе. Как идёт музыка? За это время я здорово тут прожился – уже просил о присылке денег, не знаю, пришлют ли.

Мне попала славная консьержа, такая милая старушка.

Нашлись одни знакомые (я уже, кажется, писал Тебе) Лосские, которые приняли меня очень хорошо и уже угощали пенем, а в воскресенье идём в концерт Колонна, посвящённый Сен-Сансу.

Миленья, не забывай и пиши мне да пиши подробнее, неужели я не заслужил за месяц ни одного письма на 6 стран.

Ек[атерину] Вас[ильевну] целую.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/420, 3 л.

**[20 октября] / 2 ноября н.с. 1900 г.,
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.**

2 ноября н.с. 1900 г., вечер.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.

Сейчас я устроился в мастерской. Мой адрес теперь: Rue de Faubourge St. Honoré, 235. Представьте себе: довольно большая комната, простая постель, умывальник, 3 стула, мольберт, белый стол, на нём лампочка, освещает она небольшой круг – всё остальное убежало в темноту. За столом сижу я – пишу Вам. На улице шумит жизнь, а в комнате тихо, и голые стены и маленькая дверка дают какое-то тюремное настроение, и мне одному скучновато. Хорошо ещё, что работа не допустит такой пакости, как хандра. Правильно Вы говорите: «дальше от всяких больших компаний». Может быть, эта одиночная

дорога и труднее многих, но зато достигнутое именно этим путём будет прочнее многого прочего. Если же покорно опустить голову да влиться в общее русло потока, то никто не станет собирать капли души, чтобы делать из них целебные воды, а будут лить в ушаты и мыть ими чужое грязное бельё. <Ведь> лучше пройти Аллах ведаёт какие ущелья и теснины и вынырнуть чистым и полезным источником, нежели стремиться внешним руслом и служить для поливки улиц. Так ведь, Владимир Васильевич? Ведь только работу никак не заплюёшь и никуда не засунешь. Пусть ругаются господа Репины, Дягилевы и tutti quanti – ещё поспорим с ними.

Чтобы Вы не сказали: «мечты, мечты!», расскажу Вам, что с воскресенья начинаю работу. Начинаю рисовать беспощадно и усиленно. Вероятно, поступлю к Лефевру или к Ж.-П. Лорансу. Как мне обращаться со здешнею Библиотекой? Нет ли в ней чего-либо славного по Византии? Непременно воспользуюсь знакомством с Волковым для осмотра музея. В Кюни (какой превосходный музей) симпатичный директор Саглио. Рад, что научусь французскому языку, ибо при постоянной невольной практике поневоле обучишься. Буду заниматься и английским – есть возможность. На днях слышал начинающую русскую певицу, она пела из «Юдифи» - прелестный и сильный голос, вероятно, из неё большой толк выйдет. Если получу Ваши указания насчёт Библиотеки – буду несказанно рад.

Преданный Вам Н.Р.

Публикуется по изданию: Рерих Н.К.. «Письма к В.В. Стасову. Письма В.В. Стасова Н.К. Рериху» СПб. 1993.

Н.К. Рерих. Мастерская художника. (2 рис.) [1900 г. Париж.]

Слева: Окно и рамы Рисунок с надписью: *По правой стене следует стол, а затем ширма и постель.* Справа: Угол комнаты.

НОЯБРЬ

[4-5 ноября 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Лада, моя хорошая.

Мне вспоминается, как какой-то Папа (не помню какой) заставил Императора Гонория (кажется) два дня босым и во вретище стоять под воротами Альконы. Не Ты, но почта заставляет меня пребывать в таком же положении. И стою я и жду, когда же откроются ворота, опустится мост и гонец подаст мне резолюцию. Начинаю фантазировать (Ты это слово во мне ненавидишь, но в этом случае оно ведь допустимо), переминаясь с ноги на ногу, содержание постановления. То меня пугает решение немилостивое, то прочитываю я первую записку из Берлина, вспоминаю, как Ты меня отпускала и представляется мне следующий ответ: «нелепый Майчик, жалею, что ещё люблю тебя, но что же делать, если ещё не вконец разочаровалась в мечтаниях твоих и их исполнимости. Слушай, нехороший и тряпковидный Майчик, если твой бюджет вероятен и ты уже ознакомился с условиями Парижской жизни, то можешь приехать на Рождество и надеюсь, что после Нового Года, ибо в посту свадеб нет, проведя вместе наше 30 Декабря, мы уедем в Париж. Видно уже судьба моя – удивлять моих знакомых слякими неожиданностями и романтичностью. Твоя многомилостивая Лада».

Вот такая резолюция представляется мне на мои всеподданнейшие прошения. Если бы можно было внушить Тебе такое содержание письма. Попробую хоть духа вызвать; нельзя ли через него передать. Тогда сейчас же промеж неукоснительных утренних рисунков понёсся бы искать квартиру, подыскивать обстановку и собирать сведения о прислуге и всём прочем.

Жить так жить, Ладушка, - так проживём же так, чтобы не жалеть бездействия... Впрочем, чувствую, что опять приближаюсь к области мечтаний – к запретной дверце, которая нескоро ещё будет разрешена мне моею строгою Ладю. Поверь, милая, значит для чего-нибудь мы да встретились же, если не смотря ни на что, моё чувство к Тебе всё крепнет, а Твоё ко мне ведь не пропадает. Жду с великою душевною смутю письма Твоего. Смутное чувство ожидания (о котором я уже писал тебе) давит меня каждое утро. Сегодня я получил 3 письма: от Зарубина, Стороннего и Лосской. Но что же это? вот если бы чудом уже прилетел Твой ответ это было бы важно. Сейчас Воскресенье 10 ч. утра; быть может, Ты уже получила моё письмо и компануешь, что-либо ответное. Милая пожалей своего Майчика.

Нет, как это надо было понимать Твой вопрос о том, стоит ли посылать мне карточки? - это меня занимает.

Поцелуй Ек. Вас., всё-таки у неё очень хорошее сердце. Мысленно поцелуй меня и обними покрепче.

Твой Майчик-Изгой

Воскресенье. Утро.

Как я думал, так и вышло - только отослал Тебе, дорогая моя, письмо, как явилась консьержа и принесла Твоё. Сегодня в течение дня перечитал я его раз 5. Майчик милый, я тебя ещё очень люблю...», зачем это ещё, разве Ты допускаешь победу над собою? Не может этого быть, и предыдущая фраза, вырвавшаяся из сердца, говорит о противоположном. «Сколько дряни во мне накопилось», кричит Твоё сердце. Неужели правда хватило бы у Тебя силы потребовать свои письма обратно? Но после чего же? После того, как дала мне вместо образа на дорогу Берлинскую записку? Не верю, не верю, что моя Лада не могла бы это сделать. Неужели укусы пошлых людей так сильны для Тебя? Замечай теперь, кто и как ко мне относится, это очень поучительно. У меня последнее время вселяется какое-то зло и презрение к людям. И презираю я их, которые при малейшем несчастье, при малейшей потере власти начинают с наслаждением бешено плясать вокруг какой-то вакхический танец победы и стараются толкнуть и, если только рука достанет, то лишний раз повернуть воткнутой нож. А если, поваленный ими человек чудом встанет опять и улыбнётся ему успех, то они готовы опять ползти за ним, готовы перевозносить каждое его слово и кадить ему; и он может тогда плевать в их мерзкое лицо, а они только упираться будут – жалкие, безличные людишки! Именно безличные, ибо у них нет своей личности и стараются они стереть и чужую. Когда у меня даже голова закружилась от различных ударов, когда почувствовали силу надо мною, чего возликовали они? Чего обрадовались?

Удивляюсь, если Варв[ара] Влад[имировна] за меня. Ведь, кажется, и она была против и она как-то меня обзывала. И неужели более никто не задумался серьёзно, что со мною делается?

Ладушка милая, ведь, только представь себе, что я повис над пропастью – внизу темно и грозно – и держусь я за уступ одною рукою, а все мои присные расположились кругом меня в удобных позах и наслаждаются зрелищем: «удержится ли он?». Картина поучительная. Ты одна ещё поддерживаешь меня, но Тебя, весёлым хороводом, рвут в сторону... неужели бросишь? Ты пишешь про фразы, которые я легко приписывал в каждом письме. Но легко ли? Не кипело ли в то время во мне; вспомни, как кипит вода, - сперва большими пузырями, но чем сильнее, тем меньшими и незаметными, и никто не подумает, что в этом состоянии она взрывает котлы.

Я Тебе продиктую новый ответ мне. «Сбитый с толку Майчик! Без согласия твоей матери не смей со мною ни о чём и говорить – это во-первых. Во-вторых, зимний сезон я приношу в жертву своей маме. Но если удастся какими-либо способами добиться согласия матери и ты будешь в состоянии устроить жизнь в Париже, то в таком случае можешь приехать через 3 месяца и я буду твоею женой. Твоя не по заслугам добрая Лада».

Ладушка не откажи мне в таком ответе. Напиши мне его немедленно. Я им жить буду. У меня будет определённая цель.

Ты не думай, что с домашними я не поднимаю этого вопроса. На днях ещё послал я туда 2 письма очень внушительного содержания, да и Бруммеру написал на 8 страницах – там уже, вероятно, каша варится, а знаешь, иногда слово письменное солиднее устного. Дай мне этот ответ; за это время я ещё денег достану, квартиру хорошую отыщу, даже о музыкальных профессорах

справлюсь (хотя это дело Боровки Тебе указать их). Пришлѐшь мне этот ответ? Да?

Неужели Тебе никогда не представляется, как Твой Майчик сидит один со своими мыслями по вечерам в своей одинокой комнате? И ни на какую мысль не находит определённого ответа, и за туманом ничего не видно. И вдруг из этого тумана звучит знакомый голос: «на днях чуть было не отняли у тебя самого дорогого, да может быть ещё и отнимут – погоди, то ли ещё будет!» и от этого проклятого голоса невольно опускаешь голову на некрашенный стол и ещё сильнее дребезжат фургоны и фиакры на улице – точно и они раздавить не прочь.

Хоть бы карточки-то Твои были! Понимаешь, мне нужно Тебя! (Впрочем, тут уже могут начаться лёгкие фразы!) Я не знаю, к чему всему требуется поддавать лучшее в человеке? Ведь любовь к Тебе – это самое моё чистое.

Ладушка, поддержи Твоего Майчика... Разве могут Тебя трогать эти салонные разговоры? Когда Ты писала мне, что порою в Тебе среди бала подымается злобное чувство – я понял это и объяснил, но неужели, вопрос, «присылать ли фотографии» надо понять в скверную сторону!?

Я послал опять мою сказку в печать – не знаю, примут ли, но если примут, я снова запою мою песню о вере в себя.

Ой, как худо мне вдруг стало - прямо невыносимо тяжело - так и давит. Не с Тобой ли что-нибудь? Сейчас Понедельник 8 ½ вечера. Пойми – я один, один.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/202, 6 л.

[10] / 22 Ноября н/с [1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Ладушка, моя хорошая, верно письмо Твоё уже идёт где-нибудь и, может быть, уже недалеко от Парижа, а мне вот не дожидаться его особенно, когда некоторые вещи тревожат этот болезненный вопрос. 1) Сегодня были у меня Лосские начали расспрашивать о Екат. Вас. (Лосская посылает ей сердечный привет). 2) Вчера был я у некоего художника Кузнецова и пришѐл в восхищение от жизни его. Живѐт он с женою, оба молодые, оба учатся (он тоже рисует) – квартира такая славная (4 комнаты, кухня и мастерская), вся атмосфера уютная.

Поневоле начнёшь молиться: Господи, дай, чтобы Ладушка написала тот ответ, который я мысленно и письменно ей продиктовал. Я даже уже приглядывал мастерскую с квартирой - за 1900 фр. можно иметь славную и большую.

Случайно я оказываюсь в лучшем здешнем русском обществе: проф. Ковалевский, пр. Гамбаров, Валишевский, Самарины, Онегины, Череп-Спиридонович, Боткины, Щукин, Кузнецов, Гайдебуров и др. И можешь себе представить, за что мне оказывают особое вниманье? – ни за что не угадаешь! За то, что Дягилев обругал меня. Здесь все до того презирают Дягилева, что как только узнают, что я не пошѐл в эту компанию, то внимание сейчас же удваивается. Словом, я могу Тебе здесь уже предоставить очень хорошее общество, а Лосские – будут нам словно родные. С Люсей Лосской (т.е. со слонем,

ибо её рост и объём – чисто слоновые) Ты, наверно подружишься. Она натура недюжинная. В смысле музыкального образования итальянец Рива будет очень полезен (они его зовут Ривочка), ибо он знает всех и всё и имеет в музыкальном мире руку. (Он с великим восторгом говорит о княгине).

Итак, о том, чтобы мне приехать на Рождество: *c'est entendu!* [решено! (фр.) – ред.] не так ли? Да! да! и да! Наши мне написали, что мою комнату отдают брату, а комната брата идёт сестре – я этому радуюсь.

Сегодня 22-е Ноября н/с., т. е. Екатерина Васильевна по моему стилю завтра именинница. Боюсь, не совладаю со старым стилем, а потому поздравлю её теперь, поблагодарю её за хорошее, доброе отношение, которое имела она ко мне, надеюсь, небезосновательно, т. е. в нём, надеюсь, ей не придётся со временем раскаиваться. Искренно её целую.

А Тебя-то, мою миленькую, как целую я мысленно, и обнимаю, и кланяюсь земно, и прошу, а о чём, Ты догадаешься.

Уж очень мне скучно эти дни, уж очень я жду письма Твоего, утомляю себя работой, но даже 8-ми часовая работа, и та не усыпляет.

Майчик

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/175. 2 л.

[Ноябрь 1900 г. Париж].

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Вот, Ладушка, когда самое настоящее время потребовать свои письма обратно – по крайней мере, эффект будет полный. *Прочитай, какой приговор подписал мне последний № «Мира Искусства».* Все-то в простоте душевной предполагали, что историческая живопись – моя специальность, а вот г. Бенуа советует мне искать иную область!

Вчера был для меня редкий по удовольствию день: сперва получил вырезку из «Мира Искусства», а потом, вечером, телеграмму, что продажа картины, которая было уже совсем устроилась, не может состояться. Эти два известия до того меня порадовали, что я уже ждал третьего, от Тебя, с требованием писем или ещё с чем-либо скверным. «Пришла беда, растворяй ворота» – недаром говорится; уж коли пойдёт такая линия, то ничего радостного не выйдет, и какими редкими мелькают для меня радостные минуты. Несколько таких минут было для меня в воскресенье утром. Понёс я показать мои новые эскизы Кормону. Шёл со страхом великим, ибо мне говорили, что он человек прямой и ни перед каким резким суждением не останавливается. Можешь себе представить моё изумление, когда, вместо ругани, послышались его возгласы: «Оригинально! Характерно! Курьёзно! Хорошо идёт!», когда он, обращаясь к ученикам и художникам, окружавшим его, сказал: «Он чувствует характер страны своей. У него особая точка зрения». На прощанье он пристально посмотрел мне в глаза и сказал: «Не правда ли, в Вас много своеобразного (*n'est ce pas que vous avez*), и Вы должны сохранить это. Работайте и приносите мне по воскресеньям».

Этот отзыв меня порадовал – для начала не худо! Вечер воскресенья я провёл у Лосских; в Понедельник Люси Лосская была у меня – я начал портрет

её, а потом и получились два неприятные известия, а ночь я почти всю не спал, мучаясь в страшной нервной зубной боли. Когда болеешь душевно и физически и сознаёшь своё одиночество – как это тяжело бывает, и опять словно за веса опускается перед глазами и ничего впереди не мерещится хорошего.

Начал я писать новую притчу: «Не оправдавший доверия».

Эскиз теперь особенно меня занимает: «Предательница» - женщина впускает врагов в город. Кормон очень хвалил эту задачу. Я беру момент, когда она указала тайник, и враги один за другим пропадают в тёмной скважине, а сама предательница отошла несколько шагов от тайника, отвернулась и в напряжённой позе ждёт следствия своего поступка, но за стенами ещё спокойно, главка церковки молчит набатом и белые стены её не освещены ещё заревом. Ну, Бог с ними, с эскизами, я удивляюсь, как ещё могу временами сочинять что бы то ни было, когда у меня такое разрушение внутри!

Когда же получу я карточки Твои? Как больно было мне читать Твоё предположение потребовать назад письма. Неужели единственный бастион, из которого я думал действовать, и тот колеблется, и тот склоняет знамёна неприятелям. Ну же! дружнее тогда! Все сразу. Авось всем скопищем не трудно будет раздавить одного человека! Помню, как мы впятером на одного барсука охотились...

Давно уже Твоего письма не было - я соскучился без него, и если бы не Лосские, то совсем бы падал духом. Поклон Ек. Вас.

Вторник

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/212, 3 л.

«Прочитай, какой приговор подписал мне последний № «Мира Искусства». Все-то в простоте душевной предполагали, что историческая живопись - моя специальность, а вот г. Бенуа советует мне искать иную область!...»

Александр Бенуа

ПИСЬМА СО ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ

... Намерения Рериха близко подходят к намерениям Сурикова и Рябушкина, но, к сожалению, этот молодой художник вовсе не обладает присущим этим мастерам даром исторического прозрения. Жаль, что он до сих пор не отыскал своей области и думает, что ему удаётся убедительно воплощать доисторическую Русь, тогда как на самом деле он вертится в том же обновлено-академическом шаблоне, представителями которого являются Люминэ и Кормон. Я не верю его славянам, старцам, по-моему, всё это Рерих выдумал, и потому его картины производят на меня впечатление скуки и натяжки...

«Мир искусства» 1900. Ноябрь № 19-20. С. 156-161 (фрагмент).

19 ноября 1900 г.

Письмо [Леона Антакольского] к Рериху Н.К.

19.11.1900.

Положительно не знаю, что мне написать тебе, Коля, но одно всё же скажу, что нехорошо ты поступил, дав возможность всем говорить неправду про твою семью. Твоя мать живёт интересами своих детей, а ты даёшь поводы распространяться слухам, что она деспот в своей семье. Сравнив всё, что я слышал от тебя и от твоей семьи с другими слухами (ушей не закроешь), я вывожу одно заключение, что тебя не любят, а видят в тебе только приличную партию в денежном отношении, имея ложные известия, вероятно, о вашем состоянии.

Сердись на меня, если хочешь за это письмо, но я прямо говорю, что всецело стою на стороне твоей матери в этом деле. Помнишь, ты у меня спрашивал, можно ли просить выдать тебе 10`000 прямо на руки вместо того, чтобы получить по частям? Я тебе тогда говорил, что это зависит от отношений в семье. Ты меня не хотел послушать и всё-таки поднял этот вопрос, чем очень испортил себе.

Я сделал, что мог и, до некоторой степени, сгладил это; от тебя теперь зависит приобрести доверие матери, или окончательно подорвать его. Я знаю, что это похоже на проповедь, или нравоучение, но что же делать, без этого не обойдётся.

Постарайся же сократить себя, а то меня что-то приводит в недоумение как квартал, где ты живёшь, так и цена твоей мастерской. И то и другое вовсе не отзываются желанием серьёзно... (обрыв письма)

Что же мне сказать про твоих? Мария Васильевна всё прихварывает, Лидия Константиновна рисует, Володя с Борей учатся. В деталях же ты, вероятно, знаешь об их жизни больше меня. О тебе там разговоры бывают очень часто: как-то Коленька там один в Париже? Приедет ли на Рождество сюда, или нет? Я на праздники уеду в деревню, так ты сообщи точно, когда будешь, если приедешь, чтобы повидаться, если будет возможно.

Про себя ничего не могу сказать хорошего: пишу, учу, пишу, а будет ли толк?!.....

Вверху листа две приписки:

1. Рукой автора письма:

Дай Бог, чтобы все мои сомнения разрешились в лучшую сторону, и чтобы мне пришлось ошибиться.

2. Рукой Н.К. Рериха:

Я ответил, что если он не знал что писать, то и писать не следовало. Любопытно, в каких кругах эти сплетни ходят.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1228, 2 л.

[Ноябрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Могу ли я быть уверен в себе? – пишешь Ты, родная моя. Для меня же этот вопрос прямо не существует – каким образом могу я задаваться таким вопросом, когда у меня на душе яснее дня сознание, что в Тебе всё моё самое хорошее, что попробуй я хоть на мгновение вычеркнуть Тебя из себя и всё остальное становится сразу таким серым, таким скверным. Итак, Ты велишь мне работать до весны; – будет исполнено, только Ты-то не забывай обо мне. Мне всё кажется, что когда Ты во мне начинаешь сомневаться, то это сомнение каким-то чудесным током бежит за тысячи вёрст и начинает здесь душить и давить меня.

А музыка-то? Что же будет с бедною Твоею музыкой? Ну да Бог с Тобою, – вычеркни музыкальные успехи до будущего сезона, ибо здесь в Париже работает совсем иначе. Вчера я познакомился с М. Серг. Сперанскою. Ты её не знаешь? Она начала учиться здесь пенью. Одна с горничной приехала из СПб., чтобы учиться. Можешь себе представить: встаёт в 7 час. утра, каждый день бывает у профессора и, конечно, не мудрено, что делает успехи. Я знаю, я убежден, что Ты здесь заживёшь другою жизнью, жизнью любопытною и разнообразною. Наше внутреннее мы заключим окончательно в себе, а внешнее будет очень изменчивое. Ведь Ты одна ещё в состоянии сделать из меня полезного человека; без Тебя я буду жалким маньяком.

Я даже иногда доволен бываю, что Ты теперь пьёшь через край чашу бальной и светской пошлости, для такого умного и чуткого человека как Ты, этот напиток не может не надоесть в скором времени, и тогда Ты тем сильнее рванёшься к весёлой сознательной работе, которая только одна даст в будущем удовлетворение без осадков.

Скоро ли получу карточки Твои? Ты пришли мне их несколько – разных, чтобы мне их везде наставить, чтобы из всех углов смотрели и следили за мною и моими помыслами глубокие глаза Ладушки.

Когда же будет около меня человек, который будет глубоко всматриваться в мою душу, ибо я искренно хочу быть честным, хочу быть добрым, а между тем, многие мои поступки мне самому снаружи не нравятся.

Когда около меня будет такая чистая натура, как Ты, я буду лучше.

Третьего дня сестра мне прислала письмо от имени мамы с такими словами: «мама говорит, что она согласна, чтобы ты женился, но с одним условием, чтобы никаких жалоб от тебя потом не слышать». Чтобы не переписывать, посылаю Тебе два отрывка из милого родственного письма. Прочти и уничтожь их. Инстинктивным желанием моим было отказаться вовсе от такой родни, от такой сестрицы, которая спокойным почерком за тысячи вёрст может писать подобные гнусности. А эти разговоры о деньгах, словно я не знаю, сколько мы получаем из 220 тысяч и из <дому>!.. Ну да всё равно, Бог с ними, видно мы из разного теста сделаны.

Пока Ты – моя, до тех пор все мои падения духом лишь временные, а вот без Тебя – я, родственно, останусь как перст. Я ещё смягчённо смотрю на маму – она, мол, другого поколения, но сестра, так скоро изжившая свой век и заговорившая затхлым языком – мне уже вовсе непонятна и жалка. Боюсь, что они разъединят меня с братьями. О Володе-то я не так сожалею, но младшего Бо-

риса мне бы не хотелось упускать из-под своего влияния, ибо он живой и даровитый.

Ладушка, ведь Ты думаешь обо мне? Ведь иногда хочется Тебе увидеть меня? Хочется поцеловать? Какие смешные, детские вопросы! – а как иногда хочется, чтобы они были отвечены непременно утвердительно.

Мои родные порадовали меня ещё тем, что на мою просьбу денег ответили, что решили высылать с Нового Года – а ведь они знали, что у меня более нет их. Хорошо ещё, что без родных обойтись могу, а то они, хладнокровно, обрекают меня на плохое положение.

Поцелуй Ек. Вас., пусть она не мешает Тебе писать мне более длинные письма.

(Начал писать картинку для Салона – смотри, никому не проговорись).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/203, 4 л.

**[Ноябрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Милая Ладушка.

Сегодня утром почтальон подаёт мне при выходе из дому толстенный Твой конверт. Вот думаю, либо карточки, либо предлинное письмо - оказалось ни то, ни другое, оказалась газета. Хотя я уже и получил этот № «Нов. Вр.»*), но от Тебя получить Буренинский фельетон было мне особенно приятно; Ты им как бы хотела сказать: к чему обращать внимание на Дягилева, когда я совершенно согласна о нём с мнением Буренина. И если я не обращаю внимания, то и не следует и тебе, моему парижскому изгою, сердиться и обижаться на людей, которым ты лично ненавистен. Ведь это Ты хотела сказать?

Но когда же я получу карточки Твои? Ведь это же, наконец – безбожно.

Неужели Ты вчера в воскресенье уже спала в первом часу ночи? Напиши об этом. Дело в том, что вчера у Лосских мы устроили спиритический сеанс, и я спросил, что делает человек, о котором думаю. Стол выстукивает «спит». Спрашиваю: когда поеду в Петербург, и отвечает: «в Мае». Выставляю ли картину в Салоне? Отвечает: да. Будет ли успех? да. Будет ли продана? нет.

Завтра посылаю в «Нов. Вр.» фельетончик*). Не знаю пройдёт ли он или нет. Если будет напечатан, напиши своё мнение.

Вчера Люся Лосская дала мне интересную литературную темку. «Душа, сердце и тело» - можно будет из этого сделать сказочку. Вчера был у Кормона, опять и опять выслушал очень благоприятные и дельные замечания. Просто мне изумительно, как это в Петербурге я вдруг оказался ничего не стоящим, тогда как во мне никаких перемен не произошло. Или это только мне кажется, а на самом деле лучше. Напиши-ка мне подробное письмецо, моя хорошая Ладушка, ведь можно же мне уделить часочек, а для большого письма больше и не требуется. Поцелуй Ек. Вас.

[Понедельник]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/204, 2 л.

*) См. В.П. Буренин. Критические очерки. (Новое время. 1900. 17 / 30 ноября. № 8882).

[Ноябрь/ декабрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Хорошенькая моя, сейчас получил Твои карточки. Просто бесконечное спасибо за них. Больше всего нравится мне длинная карточка в шляпе и кофточке. Помню я эту кофточку, ох, как помню! Менее всего хороша карточка без шляпы, на ней у Тебя нехорошее выражение и причёска какая-то неподходящая – неудачен овал её, но глаза лучше всего на третьей карточке, ещё чего-то чуть-чуть им прибавить и это будут как раз те чудные глаза, которые часто смотрели на меня пристально, когда Ты мне верила. Поверишь ли так опять? Чего бы я не сделал лишь бы Ты верила в меня и верю этой давала мне жизнь.

Ведь и я же человек, ведь и я имею право на существование, а без Тебя горька эта жизнь. Верить ли, но лишь редко в шумном разговоре, в суетне я забываю то что-то тяжёлое, что лежит на сердце моём. И тяжела эта тягость! Ладушка, родная, - спаси меня! Без Тебя мне не сдвинуть этих громад, висящих надо мною. Помнишь ли в сказке в какой-то требовалась молитва чистой девушки, чтобы спасти кого-то откуда-то. Чистая женщина невидимой рукой ведёт мужчину далеко.

Я покажу Твои карточки Лосским – это ничего? Ведь мне не с кем поговорить о Тебе. Люся мне на днях говорила: если до весны не разлюбит, значит уже хороший человек, значит это уже не обыденная барышня, а человек. Лосская мне предлагала, что с будущего года не хотим ли мы поселиться с ними, т. к. и они люди искусства.

Ладушка, радость моя; у меня есть к Тебе просьба. Не рассердись только за неё и если будет какая-нибудь возможность, то исполни.

С некоторого времени Куинджи всё недоволен мною. Через Зарубина всё извещает, что мои поступки его не радуют, но какие именно поступки он не говорит. А между тем, я люблю его и чувствую, что и он меня любит. О Тебе, по моим рассказам, он был самого лучшего мнения и даже нашёл, что женитьба на таком человеке, как Ты, самое для меня лучшее.

Милая, съезди к нему, (не пугайся этой дерзкой мысли). Съезди к нему не от меня, а от себя, что, мол, я чувствую, что он недоволен мною и это меня огорчает и что я писал Тебе об этом. Скажи ему, что Ты пришла от меня по секрету и Тебе хочется знать, как направлять меня и как толкать. Это ему наверно так понравится, что он Тебе не замедлит рассказать очень многое, что никому не скажет.

Он любит своих учеников, как детей, и эта забота Твоя ему будет очень понятна и никому он не скажет об этом - за это можно ручаться. Дома его застать лучше утром часов в 11.

Ведь, право же, я против него зла не имею и ценю его советы. Я ему, помнишь, как-то говорил, что Ты заставляешь меня рисовать, - и ведь как он был доволен. Если только это в пределах возможного, то сделай для меня это.

Да, вся моя надежда, всё моё хорошее – только в Тебе.

Если неловко к нему ехать, то можно бы его вызвать.

Я думаю и Ек. Вас. ничего против такой беседы с Куинджи иметь не будет, ибо у него бывают же и многие дамы за советом, он лицо официальное, а за такое попечение обо мне, он Тебя наверно полюбит. Его адрес: В. О. Биржевой переулок, дом Елисеева (подъезд от Биржи) и на самый верх – в № 8. Там позвонить и на вопрос «кто там» передать карточку с надписью «по делу Н. К. Рериха».

Неужели до весны не увижусь с Тобою? Ой, как скучно, безбожно скучно.

Поцелуй Ек. Вас. и ради Бога, пиши. Всё-таки ты помнишь о майчике и фейлетон и карточки послала.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/213, 4 л.

Елена Шапошникова. 1900.

[Ноябрь- декабрь. 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.

Дорогой Боря.

Что же это никто мне из вас не пишет, хоть бы Ты-то написал, ведь глаза-то прошли, небось. Это, брат, свинство. У [меня]идёт день за день, работа однообразная и всё время на неё уходит, так что даже не соберусь эти дни, в какой музей сходить. Уже третий день у меня какая-то странная сонливость, - ещё только 9 час., а у меня уже глаза слипаются. Лосские - это какие-то хранители для меня - просто хорошо у них себя чувствую, - на редкость.

Познакомился со здешним настоятелем - он был ужасно польщён, когда я пришёл к нему в гости. Вчера у Щукина видал Пащенко и он ужасно жалел, что не знал раньше о том, что я в Париже.

Напиши мне подробно, что в СПб. Как здоровье мамы? Как учење Твоё? Отчего Влад. Степ. мне не пишет? Отнёс ли Ты книги Селиванову? Что знакомые? Кто бывает? Что слышно? У Вас, ведь, холодно уже, а здесь ещё тепло, как у нас в Сентябре. Поздравь от меня Василия Александр.

Пиши голубчик, ведь за всё время Ты только два письма прислал.

Всех и маму целую.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/142, 1 л.

[Ноябрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя Ладушка.

Дело вот в чём: не знаешь ли Ты какой-нибудь барышни образованной, хорошего общества, любящей музыку, ~~для следующей цели~~ и желающей ознакомиться с Парижем. Люся Лосская непременно хочет, чтобы у них до Мая месяца была такая особа, которой они предоставляют комнату, стол, прислугу и полную свободу, а за это просят сопровождать Люсю к профессорше пения, куда ей одной неудобно ездить, а матери каждый день это тяжело. У них теперь живёт одна итальянка, но хотя она и маркиза, но завела какую-то любовную переписку и назначает свидания, и тем её присутствие неудобно. Сегодня они спрашивали меня, не знаю ли хоть я кого-нибудь, но я никого указать не мог, а между тем уверен, что такое предложение улыбнулось бы многим. Только бы была не нытик и не синий чулок. Если у Тебя есть кто-либо на примете, то черкни. (Дорогу и обратно, конечно, дают.)

Вчера Люся усыпила меня и велела видеть Тебя - я видел Тебя в спальне (было уже поздно), сидящей на постели с расстёгнутым лифом. Сегодня мы условились с Лосскими, что я буду называться их дальним родственником, а то по воззрениям французов мне неудобно выходить с Люсей. Часто, очень часто говорю с ней о Тебе и она всё говорит мне: да вам нужно жениться и нужно, чтобы вы подчинились жене.

По-прежнему работаю, скучаю и получаю письма полные всяких поправок, незаслуженных и гадостей. Миленькая, исполни просьбу мою о Куинджи. И, наконец, пиши же.

Мой сердечный привет Ек. Вас. Прилагаю и образчик гадкого письма – одно писанье. Любопытно, откуда подобная грязь идёт?

Прочитав приложение Тебе станет ясно, насколько наш долг всем будущим разбить всех клеветников.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/214, 2 л.

[Ноябрь - декабрь, 1900 г. Париж.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Маленькая моя и хорошенькая Ладушка. Когда же будет письмо-то Твоё – длинное и хорошее? Я очень мучаюсь, что послал Тебе глупое письмо моего приятеля (теперь бывшего), ну да надеюсь, Ты не обратила на него никакого внимания. Не надо ли Тебе чего-либо из Парижа, на праздниках будет okazия послать. Такой же вопрос посылаю я и Екатерине Васильевне. Методичность моей сестры меня изумляет. Как написала, что будут высылать деньги с 1-го Января, так и замолчала, приписав, а до того времени делай как знаешь. Вот мило – значит, им всё равно как я достану деньги, лишь бы они не знали. Хорошо, что тут я получил около 400 р. за Московские иллюстрации – это избавило меня от необходимости ещё раз просить у них.

Курьёз выходит у меня с Лосскими. Так как здесь не принято очень часто без повода показываться барышне с посторонним мужчиною, то они придумали называть меня родственником. Но тут-то и вышло разногласие, - мы не сговорились толком и получилось, что одновременно я и двоюродный брат, и троюродный брат и племянник, а здешний настоятель думал, что я жених и прошлое Воскресенье вздумал даже поздравлять, когда Евг. Конст. сказала – «это всё равно, что сын мой; вот мои дети, мальчик и девочка и ещё мальчика Бог дал». Теперь я всё пристаю к Люсе, чтобы она поскорее обзаводилась женихом (чего очень и Евг. Конст. желает), надо бы выдать её за Щукина (только ей фамилия не нравится). Без Лосских мне было бы очень худо; не с кем было бы говорить о Тебе. Они же берутся (т.е. сами назвались) помочь мне в одном художественном предприятии, через председателя здешней ассоциации прессы. Как бы мне хотелось рассказать Тебе то, что я думаю, но... удержусь пока. Люся всё пристаёт, чтобы я давал ей все свои письма на предварительное прочтение, чтобы она могла уничтожать все неприятные, ибо она находит, что они слишком на меня действуют.

Целую крепко.

Ради Создателя, пиши.

Из новых сюжетов сообщу Тебе следующие:

1. «Облачные девы» – облачные нимфы славянских поверий в диком хороводе несутся облачными формами по грозовому небу.
2. «Ярило» - перед восходом над лесом брызнул высокий столб света и в нём неясными очертаниями славяне видят Ярило.
3. «Скифы» в засаде в степи, наготове ждут врага; лошади лежат.
4. Татары пируют на телах русских при Калке (одно место из Игоря – половецк. мотивы).

Ещё перерабатываю идиолов и добился большой яркости. Я Тебе писал про похвалы Кормона – Тебе нисколько это не было приятно? Ты мне ничем не откликнулась.

Опять перечитал жёсткое письмо Твоё и мне стало жалко зачем я испортил Твоё радостное настроение – до боли стало жалко – вот они большие расстояния! Нельзя ли Тебе отсюда сделать некоторые гипнотические внушения?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/205, 3 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха, 1937 г.:

КОРМОН

Нужно сказать, что Фернан Кормон несколькими своими указаниями заложил многое незабываемое. Некоторые его считали неисправимым академиком и очень формально сухим человеком. По моим наблюдениям, это было не так. О себе Кормон говорил очень показательно: "Если бы мне пришлось начать снова, я бы сделался скульптором".

Ф. Кормон. Каин.

Действительно, когда вы рассматриваете в Люксембургском музее его "Каина", вы понимаете всю тонкость суждений Кормона о себе. Красок он не знал, но в то же время он очень поощрял краски в учениках.

Рассматривая мои эскизы, он сказал: "Мы слишком изощрённы (рафинированы) - мы у Вас будем учиться". Затем, когда как-то я сказал ему, что люблю не столько работать на глазах у всех в общей мастерской, сколько наедине, он как-то сочувственно улыбнулся и сказал: "Все наши школы - чепуха (blague), человек становится художником, когда остаётся один. Если имеете средства - возьмите мастерскую, работайте один и приносите мне этюды. С удовольствием и я к вам зайду". Согласитесь сами, что такое суждение довольно необычно для сухого члена Института, каким для многих представлялся Кормон. Нельзя не вспомнить, как Сарджент, познакомившись с некоторыми членами Королевской Академии, с удивлением заметил: "Они оказались гораздо более человечными, нежели можно было предполагать".

В мастерской Ф. Кормона. 1900-е.

Ученики знали как бы двух Кормонов. Один приходил в Академию, суровоправлял рисунок и не вдавался ни в какие рассуждения об искусстве. Другой же Кормон приглашал к себе некоторых учеников, и в праздничные дни у него собиралась целая оживлённая группа, встречавшая совсем другого Кормона. В эти минуты подчас он мне напоминал Анатоля Франса.

Не скупился на очень меткие и тонкие определения. Умел похвалить, но в то же время успевал бросить какое-то ведущее слово. Приносили к нему напоказ всякие работы и рисунки, и масляные этюды, и эскизы, от законченных и до самых зачаточных.

Из моих эскизов ему нравились "Идолы", "Поход Владимира на Корсунь", "Волки", "Вороны" и эскизы для "Веча". Можно было ожидать, что краски идолов будут чужды Кормону, но он хотя и приговаривал "farouche, farouche" [дикий (фр. – ред.)], но всё-таки показывал остальным ученикам, одобрительно восклицая: "Это для будущего".

Н.Рерих, "Зажигайте сердца", М. 1975 г.

Эскиз к картине «Поход». 1890-е.

ДЕКАБРЬ

[Декабрь 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.

Голубчик Борюшка,
спасибо за письмо. Володю тоже благодарю за хорошее и длинное письмо. Поцелуй крепко маму за передник - он пришёл кстати, пришлось только укоротить его и сузить обшлага рукавов - а так он очень хорош. Посылаю Тебе ещё рисунок другого угла мастерской. Из эскизов могу назвать Тебе: «Святыня», «Священный Огонь» и «Чехарда» (славянск. деревня), и «Облачные девы», «Ярило» (восход солнца), и «Засада» (Скифы), и «Предательница» (женщина впускает врагов в город ночью), и «Победители» (татары после битвы при Калке пируют на телах русских князей), «Тогда.» (из монастырской жизни), «Сборы» (красят ладьи перед походом), и «Заповедные хороводы» (славянские девушки ранним утром на свящ. холме), «Трубный звук» (передача красками грохочущих трубных фанфаров), «Охота», «Мёртвый царь» (Скифы носят мертвого царя по городам его).

Есть и ещё эскизы, но на первый раз довольно. Никому, пожалуйста, этих тем не рассказывай (только маме можно).

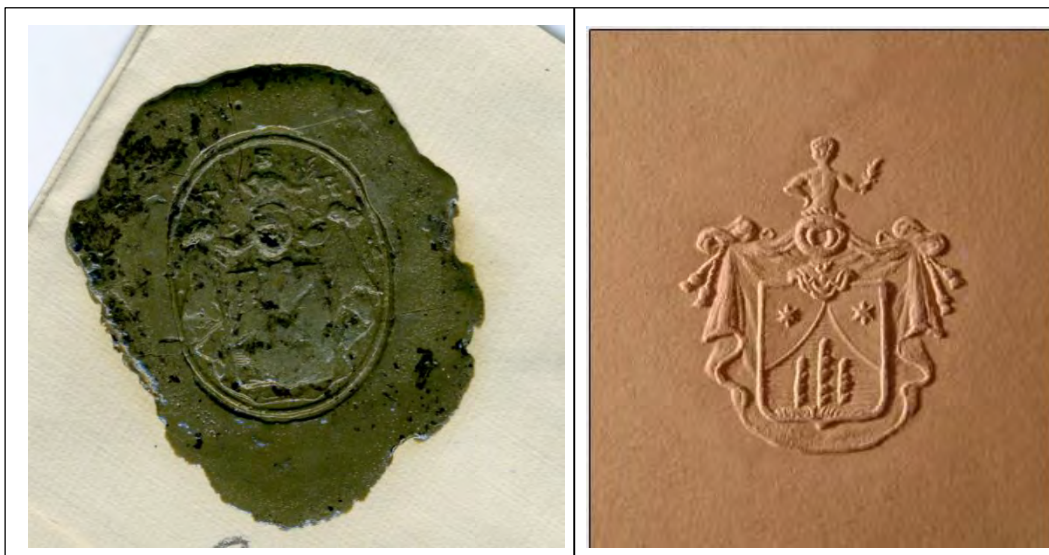
Удивляюсь почему Фролов не передал путеводителей, у него их два или 3 (если не 4). Их вместе лежавшими на моём шкафу надо отнести Селиванову (Шпалерная, 26), а те на которых написано Гинзбург - Гинцбургу в Академию (мастерская в нижнем этаже, первая от ворот против Соловьева сада). Фрак дошёл хорошо, взяли за него 5 франков. Последние дни как-то нездоровилось мне, болела голова и кашель был - видно простудился, но теперь лучше, хотя ещё не совсем. Вчера был здесь первый мороз - градуса 2-3. Пиши мне чаще, как и что у Вас. Смотри не забудь маму-то хорошенько поцеловать - она ведь добрая; хоть Лиля у нас что-то пугливая да сердитая - уж такой у нас механизм. И Володя пускай пишет. Лосские обо мне заботятся. Об Еф. Ив. ни слуху ни духу.

Пускай Фролов мне напишет, по какому адресу писать ему.

Если придёт тетя Юля, то не забудь попросить её достать из Риги наш герб (просто сургучный оттиск, но отчётливый); мне кажется удастся здесь узнать некоторые подробности, ибо герб, кажется, IX или X века.

Отдел рукописей ГТГ ф. 44/140, 3 л.

«Если придёт тётя Юля, то не забудь попросить её достать из Риги наш герб (просто сургучный оттиск, но отчётливый)...»

Сургучный оттиск (ОР ГТГ, ф. 44/1850.)

Герб рода Рерихов.

Н.К. Рерих. **Герб.** Бумага, тушь, перо. 24 x 30 см.
(Государственная Третьяковская галерея, Арх. Гр-2382).

ХРОНИКА

*2 / 15 декабря 1900 г. Париж.
Письмо Н.К. Рериха в редакцию «России».*

Письма в редакцию

Не откажите дать место следующему письму на страницах уважаемой газеты вашей (письму, быть может, несколько запоздавшему, но заграничные переезды не позволяли мне находиться в курсе наших художественных дел).

В Париже до меня дошли странные известия. Г[и] Дягилев в журнале «Мир искусства», позволил себе выходку против меня, похожую на клевету. Он пишет: «Рерих, эта "ласковая тёлка" не двух, а целых трёх маток сосёт. Донедава его две матки кормили, Общество поощрения художеств и г. Стасов, теперь же он ухватился и за г. Стороннего».

Я бы желал знать, чем могло Общество поощрения художеств «кормить» меня? Факт моих отношений к Обществу таков: первоначально я был при Обществе помощником секретаря, а потом, согласно желанию Д. В. Григоровича, помощником директора музея, причём, при вступлении в эту должность, не желая придавать своему служению в Обществе какого-либо корыстного характера, я отказался от вознаграждения. Быть может, мною руководил в данном случае также инстинкт самосохранения против разных инсинуаторов; этот инстинкт, оказывается, не обманул меня, ибо теперь я имею хоть эту возможность — издали ответить извещениям людей, избравших своею специальностью бросать грязь во всё, что не подходит под их мерку.

Допустив в своём журнале «Мир искусства» приведённую сейчас инсинуацию, г. Дягилев всё же посылает мне, как участнику выставки, устраиваемой журналом «Мир искусства», полученное мною на днях уведомление о приёме картин и времени выставки. Представляя себе комичное изображение, как «ласковая тёлка» несёт свои картины на выставку «Мира искусства», — я не мог не смеяться.

Относительно гг. В. В. Стасова и Стороннего не считаю нужным давать какие бы то ни было объяснения: наши отношения основаны всецело на почве идей и любви к искусству, - так что г. Дягилеву этого всё равно не понять.

Художник Н. К. Рерих

Париж, 12-го (25-го) ноября 1900 г.

Россия. 1900. 2/15 декабря. № 578. Суббота. С.3-4.

*3/16 декабря 1900 г.
Письмо С.П.Дягилева в редакцию «России».*

Письма в редакцию

М[илостивый] гсударь], гсподин] редактор!

В № 578 вашей газеты художник Рёрих обвиняет меня за «выходку» против него, допущенную в журнале «Мир искусства». Прежде всего, в письме г. Рериха два неверных сообщения: первое — *я никаких заметок против него не писал*, и второе — *я никаких приглашений ему не посылал*.

Приглашение было послано ему, как и другим художникам, выставочным комитетом, на основании постановления общего собрания участников выставок «Мира искусства».

Что же касается до указываемой г. Рерихом статьи, за подписью «Силэн», то она была написана одним из сотрудников «Мира искусства», и, следовательно, я могу говорить о ней лишь в качестве редактора, ответственного за всё, что печатается в журнале. Г[-н] Рёрих отлично знает, что означенная статья не имеет никакого отношения ни к «корыстному характеру» его «служения в Обществе», ни к его «отказам от вознаграждений». Уже и раньше тот же «Силэн» утверждал, что г. Рёрих «вырос на молоке Стасова и Селиванова»; в означенной же статье он смеялся над г. Рерихом именно потому, что этот «начинающий передовой» художник сразу встал, по его же словам, «*в отношении, основанные на почве идеи и любви к искусству*», с гг. Стасовым, Сторонним и, прибавим, Селивановым (Старовером), а также принял столь живое участие в «передовом» журнале г. Собка.

Примите и пр.

Сергей Дягилев

Россия. 1900. 3/16 декабря. № 579.

*3 / [16] декабря 1900 г. Париж.
Письмо Н.К. Рериха — Шапошниковой Екатерине Васильевне.*

Глубокоуважаемая, добрая и хорошая Екатерина Васильевна.

Простите, ради Бога, за мою глупую посылку письма дурацкого. Я, право, не думал, что оно произведёт такое впечатление, а просто мною руководило такое же чувство как и при всём, когда хочется, чтобы Ладушка была в курсе всего, что со мною происходит. Ведь она у меня одна на свете и, кажется, я не способен ничто так хорошо и свято любить, как её.

Вы, конечно, понимаете как тяжело мне, когда вдруг негаданно и незаслуженно началось на меня какое-то гонение в СПб. - гонение по всем пунктам. Теперь необходима стойкость и упорство, ну да не перейду в область химер.

Если бы вы знали, как мне скучно без Ладушки; ведь никогда я один не жил, а тут ещё одиночество вместе с оторванностью от самого дорогого. В спи-

ритизме и гипнотизме я ищущу лишнего средства услышать что-либо о Ладушке. А она мне последнее время пишет очень худые письма, то на 2-х стран., то после 2-х недель на 1 ½ стран. - ведь это даже обидно. Милая Екатерина Васильевна, скажите ей, чтобы она мне хорошее письмо написала.

Мои уже около 3-х недель мне не пишут — после присылки согласия, и добрая Евг[ения] Конст[антиновна] Лосская очень возмущается за меня, ибо не находит ровно ничего плохого в моих поступках. Как жалко, что эта записка не может сейчас же попасть в Ваши руки.

Ваше письмо получено Воскресеньем 3 Декабря, каким образом именно в Воскресенье утром я получил его. Надеюсь, что к именинам получу письмо от Ладушки. Господи, как жду-то я писем от неё! Спасибо за поздравление - вспомнит ли Ладушка в Среду обо мне? Пожалейте меня. Работаю сильно и нехудо, но душевного спокойствия ни на минуту.

Искренно люблю Вас и почитаю.

Н. Рерих.

Воскресенье 3 Декабря.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/470, 2 л.

[3/16 декабря 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая Ладушка, только что отправил Тебе при письме к Екатерине Вас. записочку, как получаю Твоё письмецо, т. е. только написанное Тобою, а мысли-то чьи-то чужие. Ты пишешь, живут же люди на 3000; конечно, живут, но можешь ли Ты подвергнуть себя лишениям, сопряжённым с этим. Ведь не могу же я приставить Тебя к плите и заставить закупать провизию, как это делается в средних франц. семьях. А насколько мала сумма 2000, Ты увидишь из моих расходов за прошлый месяц.

Квартира	91.	Итого 412 из 440
За материалы	60.	получаемых – ничего
За раму	30.	на одежду, ничего
Натура	18.	на удовольствия и
Прислуга	20.	нисколько на сладкое
Обеды	105.	
Отопл. освещ.	35.	
прачка, молоко.		
утрен. закуп.	53	

Ведь при такой жизни Ты после нескольких месяцев возненавидишь меня! Ты говоришь - «подходящее» место, да кто же найдёт мне его; все замолчали, все Свиныны и прочие попрятались в норы, как только нельзя стало надувать меня и бесконечно тянуть за нос обещаниями. Остается одно - «ждать». Зову я Тебя в Париж, ибо слишком хочется повидать Тебя и ознакомить с условиями жизни. Ты говоришь: «ждать, разойтись или венчаться», и *разойтись* ставишь на ряду и даже в середине между благополучными решениями. Кто расходятся? – те кто сходились по рассудку, а ведь у нас же не было этого, я верю, что

не было. Что же будет, если мы разойдёмся? Ты выйдешь за другого? Ну что ж, выходи, коли можешь, а я буду знать, что с женщинами не стоит обращаться хорошо и душевно, и авось будет время, когда я буду в состоянии их третировать, покупая и унижая их за плату. Если невозможно очень хорошее, пусть будет очень худое. Прости меня, но в Твоих предположениях: или венчаться, или разойтись, я чувствую слова Екатерины Васильевны: «Что же это за бесконечная канитель». Так говорят только отводящие слишком большое значение брака, не понимающие великого значения женщины и вне узкобрачных отношений. Ты мне писала про какой-то Твой план, не совпадающий с моими; какой это план? в чём он состоит? чего касается? Напиши.

Теперь здесь очень холодно, всё морозы и на душе у меня тоже неуютно и иногда после дня работы ложишься в постель и думаешь: «Для чего всё это я делаю? Кому это нужно? Разве так это необходимо? И чувствую, что в СПб. я лишний человек и там меня уже забыли...

Ты и это скажешь: химеры! За последние дни что-то я очень чувствую усталость и осунулся здорово, и нет во мне равновесия, всё время что-то дрожит во мне... Не знаю, когда лопнет...»

Крепко целую Тебя

Н.Р.

Только что хотел отправить Тебе это письмо, как получил Твоё хорошее. Посылаю это лишь в иллюстрацию моего настроения после Твоего скверного послания. Будь покойна Ладушка, мы не должны сомневаться в обоюдном чувстве. Еще крепче целую Тебя. Что Степа? князь и все.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/186, 2 л.

[3 / 16 декабря 1900 г. Париж].

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая Ладушка, сейчас усыпленная барышня рассказывала, посланная в Вашу квартиру, что в воскресенье вечером около 12 часов видела, что у Вас 3 гостей, одна дама и два господина (из них один офицер, стриженный бобриком), а Ты вышла из столовой и наигрываешь, не играешь, а наигрываешь, кажется что-то из Шопена. Тебе скучно. Она описала, верно, Твою наружность. За самоваром полная дама. Через год она видела меня женатым в Париже. Жена стройная, глаза красивые, ласковая.

Если подробности воскресенья верны – напиши.

Сказала, что сегодня или завтра утром получу письмо от Тебя. Она ни о Тебе, ни карточки не знала.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/216, 1 л.

*3-4 декабря 1900 г. [Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Зарубин прислал мне хорошие слова Куинджи обо мне, так что если возможно было сделать, о чём я писал Тебе раньше, то результат был бы самый превосходный. С 26 Ноября прекратили почему-то высылать мне газету. Не знаю, почему Буренин ни помещает моего фельетона, ни присылает отказа. Вчера послал Косоротову статейку об искусстве, чтобы он поместил в Н. Вр., ибо это ответ на его заметку от 25 Нояб. Не придумаю, отчего до сих пор не было моего письма в Редакцию в России? На днях послал Зарубину для прочтения на Куинджистской Среде комичное послание о том: «Како являлся бес иноку Николае и сей иннок беса изгнал». Все эти вещи написаны по вечерам. В театры почти не хожу, разве с Люсей, а то одному и идти-то не хочется. Вот если бы с Тобою – это бы иное дело! Если Тебе придётся читать то или иное в Нов. Вр. или в России что-либо моё – то черкни впечатление.

Ой, как хочется целовать Тебя.

Воскресенье 3 Декабря.

Понедельник. Утро. Сейчас получил письмо Твоё.

Ладушка, смилуйся! Слезно молю.

Разве мог я ожидать такого результата от посылки этого дурацкого письма болвана Курбатова? Или уже я настолько привык к сплетням, что они заставляют меня лишь горько улыбнуться, но боли уже не вызывают. Если бы знала, сколько всяких сплетен я получаю здесь, то Ты не только бы не огорчилась, но лишь пожалела Майчика, в которого, как в помойную яму сыпают всякие гадости. Ну, буду теперь накрепко законопачивать их в себе, может быть, место найдётся, но если что-либо особенно гадкое пишут и это вспучит, то... ну да Бог с ним.

Милая, пощади, пожалей меня. Ты вот никогда не была выбрасываема в чужое общество, на чужие люди – и многое Тебе не может быть понятно.

Ужасно рад за музыку; Ты будешь у меня артисткой – верно говорю, будешь. Если мои слабые уговоры не действовали, то слава Богу, хоть профессорские голоса зазвучали.

Более не буду давать усыплять себя, хотя мне слишком приятно хоть этим способом иметь общение с Тобою. Вчера вечером от Лосских я отправил Тебе записку с описанием того, что было у Вас вчера в Воскр. вечером – рассказанного усыпленной барышней. Я думаю, что это был не офицер, а Стёпа. Особенно меня тронуло, когда она, не зная Тебя, вдруг описала наружность Твою и сказала не играет, а наигрывает на рояле, кажется, что-то из Шопена и ей скучно, очень скучно. Непременно напиши, было ли это. Время – около 12 или немного позднее. Я чуть не плакал. Лосские, которые видали Твою карточку, просто ахнули, ибо барышня никак не могла знать Тебя. Говорит: «Глаза очень большие, какие красивые глаза».

Милая, родная прости меня; я готов хоть морфий принимать, лишь бы иметь общение с Тобою. Хоть из христианства напиши хорошее письмо. Неужели и Стёпа не понял посылки? Поклон ему и Ек. Вас.

Какие печальные именины будут мои.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/217, 3 л.

[4/17 декабря 1900 г. Париж]

Понедельник. 5 час. веч.

Ладушка, моя хорошая – сегодняшней день почему-то тянется нескончаемо. Не могу разобрать предчувствие ли это или боль сознания, что нежданно причинил неприятность самому дорогому для меня человеку. Просто убило меня письмо Твое. Я думал, Ты пожалеешь меня и со злобой на пакостных людей изорвёшь посылку, а на деле-то получилось совсем иначе – гораздо хуже. Только не сердись на меня, ведь и Ты последнее время обижала меня и за 2 ½ недели прислала всего 3 ½ стран. писем.

Как же я рад за музыку Твою! - и сказать не могу, как рад, и, поверь, сделаю всё, что возможно для Твоей музыки; наконец-то Ты понимаешь, что в Тебе есть особая музыкальность, есть творчество в передаче и в этом роде творчества непременно надо быть женщиной.

Творчество в передаче музыкальное куда выше стоит, нежели творчество в передаче живописное и литературное. Воспроизвести музыкальную вещь - это не то, что сделать копию картины. Ведь пойми же Ты, какое великое счастье творить вместе на разных поприщах. Самые счастливые связи бывают именно между художниками разных искусств – возьми Тургенева и Виардо и такими примерами хоть всю страницу покрывай. Насколько несчастливы сочетания художников одного искусства, настолько счастливы соединения творцов в разных областях, которые вдохновляют друг друга.

Сейчас у меня даже была написана телеграмма такого содержания: «умоляю не сердиться, вышло нечаянно, жду известий»; и хотел уже отправить, но теперь 5 часов и она дошла бы после полночи. Проклятые письма, идут так долго – просто невыносимо. Ладушка, надо скорей начинать совместную работу.

Неужели будешь мстить мне тем, что не сделаешь моей просьбы о Куинджи?

Неужели Ты жалеешь, что послала карточки? – ведь они у меня самое дорогое, и надо быть очень злой, чтобы жалеть, что не всё от меня отнято. Поцелуй меня и прости.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/215, 2 л.

[7-8/ 20-21 декабря 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Четверг. Утро.

Сейчас получил письмо Твое и не могу не писать сейчас же. Письмо Твое имеет вид хорошего платья, пропитанного сквернейшими духами. Искренняя весёлость на балах, ухаживанья Молво и пр. (у нас в гимназии был Молво – не тот ли это; тот был негодяй.) Наконец, признание о невозможности сделаться артисткой, вследствие выездов – разве это не сквернейшие духи?

Если бы ни просьбы хоть немного любимого человека, (коим я всё-таки ещё надеялся считать себя), ни советы профессоров, не могут повернуть Тебя к искусству, значит, в Тебе нет любви к нему, значит, всё было случайное, а в

натуре-то лежали выезды и объяснения в любви господ, даже имя которых неизвестно. Ой, как всё это больно, ой, как всё это тяжело.

Ведь, пожалуй, Тебе и всегда потребуются выезды и балы, а жизнь интересами искусства покажется Тебе очень серой, да уж и теперь она Тебе такой, пожалуй, кажется, ибо после 1 ½ недель написать 3 страницы только о балах – показывает, что жизнь занята единственно ими.

Ты требуешь, чтобы я не писал Тебе ни о музыке, ни о прилежных работниках, не делился с Тобою получаемыми известиями – обо всём этом нельзя писать, а о моих работах Тебе настолько не интересно слушать и знать, что Ты о них даже и не заикаешься. Ещё ни одно письмо Твоё не было столь пустым, как это; ещё ни одно письмо не убивало меня настолько. Ты ведь достаточно знаешь, что на Тебе сосредоточивается всё хорошее моё и вдруг почвы не оказывается, вместо суглинка, оказывается супесок, для которого требуется иная растительность.

Неужели Михаил Иванович был прав, говоря, что Ты со мною лишь забавлялась, а натура-то у Тебя совсем иная. Я не хочу верить этому, а Ты такое убеждение навязываешь каждую строчкой письма Твоего.

Ты словно рада, что избавилась от моего присутствия, чтобы дать волю натуре своей.

Ведь пойми же, как все Твои выезды и визиты бывших конногвардейцев мелки с жизнью действительно. Прочитай, (если не разучилась читать), в Мире Божьем «Воскресшие Боги» Мережковского. Почему это какому-то Добржинскому можно играть прелюдии, а я так всегда был недостоин их слушать. На некоторые вопросы моих писем Ты, конечно, не отвечаешь, ибо и письма-то мои чего доброго за выездами читать некогда. Мне очень не нравятся замечания о Люси Лосской, ибо, если бы знала, как она заочно расположена к Тебе, - Ты бы не стала иронизировать. Неужели и Стёпа ничего не говорит Тебе о Твоей жизни?

О моём здоровье и работах ведь писать не стоит, Тебе это вовсе не интересно, ибо в них ни балы, ни выезды, ни же объяснения в любви – не играют роли совершенно. Мне хочется бежать – бежать, не знаю куда, чтобы жить хоть иллюзиями. Неужели мои требования к жизни настолько нереальны? Неужели к женщинам нельзя относиться серьёзно и хорошо?

Пятница.

Милая Ладушка.

Вчера прихожу к Лосским. «Не хотите ли послать что-либо в СПб. с верной оказией? – Позднеев (их родственник, бывший здесь проездом из Пекина) едет в Субботу», - встречает меня Евгения Константиновна. Я сейчас же побежал покупать и устроил посылочку, которую Ты скоро получишь. Пряжка эта совсем нового рисунка; правда в ней есть нечто древнее. Эта модель только что получена. Затем застёжка на юбку сзади и застёжка для волос на затылке – здесь все такие носят. Обе эти застёжки – змии; помнишь?

Екатерине Васильевне посылаю книжечку для визитных карточек. К празднику мне хотелось бы написать письмо князю; *науци*, будет ли это удобно, или просто карточку послать?

Барышня, кот. рассказывала во сне про Тебя, уехала из Парижа и теперь мне не у кого спросить и узнать в каком Ты настроении, ибо себя усыплять я не даю, как Ты просила. Неужели всё ещё гневаешься? и упиваешься мстью за

неправильно понятый поступок?

Читали ли моё письмо в России и ответ Дягилева; я рад, что он не сумел лучше написать его и не припомнил своё посещение мастерской моей. Получаю письма от Зарубина, Рылова, Косоротова, из которых вижу, что в дружинах наших царит смятение и вялость. Да, надо выжить, иначе ничего не поделаешь. Уже можно поздравить со здешним Рождеством, с праздником. Вот-то скучно будет мне встречать его.

Поцелуй Ек. Вас.

Твой бедный
Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/230, 4 (+1) л.

[10/23 декабря 1900]

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка, скоро, вероятно, я получу от Тебя письмо следующего содержания: «Майчик, не только не пиши мне про музыку и про прилежных работниц, но наоборот, изволь писать, что самое что ни есть лучшее – это балы и разговоры с кавалерами», - и такого письма я уже ни за что писать не стану. Твоё вчерашнее письмо меня сильно огорчило. Неужели и Ты не лучше тех десятков тысяч красивеньких и славненьких барышень, разноцветными бабочками летящих по паркету? Неужели так легко Тебя можно отбить от правой дороги? Неужели только там, где шум и гам, и свет, и глупая болтовня, неужели только там и хорошо? Хорошо до такой степени, что можно наглухо забыть любящего человека, который только и живёт этой любовью. Ведь для более сердечного письма не требуется часа; чтобы написать 4 странички надо не более 20 мин. и неужели и их так трудно уделить далёкому Изгою. Теперь я не сомневаюсь, что мою просьбу о Куинджи Ты, конечно, не исполнишь. Ты скажешь: Майчик, не стоит для Тебя этого делать; что мне любовь твоя, она где-то глубоко, а кругом и поверх её, смотри, сколько блестящего и гремящего и сверкающего.

Вот это жизнь, это радость; когда меня превозносят на балах это фактический триумф, а не химерный, далёкий, которыми живёшь Ты».

Ведь Ты мне не писала 2 недели, а потом 1 ¼ стран. Посланные Тебе вырезки писем и ещё кое-какие мои фразы, неужели не вызвали в Тебе более тёплого слова? О моей текущей жизни Тебе, вероятно, не интересно знать.

Екат. Вас. поцелуй; низенько ей кланяюсь.

Это письмо и конверт я писал 18 минут.

Отдел рукописей ГТГ, 44/231, 2 л.

[23 ст.ст.] декабря 1900 г. Париж
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.)

Поздравляю с Рождеством

Суббота

Дорогой мой Борюшка.

Огромное спасибо Тебе за Твоё хорошее письмо, - читал его с удовольствием, тем более, что здоровье Твоё и мамино настраивается. Здесь был Позднеев (из Пекина) с ним я послал маме и Лиле (сердитой) по брошке. Маме чёрная, Лиле серая; их передаст Вера Конст. Голстунская. Карточку я думал послать Вам и один любитель уже снимал меня, но не вышло, а заказать тут здорово дорого – так дюжина кабин. карт. 100 фр. Правда не дорого стоит чёрная брошка? – всего 18 фр. Неужели Влад Степ. писал мне? – я ничего не получил. Поклонись ему; скажи, на днях напишу.

Работаю я много, так что на днях должен был устроить передышку и дня три толкался по городу, а то голова даже начала болеть. И рисую и пишу и сочиняю и большие вещи и малые.

Напрасно Лиля беспокоится о полемике: - полемика эта меня вовсе не трогает, тем более, что письмо Дягилева неумное. Поклонись Лоренцу; рисуй у него, это хорошо. Но не приучайся затачивать рисунки тушёвкой; главное смотри за верностью контура и постановки. Когда наберётся несколько рисунков, покажи их Зарубину, он скажет что нужно.

Посылаю Тебе рисуночек одного угла мастерской; другой раз пошлю ещё другой угол. Она у меня немного косоугольная, так это острый угол.

Поцелуй всех, а маму покрепче. Лиле скажи, что на сердитых воду возят и пиши мне, Голубчик, почаще. Как ученье? Какова цензура?

Бывают ли Бергман и Заболотский? Что слышно по поводу писем моего и Дягилевского. Н.Р.

Здесь погода прекрасная, тёплая и солнечная.

Отдел рукописей ГТГ. 44/141. 2 л.

29 Декабря с.с. 1900 г. Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

29 Декабря с/с 1900 г.

Дорогая моя Ладушка!

Сейчас получил письмо Твоё. Странно, почему Ты говоришь только о грубости и не можешь представить себе ничего другого, т. е. того, как было на самом деле. Отчего Ты ни на минуту не задалась мыслью, что, верно, с человеком что-либо происходит, если он так пишет. А происходило со мною следующее. Уже порядочное время, как я нездоров: болит бок, нервный кашель и общий упадок, и попробуй себе представить, как на меня могли действовать Твои лаконические записки, с извещением о радости от выслушивания объяснений в любви. Если только Ты в состоянии представить, какое впечатление можешь производить на человека, почти выброшенного за общественный борт, больного, сомневающегося — такие известия, то не удивишься такому письму моему. Ведь 3 месяца жду я хоть доброй строчки от Тебя, а Тебе за ба-лами всё некогда. Хоть бы строчку сердечную! Хоть бы слово!

Я замечаю, что всё моё и здоровье, и дела, и мысли Тебя несколько не интересуют, — мало того, даже не существуют для Тебя, ибо ни разу Ты ни о чём не заикнулась. Когда я обратился к Тебе с просьбой жизненной важности и очень легко для Тебя выполнимой — Ты холодно отказалась. Ты обижаешься за не посылку визитной карточки (хотя я послал 27 Декабря с/с) и не хочешь задуматься: да здоров ли он. Ведь заболел я чем-либо опасным, разве Ты приехала бы посмотреть за мною? — нет, (как же покинуть милые выезды). Может быть, Ты и это письмо назовешь грубым и не захочешь заметить в нём ни боли, ни слёз, ни ужаса от произнесения вслух подобных вещей. Человек, которому думаешь отдать жизнь, вдруг говорит о посылке карточки — это истинно ужасно! Неужели в Тебе нет ко мне ничего теплого? Неужели когда Щукин, Онегин и прочие видящие меня, говорят: «что это с вами, вы, пожалуй, скоро у нас на нет сойдёте», тогда Ты будешь говорить о визитных карточках. Почему Ты просила больше ничего не посылать Тебе? — разве Ты не поняла, как обидела меня такую просьбою? Уж если на то пошло, то это даже не деликатно.

Неужели только в смерти, в самом деле, покой и счастье. Когда полон самых тяжких жизненных вопросов, тогда разговор о карточках — жесток. Значит, только посылай я Тебе шаблонные деликатные письма (с французскими фразами), и всё было бы хорошо, а до моего внутреннего состояния Тебе нет никакого дела? Если Ты будешь приходить в восторг от объяснений в любви, то я должен только аплодировать? Смилуйся Ладушка! Земно кланяюсь и слёзно молю, будь интеллигентной и умной. Как Ты не можешь понять, что если бы я истинно не любил Тебя, то относился бы к Тебе гораздо легче. А я ведь люблю Тебя, очень, ужасно люблю. И хочу и Твоей любви, а 2 месяца, как вместо тёплого хлеба Ты мне посылаешь булжники. Хоть чем-нибудь докажи, что я Тебе ещё дорог. Ближе о себе и моих делах не пишу; боюсь наскучить Тебе. Поцелуй Екатерину Васильевну.

Н. Р.

Из письма Твоего видно, что теперь Тебе лучше, так ли это? Извести сейчас же.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/167, 3 л.

ИЗВЕСТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. 1901. № 1.:

Н. К. Перих

К древностям Валдайским и Водским (Раскопки 1900 года)

С 1899 года, как известно, Императорское Русское археологическое общество предприняло ряд повременных исследований в пределах Псковской и Новгородской губерний с целью выяснения типов славянского погребения. Разыскания этого года сосредоточились в Старорусском уезде Новгородской губернии и в Порховском уезде Псковской; в 1900 году были произведены раскопки в Псковском и Опочецком уездах Псковской губернии, так что ближайшими областями, подлежащими исследованию, являются теперь уезды Боровичский (древний Бежецкий уезд) Новгородской губернии и Вышневолоцкий Тверской губернии. Таким образом, нижеописанная раскопка

в Валдайском уезде — промежуточном между означенными уездами и, кстати заметить, также неполно исследованном — по месту и (как оказалось) по результатам является очень целесообразной для дальнейших работ Общества в Новгородской губернии. Предметом раскопки в Валдайском уезде были: могильник, исследованный мною по предложению Императорской Археологической комиссии и при ближайшем участии и содействии герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского, и 4 кургана на земле имения Котово, в местности бывших раскопок слушателей Археологического института, произведённых на земле господина Рогачёва в урочище «Осиновый Рог».

Могильник, раскопанный по предложению герцога Лейхтенбергского, расположен в 10 верстах от станции Окуловка на берегу озера, смежного с имением герцога Горы. Урочище, где находится могильник, носит название «Воскресенский Нос»; это название производится от будто бы стоявшего на том месте монастыря, уничтоженного в «Литовское разоренье». (Это определение усвоено по всей округности памятникам, как курганным, так и могильным, более или менее значительной древности, ибо, как мне приходилось замечать, новейшие жальники приписываются «забыдущим родителям», староверам, но не «Литовскому разоренью».)

Рис. 1.

Воскресенский могильник представляет холм (см. рис. 1), расположенный в расстоянии сотни шагов от озера, которое, судя по прежнему высокому берегу, в настоящее время значительно отступило от прежней границы. Форма холма расплывчатая, слегка возвышенная в южной его стороне. Высота холма $3\frac{1}{2}$ арш., через вершину 26 арш. Весь холм зарос плотным кустарником и деревьями, пронизавшими корнями всю возвышенность и много затруднявшими работу. Вся поверхность холма усеяна камнями разной величины и формы, иногда глубоко запавшими в землю. Часто плоские валуны и плиты поставлены стоймя; на одной лежавшей плите, на её исподней части был усмотрен намёк на осьмиугольный выбитый крест, оказавшийся на внутренней части плиты, вероятно, вследствие её падения. Камни, занимающие поверхность холма, лежат в полном беспорядке, не образуя никаких очевидных фигур, и некоторую симметрию можно видеть лишь в основании холма, обложенном местами прерывающимися, но всё же правильным рядом крупных валунов. Величина валунов на поверхности холма иногда достигает очень крупных размеров и при работе требовала усилий 6-8 человек.

Рис. 2

При раскопке оказалось, что камни на поверхности лежат не в один ряд, а местами в два и даже в три слоя; иногда нижний слой камня лежал почти непосредственно на костяках. Под дёрном около вершины холма был найден выбитый из красноватого песчаника крест (см. рис. 2) величиною $\frac{3}{4}$ арш. Под верхним слоем камня обнаруживалось много золы и угля, а также, особенно под крупнейшими валунами, черепки горшков, сделанных на круге, неорнаментированных, без следов огня.

На глубине $\frac{3}{4}$ - $1\frac{1}{4}$ арш. от поверхности холма оказался целый слой костяков (всего числом более 30), часто почти соприкасавшихся друг с другом. Кость - жёлтая, хорошей сохранности. Направление костяков — с востока на запад, лицом на восток. Положение — лежачее, руки вытянуты вдоль или прикасаются к тазу. Около костей многочисленные вкрапины угля, а также черепки горшков (таких же, как под верхними камнями), помещённых преимущественно около черепа. Конечно, об отыскании формы и величины отдельных могил нечего было и думать, так как весь грунт холма — рыхлый песок. При костях не оказалось никаких вещей.

При дальнейшей работе было замечено, что песок под костяками не материковый, а имеет характер насыпной и содержит уголь и зольные прослойки, и раскопка, продолженная вглубь, дала на глубине $2\frac{1}{2}$ - $2\frac{3}{4}$ арш. новый слой костяков. Относительно зольных прослоек следует заметить, что, быть может, первоначально они и имели какую-нибудь систему, но впускными погребениями были совершенно перемешаны и сбиты.

Второй слой костяков, меньший по общему числу их, — всего открыто 13 погребений в разных частях насыпи — был сравнительно с первым худшей сохранности; кость хрупкая, сероватая. Черепа с ясным долихокефализмом. Положение костяков сидячее, лицом на юг, т. е. перпендикулярное предыдущим. Под костями золы не найдено, так же как и вещей при костях, кроме нескольких черепков чёрного горшка, оказавшихся при одном погребении.

Почти непосредственно под вторым слоем костяков, на большем или меньшем расстоянии (ибо глубина погребений не одинакова), начался слой золы и угля толщиной от $2\frac{1}{2}$ вершк., местами, около центра, даже $5\frac{1}{2}$ вершк., т. е. толщины очень редкой. Раскопка обнаружила кострище, простиравшееся на значительную площадь основания насыпи. Среди кострища были обнаружены следы дубовых обгорелых плах, лежавших в направлении от востока к западу, осколок обгорелой берцовой кости какого-то крупного животного и несколько массивных шлаков и сплавов железных, в одном случае как будто со следом меди. Под кострищем идёт подстилка толщиной от 2 до 3 вершков из чистого белого песка, площадью почти во весь холм. Под песочной подстилкой лежит плотный красноватый песок — грунт.

Итак, общая картина Воскресенского могильника получается следующая. Небольшое естественное возвышение приготовлено для какого-то огромного сожжения. Возвышение усыпано ровным слоем белого песка. Самосожжение, совершённое на возвышении, как сказано, должно было быть весьма значительно, ибо оставить от 3 до $5\frac{1}{2}$ вершков золы на широком пространстве мог только большой огонь, истребивший огромную массу материала. Над этим сожжением возводится насыпь из жёлтого песка почти в сажень высоту; в насыпи идут какие-то зольные и угольные прослойки. Верх и основание насыпи устанавливаются крупными валунами почти сплошь. (Следует заметить, что большинство верхних камней носят следы сильного огня, от которого легко рассыпаются, но неизвестно, чему современен этот обжог, - основному ли кострищу, или верхним углям при черепках.) Эта насыпь над сожжением впоследствии служит местом одновременных впускных погребений, сперва сидячих на глубине $2\frac{1}{2}$ арш., а затем многочисленных погребений лежащих на глубине 1 арш. Малая глубина верхних погребений заставляет относить их к допетровскому времени, в которое начались более глубокие погребения. Верхняя каменная обкладка подвергалась перестановке, вероятно, не раз и потому дошла до нас в столь бесформенном виде.

Последовательность времени погребений Воскресенского могильника можно расположить, без большой ошибки, по следующим периодам: основное сожжение - X век; глубокие погребения с сидячим положением костяков - XII-XIII вв.; и, наконец, верхние мелкие погребения с лежащими костяками - XV в., а также начала XVI в. Располагая погребения по этим периодам, всё же трудно решить, к какому именно роду древностей следует приписать Воскресенский могильник, т. е. относить ли его к жальникам или к виду курганных погребений. В пределах окрестных уездов известны и жальники с сидячим положением и приблизительно такую же сохранностью кости (Солоницко Старорусского уезда), и также курганы, содержавшие многотрупное погребение на возвышении: в селе Любитове Порховского уезда в кургане, в нижнем слое насыпи, найдены 4 костяка в сидячем положении и над ними один костяк лежащий (очень мелко погребённый); направление верхнего и нижних костяков было взаимно перпендикулярное; при костяках вещей никаких не найдено; как видно, получается хотя и сильно уменьшенная, но почти полная копия теперешнего Воскресенского могильника (за исключением нижнего сожжения). Таким образом, если рассматривать Воскресенский могильник как курганный погребение (в отношении двух верхних слоев погребений), то он может уяснить одну местную археологическую особенность, а именно, отсутствие в окрестностях обычных курганов средней величины, содержащих лежащее или сидячее погребение на материке или на возвышении. Вместе с тем Воскресенский могильник заставит обратить особое внимание на раскопку и прочих жальников Валдайского и Боровичского уездов и не ограничиваться раскопкой лишь верхней части жальников, расположенных всегда по буграм и возвышенностям, ибо эти бугры могут быть, как видно, и не природного происхождения. В заключение о Воскресенском могильнике надо отметить крупную каменную обкладку основания, редкую по ближайшей окрестности.

Недалеко от Воскресенского могильника на том же берегу озера расположен небольшой жальник. Могилы представляют продолговатые, с направлением с востока на запад, отдельные друг от друга клетки, уставленные небольшими валунами. Раскопка обнаружила в 1 $\frac{3}{4}$ -2-аршинных могилах лежащие костяки очень хорошей сохранности, головою на запад, со скрещенными на груди руками. Ввиду небольшой древности этих могил и отсутствия находок, дальнейшая работа была прекращена; всего было вскрыто 5 погребений.

В той же местности (в 4 верстах от «Воскресенского Носа») мне были указаны два небольших кургана, расположенных недалеко от лесного озера. Вышина курганов — 1 $\frac{1}{2}$ арш., форма расплывчатая, без камней в основании. Оба кургана уже были раскопаны, но всё же я попробовал прорезать один из них, замечая, что он подвергся неполной раскопке. На уровне материка оказалось кострище, во всю площадь основания насыпи на кострище лежали не тронутые прежней раскопкой кости ног, но остальные кости были уже сбиты и перемешаны, хотя, судя по центральному положению ножных костей, первоначальное положение костяка легко могло быть сидячее.

В общем интересно отметить, что в Валдайском крае курганы с сидячим или лежащим на материке погребением встречаются особенно редко, оставляя основной тип различным сожжениям, так что описанные мною в прошлогоднем отчёте курганы при Глубочице в местности Болотова являются необычным для района типом*. К курганам с сожжением относятся раскопанные мною в 12 верстах от Болотова на земле имени Котово 4 кургана. Курганы расположены попарно недалеко от берега озера; окрестность — высокая, песчаная, покрытая мелким редким сосняком и лишаями. Камни в устройстве курганов совершенно отсутствуют; форма насыпей — конусообразная, для рыхлого песчаного грунта очень хорошо сохранившаяся. Высота насыпей: большей — 3 $\frac{1}{4}$ арш., меньшей — 2 $\frac{1}{2}$ арш. (по окружности 52 арш. — 41 арш.). Обряд погребения в этих курганах — полное сожжение на возвышении. В большем кургане возвышение достигло до 1 арш. высоты, в меньших не превышало $\frac{1}{2}$ аршина.

В верхних частях насыпи найдено по одной или по две небольших угольных прослойки. Ни костей, ни предметов не найдено.

Белый песок в основании Воскресенского могильника просится на близкое сопоставление с курганами Санкт-Петербургской губернии, исследованными слушателями и членами Археологического института весной 1900 года.

Чтобы придать этой экскурсии специально научный интерес (кроме опытного, раскопчного), для экскурсии была выбрана местность в окрестности села Гостилицы Петергофского уезда. В намеченных курганных группах хотя и были уже ранее произведены раскопки Л. К. Ивановским, но дневники раскопок (частью утерянные) не объясняли ни подробного строения курганов, ни их характерных отличий, а между тем таких интересных подробностей нашлось (для сравнительно небольшого числа исследованных насыпей) немало.

Я не буду касаться подробно этой раскопки в ряду прочих работ в Санкт-Петербургской губернии, так как о положении этих работ приходилось писать уже не раз, и кроме того, дневники раскопки будут подробно обработаны господами членами Археологического института. (Отчёт экскурсии имеет появиться в ближайшем выпуске «Вестника института»).

Здесь я укажу лишь некоторые интересные детали, которые ещё раз доказывают, насколько условно понятие о «достаточно исследованной» местности. Из исследованных курганов прежде всего интересны два погребения, расположенные далеко в стороне от прочих групп. В этих насыпях, при наличности всех старых погребальных элементов, всё же чувствуется какая-то их новая комбинация. Устройство и содержание этих насыпей следующее. В первом случае встречено погребение на возвышении в 1 арш. при общей насыпи в 2 арш. На возвышении оказываются две подстилки: 1) подстилка из белого песка (про который, кстати, копальщики заметили, что такого цвета песок находится верстах в 3 от курганов на материке или же у Петергофа в море); 2) подстилка зольная (вероятно, не кострище) толщиной до 2 вершков. На зольной подстилке помещается сидячий костяк (сильно истлевший), лицом обращенный на северо-восток. При костяке найдены предметы: пряжка, кольцо, нож железный, кусочек ткани с приставшим осколком бронзы, серебряная бляшка (на правой руке) и сломанная серебряная монета г. Наумбурга XI в. В верхней части насыпи находится небольшая зольная прослойка. Второй курган, при насыпи высотой также в 2 арш. (но более расплывчатой формы), содержал погребение также сидячее, в том же направлении, но не на возвышении, а на материке. Под костями — слой золы и белого песка. Кости (плохой сохранности) иногда носили слабую окраску бронзы, но сами предметы уже исчезли. Среди золы в области ступней найдена серебряная монета епископа Кёльнского Пилигрима, XI века. Как в первом, так и во втором случае камней в насыпях или в основаниях их вовсе не оказалось; это в окрестности редкая особенность и объясняется, во всяком случае, не отсутствием камня, который на окрестных полях находится в обилии. И обособленное местонахождение этих курганов, и отсутствие каменного кольца основания, и неперемное нахождение монет — всё это заслуживает отметки и внимания. В следующей исследованной курганной группе, а именно около деревни Дятлицы (в 5 верстах от Гостилиц), необходимо отметить факт необычайного разнообразия устройства насыпей. Остаётся только пожалеть, что большая часть 1-й Дятлицкой группы уже исследована Л. К. Ивановским и дневники его слишком незначительны, ибо первоначально картина разнообразия насыпей этой группы, несомненно, была гораздо полнее.

Из сравнительно небольшого числа погребений, раскопанных в 1-й Дятлицкой группе (всего их раскопано там 14), 11 курганов дают характерные отличия. *Насыпи* отличались следующими особенностями:

- I. Обложенное ровным кольцом валунов сидячее погребение, обращённое лицом на восток, с опорой позади костяка (большой валун). Около таза с левой стороны кучка золы.

- II. Погребение на толстом кострище на возвышении высотой в $\frac{3}{4}$ арш. Костяк лежит головою на юго-запад. Около левого бедра серп. Курган обложен крупными булыжниками; на глубине 6-7 вершков от поверхности насыпи общий сводик из мелких валунов.
- III. Погребение без кострища в лежащем положении головою на запад. У правой ноги железный топорик. В массе насыпи в различных местах встречаются маленькие прослойки и вкрапины золы и угля. На глубине $\frac{3}{4}$ арш. от вершины много камней, не образующих правильного свода.
- IV. Сидячее погребение, обращенное лицом на восток, на материке. Золы не встречено. Снаружи весь курган сплошь выложен булыжником. Находки: браслет, височное кольцо и бубенчики древнего типа.
- V. Расплывчатый курган высотой 1 $\frac{1}{2}$ арш. По окружности 4 больших валуна, приблизительно по странам света. На материке костяк в сидячем положении. Находки: нож железный, два перстня древнего типа и широкий браслет финского характера.
- VI. Высота 1 арш. Весь курган сплошь выложен каменным сводом. На материке рядом 3 костяка, лежащих головами на юго-запад. В области черепов значительная кучка золы. Находка: 2 браслета.
- VII. Лежачее погребение на материке. Череп лежит на земляном возвышении лицом на восток. Золы и дерева вовсе не найдено. Основание кургана обложено ровными булыжниками. Находки: литой браслет, 2 бусины (одна - чёрная стеклянная, вторая - голубая смальтовая).
- VIII. Лежачее погребение на материке головою на запад. Костяк покрыт доскою (ширина её 10 вершков, толщина $\frac{3}{4}$ вер., длина 1 арш. 12 вер.). Интересно наблюдать влияние деревянного покрытия на сохранность кости: кость вне покрытия исчезла совершенно, тогда как под покрытием сохранилась удовлетворительно. Под костяками подстилка из белого песка толщиной в 3 вершка. Золы не найдено.
- IX. Лежачее погребение на материке, обращенное лицом на восток. Под костями несколько кучек углей. Правая рука костяка закинута за череп.
- X. Лежачее погребение на материке. Высота насыпи 2 арш. Вокруг насыпи каменное кольцо. В разных частях насыпи вкрапины золы и угля. Под костяком кострище. Находки: топор (у правого бедра) и пряжка.
- XI. На глубине 2 $\frac{1}{2}$ арш. на материке лежащий костяк на зольной подстилке. Погребение в ясно выраженной колоде, но без покрытия. Находка: браслет (на правой руке).

Таково разнообразие устройства дятлицких погребений; объясняя это разнообразие прежде всего одновременностью насыпей, нельзя не допустить ещё и другой догадки, а именно: на разнообразие погребений, свидетельствующее как бы о не установившемся, колеблющемся погребальном ритуале, не мог ли иметь влияния местный финский состав населения, перенимавшего курганные погребения от соседей славян?

Жаль, что неполные дневники окрестных раскопок не выведут это предположение дальше вероятия.

Известия Археологической комиссии. 1901. Вып.1. С. 60-68.

1901 г.

3 января 1901 г. Париж.

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая, бедная Ладушка,
как Ты могла додуматься до того, чтобы я стал показывать кому-нибудь в Париже письма Твои; если я не могу не говорить о Тебе, то письма-то святы.

Неужели Тебя не заставляют выезжать? Неужели Тебе самой этого не хотелось? – ведь Ты писала, как весело Тебе на балах. Последние дни я чувствую себя как-то нездоровым - нервы скверные, нервный кашель и общее недомоганье.

А тут ещё последнее письмо Твоё – в конец меня обидевшее. В сегодняшнем хоть вижу, что ожидаешь от меня писем, а то, словно и вовсе мною не интересуешься. Даже работаться мне как-то хуже стало. Сейчас второй час ночи. Вернулся я из театра и нашёл записку Твою, в которой у Тебя хватило сил только на 2 ½ страницы.

Подожду Твоего длинного письма и тогда отвечу длинным же.

3 Января 1901 года

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/150, 1 л.

[13] Января 1901 г.

Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.

Январь 1901. Rue de Faubourge St. Honoré, 235.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Сегодня получил я письмо Ваше и жестоко ему обрадовался; из Вашего contex'a чувствую, что за это время получена Вами лишь одна моя карточка от 5 янв. н.с., а предшествовавшее письмо и последующая весточка от 30 дек. ст. ст. не дошли, и это мне жалко. Рад, что Вы здоровы и по-прежнему боретесь со злочестивыми, - давай Господи на многие лета такого же взрывчатого пороха и едкой шрапнели на смятение сиана вражеского. Жалко, что не читал статей Ваших. Вы спрашиваете, не думаю ли я назад в Питер тянуть? – Нет ещё, ибо уж очень покойно мне работается здесь, а «вредный» для чего-либо Париж стоит от меня далеко на стороне, ибо живу я, точно в ските. Я очень рад, что имею общение именно с Кормоном; про него могу сообщить Вам изумительные вещи. С первого же визита моего он сказал: «У вас много своеобразного, вы должны сохранить это! Мы слишком цивилизованны, у нас пропала свежесть, берегите её – вы на это способны – у вас есть своя точка зрения!» С этого раза он начал всячески отличать меня; особенно интересовался эскизами, прямо трогательно вдумывался в русские темы. Как мне передавали, в моё отсутствие он говорит обо мне много хорошего. Последний раз я был у него четыре дня т.н.; посмотрел он мои рисунки, сделанные дома и в общей мастер-

ской, сличил их и посоветовал, если есть возможность иметь у себя натуру (я на это ответил утвердительно), то работать наедине. «Посмотрите, насколько рисунки ваши, сделанные дома, художественнее рисунков из общей мастерской: вы принадлежите к людям, которым необходима интимная художественная атмосфера и на которых *blague* больших компаний действует удручающе». Из эскизов ему особенно понравились: «Предательница» (женщина впускает врагов в город), «Чехарда» (из славянск. жизни), «Священные хороводы», «Очаг» и нек. др. напр., «Идолское», - где фигурирует, между прочим, идол, подаренный мне Вами.

Очень скверное перо – потом сделаю что-либо посходнее. В левой части картины ещё идолы (в середине большой), и старик, что при них, ну там жрец, что ли. Он смотрит на реку, и по ней бегут варяжские драконы с цветными парусами. Яркое солнце. На всём должна быть яркая языческая нота. Назвать можно скорее «Святыня». Когда буду иметь фотографию, - вышлю. Работаю я много и спокойно как-то. Кроме немногих дней, посвящаемых музеям, я всегда стою на работе от 9 утра до 5 дня, с малыми перерывами; в Питере никогда столько времени я не работал, поэтому не удивительно, что за три месяца здешней работы я нарисовал и намазал столько, сколько прежде и восемь мес. не делал. Замечаю за собою радикальнейшие перемены; от них же первая – что, когда вернусь на Русь, то выкину вон и навсегда всякие общества и всякие служения. Дело художника настолько свято и высоко, что не понимаю, как смел я от него вырывать целые куски, чтобы бросать их на активное участие в Обществах. Просто два последних петербургских года в смысле искусства я считаю за ничто. Вообще за границей больше умеют работать, нежели у нас; когда здесь встречаешь художника, то и не спрашиваешь, что он делает, ибо художник ничего иного не делает, как работает по искусству, а у нас как-то «при искусстве» - в этом направлении и я было уже начал подаваться, в чём и каюсь. Как декаденты-то на меня обрушиваются! – Ещё бы, ведь один я не пошёл на их зов. Если бы они меня не пригласили, то не было бы той ярости, а теперь вышло очень эффектно. Хоть бы пришлось всю жизнь быть одиноким, - всё же лучше, нежели становится рядовым в ряды какой-либо банды.

Париж нагадить мне вряд ли может, т.к. до Парижа, собственно, я имею слишком мало касания; мне всё равно, где именно работать, хоть бы и в Петербурге, но боюсь одного, что там начнутся опять тягания по обществам и разговоры о месте. А уж ни к каким «местам» мне прикасаться не хотелось бы. Сейчас получил газету; в хронике описано открытие декадентской выставки; хитро описано! – перечислены все посланники и не названо ни одной картины. Можно подумать, что «русский художник» и «Бенуа» синонимы, столько этих последних при открытии присутствовало.

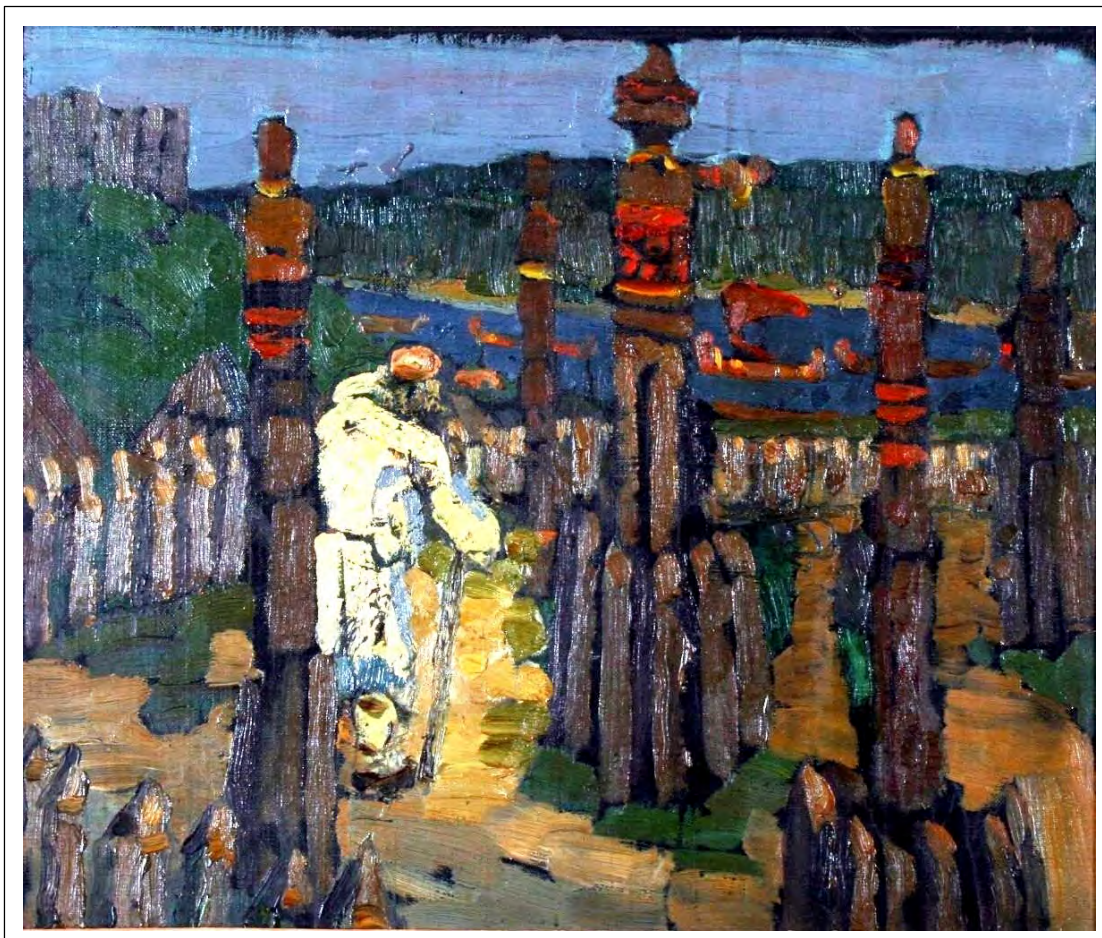
Вам, конечно, известно, что комитет Елисейского Салона был свергнут, а затем выбран в том же составе. Поговаривают о 3-м Салоне «молодых», но это маловероятно.

Если я получу статьи Ваши, буду ужасно рад; так мало в Петербурге осталось людей мне доброжелательных, что по пальцам перечесть. Желаю Вам всего доброго от всего сердца.

Искренно преданный Вам Н. Рерих.

Воскресенье.

Н.К. Рерих. «Письма к В.В. Стасову. Письма В.В. Стасова Н.К. Рериху» СПб. 1993.

Н.К. Рерих. Идольское (Святыня). 1901.

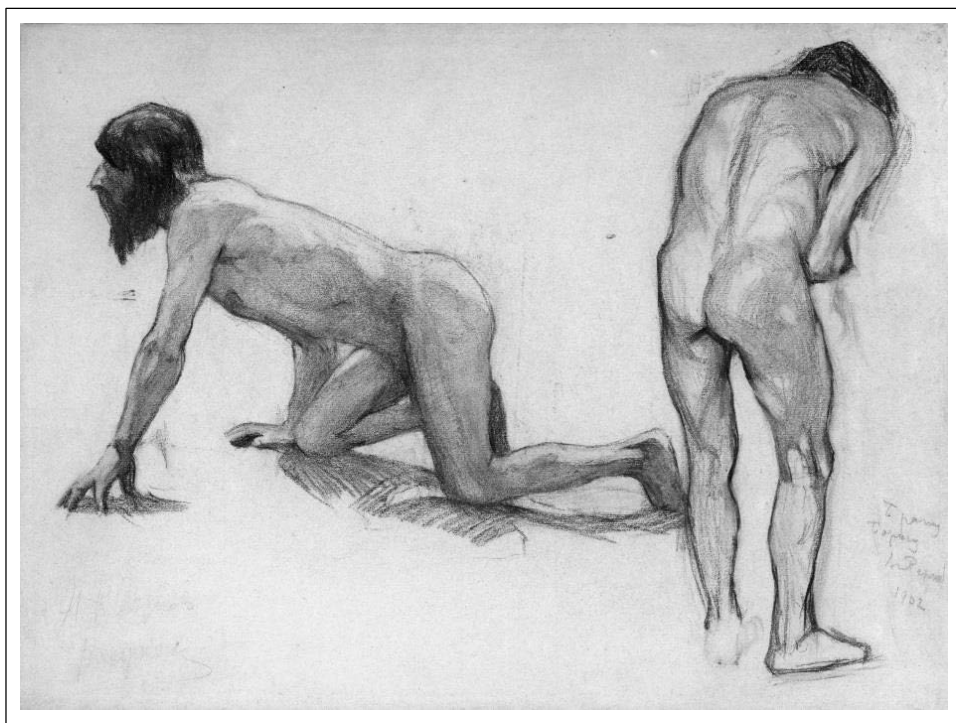
Из письма К Стасову:

«Идольское», - где фигурирует, между прочим , идол, подаренный мне Вами... В левой части картины ещё идола (в середине большой), и старик, что при них, ну там жрец, что ли. Он смотрит на реку, и по ней бегут варяжские драконы с цветными парусами. Яркое солнце. На всём должна быть яркая языческая нота. Назвать можно скорее «Святыня». Когда буду иметь фотографию, - вышлю...»

Н.К. Рерих. Человек с рогом (Юноша, несущий рога каменного барана). 1901.

«Посмотрел он [Кормон] мои рисунки, сделанные дома и в общей мастерской, сличил их и посоветовал, если есть возможность иметь у себя натуру (я на это ответил утвердительно), то работать наедине...»

Н.К. Рерих. Два натурщика. 1901.

*9 / 21 Января 1901 г. [Париж])
Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Понедельник. 21 Янв. н. с. 1901

Ты требуешь от меня оправдания, дорогая, и забываешь совсем, что это можно было сделать, когда Ек. Вас. сомневалась в моём дипломе и я мог принести ей подлинник, но как же возможно оправдаться в чувстве. Если я начну говорить, что я люблю Тебя ещё больше и надеюсь и впредь любить, - Ты, наверно, скажешь: "Опять несносные химеры".

Не могу и сказать, как обидело меня это письмо Твоё; в нём как-то вовсе не чувствовалось женской теплоты, оно переполнено каким-то инквизиторским требованием неизвестного оправдания. Ты хочешь меня обвинять в чём-то, а сама разве допускала мысль ради меня лишиться чего-нибудь, со мною поехать для работы в Париж. Как это обидно и больно!

Так как словесные оправдания ни к чему не ведут, оправдать «самого себя» можно только самим собою и долгим временем, то слушай моё слово, моя единственная и правда любимая Лада. Будет время и, если только позволит здоровье, я найду Тебя и спрошу, был ли сделавший то-то и то-то, достоин любви Твоей и целый ряд поступков моих оправдывает ли личность мою, а теперь считай меня погибшим, сгоревшим, умершим, ибо то, что я чувствую, никакими словами не докажешь, а нужны дела, которые по щучьему велению явиться не могут – для них нужно время.

Я люблю Тебя, видит Бог очень люблю, и хорошо и прочно люблю, но если Ты, позорно для меня, во мне сомневаешься и требуешь поступков, то что же делать, надо чтобы они явились, чтобы по ним Тебе стало бы совестно, что Ты оскорбляла подозрениями и сомнениями человека достойного, быть может, чего-либо иного.

Не требуй от меня и карточек и писем Твоих; это моя святыня, и они будут напоминать мне о самом моём чистом, хорошем и святом. Их никто не увидит, а коли помирать буду, то раньше сам уничтожу. Ты была несправедлива со мною; Ты покинула меня в самую трудную для [меня] минуту, когда враги стали торжествовать, то и Ты стала в толпу молчаливых малодушных. Но я люблю Тебя, люблю чистым сердцем, как не любил никого да и не полюблю. Так, как люблю Тебя, так любят только один раз. Я пишу эти слова и плачу, и что-то дрожит во мне страшною болью, ведь только в Тебя верил я. Теперь я уйду окончательно от мира; мне остаётся только одна моя творческая работа, и только ею и её результатами отвечу я на сомнения Твои. Об одном только прошу Тебя дорогая Лада моя, не бросай музыку; человек, владеющий каким-либо искусством, не должен третировать его – это нехорошо. Не бросай музыку и не будь жестока к людям; у женщин больше чутья, нежели у нас, почему оно молчит в Тебе теперь? Неужели Ты не чуешь всей боли моей? всего голода моего? Ты ли будешь голодного убеждать, что он сыт? Впрочем, это опять слова-химеры; подождём дела.

Я меняю мастерскую и на время даже уеду из Парижа, а потому, до долгого свиданья моя родная, любимая, всегда памятная Лада.

В напутствие поцелуй, Ладушка милая. Майчика своего; поцелуй меня крепко. Уезжая, я просил Тебя: «Обожди клеймить; обожди с подозрениями», но Ты всё-таки не пощадила. И ведь как сомневаешься-то во мне! – не в одном только чувстве, а вообще, в человеке и в таланте, и во всём. Тяжкие подозрения, трудно смываемые! ... *[вырезан кусок листа - ред.]*

Неужели не заболит у Тебя сердце, читая письмо это? Неужели и тут только суровое слово скажется обо мне? В Тебе всё моё дорогое, и когда и эта почва колеблется, то остаётся слишком мало. А я-то ещё собирался к весне быть в Петербурге, но теперь мне незачем быть там, я там ничего не забыл.

Прощай, Лада моя, прощай радость моя, не поминай лихом на долгое время.

Почему мне выпадает такая суровая дорога? Неужели навсегда придётся таиться только в себе, не подпуская к себе никого?

Ладушка, поцелуй меня. Мне хочется видеть Тебя, хочется заглянуть в глаза Твои, в них светится наверно лучшее, нежели в письмах Твоих.

Родная моя – до свиданья, не знаю, где и когда.

Поцелуй Ек. Вас. и её я очень люблю. Больше писать не могу – плачу.

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/151, 3 л.

22 января 1901 г.

Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К.

*С.П.Б. Имп. Публ. Б-ка
22 янв. 1901*

Наилюбезнейший Николай Константинович, получив на днях Ваше письмо от «Воскресенья» (какого числа, месяца и года – не означено!) спешу послать Вам две статьи свои о «декадентах»: 25 ноября и 4 декабря, которые Вы пожелаете. Буду очень рад, если они Вам хоть немножко понравятся.

Сожалею, что не могу послать Вам сегодня же новую, чудную карикатуру Щербова; в «Шуте» (её, кажется, всю тотчас же расхватили. Она, если не лучше, даже <"доения".> кн. Тенишевой и "раскаяния" Репина, то, по крайней мере, ничуть им не уступает. Представлен широкий, во весь лист, купол Академии Художеств. На нём стоит ногами – Дягилев, в синем вицмундире, но в юбочке танцовщицы <.....>, и в шлеме Минервы; он выгнул свой зад назад, пригнул колени и собирается сесть на купол, давить Академию всею своею тяжестью, но вместе, с приметным удовольствием и улыбкою опускается задом на острый шип, которым увенчан купол Академии. Сбоку четыре протестанта Академии (Беклемишев, Мясоедов, Залеман и Позен) стоят с позами отчаяния и негодования, и всплескивают руками. А вдали, в перспективе, Пётр Великий, на своём монументе верхом, размахнул врозь руками от досады и изумления. Всё вместе - чудесная карикатура!!!

П.Е. Щербов. Карикатура «Новая Минерва». Журнал «Шут». 1901. № 12.

- Меня сильно порадовали Ваши известия о Ваших занятиях, работах и этюдах; также очень приятно, конечно, что Кормон Вас чем-то считает. Это хорошо. Но вот что я Вам скажу: не помню, писал ли и говорил ли я Вам, что в Париже есть человек, который для Ваших дел мог бы быть Вам очень полезен. Это – Волков (Фёдор Кондрат.) профессор антропологии, этнографии и археологии, человек с большой репутацией. Его адрес: Paris, Avenue Reille, № 12. Повидайтесь с ним, спишитесь телеграммами, - я уверен, что останетесь довольны – тем более, что он прекрасный, добрый и милый человек.

- Ах, кстати, что я Вам скажу: в Вашем письме от «Воскресенья» (неизвестного) Вы мне говорите о каком-то Идоле, который я, будто бы Вам подарил - когда это, что это я Вам подарил - ничего не знаю и не помню. Напомните, пожалуйста, я с удовольствием вспомню.

А знаете, Вы премило нарисовали «идолов» в середине письма своего. Ну, баста на сегодня! я никак 5-е письмо теперь вот тут Вам пишу. Позволительно немножко и устать. Пишите. Не забывайте. Если что напечатаю, pošлю Вам.

А свою статью «Искусство XIX-го века» для «Нивы» я на ⁹/₁₀ уже кончил. Когда она напечатается (действительно ли в «Ниве» или отдельно) - авось pošлю и Вам. Только не знаю, когда это совершится.

Пишите, пишите. - Ваш

В.С.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1325, 2 л.

[Январь 1901 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая и хорошая Ладушка,
конечно, Ты представляешь себе моё ликование при первом намёке Твоём о любви, ещё бы! «Ладушка меня любит! Значит, я не ошибся в человеке! Значит, всё светское, условное – всё это наносное, а середина-то, в самом деле, настоящая, интеллигентная, славная, способная на дела». Все Твои выезды, танцы, забрасывание музыки, наконец, полное отсутствие интереса к тому, что со мною происходит – всё это меня словно ножом резало, а Твои телеграфические письма, в которых у Тебя хватало пороку не более, как на 3 страницы, казались мне какою-то насмешкой. Теперь, я думаю, письма будут и по слогу, а главное, по величине иные.

Получил весточку Твою и нестерпимо захотелось мне видеть Тебя и целовать и ласкать. Неужели Тебе вовсе не интересно, что я тут делаю и как себя чувствую?

Но, хоть Ты меня об этом и не спрашиваешь, я всё-таки кое-что расскажу Тебе, в том числе, в первую голову, великий секрет. За это время, кроме рисунков и эскизов, написал я ещё 2 картины. 1 – *охота*, в несколько иной трактовке, нежели прежняя, 2 – *идолы*. Думаю, рискнуть и выставить их в Салоне. Но это большой риск, ибо из 10.000 представленных картин попадает лишь 2.000, и недавно даже картина Васнецова была не принята. Но зато, если посчастливится быть принятым, то это будет большой козырь против всех врагов. Видишь, Твой Майчик даром не сидит, а всё работает и выдумывает, чтобы Ладушка на него радовалась и считала его достойным себя.

Про мои картины, ради Господа, никому ни звука. Даже и Тебе бы не сказал, если б не думал вследствие этой комбинации Тебя пригласить в Париж. Приезжай весною с Ек. Вас. в Париж – вместе и лето проведём, где-нибудь в тихом и здоровом местечке проведём и обдумаем, где нам лучше устраиваться, здесь или в России. Для этого же побывай у Куинджи (если меня любишь) и, рассказав ему о том, что непременно хочешь сделать из меня выдающегося художника, попроси совета, что Тебе со мною сделать. Старик будет тронут и скажет хорошее. Только побывай одна.

Милая Ладушка, после такого промежутка времени и всяких происшествий, мы, кажется, можем сказать, что наше чувство не вспышка, а крепкое и солидное, и мы можем дружно идти и «бороться»; помнишь это слово «будем вместе бороться»? Как я горжусь, что Ты подала мне руку именно на этом слове! Это во всю жизнь не забудется. Прости, моя хорошая, если я Тебе причинял боль, но ведь и мне было нелегко.

Напиши мне, как Ты себя чувствуешь? Уж значит, мне было нелегко, коли мелькнул у меня такой план, что бросить всё и мчаться и рыскать неведомо где.

Поздравляю Тебя с рождением Твоим, впрочем, до того времени ещё напишу. Миленькая, пиши мне и поцелуй меня крепко и приласкай. Ек. Вас. поклон.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/172. 2 л.

*[31 января 1901 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой*

Дорогая Ладушка.

От всего сердца поздравляю Тебя с Твоим праздником и жду письма Твоего. Прошлый раз у Тебя руки дрожали, и потому Ты не могла написать более 1 ½ стран., но не вечно же будут они дрожать...

Екатер. Вас. тоже очень поздравляю. О себе не пишу, ибо Тебе это вовсе не интересно.

Весь Твой Н. Р

Среда.

Отдел рукописей ГТГ, 44/170, 1 л.

ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ

...В декабрьских заседаниях комитета: сделано распоряжение об отдаче в печать каталога музея Общества, составленного директором музея М.П. Боткиным и помощником его Н.К. Рёрихом...

Художественные сокровища России. 1901. № 1.

ФЕВРАЛЬ

[Начало февраля 1901 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка,

сегодня я много раздумывал о Твоей поездке к Куинджи и пришел к убеждению, что ехать Тебе одной к нему всё же странно и может не понравиться Ек[атерине] Вас[ильевне], потому спешу послать Тебе эти строчки с просьбою к Куинджи не ездить. Бог знает, как могут всякие люди отнестись к этому по существу превосходному визиту. Не езд, моя милая! Надеюсь, это письмо придёт не слишком поздно.

Мне очень дорого знать, что напишешь Ты мне на прошлое письмо.

Настроение моё по-прежнему довольно разбитое. Писать мне теперь, пожалуй, уже можно, rue des Maltvurins, 57, так как скоро оставляю мою мастерскую и перееду.

Крепко целую Тебя и ещё раз поздравляю с праздником Твоим.

Н. Рерих

Отдел рукописей ГТГ, 44/232, 2 л.

[Начало февр. 1901 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая моя Ладушка, сейчас 10 час. вечера.

Битых часа 2 сидел я и думал о Тебе без передышки, нестерпимо мне хочется видеть Тебя, и беру я последние письма Твои, и чудится в них мне какая-то новая любовь, и может быть, более совершенная, нежели питавшая нас прошлое лето. Ты «пожалела» меня, - а это самый важный признак настоящей, глубокой любви; Ты поняла, что не время быть светской барышней, когда происходит с близким человеком незаметная посторонним, но глубокая драма. Женщина бывает или раба, послушная силе мужской, или любит мужчину матерински, и страсть трогательно сочетается с любовью матери; первую любовь Ты начала любить меня прошлой зимою, вторую любовь (по-моему, более совершенную) Ты начинаешь любить меня теперь. Вот-то Ты хорошая какая!

У меня сейчас мелькает мысль: вероятно, моя давняя и заветная мечта осуществляется и нашёлся человек, который любит меня независимо от всего окружающего меня, а так, меня ради меня! Ведь это огромное счастье! И опять плывут у меня мысли о хорошей семье, об истинной работе, о той, которая при Твоей первой любви казалась Тебе химерой, а теперь она опять будет источником Твоей радости.

Мне чуется в Тебе перелом, и перелом хороший; да, только при сознании, что все надоело, что надо остаться одним – можно двигаться вперёд. Ладушка, Ты поведёшь меня вперёд! Ведь поведёшь? Как сиротливо Майчику-то Твоему без Тебя! И в такие-то минуты ещё является сознание, что невозможно под-

вергать дорогую жизнь случайностям богемы, что ещё, может быть, далеко то время, когда я буду иметь право спокойно назвать Тебя моею. Ну не жестокость ли это? И как недавно ещё всё казалось мне ясно, какую торною представлялась мне дорога моя, а теперь... я один, все подпорки исчезли, а теперь, как напр., сегодня, приходят со счётом из художественного магазина, и мне приходится говорить, что на будущей неделе занесу, и это из-за каких-то 200 фр.

В Петербурге меня, видимо, забыли, кто и вовсе не пишет, - а кто казённо. Самым моим лучшим корреспондентом оказался Сторонний. Зарубин что-то редко пишет, а домашние и вовсе казёничают, сестра же присылает возмутительные записочки. Напр., я пишу по получении денег за январь, что заплатил 270 фр. за квартиру и 200 фр. за раму, т. е. они видят, что на весь месяц я остаюсь без денег, а она, пользуясь тем, что я открыто не прошу прибавки, пишет, получил ли я чек Январский; если, мол, не получил, то у неё видите ли целая расписка. Только в минуты, когда Ты мне представляешься хорошей, да в минуты творчества я ещё немного забываюсь. Как жду я эти дни письма Твоего и сказать не могу.

Не могу решить, приедете ли Вы в Париж и поживём ли где-нибудь вместе лето, или это невозможно. У меня даже мелькала мысль: не обвенчаться ли нам, но так, чтобы никто не знал, а потом до перемены обстоятельств жить по-прежнему. Прямо мучительно желание видеть Тебя, обнять Тебя и называть всеми лучшими именами. Мне, бывало, думалось, не страсть ли это у меня к Тебе, а теперь вижу, что это любовь, которая научит меня быть честным и хорошим, во мне, ведь, много гадкого. А я хочу быть хорошим, жестоко хочу!

Миленькая, золотая моя! Голубчик мой, напиши мне хорошее письмо. Напиши, что любишь меня; мне так хочется слышать от Тебя ласковое словечко. Да поскорее напиши.

В картинах является новая и скоро осуществимая задача: к написанной уже «Святыне» прибавятся ещё две картины, уже сочинённые; одна – знакомый Тебе «Небесный огонь», а другая «Рассказ о боге» (над широким водным и лесным простором, на бугре высоком, у кургана, старик говорит внуку о боге; над ними плывут могучие боги – облака); все 3 картины дадут небольшую симфонию религиозную.

1. *Grave Maestoso (Небес[ный] огонь).*
2. *Andante sensibile Largo (Рассказ о боге).*
3. *Scherzo/ Allegro animato/ Marciale/ (Святыня (идолы)).*

Музыкальная параллель вышла не очень-то удачная.

Голубка моя, напиши мне добренькое слово; оно так необходимо бедному Изгою. Поцелуй Ек. Вас.

Через 2 недели переезжаю. Rue des Maltirins, 57.

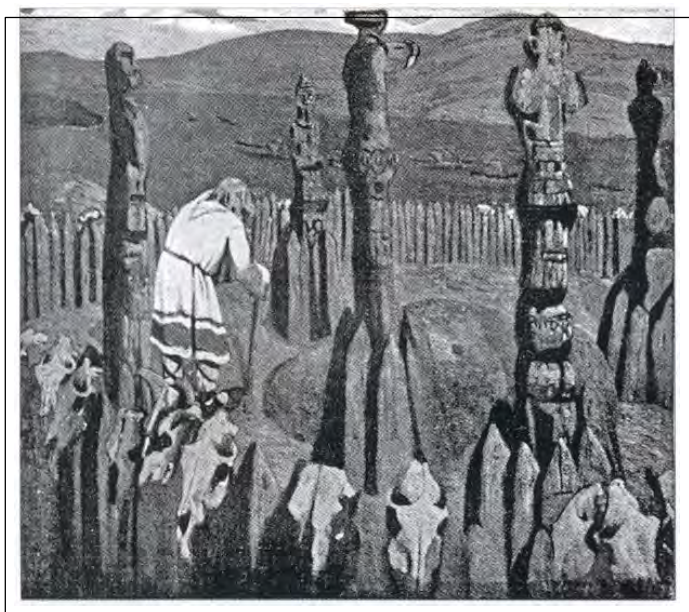
Как Твой праздник прошёл?

Что Стёпа? Что музыка? Князь? Княгиня? О ней часто говорит Рива-Берни; верно был влюблён в неё. Спроси.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/184. 3 л.

Н.К. Рерих. Рассказ о Боге. 1901.

Н.К. Рерих. Языческое (Идолы). 1901.

(Публикуется по изд.: Журнал для всех. 1904. Февраль. С. 101.)

[Февраль - март 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая Ладушка, вчера был Кормон, как он хвалил-то Майчика Твоего. Было очень хорошо. Картины советовал выставить.

Салон открывается 1 Мая н/с.

При моём теперешнем существовании у меня так мало хороших минут, что, конечно, весь вечер был радостный. Очень рад Твоему хоть краткому, но милому письму, напиши хоть раз на 6 страницах. Без конца целую Тебя.

Весь Твой *Майчик*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/185, 1 л.

МАРТ

[Март 1901 г. Париж]

Письмо Н. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Миленькая Ладушка, с каким восторгом я перечитываю Твоё последнее хорошее письмо; давай писать теперь хорошие письма, а то у нас и без того мало весёлого и его не нужно уменьшать ещё скверной перепиской. Экая судьба скверная нам выпадает: сиди у окошка и жди погоды, а на дворе то снег, то слякоть, даже и забудешь, есть ли на свете сухое солнышко. Эти дни у меня очень плохое настроение, ибо положение стало совсем бамбуковым, и никаких комбинаций не предвидится. Попросту придётся писать домой и униженно просить прибавки на эти месяцы. Просто и не понимаю, как это люди живут; тут ничего себе не позволяешь, ничего не приобретаешь, а денег всегда нет. Ещё благодаря Лосским (хоть теперь-то не ревнуй, ибо дело касается лишь поставщиков) мне удалось дешевле получить молоко, топливо, кое-что из домашних мелочей, а то бы худо было. Вот уж к кому к кому, а [к] ним Ты ничего кроме признательности чувствовать не должна; единственные люди, которые бескорыстно о Твоем Майчике заботятся. Эх, хорошо бы было хоть ненадолго повидать Тебя летом! Осенью коли ничего нового, хорошего не будет, думаю вернуться в Питер.

Писал Свиньину, что нельзя ли хоть за 500 р. продать «Поход», а он мне ответил малоприличным, сухим письмом, - видно из хама не сделаешь пана. Евгения Конст. Лосская всё толкует мне: становитесь скорее пессимистом и на всё хорошее и радостное смотрите, как на исключение. Ведь она права, пожалуй, чем гаже будешь считать людей, тем лучше проживёшь и чаще будешь радоваться. А какое это славное чувство «радость»; чем реже оно является, тем крепче любишь и ценишь его. Ладушка милая, когда-нибудь дадим друг другу возможно больше радости!

Сегодня у меня очень болит голова и нехорошо как-то, - в чём дело, не знаю. С Салоном выходит путаница. Кормон хвалил, но он в Елисейских полях, а картина, конечно, больше подходит к Марсову полю, но там никого знакомого нет. Рискну всё-таки на Марсово поле. Екатерине Васильевне поклон. Пиши, не забывай. Целую

Майчик

Поправляется ли музыка?

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/187, 2 л.

[Конец марта 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Хорошая моя и миленькая Ладушка, сегодняшнее письмо Твоё было для меня настоящим праздником – вот это так письмо; всем письмам письмо! Одно скверно – это Твоё здоровье; что ж бы такое сделать, чтобы нервы Твои успокоились. Ведь теперь чувствуешь, что Майчик любит Тебя; у Тебя в руках музыка; Ек. Вас. более беспокоить, вероятно, не будет; для наших худых времен и это не плохо. У меня нервы тоже поганые; даже плачу иногда по ночам. Доктор говорил, что виною моя монашеская жизнь, которая невозможна при

всех слишком разнообразных впечатлениях наших, которые мне приходится переживать.

Картины рискнул отправить в Марсовский Салон; мало шансов на принятие, но зато при прецеденте отказа Васнецову и мне отказ не так будет так тяжёл. До последнего срока приёма ещё 9 дней и я задумал сделать ещё 2 пастели и потому очень тороплюсь их окончить. Кроме того, выдумал себе ещё хлопоты; согласился в здешнем Hôtel des Savantes прочесть лекцию о русском искусстве; пришлось многое выписать для этой цели, ибо аудитория бывает многочисленная. Надеюсь прочесть недели через 3. Веду переговоры с Московским Историческим Музеем о подарке туда моих бедных «Старцев»; если дело обставится почётными условиями, то, конечно, подарю; всё же лучше, нежели отдавать их в заграничные руки за бесценок.

Насчёт места Собки – нечего и думать, ибо если бы оно было мне подходящим, то я давно и взял его, а не отказывался, когда мне о такой возможности намекали. Такое место можно брать лишь при желании бросить навсегда искусство; наполненное мелочами, каверзами, сплетнями занятие секретаря Общества Поощрения Художеств занимает всю жизнь наглухо, и я не только себе не желаю такой печальной участи, но душевно болею и за Зарубина, которого я с самыми лучшими намерениями втащил в помойную эту яму. Недаром Обществу так долго не найти заместителя Собке – все, кто получше, нейдут.

Курьёзно впечатление моих картин на французов. «Идолы», т.е. которая больше, и которая и мне и всем русским нравится больше, французам не по вкусу, а вторая – «Охота» (почти повторение той, что Ты видала у меня весной), которая по-моему, вещь вовсе незначительная – им нравится очень. Сейчас закончил пастель: древнерусский город – не худо удался тон вечера. Вообще я замечаю на последних работах моих небывалую мягкость.

Не помню, писал ли Тебе о Пювис-де-Шаванне. Чем более я всматриваюсь в его работы, чем больше слышу о его рабочих приёмах, его жизни, привычках, тем больше я изумляюсь большому сходству многого, что есть у меня. Только бы работать без усталости, а толк рано или поздно получится. Впоследствии надо завести такое обыкновение, чтобы каждый год появлялось по картине: в Петербурге, Париже, Лондоне и Мюнхене.

Вчера был на здешней новинке «Астарты» Леру, написанной для Эглон, известной куртизанки. Музыка не особенная и много заимствовано из Вагнера; напр., известная вагнеровская фраза из Валькирии (Гойа-иго-го!) повторяется много раз целиком. Поставлена хорошо; много эффектных положений; особенно картинна сцена, когда во дворце Омфалы, после вакханалии все засыпают и вся сцена полна тел, во всевозможных положениях. Сюжет.

Сюжет: Геркулес у Омфалы. Хорош и пожар дворца, когда Геркулес погибает от одежды Несса.

Сейчас опять сажусь за лекцию; ужасно скучно её писать; прочту её вероятно поганно, ибо отвык читать и стал очень малоразговорчивым. Радуюсь за Стёпу; какие экзамены сдаёт он? На каком факультете.

Не хворай, миленькая; ну да музыка избавит Тебя от всего нервного; я знаю по живописи, как хорошо отвлекает она и настраивает нервы.

Крепко целую. Покл. Ек. Вас.

Отдел рукописей ГТГ, ф., 44/188, 4 л.

[Март-апрель 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая, родная моя и золотая Ладушка, точно предчувствовал я что-то нехорошее и сегодня не спал до 4 утра, а наутро подают письмо Твое, с отвратительной фразой «кровь из горла»; это худо! Грудное ли это или нервное, всё равно худо. Ты словно обижаешься, что я думаю об искусстве; да как же мне о нём не думать? ведь если вычеркнуть из меня искусство, то ничего не останется; останется нервная тряпица и более ничего.

Береги себя, миленькая! Если бы Ты знала, как скучно мне. Эти дни вечерами вечером ловил себя на громком разговоре с Тобою. Пишу коротко и скверно, потому что чернил хватило лишь на конверт, а это пишу тушью – она расплывается и ничего не выходит. Скоро напишу хорошо, а теперь хочу чтобы пошло сейчас с первою почтой.

Картинами не доволен.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/189, 1 л.

[Март –апрель 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая Ладушка, сейчас принесли чернил и потому пишу. Сегодня у меня довольно решительный день – последний срок представления в Салон; недели через 1½ узнаю, вероятно, и результат уже. Думается почему-то, что он будет отрицательный – вот-то обида будет! Картинами страсть не доволен – они совершенно незначительны. Вот, Бог даст, осенью вернусь в СПб. – и тогда заварю что-нибудь очень солидное. Из эскизов подготовлены к разработке два больших панно «Княжья охота» и «Предательница».

Эти дни ужасно переходное состояние; не хочется здесь начинать ничего нового, хочется к дому, чтобы уже там браться за дело и видеть Тебя.

Где же Ты думаешь проводить лето? Мне сдаётся, что сидеть с Твоими нервами в неподвижном Бологове прямо невыносимо, Тебе нужен моцион, лечение, души, всякие Sonn и Luftbad'ы. Около Дрездена есть для этого превосходное место (док. Ламанн) – мне его здесь очень хвалили. Вот бы недельки 4 Тебе отдать себя ему в распоряжение. Я подумываю тоже о Ламанне.

Сейчас вернулся из Grand Palais где выслушивал очень лестные замечания со стороны Эдельфельдта; мнение его мне очень приятно, ибо он меня вовсе не знает и высказывания Саглио, а тот уже передал мне и кстати и познакомил нас. Но всё-таки сие меня не успокаивает, и мне предстоит дней 10 неприятного ожидания.

Не представляю, очень ли заботит Тебя судьба моих картин? Хотя на расстоянии, да ещё при нездоровье всё прочее кажется слабее.

Недели через 3 Лосские думают ехать в СПб. Напиши мне, хочешь ли от них услыхать что-либо обо мне; если хочешь, то я устрою, и они приедут к Вам рассказать, каков я и как живу.

Иногда я пытаюсь представить себе Тебя похудевшею, но всё выходит очень красивым.

С восторгом перечитываю я Твоё длинное письмо; Бог даст, Твой Майчик напишет кое-что получше Левитана.

Скучно мне, Ладушка; уже появляются официальные знакомства, а у меня всё стремится к интимности. Поправляйся. Ек. Вас. поклон.

Суббота.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/200, 2 л.

Н.К. Рерих в парижской мастерской перед картиной «Княжья охота». 1901.

«Из эскизов подготовлены к разработке два больших панно «Княжья охота» и «Предательница»...»

Н.К. Рерих. Княжья охота. Утро. 1901.

Н.К. Рерих. Княжья охота. Утро. 1901. (Вариант)

Н.К. Рерих. Княжья охота. Вечер. 1901.

АПРЕЛЬ

Апрель 1901 г. Париж.

Н.К. Рерих

К ПРИРОДЕ

Не так давно, между прочим, и в «Новом времени» были приведены правдивые слова де Буалье о новом направлении искусства, о стремлении искусства к жизни, к природе.

«Нас утомят культ нереального, абстрактного, искусственного... И мы вырвались на открытый воздух... И у нас из груди исторглись крики восторга и упоения: как хороша природа! как красива жизнь!» - говорил де Буалье.

Действительно, теперь везде, то там, то тут, раздаётся этот возглас: «Как хороша природа!..»

Мы отбрасываем всякие условности, забываем недавнюю необходимость смотреть на всё чужими глазами, и хотим стать к природе лицом к лицу, в этом индивидуальном стремлении приближая наше время, вернее сказать, близкое будущее к одной из хороших прошлых эпох - к эпохе Возрождения.

Художники настоящего времени горячо стремятся к передаче природы; стараются взглянуть на природу, на жизнь глазом индивидуальным, и в разнообразии их воззрений передаваемая природа начинает жить. Истинное упрощение формы (без символического шаблона и академической утрировки), восхищение перед лёгким решением задачи приближения к впечатлению природы, прозрачность фактуры, - именно высокая техника, даже незаметная в своей высоте, все эти основания лежат в корне новейших художественных стремлений всех родов искусства.

Этим стремлением к природе, конечно, не исключается творчество историческое, ибо мы любим его, не постольку, поскольку оно является приятным патристическому чувству, поучительным или же иллюстрацией исторического источника, а оно дорого нам и ценно также потому, что даёт нам художественную концепцию несравненно самобытной былой природы и восстановление человеческой личности, несмотря даже на сильную неуравновешенность многих сторон её, всё же может быть полнейшей при большей простоте.

Стремление к природе, натурализм, само собой разумеется, понимается не только в широком значении, в смысле стремления вообще к жизни, но и в буквальном, являющемся неперменным следствием первого понимания, то есть в смысле стремления к самой канве жизни, стремления в природу.

Беру первый попавшийся пример. На недавней Парижской выставке одним из любопытных уголков её была швейцарская деревня. Интересно было наблюдать впечатление, производимое ею на большинство публики: лица как-то успокаивались, улыбки делались менее искусственными и напряжёнными, и часто тянулась рука снять шляпу - а это хороший жест!

Искренно является он только перед величавым, - снимем ли мы шляпу перед стариком, в храме ли или перед морской тишиной. Раздавались голоса: «И не подумаешь, что в центре Парижа!», «Здесь хорошо, как-то душой здесь отдыхаешь». «Даже воздух словно бы чище кажется», - слышалось на различных наречиях, а ведь это была лишь грубая подделка, так что подобные отзывы

можно было объяснить лишь чрезмерною окружающей суетой и усиленным над природой насилием.

Сильно в человеке безотчётное стремление к природе (единственной дороге его жизни); до того сильно это стремление, что человек не гнушается пользоваться жалкими пародиями на природу – садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека!

Всё нас гонит в природу: и духовное сознание, и эстетические требования, и тело наше – и то ополчилось и толкает к природе, нас, измочалившихся суетой и изверившихся. Конечно, как перед всем естественным и простым, часто мы неожиданно упряимся; вместо шагов к настоящей природе стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сделанными её подобиями, но жизнь в своей спирали культуры неукоснительно сближает нас с первоисточником всего, и никогда ещё, как теперь, не раздавалось столько разнообразных призывов в природу.

Парадоксальной должна представляться пресловутая нелюбовь Джона Рёскина к железным дорогам. Его требование сообразоваться при всяких сооружениях с окружающим пейзажем могло казаться странным, но в этом последнем желании нет ничего излишнего; наоборот, теперь оно должно считаться практически необходимым и неременным условием во всех проявлениях созидательной работы.

Различные заботы о здоровье природы уже давно признаются насущными; мы разводим леса, углубляем реки, удобряем землю, предотвращаем обвалы – всё это требует усиленной работы и затрат. Но целесообразное пользование пейзажем, природой, тоже ведь одно из существеннейших условий её здоровья, и притом для выполнения этого условия ничего не надо тратить, не надо трудиться, не надо «делать», надо только наблюдать, чтобы и без того делаемое совершалось разумно. И для осуществления этой задачи прежде всего необходимо сознание, что самый тщательный кусок натурального пейзажа всё же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека. Всякий клочок природы, впервые подвергающийся обработке рукой человека, непременно должен вызывать чувство, похожее на впечатление потери девственности, когда, быть может, ничего кроме хорошего для человека не происходит, но всё-таки от него отрывается нечто невозвратимое, более святое.

О разумной экономии природой нам, русским, следует думать в первую голову. Эти требования заботливого отношения к природе и сохранения её характерности ни где не применимо так легко, как у нас. Какой свой характер могут иметь многие европейские области? Придать характер тому, что его утратило, уже невозможно. А между тем, что же, как не своеобразие и характерность, ценно всегда и во всём? Не затронем принципа национальности, но всё же скажем, что производства народные ценятся не столько по всей исключительной целесообразности, сколько по их характерности.

Русь только начинает застраиваться. Русь начинает менять первобытное хозяйство на новейшее. Русь теперь вводит разные важные статьи благоустройства; многочисленные её пункты ещё, по счастью, сохранились девственными и характерными. Ничего там не нужно ни сносить, ни переделывать, но лишь наносить и делать, имея в виду ни трудов, ни денег, - настоящее соображение экономии природой.

Указание на многие девственные места Руси вовсе не следует понимать в том смысле, что вопрос экономии природой у нас находится в нейтральном состоянии. Конечно, у всех бездна разбросанных по всей будничной жизни примеров холодной жестокости при обращении с природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелепости.

К сожалению, соображения бережливого отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно может незаметно войти в обиход каждого и стать никому снаружи не заметным, но непременным стимулом создателя.

Скажут: «Об этом ли ещё заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает».

Но опять же в третий раз скажу, ибо вопрос о расходах настолько всегда краеугольный, что даже призрак его нагоняет страх, средств это никаких не стоит, а разговор о времени и лишнем деле напоминает человека, не полощущего рта после еды по недостатку времени. Вот если будут отговариваться прямым нежеланием, стремлением жить, как деды жили (причём сейчас же учинят что-либо такое, о чём деды и не помышляли), тогда другое дело. Тогда давайте рубить леса, класть шпалы по нарочито лучшим местам, тогда как также удобно, в смысле практическом, было бы их положить в соседнем направлении; давайте в Архангельске ставить колоннаду, а в Крыму тесовые срубы; тогда... мало ли что ещё можно придумать подходящего для последнего образа мысли.

В то время, когда усиленно начинают искать орнамент и настоящий стиль, когда вдумавшись в памятники древности, поиски за орнаментом обращаются к той же окружающей природе; когда своеобразность в человеке начинает цениться несравненно, тогда не заботиться о природе, факторе этой своеобразности, грешно.

* * *

Чтобы заботиться о чём бы то ни было, надо, конечно, прежде всего, знать этот предмет заботы. Знаем ли мы, русские, нашу природу? Возьмём среднее, и принуждены будем сказать: «Не знаем». - «Хотим ли мы знать нашу природу?» - «Этого незаметно». - «Принято ли у нас знакомиться с нашей природой?» - «Нет, не принято». - После всех этих неблагоприятных заключений попробуем найти смягчающее вину обстоятельство. - «Возможно ли у нас ознакомление с природой?» Ответ: «С трудом». Правда, последний ответ умаляет тяжесть указанных признаний, но, с другой стороны, ведь только спрос создаёт предложение.

- Почему у вас такая неприспособленность ко всему?» - спрашиваете вы при случайной остановке в захолустном постоялом дворе, раскинутом в превосходнейшей местности.

- Кормилец, да нешто с нас спрашивает кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вот ты проехал, да недели две назад приказчик из экономии со станowymi останавливались, а теперь и неведомо, когда гостя дождёшься.

- «Почему вы не хотите ознакомиться с внутренними областями?» - спрашиваете любителя путевой жизни.

- Да что вы, хотите, что ли, меня клопам на растерзание отдать? Или чтобы цинга у меня сделалась?»

Всегда жалуются обе стороны друг на друга. И теперь, когда всмотритесь во все эти строго организованные поездки под всеми углами и по всем радиусам Европы, то прямо смешными становятся наши два-три общепринятых маршрута, от них же первые «по Волге» и «по Чёрному морю», и полное пренебрежение ко многим остальным, в самом деле, прекрасным.

И хоть бы что ни говорилось, за исключением одного процента, все всё-таки поедут по избитым путям; никаких приспособлений для более разнообразных поездок всё-таки сделано не будет; никто на пешеходные путешествия (столь принятые по Европе) не дерзнёт, и всё-таки мы будем ощущать слишком мало стыда, слыша, что некоторые иностранцы видели Россию лучше, нежели исконные её жители, имеющие притом возможность такого ознакомления.

Правда, от всякого смельчака, отважившегося отступить от традиции и пробраться куда-нибудь в укромный, обойдённый железными путями уголок, вы услышите всегда прямо невероятных рассказов о трудностях пути его (и мне лично приходилось испытывать немало курьёзов даже при следовании довольно обыденным маршрутом), но почти без исключений вторая часть рассказа – впечатления природы, быта и древности, с избытком покрывают первую. И не мудрено! - Возьмите любую область.

Возьмите суровую Финляндию с её тихими озёрами, с её гранитами, молчаливыми соснами. Возьмёте ли Кивач и бодрый северный край. Возьмёте ли поэтичную Литву или недавние твердыни замков балтийских – сколько везде своеобразного! А Урал-то! А протяжные степи с отзвуками кочевников! А Кавказ с милою патриархальностью ещё многих племён! Да что говорить о таких заведомо красивых местах, когда наши средние губернии подчас неожиданно дают места красоты и характера чрезвычайного. Вспомним озёрную область – губернии Псковскую, Новгородскую, Тверскую с их окрестностями Валдая, с их Порховскими, Вышгородами, с их привольными холмами и зарослями, смотрящими в причудливые воды озёрные, речные. Как много в них грустной мелодии русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой плясовой, что гремит в здоровом рудовом бору и переливается в золотых жнивьях.

Обок с природой стоит любопытная жизнь её обитателей. Сбилась уже эта жизнь; разобраться в ней уже трудно без книжных указаний, но всё же для пытливого уха среди неё всегда зазвучат новые струны и дальнороркий глаз всегда усмотрит новые тона.

Много ещё на Руси истинной природы, надо беречь её.

- У вас много своеобразного, и ваш долг сохранить это, - твердил мне на днях один из первых художников Франции.

* * *

Говоря о заботливом отношении к природе, попутно нельзя не сказать тут же двух слов о сохранении мест, уже освящённых природою, о сохранении исторических пейзажей и ансамблей.

О сохранении исторических памятников теперь, слава Богу, скоро можно уже не говорить, на страже их скоро станут многолюдные организации с лицами просвещёнными во главе. Но мало охранить и восстановить самый памятник, очень важно, насколько это в пределах возможного, не исказить впечатления его окружающим. Не прилепляйте почти вплотную к древним со-

оружениям построек новейшей архитектуры, не изменяйте характера растительности (если на то есть данные) и т. п.

Не буду же говорить о таких мелочах, как надстройка над древней крепостной башни, белой оштукатуренной колокольни (кажется в Порхове), но например сооружение Больших Гостиных Рядов в Москве – дело прекрасное и само по себе здание превосходное, но отступи оно ещё дальше от Кремля, и Лобное место не стало бы казаться плевательницей, а Василий Блаженный стоял бы много свободнее. И потому каждый раз, проезжая мимо Рядов, невольно бросаешь недовольный взгляд на них, ни в чём не повинных.

* * *

Всякое общение с природой как-то освящает человека, даже если оно выражается в такой грубой форме, как охота. Охотникам знакомо тягостное чувство при отъезде из природы; охотник скорее других прислушается в городе к далёкому свистку паровоза и вздохнёт не о том, что лишняя птица остаётся живой, а почему не он уезжает в природу.

Всегда особенно много ожидаешь, и притом редко в этом ошибаешься, когда встречаешься с человеком, имевшим в юности много настоящего общения с природой, с человеком, так сказать, вышедшим из природы и под старость возвращающимся к ней же.

«Из земли вышел, в землю уйду».

Слыша о таком начале и конце, всегда предполагаешь интересную и содержательную середину и редко, как я сказал, в этом обманываешься. Иногда бывает и так, что под конец жизни человек, не имеющий возможности уйти в природу физически, по крайней мере, уходит в неё духовно; конечно, это менее полно, но всё же хорошо заключает прожитую жизнь.

Люди, вышедшие из природы, как-то инстинктивно чище, и при том уж не знаю, нашёптывает ли это мне всегда целесообразная природа, или потому, что они здоровее духовно, но они обыкновенно лучше распределяют свои силы, и реже придётся вам спросить вышедшего из природы: зачем он это делает, тогда как период данной деятельности для него уже миновал?

«Бросьте всё, уезжайте в природу», — говорят человеку, потерявшему равновесие, физическое или нравственное, но от одного его телесного присутствия в природе толк получится ещё очень малый, и хороший результат будет лишь, если ему удастся слиться с природой духовно, впитать духовно красоты её, только тогда природа даст просителю силы и здоровую, спокойную энергию.

Тем и важно, что искусство теперь направляется усиленным ходом в жизнь, в природу и толкует зрителям и слушателям разнообразными наречиями красоту её.

Но нельзя исключить из красоты и жизнь вне природы.

Пусть города громоздятся друг на друга, пусть они закутываются пологом проволочной паутины, пусть на разных глубинах шныряют змеи поездов и к небу вавилонскими башнями несутся стоэтажные дома. Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живёт красотой прямо противоположно, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое. В городских награ-

мождениях, в новейших линиях архитектурных, в стройности машин, в жерле плавильной печи, в клубах дыма, наконец, в приёмах научного оздоровления этих, по существу, ядовитых начал — тоже своего рода поэзия, но никак не поэзия природы.

И ничего устрашающего нет в контрасте красоты городской и красоты природы. Как красивые контрастные тона вовсе не убивают один другого, а дают сильный аккорд, так красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостряя обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей нотой которой звучит красота «неведомого».

Новое время. 1901. 7/20 апреля. № 9017. Суббота. С. 2.

Н.К. Рерих в Италии. 1901.

**17/30 апреля 1901 г. Люцерн.
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.**

Люцерн 30 апр. н/с. 901.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.

Случайно прочитал Вашу «Семь калек со калекою». Браво-о-о-о!

Ужасно здорово и красиво вышло; видно, что от души. Теперь пробираюсь в Милан, Рим, Неаполь, Венецию, Сиенну. Не знаю, какие именно пункты захвачу. В Швейцарию не рассчитывал, а захватил Женеву, Лозанну, Берн и Люцерну; места больно хороши.

Предан Вам очень
Н. Рерих.

Архив Института русской литературы. Ф.294, оп. 1, д. 443. автограф.

ХРОНИКА

30 апреля 1901 г.

Николай Рерих

Парижские салоны 1901 г.

О ба Салона ныне помещаются в одном здании большого дворца искусств, оставленном после Всемирной выставки, но открылись Салоны в разное время. Салон Champ de Mars (национального общества) раньше открылся. Нерв, вызвавший к жизни этот враждебный академичности Салон, бьётся по-прежнему, по-прежнему идёт в Champ de Mars всё молодое, несмотря даже и на трудность доступа в довольно замкнутый круг этого Салона.

За границей художники много работают; за год успевают выставить несколько вещей и участвовать на двух, трёх выставках.

Бенар успевает поставить в Салоне кроме целого ряда пастелей, бывших на выставке пастелистов в галерее Ж. Пети, 8 больших картонов декоративных панно для церкви в Берне и две интересных живописных вещи («Feerie intime» и женский портрет). У нас этого замечательного живописца мало знают и ценят. Хотя это не мудрено, ибо в Петербурге (на выставках журнала «Мир искусства» вещей Бенара было выставлено немного, а заграничная поездка для нас, русских, всё ещё продолжает оказываться каким-то событием. Между тем, если взять сумму произведений Бенара, то вырастет сильная художественная фигура живописца, владеющего рисунком и притом знающего, куда и как применять свою технику. В церковных картонах Бенар мало характерен (не знаю, каковы они будут в красках), но его живопись хороша. «Feerie intime» — нагая женщина, утопающая в складках облитого блёстками платья, накинутого на глубокое кресло; характерное подкрашенное лицо, мягкое тело, контрастируемое металлическими блёстками, тёмный фон — очень типичны, это чисто парижское произведение. Хорош и женский портрет с каким-то, точно светящимся, лицом на перламутровых перегибах платья.

Из этой же сильной группы сейчас же выдвигаются: Л. Симон, Коттэ, Г. Латуш, Доше, Менар. Все они успели участвовать на нескольких выставках в галереях Ж. Пети и дать в Салон многочисленные картины.

Л. Симон — здоровый, жизненный художник; на удивление просто и уверенно подходит он вплотную к натуре; пишет её искренно, широко. Его портрет (старик со старухой) заставляет забыть о каком бы то ни было соображении техническом (чего не забудешь, смотря на Бенара). Симон не хочет сверкать техникой; та же широкая правда видна и на «Процессии» (толпы бретонцев с патерами посредине), и в мёртвой натуре, и в уличной сценке французских комедиантов.

Хорош мужской портрет работы Менара; он хорош по спокойному тону, по вдумчивому взгляду, как портрет его же работы в Люксембурге, но, глядя на пейзажи, любители таланта Менара начинают беспокоиться; в пейзажах этих изображается всё одна и та же задача — задача вечернего золотистого эффекта, правда, доведённого до совершенства, до силы необычайной, но слишком

однообразного. Один старый летами, но молодой духом французский художник-исследователь сказал про Менара: «Жаль, что он слишком рано понравился публике»...

Гастон Латуш выставил 5 масляных вещей и 27 больших акварелей, замечательных по колориту и по характерной для этого художника манере. По концепции тонов, с масляными картинами Латуша (внутренности церкви, фонтаны в радостных, ярких красках) можно не всегда соглашаться, но остальные его вещи по гармонии, по разнообразию изображённого («Гамлет», «Пюви де Шаванн», «Распятие», «Роден», «Венеция», «Видение», «Флирт» и др.) заслуженно привлекают самое серьёзное внимание.

У Доше 5 пейзажей, сероватых, тяжеловатых, но полных удивительной задушевности. Его уходящие холмы, серые cumulus'bi¹ не расстраивают впечатления ни манерою, ни следами работы — просто и донельзя замкнуто в себе.

Здоровый бретонец Коттэ в этом году представлен несколько слабее. Его «Огни на Иванову ночь», несмотря на славные, мистические лица старух, неподвижно застывших вокруг костра, и серьёзные фигурки подростково-бретонок, всё же как-то слишком заделаны и тяжелы. Интересны его 4 маленьких пейзажа. Зеленоватое море, лодки, дальние берега — так характерны для Коттэ и находят себе много подражателей. Совершенно в этом же духе работают: Роже, Ришон-Брюне, Гу-Жераль. Роже является одним из самых свежих молодых элементов теперешнего Салона. Его большая картина (голландцы едут в лодке на праздник) полна вечернего света, блеснувшего на дальних домах, полна характерности этой особенной страны, Голландии; и свет, и фигуры писаны правдивым приёмом, хорошо подходящим под большие размеры полотна. Роже выставил ещё несколько маленьких вещей и пастелей — лодочки, головы голландцев и голландок типичны.

Если коснуться молодых элементов Салона, то надо остановиться на совсем молодом (как говорят) испанце Англада. Его картины — хорошее приобретение для Салона. Им выставлены два испанских мотива — «Гитаны» и «Испанский танец» — и два мотива парижских, тоже танцы и сад театра. Несмотря на общую индивидуальную манеру, художник сумел подчеркнуть характер Испании и Франции. В испанских сценах нагромодились чёрные, красные и светлые пятна, резкие лица, сильная в своей незаконченности манера; парижские картины тонут в желтоватых световых переливах, гармония развевающихся белых платьев, туманные намёки фона — как это типично! Все 4 картинки малого размера, но мимо них не пройдёшь.

На выставке участвуют ещё два хороших испанца: Зулоага и Итуррино — первый много сильнее.

Зулоага тоже молодой художник. Его работу можно отличить от множества всяких картин. Вас поразят сильные фигуры, занимающие чуть не всю картину, солидные тёмные тона, странный, приписанный сзади, пейзаж. У Зулоаги — всё Испания, всё испанцы. Смуглые лица, чёрные шляпы, мантильи, кружевные наколки, тореадоры, женщины — всё живёт, смотрит на зрителя или сурово, или гордо, или лукаво, и зритель начинает жить с этими испанцами и верить художнику, что всё это так и есть на самом деле, что тот перенёс его в его родную страну. И такой характерный художник не участвовал на

¹ Кучевые облака (фр.). — Ред.

Всемирной выставке, его испанцы не приняли; да ведь он был бы сущим украшением испанского отдела. Теперь в Салоне Зулоага выставил большую картину «Прогулка после боя быков». Фигуры в натуральную величину; толпа испанок и испанцев собралась и гуторит, тут и всадницы, тут и собаки. Размеры картины для Зулоаги, пожалуй, даже слишком велики: меньших размеров картина была бы компактнее и сильнее. Я видел его картины в Берлине, в Брюсселе и в Люксембургском музее — и везде Зулоага такой же сильный, такой же характерный художник, и самые тяжёлые тона ему всецело присущи в хорошем смысле.

Как и всегда имеют определённую физиономию Каррьер и Аман-Жан. В Салоне Каррьер поставил картину и 4 этюда. Картина — хороша; вечернее прощанье, опять как бы семейный портрет; каррьеровская дымка, каррьеровская женственность. Жаль, что эти вещи не соединены в одну выставку с его циклом картин и эскизов «Материнство», выставленных теперь в помещении Бер[н]гейма. Эскизы там не всегда удачны, но дают полное изображение развития художественной мысли. На этих тонких оттенках материнских поцелуев и ласк, штудировке детского лица — на всём видно, как любил художник замысел, как передумал он все мелочи.

Аман-Жан ещё зимою выставил у Ж. Пети несколько пастелей, красивых, но непривычного для него резкого тона; некоторые из этих пастелей выставлены и в Салоне, но в картинах он снова даёт свою обычную спокойную гамму, и эти картины куда лучше. Женская фигура, сидящая на скамейке среди светлого, вечернего пейзажа, и женский портрет очень гармоничны.

Один из лучших портретов выставки — портрет певицы Актэ, работы Эдельфельта. Эдельфельту уже давно не удавалось написать такой славной вещи; и нервный взгляд артистки, и письмо меха и платья — удались очень. Но гораздо труднее по задаче портрет Цорна; женское лицо на светло-жёлтом фоне, светлое платье — такие отношения трудно выдержать. Жаль, что фон убивает лицо!

Даньян-Бувере выставил строгий женский портрет превосходного рисунка, полный выработанной линии. Из работ Гайдара, так прославившегося за последнее время в Париже, типичен своим чисто парижским пошибом женский портрет, остальные вещи незначительны, а рисунки слишком сложны. Из прочих портретов интересны работы: Бланш, Бертон, Лавери и Глэн.

Среди пейзажистов выделяются: Таулов, Сиданер, Клаус, Лебург, Дюхем, Мулле, Лагард, Меле, Вайдман и друг. У Таулова славная «Ночь» и две снежных реки. И в том, и в другом случае он взялся за свои почти единственные мотивы, которые редко когда ему не удаются. Сиданер дал несколько пейзажей серых сумерок, полных чувства, и неприятно одно, зачем художник возводит излюбленную манеру письма в непреложную догму: утрированная манера всегда делает скучное впечатление.

Из жанров — в очень приятных тонах написаны небольшие картины: Лермитта, Мориссета, Трюше («Уличное происшествие»), Гранер-Армея, Прине («Крейцера Соната», по экспрессии малозначительная), Кониг. Совершенно отдельно от прочих жанристов стоит Вебер с его шуточными сатирическими картинами. Раздутая утка, которой поклоняется вся толпа; израненный великан, целующий руку принцессы Jolietunc (Крюгер и королева Вильгельмина), такие сюжеты, часто очень хорошо написанные, конечно, останавливают внимание.

Незадолго до открытия Салона скончался старый, почитаемый художник Казен. Говорят, что через несколько времени в помещении Салона будет собрана полная посмертная выставка его картин, но пока что — выставлено лишь 7 вещей. Самая большая из них принадлежит городу Парижу, написана на тему «Воспоминание о празднике в Париже» при открытии Всемирной выставки; видно, что это картина заказная, мало любимая автором. Из выставленных самая лучшая — пейзаж с радугой, но и то среди работ Казена она вовсе не характерна, и тем необходимее настоящая посмертная выставка картин его. Казен оставил по себе солидную, хорошую память: его пейзажи везде пользуются заслуженным уважением; в них есть оригинальная грустная нота, находящая теперь много подражателей, и редко кому удаётся так же передать засиневшее и бурое тучами вечернее небо, одинокие фигуры, уснувшие домики, — картины полные покоя и тишины.

Не обошлось в Champ de Mars и без скучных больших картин; из них одна, г. Аббе, изображает «Галлабада в замке дев», а другая, ещё более монотонная, «Дидон и его сотрудники» г. Делансе. Поражает своею претенциозностью и нехудожественностью картина Бери «Христос у колонны». Досужая публика отыскивает в ней типы теперешних общественных деятелей Франции, устраивает интервью с автором и прочее, — ничего общего с искусством не имеющее. Это очень ничтожная картина.

Из русских художников в Champ de Mars выставили: Казак (кн. Эристова) — хорошая пастелистка, Ф. Боткин (этюд тела) и Манасеина (портрет).

Почти так же богат, как и живописный отдел, отдел пастели, акварели, рисунков и гравюр. Среди пастелей интересны пейзажи: Буве, Фромут и Биесси. Джемс Тиссо выставил бесчисленную серию библейских иллюстраций. Можно изумляться серьёзному отношению художника к своему делу, его труду и энергии, но со стороны художественной произведения Тиссо в большинстве случаев сухи, не своеобразны и уступают его прежним работам. Конечно, появление такого художника должно было вначале привлечь общее внимание, но Тиссо не сможет поддержать этого интереса.

Почти такую же скуку вызывают и рисунки Ренуара, находящие многих сторонников. Рисунки изображают различные места и сценки прошлой Всемирной выставки и, надо сказать, что и фотография воспроизводит эти эпизоды почти так же.

Превосходны цветные офорты: М. Робса, Жаннио, Шагин; в них такой сильный правдивый рисунок и вкусные тона, разлитые широкими планами. Из хромофотографий особенно приятны, и по тону, работы Ривьера и Журдена. В скульптуре самая центральная фигура — «Виктор Гюго» Родена. Эта фигура — лишь часть общей группы, недостающая часть её изображает муз. Некоторых зрителей устрашает, что художник изобразил Гюго нагим, но, вдумавшись, наверно, вполне согласишься с мыслью Родена. Именно в этой сидящей у скалы фигуре, в этой полуопущенной многодумной голове, именно этим простым жестом вытянутой руки чище и легче всего можно было передать величавость, которой так много в этой статуе. Жаль, что движение не со всех пунктов передано равномерно; интересно, как-то официально будет принята эта работа? Много силы в скульптуре Шармоа «Демос»; поясная фигура сурового старика с обнажённым черепом и длинной бородой пылливо всматривается в даль. С большим чутьём и талантом сделаны скульптуры Аронсона

(«Жажда» — человек пьёт из горного родника) и прекрасны работы Вальгрена.

Этот большой художник остановился на маленьких статуэтках и на полуприкладных ваяниях; в Петербурге не раз уже видели его замечательные вещи; у него изящная линия, много движения и оригинальности в применении простых человекообразных мотивов в предметах обихода.

Без конца хороших предметов в отделе художественно-промышленном. На этом отделе сошлись одинаково оба Салона и Champ de Mars, и Champs Elysees. Какие там есть превосходные декоративные мотивы, какие мебели, кожи, керамика, чеканка, уж не говоря про ювелирные вещи. Вольферс, Лялик, Вальгрэн, Рузо, Но, Пеш, Фридрих и мн. др. дают вещи отличительной красоты. На этих мотивах, так удачно почерпнутых из природы, на прекрасном пользовании формами растительными, животными, наконец, человеческими - везде видна работа и мысли, и рук художника. Как хорошо, что художники перестали свысока смотреть на прикладное искусство, дошли до убеждения, что производство художественного обихода, дающее в результате вековой стиль, невозможно отдавать в руки одним промышленникам. Но это одна сторона дела; есть и другая, которая тоже стоит на очереди: чтобы дело было живым, надо ввести его в жизнь, надо его популяризировать, а для этого нужны общедоступные цены. У всякого, естественно, разгораются глаза на прекрасные ткани, на изящную и простую мебель, но у всякого опускаются руки, услышав непомерную цену. Будет время, и эти прекрасные произведения захватят не одни только верхние слои публики, но заразят и буржуа, и сколько вкусов они отполируют, скольким мыслям дадут более художественное течение; даже и подумать приятно.

На скульптурном отделе Champs Elysees уже чувствуется разница с Champ de Mars'ом. Скульптура вообще сильно развита во Франции, притом хорошо сделанная, прекрасно нарисованная. Среди бесчисленной толпы белых фигур, занявших три четверти большого дворца выставки, есть немало академичных, неинтересных ваяний, есть много тел неприятно вывороченных, но много и художественных вещей.

Очень хороша группа Лемера: женщина целует в лоб покойника; могильным покоем полна эта группа. Много настроений в группе «Холод» — женщина и мужчина в современных платьях стоят, дрожа и прижимаясь друг к другу. Хороши многие группы животных, напр., Мерита и пр., но истинно интересных скульптурных вещей мало в Champs Elysees; на всём чувствуются какие-то уже сильно протоптанные дорожки, точно мысль устала работать, и техника, приобретённая долгим трудом, застывает в своём развитии, не знает, за что ей приняться. Нет, в Париже, при его кипучей жизни, должно быть больше исканий. Особенно же сильно является это желание, когда смотришь бесконечный живописный отдел Champs Elysees.

* * *

По нашей худой русской привычке непременно обращать долгое (хотя бы и отрицательное) внимание на плохие вещи и тем только возвеличивать их значение, я хотел было заметить многие слабые картины Champ de Mars'a — без них этот Салон несомненно бы выиграл в цельности впечатления, но что же тогда пришлось сказать про Champs Elysees, про стены, иногда сплошь увешанные малозначащими, скудными выполнением и замыслом картинами?

Общий уровень Салона Champs Elysees слаб, и особенно плохо то, что про многие картины, даже при желании, ничего не скажешь. Про них можно говорить или очень много, или ничего; можно описывать расстановку фигур, их размеры, приводить исторические ссылки (подчас и приписанные под картинами), но что значит для публики знать, что Х написал картину из истории или мифологии и что исторические учебники именно так повествуют об изображённом событии? Уж очень позорно для картины, если сказ о ней должен ограничиться этими посторонними сообщениями. Есть на выставке: Распятия и Христы, есть зверства языческие, есть зверства европейские, есть победители, есть побеждённые, есть мифологические картины - и все эти замыслы не новы, в трактовку их не внесено ничего оригинального, чисто художественная задача отсутствует; остаётся печалиться за потраченное время, за умение рисовать, пропадающее даром.

О Салоне Champs Elysees писать очень трудно. От рамы и особенно от всего окружающего зависит не менее третьей части впечатления картины; в Салоне же на две с лишком тысячи картин, конечно, много хороших, но каково они должны себя чувствовать, подавленные подобным соседством, каково их извлекать и, закрываясь плотным зонтом пальцев, разглядывать! Какая-нибудь раскрашенная машина с дебелыми фигурами больше натурального роста наваливается и душит скромную, симпатичную картину - вчуже обидно!

Даже рисунки, офорты и литографии Champs Elysees как-то подтянуты и официальные, и среди массы иногда тонких, но слишком условно приличных работ можно найти не сразу что-либо интересное, вроде работ Руа (подметившего характерность видов старого города Брюгге) или гравюр Бельканде, Матью и др.

Про maître'ов, участвующих на выставке, сказать нового, само собою, нечего; лучше, чем всегда, они ничего не сделали, а весьма известно, что и как могут сделать: Бугеро, Лефевр, Кормон, Бонна (вдающийся уже в такую жёсткость, точно плохое выжиганье по дереву в раскраске). Бенжамен-Констан поставил две вещи: портрет Папы (очень сухой) и женский портрет; последний портрет лучше по колориту, но имеет какой-то неприятный, фарфоровый оттенок, может быть, от чрезмерного злоупотребления письмом «по сухому». Жалко, Констан не поставил в Салон женского портрета и этюда головы в средневековом уборе, которые зимою были на выставке клуба Volney, - те были удачнее, особенно этюд головы, написанный интересною сочною манерою, как будто maître забыл свой сан и заинтересовался простою передачею освещенного огненным светом лица.

Из пожилых художников интересен Анри Мартен. Его манера письма мастихинными мазочками, несмотря на своё однообразие, искупается светом, общим приятным колоритом и своеобразным течением мысли. Теперь у него на выставке две картины: большая «Сельское» и другая, поменьше, - «Художник». В «Сельском» поэт преклонился перед сценой спокойной сельской жизни: на первом плане овцы и пастух, вдалеке поле, полное работающими, залитое ползучими лучами заходящего солнца, - у Мартена этикие лучи всегда удаются.

Как и всегда, за исключением (и то только отчасти) картины «Витязь Май», что в Люксембургском музее, Рошгросс неприятен и резок.

Если прежде его картины и нравились многим, то теперь его триптих «Царица Савская и Соломон», полный претензии и кричащих тонов, вряд ли найдёт сторонников.

Некоторая часть публики, конечно, будет восхищаться живописью Руабе и не будет замечать ни черноты, ни условщины, ни слащавости, которыми полны его разодетые фигуры.

Испанец Соролла Бастида выставил два пейзажа с фигурами. Силён пейзаж, где рыбаки тащат на берег лодку, за ними синий-синий залив и скалы, оранжевые под солнцем.

Пейзажи в Champs Elyseés особенно незначительны. Когда ходишь по обоим Салонам, невольно как-то хочется сделать некоторые перетасовки; некоторых художников Champ de Mars'a направить в Champs Elyseés и наоборот. Это соображение вспоминается, между прочим, глядя на пейзажи Пуантелена; он один из лучших пейзажистов Champs Elyseés, и по характеру ему приличнее быть в Салоне противоположном. Мотивы Пуантелена очень несложны. Одинокое дерево среди равнины, кустарник, перелески, закутанные туманом. Туманом дали художник хорошо владеет; в этом типичном сером вогнутом горизонте, в его дальних мазках что-то мреет, а в молочном небе много света и воздуха. Хороши небольшие пейзажи: де Кохорна, Реванна (синий приморский пейзаж), Комптона, Иннесса, Тадама, Ремана, Пижара, Риделя и др. Все эти имена (кроме Иннесса) неизвестны; не знаю, удастся ли им проявиться в чём-либо определённом и значительном, но стремления их скромны и задачи симпатичны. Небольшой будничней жанр и жанр портретный очень развиты в Champs Elyseés. Авторы этого сорта работ очень разнообразны. Эннер и Эбер два известных мастера; в передаче ими головок и голого тела много техники, но слишком уж догматичны для них эти сами по себе малые truc'и выполнения. Тонко работает Максанс; у него чаще всего женские головы или поясные фигуры на фоне стилизованного пейзажа. На этой выставке он поставил небольшую картину — две девушки в средневековых нарядах на фоне деревьев. Лица написаны очень детально, выписаны ресницы, и трещины губ, и этот стиль, выдержанный в светлой гамме вместе с тонко написанными кружевами на головах и разводами, вышитыми на платьях, даёт интересное и оригинальное целое. Им же поставлено большое панно «Ночные бабочки», приятное по тону. Оригинально, но несколько растрёпанною манерою написаны портреты Дрейфус-Гонзалеса (портрет Папы и женский). Хичкок дал хорошую воздушную вещь - этюд девушки в цветном платье на фоне травы; в нём есть очень удачные красочные сочетания. Из мелких жанров надо заметить: Сабаттэ, Каро-Дельваля, Дефаэса и Косари, Кайрона, Леезе (рыбаки складывают рыбу), Амиарда, Жан-Пьера, Мареот, Пажес (эюд мулатки), Леклерк, нашего соотечественника Гиршфельда. Из портретов интересны по письму работы: Шоше, Гинье, Райнольд, Гардые, Коссон, Колонна, Томсон и др. Всё это хорошие портреты, но особенной задачи в них нет. Париж.

Россия. 1901. 30 апреля / 13 мая. № 721. С. 2.

МАЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ. НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Франция, Париж всегда связаны для меня с лучшими воспоминаниями. Здесь я окончил моё художественное образование; здесь были выставки мои и театральные выступления. Здесь уважаемый Жак Бланш возгласил восторг от полонецких плясок. Здесь каждый складывал утончённое мышление и преклонение перед прекрасным». (1929 г.)

«Ровно тридцать лет тому назад я покидал Париж. Окончив моё художественное образование под руководством Кормона, Пюви де Шаванна, я увозил с собою не только Советы по искусству, но и жизненные советы, которые впоследствии вспоминались не один раз.

Среди замечательных художников, которых я встретил в Париже, часто меня поражало одно качество, которое лишь истинная культура могла дать им. Когда Пюви де Шаванн или Фернанд Кормон выражали суждение об искусстве, они выказывали при этом терпимость, достойную восхищения.

Вспоминаю, как однажды мы с Пюви де Шаванном проходили по большой выставке и можно было удивляться, какие положительные и благожелательные суждения высказывал этот великий мастер. Лишь иногда художник проходил в молчании, это было единственным знаком его неодобрения. (1930 г.)

ХРОНИКА

Общество поощрения художеств, его последний отчёт и годичный акт

... После нескольких никак не удававшихся собраний для выборов нового секретаря Общества, 22 мая был избран, наконец, вместо правившего эту должность с сентября 1900 г. действ. члена Зарубина, - член-соучастник Рерих, служивший в учреждении несколько месяцев помощником сперва секретаря, потом директора музея и недавно вернувшийся из заграничного путешествия.

Хроника журнала «Искусство и художественная промышленность». 1901. Май. № 15-16.

Собрание Общества поощрения художеств

22 мая состоялось второе экстренное собрание действительных членов Императорского Общества поощрения художеств, на котором в секретари Общества избран помощник директора музея художник Н.К. Рерих...

Биржевые ведомости. 1901. 24 мая / 6 июня. № 138. Четверг. С. 2.

ИЮНЬ

[Начало июня 1901 г., СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Елене Ивановне.

Родная моя, хорошая моя, славная! Как люблю-то я Тебя, как я полон-то Тобою, и как мне опять будет скучно без Тебя! Ладушка, я теперь верю, что Ты меня правду больше всего любишь; и сказали мне это, как нельзя более, Твои глаза, когда вчера на вокзале Ты смотрела на меня. Милая, и мне Ты дороже всего и чувствую, что в Тебе находится то, о чём давно мечтал я. Поцелуй меня очень крепко.

Насчёт Принцессы; дело в том, что она вчера вызывала меня по телефону в 11 часов, не знаю зачем. Сегодня я запросил, когда к ней явиться, но ответа ещё не было. В Обществе всё в порядке в общих чертах, но дела накопилось много.

Получил письмо от Котика и от Половцова, - ему зачем-то нужно видеть меня. Пойду сегодня же после 6 час. Сейчас иду по Твоему и Княгининому поручению. Не знаю, как мне быть здесь. Душно и скверно. Аркаша завтра уезжает. Как Ты до дому добралась? *Напиши мне* про всё, Голубчик. Не болит больше? Поклон всем. Тёте Люде скажи, что Боба понравился мне. Маму Катю целую и всех.

Отдел рукописей ГТГ, 44/394, 1 л.

Н.К. Рерих. Этюд (Вид из окна на Васильевском острове в СПб). 1901.

ХРОНИКА

11 июня 1901 г.

Николай Рерих

Заботы о старине (Письмо в редакцию)

Голос в защиту памятников древности, в защиту оплота народного самосознания никогда не лишней; лишь бы такие сетования не приобретали общего, малозначащего характера. Ничто так не обесценивает хорошего стремления, как «общее» место.

Нельзя было без удовольствия читать в «Нов. вр.» искренно написанный фельетон г. Теплова о «равнодушии к старине», но, к сожалению, ссылки на печальное положение древностей областей Новгородской и Петербургской несколько неудачны. Г[н] Теплов укоряет археологов в непростительной небрежности к старине наших центральных областей. Он говорит: «При... хоть частице рвения деятельность наших археологов не осталась бы безрезультатною даже на таком болоте, на каком стоит Петербург, но думается, ещё долго, долго придётся ждать, пока они, сбросив свою апатию, примутся как следует за важное и дорогое для всех нас и науки изучение памятников отечественной старины...» Это хорошие слова, но вероятно г. Теплов упустил из вида положение археологического дела именно в облюбованных им губерниях.

Уже с 1899 г. Императорское Русское археологическое общество приняло систематические изыскания в Новгородской и Псковской губерниях. Кроме того ещё недавно обращался ко мне за сведениями для составления археологической карты г. Мятлев из Новгорода. Петербургская губерния уже с 1872 года служит предметом постоянных исследований, составивших известность Л. Ивановскому, а в настоящее время наш Археологический институт, как известно, занят изданием подробной археологической карты этой губернии, для чего собирает повсеместно соответственные данные. Ближнему к этому делу, мне известно много археологов, с большою заботой следящих за названными областями, и, например, печалиться за указанный г. Тепловым Лужский уезд, где работают отличные археологи гг. Л. Целепи и В. Глазов, я бы не стал.

По счастью, теперь уже невозможно приводить рассказы о том, что кости были «необыкновенного роста и в особенности поражали размерами своих черепов», или что «холмики представляют собою не что иное, как братские могилы перебитых поголовно колонистов»¹, или о греческих поселенцах в Лужском уезде, или о «галерах древних викингов-варягов или язычников-новгородцев» и о кусках окаменевшего дуба, которые могут быть обломками их погибших судов, - как это сделал г. Теплов.

В наше время, когда над вопросами древности работают всякие археологические общества и комиссии, когда говорят о переполнении слушателями Археологического института, когда основывается Русское собрание, которому

¹ О мифических перебитых колонистах и о богатырских костях мне приходилось упоминать в очерках «На раскопке» («Нов. вр.», 1899).

вопросы национальной древности должны быть также близки, — требуется уже более детальное отношение к делу археологии, и период общих сожалений, пожалуй, уже несколько миновал.

Новое время. 1901. 11/24 июня. №9075. Понедельник. С. 3.

Деятельность Императорского Общества поощрения художеств

Ввиду высокополезной, и личным трудом, и обильными пожертвованиями, двадцатипятилетней деятельности бывшего вице-председателя Общества, егермейстера И. П. Балашова, оставившего этот пост вследствие отъезда по делам Красного Креста на Дальний Восток, Общее собрание Общества 19 мая постановило: повергнуть на благоусмотрение Государя Императора всеподданнейшую просьбу о присвоении И. П. Балашову звания почётного члена Общества, каким званием до сих пор был удостоен лишь покойный Д. В. Григорович. На представлении по этому предмету 2-го июня его Императорскому Величеству благоугодно было начертать: «Согласен».

Общество возобновляет дело постоянной выставки при аукционах художественных предметов, которые должны начаться с будущей осени. Заведовать постоянной выставкой и аукционами будет художник В. И. Зарубин.

Комитет Общества выразил благодарность г-же А. В. Сабанеевой за хлопоты по устройству художественного вечера для усиления средств ученической столовой при мастерских Общества и г-ну Христиансону за лекцию разных пород деревьев, принесённую в дар музею.

Французское правительство предоставило Обществу помещение в Grand Palais des Beaux Arts для устройства периодических русских художественных выставок. Общество предположило воспользоваться предоставленным помещением с осени 1902 года, основания те же, и правила выставки будут выработаны в ближайших осенних заседаниях комитета для своевременного оповещения художников.

С 15-го октября по 20-е ноября в помещении Общества откроется выставка, собранная художественным кружком «Мюссаровских понедельников» для вспомоществования вдовам и сиротам художников.

Среди дел, рассмотренных в заседаниях комитета, был осуществлён важный вопрос, поднятый председателем бюджетной комиссии гр. П. Ю. Сюзором, о командировках за границу и по России учеников, окончивших Рисовальную школу Общества. Вопрос был решён утвердительно.

За границу были командированы г-жи Сомина и Лапшина с ассигновкою по 450 руб., а по России гг. Линдбладт и Примазов — по 250 руб. Кроме этих сумм, вице-председатель Общества Ю. С. Нечаев-Мальцев из собственных средств снабдил отъезжающих на подъём 50 рублями каждого. Для лучшего выполнения задач поездки командированные были снабжены командировочными паспортами, рекомендательными свидетельствами и письмами, любезно адресованными членами комитета И. С. Китнером и П. П. Марсеру к некоторым заведующим художественными учреждениями.

Н. Рёрих

Художественные сокровища России. 1901. № 6. С. 90.

ИЮЛЬ

[2 июля 1901 г., СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Елене Ивановне Шапошниковой

Дорогая моя Ладушка, как мне сиротливо-то без Тебя!

Казалось бы, одиночеству ещё не в чем было проявиться, а как подумаю, что уже больше нельзя на Лиговку ехать, то даже как-то жутко становится.

Прошлый раз я начал говорить Тебе о необходимой близости жены к мужу, да и не кончил. А полагаю, эта близость во всём, и личная и деловая, тем необходимее, что при ней у жены не может явиться мысли об отчуждённости мужа. Если есть какое-л. важное дело, то оно захватит их обоих одинаково, и жене не придёт в голову, что муж о ней не думает. У нас же, где предстоят большие и многоважные дела – такое обоюдное отношение необходимо.

Вчера много о Тебе говорили у Беклемишевых. Екатерина Ивановна подчёркивала, что вся моя художественная будущность исключительно в Твоих руках. Оказывается, они были сердиты на меня, что 1 ½ месяца не видался с ними. Ну, теперь кое-как сгладили впечатление. Сегодня Екатерина Ивановна везёт меня в Аркадию слушать Собинова в Онегине. Все там не поздравляли меня с местом в Обществе. Владимир Александрович говорил: «Ох, засосёт вас ваше бумажное дело, - так же засосёт, как и меня засасывает, а уйти уже трудно будет». Там же была старуха, мать Екатерины Ивановны – совершенный тип бабуленьки у Достоевского. Буду у них бывать частенько. Жара стоит невыносимая. Сегодня сейчас буду переделывать Городок.

Голубчик Лада, люби меня как последние дни любила... Люби меня всегда так. При такой любви можно многое сделать. Мне хочется быть с Тобою в деревне, да не в Бологовском саду, а в настоящем лесу, в природе. Рвётся и болит моё сердце по Тебе и по природе, и потому увидеть Тебя среди леса – о том думаю. Всем поцелуй и привет.

Поцелуй меня крепко.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, 44/393, 2 л.

Н.К. Рерих. Идолы. 1901.

*3 Июля [1901 г., СПб].
Письмо Н.К. Рериха к Елене Ивановне Шапошниковой*

Н.К. Рерих. 1901 г.

Вторник, 3 Июля

Дорогая моя, нашёл письмо Сафронова; посылаю Тебе снимочек с меня - Беклемишев снял. Сажу и боюсь, как бы чёртов Бри не поднял процесса против нас и не пригвоздил этим меня к Питеру. А уехать-то к Тебе, страсть как охота. Долго здесь я не проживу ни за что. Идолы, когда я поставил их на прежнее место – опять стали много интереснее. Совершенно переписал небо у городка; оно стало синее с розовыми разрывами туч.

Голубчик мой, как привык-то, как свыкся я с Тобою – без Тебя не к кому мне принести душу мою. И глупо передавать её в письме, бессмысленная бумага глядит на меня белым платком и на ней изволь отражать внутренние, самые глубокие для меня мысли, те мысли, которые отражались бы иначе в глазах Твоих. А теперь всякую фразу можно толковать на миллион ладов, - смотря каким голосом прочитывать её.

Мне страшно опять для Тебя братья за перо. А ну, как опять Тебе вздумается истолковать что-либо в дурную сторону. Только нет, теперь уже до дна должна знать меня и чувствовать – какое место Ты занимаешь во мне. Ты смотри, думай побольше о Майчике!

С Вами ли ехал Рогге? О чём говорили?

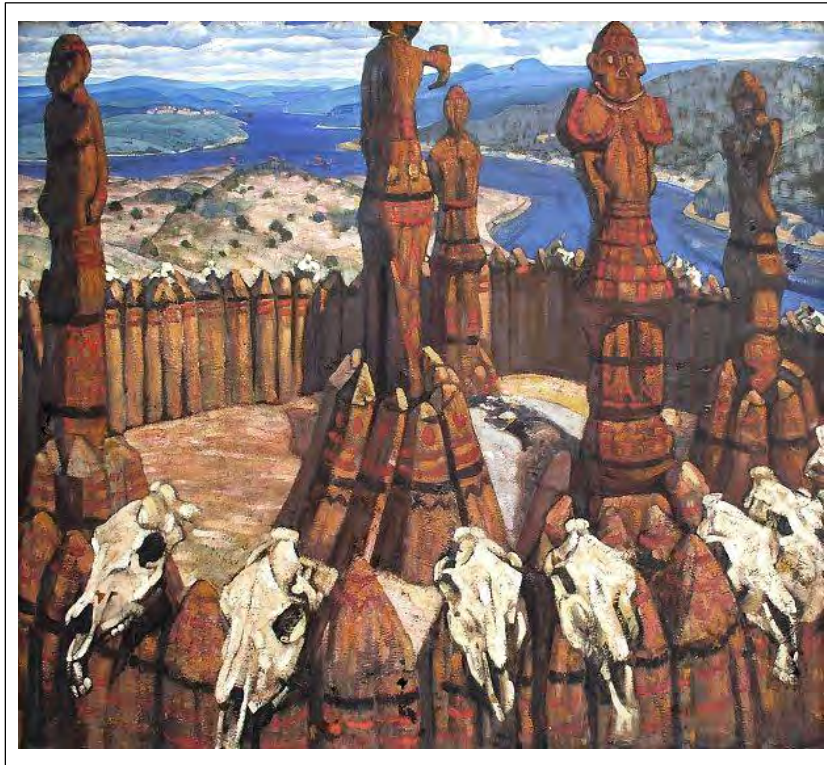
Был с Беклемишевыми в Аркадии. Собинов, правда, тонкий и искренний артист. Между прочим, Екатерина Ивановна при всех сказала, что она на меня теперь ставит крест, ибо дела засосут меня. Всем стало неловко, и даже мать её сказала: «Зачем ты так говоришь, Катюша, ведь если так будут говорить в ближайших художественных домах Никол. Конст., то что же скажут его враги и завистники. Такой слух легко пустить, а потом его ничем не выскребешь».

Признаться, мне очень неприятны были слова Ек. И. Если пойдут циркулировать такие слухи, то дело неважно. Сегодня утром мне невероятно захотелось быть мужем Твоим и целовать Тебя всю. Хочется ли Тебе это?

Всем поклон и поцелуй.

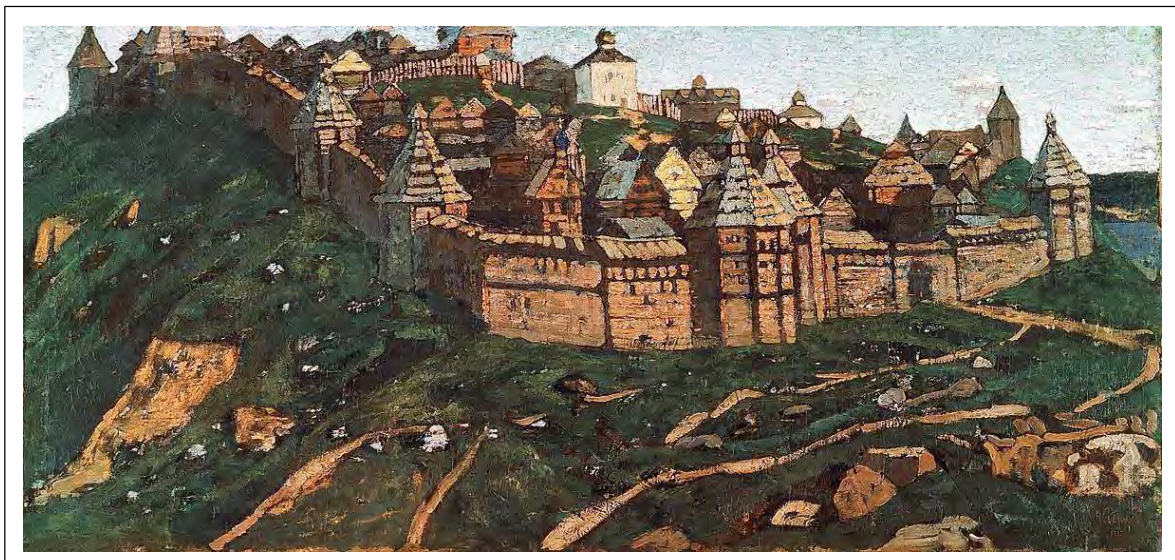
Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ. 44/375. 2 л.

Н.К. Рерих. Идолы. 1901.

«Идолы, когда я поставил их на прежнее место – опять стали много интереснее...»

Н.К. Рерих. Городок 1901-1902.

«Совершенно переписал небо у городка; оно стало синее с розовыми разрывами туч...»

12 Июля [1901 г., СПб.]

ПИСЬМО Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

12 Июля

Дорогая моя, Голубчик мой Ладушка, - вот уже Четверг, а письма Твоего всё ещё нет. Как-то Ты там? Принцесса назначила мне быть у неё в Петергофе завтра в Пятницу в 11 час. утра. Буду и затем отпишу Тебе. Во вторник я сделал важное приобретение для Общества; познакомился с известным знатоком искусства Деларовым. Он вступил в члены Общества, сказал, что при Собко он не желал вступать в Общество. Обещал дать ряд чтений по искусству и начнёт первым 1-го Октября «О связи старого искусства с новым». Вчера меня потащили некоторые Члены Арх. Института недалеко от Павловска в село Фёдоровское, где будто бы найдены подземные ходы. Ходы эти оказались просто провалом подземной речки. Но всё-таки прогулка оказалась ничего себе, - ибо вечер был превосходен.

Всё не могу дождаться рам. Знаешь, я думаю в Идолах сделать одно изменение. На правой стороне пробить забор и показать уходящих воинов, - они, вероятно, более свяжут картину и более выдвинут понятие похода по реке.

Городок выходит нехудо. Квартиры на Морской и Офицер. уже сданы, а на Морской была очень хороша. Сегодня пошлю Андрея искать, - хочется скорее Тебя выписать. Сегодня утром мне ужасно хотелось быть Твоим мужем и чуть было не увидал сна.

Гринеизена не застал дома – оставил карточку. Поцелуй. Всем поцелуй.
Дел навалили по горло.

Отдел рукописей ГТГ, 44/376, 2 л.

Суббота. 14 Июля [1901 г., СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Бумага – глупая, глупая, глупая, а я Тебя люблю, люблю, люблю, и мне хочется видеть и чувствовать Тебя около, мне хочется смотреть в Твои глаза, мне хочется слышать, что и Ты меня любишь, мне хочется, чтобы всегда Ты была такою, как в вечер моего отъезда в Понедельник. Голубчик, - верно, письмо Твоё затерялось, - ведь сегодня уже Суббота, и нет от Тебя ни строки. Я обещал не допрашивать писем, но всё же, не будь жестокой. Завтра я должен получить письмо Твоё – или я буду больной – неужели Тебе это приятно? Миленькая, приезжайте искать квартиру, ибо, если и найду подходящую, то если она будет хорошей – её немедленно из-под носа снимут. Время таково, что надо смотреть и снимать тут же.

Вчера был у Принцессы. Решился на смелый шаг. Поехал со следующим поездом, вместо к 11 к 12 (чтобы сделать свой приезд заметным и быть приглашённым к завтраку). С вокзала телефонирую: «по несчастью с экипажем мог выехать со след. поездом». Приезжаю в Петергоф – интерес ко мне поднят. Рассказываю: «лошадь понесла, испугавшись автомобиля». Принцесса говорит: «вот я всегда говорю, как опасны автомобили, да вы, кажется, бледны? не ушиблись ли?» (а я прихрамываю, ибо адски болит мозоль от венских проклятых сапогов – их прямо нельзя носить). Говорю: «пришлось выпрыгнуть – нога

подвернулась» (при этом все смотрят на мою ногу – а она в новом штиблете). Принцесса разахалась: «вы доктору покажите, не запустите. Ну, идёте завтракать, делом после займёмся». Обращаясь к сыну: «дай водки Ник. Конст. – ему надо подкрепиться». Представила мужу, народу было человек 25.

Теперь меня будут звать к столу и, значит, доклады выйдут более домашнему, а это хорошо. Мне было страшновато, удастся ли моя затея; ну рискнул, и выиграл. Думаю съездить в Петергоф написать одно место в саду Принцессы и подарить ей. Уж двигать, так двигать. Вчера Анненков и Свиньин потащили обедать к Донону и пристали, чтобы быть с ними на Ты.

Милая, мне скучно, мне не работается. Жара душит. Без Лады тяжело. Голубчик, приезжай искать квартиру числа 18-19. Голубчик, приезжай. Неужто и сегодня письма не будет? Гринейзена всё не застаю дома. В пору ли князю пинджак? всех поцелуй? и поджениха. У меня точно предчувствие какое-то, – всё ли ладно с Тобою?

На этих днях дел у меня – не отбиться.

14 Июля. Суббота

Отдел рукописей ГТГ, 44/250. 2 л.

Суббота. 14 Июля [1901 г., СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Суббота

Дорогая моя девочка,

Голубчик, Ладушка – золотая, сейчас получил письмо Твоё – славное письмо, полное спокойной энергии и любви. Я буду всегда таким же, как теперь, а коли Ты любишь меня, то тем и паче.

К Стасову еду сегодня вечером. Завтра Фролов звал меня к обеду, но к нему пойду лишь утром, обедать же буду у Беклемишевых.

Идолы опять привёл в старый вид.

Свиньин вчера за обедом – плакал.

Пиши, милая, почаще.

Отдел рукописей ГТГ, 44/403. 1 л.

17 Июля [1901 г., СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

17 Июля

Дорогая моя Ладушка, сейчас был я у Гринейзена. Познакомился с ним. Выставку картин старых мастеров будем устраивать вместе с ним у нас в Обществе. Картину князя – видел у него; она в порядке. Передал ему поклон и ожидание князя, его приезда. Картина князя, по его словам, интересна и, быть может, кое-где на ней подлинная рука да Винчи. Записал я его в члены Общества и через него предполагаю зазвать ещё десяточек. 15-го был у Фролова и у Беклемишева. Кажется, сестра Фролова и впрямь равнодушна ко мне, – уж очень как-то зло поздравляла меня с женитьбой и подчеркнула: «ну вы теперь

ликуете!» У Фролова пробыл недолго; вечером был у Беклемишевых. Что-то неладное у них в доме. Он имеет вид удручённый – точно его давит целая орава родственников, а иногда замолчит - и около рта ложится у него тяжёлая складка. Или грустит, что искусство отошло от него?

Накануне был у Стасова. Вышло вовсе глупо, и я сожалею, что наговорил Куинджи.

Старик сумел быть настолько тактичным, так мило расспрашивал о работах моих и о Куинджи, что придраться было положительно не к чему. Сейчас ожидаю сбора членов Бюджетной Комиссии; Господи, какая скучища все эти Комиссии! Вот наказание-то. За эту неделю вступило 6 новых членов.

Картины не очень ладятся. Сегодня принесут рамы. Для идолов рама ничего себе, а для «городка» слишком груба. Придётся ещё заказать раму, для «Охотников» и для других воронов.

Смотрел квартиру на Галерной. 9 комнат – 1500 руб. с дровами. Если бы домовладелец согласился надстроить в мансарде мастерскую, можно бы дать 1600 руб. Соединивши две комнаты, получается чудная гостиная. В такой квартире можно бы угнездиться надолго. Сегодня повидаюсь с домовладельцем и, коли что наклюнется, то Тебе придётся немедля приехать, ибо до 26-го не дождаться будет. Дом новый, интеллигентный. До Октября могли бы надстроить мастерскую. Ты люби меня, Ладушка. Ты не можешь себе и представить, как я думаю о Тебе, как Ты нужна мне. Ладушка, часто ли Тебе хочется быть женою моею? Ты смотри, всё-таки приезжай поскорей, а то Майчику без Тебя скучно. В письме не уписать, а многое хотелось бы рассказать, хоть и мелкое, но любопытное.

Всех целую. Ек. Вас. так, а князя – этак, - чтобы неодинаково. Целую Тебя, и Ты не забудь поцеловать меня.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/249, 2 л.

19 Июля 1901 г. [СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Голубчик Ладушка, приезжай, миленькая, посмотреть квартиру. *Надо решить с ней.*

И не только для квартиры надо мне видеть Тебя, а для Тебя самой. Сам я никак не могу приехать в Бологое – один как перст в Обществе; не на кого покинуть его. А без Тебя не могу. Слышишь, поскорей приезжай. А то наделаю глупостей, побросаю все дела и уеду к Тебе. Милая, Голубчик, приезжай – надо Тебя повидать. Картины не работаются.

Ой, Лада, Лада, как я люблю Тебя! Поцелуй всем.

19 Июля 1901 г.

Когда встретить? Телеграфируй.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/234, 1 л.

ХРОНИКА

Николай Рерих

Деятельность Императорского Общества поощрения художеств

В малодоступных частных коллекциях по России разбросано много художественных сокровищ. Императорское Общество поощрения художеств, желая с одной стороны дать возможность ознакомиться с этими богатствами, а с другой — предоставить случай частным лицам показать свои собрания (что также не легко, ибо слишком хлопотливо держать открытым вход в частную квартиру), решило с будущего года устраивать в своём помещении выставки подобных частных коллекций. Первая такая выставка откроется в середине будущего сентября.

С 1-го октября в Обществе начнётся ряд чтений по различным художественным вопросам. Будут читать члены Общества: Н. П. Кондаков, П. В. Деларов, И. Я. Павловский и др. В музее Общества по праздничным дням для учащихся будет давать объяснения член Общества И. Лазаревский.

Вице-председатель Общества Ю. С. Нечаев-Мальцев принёс в дар библиотеке Общества большое издание Помпейских раскопок.

Итоги сметы Общества с 1 сент. 1901 г. по 1 сент. 1902 г., при остатке в 1286 р. 59 к., выразились в цифрах 109 359 р. 63,5 к. прихода и 108 073 р. 04,5 к. расхода.

На днях мастерская Баринаова приступает к установке памятника на могиле Д. В. Григоровича.

Художественные сокровища России. 1901. № 7. С. 109.

25 июля 1901 г.

ЗА РУССКОЕ ДЕЛО

Слава Богу, хоть иноземцы заботятся о молодом русском искусстве! Нелегко ему: в глазах публики ржавым пятном лежит на нём нелепое клеймо «декадентство», и этим клеймом заклеено всё, что поможет. Оговорюсь, что название искусства «молодым» совершенно условно; разве не понятием нашего «молодого» искусства, полного искренней непосредственности, творили и славные барбизонцы, и Рембрандт, и Веласкес, и другие?

Но так или иначе наши старые художники вдруг позабыли про своё былое время - время тоже исканий и стремлений, отвернулись от самой простой справедливости и начали отрещиваться от молодых, притом ещё обвиняя их в узкости взглядов. А ведь надо иметь большие силы, чтобы без поддержки, как нравственной, так и материальной, всё-таки твердить своё любимшееся художественное слово! И в таком положении было много наших молодых художников на последних выставках; выдержали бы их силы такой дружный

поток отрицаний, неизвестно, но тут явилась неожиданная помощь, произошло нечто новое.

Началось это новое с прошлой Всемирной выставки. Своевременно много говорилось о результатах этой выставки для русского искусства. Лучшие критики Парижа Арсен Александр и Жоффруа обратились с хорошим словом именно к русским молодым художникам. Затем проф. Мутер в газете «Der Tad» высказался о важном значении молодых художников России в рядах мирового искусства. Ещё недавно мне приходилось слышать от Кормона о своеобразности русской живописи. Такое единогласное мнение приятно, но гораздо важнее, когда хорошие слова перешли в дело, когда европейские музеи и официальные лица начали приобретать русские произведения.

Со Всемирной выставки были приобретены для Люксембургского музея скульптура князя П. Трубецкого и картина Пастернака, бывшая несколько лет назад на передвижной выставке. Мало этого: администрация Люксембурга наметила целый список русских художников, произведения которых считается желательным приобрести для музея. На теперешней международной выставке в Венеции была куплена для Римской галереи известная картина Ф. А. Малявина.

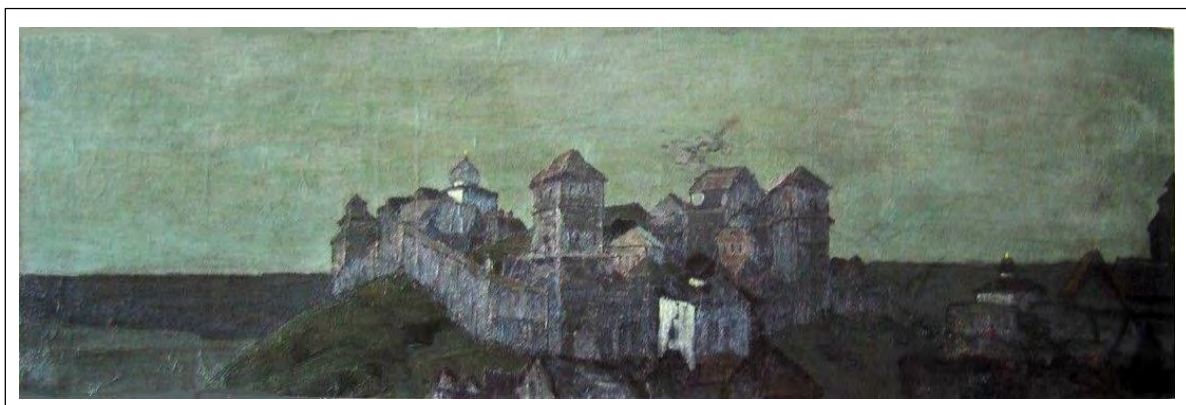
Вслед за этим на Мюнхенской международной выставке удостоены медалью картины гг. Кустодиева, Пурвита и Рылова; на выставке в Дрездене большая медаль присуждена кн. П. Трубецкому.

Все эти факты нахлынули вдруг; видно, на Западе, в самом деле, заинтересованы ходом нашего молодого искусства; ну что ж, пусть хоть Европа поддержит его, и велико же будет удивление иностранцев, которые в музеях нашей столицы не отыщут имеющих у них русских художников и с недоумением узнают, что эти художники обретаются у нас вовсе не в авантаже.

Надо нам художественные взгляды пошире, а то чего доброго и тут Европа поставит нас впросяк - тогда будет нам стыдно.

Николай Рерих

Новое время. 1901. 25 июля / 7 августа. № 9119. Среда. С. 3.

Н.К. Рерих. Город. Утро. 1901.

АВГУСТ

Н.К. Рерих Языческое. 1900-е.

10 Августа 1901 г. [СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Голубчик Лада. Посылаю Тебе статью Лазаревского из России. Вчера был на квартире. В гостиной и в будуаре не хватило по несколько кусков обоев. Электричество подробнее нельзя проводить – не зная расстановки мебели.

Мама предлагает обить диван, два кресла и 6 стул. кожей для кабинета. Она говорит, что в Августе обойщик возьмёт с неё много дешевле, т. к. Сентябрь для обивки самый неудобный месяц.

Вчера работал 7 час., а сегодня 5 час. Пожалуй, утренняя охота выйдет лучше всего прочего.

Что Ты делаешь?

Неужели Зи-Зи всё там? Сейчас иду за мазью для башмаков.

Ещё нашлось у нас 180 монет.

Если возможно, приезжайте раньше 25-го.

Всех целую.

Ладушка, как я уверен в Тебе теперь, и как у меня легко на душе.

10 Авг. 1901.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/235, 1 л. (На почтовой бумаге ОПХ.)

«Посылаю Тебе статью Лазаревского из России»...

Ив. Лазаревский

О ПООЩРЕНИИ ИСКУССТВ

Никогда живопись и ваяние так не интересовали русского общества, как в настоящее время. Многочисленные выставки картин и художественных произведений и в столицах, и в крупных центрах провинции сделали понемногу своё дело — заинтересовали публику; это заметно по тому, что общее число посетителей выставок растёт с каждым годом, а равно и по тому, что увеличивается спрос на художественные издания, на сочинения по разным отраслям искусства и художественной промышленности.

Чем [больше] публика будет интересоваться искусством, тем скорее оно найдёт в ней себе покровителей и поощрителей. Хотя надо заметить, что русское искусство никогда не страдало отсутствием покровителей. Многочисленная семья меценатов, с одной стороны, общество любителей и поощрителей художеств - с другой, способствовали развитию родного искусства. Но в поощрении меценатами и обществами есть великая разница. Меценаты в большинстве случаев поощряют лишь одну какую-либо отрасль живописи, и очень редко встретится меценат, интересующийся в одинаковой степени всеми родами живописи, равно вникающий в нужды художников, - будь это жанрист, портретист или пейзажист. Общества же покровителей и поощрителей искусств могут принести несравненно большую пользу искусству, чем меценаты, потому что действия таких обществ носят более, так сказать, объективный характер - они придут на помощь с одинаковой готовностью художникам всех родов живописи. К сожалению, в России ещё так мало подобных обществ, что если бы число существующих удесятилось, то и тогда в них ощущался бы недостаток.

Одним из популярнейших таких обществ считалось Общество поощрения художеств. Но приходится, к огорчению, отметить тот факт, что за последние годы эта популярность Общества как-то померкла.

Главной тому причиной было то, что в продолжение многих лет секретарское место занимал человек, быть может, преисполненный самых благих порывов, но не умеющий ничего исполнить так, чтобы приносились ожидаемые плоды. Он не умел привлечь публику и заинтересовать её музеем Общества, этой богатейшей коллекцией предметов русской старины и художественной промышленности; очень мало обращал внимания на постоянную выставку картин — при нём она почти не устраивалась, а когда и открывали её на короткое время, то экспонировались неинтересные вещи - больше копии или работы неудачников-художников; издательская деятельность также не удавалась обществу, пока заправилой там был тот же секретарь...

Но вот, наконец, после шестнадцати с половиною лет сидения, этот секретарь удалился, место его занял другой - живой, понимающий и преданный делу человек [Н. К. Рерих], и при его участии и инициативе намечается ряд новых путей, могущих оживить Общество, снова привлечь к нему внимание публики и разрушить ту ледяную преграду, что возвелась стараниями, может быть, и невольными, его предшественника между Обществом и русской, особенно же столичной, публикой. - Этими мероприятиями, коими надеются снова вернуть обществу те симпатии публики, какими оно пользовалось, когда секретарём там был знаменитый писатель Дм. В. Григорович, т. е. в самое цветущее время Общества, - по существу совершенно несложны и никакими хитроумными замыслами не отличаются.

* * *

Одной из важнейших функций Общества поощрения художеств является постоянная выставка картин, как я уже заметил, пришедшая за последнее время в крайний упадок. Между тем эта выставка является в одинаковой степени важной и для художников, и для публики. Для последней она тем важна, что на постоянной выставке картин можно купить значительно дешевле, не переплачивая больших комиссионных денег владельцам разных «художественных» кабинетов, антиквариям и т. п., кроме того, все экспонаты принимаются на выставку лишь после того, как их одобрит особое жюри из членов комитета Общества, что является для публики известной гарантией в художественной доброкачественности картин и т. п. художественных произведений. Для художников же постоянная выставка тем важна, что благодаря ей они устраняют от себя все хлопоты по продаже, уплачивая Обществу маленький проц. с продажной цены. Теперь в малых залах Общества выставлен целый ряд очень интересных работ, часть которых уже знакома нам по зимним выставкам; цены на них назначены крайне скромные.

Постоянные выставки - это первый шаг к восстановлению популярности общества при условии удачного и интересного состава выставок, а в этом мы можем быть спокойны, так как заведовать выставкой поручено лицу с высшим художественным образованием, небезызвестному художнику Зарубину.

Одной из причин того, что музей Общества посещался публикой крайне вяло, служило и то обстоятельство, что там не имелось ни каталога, ни могущих давать разъяснения лиц, ярлычки же имеются далеко не у всех предметов, да и притом некоторые трудно читаемы. В настоящее же время трудом директора музея М. П. [Боткина] и его бывшего помощника Н. К. Рериха составлен подробнейший каталог этого музея, и, кроме того, время от времени там будут даваться знающими лицами наглядные объяснения. Если мы вспомним, каким успехом пользуются подобные объяснения проф. Н. В. Покровского в отделе христианских древностей в музее Александра III, то, думается, и это начинание Общества будет оценено публикой.

Но что особенно может принести видную пользу Обществу, так это организация собраний членов его. <...>

Среди частных лиц часто встречаются владельцы интереснейших коллекций художественных произведений; но в большинстве случаев они мало кому известны, так как невозможно же требовать, чтобы в частную квартиру допускался всякий, желающий осмотреть коллекцию хозяина. И вот Общество, идя навстречу интересам своих членов, решило организовать ряд выставок подобных частных коллекций, на которые будут также допускаться и почётные посетители из сторонних Обществу лиц. <...>

Дело помощи русскому искусству живёт среди нас, любующихся картинами и получающих от этого эстетическое наслаждение, а раз имеется Общество, цель которого - всячески поощрить и поддерживать искусство, то как же не придти ему на помощь!

Господа, любящие и интересующиеся искусством, где вы? Откликнитесь! Ау!

Россия. 1901. 10/23 августа. № 822.

[Август 1901 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая Ладушка, доехал хорошо. Посылаю Тебе статью Половцова, - прочти её <...> и письмо Котика. Научи поскорей, что мне ответить, чтобы вышло прилично.

В Обществе за это время ничего не произошло. Сейчас начну писать. Раму было весьма неудобно везти на извозчике.

Напиши Голубчик, про Зизи. Лак и порошок пошлю завтра.

Крепко Тебя целую. Всем поклон.

Четверг 10½ утра.

Отдел рукописей ГТГ. 44/401, л. 1.

[Август 1901 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Голубчик Ладушка. Сегодня послал мазь для сапог от Вейса. У Штоль Шми-та меня удивили, сказав, что никакого порошка у них нет, и предложили взять для той же цели магнезии. А когда я сказал, что у них брали такой порошок, - они просили прислать им такую коробку – иначе они, де, не помнят, что это такое.

Приезжайте скорее. Мама собирается заказывать мне рубашки, полотенца, наволочки, подушки и обивать мебель. Делает мне шубу. Даёт часы и цепочку. И фрак тоже. Неловко ей отказывать, тем более, что она говорит, что подушки и прочее, всегда пригодятся на случай.

Не позволить ли ей обить стулья и кресла и диван кожей? Какою лучше? Коричневой шагренью или зеленоватую?

Удивляюсь, сегодня уже Суббота, а письма Твоего всё ещё нет.

Вчера очень не худо работал. Был у Куинджи. Старик вне себя от радости по поводу наших циркуляров. Говорит, что это дело разовьётся, и пророчит широкое влияние на всё русское искусство. «А Зарубин теперь спал бы!»

Пиши Голубчик, а лучше всего, приезжайте скорее, - чего там сидеть в Бологое, коли и Тебе там не по душе.

Неужели Зизи там ещё? Пиши подробно. Всех целую.

Платки изорвал и бросил.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/400, 1 л.

[Август, 1901 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Ладушка, не мучь, ради Бога, напиши которое Твоё письмо шутка, - теперь я совсем потерялся. Я не могу допустить, чтобы моя славная, умная Ладушка, по желанию первого встречного ..., стала бы в шутку писать: "Я хочу предстать перед Тобою такой, как я в действительности" и «что любовь настолько серьёзное чувство, что им не шутят». У меня голова перестаёт работать. Не знаю, где правда. Ты не могла так легкомысленно касаться моего самого святого. Не верю. Не могу работать, зачем Ты так.

Не знаю, какая была цель, но достигнуто, что мне больно и больно. Я не могу сердиться, но мне больно и худо. Приезжай раньше 25-го; [~~впрочем для меня ты этого не сделаешь, вот если бы приезжий... предложил – тогда другое бы дело~~]. Видит Бог, не я начал эту историю. Если бы Ты знала, как болело у меня сердце в Субботу и Воскресенье – теперь знаю почему. Зачем неосторожно касаться и, главное, получив моё письмо с припиской: «как я в Тебе уверен».

Спасибо князю за письмо. Поклон всем. Ради Создателя, ради всего святого, *ответь*.

Я не сержусь, но я растерялся как-то. Я не ожидал.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/228. 1 л. [Письмо написано на почтовой бумаге со штампом ИОПХ]

Н.К. Рерих. 1900-е.

[Август 1901 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Голубчик Ладушка, получая мои письма, не подумай, ради Бога, что я сержусь на Тебя, - нет, я не могу на Тебя сердиться. Но моя любовь не выносит именно насмешки – ведь Ты же знаешь это. Может быть, это и глупо, но Ты должна это иметь в виду. Я не боюсь ни резкого слова, ни правды, но насмешка выворачивает мне всю душу. Ты не должна смеяться надо мною. Я не хочу заслуживать насмешку. Я теперь не знаю; может быть, Ты в шутку там же писала, что Тебе приятно читать обо мне или что Тебя интересуют мои дела в Обществе? Милая, зачем смеяться над человеком, который Тебя любит? А я ведь, право же, люблю Тебя, и потому всё от Тебя мне так и чувствительно. Лада, как я люблю Тебя, и не знаю, но мне и в голове не может уместиться ка-

кая бы то ни было насмешка над Тобою. Что с Тобою сделалось, когда Ты забыла о Майчике, забыла, как он усиленно просил только не смеяться над ним?

Милая, милая, что же это такое? Я не могу не любить Тебя, даже если бы Ты не только смеялась надо мною, но даже делала мне гадости, всё равно буду любить. Но разве в этом право для Тебя сейчас же пользоваться этою возможностью? То, что случилось, до такой степени противоречит моему представлению о моей славной, милой, дорогой Ладе. <...> я отомщу со временем, сильно отомщу.

Всё-таки мне хочется верить всему что Ты пишешь, всему, что Ты говоришь; в ту минуту, когда Ты достигнешь разрушить эту веру, Ты убьёшь меня. Помни, рубль состоит из копеек. Если берётся копейка, а на место кладётся гривна, то благо, но если расходуется копейка за копейкой, то и рубль иссякает. Хочу надеяться, что Ты никогда не насмеёшься надо мною, но что если опять «в шутку» – ведь иной раз забавы бывают прежестокые, стоящие жизни.

Голубчик, неужели я только насмешку заслуживаю? Тогда не стоит работать, к чему тогда, если даже для близких я лишь предмет для шуток? Не могу думать, не могу работать, хожу с бесформенными, разорванными мыслями. А <...> приходит и пошло говорит: «Прелестная невеста ваша считает дни когда с вами увидается». Я хотел сказать: «Не только считает, но и пишет для вашего развлечения мне письма "в шутку"».

Лада, если любишь, пожалей меня. Ведь если бы я не любил Тебя, мне не было бы от тебя всё так тяжело.

Милая, милая, милая, пожалей!

Мне необходима Твоя любовь.

Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44/396, 2 л.

[Август 1901 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Я не знаю, как Ты себя чувствуешь в Понедельник вечером, Лада, но я чувствую себя очень скверно. Такая слабость, такая пустота в голове, спать – душно, а думать ни о чём не могу. Лада, зачем Ты захотела меня одурачить. Ведь умолял же я Тебя не высмеивать меня... Если бы Ты захотела дурачить <...>, то и приписала бы, что это его сочинение. Я теперь не знаю, чему верить в Твоих письмах, – смотрю на них и не знаю, где Ты смеялась, где нет. Милая это жестоко!

Неужели и короткое время сердце не может быть полно лучшею, чистейшею любовью и желанием всего себя принести другому человеку. Я живу для работы, а работать могу лишь ради Тебя – и если Ты отталкиваешь, то я лишний – всему лишний человек. Для творчества нужна почва; эта почва у меня Ты. Без Тебя не могу работать, а насмешка Твоя больнее ножа – это жестоко, жестоко, жестоко.

Если Ты не приедешь теперь же, как можно скорее, то значит моё состояние Тебе всё равно. Ну а если бы <...> ещё сильнее приставал, то Ты может быть согласилась бы в угоду ему и в глаза мне насмеяться. И главное, в угоду кому? – <...>, над кем же смеялась.

Я не сержусь и, тем паче, не ревную, но мне больно, что Ты намеренно развиваешь во мне подозрительность, чтобы я в каждом слове Твоём искал иро-

нии, предвзятой скрытой мысли. Я на это малоспособен. Мне уже довольно стоять на страже перед врагами, - дома я желаю уверенности, не хочу засад, не хочу подвохов и ухищрений. У меня в ушах звон, у меня голова точно налитая. Нет, тут что-то не так. Ты не могла так писать, без приписки, что это не Твоё.

Проклятое Общество! – я не могу сейчас же ехать к Тебе, а Ты, знаю, не захочешь нарушить определённых сроков и сама помочь мне. Пусть Тебе сердце подскажет, что сделать. Думаю, оно у Тебя не такое, чтобы подсказать написать: «полно милый, зачем из мухи слона делать. Мы приедем, как решено, 25-го в 9 ч. 15 м. вечера, и ничего не горит». А то-то и есть, что горит, то-то и есть, что мне одиноко и холодно стало и письма этой одинокости не помогают. Зачем Ты, Лада, сделала?

Ох, как жду от Тебя. Мне надо видеть Тебя.

Сейчас получил Твоё письмо, не могу не написать сейчас же. Милая, как хорошо, что Ты не разорвала первую часть письма. Я думаю, нужно быть тупым и очень грубым человеком, чтобы внутри иногда не дрожали таинственные струны какой-то общей тоски, как у Тебя в тёмную ночь.

Милая, милая, милая мы принесём друг другу и эту тоску, а подчас и радость, и всё-всё разделим пополам! Милая, как приятно сознавать, что есть человек, который несёт мне свою душу (душу чистую), и как приятно и себя нести ему всего. Голубчик, как люблю-то я Тебя!

От нас самих же зависит сорвать туман с далёкой зари, и неужели наша любовь так несовершенна, что она не даст нам на это могучей силы. Вихрь разнообразной работы, скачка без оглядки, широкая жизнь в лучших её проявлениях – всё это сулит нам дружное, совместное наше существование.

Я верю, что Ты явилась, чтобы дать мне новые силы, чтобы округлить моё существо и помочь в жизненной битве. Я же дам Тебе всего себя. Я знаю, что буду честно к Тебе относиться. Знаю, что Ты мне будешь родною в лучшем значении этого слова.

Милая, хорошая моя Лада, радость моя! Прости, голубчик, за бессвязное писание, но есть порывы, которые не укладываются в правильные строки. Ими, бездонными, я полон.

Милая, приезжай – думать вместе, радоваться вместе, гнать вместе всё тяжёлое.

Зизи хотели видеть бар. Врангель и Никифоров.

Благодарю князя за письмо. Писать ему не могу. Нужны сахарные слова, а их у меня сейчас нет. Извинись.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/229, 2 л. [После 12 августа 1901 г.]

[Август 1900 г. Париж]

Фрагмент записки Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая, радость моя, я верю, что Ты не сознательно сделала мне больно. Я верю, и поминать об этом больше не буду. Приезжай скорее как [мож]но. Целую крепко и

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/253, 1 л.

[Август 1901 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя Ладушка, я боюсь, чтобы мои письма Тебя не слишком обеспокоили. Правда, мне тяжело, очень тяжело, но всё-таки Ты не волнуйся слишком. ~~Как-нибудь~~ всё забудется. Милая, не беспокойся. Лучше приезжай поскорей. Слышишь, поскорей приезжай! Севастопольск. поезд идёт и ранее 25-го, а собираться Вам долго ли? Нужно и о квартире поговорить. Меня сегодня страшно смутили везде большие пятна сырости. Как бы нам не заплатить слишком дорого за 11 комнат?

Милая, милая, милая! Всею душою люблю Тебя. Пожалей же меня – будь осторожнее и не такой жестокой.

Мне неважно работается сегодня. *Отдал мою новеллу в Новое Время.* Мама предлагает обить не Твою мебель, а мою: диван, 2 кресла и 6 стульев – чем я хочу: материей или кожей.

Приехала Лосская; очень благодарна, что не исполнено Люсино поручение. Люся в Италии. Вчера жена Шведского посланника приехала просить меня, не представлю ли я от неё Принцессе Брюссельских кружев, принадлежавших Имп. Жозефине, ценою в 20.000 р. Лежат они у меня, и мне боязно, как бы с ними чего не приключилось.

Видишь, я даже пробую говорить об обыденных предметах. Но пожалуйста, приезжай поскорее.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/220, 1 л.

**«Мне неважно работается сегодня. Отдал
мою новеллу в «Новое Время»...»**

Н.К. Рерих

СТАРЫЙ НАПЕВ

Гримр, викинг, был очень стар. Прежде был он лучшим норвежским вождём. Слава о нём неслась в далёкие страны. Но теперь уже не ходил в море викинг на своём быстроходном драконе-ладье; уже десять лет не вынул он меча своего из мохнатых барсовых ножен. На стене в покое висит длинный кожаный щит, паутина окутала орлиные крылья на шлеме.

Днём на высоком крыльце сидит викинг, и творит правду и суд, и греет на солнце старые кости свои, а к ночи в гридне на дубовых столах ставят служанки богато-резные енды, рога и ковши, приносят ячменные хлеба, дымятся дикие гуси и лосиные бёдра - в пире весёлом коротает викинг с друзьями долгое тёмное время.

В плошках подвесных пылают красное пламя, золотит серебро бород и волос, блестит на черепе голом, сверкнёт на серьге и матово тухнет на зверовой одежде. От доброго удара, от громкого смеха кольчуги бренчат и гудят щиты на стене.

Ковш круговой идёт по рукам, а по устам речи - про старое время. Всякий выпьет и скажет, чего он хотел бы.

Почёта хочет богатый; богатым хочет быть бедный. Кто поглупее – просит жизни сначала, а мудрый за рубеж смерти глядится. Кому помоложе, славный бой нужен – нет боя, не видать ему и победы.

Хозяин последним ковш принял и начал слово: «Я хотел бы...», - и задумался Гримр, и волосы белой шапкой упали на лоб его, и смотрел он вниз.

- Прости мне, Один, нескромную волю! Я хотел бы друга иметь, - сказал викинг, - хоть одного верного друга..., - и заскрипели столы, и задвигались гости за ними.

- Мне ли пришлось услышать слово такое? - из-за стола поднялся Олаф-викинг, давний товарищ Гримра, - я ли не был другом твоим? Когда ты в изгнании спешил спасти жизнь свою, кто же первый руку тебе протянул, кто молил за тебя короля? Вспомни о друге!

С другой стороны на Гримра глядел викинг Гаральд и, грозя, говорил:

- Когда враги сожгли имение твоё и разграбили казну твою, у кого в жил ты, кто с тобою строил дом твой? Вспомни о друге!

Рядом, точно ворон, старался прокаркать древний Эйрик, Красный по прозвищу:

- В битве у Эс-Биорки кто держал щит над тобою? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

- Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

- Кто после несчастного боя при Гальф-фиорде первый пришёл к тебе? Вспомни о друге!

- Кто клевете тебя не поверил? Вспомни! Вспомни!

- Видно, ржавчина времени съела память о верных друзьях из твоей головы, о друзьях, верных тебе в минуты печали и бедствий? Гримр, неразумное слово сказал ты! Тебе ли, седому, тебе ли, полным кубком испившему жизнь, тебе ли забыть о друзьях твоих. Горько и больно нам слышать!

Тогда с места поднялся викинг Гримр, низко гостям поклонился и стал говорить.

- Друзья мои, дайте сказать вам. Боги свидетели, помню и чту всё, что вы сделали мне. Вас я люблю, но за ковшом круговым вспомнилась мне одна давняя дума и к богам принёс я невозможное слово. Товарищи, вы мне друзья в несчастье и на этом земно вам кланяюсь, но в счастье нет друзей у меня. Нет у меня их, и не может их быть на земле. Редко счастливым я был; так редко, не трудно и вспомнить когда.

Счастлив был я после славной битвы с датчанами; вражеской кровью было густо залито поле: кони ржали, трубы ревели, пела дружина священную песнь и высоко несла меня, вождя своего, - да, я был счастлив. И слышал я хорошие слова, но сердца друзей моих молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив на королевской охоте; двенадцать медведей убил я, спас короля от рога сохатого и король поцеловал меня и лучшим мужем назвал. Я слышал много приветливых слов, но молчали сердца друзей моих. В счастье не знал я друзей.

Лучшею девой слыла Ингерда дочь Минга; из-за неё много мечей изломалось, много кольчуг было пробито, но сердце Ингерды не знало любви. И я

женою привёл её в дом мой. И обнимали меня и величали меня, но слова друзей шли не от сердца. Не знаю, где в счастье друзья.

В Гуле на вече Один послал мне своё мудрое слово и поведал я слово народу и спасителем считали меня и поклонились мне и тут молчали сердца друзей моих. В счастье не бывает друзей.

Матери своей я не помню; жена моя жила только год; не знаю, были ли они такими друзьями.

"Я видел раз женщину с двумя мальчиками: здоровый и полный один сидел подле неё и жадно глядел, как она ласкала другого и улыбалась на болезненное лицо его. - Женщина, - сказал я, - смотри мальчик, что сидит рядом с тобою, тоже ждёт ласки твоей; разве ты не любишь его? он такой красивый, здоровый. Она ответила: «Я люблю их обоих, но этот несчастен».

Когда я несчастен, в минуту борьбы и горя, я, убогий, ищу дружескую руку и держусь за неё, но когда я счастлив, когда я стою на высокой вершине и воеет вихрь кругом и трудно друзьям кверху тянуться рукою и одиноко стою я. Высоко счастье подымает человека и лучше и выше он всех, а сердца наши открыты лишь вниз.

Товарищи в несчастье моём, вы жили много ради себя, лишь при счастье моём открылось бы сердце ваше ради меня.

Не видать уже мне волны счастья, - оно разлилось вокруг меня в ровном отливе, и не было у меня в счастье друга, и не был бы он человеком. Богам принёс я невозможное слово.

Новое время. 1901. 3/16 ноября. № 9220. Суббота. С. 5-6.

[Август 1901 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Был на квартире. Потолки и обои покрылись зелёными и тёмными пятнами сырости. Надо обсудить, не слишком ли сыро. Заключение условия оттяну дня на 4. Целую крепко жду известий.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/454, 1 л.

[Август 1901 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Голубчик Ладушка, если возможно выезжайте 24-го вечером с поездом 12 час. ночи, - он в городе в 9 час. утра. Приготовься так, чтобы пробыть со мною несколько дней.

Ты мне необходима.

Бобу поздравляю.

Отдел рукописей ГТГ, 44/402, 1 л.

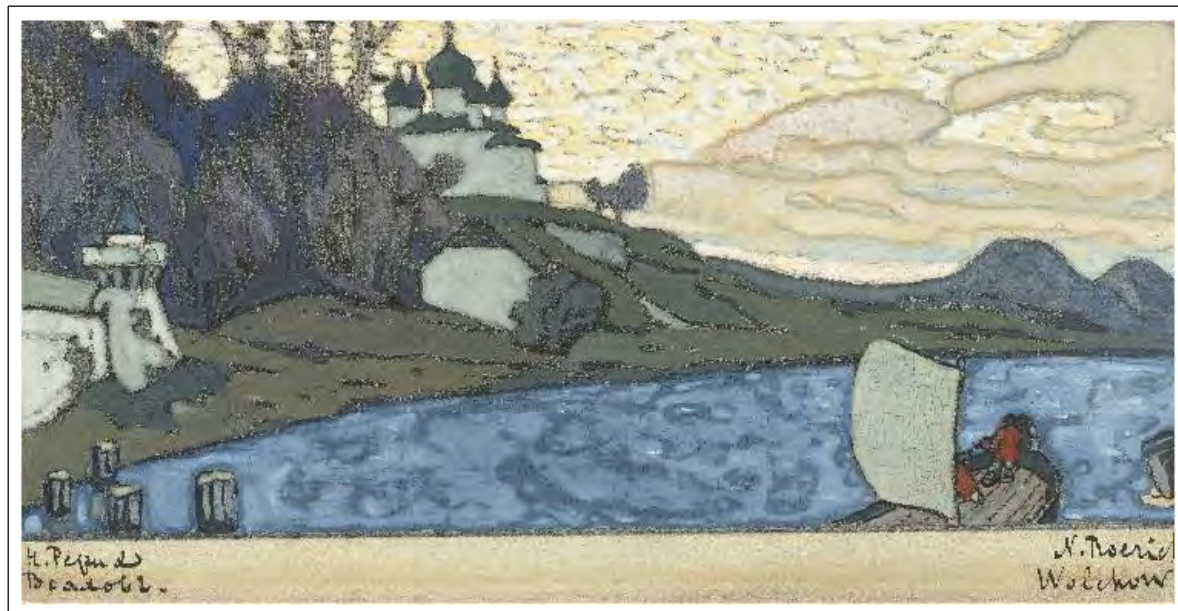
СЕНТЯБРЬ

23 сентября 1901 г.

Хроника

С нового года при всех казённых винных лавках в России будет производиться продажа «лубочных» картин. Для издания и распространения в народе действительно художественных картин по самой дешёвой цене составилась особая комиссия, в состав которой вошли: товарищ министра финансов т. с. В. Н. Коковцев, член совета министерства д. с. с. А. А. Шумахер, председательница Первого дамского художественного кружка А. В. Сабанеева и другие. Для первого опыта будет выпущено 10 картин, сюжетом для которых послужат разные события из русской истории, виды исторических зданий и местностей и т. п. Картины в настоящее время уже готовы и исполнены известными петербургскими и московскими художниками: Ковалевским, Афанасьевым, Билибиным, Рерихом и другими. Картин будет отпечатано 100 тысяч экземпляров, при помощи хромолитографии, в несколько тонов, причём на первое издание министерство ассигновало три тысячи рублей, а члены Первого петербургского дамского кружка взяли на себя труд по выполнению этого издания. В декабре месяце настоящего] г[ода] картины будут уже разосланы по всей России.

Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 23 сентября/ 6 октября. № 261. Воскресенье. С. 4.

*Н. Рерих. Волхов.
(Эскиз для открытки)*

Н.Рерих. Заморские гости. (Открытка)

Н. Рерих. Над Невой рево вьются флаги пёстрые судов. (Открытка)

ОКТАБРЬ 1901 г.

Николай Рерих

НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЕЧЕНИЯ

Мы как бы стоим на пороге нового течения в искусстве; глубоко внутри общества совершается какой-то художественный процесс, дающий о себе знать пока лишь глухими, неясными симптомами. Выдвигается исправленное понятие «живописи», начинают заботливо относиться к истинному рисунку; может быть, к этим понятиям присоединится ещё стремление к большей интимности искусства, так попираемой площадными условиями наших больших выставок и так необходимой при истинной любви к делу.

Пожалуй, недалеко время, когда мы, подобно тому, как Гюисман пожелал быстрее разрастаться пошлому торжеству официального салона Champs Elysees, скажем: пусть пышнее расцветают уродливости нашего выставочного дела, чтобы тем быстрее эти ядовитые цветы поблекли. Конечно, нам, русским, о таких словах ещё рано думать: Европа должна их сказать прежде нас, ибо европейским выставкам во многих отношениях развиваться уже трудно. А пока не забудем хороших слов проф. Мутера, недавно заметившего, что новая Европа должна ожидать теперь от России, и постараемся не упускать случаев принимать участие на заграничных выставках. На венецианской выставке этого года такой случай нами пропущен.

В весеннее время везде много выставок: и в крупных, и в малых центрах. К маленьким выставкам с домашним характером принадлежат, напр., выставки в Брюсселе, Женеве, Милане. На каждой из них, кроме знакомых публике по другим выставкам старых вещей известных художников (вроде портретов Больдини в Брюсселе), есть свои местные и, даже вернее сказать, свои городские художники, имена которых совсем не доходят до больших центров и в большинстве не заслуживают этого.

На миланской выставке особенно заметно влияние Сегантини: один из его подражателей (Лонгани) слепо придерживается даже в деталях техники этого мастера. От такого «подражательства» пропадает интерес пейзажей Лонгани, потому что и сам Сегантини в последних вещах был уже чересчур догматичен технически, и трудно начинать новую работу с его последних шагов.

Несмотря на удобные выставочные помещения, на всех трёх выставках было мало интересных вещей, немного и посетителей. Впрочем, только качеством выставок трудно объяснить последнее обстоятельство, и в Венеции, несмотря на обилие приезжих, тоже не слишком много было публики на международной выставке, а выставка составлена была интересно, особенно для тех, кому не удалось побывать на прошлой Всемирной выставке Парижа, ибо много картин с неё выставлены были в Венеции. Венецианская выставка очень молода - всего 4-я по счёту. На последней выставке видно было желание обставить её пополней и привлечь к ней хорошие имена.

На выставке замечалось стремление разделить её по национальностям, но выдержано оно было не везде, и строже других отделов выделились только отделы итальянский и венгерский. Но такое ревнивое обособление этих отде-

лов для них было вовсе не выгодно, так как оба они самые малохарактерные на всей выставке. Венгерское искусство, так же, как и искусство мелких славянских народностей, почему-то всё не может развиваться. Правда, за эти молодые школы и не обидно; их дело только начинается. Лишь теперь опять вспыхивает всюду национальное самосознание; а коль скоро проснётся оригинальное течение общенародной мысли, вместе проснутся и проявления всяких творческих сил. В деле славянского и венгерского искусства не надо ужасаться, надо ждать и смотреть.

А вот глядя на искусство (особенно на живопись итальянскую), приходят на ум печальные мысли. С этой живописью творится что-то неладное! Художники времён упадка итальянского искусства удивлялись и не могли понять, за что высоко ставят работы старых мастеров; ведь и они рисуют почти не хуже, и притом кончают работу без сравнения быстрее, так что, казалось бы, на их стороне прямое преимущество. Так же точно могут недоумевать и теперешние художники Италии; в их картинах есть и недурной рисунок, есть подчас приятные тона, есть задачи содержания. Но рисунок у них дальше красивой середины и известного, заранее обдуманного контура (против которого ещё ратовал да Винчи), не идёт; изобилует чувствительными сюжетами и непомерно претенциозно («честная жизнь», параллели горя и радости и т. п. диптихи и триптихи), словно бы итальянские художники были невысокого общего развития. Средняя техника, средняя мысль - самые злые враги искусства - плотно налегли на художников Италии. В их работах не видно ни стремления к новизне, ни гордой характерности - той характерности, которая в понятии наслаждения искусством является условием самым краеугольным. Недаром французы считают высшею и солиднейшею похвалою сказать о художнике: «Il a du style»¹.

Вообще, когда проходишь по разным выставкам и городским музеям (где собраны современные нам живописцы), так и хочется, чтобы очень многие художники чудесным образом позабыли крепко усвоенные ими приёмы общепринятой техники и попытались подойти к натуре проще, искреннее, как лежит на душе. Нужды нет, если труд их будет без фабричной чистоты в отделке; ничего, если любители всего пошлого и среднего останутся в негодовании перед такими холстами; а такие художники сделали бы шаг по пути избавления от ненужного багажа рутинной формы знаний, приобретённых не по индивидуальной, а по общечеловеческой мерке, такой же маловероятной, как и всемирный язык. Нас подавляет средняя техника; она - злейший враг всем хорошим веяниям, которыми полны новейшие художественные стремления. Или мы делаем вещи вовсе не характерные, бежим по избитой дорожке; с неё, правда, труднее соскользнуть, и она удовлетворяет отчасти карман и самое мелкое тщеславие. Или мы обводим контуры чёрной линией и выдаём это скучное занятие за стиль. Или, наконец, мы подражаем какому-нибудь сильному индивидуалисту; как утята, воспитанные курицей, не ведаем своей собственной стихии, и, неблагодарные, умаляем ценность и заслуги нашего вдохновителя; и как такие плохие вещи в нас въелись и вошли в кровь! Как-то совершенно забывается, что в каждом человеке, кроме немногих безличных аномалий, вложен свой стиль, так тщательно забиваемый нашим воспитанием и образованием. Этот стиль в возмужалые годы, когда мы имеем возможность

¹ Он владеет стилем (фр.) – Ред.

впервые осмотреться своим глазом, уже трудно «вытащить» из-под всяческого хлама, но тем-то и славнее задача!

У нас мало знают, например, Дега. Его вообще трудно знать даже и на месте (сам он сторонится от людей, работы же его собраны преимущественно в частных собраниях, для постороннего почти не доступных), - но, в смысле художественной личности, Дега интереснейший человек. Чем больше слышите о нём и видите его произведения, тем больше узнаете, что неохотно показывает он картины приходящим любопытным, как называет он себя художником-любителем, лишь бы не приставали к нему с расспросами о картинах — тем большим уважением проникаетесь к нему. Взять одно: человек, уже много десятков лет назад обладавший общей техникой, вдруг бросает проторённую дорожку и направляется на новый путь, рискуя заблудиться бесследно. Ему чудится иной угол зрения на натуру, он глядит на новую жизненную среду, забывает про обычные художественные формы, делает вещи очень неровные, воздерживается, насколько возможно, от продажи; и если теперь, в глубокой старости, имя Дега известно, то это известность в высокой степени заслуженная.

Как в световых рефлексах мы не пройдем мимо К. Моне, так в интимных, жизненных движениях человека мы не минуем Дега. Счастлив художник, который может в конце жизни назвать себя странником. Всегда обидно слышать уверенность, что тот или иной художник даст непременно такую-то вещь, — значит, он уже больше вперёд не двигается: не надо быть уверенным в художнике. В своём стиле, в пределах своей индивидуальности, творец должен давать вещи неожиданные для прочих, логичная связь которых ясна лишь самому автору. Где безличный карнавал среднего уровня, вроде Салона Champs Elysees, - там и скука, и подавленность; где же вспыхивает яркая индивидуальность, как среди художников, сплотившихся на Champ de Mars, - там и жизнь, там и светлые искры.

Самый сильный итальянский индивидуалист последнего времени Дж. Сегантини представлен был в Венеции лишь одною картиною. Жаль, ибо теперь была бы как нельзя более уместна хорошая посмертная выставка его работ, и притом хронологическая, где бы ясно обозначилось развитие характерной техники Сегантини. Так же, как и в Милане, на венецианской выставке было несколько подражателей Сегантини, не продумавших художественной концепции картин его и лишь усвоивших внешние приёмы техники. А про эту мозаикоподобную технику один наш русский художник выразился очень метко; он сказал: «Сегантини настолько большой художник, что даже эта манера не мешает ему». И тем смешнее люди, взявшие от Сегантини лишь приёмы внешности. Особо выделены были на выставке многочисленные работы: Морелли, Фонтанези, Ноно и Превиати. Фонтанези — старый художник, умерший ещё в 1882 году. Пейзажи и мелкие жанры его написаны в старой 50-х годов манере, и, если бы не условность выполнения, некоторые мотивы его сумерек были бы интересны. Ноно выставил много черноватых жанров. Хотя в каталоге и отмечена сильная фантазия Превиати, но он в своих бледных мадоннах и символических фигурах шаблонно манерен и скучен. Морелли славен в Италии; многим понравился он и в Петербурге на прошлой итальянской выставке. Его трактовка Христа очень близка последним картинам Поленова. Об этих четырёх художниках помещены в каталоге целые статьи, но, по существу картин, все они особого подчёркивания не заслуживают.

Центр выставки занимали парижские индивидуалисты. Сильные характеры Симона, Коттэ, Бенара, Менара, Латуша, Родена, Шарпантье, Менье, подкреплённые несколькими картинами старых Добиньи, Милле, Коро, давали интересное целое, если даже многие из них представлены были довольно незначительными вещами. Присутствие картин Милле, Коро и Добиньи было какое-то случайное. Вещи Коро и Милле не из лучших; хорош был один пейзаж Добиньи (серые группы деревьев и коровы), но, кажется, нигде нет таких же характерных вещей его, как в частной галерее Мездага в Гааге.

Коттэ дал две вещи, — совсем разного содержания; одна — славные красные паруса в городском канале, и другая — чёрная и скучная «Печаль», две головы поморянок на фоне моря. «Бретонцы» Симона и «Гондола» на желтоватом свете Латуша известны по Парижу так же, как и закутанный облаком пыли «Театр» Каррьера. Превосходны были витрины с рельефными пластинами Шарпантье; его детские головки прекрасно леплены и полны детского юмора. Совсем в этом же духе работает и Еннес.

Роден занимал скульптурами целый зал. Содержание очень разнообразно: голова Бальзака, бюст Рошфора, Валькирия, Ева, огромная группа, изображающая побеждённых представителей французских граждан, и др. В Венеции вредило общему виду роденовской залы то, что лучшие, напр., голова Бальзака и другие маленькие бронзы, забивались большою группою «Французских представителей», с верёвками на шее и с ключами в руках выходящих навстречу победителям.

И в английском отделе много было интересных вещей, но, кроме перечисления, о них нового нечего сообщать. В портрете Саржента очень интересна сама натура, художавая фигура молодого лорда. Лавери просто и приятно написал большой портрет амазонки. У Берн-Джонса — масляная картина и несколько рисунков в его обычной тонкой манере. Из прочих картин бросались в глаза вещи: Брангвина, Патерсона, Терриса и Вальтона.

Почему память выдающихся художников почитается часто совсем неправдоподобными портретами? На Всемирной парижской выставке таким же неудобным образом была почтена память Пюви де Шаванна; Дюбюф написал в центральной зале целую фреску, где сам Пюви ещё был бы ничего себе, но окружающие фигуры и пейзаж являлись настоящей пародией на его направление. В Венеции почти то же случилось с Бёклином. Посреди работ его помещён был портрет, написанный сыном художника, и надо отдать справедливость, преплохой портрет, на каком-то жестяном фоне. Бёклин любил себя изображать с символическими атрибутами, как в берлинском музее, где смерть напевает ему свою песню; но лицо у него на том портрете вовсе не символическое, а хорошо и экспрессивно, для манеры того времени, написанное. Бёклин достоин лучшего портрета, так же точно, как и лучшего подбора его работ после недавней смерти. Сам художник никогда бы не выставил незаконченных и неудачных головок и незначительных пейзажей. Добро это была бы полная посмертная его выставка — тогда на ней нашли бы место всякого сорта работы; а то напоминать о таком крупном мастере ничтожными помазочками даже и нехорошо. Бёклин имел вполне законченные круги почитателей и ненавистников. Так же определённо относится публика и к Фр. Штуку. Он никогда не вызывал среднего отношения; и хвалили, и ругали его всегда в превосходной степени. Им были выставлены: общеизвестная статуэтка амазонки и картина «Фурии» — человек в ужасе бежит, преследуемый фу-

риями. Картина эта написана Штукой давно, но теперь она снова переписана, и, вероятно, хуже, чем была. Особенно печально замечать, когда сильный художник начинает пошатываться и хвататься за свои изжитые годы. Из нескольких портретов немецкого отдела лучший — ленбаховский портрет Бисмарка.

Из прочих отделов: были хорошие вещи в маленьком бельгийском; из 3-х пейзажей Клауса лучший - освещенный зелёный ствол, бросивший тень на стену. офорты Риссельберга сделаны в парижской манере, но в этом упрекать Бельгию нельзя, ибо эта страна неразрывна с парижским течением. К парижским же художникам следует отнести и Цорна, и Шагина (армянин родом); по ширине, а у Шагина и по мягкости, их офорты лучшие среди blanc et noir выставки.

Если отделить Цорна от северных отделов, то среди них, кроме картины Малявина, почти нечего назвать. Они обставлены были слабее всех прочих, хотя, казалось бы, своим здоровым жизненным направлением они могли бы по праву поспорить с остальными. Но, видно, норвежцы, финляндцы и русские забыли о венецианской выставке.

Из русских художников участвовали на выставке лишь Трубецкой, Малявин и Стабровский. Трубецкой по-прежнему называет себя итальянским художником, причисляя свои работы к ломбардскому отделу. Из 3-х выставленных скульптур две — Л. Толстой (конная статуэтка) и «Самоед» — были в Париже, а грациозная фигурка «Задумавшейся девушки» знакома Петербургу по выставке «Мира искусства». Малявина и Стабровского картины не новые. У Малявина - красные бабы, у Стабровского - «Тишина деревни», бывшие на нашей академической выставке. Картина Малявина (красные бабы) приобретена для галереи в Риме.

Странна судьба некоторых русских картин. То одна из самых лучших картин Репина «Дуэль» остаётся за границей, купленная в Венеции, то эта первая картина Малявина уходит навсегда из России. Картина Малявина была одним из самых светлых мест выставки.

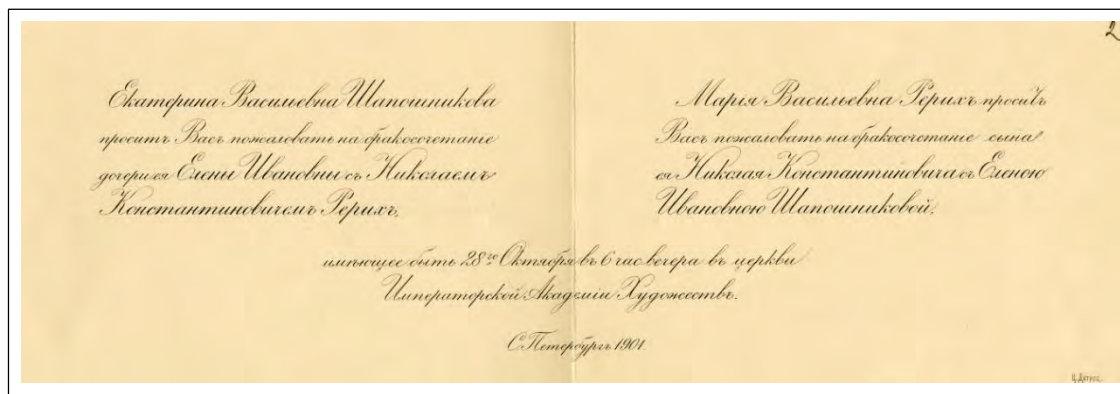
Напрасно русские художники, кажется, не имеют вообще в виду венецианскую выставку. Северная живопись с её серьёзными нотами явилась бы славным контрастом яркому югу. Какой-нибудь старорусский городок Васнецова и пейзажи Левитана обратили бы здесь на себя большое внимание. Мы ищем теперь нашей характерности, обострять её и следует на разных противоположных сравнениях. И тем это легче сделать, что всё благоприятствует нашему присутствию на выставках заграничных, и наше искусство, особенно национальное, везде встречает самый серьёзный интерес.

Ежемесячные сочинения. 1901. Октябрь. № 10. С. 143-148.

28 октября 1901. СПб

Извещение о бракосочетании Н.К. Рериха и Шапошниковой Е.И.

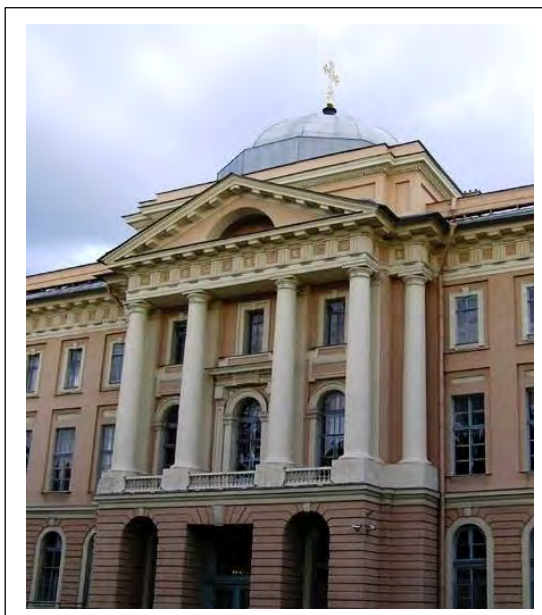
Екатерина Васильевна Шапошникова просит Вас пожаловать на бракосочетание дочери ее Елены Ивановны с Николаем Константиновичем Рерихом,

Мария Васильевна Рерих просит Вас пожаловать на бракосочетание сына ее Николая Константиновича с Еленою Ивановною Шапошниковой

,имеющее быть 28го Октября в 6 часов вечера в церкви Императорской Академии Художеств.

С. Петербург 1901.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/474, 2 л.

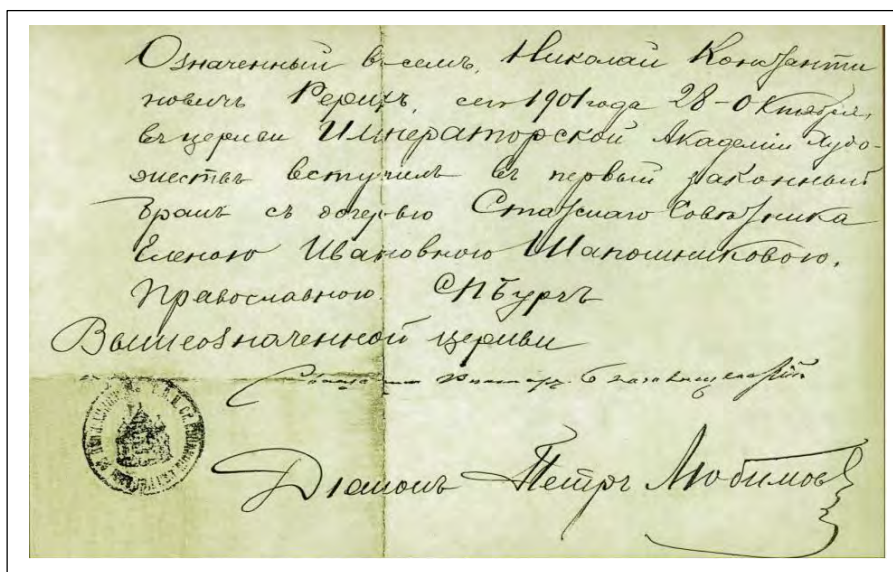
Церковь Императорской Академии Художеств.
С. Петербург (совр. фото)

Интерьер церкви Св. Великомученицы Кaterины.

28 октября 1901 г. С.-Петербург

**Запись о венчании Е.И. Шапошниковой и Н.К. Рериха
в церковно-приходской книге:**

Означенный в сём Николай Константинович Рерих, сего 1901 года 28-го Октября в церкви Императорской Академии Художеств вступил в первый законный брак с дочерью Старшего Советника Еленю Ивановну Шапошниковую.

Православную СПбург
Вышеозначенной церкви

Архив МЦР.

ДЕКАБРЬ

7 декабря 1901 г.

ХРОНИКА

Н. Рерих

Хорошее дело

В Москве возникает прекрасное начинание – зарождается новая выставка, заслуживающая особого внимания. Дело наших художественных выставок растёт быстро. По примеру Европы, наши выставки совершенствуются, но вместе с этим и заражаются всем присущим им злом; а последнего, пожалуй, в этом деле больше, нежели первого. Злостная рознь, не та горделивая рознь между сильно выраженными личностями, на которой зиждется истинное искусство, а именно – скверное соревнование, бездарность и другие некрасивые особенности, не совместимые с понятием интимности искусства, развиваются как нельзя более нашими большими выставками. Обычная выставочная организация, чрезмерные уставы и правила, художественное генеральство, как всё это несовместимо с «беззаконным» искусством и как трудно избежать этого! Настолько трудно, что подчас об этих предметах говорится наравне с обсуждением качества самих художественных произведений.

Теперь нелегко выполнимо: показать картину в мастерской или уже на месте её назначения, как это делалось в средние века (когда искусство жило и без выставок). Поэтому, естественно, если самой сокровенной мечтой всякого художника является устройство своей собственной выставки или, по крайней мере, выставки совместно с несколькими ближайшими товарищами, без жюри, при полной равноправности. Но для такого устройства нужно много взаимного доверия, уважения к личности, любви к делу, т.е. таких явлений, которые, по нынешнему времени, нечасто встречаются. Чиновному Петербургу было трудно создать единение на таких началах; в Москве нашлась подходящая хорошая почва, а на ней – выросла новая выставка.

Выставка эта откроется в конце декабря в помещении Строгановского училища. Устраивают выставку следующие художники: Архипов, Аладжалов, Алекс, Бенуа, Браз, Бакшеев, Аполлинарий Васнецов, Врубель, Виноградов, Головин, Голубкина, Н. Досекин, Иванов, К. Коровин, С. Коровин, Костанди, Н. Клодт, Малявин, Малютин, Мамонтов, Нестеров, Лансере, Розмарицын, Рябушкин, Рылов, Пастернак, Первухин, Переплётчиков, Сомов, Серов, Светославский, Степанов, Остроухов, Остроумова, Трубецкой, Щербов, Якунчикова.

На выставке нет ни жюри, ни председателя, а каждый отвечает за себя и, к довершению всего хорошего, чистый доход от выставки предполагается обратить на благотворительные цели. При таком списке участников, блистающем именами наших талантливейших художников, следует ожидать славной выставки. Пусть бы эта правильная постановка выставки укрепилась, и первоначальное равноправие удержалось на ней как можно дольше.

Ежедневник искусств и литературы. 1901. 7 декабря. № 2. Пятница. С. 1.

Летопись искусств

Среди различных нововведений, которыми так оживилось теперь Общество поощрения художеств, надо указать на аукционы художественных произведений, из которых один окончился 26-го ноября, а следующий предположен около 20-го с[его] декабря. Подобные аукционы положено устраивать раза 3-4 за время сезона. Ближайшая цель этих аукционов оказывать помощь молодым художникам продажей их ебольших картин и этюдов. Первый аукцион дал в этом смысле результаты очень удовлетворительные, так как за два дня продажи было продано 105 произведений, преимущественно молодых художников, на сумму 3000 руб. Для разработки полезного дела в комитет Общества избрана комиссия, состоящая из М.П. Боткина, Н.К. Рериха, А.И. Сомова, Е.А. Сабанеева и заведующего аукционом В.И. Зарубина. На ближайшем аукционе ожидается много этюдов из бывших на закрывающейся 8 декабря выставке ученических работ в Академии художеств.

Ежегодник искусств и литературы. 1901. 7 декабря. № 2. Пятница.

8 декабря 1901 г.

За год

Вышедший на днях в свет отчёт о деятельности Общества поощрения художеств за прошлый год заключает в себе ряд весьма интересных сведений. <...>

В этом году директор музея М.П. Боткин (заменивший покойного Д.В. Григоровича) вместе со своим помощником г. Рерихом завершил полное описание музея по всем отделам. <...>

Выставки привлекли свыше 56 тысяч посетителей. На конкурсе Общества получили высшие награды: гг. Зейденберг и Рерих – за историческую живопись; г. Глухов, г-жа Остроумова и г-жа Зоммер – за гравирование; г. Агапов – за резьбу из дерева; г. Денисов – за лепку; гг. Таубе, Примазов и Фокке – за сочинение рисунков...

Ежегодник искусств и литературы. 1901. 8 декабря. № 2.

Н.К. Рерих. Сходятся старцы 1898.

**Журнал «Новый мир». 1901 г.
Из серии очерков о русских художниках**

*Ив. Лазаревский*²

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РЕРИХ

Кто хоть сколько-нибудь присматривался к развитию русской живописи, не мог не заметить, что за последние годы на академических Весенних выставках появились картины, которые по своему содержанию, а главное, по исполнению, не могут быть отнесены ни к пейзажу, ни к историческим картинам, ни к жанровым при современном понятии этой классификации, словом, - появились картины совершенно нового направления в искусстве. По верному замечанию одного из лучших наших художественных критиков, М. Далькевича (ж. «Искусство и худ. промышл.» 1899), «в этом направлении чувствуется стремление сгладить и смягчить различие между отдельными видами живописи и привести всё к одному типу». Самым видным из художников, в чьих картинах проводится это направление, является молодой художник и археолог Николай Константинович Рерих, с деятельностью которого я и хочу познакомить читателя в настоящем моём очерке.

Н. К. Рерих родился в 1874 году. Влечение к рисованию он почувствовал не так рано - лишь в последних классах гимназии. Окончив гимназию, он поступил в Университет на юридический факультет и в то же время в Академию художеств, где его принял в свою мастерскую А. И. Куинджи, куда собрались художники и жанристы, и пейзажисты.

В 1897 году Рерих получил уже звание художника за картину «Гонец: восстал род на род». Эту картину купил П. М. Третьяков для своей знаменитой галереи. Предполагалась целая серия картин «Начало Руси», выполнить которую одобрял П. М. Третьяков, но ко времени написания второй картины этой серии П. М. Третьяков скоропостижно умер и, благодаря этому, серия распалась.

² В № 62-ом «Нового мира» мы дали очерк о художнике Л.О. Пастернаке, теперь же помещаем очерк о худ. Н.К. Рерихе. Эти очерки положили начало двум сериям очерков о русских художниках. В первую серию войдут очерки о 1) А. Васнецове, 2) Серове, 3) Левитане, и 4) Беклемишеве (скульпторе); во вторую - о 1) Зарубине, 2) Пурвите, 3) Малявине, 4) Рущице и 5) Билибине. Все эти очерки будут принадлежать перу нашего сотрудника И.И. Лазаревского. - Ред. [журнала]

Картина «Гонец» сразу упрочила репутацию начинающего художника. По тихой, словно застывшей реке, при не совсем ясном освещении чуть занимающегося утра - ещё один рог луны виднеется над лесом - скользит утлый челнок с гонцами. Один из них стоит на корме, управляя веслом, другой же сидит около носовой части лодки; на его пожилом лице видна какая-то серьёзная дума, да и вся его фигура с опёршимися о колени руками полна раздумья. И как не раздумывать, когда везёшь такую важную весть своим сородичам, что «восстал род на род». Над самой рекой высятся домики славянского посёлка такой характерной и оригинальной древнеславянской архитектуры. Эта картина невольно уносит ваше воображение в стародавние, чуть не сказочные времена. Удивительно хорош в «Гонце» колорит. В «Новостях» 1897 г. (№ 309) г. С. Д. правильно характеризует эту картину и её колорит: «В ней есть сказочность, интерес в диком лубочном пейзаже и, главное, красота общего тона, такого фантастического и прекрасно подходящего к сюжету».

Вторая картина предполагавшейся серии «Начало Руси» - была картина «Сходятся старцы». Выставленная в 1899 году на академической Весенней выставке, она обратила на себя ещё большее внимание, чем «Гонец». В 1900 году она экспонировалась на Всемирной выставке в Париже. В настоящее время картина «Сходятся старцы» поступила в московский «Исторический музей».

«Старцы» земли новгородской сошлись под вековой раскидистый дуб, к священному костру — посоветоваться о каких-то важных, неотложных делах. Действие происходит и на этой картине ранним утром: только начало рассветать, ещё солнце не показалось из-за горизонта. У подножья дуба — таинственный идол, конские черепа окружают его. А вокруг дуба расселись «старцы» и ведут беседу; один не подоспел ко времени и, спеша, подходит, опираясь на резной посох.

Но лучше всего объясняет эту картину поэтическая былина, принадлежащая перу художника:

«За дальним Перуновым озером,
В заповедном от дедов урочище
Стоит над яром высокий дуб.
Любил Сварожич то дерево,
А славяне ильменские чтут его.
Место вокруг дуба утоптано.
Горит под дубом святой огонь,
К дубу сходятся родичи:
«Стоять ли земле без хозяина?»
Старцы земли Новагорода
Сойдутся под дубом раскидистым.
Ворон на дубе не каркает,
На небе заря разгорается -
Скоро Ярило покажется —
Засияет, блеснёт красно солнышко -
И проснётся земля Святорусская».

Написана эта картина широким свободным письмом — вблизи её нельзя рассматривать, но когда поглядишь на неё с небольшого расстояния, она производит превосходное впечатление. Я не могу удержаться и не привести отзыв одного из критиков — М. Далькевича — об этой картине — отзыв, к которому ничего больше и не прибавишь: «Написана она широко и грубо, — говорит он, - нет ничего яркого, отчётливого, выделенного, выпуклого — всё в ней серо, неопределённо. Такой же широкой, неопределённой и грубой рису-

ется в нашем воображении и эта седая старина, яркость образов которой теряется в туманной дали веков». В картине «Сходятся старцы» как нельзя ярче выразилась характерная особенность таланта Н. К. Рериха — удивительное умение передать в своём произведении дух изображаемой эпохи, захватить зрителя, заставить его перенестись мысленно в ту далёкую старину. Некоторые из любителей и ценителей живописи нападали на Н. К. Рериха, упрекая его в том, что в картине «Сходятся старцы» рисунок слишком эскизен и неясен. Мне кажется, что эти наветы на художника не совсем основательны. Правда, в этой картине рисунок несколько эскизен, нет строго намеченных резких линий; но иначе и быть не может, иначе исчезнет то настроение, которое хотел передать художник и которое так ему удалось.

В следующем, 1900 году, сначала на конкурсе в Поощрении художеств, а потом на Весенней в Академии появилась новая картина Н. К. Рериха - «Поход». Она вызвала в печати и в публике ещё большие толки, чем две первые. Эта картина представила поход в таком изображении, которое публике незнакомо. Нет ни стройных рядов хорошо вооружённых, в блестящих доспехах воинов, не видно развевающихся по ветру знамён и стягов, нет смело гарцующих полководцев. Ничего этого нет. А тянется серая толпа, неяркая, не картинная толпа воинов, а толпа оторванных от земли, от сохи и семьи мужиков. Все они вооружены, чем Бог помог: кто с деревянным щитом за спиной да с копьём и луком, кто просто с копьём, а вон воин, тот и топором удовольствовался; все они в лаптях да в онучах, в заплатанных посконных штанах и рубахах, в грубых армяках, в старых помятых шишаках. Они идут вялой толпой, то кучками, то по одному. Они идут, но мыслями, видимо, далеко от похода - погнались, значит так надо, рассуждать не приходится — думами они дома, у занесённых снегом избышек с оставленными семьями и родными. Слева остановился на громадном коне, тяжёлом и могучем, старый витязь, и поглядывает на своё покорное, разношёрстное войско.

Н. К. Рерих с обычным своим талантом и мастерством прекрасно справился со своей задачей и вполне сумел передать в картине то впечатление, которое желал, а именно - впечатление древнего русского похода... Написана картина, по моему мнению, хорошо. Особенно удался художнику пейзаж картины - и крутая горка, на которую взбираются полчища, и долина справа, внизу поросшая дремучим лесом, порой прерываемая озёрами, и небо с яркой, поразительно верно схваченной полоской света на горизонте, на которой так рельефно выделяются воины у перевала горки...

Но и за эту картину многие порицали художника, приводя на вид то, что картина эта написана ещё эскизнее, так сказать, чем «Сходятся старцы», и что колорит её несколько темноват. Соглашаясь отчасти со вторым недостатком картины, никак не могу согласиться с первым. «Поход» написан несколько не эскизнее «Старцев», но там общий колорит гораздо темнее и потому и кажется, что в «Походе», при более ясном колорите, рисунок вышел ещё эскизнее. Я уже имел случай заметить, говоря о «Старцах», что будь у Рериха более ясный, сухой рисунок, давай он резко определённые линии форм, ему бы никогда не достигнуть такой передачи впечатления, какой он достигает при своём эскизном рисунке. То же надо сказать, понятно, и о «Походе».

«Гонец», «Сходятся старцы» и «Поход» — это крупнейшие произведения Н. К. Рериха. Из более мелких его работ должны быть отмечены: этюдная работа «В греках» — пред вами старый варяжский воин в кольчуге, опирающийся на секиру; его изрытое шрамами лицо указывает на то, что витязь не раз бывал в кровавых стычках и боях, — а также «Утро богатырства киевского». Замечу, что существует ещё работа «Вечер богатырства киевского», но о ней

сейчас не буду говорить, так как увидеть её мне не удалось. «Утро богатырства киевского» - очень удачный эскиз декоративной фрески. Помните слова былины («Илья Муромец и Святогор»):

«... ложился Святогор в чудный гроб,
И принял он себе смерть великую;
Тут простился Илья с богатырём
И поехал во раздольице чисто-поле...»

Н.К. Рерих. Утро богатырства киевского.

Момент отъезда Ильи Муромца, после прощания с своим ратным товарищем, и изображён на этом удачном эскизе. Вообще, во всех работах художника видна горячая любовь к родной старине. Характерны в этом смысле собственные слова художника в его статье «Из варяг в греки», помещённой в ж. «Искусство и худ. промышленность» (1899 г.). Он пишет, что в старину «с любовью отделаны все мелочи, изумляешься им теперь в музеях и, тщетно стараясь оторваться от теперешней практической жизни, робко пробуешь воспроизвести и неудачно, потому что полные кичливого, холодного изучения, мы не даём себе труда постичь дух современной этим предметам искусства эпохи, полюбить её — славную, полную дикого простора и воли». — в большинстве случаев «Когда вас охватывает историческое настроение, — читаем дальше в той же статье, — словно при встрече с почтенным старцем, невольно замедляете походку, голос становится тише и, вместе с чувством уважения, вас наполняет какой-то удивительный покой... Старина, притом старина родная, ближе всего человеку».

В статье «Искусство и археология» в том же журнале за 1898 год находим следующие интересные слова Н. К. Рериха: «Как-то особенно звучат для нас отзвуки минувшего. Со страниц летописи веет чем-то величаво-спокойным; время отбрасывает все подробности и детали, складывая облик, полный художественной правды, общей всем векам и народам. Как вода прозрачным слоем и сверкающими струйками покрывает отвратительные черты трупы, изменяя их ужасное выражение даже до привлекательности — так и время влияет на событие...»

Взгляд Н. К. Рериха на современное искусство — взгляд, полный светлых надежд (в статье «К природе» — «Новое время» 1901 г.).

«Мы, - пишет он, - отбрасываем всякие условности, забываем недавнюю необходимость смотреть на всё чужими глазами и хотим стать к природе лицом к лицу, в этом индивидуальном стремлении приближая наше время, вернее сказать, близкое будущее к одной из хороших прошлых эпох, — к эпохе Возрождения. Художники настоящего времени горячо стремятся к передаче природы; стараются они взглянуть на природу, на жизнь глазом индивидуальным, и в разнообразии их воззрений передаваемая природа начинает жить.

Истинное упрощение формы (без символического шаблона и академической утрировки), восхищение перед лёгким решением задачи приближения к впечатлению природы, прозрачность фактуры - именно высокая техника, даже незаметная в своей высоте, — все эти основания лежат в корне новейших художественных стремлений всех родов искусства».

Прекрасно дополняют эту мысль следующие слова из очерка Н. К. Рериха «Художники» («Петер, вед.» 1900 г.). «Мне кажется, - пишет он, - при новом направлении доселе разгороженные понятия жанра и пейзажа во многом сольются и задача пейзажная получит особое значение, ибо вне условий пейзажа, т. е. вне условий воздуха, вне условий природы нельзя представить никакого предмета, будет ли он трактоваться в закрытом помещении или под небом. В своём служении природе современные художники делаются яркими пантеистами, они видят человека не царём природы, а частью её, почитают его и отводят ему место такое же, как и прочим подробностям мироздания... Теперь надо брать ниже, надо вызвать известное настроение, песнь природы...»

Я нарочно привёл столь крупные выдержки из статей И. К. Рериха, потому что в этих выдержках как нельзя более выпукло обрисовался его внутренний художественный облик.

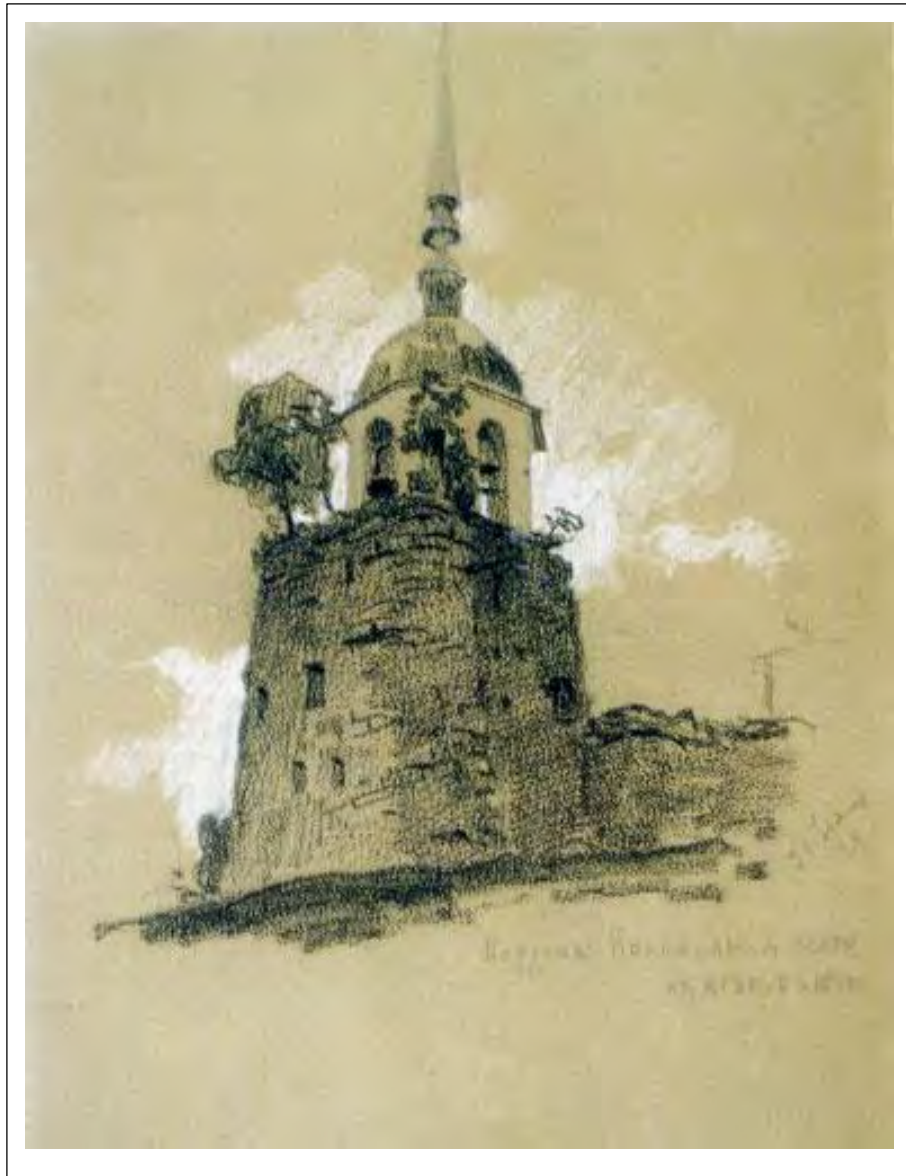
В настоящее время Рерих заканчивает работой картины оригинального, фрескообразного характера, воспроизводящие древнюю Русь. Но о них слово — впереди, когда мы увидим их на выставке.

В заключение не могу не пожелать, чтобы Н. К. Рерих когда-нибудь систематично ознакомил публику с целой серией картин «Начало Руси», к которым, как я уже заметил, относятся «Гонец», «Сходятся старцы» и «Поход», и чтобы это осуществилось в скорейшем, по возможности, времени.

Новый мир. 1901. 15 сентября. № 66 (18). С. 328-331. Портрет: с. 328. Иллюстрации: с. 328, 330, 331 — из этюдов Н. К. Рериха; с. 329 — «Гонец: восстал род на род», «Сходятся старцы»: с. 330 — «Поход»; с. 331 — «Утро богатырства киевского».

Н.К. Рерих. Ждут. 1901.

Н.К. Рерих. Лучник. Воины. Начало 1900-х..

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семейный архив Н.К. Рериха, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Отдел рукописей ГТГ. Фонд 44.
2. Периодические издания конца XIX- нач. XX вв., хранящиеся в Научной библиотеке Государственной Третьяковской галереи.
3. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
4. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 698.
5. Научный архив Института истории материальной культуры РАН, СПб. ф. 1.
6. Н.К. Рерих. Собрание сочинений. Книга первая. Из-во И.Д. Сытина. М. 1914.
7. Степан Яремич. «У истоков творчества». 1916.
7. Александр Гидони. «В защиту искусства». 1916 г.
9. Сергей Эрнст «Н.К. Рерих». 1918 г.
10. А.А. Ростиславов «РЕРИХ». Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.
11. Наталия Рокотова. «Основы буддизма». Рига. 1940.
12. Рерих Н.К. «Из литературного наследия», М., 1974.
13. Николай Рерих. Зажигайте сердца. М. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.
14. В.М. Сидоров. «Против течения». М. 1992 г.
15. Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.
16. Н.К. Рерих. Письма к В.В. Стасову. СПб. 1993.
17. Сб. «Держава Рериха». М. Изобразительное искусство». М.1994.
18. Н.К. Рерих «Листы дневника», тт. 1, 2, 3. Москва. 1995 - 1996.
19. Петербургский Рериховский сборник, II-III. Самара. 1999.
20. Николай Рерих в русской периодике. Вып. 1. СПб. ООО «Фирма Коста». 2004.
21. М.Л. Дубаев. «Рерих». Молодая гвардия. 2013.
22. Альбом «Николай Рерих». В 2-х томах. Самара: Агни; М.: Академия художеств; Цюрих: Кунст Бератунг, 2008
23. Каталог. Живопись и рисунок. Николай Рерих, Святослав Рерих, Юрий Рерих, Елена Рерих. В 2-х томах МЦР. Москва, 2009.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н. К. Рерих. Фотография. Конец 1890-х гг. С. 3.
2. Vad Neuheim. (Открытка 1899 г.) С. 12.
3. Н.К. Рерих. Курганы. 1890-е. С. 17.
4. Этюды и набросок к картине «Сходятся старцы». 1897-1898 гг. С. 18.
5. Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898. Эскиз. С. 19.
7. Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898. Эскиз. С. 20.
8. Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898. Эскиз к картине. С. 21.
9. Н.К. Рерих. Фигуры старцев. Наброски к картине «Сходятся старцы» 1898. С. 21.
10. Имп. Археологический институт в Санкт-Петербурге.(современное фото). С. 22.
11. Цинкография рисунка пером Н.К. Рериха. С. 32.
12. Н.К. Рерих. Идол. 1900. Этюд. С. 44.
13. Н.К. Рерих. Обложка «Художественная техника в применении в археологии». С. 45.
14. Н.К. Рерих. Древняя жизнь. Конец 1890-х гг. С. 71.
15. Н.К. Рерих. Начало Руси. Славяне. Этюд. 1898. С. 71
16. Конногвардейский манеж. С.-Петербург. (фото). С. 83.
16. Н.К. Рерих. Курганы XI-XII в. С. 90.
17. Н.К. Рерих. Землекопы. (На раскопках). 1890-е. С. 91.

18. Н.К. Рерих. Вороны. 1901. С. 103.
19. П.М. Третьяков. Портрет работы И.Н. Крамского. С. 104.
20. А. Борисов. Чум ненцев в Малых Кармакулах на Новой Земле. 1896. С. 105
21. Н.А. Ярошенко. Старик. 1892. / И.И. Шишкин. Полянка. С. 113.
22. И.И. Ендогурова - "Лунная ночь зимою в Аяччио". С. 113.
23. Стратиграфический разрез кургана № 16 из курганной группы в окрестностях с. Рабетицы Санкт-Петербургской губернии. С. 114.
24. Н.К. Рерих. Новгород. Спас Нередица. 1899. С. 126.
25. В. Пурвит. Последний снег. / Ф. Рушиц. Земля. 1898. С. 127.
26. 21. В.М. Васнецов. Витязь на распутье. С. 128.
27. В.М. Васнецов. Портрет Михаила Васнецова, сына художника. С. 129.
28. В.М. Васнецов. Нестор-летописец. С. 129.
29. Н.К. Рерих. Старая Ладога. 1899. С. 131
30. Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898. С. 137.
31. Н.К. Рерих. Волхов. 1899. С. 141.
32. Н.К. Рерих. Старая Ладога. 1899. С. 156.
33. Н.К. Рерих. Крыльцо древней деревянной церкви в Ст. Ладоге. 1899. С. 160.
34. Звонница Кремля Новгородского. (Фотография). С. 163.
35. Н.Рерих. Церковь Спаса на Нередице. С. 165.
36. Н.К. Рерих. Иноземные гости. 1900. С. 166.
37. Владимир Александрович Беклемишев (фотография). С. 167.
38. Н.К. Рерих. Эскиз для вышивки. Б/д. С. 175.
39. Н.К. Рерих. Проекты мебели на основе образцов пермского звериного стиля. 1899. Рисунки. С. 177-176.
40. Нагрудный знак для археологов. С. 176.
41. Н.К. Рерих. Сопка при деревне Солоницко. 1899. С. 180.
42. Н. К. Рерих. Д. Солоницко. Старорусский у. Новг. г. 1899 г. С. 180.
43. Н.К. Рерих. Порхов. Колокольня, построенная на крепостной башне. 1899. С. 184.
44. Н.К. Рерих. Могила при деревне Подлипье. 1899. С. 201.
45. Н.К. Рерих. Камни. 1900-е. Этюд. С. 203.
46. Н.К. Рерих. Зимний пейзаж. 1900-е. Рисунок. С. 207.
47. Фотография Н.К. и Е.И. Рерихов. С. 209.
48. Фотографии: Елена Шапошникова 1894 г. / Николай Рерих 1893 г. С. 211.
49. Фотография Е. И. Шапошниковой. 1899 г. С. 212.
50. Н.К. Рерих в своей мастерской перед картиной «Поход». 1899. С. 216.
51. Н.К. Рерих. Рассказ о Боге. Без даты. С. 224.
52. Ч/б снимок с картины Н.К. Рериха «Поход» С. 231.
53. С.М. Зейденберг. Ушкуйники. (Грав. Шлюблер). С. 234.
54. Фотография Н.К. Рериха. 1900 г. С. 235.
55. Русский павильон на Всемирной выставке в Париже 1900. С. 248.
56. . И.Е. Репин. Портрет В.В. Стасова. 1900. С. 249.
57. Н.К. Рерих. Волки. 1900. набросок композиции к одноимённой картине по мотивам баллады А.К. Толстого «**Волки**». 1 вариант. С. 252.
58. Н.К. Рерих. Волки. 1900. С. 253.
59. Н.К. Рерих. Мужская фигура. (Этюд для картины «Ждут»). 1900. С. 261.
60. Н.К. Рерих. Охотники. 1900. Эскиз. С. 261.
61. Н.К. Рерих. Эскиз к композиции к картине «Ждут». 1900. С. 262.
62. Н.К. Рерих. Эскиз композиции к картине «Охота. Ждут». 1900. С. 262.
63. Н.К. Рерих. Ждут. 1900. Акварель. С. 262.
64. Открытый лист Н. Рериха от 27 мая 1900 г. С. 264.
65. Н.К. Рерих. Иноземные гости (Красные ладьи). 1900. С. 268.
66. Н.К. Рерих. Старик. 1900. С. 269.
67. Н.К. Рериха. Каменный крест новгородского типа. С. 270.

68. Н.К. Рерих. Заморские гости. Этюд. 1900. С. 275.
69. Н.К. Рерих. Заморские гости. 1900. Эскиз. С. 276.
70. Н.К. Рерих. Заморские гости. 1900. 2 эскиза. С. 276.
71. Н.К. Рерих. Домик Сольвейг. 1900. С. 278.
72. Н.К. Рерих. Священный очаг. Рисунок. 1900. С. 282.
73. Н.К. Рерих. Натурщик со шкурой на плече. Без даты. С. 287.
74. Н.К. Рерих. Возвращение с охоты. 1900-е. С. 288.
75. Н.К. Рерих. Вороны на кургане. Эскиз. 1900. С. 289.
76. Н.К. Рерих. Вороны на кургане. Эскиз. 1900. / Вещие. 1900-е. Акварель. - С. 290.
77. Н.К. Рерих. Из столярного города. Эскиз композиции 1900. С. 292.
78. Н.К. Рерих. Старик. [1900]. С. 288. 71. Н.К. Рерих. Старик. [1900]. С. 292.
79. Н.К. Рерих. Зловещие. 1901. С. 296.
80. Н.К. Рерих. У очага. набросок композиции к карт. «Священный очаг». 1900. С. 300.
81. Н.К. Рерих. Идолы. 1900. С. 311.
82. Н.К. Рерих. Воины у костра. С. 317.
83. Н.К. Рерих. Священный очаг. 1900. С. 317.
84. Н.К. Рерих. За Родину. Рать. 1900. С. 332.
85. Н.К. Рерих. [Портрет матери]. 1900. Рисунок. С. 339.
86. Н.К. Рерих. Мёртвый царь. Эскиз. [1900]- С. 352.
87. Н.К. Рерих. Окно и рамы (Мастерская художника). [1900 г. Париж.]. С. 356.
88. Две фотографии Е.И. Рерих. 1900. С. 366.
89. Фотография Елены Шапошниковой. 1900. С. 367.
90. В мастерской Ф. Кормона. 1900-е. (фото). С. 370.
91. Н.К. Рерих. **Герб**. Рисунок. [1900]. С. 372.
92. Н.К. Рерих. Идолское (Святыня). 1901. С. 390.
93. Н.К. Рерих. Человек с рогом (Юноша, несущий рога каменного барана). 1901. С. 392.
94. П.Е. Щербов. Карикатура «Новая Минерва». Журнал «Шут». 1901. № 12. С. 394
95. Н.К. Рерих. Рассказ о Боге. 1901. С. 395.
96. Н.К. Рерих. Языческое (Идолы). Эскиз. 1901. С. 395.
97. Н.К. Рерих в парижской мастерской перед картиной «Княжья охота». 1901. С. 403.
98. Княжья охота. Утро. 1901. С. 398. / 90. Княжья охота. Вечер. 1901. С. 404.
99. Фотография Н.К. Рерих в Италии. 1901. С. 410.
100. Н.К. Рерих. Этюд (Вид из окна на Васильевском острове в СПб). 1901. С. 419.
101. Н.К. Рерих. Идолы. 1901. С. 422.
102. Фотография Н.К. Рериха. 1901 г. С. 423.
103. Н.К. Рерих. Идолы. 1901. С. 424.
104. Н.К. Рерих. Городок 1901-1902. С. 424.
105. Н.К. Рерих. Город. Утро. 1901. С. 429.
106. Н.К. Рерих Языческое капище. 1900-е. С. 430.
107. Н.К. Рерих. Лето 1901 г. Фотография. С. 434.
108. Н. Рерих. Волхов. (Открытка). С. 435.
109. Н. Рерих. Заморские гости. (Открытка). С. 441.
110. Н. Рерих. Над Невою ревно вьются флаги пёстрые судов. (Открытка). С. 441.
111. Извещение о бракосочетании Н.К. Рериха и Шапошниковой Е.И. 28. 10. 1901 г. С. 447.
112. Церковь Императорской Академии Художеств. С. Петербург (*совр. фото*). С. 447.
113. Интерьер церкви Св. Великомученицы Кaterины (старое фото). С. 448.
114. Запись о венчании Е.И. Шапошниковой и Н.К. Рериха в церковно-приходской книге. 28. 10. 1901 г. С. 443.

**КАТАЛОГ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.К. РЕРИХА
1898 – 1901 гг.**

1898 г.

Древняя жизнь. [1890-е]. Этюд.
Картон, масло. 21,1 x 37,8 см.
Частное собрание, Москва.

Начало Руси. Славяне. Этюд. 1898.
Картон, гуашь. 53,4 x 69 см.
Справа внизу подпись: **Н.Рерихъ**
Томский областной художественный музей. Инв. № 1231

Старик. Бумага, уголь. 7,7 x 14 см. Размер альбома 21,4 x 31,6 см. Альбом с наклеенными рисунками разных лет. Государственная Третьяковская галерея. Инв. № Арх. Гр – 2383, л. 12.

Голова старика. Бумага, карандаш. 10x10,7 см. Размер альбома 21,4 x 31,6 см. Альбом с наклеенными рисунками разных лет. Государственная Третьяковская галерея. Инв. № Арх. Гр – 2383, л. 12.

«Сходятся старцы». Этюд старика к композиции 1898. Бумага серая, уголь, мел. Лист: 40,3 x 30,9. Государственный Русский музей. Р- 1943.

Сходятся старцы. 1898. Бумага, карандаш, тушь. 10,8 x 22,1 (в свету). Частное собрание. Россия, г. Москва.

Сходятся старцы. 1898.
Холст, масло. 155 x 280 см.
Первоначально в США, музей в Сан-Франциско. (Эрнст)

Сходятся старцы. 1898. Эскиз картины.
Холст, масло. 21,6 x 12,7 см.
США (Сок.)

Сходятся старцы. 1898.
Эскиз картины. Холст, масло. 40 x 71 см.
Государственный Русский музей.
Инв. № Ж-5504

Сходятся старцы. Эскиз. 1898. Картон,
графитный карандаш, гуашь, акварель,
чёрная тушь, перо, кисть.. 14,1 x 23,4 см.
Центр-Музей им. Н.К. Рериха, Москва Инв.
№ КП 1235

Сходятся старцы. Беглый набросок к од-
ноимённой картине. 1898.
Бумага, карандаш. 9,4 x 16,8 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

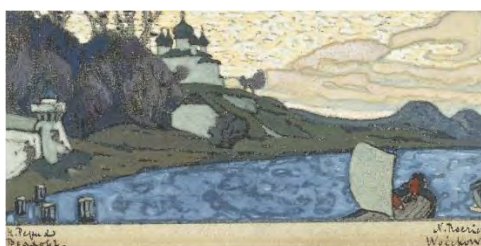
Фигуры старцев. Наброски к картине
«Сходятся старцы». 1898.
Бумага, карандаш. 11,8 x 16,9 см.
Государственный Русский музей.
Инв. № Р-50541

Сходятся старцы. 1898. Эскиз картины. Холст, масло. 17,8 x 10,3 см.
США (Сок.)

1899 г.

Волхов. 1899. Пастель.
Первоначально в собрании
Э.Ф. Направника, СПб. (С. Эрнст)

Волхов. 1899. Эскиз для открытки.

Жальник при деревне Вышково. 1899.
Бумага, уголь, мел. 23,8 x 31,7 см.
Справа сверху надпись:
Жальник при д. Вышково.
Справа внизу подпись и дата: **Н. Рерихъ. 99.**
Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Крыльцо древней деревянной церкви в Старой Ладозе. Portal of an Old Church. Рисунок. (21, 24; "Искусство и художественная промышленность", 1899, июнь-июль).

Курганы при деревне Каменка. 1899.
Бумага, мел, уголь. 23,5 x 31,6 см.
Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
Инв. № 1770.

Могила при Батине. 1899.
Бумага, уголь. 24 x 31,6 см.
Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 1771.

Могила при д. Подлипье. 1899. рис.
Справа внизу надпись: *Могила при д. Подлипье*; ниже подпись и дата: *Н.Рерихъ 99.*
(Частн. собр.) (Эрнст)

Посмертная маска с лица Д.В. Григоровича. 1899. Рисунок. «После панихиды художник Н.К. Рерих сделал весьма удачно набросок, уловив выражение лица почившего»
(*Биржевые ведомости.* 1899. 24 дек. № 353.)

Порхов. Колокольня, построенная на крепостной башне. Рисунок к археологическому отчёту. 1899. *Бумага тонированная, графитный карандаш, уголь, мел.* 31,5 x 23,8 см. Справа внизу дата: *31 Июня. 99,* и надпись: *Порховъ. Колокольня постр. на крѣп. Башнѣ.* Центр-музей им. Н.К. Рериха, Москва

Поход. Эскиз композиции (вариант) к картине 1899 г. *Картон серый, карандаш графитный, белила.* 15,5 x 14,9 см.
Государственный Русский музей. Инв. № Р-50499.

Поход. 1899. *Масло.*
Первоначально в Русском собрании.

Эскиз [к картине "Поход"]. 1890-е.
Бумага, тушь, перо. 16,5 x 21,5 см.
Горловский художественный музей, № гр-279

Поход. Эскиз композиции (вариант) к картине.. 1899. *Картон серый, карандаш, белила.* 15,5 x 14,9 см.
Государственный Русский музей. Инв. № Р-50499

Проект нагрудного знака для членов Императорского Археологического института. 1899. ("Россия"-29.8.1899 и др. периодические издания).

Проекты элементов мебели на основе Пермского звериного стиля. 1899.
Рисунок.

Проекты элементов мебели на основе Пермского звериного стиля. 1899.
Рисунок.

Рисунок для резной спинки стула. 1899.

Село Дубровна Порховского уезда.
Рисунок к археологическому отчёту. 1899.
Тонированная бумага, карандаш, уголь, мел. 23,6 X 31,7 см. Справа сверху графитным карандашом надпись: *с. Дубровна. [Порх. у.]*. Слева внизу подпись и дата: *Н. Рерихъ 99*. На обороте карандашом начерчен церковный купол с крестом. Центр-музей им. Н.К. Рериха, Москва КП 1219.

Сопка при деревне Солоницно Новгородской губернии. Рисунок к археологическому отчёту. 1899. Бумага тонированная, карандаш, уголь, мел. 22,0 X 40,2 см. Слева внизу графитным карандашом надпись: *Сопка при дер. Солоницно*. Справа внизу подпись и дата: *Н. Рерихъ 99*. и ниже в углу: *1/3*. Центр-музей им. Н.К. Рериха, Москва КП 1220.

Спас Нередица (Новгород). 1899.
Темпера. Первоначально в собрании И.М. Степанова, СПб.

Старая Ладога. 1899.

Бумага, акварель. 52 x 83 см.

Слева внизу авт. подпись: *Н. Рерихъ*

Государственный центр. музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки, Москва.

Первоначально в собрании Императорского Петроградского Археологического Института.

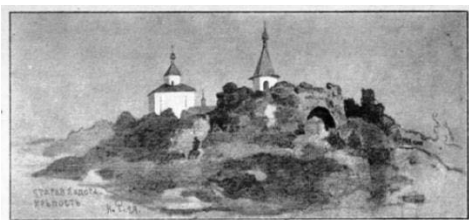

Старая Ладога. 1899.

Холст, масло. 38 x 62 см.

Музей истории С.Петербургского гос. университета.

Первоначально в собрании В.А. Беклемишева, СПб.

Старая Ладога. Крепость. 1899. Рисунок.

Иллюстрация к книге «По пути из Варяг в Греки». Слева внизу надпись, подпись и дата: *Старая Ладога. Крепость Н.Р. 99.*

Эмалированная линейка русской работы, XVII-XVIII в. в Музее имп. Общ. Поощрения Художеств.

1899. Цинкография с рисунка пером Н.К. Рериха.

(Иллюстрация к статье Н.К. Рериха «Искусство и археология»).

1900 г.

Из письма Н.К. Рериха к Рериху Б.К.. Париж:

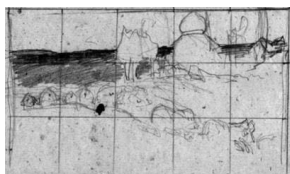
«Голубчик Борюшка, спасибо за письмо. Володю тоже благодарю за хорошее и длинное письмо. Поцелуй крепко маму за передник - он пришёл кстати, пришлось только укоротить его и сузить обшлага рукавов - а так он очень хорош. Посылаю Тебе ещё *рисунок другого угла мастерской*. Из эскизов могу назвать Тебе: «Святыня», «Священный Огонь» и «Чехарда» (славянск. деревня), и «Облачные девы», «Ярило» (восход солнца), и «Засада» (Скифы), и «Предательница» (женщина впускает врагов в город ночью), и «Победители» (татары после битвы при Калке пируют на телах русских князей), «Тогда.» (из монастырской жизни), «Сборы» (красят ладьи перед походом), и «Заповедные хороводы» (славянские девушки ранним утром на свящ. холме), «Трубный звук» (передача красками грохочущих трубных фанфаров), «Охота», «Мёртвый царь» (Скифы носят мертвого царя по городам его). (ОР ГТГ, 44/140.)

Волки. 1900. Набросок композиции к одноимённой картине по мотивам баллады А.К. Толстого «**Волки**». 1 вариант.

Бумага, карандаш. 20,2 x 29,2 см.

Гос. музей-институт семьи Рерихов, СПб.

Волки. 1900. Набросок композиции к одноимённой картине по мотивам баллады А.К. Толстого «*Волки*». II вариант.
Лист: Бумага, карандаш. 20,2 x 29,2 см.; рисунок: 12,8 x 21,5 см.
Гос. музей-институт семьи Рерихов, Спб.

Волки. 1900.
Картон, масло. 39,5 x 62,5 см.
Государственный музей искусства народов Востока. Инв.№ 9346 II.

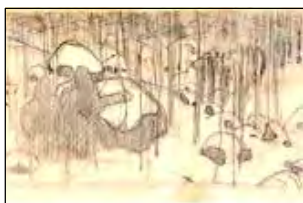
Вороны. 1900. Бумага, карандаш. 12,6 x 29 см. Лист: 17 x 33 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Вороны. 1900. Бумага, карандаш. 13 x 28,7 см. Размер листа: 17 x 33 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Домик в горах (Домик Сольвейг). 1900.
Картон, масло. 31x51 см.
Частное собрание Е.И. Величко. Москва.

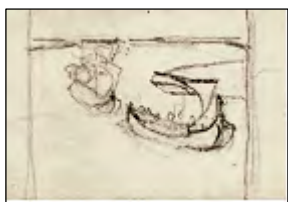
Ждут. 1900. Бумага, карандаш. 7,6 x 13 см.; размер листа: 11 x 13 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Ждут (охота). 1900. Бумага, карандаш, акварель. 21,5 x 50 см. Справа внизу подпись и дата: *Н. Рерихъ / 1900.*
Частное собрание.
(Картина продана 3.6.2013 на аукционе Christie's London)

Ждут. Сцена охоты. 1900.
Коричневая бумага, карандаш, белила. 13,5 x 27,3 см. Размер листа: 15,6 x 27,9 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Заморские гости. 1900.
Эскиз к картине. Бумага, карандаш.
8,3 x 10 см. Лист: 8,3 x 14,4 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

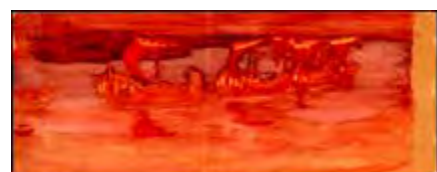
Заморские гости. 1900-е.
Частное собрание

Заморские гости. 1900. Эскиз. 1 вариант.
Бумага, акварель, тушь, гуашь. 11 x 13,2 см.
Слева внизу авт. подпись: **Н. Рерихъ**
Уфа, Башкирский республиканский художественный музей имени М.В. Нестерова.
Первоначально в собрании Е.И. Рерих

Из стольного города. 1900. Эскиз.
«Сочинил новый эскиз. Вещий баян – старик – с поводырём бредёт из стольного города по степи дорогою прямоезжею. Можно назвать «Из стольного города». (Из письма Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. от 8 июля 1900 г.)

Иноземные гости (Красные ладьи).
1900. Бумага на картоне, акварель, гуашь, пастель. 24,2 x 63,5 см.
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № Р-142

Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь. 1900. Холст, масло. 27 x 52 см.
Слева внизу графитным карандашом подпись: **Н. Рерихъ 1900 Paris.**
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № 1617.

«Поход Владимира на Корсунь» 1900.
Эскиз картины.
Бумага, гуашь, карандаш. 24,5 x 32,5 см.
Красноярский художественный музей им. Сурикова.

Курганное поле. 1900. Масло. Уничтожена. (Сок.)

Лучник. Воины. Начало 1900-х.
Заставки.
Бумага, тушь, перо, кисть. 11,7 x 8,2 см.
Государственный Русский музей. Инв. № Р-50501

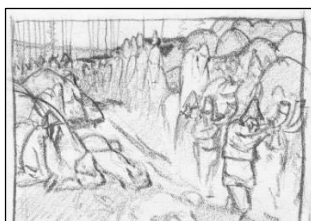
МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА. 1900. Париж.

Окно и рамы (Мастерская художника).
1900. Бумага, карандаш. 31,6 x 21,4 см.
Рисунок с надписью: *По правой стене следует стол, а затем ширма и постель.*
Альбом с наклеенными рисунками. Размер альбома 21,4 x 31,6 см.
Государственная Третьяковская галерея.
Арх. Гр -2383, л. 39.

Угол комнаты художника. Бумага, карандаш. 31,8 x 24 см.
Размер альбома 21,4 x 31,6 см.
Государственная Третьяковская галерея.
Арх. Гр -2383, л. 15.

Мёртвый царь. Эскиз. 1900.
Бумага, карандаш. 6,4 x 8,9 см.
Лист: 8,3 x 12 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Мужской портрет. 1900.
Бумага, карандаш. 30,5 x 22,9 см.
Слева внизу подпись и ниже дата: **Н.Рерихъ // Болотов 1900**
Государственный Русский музей. Инв. № Р-50518.

Облачные девы. 1900. Эскиз. Масло. (Эрнст)

Перед боем. Гуашь. 1900. Гуашь. (Сок.)

Подлипье. 1900. «Сегодня писал Подлипье...

Сейчас сажусь переписывать Подлипье вчера сделал небо слишком синим».

(Н.К. Рерих – Шапошниковой Е.И., 26-27 Июня 1900 г. СПб. ОР ГТГ, ф. 44/183, 4 л.)

Портрет Люси Лосской. 1900. [«Вечер воскресенья я провёл у Лосских; в Понедельник Люси Лосская была у меня – я начал портрет её, (Н.К. Рерих - Е.И. Шапошниковой от 22 ноября 1900 г. Париж ОР ГТГ, ф. 44/175, 2 л.) »]

Предательница. 1900. Эскиз. Бумага, акварель.

Первоначально в собр. Е.И. Рерих. (Эрнст).

[«Предательница» (женщина впускает врагов в город ночью)]

[«Предательница» - женщина впускает врагов в город. Кормон очень хвалил эту задачу. Я беру момент, когда она указала тайник, и враги один за другим пропадают в тёмной скважине, а сама предательница отошла несколько шагов от тайника, отвернулась и в напряжённой позе ждёт следствия своего поступка, но за стенами ещё спокойно, главка церковки молчит набатом и белые стены её не освещены ещё заревом.» ОР ГТГ, ф. 44/175, л. 2.]

План насыпи кургана и погребения.

Воскр. могильн. Новгородской губ. 1900.

Рисунок

У очага. [1900.]

Набросок композиции в полукруге
Бумага коричневая, карандаш графитный. Л.: 14,4 x 31,5 см.

Государственный Русский музей.

Инв. № Р-50522.

Священный очаг. 1900. Рисунок.

Бумага, карандаш. 15 x 11,5 см.

Горловский художественный музей, Украина. Инв. № гр- 282.

Первоначально в собрании. Е.И. Рерих.

«Завтра буду рисовать натурщицу для Священного очага, но хотя и следовало бы посадить для фигуры, но памятую обещание данное Тебе и порисую в костюме».

(Н.К. Рерих – Шапошниковой Е.И., 26-27 Июня 1900 г. СПб. ОР ГТГ, ф. 44/183, 4 л.)

Священный очаг. 1900.

Холст, масло. 94 x 135 см. Слева внизу монограмма: *НР*. Таганрогский художественный музей. Инв. Ж-261.

Приобретено в 1979 у И.А. Зачиняевой.

Соглядатаи. 1900.

Холст, масло. 79 x 189 см.

Слева внизу: N.Roehrich Paris 1900
Нижегородский художественный музей.

Инв. № Ж-22. (Дар автора в 1904 г.)

Соглядатай (Охотник). [1900.]

Набросок к картине «Соглядатаи».

Бумага, карандаш итальянский.

Л.: 27,4 x 33,2 см.

Государственный Русский музей.

Инв. № Р-46143.

Сцена из древней жизни. (Строят город). 1900. Беглый набросок.

Бумага, карандаш. 10 x 8,3 см.

Лист: 14,4 x 8,3 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Сцена из древней жизни. (Город строят). 1900. Набросок.

Бумага, карандаш. 8,2 x 11,5 см.

Лист: 8,2 x 13,9 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Этюд имения (Окуловка). 1900.

...Дописал этюд имения и подарил Герцогине. «Здесь, мол, ему не худо висеть». «Как Вы его оставляете?» «Да, Вам». «Это мило, но уж позвольте мне взять его в город, ему место в городе, а не в деревне». (Из письма Н.К. Рериха к Е. Шапошниковой. ОР ГТГ, ф. 44/211, 4 л.)

1901 г.

Возвращение с охоты. 1901. Набросок к картине *“Княжся охота. Вечер”*. Калька голубая, графит и цветной карандаш. Лист: 20,2 x 26,1 см. Государственный Русский музей. Инв. № Р-50525.

Ворон. 1901. Этюд для картины *“Зловещие”*. Бумага, гуашь. 52 x 42 см. Фрунзе, Государственный музей изобразительных искусств Киргизской ССР. (Сок.)

Вороны. 1901. Эскиз композиции для картины «Зловещие». Бумага серая, пастель. 50,5 x 30 см. На обратной стороне: **Ворон.** Левая часть той же композиции. Пастель. Государственная Третьяковская галерея. Инв. № Р-143. Дар в 1954 семье Б.К. Рериха через Ф.Г. Овчинникову

Вороны (Зловещие). Эскиз композиции. 1901. Бумага, карандаш графитный, акварель. Лист: 9,2 x 22,8 см. Государственный Русский музей. Инв. № Р-193.

Вороны. 1900-1901. Бумага серая, пастель, уголь. 55,7 x 22 см. Государственный Русский музей. Инв. № Р-1942

Город. Утро. 1901. Холст, масло. 66,5 x 210 см. Справа внизу дата и подпись: **1901 Н. Рерихъ** Саратовский государственный художественный музей имени А.И. Радищева. Инв. № 442.

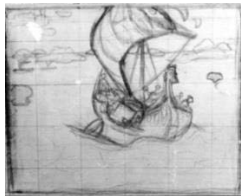
Ждут. 1901. Эскиз одноимённой картины. Бумага серая, уголь, мел. 25,7 x 44 см. Государственный Русский музей. Инв. № Р-55993.

Ждут. 1901. Эскиз. Холст, масло. 18, x 24,5. Музей-институт семьи Рерихов, СПб.

Ждут. 1901. Вариант. *Масло.* Уничтожена. (Сок.)

"Заморские гости". Эскиз к одноимённой картине (очерчено). 1901. *Бумага, карандаш графитный.* Лист.: 17,8 x 21 см. Государственный Русский музей. Инв. № Р-50504

Заморские гости. 1900-е. Эскиз одноимённой картины. *Бумага, серая, гуашь, тушь, перо, бронзовая краска.* 16,6 x 20,3 см. Государственный Русский музей. Инв. № Р-1940

Заморские гости. 1901. *Холст, масло.* 85 x 112,5 см. Государственная Третьяковская галерея. Инв. № Ж-494 В 1967 г. поступила из Музея-заповедника "Павловск".

Заморские гости. 1901. *Картон, темпера.* 46,5 x 63 см. Справа внизу подпись и дата: **Н. Рерихъ 1901.** Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск.

Заморские гости. 1901. Эскиз картины. *Масло.* (Сок.)

[Паруса и часовые украшения варяжских кораблей. Орнаменты. 1901 г. Зарисовки к картине «Заморские гости». *Бумага, карандаш.* 44,5 x 35,5 см. ГРМ, № Р-50540.]

Заморские гости. 1901. Вариант для открытки. *Гуашь.* (Частное собрание.) (Эрнст).
[Открытка Общины Св. Евгении. 1902 г.]

Зловещие. 1901. *Холст, масло.* 103 x 230 см. Слева внизу: **Н. Рерихъ.** Государственный Русский музей. Инв. № Ж-1958. Поступила в 1902 г. от автора.

Идолы. 1901. Рисунок Н.К. Рериха в письме к В.В. Стасову.

Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Россия. Санкт-Петербург

Идолы. 1901. Бумага на картоне, пастель. 42,6 x 27,5 см. Слева внизу авт. подпись и дата: **Н.Рерихъ. 1901 Paris.** Краснодарский краевой художественный музей им. Ф.А. Коваленко, Краснодар. Инв. № Ж-1187.

Идолы. 1901. Эскиз. Гуашь, картон. 49 x 58 см. Государственный Русский музей. Инв. № Ж-1961.

Идолы. 1901. Холст на картоне, масло. 33,5 x 40 см. Художественный музей имени М. В. Нестерова, Уфа.

Идолы (Языческое) 1901. Холст, масло 150 x 150 см. Местонахождение неизвестно. Первонач. в частном собр. СПб. (Эрнст)

Иноземные гости. Начало 1901 г. Холст, масло. 40,5 x 64 см. Государственный Русский музей. Инв. № Ж-1964. Поступила в 1920 г. из собр. А.Коровина

Камни. 1900-е. Этюд. (Ч/б. фото. Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44/1775, 1 л.)

Камни. 1901. Этюд для картины «Зловещие» (см.). *Бумага, гуашь. 14 x 30 см.*
Астраханская государственная картинная галерея имени П. М. Догадина, Инв.№ Ж-55.

Декоративное панно для столовой дома великой княгини Ольги Александровны в имении Рамонь Воронежской губернии:

Княжья охота. Утро. 1901. *Холст, масло. 121 x 350 см.* Слева внизу подпись: **Н. Рерихъ.** Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского, г. Воронеж. Инв. № 310-ж. Первоначально в собрании Е.И.В. Вел. Кн. Ольги Александровны, им. «Рамонь», Воронежской губ.

Княжья охота. Вечер. 1901. *Холст, масло. 121 x 350 см.* Слева внизу подпись: **Н. Рерихъ.** Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского, г. Воронеж. Инв. № 311-ж. Первоначально в собрании Е.И.В. Вел. Кн. Ольги Александровны, им. «Рамонь», Воронежской губ.

Княжья охота. Утро. (Вариант). 1901. *(Ч/б изображение)*

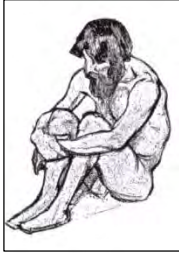
Княжья охота. Вечер. 1901. Эскиз картины. *Бумага, карандаш. 13,1 x 25,8 см.*
Государственный Русский музей, Инв. № Р-50502.

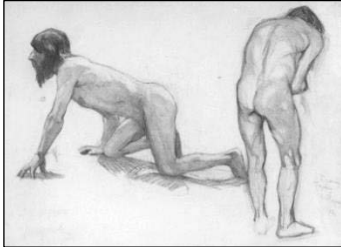
Ладья. 1901. *Бумага, пастель, гуашь. 27,6 x 27,4 см.*
Государственный Русский музей. Инв. № Р-1941

Натурщик. 1901. Рисунок.
Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва

Натурщик. 1901. Рисунок.

Натурщики. Две мужские обнажённые фигуры. 1901. Бумага, карандаш. 40 x 56 см. Справа внизу надпись: **Брату Борису / 1902**
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № Р-145

Натурщик. 1900-1901.
Бумага на картоне, уголь. 42 x 30 см.
Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.

Натурщица. 1900-1901.
Картон, уголь, пастель. 38 x 31 см.
Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.

Рассказ о Боге. 1901.

Крестьянин, сидящий на берегу реки. (Рассказ о Боге). Не датирована. [1900 г.]
Холст, масло. 32 x 32,3 см. Государственный Русский музей. Инв. № Ж-6437.
Поступила в 1956 г. от Л.С. Митусовой

Человек с рогом (Юноша, несущий рога каменного козла). 1901.

Бумага, уголь. 45,4 x 31,1 см.

Государственный Русский музей.

Инв. № Р-1944.

Череп. 1901. *Бумага, пастель. 70 x 50 см.*

Частное собрание. А.В. Смолянникова, Москва. (Сок.)

Первоначально в собрании Е.И. Рерих

(Эрнст)

Этюд (Вид из окна на Васильевском острове в СПб). 1901.

Холст, масло. 32.5 x 24.6 см. Справа внизу

надпись: **Брату Борису** ; ниже дата и год и

подпись: **22.III. 1904/ Н.Рерихъ**

Музей-усадьба Н.К. Рериха в Изваре.

Великая симфония жизни (Автобиография). Книга 3. НАЧАЛО ПУТИ

ЧАСТЬ 1. ВСТУПЛЕНИЕ НА ПУТЬ ИСКУССТВА.

Вместо предисловия 5

1898 год.

Хроника 8

Письмо Н. Рериха к Платонову С.Ф. (21.01.1898)

Письмо Н. Рериха к Платонову С.Ф. (08.04.1898)..... 9

Письмо В. В. Стасова к Рериху Н.К. (23.06. 1898)..... 12

«Раскопка 1898 г. при деревне Глумицы Царскосельского уезда...» 14

Письмо Н.К. Рериха к Покровскому Н.В. (Сентябрь 1898) 19

Хроника (Сентябрь 1898 г.) 22

«Искусство и археология» (Вступит. лекция по предмету) 23

Художественная техника в применении к археологии

(Лекции, читанные в СПб археологическом институте в 1898/99 г.) 45

Н.К. Рерих «НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. I.» (1 октября 1898.) 72

Н.К. Рерих «По поводу народной выставки в конногвардейском манеже»..... 80

Н.К. Рерих «НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. II.» (10 ноября 1898.) 83

Н.К. Рерих «На раскопке в Водской пятине» (1898 г.)..... 90

Н.К. Рерих «НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. III.» (16 декабря 1898.) 105

1899 г.

Н.К. Рерих «НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. IV» (4 февраля 1899.)..... 115

Хроника (Февраль - апрель 1899 г.) 126

Р. Изгой «ВЫСТАВКА КАРТИН В.М. ВАСНЕЦОВА» 128

Хроника. 131

М. Далькевич. «Выставка Петербургского Общества художников и

Весенняя выставка в Академии художеств» 136

Н.К. Рерих «Собрание по художественно-литографскому искусству...» 138

Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К. 140

Н.К. Рерих «Экскурсия археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии. 143

Н.К. Рерих «ПО ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ» (1899)..... 155

Послание (грамота) Н.К. Рериха – Беклемишеву В.А..... 167

Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К. (16 июля 1899 г.)	171
Н.К. Рерих «НЕХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ НАШИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАГАЗИНОВ»	172
Н.К. Рерих «В Совет Санкт-Петербургского археологического института»	177
Письмо Герцога Н. Н. Лейхтенбергского к великому князю Константину Константиновичу (7 сентября 1899 г.)	178
Н.К. Рерих «Отчёт по командировке комиссией для исследования древностей при деревне Дубня Порховского уезда Псковской губернии». (1899)	179
Н.К. Рерих «НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНОСТИ ШЕЛОНСКОЙ ПЯТИНЫ И БЕЖЕЦКОГО КОНЦА»	181
Из дневника Н.К. Рериха (19 сент. – 31 дек. 1899 г. ОР ГТГ, ф. 44/13, 6 л.)	204

1900 г.

ЧАСТЬ 2. СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА.

Пролог	208
«Память о давно прошедших годах...»	210
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (3 января 1900 г.)	218
Н.К. Рерих «ИКОННЫЙ ТЕРЕМ» (14 января 1900 г.)	219
Хроника (Февраль 1900 г.)	225
Археологическая карта С.-Петербургской губернии	226
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (10 февраля 1899 г.)	229
Открытие Выставки картин в Императорской Академии художеств. (18.02.1899)	231
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Весна 1900 г.)	235
Новое художественное объединение «Мир искусства» (10 марта 1900 г.)	236
Письмо Ник. Влад. Мятлева к Рериху Н.К. (18 марта 1900 г.)	238
Н.К. Рерих «ХУДОЖНИКИ (СТАРЫЕ РАЗГОВОРЫ)» (21 марта 1900 г.)	241
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (30 марта 1900 г.)	246
Художественная хроника (Апрель 1900 г.)	247
Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К. (22 апреля 1900 г.)	248
А.К. Толстой «Волки»	252
Хроника (Май 1900 г.)	254
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (25 мая 1900 г.)	259
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (27-28 мая 1900 г.)	264
Сёстры Шнейдер (Май 1900 г.)	266
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (27-28 мая 1900 г.)	268
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (2 июня 1900 г.)	270
Хроника (Июнь 1900 г.) <i>Анатолий Половцов</i> «Вокруг и около раскопок. Весенние археологические картинки»	271
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (19 июня 1900 г.)	274
Письмо Н.К. Рериха к Половцову А.В. (19 июня 1900 г.)	275
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (20 июня 1900 г.)	277
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (21 июня 1900 г.)	278
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (22-23 июня 1900 г.)	279
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (24 июня 1900 г.)	281
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (25 июня 1900 г.)	282
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (26-27 июня 1900 г.)	283
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (27-28 июня 1900 г.)	284
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. ([29]Июнь 1900 г.)	287
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (7 июля 1900 г.)	289
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (8 июля 1900 г.)	291
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (9-10 июля 1900 г.)	293
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (12 июля 1900 г.)	294
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (13 июля 1900 г.)	295
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (15 июля 1900 г.)	297

Н. Рерих «ВЕРА В СЕБЯ» (рассказ)	298
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (16 июля 1900 г.)	300
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (27 июля 1900 г.)	301
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (29 июля 1900 г.)	302
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (30 июля 1900 г.)	303
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (1 августа 1900 г.)	304
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (4 августа 1900 г.)	305
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (5-7 августа 1900 г.)	307
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (6-7 августа 1900 г.)	308
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (8 августа 1900 г.)	309
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (22 августа 1900 г.)	310
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (24 августа 1900 г.)	311
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (25-26 августа 1900 г.)	313
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (26 августа 1900 г.)	314
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (27 августа 1900 г.)	315
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (28 августа 1900 г.)	315
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (29-30 августа 1900 г.)	316
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В. (4 сентября 1900 г.)	318
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (4 сентября 1900 г.)	319
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (5-6 сентября 1900 г.)	320
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (16 сентября 1900 г.)	321
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (17 сентября 1900 г.)	322
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (18 сентября 1900 г.)	324
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (3-4 октября 1900 г.)	325
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (5 октября 1900 г.)	328
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (6 октября 1900 г.)	329
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (7 октября 1900 г.)	330
На Всемирной Парижской выставке 1900 г.	333
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (25 сент./8 окт. 1900 г.)	334
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (26 сент./9 окт. 1900 г.)	334
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (26 сент./9 окт. 1900 г.)	335
Письмо Н.К. Рериха к Рерих М.В. (28 сент./11 окт. 1900 г.)	338

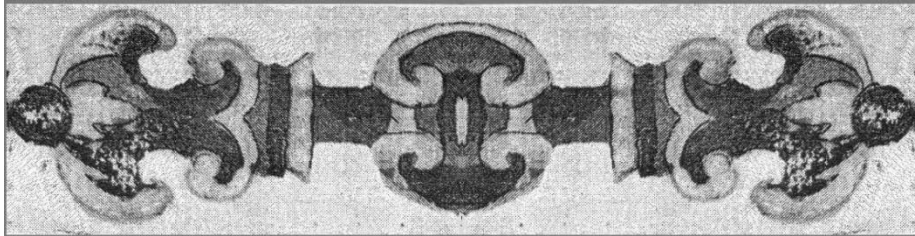
ПАРИЖ

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (29 сент./12 окт. 1900 г.)	341
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (12 окт. / 29 сент. 1900 г.)	341
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (30 сент./13 окт. 1900 г.)	343
Сергей Дягилев «Русские художники на всемирной выставке» (1окт. 1900)	344
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (5 окт. ст.ст. 1900 г.)	346
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (12 окт. ст.ст. 1900 г.)	347
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (13 окт. ст.ст. [1900 г.])	348
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (15 окт. ст.ст. 1900 г.)	349
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (17 окт. ст.ст. 1900 г.)	349
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (18-19 окт. ст.ст. 1900 г.)	350
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Октябрь 1900 г.)	353
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (20 окт. ст.ст. 1900 г.)	354
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В. В. (20 окт. ст.ст. 1900 г.)	355
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (4-5 ноября 1900 г.)	357
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (10/22 ноября. нов.ст. 1900 г.)	359
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Ноябрь 1900 г.)	360
Письмо [Леона Антокольского] к Н.К. Рериху (19 ноября 1900 г.)	362
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Ноябрь 1900 г.)	363
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Ноябрь 1900 г.)	364
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (Ноябрь-декабрь 1900 г.)	365

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (Декабрь 1900 г.)	367
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Екатерине Васильевне (3 декабря 1900 г.) ...	368
Н.К. Рерих «КОРМОН»(из воспоминаний)	369
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу [Декабрь 1900 г. Париж]...	371
Письмо Н.К. Рериха в редакцию «России». (2 / 15 декабря 1900 г. Париж).....	373
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Екатерине Васильевне (3 декабря 1900 г.)...	374
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (3-4 декабря 1900 г.).....	375
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (4/17 декабря 1900 г.).....	377
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (7-8/20-21 декабря 1900 г.).....	378
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (10/23 декабря 1900 г.).....	380
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (23 ст.ст. декабря 1900 г.)	381
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (29 декабря 1900 г.).....	381
Н.К. Рерих «К древностям Валдайским и Водским»	382

1901 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (3 января 1901 г.).....	388
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В. ([13]января 1900 г.).....	388
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (9/21 января 1901 г.).....	392
Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К. (22 января 1901 г.)	393
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Январь 1901 г.).....	395
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Начало февраля 1901 г.).....	397
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Март 1901 г.)	398
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Март-апрель 1901 г.)	400
Н.К. Рерих «К ПРИРОДЕ» (7 апреля 1901 г.)	405
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В. (17 апреля 1901 г.)	410
Н.К. Рерих «ПАРИЖСКИЕ САЛОНЫ 1901 г. (30 апреля 1901 г.)	411
Возвращение. На пороге новой жизни. Хроника (Май 1901 г.)	418
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (Июнь 1901 г.).....	419
Н.К. Рерих «ЗАБОТЫ О СТАРИНЕ» (11 июня 1901 г.)	420
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (2 июля 1901 г.).....	422
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (3 июля 1901 г.).....	423
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (12 июля 1901 г.).....	425
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (14 июля 1901 г.).....	426
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (17 июля 1901 г.).....	427
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (19 июля 1901 г.).....	427
Н.К. Рерих «ЗА РУССКОЕ ДЕЛО» (25 июля 1901 г.)	428
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (10 августа 1901 г.).....	430
Ив. Лазаревский «О поощрении искусств»	431
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И. (август 1901 г.)	432
Н.К. Рерих «СТАРЫЙ НАПЕВ» (Новое время. 3 ноября 1901 г.)	437
Хроника (Сентябрь 1901 г.)	440
Н.К. Рерих «НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЕЧЕНИЯ» (Октябрь 1901 г.)	442
Извещение о бракосочетании Н.К. Рериха и Шапошниковой Е.И. (28 окт. 1901 г.) ..	447
Н.К. Рерих «ХОРОШЕЕ ДЕЛО» (7 декабря 1901 г.)	449
Ив. Лазаревский «Николай Константинович Рерих» («Новый мир». 1901.)	451
Библиография	456
Список иллюстраций	457
Каталог картин Н.К. Рериха (1898 – 1901 гг.)	460
Содержание	479

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ ОТПЕЧАТАНО В 14 ЭКЗЕМПЛЯРАХ

№ 14

Экз. 14.